

Пол АНДЕРСОН

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Пол АНДЕРСОН

2

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Пол Андерсон

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

Пол АНДЕРСОН

ТОМ
2

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

"ФАБУЛА"
1993

Серия
«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 г.

Включает в себя лучшие произведения наиболее известных и популярных писателей-фантастов США.

Андерсон П.
А64 **Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2/Пер. с англ. — М.: ПОО «Фабула», 1993. — 464 с. (Сер. «Мастера американской фантастики»).**
ISBN 5-86090-165-8

Во втором томе помещены две научно-фантастических трилогии «Звездный торговец» и «Возмутители спокойствия», а также научно-фантастический роман «Мир Сатаны». Все эти произведения входят в состав сериала «Политехническая Лига».

Увлекательные приключения звездных торговцев происходят в далеких мирах, заселенных необычайными разумными существами. Звездные торговцы не пытаются завоевать эти цивилизации, наоборот, все их стремления направлены на сохранение мира — ибо только в устойчивом обществе, основанном на компромиссах, на разрешении, казалось бы, непримиримых интересов различных рас, возможен мир, процветание, прогресс и... конечно, эффективная торговля.

Все произведения второго тома объединены общими главными героями и размещены в хронологической последовательности происходящих в них событий.

4804010000 — Без объявл.

ББК 84.4/8

ISBN 5-86090-165-8

© ПОО «Фабула», 1993
© Оформление, рисунки. П. Храмцов. 1993

ТРИЛОГИЯ

Звёздный торговец

УБЕЖИЩЕ

Повесть

1

Капитан Бохадур Терранс воспринял сообщение как и подобает мастеру Ложи объединенного братства космонавтов. Он выслушал его, задав лишь несколько уточняющих вопросов, и затем спокойно сказал:

— Хорошо, Ямамура. Пожалуйста, продолжайте наблюдать. Я думаю, что следить необходимо.

Но когда дежурный инженер покинул его каюту — известие было из числа тех, что не рекомендуется передавать по интеркому, — он, сделав большой глоток виски, сел и уставился на усыпанный звездами экран.

Капитан совершил немало далеких путешествий, многое повидал, но, несмотря на свое быстрое продвижение по службе и непростой жизненный путь, он был еще достаточно молод, чтобы почувствовать холод смерти, выслушав свой смертный приговор.

На экране светило такое множество холодных звезд, что только астроном мог бы распознать некоторые из них. Терранс разглядывал Млечный Путь, пока не отыскал Полярную Звезду. Валгалла находилась где-то в том направлении. Он, конечно, не мог разглядеть Солнце, звезду типа «Ж»: на таком расстоянии без мощных оптических инструментов, гораздо более сильных, чем имеющиеся на борту «Гебы», это было просто невозможно. Но он чувствовал определенное удовлетворение, сознавая, что его взгляд направлен в сторону ближайшей базы Лиги в этой почти неисследованной области галактического рукава. Там дома, на Фрейе, — корабли, люди в уютной зеленой долине.

Корабль вибрировал, перемещаясь в четырехмерном пространст-

ве на квазискорости, намного превышающей скорость света и тем не менее недостаточной... чтобы его спасти.

— Что ж... обязанность капитанов — в первую очередь думать о других. — Терранс вздохнул и встал.

Некоторое время он изучал свой внешний вид — моральное состояние коллектива всегда крайне важно, тем более теперь. Повседневному серому корабельному мундиру он предпочитал парадную форму: синий китель и брюки с золотым шнуром. Как житель планеты Рамамунджан, он носил тюрбан, заколотый пряжкой с эмблемой Политехнической лиги: корабль и солнечный луч.

Он прошел по коридору к каюте хозяина. Оттуда как раз выходил стюард, державший поднос. Терранс сделал знак, чтобы тот оставил дверь открытой, вошел и, щелкнув каблуками, поклонился.

— Прошу прощения за вторжение, сэр, — сказал он. — Могу ли я поговорить с вами? Весьма срочное дело!

Николас ван Рийн поднял двухлитровую кружку, только что принесенную стюардом. Несколько его подбородков содрогнулись под эспаньолкой, когда он сделал четыре шумных глотка, казалось, заполнивших звуком всю каюту — от стола, заваленного бумагами, до драгоценного гобелена бразильского производства, висевшего на противоположной стене. Что-то похожее на Моцарта струилось из магнитофона. Светлоглазая, светловолосая и чуть ли не в три раза моложе ван Рийна, развалившегося в кресле, на кушетке свернулась Джерри Короед. Терранс, который был женат, но давно не появлялся дома, заставил себя смотреть только на торговца.

— Ах! — ван Рийн со стуком опустил кружку на стол и вытер пену с усов. — Клянусь чумой и сифилисом, первая кружка в начале дня особенно хороша. Она так же холодна и приятна, как... гм-м... черт побери, какое слово мне нужно? — Он ударил себя по лбу волосатым кулаком. — С каждой неделей я все больше тупею. Ах, Терранс, когда вы станете бедным и одиноким, старым и толстым и вся ваша сила оставит вас, вы оглянетесь назад и вспомните меня, и вы пожалеете о том, что были так суровы ко мне. Но будет слишком поздно. — Он вздохнул и почесал косматую грудь. В близкой к тропической температуре, которую торговец заставлял поддерживать у себя в каюте, он нуждался лишь в саронге — набедренной повязке — на своем могучем теле. — Ну, какие там глупости заставляют вас отрывать меня от дела?

Тон его был добродушным. Он и в самом деле постоянно находился в хорошем настроении с тех пор, как они, спаслись от аддеркопов. Как было не радоваться? Для рядовой космической яхты, даже оборудованной сверхмощными механизмами, уйти от трех крейсеров было не просто удачей, а чудом. Ван Рийн все еще держал четыре зажженные свечи перед статуэткой святого Дисмаса. Правда, он швырял посуду в стюарда, если тот, по его мнению, слишком поздно приносил выпивку, и ежедневно разносил кого-нибудь на корабле, но все это было для него нормой.

Джерри Короед подняла бровки.

— Твое первое пиво, Николас? — промурлыкала она. — В самом деле? Два часа назад...

— Да, но это было до полуночи. Если не по Гринвичу, то на какой-нибудь планете уже была бы полночь. Значит, начался новый день. — Ван Рийн взял со стола свою длинную трубку и принялся ее раскуривать. — Ладно, садитесь, капитан Терранс, устраивайтесь поудобнее. Вы как будто начинены динамитом, вам не хватает выдержки. Когда я был космонавтом, мы сами решали свои проблемы. А теперь, гром и молния, приходите вы и просите вытереть вам нос. Нужно иметь твердый характер. — Он похлопал себя по животу. — Итак, что же случилось?

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, сэр.

Терранс видел, как побледнела Джерри. Она не была трусихой — отдаленные планеты, такие как Фрейя, почти не порождали людей подобного типа. Она согласилась участвовать в этом рейсе, хотя знала, что путешествие будет опасным. Возможно, она пошла на это ради того, чтобы совершить путешествие вместе с одним из торговых принцев компании «Солнечные пряности и напитки», самой могущественной в Политехнической лиге. Такая возможность сулила слишком много, чтобы честолюбивая девушка добровольно отказалась от нее. Она отлично держалась во время стычки и последующего бегства, хотя смерть не раз была рядом. Но они все еще находились далеко от ее планеты, среди неизведанных звезд, и враги продолжали охотиться за ними.

— Ступай в спальню, — сказал ей ван Рийн.

— Пожалуйста, не надо, — прошптала она. — Я хочу знать правду.

Маленькие черные глаза ван Рийна, посаженные близко к носу, вспыхнули.

— Грязь и параша! — взревел он. — Что за чудовищный бред! Когда я приказываю прыгать, каждая лягушка обязана прыгать!

Джерри в негодовании вскочила на ноги. Не вставая, ван Рийн шлепнул ее по соответствующему месту, раздавшийся звук прозвучал как пистолетный выстрел. Она открыла рот, подавившись возмущенным криком, и выскочила в соседнюю комнату. Ван Рийн знаком поздравил стюарда.

— Потребуется еще пиво, — сказал он Террансу. — Ну ладно, не стойте, делая безумные глаза! У меня нет времени на глупости, даже если вы мне заплатите. Я должен пересмотреть ценники на перец и мускатный орех для Фрейи, прежде чем мы туда прибудем. Ад и дьявол! Этот идиот мог получить на планете на десять процентов прибыли больше, не меняя объема торговли! Черт бы его побрал! О, добрые духи, услышите меня и помогите бедному старому человеку управиться с делами, когда у него в помощниках идиоты с овсянкой вместо мозгов!

Терранс с большим трудом сдержался.

— Сэр, я получил доклад Ямамуры. Вам не сообщали, что во время стычки в наш корабль попали. Снаряд разорвался вблизи машинного отделения. Конвертер оказался неповрежденным, однако после того как брешь заделали, инженеры решили его проверить. Выяснилось, что перегорело больше половины цепей генератора инфразащиты. Мы можем заменить лишь немногие из них, и если будем продолжать двигаться на квазискорости, весь конвертер сгорит за пять часов.

— Ах, та-а-ак... — Ван Рийн сразу стал серьезным. Щелчок зажигалки, когда он принялся прикуривать, показался Террансу необычно громким. — А нельзя ли остановить конвертер для починки? В гиперпространстве мы будем слишком маленьким объектом, и никаким вонючим аддеркопам нас не обнаружить. Ну как?

— Нет, сэр. Я уже сообщил, что у нас нет запасных частей. Это яхта, а не военный корабль.

— Но мы должны продолжать движение в гиперпространстве! На какой скорости мы можем двигаться, чтобы оказаться в пределах слышимости Фрейи, прежде чем наша машина взорвется?

— Одна десятая полной скорости. Потребуется шесть месяцев.

— Нет, дорогой капитан, это слишком долго. Так мы никогда не достигнем Валгаллы, аддеркопы отыщут нас.

— Я тоже так считаю. К тому же у нас на борту не хватит запасов продовольствия на шесть месяцев пути. — Терранс глянул на стол. — Мне кажется, мы можем направиться к одной из ближайших звезд. Правда, там вряд ли отыщется планета с индустриальной цивилизацией, которая помогла бы нам отремонтировать конвертер. Но, в конце концов, пригодная к обитанию планета там может найтись.

— Нет! — Ван Рийн так энергично затряс головой, что его черные лоснящиеся локоны закрутились на плечах. — Чтобы столько мужчин с одной женщиной провели всю жизнь на какой-то мусорной свалке, где нет ни одной виноградной лозы!.. Предпочитаю получить снаряд аддеркопов и погибнуть как джентльмен, черт побери!

Появился стюард.

— Вы что, заснули?! Пива, и пусть Господь Бог проклянет вас! Я должен подумать, а как думать, если мой рот пересох, как пустыня в летнюю жару?!

Терранс тщательно подбирал слова. Нужно было напомнить ван Рийну, что в Космосе хозяин один — капитан. Ему принадлежит решающее слово. И, однако, старому дьяволу не стоило противоречить: никто лучше него не умел выпутаться из любых передрыг.

— Я готов обсудить любое предложение, сэр, но не могу взять на себя ответственность, подвергая корабль риску вражеской атаки.

Ван Рийн встал и заходил по комнате, извергая непристойности и вулканические голубые облака дыма. Проходя мимо ниши со святым Дисмасом, он скинул свечи на пол. Казалось, что в нем

нажали на какой-то спусковой крючок. Он вернулся к капитану и заявил:

— Да! Индустриальная цивилизация, может, существует и там. Не одни паразиты аддеркопы бродят в этом секторе пространства. Мы здесь можем встретить даже другой корабль! Нет? Передайте Ямамуре, пусть повысит чувствительность нашего детектора так, чтобы он мог уловить трепыхание крыльев комара в моей конторе в Джакарте на Земле. Затем мы пойдем требуемым курсом и будем вести поиски на меньшей скорости.

— А если мы встретим корабль? Он может оказаться вражеским, вы это понимаете?

— Тогда мы его захватим.

— В любом случае, сэр, мы теряем время. Преследователи отыщут нас, если мы будем двигаться по поисковой спирали. В особенности, если мы начнем гоняться за экипажами нелюдей, которые никогда не слышали о человеческой расе.

— Мы займемся и этим, если потребуется. А у вас есть более надежный план?

— Ну... — Терранс замялся.

Вошел стюард с кружкой свежего пива. Ван Рийн выхлебал его.

— Думаю, вы правы, сэр, — проговорил Терранс. — Я пойду и...

— Девственно! — проревел ван Рийн.

— Что? — вздрогнул Терранс.

— Девственное! Вот то слово, что я искал. Первое пиво приятно, как девственность, идиот!

2

В дверь каюты позвонили. Терранс вздохнул. Он надеялся немного поспать. Ему пришлось провести на вахте столько часов, что он затруднялся их сосчитать. Но когда корабль плутает во тьме в поисках какого-нибудь другого корабля, который случайно мог оказаться в этом районе, в то время как охотники на тебя самого бродят где-то поблизости...

— Войдите.

Это была Джерри Короед. Терранс глотнул воздух, вскочил на ноги и поклонился.

— Миледи! Что... как... какой сюрприз! Я могу чем-нибудь быть вам полезен?

— Пожалуйста. — Она взяла его за руку. Ее платье мерцало и было невероятно коротким. — Ван Рийн никак не признается. (Но взгляд Джерри сказал Террансу, что все объяснения надуманны.) — Я пришла к вам, капитан, и если у вас есть чувство жалости, вы выслушаете меня.

Он указал ей на кресло, предложил сигарету и закурил сам.

Сделав несколько затяжек, он немного успокоился и присел напротив Джерри.

— Если я смогу быть чем-нибудь полезен, миледи Короед, я буду счастлив. Гм-м... фримен ван Рийн...

— Он спит. Но он ни в чем не может упрекнуть меня.. Я не подписывала контракт или что-нибудь в этом роде. — Ее раздражение выразилось в сухой усмешке. — О, я согласна, мы все его служащие — как формально, так и по существу, и я не противлюсь его желаниям. Просто он не захотел ответить на мой вопрос, а если я не узнаю правду, я начну визжать.

Терранс взвесил доводы за и против. Информация, полученная лично, несколько более подробная, чем та, которую получил экипаж, ее, возможно, действительно чуточку успокоит.

— Как хотите, фриледди, — сказал он и рассказал, что случилось с конвертером. — Мы не можем сами исправить его, — объяснил он. — Если мы не перестанем двигаться на полной скорости, конвертер расплавится еще до прибытия на Валгаллу. Тогда мы, лишившись энергии, окажемся обреченными на верную смерть. Но если мы будем двигаться медленнее, что сохранит нам конвертер, то до Валгаллы мы будем добираться полгода, а у нас нет достаточных припасов для столь долгого путешествия. К тому же аддеркопы, несомненно, сумеют выследить нас через одну-две недели.

Она вздрогнула.

— Почему? Я не понимаю. — Она некоторое время смотрела на кончик своей сигареты, пока к ней не вернулось спокойствие, а вместе с ним и чувство юмора.

— Капитан, я — лишенная наивности девушка с Фрейи. Я умею считаться с фактами. Но вы лучше меня знаете, что Фрейя — отдаленная планета, находящаяся на окраине человеческой цивилизации. У нас нет никаких космических средств связи; кроме торговых рейсов кораблей Лиги, а они никогда надолго не задерживаются в порту. Я, в сущности, ничего не знаю о принципах ведения войны и политических интригах. Никто не объяснил мне, что наше путешествие является чем-то большим, нежели простой разведывательной экспедицией, но я никого и не спрашивала. Почему аддеркопы так встревожены и пытаются нас поймать?

Терранс попытался представить себе общую картину, прежде чем ответить. Будучи космонавтом Лиги, он вынужден был сделать над собой определенное усилие, чтобы осознать, как мало значат для колонистов их враги. Слово «аддеркопы» было фрейанским, это было презрительное название поставленных вне закона и изгнанных с планеты около ста лет назад колонистов. С тех пор, однако, фрейанцы никогда не встречались с ними и никак не контактировали. Уйдя в глубины Космоса, где-то за Валгаллой, беженцы осели на какой-то никому не известной планете. Через некоторое время число их сильно возросло, увеличилось и количество их военных кораблей. Но Фрейя по-прежнему была слишком сильна для них, и они не осмеливались

напасть на эту планету. К тому же у Фрейи не было никаких интересов и предприятий на других планетах, что не давало ей повода для беспокойства за свои космические корабли.

Терранс решил подробнее описать ситуацию, даже если придется повторить некоторые общеизвестные факты.

— Что же, — сказал он. — Аддеркопы неглупы. Кто-то информирует их обо всем происходящем. Они узнали, что Политехническая лига решила начать торговые операции в этом районе космоса. Такое положение их не устраивает, так как это положит конец их грабительским набегам на планеты в этом секторе, выжиманию дани и жульнической торговле. Конечно, Лига — не компания святых, мы боремся с ними потому, что пиратство наносит ущерб нашей торговле. Аддеркопы решили не объявлять нам открытой войны, а нападать на передовые посты, чтобы вынудить нас отказаться от своих планов. У них преимущество в знании давно обжитого ими сектора космоса. И мы уже были на грани того, чтобы поставить крест на этом участке пространства и попытаться счастья в других местах. Фримен ван Рийн решил предпринять последнюю попытку. Противодействие этому оказалось настолько велико, что он был вынужден сам возглавить экспедицию.

Полагаю, вы представляете, как он действует. Используя свое изощреннейшее искусство подкупа и обмана, он собрал всю, даже самую незначительную информацию, которой обладали пленники Лиги, и сопоставил факты. В результате мы получили ключ к недоступному ранее участку. Мы прибыли туда, нащупали нейтринный поток и, следуя по нему, обнаружили колонизованную людьми планету. Как вы, вероятно, знаете, это оказалась планета аддеркопов.

Если мы доставим Лиге информацию обо всем увиденном, враждебные действия аддеркопов удастся пресечь. Лига может послать к их планете несколько военных кораблей звездного класса и пригрозить бомбардировкой. Они, понимая это, постарались нас обнаружить, несколько боевых крейсеров пытались окружить нас, но все-таки нам удалось от них ускользнуть. Они владеют кораблями устаревшей конструкции, поэтому мы смогли оставить преследователей далеко позади. Но я уверен, что они продолжают нас искать. Весь их флот сейчас находится в поиске. Наш корабль постоянно создает возмущения гравипространства, которые можно обнаружить на расстоянии до светового года. Поэтому, если аддеркопы засекут эти возмущения и по ним определят наше местонахождение, нам конец.

Джерри глубоко затянулась, но внешне оставалась спокойной.

— Каковы ваши планы?

— Контрманевр. Вместо того чтобы пытаться достичь Фрейи, мы предприняли спиральный поиск на средней скорости, увеличили максимально чувствительность наших детекторов. И если мы обнаружим чужой корабль, то используем все возможности нашей машины, чтобы догнать его. Если это окажется враждебный нам корабль — что ж, у нас имеются лазерные пушки в орудийных

башнях: мы попытаемся захватить его или уничтожить. Может случиться, что это будет корабль негуманоидов. Доклады ученых, сообщения обсерваторий, сведения пленников говорят о наличии в этом районе трех или четырех различных рас, овладевших секретом передвижения в гиперпространстве. Аддеркопы сами не очень хорошо о них осведомлены. Космос чертовски велик.

— И если корабль окажется негуманоидным?

— Будем действовать по обстоятельствам.

— Понятно. — Она кивнула, посидела молча и улыбнулась ему. — Спасибо, капитан. Вы настоящий друг. Вы не представляете себе, как помогли мне.

Терранс сдержал глуповатую ухмылку.

— Я счастлив, фриледы.

— Я направляюсь с вами на Землю. Вы об этом знаете? Фримен ван Рийн обещал мне там хорошую работу.

«Он всегда обещает», — подумал Терранс.

Джерри придвинулась к нему.

— Я надеюсь, на пути к Земле мы познакомимся с вами поближе, капитан. Или даже прямо сейчас...

В этот момент прозвучал сигнал тревоги.

«Геба» была яхтой, а не пиратским фрегатом, однако, когда на ее борту находился ван Рийн, это различие почти исчезало. Яхта двигалась быстрее многих военных кораблей, она располагала детекторами повышенной чувствительности, а ее экипаж был хорошо знаком с тактикой погони.

«Геба» была способна уловить гиперэмиссию другого корабля задолго до того, как ее собственная вибрация могла быть обнаружена. Оставаясь невидимкой, она скорректировала траекторию, установила верный курс и, используя всю мощность своих двигателей, устремилась в погоню за обнаруженным кораблем. Если бы чужой корабль сохранил собственную квазискорость, то встреча состоялась бы через три-четыре часа. Но корабль незнакомцев предпринял попытку уйти. «Геба», соответственно, изменила курс и продолжала догонять свою медлительную добычу.

— Они боятся нас, — сказал Терранс. — И направились отнюдь не в сторону планеты аддеркопов. Оба эти факта свидетельствуют, что они не аддеркопы и у них есть причины бояться чужаков. — Он угрюмо покачал головой, так как во время предыдущих полетов ему приходилось посещать планеты, подвергшиеся налету космических пиратов.

Видя, что преследователь сокращает дистанцию, преследуемые вышли из гиперпространства. Их конвертер уменьшил подачу энергии до минимума, скорость упала ниже световой, и чужой корабль превратился в крошечную точку в бесконечном пространстве. Случалось, что этот маневр помогал: преследователь, потратив

некоторое время на тщетные поиски, отправлялся своей дорогой. «Геба», однако, была готова к маневру. Знание сверхсветового вектора с координатами выхода из гиперпространства дало ее компьютерам возможность точно определить местонахождение добычи. Яхта двинулась в этот участок и прочесала его, время от времени возвращаясь в обычное пространство, чтобы попытаться уловить нейтринное излучение, которое производит любой атомный двигатель. Правда, излучение атомного двигателя похоже на нейтринное излучение звезд, но благодаря статистическому анализу компьютеры обычно точно выделяли его. И на этот раз местонахождение корабля было установлено довольно быстро. Яхта двинулась туда... и вот вокруг нее вновь сверкающее небо, а на обзорных экранах вырисовывается корпус чужого корабля.

Он в несколько раз превосходил «Гебу» размерами и по форме напоминал цилиндр с тупо закругленным носом, массивными конусами двигателей, многочисленными нишами для вспомогательных шлюпок и единственной оружейной башней. Физические законы обуславливали то, что конструкции всех межзвездных кораблей были близки, однако любой космонавт с первого взгляда определил бы, что этот корабль построен технически не очень развитой цивилизацией.

Сверкнул огонь. Даже несмотря на автоматическое затемнение экрана, Терранс был ослеплен. Приборы показывали, что чужак выстрелил в них, но роботомониторы «Гебы» перехватили снаряд ракетами. Нападение было на удивление слабым: чужак оказался не военным кораблем. Он так же проигрывал по сравнению с яхтой, как сама она по сравнению с боевым крейсером аддеркопов.

— Прекрасно, теперь после этой глупости мы сможем их спокойно обработать, — сказал ван Рийн. — Вызовите их по телекому и найдите общий язык. Быстрее! Объясните, что мы не причиним им вреда, что мы хотим попасть на Валгаллу. — Он немного поколебался и добавил: — Мы можем им хорошо заплатить.

— Возможно, возникнут трудности, — сказал Терранс. — Наш корабль построен людьми, а из людей они, вероятно, встречали только аддеркопов.

— Что ж, если потребуется, мы сможем взять их на бордаж и заставить отвезти нас! Торопитесь, ради Сатаны! Если мы будем медлить, как проклятые сони, то нас поймают!

Терранс хотел сказать, что сейчас они в безопасности: аддеркопы были далеко позади быстрейшего из земных кораблей. Те не подозревали, что яхта вышла из гиперпространства, а когда поймут это, у них не будет ни малейшего представления о том, где же ее искать. Но потом Терранс сообразил, что не все так просто. Если переговоры с чужаком затянутся надолго, например, на неделю, — корабли аддеркопов прочешут этот район и станут их караулить. Они не прекратят поиск, по крайней мере, в течение месяца, а к тому времени на «Гебе» начнет ощущаться нехватка продовольствия. И когда яхта будет вынуждена перейти в гиперпространство, ее

Между главным шлюзом яхты и отверстием, прорезанным в корпусе чужака, был проложен туннель. Через него накачали воздух и провели освещение. Манипулируя гравитационными генераторами, Ямамура установил на чужом корабле силу тяжести величиной примерно в одну четверть земной, но при этом ему не удалось придать кораблю «горизонтальное» положение: палубы кораблей были наклонены под разными углами.

Даже в условиях пониженной силы тяжести ван Рийн двигался неуклюже. Он остановился с салями, зажатой в одной руке, и сырой луковицей — в другой, и стал рассматривать добычу. Вероятно, здесь находилась рубка управления, удивляло, что она оказалась ближе к корме, чем к носу. Экраны действовали. Глаза существа меньшего роста, нежели человек, нашли бы их вполне удобными. Они показывали ту же картину созвездий, что и на «Гебе», очевидно, работая на аналогичных земным оптических компьютерах. Контрольная панель образовывала полукруг у передней стены. Полукруг был слишком велик, чтобы им мог управлять один человек. Но, по-видимому, конструктор считал иначе, так как в центре стояло только одно кресло.

Короткие металлические стержни торчали из пола с обеих сторон кресла, отверстия для болтов показывали, что здесь могли бы крепиться другие. Однако сами кресла отсутствовали.

— Я думаю, пилот сидел в этом кресле, когда они двигались в автоматическом режиме. — Терранс заколебался. — Штурман и связист, соответственно, здесь и здесь. Я не совсем уверен, но, скорее всего, у них был помощник пилота, хотя крепления кресла в дальнем конце рубки свидетельствуют о том, что там находился резервный офицер, всегда готовый вступить в действие.

Ван Рийн пожевал луковицу и потянул себя за бороду.

— Чертовски велика эта панель, — сказал он. — Раса кровожадных спрутов? Посмотрите, как сложно.

Он махнул салями в сторону панели. Консоль, покрытая чем-то вроде флюоресцирующего пластика, имела мало кнопок или переключателей, но зато на ней располагалось множество плоских прямоугольников, площадью не менее двадцати квадратных сантиметров каждый. И некоторые из них были вдавлены. Очевидно, это был пульт управления приборами. Осторожная попытка показала, что нужно приложить очень большое усилие, чтобы вдавить такой квадратик. Эксперимент закончился тем, что открылся один из грузовых люков и, прежде чем Терранс, напрягая силы, поставил пластину на место, большая часть воздуха улетучилась из корабля. Стало ясно, что опасно, не разобравшись, включать приборы незнакомого корабля, тем более в открытом космосе.

— Они должны быть сильными, как лошади, чтобы управляться

со всем этим, — заметил ван Рийн. — Об этом многое свидетельствует.

— Но не все, сэр, — возразил Терранс. — Экраны как будто предназначены для карликов около метра ростом. — Он указал на полку с инструментами, не превышающими размерами пуговицы. На каждом была цифра (или буква, или идеограмма?). Знаки отдаленно напоминали старые китайские иероглифы.

— Человек не смог бы пользоваться ими. Во всяком случае, без должной тренировки и большого напряжения. Конечно, обладать глазами, приспособленными для мелкой работы, еще не значит быть карликом. А вот этот переключатель невозможно достать с пола, не обладая длинными руками. — Встав на цыпочки, он дотронулся до выключателя, расположенного как раз над гипотетическим креслом пилота.

Переключатель щелкнул.

С кормы донесся рев. Он внезапно усилился, и от неожиданного толчка Терранс отлетел назад. Пытаясь удержаться, он схватился за полку у задней стены. Тонкий металл полки согнулся, но выдержал.

— Каракатица и болван! — взревел ван Рийн.

Упершись своими колонноподобными ногами в пол, он дотянулся до переключателя и вернул его в прежнее положение. Рев прекратился, восстановилась привычная сила тяжести. Терранс прошел к высокой двери, ограниченной широкой аркой, и крикнул в коридор:

— Все в порядке! Не беспокойтесь! Мы овладели положением!

— Что это за проклятая чертовщина? — потребовал ответа ван Рийн.

Терранс с трудом взял себя в руки.

— Думаю, выключатель двигателей. — Его голос дрожал. — Полное ускорение без всякой компенсации. Конечно, в гиперпространстве это не опасно, вероятно, в целом ускорение не превышало одного «g». А в нормальном пространстве оно возросло бы в несколько раз. Это приспособление для внезапного быстрого ухода и... и...

— И вы, с вашими мозгами из прокисшей подливки, с баллонами вместо пальцев, дернули этот выключатель?!

Терранс почувствовал, что краснеет.

— Откуда я мог знать, сэр? Я нажимал с силой менее полукилограмма. Двигатель не должен включаться так легко! Кто бы мог подумать, что выключатель поддается! Особенно после тех усилий, которые мы прикладывали к плиткам на пульте?!

Ван Рийн посмотрел более внимательно.

— Я вижу здесь предохранительную защелку, — сказал он. — Может быть, они используют этот выключатель на планетах с большой гравитацией? — Он указал на отверстие в центре панели около сантиметра в диаметре и пятнадцати сантиметров глубиной. На дне находился маленький ключ. — Наверное, это другое специальное защитное приспособление, а? Более безопасное, чем

обнаружат и без труда уничтожат. Единственный шанс на спасение заключался в том, чтобы организовать рейс к Валгалле как можно быстрее, используя внезапность, которая может отчасти компенсировать уменьшившуюся скорость.

— Мы использовали все частоты, сэр, — доложил Терранс. — Но до сих пор не получили никакого ответа. — Он с беспокойством добавил: — Не понимаю. Они должны видеть, что их вызывают, и понять, что мы хотим вступить с ними в переговоры. Почему они не отвечают? Ведь это им ничем не грозит!

— Может, они покинули корабль? — предположил офицер-связист. — Возможно, у них имеются шлюпки для передвижения в гиперпространстве.

— Нет. — Терранс покачал головой. — Мы бы это заметили... Продолжайте их вызывать, фримен Батанкур. Если в течение часа мы не получим ответа, будем брать их на абордаж.

Экран приемопередатчика продолжал оставаться темным, но когда часовая отсрочка уже заканчивалась и Терранс надевал космический скафандр, Ямамура доложил, что нейтринное излучение на корме чужака значительно усилилось. Там происходил какой-то процесс, требовавший затрат очень большого количества энергии.

Терранс зашелкнул свой шлем.

— Мы посмотрим сами, что это такое.

Он назначил людей в отряд захвата. Ван Рийн, громко ругаясь и протестуя, остался на борту яхты за капитана и проводил Терранса к главному шлюзу. Плавно, как скользящая в воде обтекаемая акула («в конце концов, — напомнил себе изумленный капитан, — старый боров был космонавтом, награжденным Голубой лентой»), «Геба» двинулась к чужаку.

Но тот неожиданно исчез. Отдача заставила яхту содрогнуться.

— Вельзевул и ботулизм! — взревел ван Рийн. — Они снова ушли в гипер. Ну, у них это не выйдет!

Конвертер скрипел, но давал нужную энергию, и вскоре яхта нагнала чужака. Ван Рийн проделал это с блеском. Терранс вынужден был признать, что выполненный маневр труден даже для опытного пилота. Яхта уклонилась от поражающего луча чужака и приклеилась к его корпусу необыкновенно прочным силовым полем. Затем ван Рийн выключил конвертер, который мог просто не выдержать напряжения. Однако огромная туша чужака сохранила при этом сверхсветовую скорость, увлекая за собой «Гебу». Соединенные корабли мчались быстрее света к неизвестным созвездиям.

Терранс выругался, сделал переключку своих людей и выбрался наружу.

Ему еще никогда не приходилось захватывать чужой корабль, но он полагал, что это не труднее, чем проникнуть в покинутое экипажем судно. Выбрав место, он приказал первым делом закрыть его защитным полем, чтобы предотвратить утечку воздуха: пока необходимости уничтожить чужой корабль не было. Резаки его людей

изрыгали пламя, синие искры срывались фонтанами и исполняли в невесомости сложный танец. Остальная часть отряда стояла наготове, держа в руках бластеры и гранаты.

Два корабля продолжали падать в бесконечность. Без компенсирующей электроники обзорных экранов небо было неузнаваемо — искажено аберрацией и эффектом Доплера. Людям казалось, что они умерли и несутся навстречу Судному дню. Терранс пытался сосредоточиться на практических делах. Как они будут общаться с чужаками, когда проникнут на их корабль? Особенно если при этом придется застрелить нескольких из них.

Внешняя оболочка наконец была разрезана, и Терранс с интересом стал изучать ее внутреннюю структуру. Все было непривычно, ничего подобного он раньше не встречал. Несомненно, эта раса вышла в космос совершенно самостоятельно, независимо от человечества, хотя в целом их корабль действовал на основании тех же физических законов. Но в деталях корабль существенно отличался от земных аналогов. Что это за вязкая, но прочная субстанция, образующая внутреннюю оболочку чужака? И проходят ли в ней контуры и схемы? Больше им находиться вроде было бы негде.

Последняя преграда была преодолена. Терранс с трудом сглотнул и посветил внутрь. Темнота и пустота удивили его. Войдя внутрь, он повис в воздухе: искусственное тяготение было отключено. Экипаж прячется где-то и...

И...

3

Терранс вернулся на яхту через час. Он нашел ван Рийна сидящим рядом с Джерри.

Девушка что-то говорила, но, посмотрев внимательно в лицо капитана, замолчала.

— Ну? — сварливо спросил торговец.

Капитан прочистил горло. Его голос, казалось, принадлежал другому человеку.

— Думаю, что вам лучше взглянуть самому, сэр.

— Вы отыскиали экипаж в его вонючем аду? На что они похожи? Что это за корабль?

Терранс решил сначала ответить на последний вопрос.

— Похоже, этот корабль предназначался для перевозки животных с различных планет. Должен сказать, что такого чудовищного набора зверей я не видел даже в зоопарке Солнечной системы на Луна-Сити.

— На кой сифилис мне это?! Где тот, что собирал этих животных, где его прикрытые фиговыми листочками дружки?!

— Как вам сказать, сэр. — Терранс опять сглотнул. — Думаю, они скрылись от нас. Спрятались среди других животных.

переключатель над креслом. Потребуются щипцы с узкими губками, чтобы достать его оттуда, — он почесал свои напояженные локоны. — Но здесь нигде поблизости не видно таких щипцов. Я не вижу ни крюка, ни скобы для них.

— И не ищите, — сказал Терранс. — Когда они очищали помещения, было вынесено все. Там, в машинном отделении, осталась лишь груда обломков, расплавленный металл и обожженный пластик, рваное постельное белье, разбитая мебель — все, что, по их разумению, могло дать нам ключ к разгадке их внешности, они затащили вниз и уничтожили. Для сжигания использовали свой конвертер, и это вызвало сильное нейтринное излучение, которое заметил Ямамура. Они работали быстро, словно черти.

— Но ведь они не разрушили необходимые машины и оставили инструменты? Тогда им было бы проще взорвать корабль вместе с нами. Я, как свинья, потел от страха, что они это сделают. Для бедного старого грешника испариться в радиоактивном взрыве за триста световых лет от виноградников Земли — не лучший способ кончить свои дни.

— Нет... Как можно заключить из первого поверхностного осмотра, они не уничтожили ничего жизненно важного. Конечно, полностью мы не можем быть в этом уверены. Группе Ямамуры потребуется неделя, чтобы в общих чертах установить, как функционирует их корабль, не говоря уже о мелких деталях управления. Но я согласен, что экипаж не собирался совершать самоубийства. Они поймали нас в ловушку, возможно, даже не подозревая об этом. Мы крепко привязаны к их кораблю и летим куда-то, вероятно, по направлению к их звезде, под прямым углом к нужному нам курсу.

Терранс направился к выходу.

— Видимо, нам следует заняться их зверинцем, — предложил он. — Ямамура собирается установить какое-то оборудование, которое поможет нам отличить экипаж от настоящих животных.

5

Главный трюм занимал почти половину огромного корпуса корабля. Вверху тянулся коридор, внизу были мостики, которые шли вдоль длинного ряда помещений. Помещений-клеток было девяносто шесть, и все они были одинаковыми. Каждая имела пять метров в ширину, вмонтированные в потолок светящиеся пластины, пол, покрытый упругим пластиком. В некоторых клетках вдоль стен были установлены полки и параллельные прутья — очевидно, для животных, привыкших ползать или лазать. В задней стене каждой клетки находились хорошо укрытые механизмы. Ямамура не разрешал трогать их, но сказал, что они, по-видимому, служат для регулировки

состояния атмосферы, а также температуры и гравитации, гигиенических устройств и других элементов «обстановки» жилой клетки.

Передняя стена, выходящая в коридор, и верхний мостик были сделаны из прозрачного вещества. В стену были вмонтированы люки с воздушным шлюзом, прочно запертым простым, но надежным механизмом. Рукоятки и колесики механизма выходили как внутрь клетки, так и наружу. Лишь несколько помещений пустовало. Терранс и ван Рийн шли по затемненному коридору мимо чудовищ, и свет дюжины различных солнц освещал их — красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой...

Существо, похожее на гигантскую акулу, но с усами, развешивающимися у него над головой, плавало в заполненном водой аквариуме среди водорослей. В следующей клетке находилось множество мелких крылатых рептилий, они ползали, перелетали с места на место. На противоположной стороне коридора четверо млекопитающих бродили в желтоватом тумане: прекрасные создания с тигровой шкурой, они передвигались на всех четырех лапах, время от времени вставая на две. Тогда становились заметны убирающиеся когти между пальцами, похожими на обрубки, и клыкастые хищные пасти.

Затем люди прошли мимо клеток с полдюжиной лоснящихся красноватых животных, похожих на шестипалых выдр, резвившихся в бассейне. Очевидно, наступила пора кормления: механизмы выбросили в лоток какую-то массу, и звери принялись рвать ее клыками.

— Автоматическое кормление, — заметил Терранс. — Я думаю, пища специально синтезируется на месте в соответствии с биохимией каждого вида. Это, по-видимому, относится и к экипажу. Мы не нашли на корабле ничего похожего на камбуз.

Ван Рийн содрогнулся.

— Ничего, кроме синтетики? Нет даже крошечного стакана джина перед обедом? — Он вздрогнул. — Хм-м, вероятно, мы открыли новый отличный рынок, и пока они разберутся в ситуации, мы сможем драть с них втридорога.

— Вначале надо их отыскать, — сказал Терранс.

Ямамура стоял в центре трюма, направив на одну из клеток различные приборы и измерительные инструменты. Джерри находилась рядом, подавая ему детали по первому требованию и включая аккумулятор.

— Что тут происходит? — спросил ван Рийн.

Главный инженер повернул к нему невозмутимое лицо.

— Я приказал членам группы подробнее изучить корабль, сэр, — сказал он. — Я присоединюсь к ним, как только фриледы Короед приобретет некоторую сноровку в обращении с этими инструментами. Она вполне способна выполнить такую работу, в то время как от остальных потребуются все их специальные знания... — Он заговорил медленнее и печально улыбнулся. — Боюсь, что нам понадобится не

менее месяца для того, чтобы раскрыть их секреты, учитывая наши ограниченные ресурсы.

— У нас нет месяца, — сказал ван Рийн. — Вы замеряете условия в каждой клетке?

— Да, сэр. Они, конечно, помечены, но мы не в состоянии прочесть надписи, поэтому и приходится выполнять эту работу. Я сопоставляю гравитацию, состав атмосферы и ее давление, температуру, спектр освещения и так далее. Это затяжная работа, которая требует многочисленных математических расчетов. К счастью, нам нет нужды проверять каждое помещение, да и большинство из них.

— Нет, — сказал ван Рийн. — Очевидно, этот корабль не мог быть создан птицами или рыбами. В любом случае необходимо наличие у них чего-то наподобие рук.

— Или щупалец. — Ямамура кивнул в сторону ближайшей клетки. Она была залита тускло-красным светом. Там находилось несколько существ черного цвета, непрерывно двигавшихся. Они имели квадратные тела на четырех лапах, из этих тел возвышались другие, покрытые костным панцирем. Эти существа были похожи на кентавров. Под безлихими головами располагались шесть тонких длинных рук, разделенных по две в три группы. Две руки оканчивались бескостными, но невероятно сильными пальцами.

— Подозреваю, что это и есть наши застенчивые друзья, — сказал Ямамура. — Если это так, то у нас вряд ли будет достаточно времени... Они дышат водородом под большим давлением и живут в условиях тройной гравитации. Температура внутри клетки около семидесяти градусов ниже нуля по Цельсию.

— Они единственные, кто находится в таких условиях? — спросил Терранс.

Ямамура пристально посмотрел на него.

— Понимаю, что вы имеете в виду, капитан. Нет, не единственные. Я обнаружил еще три помещения с аналогичными условиями. Но в них, несомненно, находятся животные: змеи и тому подобные существа, которые не могли построить корабль.

— Но тогда эти люди-осьминоги не могут быть экипажем, — робко сказала Джерри. — Экипаж собирал животных с других планет, зачем ему свои?

— Их могли взять с собой в путешествие, — сказал ван Рийн. — У нас на «Гебе» тоже есть кот и несколько попугасов. Или можно предположить, что существует несколько планет с водородной атмосферой и близкими условиями. Ведь существуют же Фрейя, Земля и другие планеты с кислородной атмосферой. Это ни о чем не говорит. — Он повернулся к Ямамура, как огромный вращающийся глобус. — Но, послушайте, раз экипаж перед вашим прибытием выпустил наружу весь воздух, почему бы не проверить их резервные tanks? Если мы найдем там воздух, которым дышат эти засони...

— Я думал над этим, — сказал Ямамура. — И это было первым, что я приказал своим людям проверить. Но они ничего не

обнаружили. Да я на это и не надеялся. Так как первое, что они обнаружили, была передвижная труба синтезатора, я подумал, что синтезатор способен восстанавливать воздух, утраченный кораблем.

— Когда мы уйдем, — Ямамура вздохнул, — если только мы уйдем — они откроют шлюзы, и наш воздух выйдет наружу. Синтезатор включится и восстановит в корабле привычную для них атмосферу. А может, им вполне подходит кислородная.

— Да, — сказал Терранс, — думаю, нужно осмотреть все и еще раз поискать разумных хозяев этого корабля.

Ван Рийн покатился за ним.

— Как устроен разум у этих безмозглых чужаков? — ворчал он. — Почему они затеяли этот дурацкий маскарад?

— Это не так уж глупо, — сухо заметил Терранс. — Мы летим вместе с их кораблем и не знаем, как его остановить. Они рассчитывают, что нам это надоест и мы оставим их в покое или попадем в военный ими район. А там, весьма вероятно, какой-нибудь военный корабль, или что они там имеют, обнаружит нас и приблизится, чтобы узнать, что происходит. — Он замолчал, остановившись перед клеткой. — Вот это да!..

В клетке находилось животное, похожее на слона, но с хрупким телосложением, что указывало на более низкую, чем на Земле, гравитацию его родины. Кожа его была зеленого цвета и покрыта редкой чешуей. Вдоль спины росла жиденькая полоска волос. Глаза, которыми животное пристально смотрело на них, были встревоженными и загадочными. Оно имело слоновий хобот, оканчивающийся кольцом псевдопальцев, которые могли быть не менее сильными и чувствительными, чем человеческие.

— Возможно ли существование однорукой разумной расы? — пробормотал Терранс и сам же себе ответил: — Так же, как и двурукой. Отсутствие второй руки компенсируется огромной силой. Этот хобот может согнуть железный прут.

Ван Рийн, нахмурившись, молча прошел мимо клетки с пернатыми копытными и остановился перед следующей.

— Посмотрите на этих монстров, — сказал он. — Что-то похожее есть на Земле. Как же они называются?.. Квинтелла? Нет, гориллы или шимпанзе?

Терранс ощутил комок в горле. В двух соседствующих клетках находились четыре существа. Они были двуногими: с короткими ногами и длинными руками. Стоя, в высоту они достигали почти двух метров, а размах рук этих существ был не менее трех метров. Такое существо вполне могло управлять контрольной панелью в одиночку. Запястья толщиной в бедро человека заканчивались пропорциональными пальцами, из которых четыре противостояли большому пятому. Трехпалые ноги были предназначены для ходьбы и устроены, как человеческие. Тело покрывала коричневая шерсть. Головы их были сравнительно невелики, остроконечны, имели массивные носы и крошечные сверкающие глазки, глубоко посаженные под густыми

бровями. Пока они бесцельно бродили взад и вперед, Терранс заметил, что животные разделяются на самцов и самок. В углах каждой клетки находились светильники, и свет их был знакомым — желтовато-белым светом звезды типа Солнца.

Он заставил себя сказать:

— Я сомневаюсь, что это хозяева корабля. Такие мощные челюсти требуют сильно развитых мускулов, которые должны прочно прикрепляться к черепу, а это, соответственно, уменьшает вместимость черепной коробки.

— Предположим, что у них мозги в животе, — сказал ван Рийн.

— Что ж, у некоторых людей так и есть, — пробормотал Терранс. Когда торговец подавился, он поспешно добавил: — Нет, в самом деле, сэр, в это трудно поверить. Нервные связки будут слишком длинными. Все животные, которые мне известны и которые имеют центральную нервную систему, наделены мозгом, расположенным вблизи органов чувств, а последние обычно находятся в голове. Конечно же, малый размер мозга еще не говорит о том, что он не развит. Их мозг может функционировать совсем по-иному.

— Уксус и перец! — закричал ван Рийн. — Может! Может! Может!

Они продолжали двигаться мимо клеток со странными созданиями, когда ван Рийн сказал:

— Мы немногого добьемся, изучая их атмосферу и освещение. Спрятавшись, экипаж мог слегка изменить их, а чуть погода восстановит привычные условия, при этом не причинив себе особого вреда. И гравитация тоже могла быть немного изменена: на двадцать — тридцать процентов.

— Я надеюсь, что они дышат кислородом, хотя... Ой! — Терранс остановился. Через мгновение он понял, что ему показалось странным у нескольких животных, находившихся под оранжевым светом. Они были покрыты хитиновой броней, похожей на военный шлем квадратной формы. Четыре короткие ноги, оканчивающиеся ступнями с острыми когтями, поддерживали их массивные тела, а ресницы походили на кустики щупалец. Казалось, в существах нет ничего примечательного, во всяком случае не больше, чем в любом другом неземном животном. Но из-под шлемов выглядывали странные глаза: они были огромными и походили на человеческие или на глаза осьминогов.

— Черпахи, — фыркнул ван Рийн, — или броненосцы.

— Не повредит, если Джер... мисс Короед проверит условия их существования, — сказал Терранс.

— Напрасная трата времени.

— Не понимаю, как они едят. Я не вижу никакого рта.

— Эти щупальца похожи на капиллярные присоски. Готов поклясться, что они паразиты, или пиявки-переростки, или нечто похожее на моих конкурентов. Идемте дальше.

— Что мы будем делать после того, как предположительно

установим экипаж корабля? — спросил Терранс. — Попытаемся связаться с каждым по очереди?

— От этого будет мало проку. Они и спрятались потому, что не хотят разговаривать. Пока мы не докажем им, что не являемся аддеркопами... Но трудно сообразить, как это можно будет сделать.

— Подождите! Почему же они, в конце концов, спрятались, если уже вступали в контакт с аддеркопами? Ведь им в таком случае вряд ли что-нибудь могло помочь!

— Я думал, что уже все объяснил вам, черт побери! — сказал ван Рийн. — Для удобства давайте назовем эту неизвестную расу иксянами. Итак, иксяне уже некоторое время странствуют в космосе, но космос велик, и они еще никогда не встречались с людьми. Затем в этом секторе, где никогда не было гуманоидов, появились аддеркопы. Иксяне услышали об этой ужасной нации, тоже вышедшей в космос. Они приземлялись на примитивных планетах, где высаживались аддеркопы, беседовали с туземцами, может быть, даже издали следили за лагерем аддеркопов или сумели захватить их одиночный корабль. Так они узнали, кто такие люди и как они выглядят, но больше не выяснили ничего. Они не хотят, чтобы люди узнали о них, поэтому остерегаются любых контактов. Может, они еще не готовы к войне, не знаю. Терранс, мы должны продемонстрировать экипажу иксян наши честные намерения, чтобы они доставили нас на Фрейю и доложили своим вождям, что не все люди похожи на этих грязных аддеркопов. В противном случае, однажды проснувшись, мы можем обнаружить, что наши планеты атакованы аддеркопами или иксянами и, прежде чем этой войне придет конец, мы потеряем миллиарды кредитов! — Он потряс кулаками в воздухе и взревел, как раненый бык: — Наш долг — предотвратить зло!

— Наш первый долг — вернуться домой живыми, — сказал Терранс. — У меня там жена и дети.

— Тогда перестаньте с глупым видом пялиться на Джерри. Я первым ее приметил.

Они продолжили поиски. Четыре существа ростом с человека, похожие на гусениц с толстыми лапами, ползали по полу клетки в зеленом свете. Тела их были темно-синими, с серебристыми пятнами. Другие существа походили на кентавроподобных животных, но были приземистее и имели по две руки. На руках отсутствовали большие пальцы, однако шесть других, расположенных полукругом, вполне могли заменить человеческую руку. Но наличие рук еще не доказывает разумности. На Земле, кроме обезьян, некоторые рептилии и амфибии имеют руки, такие же как у людей или даже лучше. Однако круглые плоские головы этих существ, большие яркие глаза под перьевыми антеннами неизвестного назначения, маленькие челюсти и тонкие губы выглядели многообещающе. «Обещающими что?» — подумал Терранс.

Трое земных суток спустя он неторопливо брел по центральному коридору, направляясь к машинному отделению корабля иксян.

Коридор представлял собой большой полуцилиндр, выложенный тем же резиноподобным пластиком, что и клетки, отчего шаги его были неслышными, а сорвавшееся с губ слово не отражалось от стен. Но все же стены передавали какую-то глубинную вибрацию, почти невоспринимаемое ухом гудение машин гиперпространства, несших корабль сквозь тьму к неизвестной звезде и выдающих свое присутствие любому охотнику, находящемуся на расстоянии не далее светового года. Светильники, установленные людьми, были расположены далеко друг от друга, и он двигался сквозь полутьму. В коридор выходили помещения без дверей, некоторые из них были заполнены снаряжением, и хотя форма большинства инструментов казалась странной, а содержание контейнеров довольно загадочным, они внушали уверенность, что этот корабль — не «Летучий голландец», что он был обитаем. Однако многие помещения были пустыми, и в них явно никто не жил. Не осталось никаких личных вещей экипажа. Книги и микрофильмы сохранились, но знаки на них были совершенно непонятными. Пустые места на полках свидетельствовали о том, что все иллюстрированные книги были уничтожены. Можно было заметить следы на стенах, где раньше висели картины. В личных каютах, в большом помещении, которое, по-видимому, служило кают-компанией, в машинном отделении, в мастерской — повсюду только крепления указывали на то, что тут была мебель. В стенах кают были встроены длинные низкие ниши и маленькие уютные углубления, но когда все постельные принадлежности оказались сожжены в раскаленном добела котле, как догадаться, каковы они были, эти постели, и для кого они предназначались? Одежда, украшения, посуда — все было ликвидировано. Одно помещение, вероятно, являлось туалетом, но вся сантехника тоже была уничтожена. Другое могло служить для научных занятий, в частности, для изучения пойманных животных, но и там царило опустошение, так что человек не мог ничего понять.

«Клянусь Господом, они заслуживают восхищения!» — подумал Терранс, охваченный приступом душевного подъема. Захваченные существами, которых они имели все основания считать отвратительными чудовищами, чужаки могли избрать героическую смерть — атомный взрыв, который уничтожил бы оба корабля. Вероятно, они бы так и поступили, если бы их корабль не был зверинцем. Увидев в этом надежду на спасение, они ухватились за нее и реализовали свой план с невероятной быстротой, которой вряд ли мог добиться кто-либо из людей. Теперь они сидят где-то на виду, ожидая, пока чудовища не уберутся или пока военный корабль с родной планеты не освободит их. Они не знают, что их захватчики

не аддеркопы, не знают, что этот сектор не скоро будет наводнен пиратскими кораблями: бандиты не осмеливаются так близко приближаться к Валгалле. При имеющейся у них информации чужаки действовали вполне логично. Но скольких нервов это им стоило?!

«Я хотел бы найти их и подружиться с ними, — подумал Терранс. — Иксяне могут стать отличными партнерами землян. Или жителей Фрейи, или Рамамунджана, или даже всей Политехнической лиги. — С кривой усмешкой он продолжал думать: — Держу пари, их не так легко надуть, как надеется старый Ник. Они сами его надуют. Хотел бы я на это посмотреть! Впрочем, это мои личные проблемы. — Он снова впал в уныние. — Если мы не преодолеем это недоразумение как можно быстрее, не будет ни нас ни их. И очень скоро. Хорошо, если имеются еще три-четыре дня в запасе».

Коридор оканчивался лестничной площадкой, с которой двери вели налево и направо. Одна из дверей, как Терранс знал, шла в машинное отделение, где мощный ядерный конвертер питал энергией все системы корабля и двигатели: гравитационный и гиперпространственный. Принципы, на которых они работали, были ему знакомы, но большинство машин оставались загадками, выполненными в металле и пластике. Он открыл вторую дверь, в мастерскую. Основную часть оборудования, несмотря на разрушения, можно было идентифицировать: токарный станок, сверлильный станок, осциллограф и кристаллический тестер. Ямамура сидел за импровизированным верстаком и спаивал узлы электронной аппаратуры. Рядом с ним стояло несколько приборов. Лицо Ямамуры осунулось, руки его дрожали. Он очень долго работал, не давая себе отдыха, и лишь стимуляторы не позволяли ему уснуть от усталости.

Когда вошел Терранс, Ямамура разговаривал со связистом Батанкуром. Весь экипаж «Гебы» под руководством Ямамуры разгадывал загадку иксян, изучая их корабль.

— Я обнаружил основное электрическое оборудование, сэр, — докладывал связист. — Они не пользовались энергией конвертера непосредственно, как мы. Очевидно, их методы поглощения отличаются от наших. Они используют трансформаторы и получают переменный ток. Там же, где нужен постоянный ток, они пропускают переменный через плитки прессованного вещества, по виду напоминающего окись меди. Плитки закрыты защитным экраном, и, поскольку они находятся под высоким напряжением, внешний кожух так разогрет, что познакомиться с их устройством ближе практически невозможно. Все это оборудование кажется мне довольно примитивным.

— Или просто отличным от нашего, — вздохнул Ямамура. — Наш конвертер работает на легких элементах. Его преимущество в том, что он дает ток непосредственно. Они могут использовать другой конвертер — на тяжелых элементах, требующих гораздо меньшей очистки. Я припоминаю: на Земле когда-то пытались сделать такой

же, но отказались, выяснив, что это непрактичная технология. Возможно, иксяне лучшие инженеры, чем мы. Такая система конвертера имеет свои достоинства, не говоря уже о том, что не нужно экономить горючее. Для корабля, странствующего среди неисследованных планет, это большое преимущество. Может быть, оно покрывает недостатки системы. Мы просто не знаем.

Покачивая головой, он смотрел на провода, которые держал в руках.

— Мы чертовски мало знаем, — сказал он и добавил, увидев Терранса: — Ладно, продолжайте, фримен Батанкур. И помните: торопись медленно.

— Из боязни повредить корабль? — спросил Терранс.

Ямамура кивнул.

— Иксяне должны были сообразить, что у такого маленького корабля, как наш, не хватит мощности, чтобы тянуть в гиперпространстве их машину, — сказал он. — Поэтому они могли решить, что мы не станем тащить их с собой. Они могли расставить в своих механизмах мины-ловушки. Мы должны быть предельно осторожны.

— Это держит экипаж в напряжении.

— Так даже лучше. Гм-м... что ж, сэр, я подготовил основную аппаратуру.

А так как Терранс ничего не ответил, то пояснил: — Я приспособил ее для исследования этих существ. Особенно тех, кто дышит водородом.

Терранс покачал головой.

— Начнем с тех, кто дышит кислородом. В сущности, они живут в условиях, настолько близких к нашим, что мы можем просто войти к ним в клетку. Я имею в виду гориллоидов, так мы их с Джерри прозвали. Это поросшие шерстью, двухметровые, двуногие уродцы с обезьяньими лапами.

Ямамура соорудил обезьянью рожу.

— Такие мощные звери! Вы заметили у них какие-то проблески разума?

— Нет. Но мы и не ждали, что иксяне так легко откроются. Мы с Джерри много раз проходили мимо клеток со всевозможными животными, подавая им знаки, мы рисовали картинки, в общем, делали все, что могли придумать, стараясь объяснить им, что мы не аддеркопы. Конечно же, ничего из этого не вышло. Все животные хоть как-то реагируют на наше присутствие, кроме гориллоидов... Впрочем, это еще ничего не доказывает.

— Но каких еще животных вы имеете в виду? Я был занят все это время.

— Ну, тех, что мы называем тигровыми обезьянами, потом кентавров с щупальцами, элфантида, зверьков в шлемах и гусениц. Эти последние ползают. Я знаю, тигровые обезьяны и зверьки в шлемах вряд ли подойдут, да и элфантид тоже. Только у гориллоидов подходящий размер и отлично устроенные руки. К тому

же они дышат кислородом, и мы можем начать с них. Следующие, по вероятности, я думаю, гусеницы и кентавры со щупальцами. Но гусеницы, хотя и дышат кислородом, привыкли к высокой гравитации, и их атмосфера, находящаяся под высоким давлением, будет действовать на нас, как наркотик. И в том и в другом случае придется работать в скафандрах.

— А гориллоиды что-то не очень добродушно выглядят.

Терранс взглянул на верстак.

— Что вы, собственно, собираетесь предпринять? — спросил он. — Я был слишком занят своими делами, чтобы ознакомиться с планом в деталях.

— Я приспособил некоторые медицинские приборы, — сказал Ямамура. — Например, офтальмоскоп. На некоторых частях механизмов нанесены знаки. Кроме того, в приборах используется свет. Так что иксяне должны иметь глаза не хуже, чем наши. Затем я взял прибор, прослеживающий нервные пути. Он проецирует все данные на этот экран, в результате мы сможем увидеть уменьшенное изображение нервной системы проверяемого. Сопоставляя эту картину с общей анатомией тела, мы сумеем определить симпатическую и парасимпатическую системы или их эквиваленты. Я на это надеюсь. Мы изучим мозг, а уровень развития мозга в какой-то степени определяется уровнем развития всей нервной системы. На мне это устройство сработало. А вот сработает ли оно на другом существе, да еще не дышащем кислородом, не знаю. Но попробуем.

— Да, мы можем только попытаться, — устало подтвердил Терранс.

— Полагаю, старый Ник ходит и размышляет, — сказал Ямамура. — Я давно его не видел.

— Он не захотел помогать мне и Джерри, — сказал Терранс. — Заявил, что наши попытки вычислить иксян будут тщетными, пока мы не докажем им, что нашли их. И только после того, — добавил он, — как единственным понятным языком станет жестикуляция пистолетом.

— Возможно, он прав.

— Он неправ! То есть логически, возможно, и прав, но не психологически... или морально. Он сидит в своей каюте с батареей бутылок и ящиком сигарет. Кок, который помогал нашим людям, был вызван на яхту готовить для него гурманские блюда. Можно подумать, его не беспокоит то, что он может оказаться взорванным в любую минуту.

Терранс вспомнил присягу и свой офицерский чин. Сейчас, на краю гибели, все это показалось ему полной бессмыслицей. Но привычка оказалась сильнее. Он сглотнул и резко сказал:

— Мне очень жаль. Прошу забыть все сказанное мной. Когда вы закончите, фримен Ямамура, мы испытаем гориллоидов.

Шестеро мужчин и Джерри стояли в коридоре с бластерами наготове. Терранс очень надеялся, что им не придется стрелять.

Он махнул рукой четверым, стоявшим за его спиной.

— Порядок, парни!

Терранс облизнул пересохшие губы, сердце его колотилось.

Быть капитаном и мастером Лиги приятно, но наступает момент, когда за привилегии приходится платить.

Загудел мотор, дверь отворилась, и он прошел в клетку гориллоидов.

Разница в давлении была незначительной, и он не ощутил беспокойства. Но зато, попав в нормальное гравитационное поле, он словно получил удар, ведь все это время он находился в поле тяготения, составлявшем всего четверть «g». Терранс пошатнулся, едва не упав, и вдохнул теплый воздух, полный незнакомых запахов. Привалившись к стене, он глядел на четырех двуногих монстров. Их покрытые шерстью коричневые тела казались невероятно огромными, вздымаясь над ним ввысь. Глаза, прикрытые густыми бровями, недоверчиво смотрели на него. Ему не хотелось стрелять, совсем не хотелось. Нельзя было предугадать, как ультразвук подействует на их нервную систему. А если это действительно были члены экипажа, то он мог совершить самое худшее — причинить вред разумному существу. Он чувствовал себя таким маленьким и хрупким... И только рубчатая рукоятка пистолета внушала уверенность.

Ближайший самец взревел — мощный звук вырвался из его груди — и двинулся вперед. Его заостренная голова приближалась, странные щели на шее приоткрывались и закрывались, как сосущие рты. Губы раздвинулись, обнажая белые зубы.

Терранс отступил в угол.

— Я постараюсь увести этого от остальных, — тихо сказал он. — И тогда берите его.

— Понятно, — сказал один из космонавтов, разматывая аркан. Трое остальных расстилали и расправляли на полу специально сплетенную сеть.

Гориллоид остановился. Вскрикнула самка. Самец, казалось, получил от нее указания. И жестом, удивительно похожим на человеческий, он отстранил остальных сородичей и направился к Террансу.

Капитан выхватил пистолет и дрожащей рукой навел его на приближающееся существо.

Надежда на то, что удастся раскрыть маскарад, показалась ему смехотворной. Он отпрыгнул назад. Гориллоид с рычанием последовал за ним. Терранс двигался недостаточно быстро. Рука животного разорвала на нем куртку и оставила длинную царапину на груди. Он упал на четвереньки, морщась от боли. В воздухе

мелькнул аркан. Пойманный гориллоид рухнул, и его падение сотрясло клетку.

— Хватайте его! Следите за руками! Так!

Терранс поднялся на ноги. За свалкой, в которой четверо мужчин старались связать ревущее и бьющееся животное, он увидел остальных гориллоидов. Они столпились в противоположном углу, басовито ревя. Казалось, клетка превратилась во внутренность барабана.

— Утащите его, пока не вмешались остальные! — крикнул Терранс.

Он вновь поднял свой пистолет. Если они разумны, то должны понять, что он им не опасен и можно нападать. Гориллоиду, между тем, искусно связали руки, обмотали аркан вокруг его могучего торса и закрепили скользящим узлом, а потом набросили сеть. Беспомощное в ее цепких ячейках животное потащило к выходу. Шаг за шагом к ним подбирался второй самец. Терранс стоял неподвижно. Он слышал звериный вой и крики людей, чувствовал боль раны. И с неестественной четкостью видел приближающуюся пасть, полную зубов, способных откусить ему голову, маленькие, тупые, красные от ярости глазки и огромные четырехпалые руки.

— Все в порядке, капитан!

Второй гориллоид не двигался, затем внезапно сделал выпад. Терранс кинулся в люк, гигант последовал за ним. Капитан вылетел в коридор и направил на него свой пистолет... Но гориллоид остановился, задрожал, осмотрелся вокруг с выражением, похожим на замешательство, и отступил назад в камеру. Терранс закрыл люк, потом с содроганием опустил на пол.

Джерри склонилась над ним.

— Что с вами? Вы ранены?

— Ничего страшного, — пробормотал он. — Дайте сигарету.

Она достала из кармана сигарету и с удивительной живостью проговорила:

— Это всего лишь кровоподтек или глубокая царапина. Но ее нужно тщательно простерилизовать. Может попасть инфекция.

Он кивнул, но продолжал оставаться на месте, пока не докурил сигарету. Чуть дальше по коридору люди Ямамуры привязывали гориллоида к металлической раме. Невредимый, но беспомощный, тот ревел и старался укусить инженера, приближающегося к нему с оборудованием. Вернуть его в клетку будет не легче, чем извлечь из нее.

Терранс встал. Сквозь прозрачную стену он видел самку гориллоида, яростно рвущую что-то на куски, и понял, что оставил в клетке свой тюрбан. Он вздохнул.

— Вначале лазарет, — решительно заявила Джерри. Она взяла его за руку, они пересекли входной зал, прошли туннель и оказались в пониженном поле тяготения «Гебы», которое предпочитал ван Рийн. Они почти не разговаривали, пока Джерри помогала Террансу снять

куртку, смазывала рану дезинфицирующим веществом, жгушим как огонь, и перевязывала его. Потом она предложила ему выпить.

Они направились в кают-компанию. К их удивлению и к разочарованию Терранса там у стола, инкрустированного красным деревом, сидел ван Рийн, одетый в кружевную накидку и в свой обычный саронг. В одной руке он держал бутылку, в другой — сигару. Перед ним лежала папка с бумагами.

— А, это вы... — сказал он, взглянув на них. — Что случилось?

— Испытываем гориллоида. — Терранс упал в кресло.

Так как стюард отправился на корабль чужаков в составе группы капитана, то Джерри пошла за напитками. Из соседней комнаты донесся ее вызывающий голос:

— Капитан Терранс чуть не погиб при этом! Может быть, вы в конце концов пойдете взглянуть, Ник?

— Чтобы глазеть, словно турист с глазами трески? — усмехнулся торговец. — Я не делаю тайны из того, что уже слишком стар и жирен для охоты на обезьян. И у меня нет достаточных технических знаний, чтобы вертеть ручки приборов Ямамуры. — Он выпустил клуб дыма и добавил: — Это не моя работа. Я не специалист и у меня нет университетских дипломов, я учился в школе. Но я изучил науку, как заставлять людей работать на себя и как извлекать выгоду из их действий.

Терранс выдохнул долго и медленно. Напряжение спало, и он почувствовал невероятную усталость.

— Что вы проверяете, сэр? — спросил он.

— Доклады специалистов о корабле иксян, — ответил ван Рийн. — Я приказал им дать подробные отчеты обо всем увиденном на корабле. Где-то в их отчетах может отыскаться ключ к решению загадки. И если гориллоиды — не иксяне, то я не вижу иного способа исключить их из числа подозреваемых, кроме испытаний Ямамуры.

Терранс потер глаза.

— Результаты будут не очень достоверными, — сказал он. — На корабле большинство приборов управлялось сильными и огромными руками. И в то же время некоторые инструменты так малы, что... О, я понимаю, чужаки тоже были бы поражены разнообразием наших инструментов. Я имею в виду, что одна и та же раса использует и кузнечный молот, и гравировальную иглу.

Джерри вернулась с двумя порциями крепкого шотландского виски с содовой. Взор Терранса следовал за ней. В обтягивающей блузке и короткой юбочке она была очень привлекательна. Она села ближе к нему, чем к ван Рийну, и глаза торговца сузились.

Однако ван Рийн заговорил мягко:

— Я буду рад, если вы перечислите мне всех возможных кандидатов в иксяне и объясните, почему вы так считаете. Я, конечно, их видел, но в моих мыслях нет ясности, и, может быть, ваши наблюдения дадут мне необходимый толчок.

Терранс кивнул.

— Что ж, — сказал он, — кентавры с щупальцами кажутся мне наиболее вероятными претендентами. Вы знаете, кого я имею в виду? Они живут в красном свете и при половинной гравитации. Неяркое солнце и низкая температура позволяют их планете удерживать водородную атмосферу: они дышат смесью водорода с азотом. Вы знаете, как они выглядят: тело носорога, торс с головой, прикрытой костяным панцирем, и щупальца с пальцами. Подобно гориллоидам, они достаточно велики, чтобы с легкостью управлять кораблем. Все остальные дышат кислородом. Животные, которых мы называем гусеницами, представляют собой длинные многоногие существа серебристо-синего цвета со специфическими руками и разумным лицом. Должно быть, они родом с большой планеты. В их клетке довольно сильное тяготение, но это не может быть отвлекающим маневром столь долгое время. Если они привыкли к меньшему тяготению, их организм давно бы сдал. В их атмосфере кислород смешан с азотом в равной пропорции, а давление превышает земное в двенадцать раз. Температура высокая — около пятидесяти градусов. Их планета по массе должна приближаться к Юпитеру и находится так близко к звезде, что весь водород уже улетучился. Это сделало их эволюцию весьма отличной от земной. Элефантоид живет на планете с вдвое меньшей гравитацией, чем на Земле. Он один в своей клетке. Его хобот примечателен наличием чувствительных пальцев. Он дышит воздухом, слишком разреженным для нас: это доказывает, что уровень гравитации в его клетке установлен правильно, здесь нет обмана.

Терранс сделал большой глоток.

— Остальные живут в условиях, близких к земным, — заключил он. — Поэтому я хотел бы, чтобы иксие оказались среди них. Но, к сожалению, за исключением гориллоидов, все они мало похожи на космонавтов. Зверьки в шлемах...

— Кто «они»? — спросил ван Рийн.

— О, вы должны помнить, — сказала Джерри. — Восемь или девять существ, похожих на горбатых обезьян, с горбами немного выше головы. Они ползают на когтистых лапах. С их помощью они всасывают пищу — жидкое вещество, которое синтезирует для них машина. У них нет ничего похожего на работоспособные руки — щупальцами можно делать только некоторые простейшие операции, но мы должны испытать их, так как глаза у них развиты лучше, чем это бывает у паразитов.

— У паразитов не может развиваться интеллект, — сказал ван Рийн. — Надо установить, действительно ли они являются паразитами в своей обычной среде, и тогда можно будет вычеркнуть их. Кто еще?

— Тигровые обезьяны, — сказал Терранс. — Это хищники, отдаленно напоминающие медведей. Большую часть времени они проводят на четвереньках, но иногда становятся на ноги, и у них есть руки. Правда, неуклюжие, лишенные больших пальцев, с рудимен-

тами когтей, но зато все четыре конечности имеют ладони. Могут ли четыре руки без больших пальцев заменить две человеческие? Не знаю. Я слишком устал, чтобы соображать.

— И это все? — Ван Рийн поднес бутылку ко рту. Осушив ее, он откинулся в кресле, рыгнул и выпустил облако черного дыма через свой величественный нос. — Кого вы будете испытывать следующим, если гориллоиды не оправдают надежд?

— Я бы выбрала гусениц, — сказала Джерри. — Несмотря на давление в их атмосфере. Потом... кентавров со щупальцами. Потом, может быть...

— Идиотский выбор! — Ван Рийн ударил кулаком по столу. Бутылка и стаканы подпрыгнули вверх. — Сколько времени понадобится, чтобы проверить всех? Часы? А сколько часов потребуется, чтобы подготовить аппаратуру для каждого испытания? Ямамура скоро упадет от истощения — кем мы сможем его заменить? А аддеркопы все ближе! У нас нет времени для этого метода! Если гориллоиды не окажутся иксянами, то нас может выручить... мы должны проанализировать факты, имеющиеся в нашем распоряжении, и найти иксян.

— Давайте, — сказал Терранс, осушая стакан, — а я пойду вздремну.

Ван Рийн покраснел.

— Правильно, — сказал он, фыркнув. — Будьте как все остальные. Бездельничайте и играйте, танцуйте и пойте, развлекайтесь целыми днями, потому что здесь есть бедный старый Николас ван Рийн, и он взвалит всю работу и все беспокойство на себя. О, дорогой святой Дисмас, почему ты не хочешь, чтобы кто-нибудь другой в этом мире сделал что-нибудь полезное?!

8

Терранса разбудил Ямамура. Установили, что гориллоиды не были иксянами. Они оказались дальтониками и не могли управлять механизмами. Мозг их был мал по своей массе, а по сложности он соответствовал мозгу собаки.

Терранс стоял на капитанской рубке, он уже свыкся с мыслью о своей обреченности.

Никогда прежде космос не казался ему таким прекрасным, как сейчас. Терранс не был хорошо знаком с местными созвездиями, но его тренированный глаз нашел созвездия Персея, Возничего и Тельца. Они находились в направлении Земли и не были сильно искажены. В том же направлении лежал Рамамунджан, где позолоченные купола городов поднимались из утреннего тумана, чтобы поймать первый луч солнца, всходявшего из-за Ганди. Можно было распознать отдельные звезды: рубиновую Бетельгейзе и янтарную Спикку — звезду пилотов, которой он так часто любовался в своих полетах. С

другой стороны небо было покрыто мелкими морозными огнями звезд в безоблачной и бесконечной тьме. Это Млечный Путь опоясывал небо своим холодным серебром: зеленовато сверкали туманности, другие галактики раскручивали спирали на краю видимости. Он меньше думал о планетах, на которые ступал, даже о своей собственной, чем об этой дали, ничем не ограниченной. Конец был близок. Взрыв будет таким мгновенным, так что они не успеют ничего почувствовать. Лучше испариться в чистоте этого взрыва, чем уйти в подземные темницы аддеркопов.

Он отбросил сигарету. Его рука ласково коснулась приборов управления. Он знал каждую кнопку и рукоятку так же хорошо, как свои пять пальцев. Это был его корабль. Он совсем не походил на корабль чужаков, где огромная бессмысленная панель требовала одновременных действий карлика и гиганта, где управление двигателем, если оно не закрыто огромным ключом, включалось от легкого прикосновения пальцев, где...

Звук знакомых шагов заставил его обернуться. От неожиданности он весь напрягся. Когда же он увидел, что это действительно Джерри, тело его расслабилось, и только кровь продолжала колотиться в висках.

— Что привело вас сюда? — спросил он, и голос его прозвучал мягче, чем он сам того ожидал.

— О... то же, что и вас. — Она взглянула на экран. С того времени, когда они захватили корабль чужаков, а может, он захватил их, красная звезда на носовом экране заметно выросла. Теперь она зловеще горела перед ними на расстоянии всего в один световой год. Джерри состроила гримасу и повернулась к ней спиной.

— Ямамура переделывает аппаратуру, — тихо сказала она. — Никто не обладает достаточными знаниями, чтобы помочь ему, а он уже шатается от усталости и бессонницы. Старый Ник сейчас в своей каюте курит и пьет. Он только что прикончил одну бутылку и начал другую. Там так дымно, что хоть топор вешай. Хозяин не говорит ни слова. Только иногда бормочет что-то себе под нос на каком-то малайском языке. Я этого не вынесу.

— Нам остается только ждать, — сказал Терранс. — Мы сделали все, что могли. Теперь подождем испытания гусениц. Мы проведем их в скафандрах в их собственной клетке. Будем надеяться, что они не нападут на нас.

Он тяжело опустился на стул.

— К чему волноваться? — сказала Джерри. — Я знаю положение дел не хуже вас. Даже если гусеницы окажутся иксянами, нам потребуется несколько дней, чтобы доказать это. Сомневаюсь, есть ли у нас на это время. Если мы в течение двух дней не повернем к Валгалле, нас обнаружат и уничтожат. А если гусеницы также окажутся животными, мы уже не успеем испытать третий вид. К чему в таком случае волноваться?

— Ничего не остается делать... — сказал Терранс.

— Есть что делать! Только не извиваться отвратительно и тшкетно, словно загнанные в угол крысы. Давайте честно признаемся, что мы обречены, и проведем оставшееся время... как подобает людям!

Удивленный Терранс перевел взгляд на Джерри.

— Что вы имеете в виду?

Руки ее взметнулись.

— Это зависит от того, что предпочитает каждый. Может быть, вам захочется привести в порядок свои мысли или что-нибудь вроде того.

— А как насчет вас? — спросил он, чувствуя биение своего сердца.

— Я не мыслитель. — Она печально отвернулась. — Боюсь, я слишком легкомысленна. Я люблю радости жизни. Но мне не везет, и я никак не могу найти друга, который наслаждался бы ими вместе со мной.

Он обнял ее за обнаженные плечи и повернул лицом к себе. Его руки ощутили бархат ее кожи.

— Вы уверены в этом? — спросил он, еще не веря своему счастью. Она закрыла глаза и стояла, наклонив голову и полураскрыв губы. Он поцеловал ее, и через секунду она ответила на его поцелуй.

В это мгновение на пороге появился ван Рийн. Он стоял с сигарой в руке и с оружием на поясе и смотрел, пока сигарета не выпала из его пальцев.

— Та-ак! — заревел он.

— Ой! — взвизгнула Джерри.

Она высвободилась из объятий капитана. Волна гнева поднялась в Террансе. Он сжал кулаки и шагнул к ван Рийну.

— Та-ак! — повторил торговец. Переборки, казалось, дрожали от его голоса. — Проклятый укус, я пришел вовремя! Я просиживаю часы, напрягая свой мозг, чтобы спасти ваши бесполезные жизни, а вы, предательская помесь грязной змеи с сырым клещом, заводите здесь шашни с моей секретаршей, нанятой на мои кровные деньги! Химеры и дьяволы! На колени — и просите прощения, иначе я раздавлю вас и превращу в собачий корм!

Терранс остановился в нескольких сантиметрах от ван Рийна. Он был выше торговца, намного легче, но зато чуть ли не на тридцать лет моложе.

— Уходите! — резко сказал он.

Ван Рийн побагровел. Он замер на несколько секунд.

— Ладно, черт возьми, — наконец проговорил он. — Дьявол и смерть, он достаточно потрепал мне нервы!

Его левый кулак описал полукруг. Терранс уклонился, но еле удержался на ногах. Его собственный кулак ударил торговца в живот, проделал короткий путь в жире, натолкнулся на тугой мускул и отскочил. Тогда ван Рийн пустил в ход правый кулак. Космос

взорвался вокруг Терранса. Он взлетел в воздух, перевернулся, упал и остался лежать неподвижно.

Когда к нему вернулось сознание, ван Рийн поддерживал его голову и протягивал бренди, который принесла испуганная Джерри.

— Ну вот, парень, успокойся. Маленький глоток бренди, а? Вот так-то лучше. Вы потеряли один зуб, вставьте его на Фрейе. Можете сделать это за счет компании. Это сделает вас счастливее, не так ли? А теперь, Джерри, дай ему стимулирующую таблетку. Пошли к ложу, парень. Вот так, поднимайся. Тебе не следует пропускать эту забаву.

Поддерживая Терранса одной рукой, торговец поставил его на ноги. Капитан навалился на ван Рийна, но стимулирующая пилюля уже приглушила боль, головокружение тоже прошло. Сквозь разбитые губы он спросил:

— Что случилось? Что вы имеете в виду?

— Я знаю, кто такие иксяне. Я пришел за вами, чтобы вместе вытащить их из клетки. — Ван Рийн подтолкнул Терранса и прошептал тихо: — Не говорите никому о происшедшем, иначе мне придется слишком часто драться. Но я люблю иногда пощекотать себе нервы как сегодня. Когда я окажусь дома, то думаю перевести вас с яхты и поручить командовать торговым отрядом. Как вам это нравится, а? Ну, идемте, у нас много работы.

Терранс побрел за ним в крайнем замешательстве. Когда они подошли к зоологическому трюму, ван Рийн знаком подозвал космонавтов, стоявших на страже. Те присоединились к торговцу, и их тяжелые шаги замерли перед одним из помещений.

— Эти? — спросил Терранс. — Но я... думал...

— Вы думали то, на что они и надеялись, — сказал ван Рийн. — Их тактика была хорошо продумана. Она сработала бы где угодно, но только не у Николаса ван Рийна. Ну а теперь пригрозим им своим оружием. Надеюсь, этого будет достаточно. При помощи рисунков мы сумеем им объяснить, как раскрыли их тайну. Потом они отвезут нас к Валгалле, которую мы покажем им на астрономических картах, уже подготовленных капитаном Террансом. Они будут выполнять наши требования, как пленники, но во время путешествия мы сможем найти с ними общий язык и доказать им, что мы не аддеркопы, что мы хотим быть друзьями и торговать с ними. О'кей! Начинаем!

Он открыл люк, зашел в помещение, схватил одного зверька в шлеме и вытащил его наружу.

9

У Терранса не оставалось времени ни на что, кроме своей работы. Вначале он заделывал пробоину в корабле чужаков, после того как продукты и оборудование были перенесены на него с «Гебы». Затем потребовалось направить яхту в противоположную сторону: через

несколько часов ее конвертер взорвется, что заставит аддеркопов прекратить погоню. Затем они отправились в путь, и, хотя иксяне вели корабль туда, куда им было приказано, за ними все равно нужно было следить, чтобы они не приняли самоубийственного решения. Остальное время уходило на выработку общего языка. Терранс, кроме того, должен был присматривать за своими людьми, успокаивая их и нейтрализуя возникающие страхи. И еще он обязан был следить по детектору, не появится ли вражеский корабль. Он постоянно находился в напряжении.

Он мало спал и не мог высвободить часа, чтобы подробно побеседовать с ван Рийном. Но он знал, что торговца ведет счастливая судьба, и решил довериться ей.

Валгалла превратилась в небольшой желтый диск, затмивший все остальные звезды. К ним подошел патруль Лиги: им выделили эскорт, и они на небольшой скорости двигались к Фрейе.

Командир патруля сообщил, что хочет побывать у них на борту. Терранс остановил его:

— Когда мы окажемся на орбите, фримен Агилин, я буду рад принять вас. Но теперь ваше присутствие внесет дезорганизацию в наши ряды. Вы понимаете меня, я надеюсь.

Он выключил телескоп чужаков, с которым научился обращаться.

— Пойду приведу себя в порядок. Не мылся с тех пор, как мы оставили яхту, — сказал он. — Продолжайте, фримен Лафар, — он поколебался, — и... гм... фримен Джукх-Варклах.

Джукх что-то промышлял. Он был слишком занят, чтобы разговаривать. Гориллоид сидел в кресле пилота, протягивая свои огромные руки к приборам и направляя корабль по гиперболической орбите. Варклах — зверек в шлеме — сидел у него на плече. У него не было голосовых связок, и он лишь помахал щупальцами, потом вытащил этими щупальцами ключ из отверстия. Остальные щупальца остались погруженными в массивную шею гориллоида, получая питание от его кровеносной системы и посылая чувствительные импульсы в моторно-нервную систему составного пилота корабля.

Вначале такое сочетание организмов казалось Террансу вампиреским. И хотя предки зверьков в шлемах действительно паразитировали на предках гориллоидов, сейчас это было не так. Они стали симбионтами. В этом случае зверьки являлись зоркими глазами и разумом, а гориллоиды — силой и руками. Ни один из видов не мог существовать самостоятельно, а в комбинации они образовывали новый вид. Привыкнув к этой мысли, Терранс уже не видел в зверьке, взбиравшемся на плечи гориллоида, ничего странного, так же как ничего странного не видел во всадниках на лошадях, изображенных на исторических картинах. А когда существа в костных шлемах уяснили, что не все люди являются их врагами, они изменили свое к ним отношение.

«Несомненно, они думают о тех новых любопытных породах животных, которые мы сможем продавать им для зоопарка», — подумал Терранс. Он шлепнул Варклакха по плечу, потрепал Джукха по шерсти и вышел из рубки.

Обтирание губкой и свежая одежда сняли усталость. Он подумал, что надо предупредить ван Рийна, и постучал в дверь его каюты.

— Войдите, — послышался бас. Терранс вошел в каюту, заполненную синим дымом. Ван Рийн сидел перед пустой бутылкой бренди, одной рукой сжимая сигарету, другой обнимая Джерри, свернувшуюся у него на коленях.

— Садитесь, садитесь, — сердечно поприветствовал капитана ван Рийн. — Где-то в углу есть недопитая бутылка.

— Я должен сообщить вам, сэр, что скоро мы примем на борт капитана эскорта. Профессиональная вежливость. Он хочет взглянуть на икс... гм-м... на торгу-контанакх.

— Ладно, зовите его на борт, — сказал ван Рийн, нахмурившись. — Только пусть он захватит с собой бутылку и не задерживается слишком долго. Я хочу на Землю, я болен от пребывания в Космосе. Черт побери, я готов босиком бегать по мягкой земле Фрейи!

— Может быть, вы хотите переодеться? — намекнул Терранс.

— Ой! — взвизгнула Джерри и побежала к каюте, которую иногда посещала и где хранились ее вещи. Ван Рийн осмотрел свой саронг и скрестил волосатые ноги.

— Если этот капитан желает взглянуть на иксян, пусть смотрит на иксян. А мне так удобнее, значит, таким я и останусь. И я не хочу, чтобы он узнал, каким образом я выяснил, кто такие иксяне. Это поможет мне в создании нового торгового синдиката. Понятно?

Его глаза сузились. Терранс кивнул.

— Да, сэр.

— Хорошо. Сиди, парень. Помоги мне привести мой корабль в порядок. У меня нет вашего образования. Я работаю с тринадцати лет и нуждаюсь в помощи. Я хочу, чтобы мои слова были такими же элегантными, как моя логика.

— Логика? — повторил Терранс удивленно. Он наклонил голову главным образом потому, что дым уже начал есть ему глаза. — Я думал, вы просто угадали.

— Что? Вы так мало меня знаете?! Нет, нет и нет, черт побери! Николас ван Рийн никогда не гадает! Я знал. — Он дотянулся до бутылки, сделал величественный глоток и добавил: — Я понял это после того, как Ямамура установил, что гориллоиды не являются иксянами. Тогда я сел, напряг свой мозг и решил рассмотреть создавшуюся ситуацию в целом. Видите ли, я шел путем исключения. Элефантоида я исключил сразу. Он был только один. В крайнем случае, один пилот сможет вести корабль в космосе, но он не сможет приземлиться. Он не сможет отлавливать диких животных,

заботиться о них и так далее. И к тому же, если что-то испортится, он будет совершенно бессилён.

Терранс кивнул.

— Я думал об этом, но с точки зрения космопилота, — сказал он. — На этом основании я тоже склонен был исключить элэфантоида. Но, должен признаться, мне не пришло в голову, что собирание зверей не под силу одному космонавту.

— К тому же он был слишком велик, — сказал ван Рийн. — Что же касается тигровых обезьян, то я, как и вы, никогда не принимал их всерьёз. Может быть, их предки и были меньшими по размеру и прямоходящими, но потомки вернулись к передвижению на четырех ногах. Разумные существа не могут быть так узко специализированы. Маленький мозг, внешность хищника, кошачьи когти — этого достаточно. Гусеницы показались мне подходящими, но лишь до тех пор, пока я не вспомнил, как вы включили двигатель. Этот тумблер, не будучи закреплён особым ключом, сдвигался слишком легко, чтобы не включиться от собственного веса при утроенном тяготении... или, во всяком случае, всегда сохранялась опасность, что он включится. А вспомните полку, которую вы так легко погнули. На планетах с утроенной гравитацией не может быть таких непрочных вещей.

Остались кентавры со щупальцами, — продолжал он. — Кентавры были опасны для нас, ибо смесь водорода с кислородом взрывается. Я внимательно читал отчеты специалистов, надеясь, что обнаружу что-нибудь, что позволит снять с них подозрение. И, черт возьми, я нашел! Видите ли, у иксян были замедлители из окислов меди, установленные без защитных кожухов. А окись меди и водород в условиях не очень высокой температуры, возникающей при прохождении тока, превращаются в воду и чистую медь. Следовательно, корабль построен существами, дышащими чем угодно, только не водородом. — Он улыбнулся.

— У вас слишком высокое образование. Вы забыли школьный курс химии.

Терранс щелкнул пальцами и выругался.

— Итак, путем исключения мы пришли к зверькам в шлемах, — сказал ван Рийн. — Но они не могли быть строителями корабля. Да, они могли держать некоторые инструменты, например, этот ключ, спрятанный на дне отверстия, но и только. Они такие медлительные и маленькие. К тому же у маленьких животных не может быть достаточно большого мозга, да и хорошие глаза встречаются не часто. А между тем у этих существ в шлемах превосходные глаза, не хуже наших. Они похожи на человеческие. Я вспомнил, что в каюте иксян есть большие и маленькие ложи. Может быть, койки для двух видов спящих? И я подумал: не является ли череп человека подобием черепахи с ее броней? А сам человек, может быть уподоблен паразиту — ведь он питается за счет других. Во всяком случае, я таких знаю. Возьмите, например, Джуна Хирлемана из Венецианской

компании чая и кофе. Но не меня. Так я доказал то, что требовалось доказать... — самодовольно закончил ван Рийн.

Охрипнув от длинной речи, он схватился за бутылку. Терранс посидел еще немного, но так как торговец не был склонен продолжать разговор, он встал и вышел.

Джерри встретила его у двери. В сверкающем платье с глубоким декольте и длинным разрезом, она была ошеломляюще хороша. Терранс запнулся, но ее взгляд скользнул мимо, как будто его не существовало.

— Шуба из марсианского котика, — сонно пробормотал ван Рийн. — Марсианские огненные жемчуга. Квартира в Звездном Городе.

Джерри прижалась к ван Рийну и провела рукой по его волосам: — Вам удобно, Ники, дорогой? — проворковала она. — Я могу для вас что-нибудь сделать?

Ван Рийн подмигнул Террансу.

— Вас ждут в рубке управления, — сказал он капитану. — Вы не так стары, толсты и одиноки, как я, — у вас есть семья.

— Гм-м... да, — сказал Терранс. — Вы правы.

Он закрыл за собой дверь и вернулся в рубку.

10

Общезвестно, что структура общества определяется его технологией. Но в абсолютном смысле совершенно разные культуры могут использовать одинаковые инструменты, исходя из той предпосылки, что без космических кораблей не может быть межзвездной торговли. Раса, привязанная к одной планете, обладающая обширными познаниями в технической, торговой и военной областях, неизбежно склоняется к коллективизму под тем или иным именем. Свободное предпринимательство нуждается в обширных пространствах.

Автоматизация сделала производство дешевым, а стоимость энергии неожиданно упала с изобретением протонных конвертеров. Управление гравитацией и овладение гиперпространством открыло Галактику для эксплуатации. Эта эксплуатация служила также предохранительным клапаном: гражданин, считавший, что правительство слишком угнетает его, мог эмигрировать куда угодно. Это обстоятельство усиливало влияние либеральных планет. А это, в свою очередь, сказывалось на уменьшении угнетения в других мирах.

Межзвездные расстояния огромны, каждая звездная раса имела свое представление о культуре, поэтому всеобщего союза не было. Не было и войн — войны стали слишком разрушительными, и обе стороны лишались шанса уцелеть. Никаких братских отношений между нациями не устанавливалось, но в целом равновесие было стабильным. По-прежнему была велика потребность в товарах. Имелись предложения и от старых миров.

В таких условиях быстро развивался межзвездный капитализм. Ограниченный клановыми интересами, он вынужден был образовывать свои союзы и делить сферы влияния. Могучие компании объединялись, чтобы уничтожать конкурентов, взвинчивать цены и производить более качественные товары. Правительства были ограничены своей планетной системой, они не могли контролировать звездных торговцев и вскоре вовсе отказались от этого.

Эгоизм — могущественная сила. Правительства, официально провозгласившие своей политикой альтруизм, были разделены. В этих условиях Политехническая лига стала суперправительством, раскинувшимся от Канопуса до Полярной Звезды, включающим в себя множество рас. Эта мощная горизонтальная структура стирала политические и культурные границы, Лига проводила свою собственную политику, заключала договоры, строила базы, вела малые и большие войны, способствовала распространению цивилизации и установлению всеобщего мира. Но конечной целью всего этого было получение прибыли!

ТЕРРИТОРИЯ

Повесть

1

Джей Дэвидсон проснулась, словно от толчка. Свист повторился, достаточно сильный, чтобы проникнуть сквозь каменную кладку, металл и изоляцию и достичь ее барабанных перепонок. Она села в темноте, пытаясь сообразить, что происходит. В последний раз она слышала этот дикий вой в Чебенде, тогда это был шум двух дерущихся отрядов. Но в тот раз она была спасена, посажена на флиттер, окружена вооруженной охраной, а проводником ее стал сам седой старейшина. То, что она видела и слышала затем, доносили до нее телекамеры, наблюдавшие за сверкающими ледяными полями внизу. Разукрашенные тигровыми полосами воины, убивающие и умирающие сами, были для нее лишь фигурками на экране. Ей было жаль их, но в то же время они не были для нее реальностью: она была уверена, что больше никогда не увидит их, эти атомы, исчезающие потому, что исчезал их мир.

Но теперь такой знакомый свист звучал где-то рядом.

Этого не могло быть!

Прогремел взрыв. Она услышала, как мелкие осколки падают на крышу, ее кровать зашаталась. Внезапно свист стал еще отчетливее, громче, его сопровождали удары барабанов, звяканье металла и грохот разбиваемых предметов. Атакующие, по-видимому, взорвали дверь машинной секции и ворвались внутрь. Но где они взяли порох?!

Где же, как не в городе Бусулонго!

Значит, старейшины решили, что людей нужно истребить. Страх смерти ледяной волной окатил Джей. Волна прошла, оставив обиду

и боль, как будто Джей была ребенком, которого ударили без причины. Почему они так поступили с ней, ведь она пришла помочь им?!

Топот ног послышался рядом с той частью купола, где были созданы земные условия.

Итак, туземцы восстали и явились с оружием в руках. Она слышала их свирепые вопли. Затем схватка перекинулась дальше, в машинное отделение. Звенели мечи, томагавки разрубали кости, гневно заговорил пистолет, который она дала Уулобу. Но она понимала, что ее отряд долго не продержится. Другого клана поблизости не было, а сами старейшины никогда не принимали участия в схватках. Но в оазисе находились сотни мужчин шанга, в то время как в миссии едва ли набралось две дюжины верных людям т'келанцев.

Хотя дверь машинной секции оказалась пробитой, проникнуть внутрь было нелегко: она была надежно укреплена в соответствии с местными условиями. Но как только стену разрушат... Джей вскочила на ноги. По дороге к платяному шкафу она дотронулась до выключателя: вспыхнул свет. Узкая загроможденная комната, так хорошо знакомая ей, показалась чужой в белом свете. «Это потому, что я испугана, — сообразила она. — Словно я очнулась в ожившем ночном кошмаре!»

Нервы и мускулы Джей действовали помимо ее воли. Она натянула теплое платье, тяжелую верхнюю одежду. Надевая перчатки, она подсоединила их провода к электрической обогревательной сети, встроенной в костюм. Теперь — специальные сапоги, резервуар с восстановителем воздуха, аккумулятор, пистолет и патроны, на ее плечи лег шлем, но лицевая пластина его пока оставалась поднятой.

Проверка воздушных замков, обогревательной системы — все! Условия Т'Кела смертельны для людей. Температура в эту летнюю ночь в средних широтах составляет около шестидесяти градусов ниже нуля по Цельсию. Давление азотной составляющей атмосферы действует как наркотик. В воздухе нет водяных паров, и он мгновенно иссушает легкие, а аммиак сжигает их. Любого из этих факторов достаточно, чтобы убить человека. Вдыхая кислородную составляющую местного воздуха, человек может продержаться несколько минут, а потом неминуемо потеряет сознание.

К тому же тут оказались шанга, убивающие людей и их помощников, и у них имелся порох, которым они взрывали стены.

Джей повернулась. «Остальные!» Интеркома не было: две дюжины людей не нуждались в нем. Она постучала в дверь соседней комнаты. Никто не откликнулся.

— Откройте, вы, идиот! — закричала она, стараясь перекрыть звуки, доносившиеся снаружи. — Выходите, мы можем уйти только этим путем!

— Как я могу открыть? Вы сами закрылись, черт вас побери!

— Конечно, конечно... — сообразила она. Испуг и нарастающий шум схватки мешали ей думать. Она же закрыла дверь со своей стороны. Раньше, во время ее пребывания в миссии, в этом не было нужды. Но потом прилетел Николас ван Рийн, поселился рядом с ней, и ей хватило пары часов, чтобы устать отбиваться от его медвежьих авансов.

Она отодвинула задвижку.

Вкатился торговец. Подобно большинству эсперансиан, Джей была высокого роста, но ему она доставала только до шеи. Плечи его заполнили дверной проем, а огромный живот оттопыривал костюм. Обвешанный разными приспособлениями, он выглядел еще потешнее, чем тогда, когда накануне направлялся к куполу в кружевах и оборках. Большой крючковатый нос торчал из открытого шлема, приносившаяся к запаху крови в воздухе.

— Ха! — крикнул он ей. Лоснящиеся черные локоны, заботливо завитые, раскачивались из стороны в сторону, смазанные чем-то усы и борода торчали в разные стороны наподобие рогов. — Что за чертовщина, ад бы ее побрал! Что за суматоха? Я считал, что туземцам можно доверять.

— Это другие... — пояснила Джей. — Идемте, нам нужно присоединиться к остальным.

Ван Рийн резко кивнул, так что несколько его подбородков задрожали, и позволил ей увести себя. Личные каюты секции миссии, занимаемой людьми, выходили в общий проход: двери открывались в коридор и в две соседние каюты. Каюта Джей — в конце последнего ряда, а на противоположном конце коридора находилось машинное отделение. Незамужняя, любящая уединение, она сама выбрала это отдаленное помещение.

Кают-компания находилась на другом конце купола. Выйдя из своей каюты, Джей увидела, что двери остальных комнат распахнуты. Закрытыми остались лишь незанятые помещения, построенные специально для таких гостей, как ван Рийн и члены его отряда.

Итак, все уже, очевидно, собрались в кают-компании! Джей побежала.

Тяжелые шаги ван Рийна, гремевшие за ней, напоминали землетрясение. Гравитация на Т'Кела была примерно такой же, как на Земле и Эсперансе.

«Единственный совпадающий природный фактор», — с отчаянием подумала Джей. На мгновение перед ней мелькнули картины родной планеты, обращавшейся вокруг звезды, называемой Мир. Поля пшеницы, отдаленные синие горы, красно-золотой флаг независимого Мира, взвизгивающий к облачному небу, и гордая мечта, создавшая их общину. За ее спиной послышался грохот, пол под ногами задрожал. Она упала. Грохот повторился, потом раздался оглушительный взрыв. Буквально все здание заколебалось.

Хватаясь руками за пол, она перевернулась. Голова ее болталась в шлеме. Вкус крови во рту смешался с привкусом дыма. Она бросила

взгляд вдоль коридора, пытаясь рассмотреть что-нибудь сквозь затянущую все тьму. Стена рядом с ее комнатой оказалась расколотой. В полутьме двигались какие-то фигуры.

— Они взорвали стену, — тупо сказала она.

— Закройте шлем! — взревел ван Рийн.

Она поспешно опустила лицевую пластину. Голос торгового принца доносился словно издалека, хотя он преобразовался в мощном усилителе. Джей охватило оцепенение, оно сковало ее мышцы и одурманило мозг.

— Они взорвали стену, — повторила она. Это казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой.

В проломе появился первый туземец. Он задержал дыхание, опасаясь обжечься земным воздухом. Между тем из-за его спины в пролом со свистом проникала губительная т'келанская атмосфера. Приземистая обнаженная фигура застыла в напряжении, держа в руках странной формы лук. Большие, с длинным разрезом глаза сверкали в свете земных ламп.

Эсперанский техник выскочил из-за поворота.

— Джей! — крикнул он. — Фримен ван Рийн! Где...

В этот момент басовито прогудела спущенная тетива лука. Заостренная стрела прорвала его космический костюм. Через мгновение коридор был уже полон летящих из темноты стрел и копий. Джей и ван Рийн остались лежать. Техник же повернулся и убежал.

Видавший виды личный бластер ван Рийна словно прыгнул к нему в руку. Лежа, он выстрелил в направлении пролома. Огненный луч опалил дыру в стене, тени за ней исчезли, но крики и звон продолжали доноситься оттуда.

Запах аммиака ударил в ноздри Джей.

— Сифилис и чума! — проревел ван Рийн. — Не знаю, может, вам и нравится дышать этой вонью... — Он встал на колени и тщательно закрыл лицевую пластину на шлеме. Его маленькие, черные, глубоко посаженные глаза внимательно оглядывали ее. — Ну, ну, прибодритесь. Вы хорошенькая девушка с такой ладной фигуркой. Только не нужно так коротко стричь волосы. Не будем терять время.

Он потянул ее за плечо, поставил на ноги и повернул в сторону кают-компаний, в то же время непрерывно держа под прицелом бластера пробойну.

— Уф, уф, — бормотал он. — Все это не для бедного толстого старика, которому лучше было бы сидеть в своей уютной конторе на Земле и дымить сигарой, держа стаканчик джина в руке. Тем более что эти проклятые крикуны, которым он собирался помочь, намереваются убить его. Да, они жаждут выколоть ему глаза. Но служащие всех торговых баз настолько глупы, что бедному Николасу ван Рийну приходится отправляться за сотни световых лет от дома и искать новые возможности для торговли. Иначе конкуренты, как бешеные волки, на клочки разорвут его компанию «Солнечные

пряности и напитки» и заставят его на старости лет заниматься проституцией... Ох, ох, ох...

Джей затрясла головой, когда он поставил ее на ноги. Сознание к ней вернулось, ноги больше не дрожали. Они добрались до двери кают-компаний, но Джей тщетно давила на кнопку: дверь не открывалась.

— Закрыто, — сказала она растерянно.

Ван Рийн с такой силой заколотил в дверь, что та зашаталась.

— Откройте! — взревел он. — Гром и кости! Что за шутки?!

Из-за поворота коридора выскочил туземец. Ван Рийн повернулся, но Джей вовремя ухватила за его бластер.

— Не стреляйте, это Уулобу.

Т'келанец, по-видимому, истратил все патроны, так как в его руке остался один томагавк. Три других туземца бежали за ним с поднятыми мечами и топорами. Их юбки были украшены гербами с изображением круга и квадрата — гербами клана шанга.

— Стреляйте в них!

Бластер ван Рийна выплюнул струю пламени. Один из туземцев упал, остальные повернулись, намереваясь убежать. Уулобу крикнул и метнул свой томагавк. Обсидиановое лезвие ударило заднего шанга, и тот завалился набок, обливаясь кровью. Уулобу потянул за веревку, связывающую его запястье с томагавком, и, вернув оружие себе, снова метнул его.

Ван Рийн повернулся к двери.

— Эй вы, искусанные термитами трусы, впустите нас!

Пока он ругался, Джей сообразила, что могло произойти. Она начала стучать по его спине почти так же сильно, как он сам бил в дверь, пока ван Рийн не остановился и не повернулся к ней.

— Они не оставили бы нас здесь, — сказала она ему. — Но они, должно быть, решили, что мы убиты, так как Карлос видел нас там, в коридоре, лежащими на полу, осыпаясь множеством стрел и копий. Их уже нет в кают-компаний. Они заперли дверь, чтобы удержать туземцев, а сами через другой выход ушли к космическим кораблям.

— Ах да, да, возможно! Но что нам теперь делать? Может, прожечь дыру в двери, чтобы последовать за ними?

Уулобу заговорил на гортанном наречии района Бусулонго:

— Все наши убиты, небесная женщина. Сражение кончилось. Шум, который мы слышим, производят шанга, грабящие миссию. Если они найдут нас, то забросают стрелами. Два пистолета не остановят их, но я думаю, что мы можем выбраться между железом, которое движается, и обогнуть купол.

— Что он бормочет? — спросил ван Рийн.

Джей перевела.

— Думаю, что он прав, — добавила она. — Единственное, что мы можем сделать, — это уйти через машинную станцию. И нам лучше поторопиться.

— Да. Пусть он идет вперед. Вы будете прикрывать отступление.

Они двинулись в обратном направлении. Иней уже выбелил стены, пол сделался скользким, так как водяные пары на т'келанском морозе моментально замерзали. Брешь в стене машинной станции зияла как огромная черная пасть. Вдали Джей слышала треск, звон и возбужденные крики. Дело многих лет пошло прахом.

«Но почему?» — с болью спрашивала Джей себя и не находила ответа.

Уулобу, лучше видевший в темноте, нежели люди, первым вступил в брешь и двинулся вперед среди неясных контуров механизмов. Здесь стояли различные средства передвижения: четыре наземных машины и множество флиттеров. Вдобавок ко всему это длинное помещение было загромождено специальным оборудованием, которое эсперансиане пытались использовать для спасения планеты. Большая часть оборудования была разбита, превращена в обломки, разбросанные по машинному залу.

Они добрались до прямоугольного, тускло светившегося выхода. Джей направилась к нему, но задела ногой какой-то брошенный инструмент, и тот зазвенел.

Мгновенно у выхода возникла дюжина теней. Они проскользнули вовнутрь и растаяли в темноте, прежде чем ван Рийн успел выстрелить. Уулобу взвесил в руке томагавк и достал нож.

— Теперь нам придется пробиваться с боем, — сказал он без сожаления.

— В атаку! — закричал ван Рийн и рванулся вперед, но несколько туземцев выбежали наперерез ему. В темноте блеснули металл и полированные борта машин. Бластер землянина сверкнул огнем. Один из туземцев вскрикнул, другой схватил ван Рийна за руку и попытался вырвать оружие. Ван Рийн оттолкнул его, но туземец продолжал висеть у него на руке, мотаясь взад и вперед.

Уулобу присоединился к дерущимся, нанося удары с хищной радостью. Джей вытащила свой пистолет, стрелявший пулями. В темноте сверкнули зубы и глаза туземца. Пролетело короткое копье, едва не угодив ей в грудь. Но даже после этого ей было нелегко нажать на курок. Звук выстрела громом отдался у нее в черепе.

Вокруг царило безумие: толкающееся, царапающееся, стреляющее, падающее, борющееся и кричащее. Вновь и вновь Джей слышала голос Уулобу, боевой клич клана авонго. Ван Рийн ревел как труба:

— Святой Дисмас да поможет нам! Вот вам, паршивые собаки!

И вдруг все внезапно кончилось. Огнестрельное оружие сделало свое дело. Джей лежала на полу, тяжело дыша, и слышала, как убегает последний шанга. Где-то стонал раненый воин, пока Уулобу не нашел и не перерезал ему горло.

— Вставайте, — сказал ван Рийн, — некогда отдыхать.

Уулобу помог Джей встать. Он был слишком маленького роста, чтобы Джей могла опереться на него, но в это время ей протянул руку ван Рийн. Они вышли в ночь через пролом в стене.

От ограждения ничего не осталось, над ними раскинулся небесный купол Т'Кела. Наверху сверкали незнакомые созвездия, возшла большая луна. Она была почти полной и бросала тусклый медный свет на равнину. На запад и на юг тянулась ровная степь, покрытая редкими кустиками, похожими на земную польнь с низкими жилистыми стеблями и серебристыми листьями. Прямо на севере возвышалась черная стена гор Бусулонго, вырисовывающаяся на фоне Млечного Пути. Город, скрытый ее вершиной, выдавал себя только очертаниями башен, похожими на зубы. Несколькими километрами восточнее бежала аммиачная река Найгивола. Джей заметила отблески на ее поверхности. Деревья оазиса, в котором расположились лагерь шанга, образовали густое темное пятно. Холмы, уходившие к северу от Бусулонго, блестели ледяными вершинами.

— Внимание! Быстрее! — прорычал ван Рийн нетерпеливо. — Если остальные решили, что мы мертвы, то они могут улететь без нас!

Они бегом, изнемогая от усталости, обогнули купол станции. Два огромных, суживающихся к концам цилиндра блестели в свете луны — это были грузовые корабли миссии. Рядом с ними стояла роскошная яхта, на которой прибыл с Земли ван Рийн с помощниками. Несколько мертвых шанга валялись вокруг. Ночной ветер шевелил их мех.

Очевидно, беглецам пришлось сражаться. Трапы кораблей были убраны, люки задраены. Когда они почти добежали до кораблей, взревели двигатели.

— Эй! — взорвался ван Рийн. — Вы, тупоумные твари, подождите меня!

Первой взлетела яхта и, подобно молнии, унеслась в небо. Воздушная волна отшвырнула ван Рийна. Затем поднялись грузовые корабли. Ван Рийн упал, покатился, переворачиваясь с грохотом. Наконец, его тело, преодолев несколько метров, замерло в неподвижности.

Джей поспешила к нему.

— Что с вами? — с тревогой спросила она. Он, конечно, был отвратительно старым, неотесанным человеком, но ее охватил ужас при мысли, что придется остаться совсем одной на этой враждебной планете.

— О-о-о! — простонал ван Рийн. — Святой Дисмас! Я подарил тебе новый цветной витраж в домашней часовне. Теперь я думаю, что лучше разбить его.

Джей взглянула вверх. Космические корабли, сверкнув, как звезды, исчезли.

— Они не увидели нас, — сказала она.

— А я не понял, — фыркнул ван Рийн.

К ним присоединился Уулобу.

— Шанга слышали шум. Они скоро придут сюда и найдут нас. Нам нужно бежать.

Ван Рийн не нуждался в переводе. Осторожно ощупав себя, словно боясь потерять что-нибудь ценное, он встал и двинулся к куполу.

— Возьмем флиттер! — сказал он.

— Нет! Наземные машины имеют гораздо больший запас хода, — сказала Джей. — Нам нужно будет продержаться, пока не вернется какой-нибудь корабль.

— И все время эти искусанные паразитами туземцы будут на нас охотиться? — пробормотал ван Рийн. — Прекрасная перспектива!

— Мы пойдем на запад и найдем мое племя, — сказал Уулобу. — Я не знаю, где сейчас авонго, но другие кланы орды рокулэло должны находиться между Узкой Землей и Бесплодными Землями.

Они вошли в машинную секцию. Джей споткнулась о чье-то тело и содрогнулась. Неужели она действительно кого-нибудь убила?!

Наземные машины имели прямоугольную форму и восемь колес, причем задние были на гусеничном ходу. Аккумуляторы оказались заряжены, их энергии могло хватить на многие тысячи километров движения по горным дорогам. Внутри имелись регенераторы воздуха и запасы продовольствия для шести человек на два месяца, шесть коек, кухня и туалет, набор карт и навигационное оборудование, приемник и передатчик. Здесь было все, что необходимо для длительного путешествия по планете данного типа.

Ван Рийн протиснулся сквозь незапертую дверь и плюхнулся на сиденье водителя. Джей расположилась рядом с ним. Уулобу тоже вошел, но у него закатывались глаза и дрожали усы. Только старейшины Т'Кела могли ездить на таких машинах без неприятных последствий. Но Джей вспомнила, что в полевых экспедициях, когда внутри кабины устанавливались земные условия, туземные проводники и охранники размещались на ее крыше и переговаривались с членами экипажа по интеркому. Таким образом было уже преодолено много километров, сделано немало открытий, разработана программа помощи этому миру. А теперь...

Могучая рука ван Рийна толщиной с человеческое бедро осторожно дотрагивалась до приборов управления.

— В своей компании я всегда использовал специалистов, — сказал он. — Я не похож на этих воругов и проходимцев. Но нам иногда приходилось... гм-м... у конкурентов кое-что взаймы, поэтому я знаю, как... а!

Машина ожила. Ван Рийн задействовал воздушную подушку, чтобы не гроыхать колесами. Но их уже обнаружили. Четыре шанга выскочили из дверей купола. «Там их должно быть не менее сотни», — прикинула Джей. Ван Рийн оскалился.

— Вы любите веселые игры? — спросил он у девушки. Он отыскал выключатель фар.

Луч осветил туземного воина и ослепил его. Шанга застыл,

четко вырисовываясь на темном фоне. Это был т'келанец, типичный представитель данной местности: на этой планете имелось несколько рас, существовавших в разных ее частях, но их было не больше, чем на Земле.

Приземистая фигура туземца имела рост около ста пятидесяти сантиметров. Его организм был приспособлен к извлечению и аккумулярованию любой жидкости, которую он мог отыскать на этой высохшей планете. Ноги и руки т'келанца были почти такими же, как у человека, но только с четырьмя пальцами и толстыми синими ногтями. Шерсть, покрывавшая тело целиком, была ярко-оранжевой с полосами черного цвета. На груди чернел треугольник. Голова была круглой, с заостренными ушами и желтыми кошачьими глазами, с двумя мясистыми щупальцами на лбу, единственной ноздрей, пересекавшей широкий нос, и беззубым ртом, полным острых белых зубов. Воин держал в руках меч в виде заостренного рога, расписанный цветами орды ягола, принадлежавшей к роду шанга.

— Бип, бип, — сказал ван Рийн и бросил машину вперед.

Воин едва успел отскочить в сторону, его товарищи попытались напасть. Джей мельком успела заметить одного шанга с костяным свистком во рту. Ягола никогда не издавали воинственных криков, но имели склонность к музыке. Несколько копий ударились в борт машины, но через мгновение она оказалась уже далеко от них — неслась со скоростью ста километров в час, оставляя за собой хвост пыли, словно комета.

— Куда теперь? — спросил ван Рийн. — Может отправимся к тому городу в горах? Вы говорили, что там живут местные шишки.

— Старейшины? Нет! — воскликнула Джей. — В случившемся, по-видимому, именно они и виноваты.

— Ха! Но почему?

— Не знаю, не знаю. Раньше они казались надежными. Но кроме них никто не мог организовать нападение. У нас никогда не было врагов, ни в одном из кланов. Как только мы уяснили их биохимию, мы тотчас синтезировали медикаменты и снабжали ими аборигенов, мы никогда не отказывали им в помощи. — Джей вдруг обнаружила, что кричит. Она сжала ладонями шлем и попыталась взять себя в руки.

— Ну, ну, все в порядке, — сказал ван Рийн и потрепал ее по плечу. — Вы храбрая и хорошенькая девушка. Успокойтесь и будьте, пожалуйста, повеселее.

2

Т'Кела совершает полный оборот вокруг своей оси за тридцать часов и несколько минут. Угол наклона ее оси составляет несколько градусов. Когда машина остановилась, отъехав километров сто от купола, была уже ночь, и беглецы решили разбить лагерь. Уулобу

вытащил спальный мешок, внутри машины создали земные условия, после чего земляне, сняв защитные костюмы, растянулись на койках. Джей настолько утомилась, что даже не слышала могучего храпа ван Рийна.

Пробудилась она с рассветом. Красное солнце, поднимающееся на востоке, цветом напоминало гаснущие угли костра. Размером оно было не менее половины диаметра Солнца, как оно видится с Земли или Мира, — если глядеть с Эсперанса. Свет его был тусклым, густые тени таились в каждой щели или углублении, а горизонт терялся во мраке. Небо было безоблачно, но на юге плясали плюмажи пыльных бурь. Вокруг расстиралась голая, лишенная даже редкой растительности полупустыня, усеянная булыжниками. На севере виднелись сверкающие поля. Мимо на кожистых, покрытых перьями крыльях, пролетел крупный хищник, питающийся падалью.

Джей села на койке, ее тело ныло. Вспомнив случившееся ночью, она ощутила пустоту в груди. Хотелось снова забраться под одеяло и уснуть. И спать до тех пор, пока не придет спасение, если оно когда-нибудь придет.

Она заставила себя встать, умыться и надеть брюки и блузку. Освежившись, она почувствовала голод и, вернувшись в главное помещение, начала готовить завтрак.

Запах кофе разбудил ван Рийна.

— А-а-ах! — Ему не хотелось вылезать из теплой постели, но, протянув руку, он схватил чашку. — Молодчина! — Он подозрительно принюхался. — Но почему без бренди? После всех передряг мне нужно бренди!

— У нас нет спиртных напитков, — выпалила она.

— Что?! — некоторое время торговец не мог вымолвить ни слова, молча уставившись на нее. Челюсть его отвисла, усы задрожали. — У нас нечего выпить? — переспросил он. — Но почему? Почему? Почему? Это же сверхнаглость. Кто ответствен за это? Клянусь дьяволом, я позабочусь, чтобы его вышвырнули из Лиги с волчьим билетом!

— У нас есть кофе, чай, молоко и фруктовые соки, — сообщила Джей. — Воду будем получать, растапливая наружный лед. Химические фильтры удалят из него аммиак и прочие примеси. И никто не имеет права брать с собой в экспедицию спиртные напитки, фримен ван Рийн.

— Имеет, если он достаточно цивилизован. Проверю-ка я запасы продовольствия. — Он принялся рыться в ближайшем багажном отделении. — Сухое мясо, сухие овощи, сухое... Смерть и разрушение! — завопил он. — Ни одной банки икры! Вы решили погубить меня?

— Скажите спасибо за то, что вы до сих пор живы.

— Но не в таких условиях. Ага, кое у кого хватило мозгов положить сюда сигареты. — Ван Рийн разорвал несколько сигарет и набил табаком трубку, которую извлек из кармана. Когда он разжег

ее, Джей с отвращением вдохнула дым и отправилась на кухню, где принялась греметь посудой гораздо сильнее, чем это было необходимо.

Сидя у откидного столика возле широкого окна, ван Рийн с трудом глотал овсяную кашу и разглядывал невзрачный пейзаж снаружи.

— Уф, что за ужасное место. Похоже на ад с потухшими печами. Как давно вы находитесь здесь?

— Около года. Работаю биотехником. — Она решила, что лучше не раздражать его. — А эсперанская миссия функционирует здесь уже несколько лет.

— Да, я знаю. Хотя не очень хорошо представляю себе проделанную работу. Я здесь нахожусь всего лишь несколько дней, как вы помните. А любая планета настолько велика и характеризуется настолько сложной обстановкой, что разобраться в ситуации за столь короткий срок просто невозможно. К тому же у меня было немало своих дел.

— Я очень удивилась, когда вы прилетели. Вы ведь занимаетесь пряностями и напитками, не так ли? Но здесь нет ничего похожего, ничего, что могло бы понравиться человеку. Мы можем усвоить протеины и некоторые другие биохимические компоненты — они для нас неопасны, но в них отсутствуют необходимые вещества, например, некоторые аминокислоты, и они поэтому отвратительны на наш вкус.

— Но моя компания торгует и с нелюдьми, — принялся объяснять ван Рийн. — Сравнительно недавно один мой работник раскопал доклад экспедиции, обнаружившей эту планету пятнадцать лет назад. Галактика так велика, что никто не в силах уследить за всем, что в ней происходит. Мы постоянно отстаем от событий. Так вот, в этом докладе упоминалось вино, которое производят туземцы.

— Да, оно называется «кунгу», и большинство кланов этого полушария его употребляют. Они выращивают ягоды и некоторые другие растения, дающие нить и волокна. Причем туземцы отнюдь не являются земледельцами, это раса хищников и кочевников, исключая разве старейшин. Они обычно засевают некоторое количество земли и спустя определенное время возвращаются туда для сборки урожая.

— Как вы, наверно, знаете, первые исследователи этой планеты прилетели с Торы. Их планета похожа на Т'Кела, хотя и не так отвратительна. Торане захватили с собою местные семена, но обнаружилось, что из-за ряда экологических причин эти растения не приживаются нигде, кроме своей планеты. «Ага, — сообразил Николас ван Рийн, — Есть шанс завязать неплохую торговлю с Торой». Так как мне не удалось отыскать на Земле подходящего человека, которому можно было бы доверить это дело, пришлось отправиться сюда самому. О, как горько быть настолько одиноким! —

заговорил ван Рийн с пафосом. И его волосатая ручища легла на руку Джей.

— Уулобу возвращается! — воскликнула она и, высвободившись, выскочила из-за стола. «Как раз вовремя», — добавила она про себя.

Т'келанец вприпрыжку бежал по равнине, убитое им небольшое животное свисало у него с плеча. Он был одет иначе, чем шанга: на нем красовалось ожерелье из окаменевших раковин и свободная юбка с гербом клана авонго орды рокулэло. Кожаная сумка на поясе была наполнена жидкостью.

— Он отыскал источник аммиака, — громко сказала Джей, так как ван Рийн встал из-за стола и собирался, обогнув его, подойти к ней. — Вы знаете, они для этого используют щупальца на лбу. Эти щупальца чувствительны даже к минимальному содержанию паров аммиака в атмосфере. Этот мир невероятно сух. Если не считать огромного количества замерзшей воды, конечно. Везде на этой планете вы обнаружите лед. Часто ледники тянутся на сотни квадратных километров. Ведь максимальная температура здесь не выше сорока градусов мороза. Но этот лед не только не пригоден для местной жизни, но и смертельно опасен для этого мира.

Ван Рийн хмыкнул и повернулся к окну. Уулобу добежал до машины и сказал в интерком:

— Небесная женщина, я обнаружил следы охотников, ведущие на запад, к Лубамбару. Это могут быть только рокулэло. Думаю, мы легко отыщем их. Я раздобыл мяса и утолил жажду.

Уулобу принялся собирать хворост для костра.

— Что он сказал? — спросил ван Рийн. Она перевела. — Какая нам польза от союза с варварами? Нам нужно дожидаться прибытия помощи.

— Если она придет, — сказала Джей. — Когда обо всем случившемся узнают на Эсперансе, сюда, конечно, пришлют экспедицию, чтобы на месте выяснить причины происшедшего. Но они и не подозревают, что мы живы, и вряд ли будут торопиться.

— Мои люди поторопятся, — заверил ее ван Рийн. — Я кое-что значу в Политехнической лиге, черт ее побери! Как только на Земле получат известие, оттуда вылетит военный корабль, вооруженный до зубов. Не позднее чем через месяц.

— О, прекрасно! — сказала Джей. Она успокоилась и снова села. Ван Рийн продолжал размышлять:

— Конечно, они не смогут обыскать всю планету. Они знают, что я находился в районе этого проклятого Бусулонго, я именно здесь приземлился. Я думаю, что эти престарелые, или старцы, или как вы их там называете, достаточно соображают в космических делах, чтобы ввести в заблуждение экипаж какой-нибудь правдоподобной историей, если только мы не сумеем остаться здесь, в пределах действия радиопередатчика. А это расстояние на планетах красного карлика очень невелико вследствие особенностей ионосферы. В то же время мы не должны приближаться к врагам, иначе они будут

охотиться за нами, устраивать нам ловушки, бросать бомбы или что-нибудь... Так или иначе, но они, в конце концов, сумеют убить нас, даже если мы не будем вылезать из машины. Следовательно, мы должны быть постоянно готовы к отражению нападения, находясь по соседству с Бусулонго. Вы правы, нам лучше всего отправиться на поиски соплеменников ваших друзей.

— Но мы не сможем заставить их воевать с представителями их же расы! — возразила Джей.

Ван Рийн подкрутил усы.

— Это еще почему?

— Не знаю... мне кажется... если даже нам это удастся, то это будет безразлично.

— Гм-м... — Он некоторое время разглядывал ее. — Вы, эсперансиане, — идеалисты, как я слышал. Ваши предки высадились на планете, чтобы организовать идеалистическую коммуну, и вы продолжаете их дело, несмотря на грубую реальность, да? Ваша миссия помощи этой планете не рассчитана на прибыль. Это ваше стремление приносить добро...

— Это наша межзвездная политика, — согласилась Джей с чувством гордости за свою культуру. — Помогая другим расам, мы получаем взамен их доброе отношение к нам и постепенно убеждаем их взглянуть на окружающий мир иначе, по-нашему. Если у Эсперансы будет много друзей, мы станем сильны, неподвластны чужим влияниям и свободны от необходимости содержать большую армию.

— Из того, что я увидел здесь, можно сделать вывод, что вряд ли вам удастся найти последователей на Т'Кела.

— Да... вы правы... Это настоящие хищники. Но ведь и человек начинал как хищный примат, верно? И т'келанцы несколько тысячелетий назад в этой местности создали высокую земледельческую культуру. Выращивали злаки и корм для мясных животных, которых разводили. Город Бусулонго — реликт этой культуры. Ледяной Век уничтожил эту культуру почти повсюду, воцарились дикость и варварство. Но если им создать необходимые условия, я уверена, автохтоны возродят свою культуру. У них никогда не было наций в нашем понимании этого слова. У них слабо развиты общественные отношения. Но мы уверены, что они могут создать цивилизованное общество с помощью заимствованной технологии.

— Из того, что вы мне рассказали, ясно, что эти змси, сидящие на четвереньках, вовсе не жаждут идти путем, намеченным для них вами.

Джей промолчала, пытаясь представить себе, как змси могут сидеть на четвереньках, потом кивнула:

— Вероятно. Но я тогда не могу понять, почему старейшины всегда так много помогали нам...

— Наверное, тому есть какое-то объяснение. Ну что ж, попробуем установить это.

— Ну... может быть... но как?..

Ван Рийн погладил ее по голове.

— Оставьте философию мне, девочка, — самоуверенно сказал он. — Вам нужно только готовить еду и оставаться такой же хорошенькой.

Уулобу разжег между тем костер и бросил в огонь глаза убитого им животного. Его мрачная молитва доносилась до них даже сквозь стенки машины. Ван Рийн прищелкнул языком.

— Не очень-то перспективная ситуация, — сказал он. — Вы, конечно, цивилизуете их, если сумеете. Но я предпочел бы, чтобы их копья, бросаемые в нашу машину, не имели наконечников из закаленной стали. — Он снова разжег трубку и сел рядом с Джей. — Я хотел бы разобраться в ситуации. Объясните мне. Кое-что я слышал, но не вредно и повториться. — Он потрепал ее по колену. — К тому же, пока вы будете говорить, я смогу наслаждаться зрелищем ваших губок...

Джей встала, чтобы принести еще одну чашку кофе, потом села подальше от ван Рийна. Она принудила себя говорить спокойно:

— Что ж, я начну с того, что это не совсем обычная планета. Необычна она не по физическим параметрам. Я имею в виду, что здесь нет особых отклонений. У звезды-карлика типа «М» на расстоянии в половину астрономической единицы находится планета с массой, на сорок процентов превышающей земную...

— Так много? Вероятно, у нее низкая плотность, и в недрах содержится мало металлов.

— Да, звезда очень стара. Она имела слишком мало тяжелых атомов в те времена, когда формировались планеты. Собственная плотность Т'Кела — 4,4. Здесь имеется, конечно, некоторое количество меди и железа. Я уверена, что на таких планетах и жизнь развивается медленнее. Их солнца излучают так мало ультрафиолета, даже в период вспышек, что первым органическим соединениям не хватало энергии для быстрых реакций. Тем не менее жизнь естественно возникла, но в океанах жидкого аммиака.

— Да. В таких случаях она обычно развивается путем фотосинтеза, использующего аммиак и двуокись углерода для образования углеводов и азота, которым дышат здесь живые существа. — Ван Рийн постучал по своему крутому лбу. — Кое-что еще сохранилось в этой старой башке. Но почему эволюция протекает здесь не так, как на Торе?

— Никто не может этого сказать с уверенностью. Возможно, существуют какие-то катализаторы. В любом случае, даже при таких низких температурах, как здесь, какой-то процент воды остается в океанах, входя составной частью в молекулу гидроокиси аммония. Клетки растений на Торе и на Т'Кела содержат аналог хлорофилла, который выполняет такую же работу — связывает газообразную двуокись углерода и разлагает воду на углерод и свободный водород. Животные обеспечивают противоположный процесс почти так же,

как и на Земле. Но вода, которую они высвобождают, остается в их тканях, удерживаемая специальными молекулами. Когда организм погибает и разлагается, его составные части усваиваются растениями. Во всех мирах, подобных этому, вода играет роль азотных органических веществ на планетах земного типа.

— Но свободный кислород, выделяемый растениями, должен разлагать аммиак!

— Да, это медленный процесс, очень медленный, главным образом потому, что твердый аммиак плотнее жидкого. Он опускается на дно озер и океанов, которые защищают его от действия кислорода и воздуха. Конечно, постоянно происходит непрерывающаяся конвекция. Путем ряда последовательных реакций аммиак и кислород образуют азот и воду. Вода замерзает. В результате моря сокращаются в размерах, воздух становится все беднее кислородом, и пустыни расширяются. Так могло произойти и на Торе. Но там установилось определенное равновесие. Появились бактерии, связывающие азот, они-то и остановили наступающую засуху еще много миллионов лет назад. Так мне когда-то объяснили, почему Торе повезло. Она несколько больше Т'Кела. Атмосфера ее плотнее, поэтому сохраняет больше тепла. Парниковый эффект на таких планетах зависит от наличия двуокиси углерода и аммиака. Несколько тысяч лет назад Т'Кела миновала критическую точку. Было потеряно огромное количество аммиака, в результате чего действие парникового эффекта ослабло. Когда температура снизилась, все большее количество аммиака стало замерзать и опускаться на дно океанов и морей, где он оказался хорошо защищен от таяния. Это вызвало катастрофическое изменение климата, температура упала так низко, что теперь уже и двуокись углерода сжижается и даже замерзает, по крайней мере, в холодное время года. В атмосфере по-прежнему все еще содержится какое-то количество водяных паров, но их очень мало. Парниковый эффект выражен совсем слабо.

Растительная жизнь в результате катастрофы сильно пострадала, вы можете себе представить насколько. Местные растения не могут обходиться без основных своих «строительных материалов» — двуокиси углерода и аммиака. Вслед за растительной жизнью хиреет и животная. Очень быстро огромные пространства, равные по площади земным континентам, превращаются в пустыни. Я говорила вам, что в результате уже погибла туземная земледельческая культура. И хуже всего то, что вымерли бактерии, связывающие азот. Мы выяснили это в итоге геологических исследований. Они погибли полностью, не выдержав зимних температур, так что не стало фактора, поддерживающего равновесие при окислении аммиака. С каждым годом пустыни Т'Кела все больше разрастаются, а год здесь составляет всего шестнадцатую часть земного. Эволюция, конечно, пыталась приспособить местные организмы к происходящим изменениям, но они происходили слишком быстро. Мы считаем, что все

обитатели Т'Кела, в том числе и туземцы, обречены на гибель. Через десять тысяч лет здесь вообще не останется жизни.

Хотя она все это давно знала, рассказывая, она вновь испытывала потрясение. Наконец ван Рийн мягко спросил:

— У вас имеется какая-то программа спасения?

— О, да! Мы начали работу. Завершили исследования и уже были готовы вызвать инженеров. Принципиальное решение проблемы, конечно, заключается в том, чтобы восстановить все связывающие азот бактерии. В наших лабораториях был выведен чрезвычайно продуктивный штамм. Но чтобы выжить здесь, он нуждается в некоторых изменениях местной экологической обстановки, и это требует значительных преобразований химизма почв. Мы решили растопить лед и провести электризацию воды. Кислород должен был при этом высвободиться в атмосферу. Некоторое его количество пошло бы на сгорание местного углеводорода. Т'Кела богата нефтью, горение высвободит двуокись углерода, что значительно усилит парниковый эффект. К химической энергии добавилась бы энергия атомных станций, которые мы собирались построить: они должны были осуществлять электролиз воды.

— Большая работа, — сказал ван Рийн.

— Огромная! Самый большой проект, когда-либо задуманный на Эсперансе. Тем не менее план был детально разработан и снаряжение приготовлено. Мы знали, что сумеем осуществить его!

— Если только туземцы не попробуют провести эксперименты над инженерами, подобные тем, что они проводят за обеденным столом, — добавил ван Рийн.

— Да. — Джей низко склонила светловолосую голову. — Их враждебность сделает наш план невыполнимым. Нам необходимо согласие всех жителей. Туземцы должны объединиться, чтобы работать с нами на всей Т'Кела. А город Бусулонго контролирует почти четверть планеты! Что же нам делать? Я думала, что они — наши друзья...

— Может, нам удастся отыскать соплеменников Уулобу и кое-что разузнать, прежде чем нас выследят? — предложил ван Рийн.

3

Местность была неровной, но все же их машина достаточно быстро продвигалась вперед. Неожиданно Уулобу что-то прокричал. Из машины через смотровое стекло они увидели, что он высунулся из-за ветрозащитного козырька и указывает на север. Посмотрев в ту же сторону, они заметили большое облако пыли.

— Перегоняют животных, — сообщил Уулобу. — Правьте туда, небесные люди.

Джей перевела его слова, и ван Рийн развернул машину.

— Мне казалось, что они занимаются только охотой, — сказал он. — Там стадо?

— Люди этой орды находятся в своем развитии где-то посередине между монгольскими пастухами древности и американскими охотниками на бизонов, — объяснила она. — Правда, они так и не одомашнили изиру или бабилело полностью. Когда-то, до ледникового периода, эти животные были домашними, но теперь земля уже не может прокормить необходимого людям количества питающихся растениями животных. Теперь люди только контролируют миграции животных и защищают их от хищников.

— Гм-м... а что представляют из себя эти орды?

— Это трудно объяснить. Ни один человек так и не смог понять их структуру до конца. Не потому что т'келанская психология непостижима. Но она все же не является человеческой, а наша миссия была так загружена сбором планетографических сведений, что у нас не нашлось времени на более тщательные психологические исследования. Слова «прайд», «клан», «орда» — это лишь приблизительный перевод туземных терминов, и к тому же очень неточный, я в этом уверена. Точно так же, как Т'Кела — это не истинное название всей планеты. Слово «Т'Кела» на языке Бусулонго означает «эта земля».

— О'кей, не нужно забивать мой старый бедный мозг ненужными и, очевидно, бесполезными сведениями. Главное я уяснил. Но, послушайте, фриледи Дэвидсон... можно мне называть вас Джей? — добавил ван Рийн лстыиво. — Мы с вами находимся в одной лодке, выплывем или утонем вместе, хотя тут для этого и маловато воды, поэтому давайте будем друзьями, а? — Он потянулся к ней. — Можете называть меня Ники.

Она отодвинулась.

— Я не могу запретить вам называть меня так, как вам нравится, фримен ван Рийн, — сказала она, и это было произнесено очень холодно, прямо-таки ледяным тоном.

— Ох-ох! Такая молодая и такая неприветливая! Видно, старику придется и дальше в одиночестве переживать свое горе. — Ван Рийн вздохнул. — Кстати, почему здесь не оказалось ни одного ящика пива? Всеро один только ящик — хоть на час или на два я мог бы залить пожар в моем желудке. Разве это так много, спрашиваю я вас?

Дальше они двинулись в молчании.

Вскоре они достигли стада изиру — горбатых и острохвостых животных, похожих на земных коров. Джей по опыту предыдущих наблюдений оценила их число в несколько тысяч. При той редкой растительности, что была вокруг, они должны преодолевать много километров в день.

Группа туземцев издали заметила машину и поскакала к ним навстречу. Они ехали на беса́ми, которые выглядели как большие приземистые антилопы с мордой тапира и одним-единственным рогом. Туземцы были одеты так же, как Уулобу, но вместо ожерелья

из раковин носили медальоны из кожи. Ван Рийн остановил машину. Туземцы подъехали. Оружие они держали наготове, луки натянуты, короткие копья подняты.

Уулобу спрыгнул с машины и приблизился к ним, вытянув вперед руку.

— Счастья в охоте, силы, здоровья и потомства, — традиционно приветствовал он их.

— Я сын Толы Уулобу, квонга, рокулэло и теперь сопровождаю небесных людей.

— Вижу, — холодно ответил старший, седой воин. Младший воин улыбнулся и особым образом взмахнул луком. Уулобу схватился за томагавк. Старший сделал примирительный жест, и Уулобу слегка расслабился.

Ван Рийн внимательно следил за этой сценой.

— Что они говорят? И что означают эти глупости с оружием?

— Лучник сделал оскорбительное предложение Уулобу, — с несчастным видом объяснила Джей. — Он предложил убрать оружие, прежде чем закончится церемония. Это свидетельствует о том, что они считают Уулобу недостойным уважения.

— Ах, так?.. Очень грубые люди. Нигде нет гарантированного мира, кроме как в своей орде. Но почему они так пренебрежительно относятся к Уулобу? Разве он, будучи у нас на службе, не заработал их уважения?

— Боюсь, что нет. Я спрашивала его об этом однажды. Уулобу единственный т'келанец, с которым я могу говорить о таких вещах.

— Да? Как это получилось?

— Из всех туземцев, которые служили в миссии, он был наиболее нам близок. Видите ли, мы спасли его от ужасной смерти: как раз получили лекарство против местной разновидности столбняка, когда он заболел. Поэтому он испытывает к нам благодарность. Есть и экономические причины. Все наши помощники в силу различных обстоятельств бедны. Или засуха уничтожила дичь на их территории, или же их изгнали с родной земли, или еще что-либо подобное. — Джей покусала губу. — Они... да, они поклялись нам в верности согласно своим традициям... вы знаете, как храбро они сражались за нас. Но это было делом их чести. Уулобу — единственный т'келанец, испытывающий к нам нечто вроде привязанности.

— Черт побери, у вас у всех рыбы головы и мозги макрели! Всегда надо начинать с исследования психологии аборигенов. Эта дурацкая планетография могла бы и подождать. Протухшие, провонявшие макрелью головы... — Ван Рийн никак не мог успокоиться. Наконец он замолчал и потребовал продолжить перевод.

— Старшего зовут Ньяронго, он глава их прайда, — продолжала Джей. — Остальные, конечно же, его сыновья. Они принадлежат к клану гангу. Это та же орда, что и Уулобу, авонго. Формальности соблюдены, и они теперь приглашают нас в свой лагерь. Они

по-своему достаточно гостеприимны. На свой манер, подчеркиваю. И только после того, как установлено, что у гостей честные намерения.

Всадники отъехали. Улобу вернулся.

— Они должны спешить, — сказал он по интеркому. — Солнце вспыхнет сегодня, а до укрытия еще далеко. Нам лучше следовать за ними на некотором расстоянии, чтобы не напугать животных. Так и сделаем, небесная женщина.

Он взобрался на машину. Джей перевела его слова ван Рийну, и тот двинул вездеход вперед.

— Вы должны о многом рассказать мне, — начал торговец. — Вначале объясните, почему туземцы так пренебрежительно относятся к тем, кто работает в вашей миссии?

— Что ж... Улобу говорил, что все, кто приходит к нам, не имеют земли. Они не удержали охотничьих территорий своих предков. Это привело к тому, что их престиж резко упал в глазах окружающих, что привело, в свою очередь, к утрате респектабельности. Престиж наших помощников очень страдает также из-за того, что мы не позволяем им участвовать в схватках. Поэтому распространился слух, что все они — трусы.

— Воинственная культура, а?

— Н... нет, здесь какой-то парадокс. У них нет войн и даже нет кровной мести в нашем понимании. В стычках принимают участие очень мало туземцев, но происходят они постоянно. Я полагаю, что это определяется их политической организацией. Или нет? Мы наблюдали то же самое в отдаленных частях Т'Кела, в племенах, организованных совсем по другому принципу, нежели орды.

— Рассказывая это, не будете ли вы так любезны приготовить мне маленький сэндвич?

Джей подавила раздражение и направилась к кухонному столу.

— Как я уже говорила, мы не проводили тщательных исследований психики местных туземцев. Но мы знаем, что основная общественная единица на всей планете одна и та же. Эту первичную организацию мы называем прайдом. Состав прайда определяется соотношением полов. На одного мужчину приходится три женщины. Вместе живут старший мужчина, его жены и их дети среднего возраста. Все мужчины, а также женщины, не имеющие детей, участвуют в охоте, хотя только мужчины сражаются с другими т'келанцами. Маленькие... гм-м, дети, помогают в работе по лагерю. То же делает вдова отца главы прайда, если она есть. В такой прайд входит около двадцати туземцев. Это максимальное количество, способное прокормиться на территории, которую можно обойти пешком. Планета слишком пустынна.

— Да, я вижу. Т'келанский прайд соответствует земной семье. Это универсальная единица, верно? Думаю, что более крупные единицы организованы иначе, не так, как на Земле?

— Да, самые отсталые аборигены объединяются только в прайды, но общество Бусулонго — так мы называем туземцев из здешней

орды — наиболее передовое в культурном отношении в северном полушарии, имеет более сложную социальную структуру. Десять или двенадцать прайдов образуют то, что мы называем кланом. Входящие в него туземцы происходят от одного общего предка и контролируют большую территорию, по которой они двигаются вслед за своими полудикими стадами. Клань, в свою очередь, объединяется в орды, каждая из которых собирается на ежегодное совещание в каком-нибудь традиционном оазисе. Там они договариваются, торгуют и заключают браки — юноши получают жен. Там образуют новые орды или разрешают споры — судом или схваткой. Среди кланов часто происходят стычки как из-за вопросов чести, так и по более прозаическим причинам, например, из-за источников аммиака. Браки всегда заключаются внутри орды. У каждой орды — своя одежда, обычаи, боги и так далее.

— Между ордами не бывает войн?

— Нет, если не считать ужасных стычек, которые происходят во время переселения орд. И хотя между представителями разных орд нередко случаются схватки, между ними не бывает организованных войн... думаю, они просто экономически не в состоянии содержать армию во время войны.

— Ум-м... Полагаю, что причина скрывается где-то глубже. Когда люди намерены воевать, они не заботятся о том, хватит ли им пищи. Сомневаюсь, чтобы в этом отношении т'келанцы отличались существенно от людей. Возможно, здесь и лежит ключ к решению всей проблемы. Только нам необходимо будет узнать, как этим ключом пользоваться.

— Ну, — сказала Джей, — старейшины стараются предотвращать войны. Среди прочего, они также разрешают большинство споров, возникающих между ордами.

— Ах да, эти парни на горе. Расскажи мне о них.

Джей приготовила сэндвич и протянула его ван Рийну. Тот с шумом принялся жевать. Она села и стала глядеть в окно: кустарники, булыжники, облако пыли под тускло-красным светилем, темная масса стада, бредущего впереди, всадники, прискакавшие назад, чтобы разнять дерущихся животных. Далеко впереди был виден Лубамбару — ледяной хребет, вершины которого сверкали на фоне тусклого неба. Сквозь гул мотора до Джей доносились крики животных. Машина качалась и подпрыгивала: Джей ощущала все неровности почвы.

— Старейшины — это реликт былой цивилизации, — сказала она. — Они держатся за свой город и сохранили крупницу знаний, хотя и позабыли большую их часть. Их образ жизни неестественен для т'келанцев. Я думаю, что прошло несколько тысячелетий, на протяжении которых те, кому не нравился город, ушли и присоединились к кочевникам, в то время как отдельные кочевники, считающие город средоточием мудрости, поселились в нем. Эти миграции привели к определенной генетической селекции. Старей-

шины отличаются от остальных по своей психологии. Думаю, они очень скрытные.

— На что они живут? — спросил ван Рийн с набитым ртом.

— Они выполняют разные обязанности, требующие специальных знаний, а также производят товары, за которые им платят. Среди них есть писцы, ведущие записи, врачи, искусные металлурги, ткачи и изготовители пороха. Правда, порох они используют в основном для фейерверков, хотя у них имеется несколько пушек. Остальные считают их волшебниками, главным образом, потому, что они могут предсказывать солнечные вспышки.

— И до вчерашнего дня они были настроены к вам дружески?

— По-своему, конечно. Они должны были долго готовить нападение на нас — подкупить шанга и снабдить их порохом для взрыва стен нашего купола. Но я все же не могу понять почему? Я убеждена, что они поверили нам, когда мы объяснили, что хотим спасти их расу.

— Да, несомненно. Но, возможно, вначале они не поняли всех последствий. — Ван Рийн кончил жевать, рыгнул, поковырял в зубах ногтем и замолчал, о чем-то задумавшись. Джей старалась подавить нахлынувшую тоску по дому.

Через некоторое время ван Рийн ударил по контрольной панели так, что она зазвенела.

— Черт возьми! — взревел он. — Подходит!

— Что? — От неожиданности Джей вздрогнула.

— Но я все еще не вижу, как это использовать... — сказал он.

— О чем это вы?

— Помолчите, фриледы...

Он снова вернулся к своим мыслям. Медленно текли часы.

К вечеру на горизонте появился лес. Он покрывал предгорья Лубамбару. В этом месте аммиачная река делала изгиб, и волны ее слегка увлажняли почву. Деревья были низкорослыми и причудливо изогнутыми, с усеянными колючками синими стволами и густой листвой зеленовато-серого цвета. Листочки были маленькими. Высокие кусты собирались в плотные заросли, заполнявшие пространство между деревьями. Всадники заставили своих изиру углубиться в лес. Оставив на опушке часовых, они двинулись дальше к северу компактной группой из пятнадцати туземцев. Впереди гнали стадо. Женщины держали на руках мохнатых детей. Они отличались от мужчин более низким ростом и мягкими чертами лиц. Несмотря на шерстяной покров и постоянную температуру тела, т'келанцы не были млекопитающими: матери отрывали пищу для детей, еще не имевших зубов.

Вел группу Ньяронго. На его боку висел меч, в одной руке он держал копьё, а в другой — щит. Его большие желтые глаза внимательно и настороженно осматривали местность. Младшие сыновья прикрывали группу с флангов, держа стрелы на тетивах луков. Ван Рийн направил машину по следам туземцев.

— Они ждут неприятностей? — спросил он у Джей.

Девушка оторвалась от своих невеселых мыслей.

— Они всегда ждут неприятностей. — Ее тон был мрачен. — Я ведь говорила, что это раздражительная, очень склонная к ссорам раса, — войн нет, но есть множество кровавых стычек. Возможно, сегодня эти предосторожности — лишь дань традиции. Они собираются разбить лагерь вместе с другими прайдами своего клана. Стада такой величины требуют, чтобы все гангу охраняли его.

— Вы говорили, что они — охотники, а не пастухи.

— Большую часть времени так оно и есть. Но, видите ли, когда солнце вспыхивает, многие изиру и бабилело впадают в панику. Многие из них получают такие сильные ожоги, что погибают. Это происходит потому, что в их организме не выработалась защита от ультрафиолетовых лучей. Клань не могут допустить столь крупных потерь в стаде. Поэтому в такие сезоны — в сезоны вспышек, они держатся вблизи стада и загоняют их на территории, где имеется тень или есть убежище, где густой лес или что-то подобное может предотвратить панику среди животных.

Ван Рийн презрительно указал на опускающийся к горизонту красный диск.

— Вы хотите сказать, что эта угасающая зола может кому-то повредить своей радиацией? Даже бабочке она ничем не грозит...

— Конечно, если это земная бабочка. Но вы знаете, что такое карлики типа «М». Они часто вспыхивают и могут увеличивать свою активность в сотни раз. В наши дни содержание кислорода в атмосфере так упало, что озоновый слой не задерживает ультрафиолетового излучения. Из-за того что местные породы бедны металлами, магнитное поле планеты очень слабое. Заряженные частицы, вылетающие из солнца в момент вспышки, свободно проникают сквозь него и достигают поверхности. К этому еще добавляется фон космического излучения. Вас или меня это может не беспокоить, так как человек привык переносить значительно большие дозы радиации. То, что для нас является нормой, — для т'келанцев смертельно.

— Понятно. Может, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что на планете отсутствуют месторождения радиоактивных минералов — источники радиоактивного излучения. На Торе, например, вспышки не беспокоят местных туземцев. Наоборот, в эти дни они устраивают праздники. Но вы правильно сказали, что Торе повезло больше, чем Т'Кела.

Джей вздрогнула.

— Как суров космос! Мы на Эсперансе верим: нужно объединиться, чтобы бороться со Вселенной совместными усилиями.

— Прекрасная философия. Жаль только, что мы для нее не годимся. Вы очень хорошая девочка, вам кто-нибудь уже говорил об этом?

Ван Рийн положил руку на ее плечо. Она почувствовала, что не

в силах сопротивляться, — слишком мрачна была надвигающаяся солнечная буря.

Через час они достигли лагеря. Горбатые кожаные шалаши были воздвигнуты на ровном участке вблизи аммиачного ручья. У входов горели костры, поддерживаемые подростками. Женщины сутились у костровых котлов, мужчины разлеглись рядом, держась за рукоятки своего оружия. Появление машины встревожило лагерь, но никто никуда не побежал. Мужчины прогуливались, стараясь сохранять выражение незаинтересованности и равнодушия к необычному явлению.

«Или они на самом деле равнодушны?» — спросила себя Джей. Она смотрела на толпу, на несколько сотен нечеловеческих лиц, глаз, на сверкающие наконечники копий, на раздуваемую ветром шерсть. Ни один звук не доносился снаружи.

«Они поступают одинаково, — подумала она. — Везде, в любом клане, в любой орде, с которой мы встречались, было всегда одно и то же: сначала интерес к внешнему виду машин, потом равнодушная вежливость, как будто им все равно, несут ли машины добро или зло. Они благодарят, но не очень горячо, за то, что сделано для них. Часто при этом настаивают, чтобы от них приняли плату, но никогда не приглашают на свои обряды и праздники. А их дети порой бросают в землян камни...»

Ньяронго выкрикнул какую-то команду. Его прайд начал разбивать собственный лагерь. Постепенно все зрители разошлись.

Ван Рийн взглянул на солнце.

— Они уверены, что сегодня будет вспышка?

— О да! Если старейшины сказали, что так оно и будет. Это нетрудно предсказать, если у вас есть запечатанное стекло или маленький телескоп, позволяющий наблюдать за поверхностью звезды. Свет ее так тускл, что легко заметить пятна и свечение — совсем не такое, как у звезды типа «Ж». Признаки приближающейся вспышки у нее очень характерны. Любой начинающий астроном может с точностью до дня предсказать вспышку у звезды-карлика типа «М». Гелиографические сигналы разносят весть о ней от Бусулонго до самой отдаленной орды.

— Действительно, эти старые чудаки скорее всего унаследовали свои эмпирические знания от более древних племен. Точно так же, как вавилоняне знали о движении планет. Да... Черт возьми, кажется, начинается!

Солнце склонилось к западному хребту, его разбухший диск стоял над вершинами... Тонкий ярко-красный завиток медленно выполз с одной из его сторон. Животные закричали. Среди туземцев пронесся шум. Мужчины хватали животных за уздечки и останавливали их. Женщины тащили котлы и малышей в палатки.

Вспышка разрасталась и становилась все ярче. Свет разливался по затемненным холмам, по всей равнине. Небо начало бледнеть, ветер усилился и зашумел листвою деревьев, загоня испуганных

животных под длинный навес из шкур, укрепленных на столбах. Одно из животных помчалось прочь, но мгновенно крайний воин размотал лассо и ловким броском остановил его, повалив на землю. Два других воина помогли втащить животное под навес. Для человеческих глаз вспышка была терпима, и их не нужно было ничем защищать. Лучи становились все ослепительнее, казалось, солнце разбрасывает раскаленные брызги. Излучение разрасталось, умирало и появлялось вновь. Хотя Джей и видела эту картину прежде, но тут вдруг обнаружила, что сжимает руку ван Рийна. Он затаился и выпустил густое облако дыма.

Уулобу спустился с машины. Джей услышала, как он спросил у Ньяронго:

— Я могу вам чем-нибудь помочь перед лицом главного Бога?

— Нет, — ответил патриарх, — отправляйся с женщинами в шалаш.

Зубы Уулобу сверкнули, шерсть на спине поднялась. Он схватился за томагавк.

— Не надо! — крикнула Джей в интерком. — Мы — гости!

Несколько мгновений два т'келанца смотрели в глаза друг другу. Копье Ньяронго было направлено в горло Уулобу. Затем Уулобу отступил.

— Мы гости, — сказал он приглушенно. — В другой раз, Ньяронго, мы поговорим с тобой об этом.

— С тобой, безземельным... — Вождь сдержался. — Ладно, между нами мир, и сейчас не время нарушать его. Но мы, гангу, сами заботимся о своих стадах и пастбищах. Никакая помощь нам не требуется.

Все еще напряженный, Уулобу прошел в ближайший шалаш. Вскоре последнее животное было загнано в убежище. Входной клапан крепко завязали, чтобы животные находились в темноте.

Вспышка, между тем, превратилась в неровное пятно света вокруг солнечного диска. Увеличиваясь в яркости, становясь интенсивно-оранжевой, она продолжала быстро расти. Ветер все усиливался.

Главы прайдов медленно прошли к центру лагеря. Они образовали один внутренний круг, неженатые воины встали снаружи — во второй. Ньяронго поднял рог и затрубил. Вверх взметнулись копыта, затем мечи и томагавки.

Т'келанцы начали танцевать, все быстрее и быстрее, по мере того как усиливалось свечение. Тучи стрел взметнулись к солнцу.

— Что они делают? — спросил ван Рийн. — Изгоняют дьявола?

— Нет, — ответила Джей. — Они не верят, что это возможно. Они бросают ему вызов. Они всегда предлагают ему спуститься и вступить в борьбу. И это для них не дьявол, а сам Бог.

Ван Рийн кивнул.

— Да, так и должно быть, — сказал он как бы себе самому. — Когда Бог отказывается выполнять свои обязанности, его не пытаются подкупить, нет, ему угрожают. Да, все сходится.

Мужчины закончили танец и с торжественной медлительностью направились к своим шалашам. Все дверные клапаны вскоре были завязаны. Лагерь был пуст, он словно замер под лучами заходящего солнца.

— Ха! — сказал ван Рийн, вскочив на ноги. — Мой скафандр!

— Что? — Джей удивленно уставилась на него.

— Я хочу выйти. Что вы стоите, словно у вас язык прилип к гортани, черт возьми! Давайте сюда мой скафандр!

Джей заставила себя повиноваться. К тому времени, когда громадная фигура была, наконец, облачена в скафандр, солнце уже опустилось до самых хребтов и устроило свое излучение. Теперь вспышка уподобилась второму солнцу, не круглому, а продолговатому, в форме языка пламени. Белые длинные тени ползли по равнине, которая приобрела неестественно-бронзовый цвет. Ветер поднимал пыль и сухие листья, задувал костры, хлопал полотнищами навесов.

— Когда я дам знак, — сказал ван Рийн, — вы включите интерком на полную мощность, чтобы они могли вас услышать. Скажите этим так называемым мужчинам, чтобы они выглянули из шалашей и взглянули на меня, если у них не затрясутся поджилки. — Он посмотрел на Джей. — И не надо быть слишком вежливой при этом, понятно?

Прежде чем она смогла достойно ответить, он уже оказался у шлюза. Выбрался из машины и добежал до центра лагеря, откуда помахал ей рукой.

Джей облизнула губы. Что еще собирается делать этот идиот? Месяц назад он и не слышал об этой планете и не пробыл на ней и недели. Практически всю информацию о Т'Кела он получил от нее за последние десять — одиннадцать часов. И он воображает, что знает, как нужно себя вести?! Если после его выходки толстое брюхо ван Рийна не будет набито стрелами и копьями, то, значит, нет справедливости во Вселенной! Неужели он думает, что она готова погибнуть вместе с ним?!

Возвышаясь огромной черной статуей на фоне пылающего неба, ван Рийн снова взмахнул рукой.

— Смотрите, люди гангу, у кого хватит храбрости! Смотрите на мужчину издалека, который бросает вызов гневающемуся Богу!

Ее голос глухо разнесся по лагерю. Ван Рийн кивнул. Она прищурилась, чтобы получше рассмотреть, что он собирается делать. Щуриться ей пришлось из-за контрастности, а не из-за яркости света. Излучение по-прежнему составляло всего несколько процентов по сравнению с тем, которое получает Земля. Но вспышки с температурой в миллион градусов и выше излучались как раз в той части спектра, к которой туземцы были особенно чувствительны. Она подумала, что ультрафиолета маловато даже для того, чтобы покраснела кожа земного ребенка, но вполне достаточно, чтобы нанести смертельные ожоги этим несчастным скитальцам ада.

Ван Рийн извлек свой бластер. С нарочитой неторопливостью он

несколько раз выстрелил в звезду. Вспышки казались совсем слабыми на фоне разгоравшегося светила. А что же теперь?

— Нет! — закричала Джей.

Ван Рийн отодвинул лицевую пластинку своего шлема. Он давал представление, показывая всем резкие черты своего лица, выступавшего из шлема в ярком свете вспышки. Он начал гротескно танцевать, задрав к небу свой большой нос.

Но...

Торговец закончил представление непередаваемым жестом, вновь закрыл свой шлем, выстрелил еще дважды в небо, остановился с поднятыми руками и стоял так, пока солнце не зашло за горизонт.

Вспышка еще некоторое время после захода солнца освещала листву деревьев. Когда наступили сумерки, ван Рийн направился обратно к машине, и Джей поспешила впустить его. Он снял шлем, отдуваясь и ругаясь на доброй дюжине языков. Иней уже начал застывать на его скафандре.

— Ох! — простонал он. — И нет даже стаканчика виски, чтобы согреть мои старые бедные кости!

— Вы могли умереть! — прошептала Джей.

— О, нет, нет! Николас ван Рийн умрет совсем не так! Я планирую в возрасте ста девятнадцати лет быть застреленным разгневанным мужем. Холод оказался не слишком велик, а на несколько минут я смог задержать дыхание. Но впустить этот аммиак в шлем! О, ужас и налоги! — Он побрел в ванную и начал с фырканьем умываться.

Погасли последние лучи вспышки. Небо оставалось розовым, так что видны были только наиболее яркие звезды. Тяжелые частицы солнечного излучения должны были достичь планеты где-то через час. Один за другим на поляне стали появляться туземцы. Вновь разгорелись костры, выбрасывая в темноту снопы искр.

Ван Рийн вышел из ванны.

— Отлично, я готов, сказал он. — Теперь надевайте свой скафандр и идите за мной. Мы должны поговорить с ними.

Направляясь в круг, образованный темной линией шалашей, Джей вынуждена была прокладывать себе дорогу среди женщин и юношей. Их кольцо смыкалось за нею, она видела отражение огней в их глазах и знала, что окружена со всех сторон. Успокаивала идущая рядом громоздкая фигура ван Рийна и топот ног Уулобу сзади.

«Ненадежное прикрытие!» — подумала она, глядя на мужчин, ожидающих их у источника аммиака. Они собрались там, как только увидели выходящих из машины людей. Ее глазам они представлялись сплошной черной массой, неразличимой на фоне леса. Костры с обеих сторон, превращавшие для т'келанцев ночь в день, слабо освещали только передний ряд. Время от времени пламя, раздуваемое ветром, полыхало, вверх взлетали искры и вдаль уносились клубы дыма. Иногда она видела обсидиановый заостренный наконечник копья, меч из рога, топор или железный кинжал. Лес за лагерем слабо шелестел:

она слышала испуганные крики изиру, блуждающих вокруг в полутьме. Во рту у нее пересохло.

Главы прайдов стояли впереди. Многие из них были совсем молодыми, старики редко встречаются в пустыне. Ньяронго казался наиболее древним среди них. Он стоял с копьем в руке, приоткрыв рот, его шупальца дрожали, юбка развевалась на ветру.

Ван Рийн остановился перед ним. Джей заставила себя подойти поближе и встретила пристальный взгляд Ньяронго. Улобу присел на корточки возле ее ног. Гомон, словно предвестник бури, прошел среди воинов.

Но ван Рийн невозмутимо ждал, пока, наконец, Ньяронго первым не нарушил молчание.

— Почему ты бросил вызов солнцу? Ведь до сих пор ни один небесный человек этого не делал!

Джей торопливо перевела. Ван Рийн оставался недвижим в своем скафандре.

— Скажите ему, — начал он, — что я прибыл сюда совсем недавно. Скажите ему, что небесные люди считают ненужным бросать вызов солнцу, но я не согласен с ними.

— Чего вы добиваетесь? — спросила она. — Малейшая ошибка может погубить нас!

— Верно. Но бездействие погубит нас наверняка, не так ли? — Он похлопал ее по плечу. — Черт бы побрал эти перчатки! Без них было бы значительно приятнее. Во всяком случае, вы должны мне верить, Джей, Николас ван Рийн не стал бы таким старым и толстым, побывав на сотне планет, если бы не умел находить выход из любого положения. Верно? Поэтому переводите то, что я говорю, и произносите резко. Не оскорбляйте их, но говорите пожестче. Понятно?

Голос ее дрожал.

— Да. Сама не знаю почему, но я буду выполнять ваши указания. Если... — Она преодолела страх и повернулась к ожидавшим ответа туземцам. — Этот небесный мужчина, — сказала она, — не из нашего народа, а из гораздо более могущественного, чем мой. Он велел мне сказать, что мы, небесный народ, не позволяем себе бросать вызов солнцу, а он осмеливается это сделать.

— Вы никогда не осмеливаетесь? — прервал ее кто-то. — Что это значит?

Джей пустилась в импровизацию.

— Яркое солнце не вредит нашим людям. Мы часто говорили об этом. Разве никто из вас не слышал этого?

Некоторое время все молчали, потом разукрашенный рубцами одноглазый патриарх неохотно сказал:

— Я слышал это в прошлом году, когда ты или кто-то из ваших лечил детей моего прайда.

— Теперь вы видите, что это правда, — заметила Джей.

Ван Рийн протянул руку и схватил ее за рукав.

— Эй, что происходит? Разговаривать должен я, а вы своими глупостями можете все испортить.

Она не позволила себе рассердиться и пересказала ему весь разговор. Он удивился и, извинившись, сказал:

— Прошу прощения, девочка. Вы все прекрасно проделали. Теперь я должен сказать речь. Вы будете передавать каждое слово, как только я его произнесу, хорошо?

Он наклонился вперед и, размахивая указательным пальцем перед самым носом Ньяронго, резко сказал:

— Ты спрашиваешь, почему я вышел под пылающее солнце? Чтобы показать вам, что я не боюсь его огня. Я плюнул на ваше солнце, и оно зашипело. Мое солнце может съесть ваше за завтраком и попросить добавки, черт возьми! Этот ваш маленький уголек дает слишком мало света, чтобы видеть, его не хватает даже на то, чтобы напугать ребенка моего народа!

Т'келанцы загомонили и придвинулись ближе, потрясая оружием. Ньяронго возмущенно ответил:

— Да, мы давно заметили, что ваш небесный народ почти слепой!

— Тебе приходилось стоять в свете фар наших машин? Ты ослеп при этом, верно? Ты не выдержишься на Земле и минуты. Хлоп — и ты уже облако дыма!

В ответ Ньяронго сплюнул и сказал:

— А вы вынуждены закрываться от нашего воздуха! А вот осмелишься ли ты глотнуть нашего воздуха? Кто из вас посмеет?

Гневный ропот пронесся по толпе воинов. Ван Рийн сделал презрительный жест.

— А ты, осмелишься ли ты глотнуть нашего воздуха? Кто из вас посмеет? Видишь, вы слабее нас!

Молодой и высокий мужчина, видимо, глава прайда, вышел вперед. Его усы дрожали.

— Я посмею!

— Отлично! Я дам тебе его понюхать. — Ван Рийн повернулся к Джей. — Помогите мне управиться с этим проклятым аппаратом для восстановления воздуха. Я не хочу, чтобы в мой шлем еще раз проник аммиак.

— Но... — Она беспрекословно повиновалась, отвинчивая выпускной клапан аппарата, висевшего на спине ван Рийна.

— Направьте ему в лицо, — приказал он.

Вожди стояли неподвижно. Джей представила, какую боль предстоит испытать туземцу. Она никак не могла поднять шланг.

— Двигайтесь! — заорал ван Рийн. Она повиновалась, и земной воздух рванулся вперед.

Воин вскрикнул и зашатался. Он тер нос и слезящиеся глаза... Еще мгновение он держался, затем упал на руки окружающих... Джей закрыла клапан, а ван Рийн сказал:

— Я так и знал. Слишком много кислорода, а в особенности водяных паров. Торианцы не выдерживают нашего воздуха, и я

решил, что и эти парни его не выдержат. Скажите им, что он скоро будет в порядке.

Джей передала его заверения. Ньяронго ответил:

— Я слышал об этом. Зачем вы показали парню, что дышите ядом?

— Чтобы доказать, что мы так же сильны, как и вы, — ответил ван Рийн. Джей перевела.

— Мы еще сильнее. Мы можем загнать вас в вашу конуру, как собак, если только захотим этого.

Его слова вызвали бурю. Вверх взлетело оружие. Ньяронго поднял руку, призывая к тишине. Все замолчали, слышались только отдельные возгласы да вздохи женщин, доносившиеся из темноты. Старый вождь с гордостью сказал:

— Я знаю, что вы владеете оружием, которого нет в нашем мире. Значит, вы обладаете знаниями, которых нам не хватает, и никто из нас никогда не скрывал этого. Но это не значит, что вы сильнее. Т'келанец силен уже потому, что у него имеется лук, который убивает на расстоянии. Мы — охотничий народ, а вы — нет, несмотря на ваше оружие.

— Передайте ему, — приказал ван Рийн, — что я голыми руками справлюсь с самым сильным их бойцом. Так как я должен носить этот костюм, который защищает меня от укусов, он может пользоваться оружием.

— Он убьет вас! — запротестовала Джей. Ван Рийн хитро посмотрел на нее.

— В таком случае я умру за самую прекрасную даму на этой планете. — Его голос дрогнул. — Может быть, тогда вы пожалеете, что не были добры к бедному старику.

— Я не могу!

— Вы должны, черт возьми! — Он схватил ее за руку так сильно, что она скривилась от боли. — Я знаю, что делаю!

Она передала вызов. Ван Рийн швырнул бластер к ногам Ньяронго.

— Если я проиграю, победитель возьмет его, — сказал он.

Джюина воинов выступила вперед. Ньяронго проревел что-то, восстанавливая порядок. Он осмотрел всех претендентов по очереди и указал на одного из воинов.

— Это мой сын, Кусалу. Он будет защищать честь прайда и клана.

Т'келанец ростом был ниже ван Рийна, но почти так же широк. Могучие мускулы перекатывались под его шерстью. Он двинулся вперед, сверкая зубами, держа в одной руке томагавк, а в другой кинжал. Остальные мужчины расступились, образовав широкий круг. Уулобу отвел Джей в сторону, его руки дрожали.

— Я мог бы сразиться с ним сам, — прошептал он.

Ван Рийн поворачивался как огромная пантера, а Кусалу кружился вокруг него. Его обезьяньи руки свисали почти до земли.

Огонь сквозь лицевую пластину высвечивал резкие черты лица ван Рийна.

— Не можешь... — поддразнил Кусалу ван Рийн.

Кусалу закричал и со страшной силой метнул томагавк. Левая рука ван Рийна среагировала с невообразимой скоростью. Он поймал оружие в воздухе и дернул его на себя. Шнур, который был привязан к томагавку, натянулся. Кусалу был вынужден податься к своему противнику, и ван Рийн бросился в атаку.

Кусалу увернулся и отпрыгнул в сторону, сверкнуло лезвие его кинжала. Ван Рийн перехватил его руку с кинжалом своей правой рукой, левой же вновь сильно потянул за шнур. Кусалу упал на одно колено. Ван Рийн завернул ему руку за спину. Все т'келанцы вскрикнули.

Кусалу вывернулся и разрубил шнур. Сплюнув, он что-то крикнул и снова пошел в атаку. Ван Рийн хитро ударил его ногой в живот, отдернув ногу прежде, чем Кусалу успел поймать ее, затем нанес т'келанцу удар каратэ по шее.

Кусалу зашатался, но удержался на ногах. Ван Рийн снова увернулся от удара кинжала. Он отступил. Кусалу мгновение стоял, выжидая, затем бросился вперед. Схватка завершилась внезапно — ван Рийн неожиданно перебросил противника через плечо. Тот с грохотом упал. Ван Рийн ждал. У Кусалу оставался еще кинжал, он встал и стал приближаться к ван Рийну, из его ноздрей струилась кровь.

— О, моя дорогая! — пропел ван Рийн. Кусалу приготовился его ударить, но ван Рийн перехватил его руку, вывернул ее и нажал.

Кусалу закричал. Ван Рийн нажал сильнее и сказал:

— Проси пощады.

— Он скоро умрет! — взвизгнула Джей.

Ван Рийн вырвал нож из ослабевшей руки противника и отбросил его в сторону. Удар кулаком в живот — и т'келанец зашатался. Торговец продолжал безжалостно наносить удары, пока тот не упал. Ван Рийн отошел в сторону. Джей с ужасом смотрела на него.

— Все в порядке, — успокоил он ее, — я же не сильно его побил.

Ньяронго помог сыну встать. Двое воинов увели его. Среди т'келанцев послышались причитания. Ничего подобного Джей раньше не приходилось слышать.

Ван Рийн и Ньяронго встали друг против друга. Вождь очень медленно заговорил:

— Ты доказал свою правоту, небесный мужчина. Для бессмысленного ты дерешься очень хорошо. И ты хорошо поступил, что не убил его.

Джей между всхлипываниями переводила с туземного. Ван Рийн ответил:

— Скажите, что я не убил юношу потому, что в этом не было нужды. Скажите также, что я владею огромной территорией у

себя. — Он указал вверх, где на вечернем небе горели звезды. — Скажите ему, что мои охотничьи территории там, черт возьми!

Выслушав его, Ньяронго чуть ли не жалобно спросил:

— Но чего он хочет на нашей земле, какого его добыча здесь?

— Мы пришли помочь... — Джей остановилась и персвела вопрос ван Рийну.

— Ха! — сказал он злорадно. — Сейчас мы поговорим об индюках! — Он присел на корточки у костра. Отцы прайдов присоединились к нему, их сыновья подошли ближе. Уулобу радостно прошептал Джей:

— Они принимают нас как друзей!

— Я пришел не для того, чтобы грабить ваши земли и убивать вашу дичь, — елейным голосом сказал ван Рийн. — Нет, я хочу заняться делом, выгодным для обеих сторон. Ясно, что племена должны торговать друг с другом, они же не могут сами производить все необходимое.

— О да, конечно. — Джей села рядом с ним. — Их отношения с городом построены на принципе «услуга за услугу», я вам уже говорила это.

— В таком случае, они поймут меня. Скажите им, что старики из города завидуют нам. Скажите, что они натравили шанга на наш лагерь. Говорите правду, ничего не приукрашивая.

— Что? Но я думала... считала... разве вы не хотите создать у них впечатление о нашем могуществе? Мы должны признаваться, что спасаемся бегством?

— Ну, скажем, мы совершаем... как это говорится в военных коммюнике... совершаем запланированный переход на заранее подготовленные позиции.

Джей повиновалась. Щупальца поднялись над головами туземцев, зрачки сузились, а руки потрясали оружием. Ньяронго с сомнением сказал:

— Вы хотите найти у нас убежище?

— Нет, — ответил ван Рийн, — скажите нам, что мы пришли предупредить их, потому что, если их уничтожат, мы не сможем заключить с ними выгодную сделку. Скажите им, что шанга захватили в куполе наше оружие и движутся сюда со своими дружественными кланами. На территорию рокуэлэло.

Джей подумала, уж не ослышалась ли она.

— Но мы не... мы не... у нас не было другого оружия, кроме личного. А все личное оружие унесли при отступлении.

— Они что, знают об этом, эти туземцы?

— Но... разве они поверят вам?

— Моя хорошенькая блондиночка, даю вам слово, что они поверят.

Запинаясь, Джей выговорила эту ложь. Реакция была ужасной. Лагерь взорвался. Все забежали, потрясая копьями, зарыскали, словно

волки. Один Ньяронго остался сидеть, но и у него шерсть встала дыбом.

— Это действительно так? — спросил он.

— А зачем иначе шанга нападать на нас с помощью старейшин? — задал встречный вопрос ван Рийн.

— Вы очень хорошо знаете зачем, — сказала ему Джей. — Старейшины могли подкупить их, сыграв на суеверии, и, возможно, пообещали им сделать ножи из нашего металла.

— Да, возможно, и так, но вы передадите старику только то, что сказал я. Переведите ему, что шанга напали на нас ради наших бластеров и что старейшины снабдили их ножами и порохом. Скажите им, что седобородые на стороне орды шанга... как ее называют?

— Ягола.

— Да. Скажите им, что все кланы шанга движутся на запад и собираются согнать рокулэло с их земель.

Ньяронго и все остальные, еще сохранявшие спокойствие, слушая Джей, похоже, не нуждались в дополнительных разъяснениях. Как она уже рассказывала ван Рийну, война не была в обычаях т'келанцев. Но им были знакомы стычки при переселении племен на новые охотничьи территории. А на умирающей планете такое случалось довольно часто. Когда территория орды становилась совершенно безжизненной, ее обитатели вынуждены были или куда-нибудь переселяться, или умереть с голоду.

— Шанга решили захватить как можно больше земель и при помощи украденного оружия повсюду установить свое господство.

— Я не думаю, что они такие страшные чудовища, — сказал Ньяронго.

— Это неправда, — по-английски выразила свой протест ван Рийну Джей. — На них нельзя клеветать так ужасно, что...

— Ну, ну, это обычная пропаганда... — ответил ван Рийн. — Предложите Ньяронго вместе с нами отправиться в Бусулонго, собрав подкрепление, и проверить, правда это или нет.

— Вы хотите, чтобы они вцепились друг другу в глотки? Я никогда не приму в этом участия! Я скорес умру...

— Послушайте, моя ласковая, еще никто пока не убит. Может, никто и не будет убит. Я все объясню позже. Но сейчас... Мы должны ковать железо, пока горячо. Они чрезвычайно возбуждены, так что давайте же примем решение о выступлении. — Ван Рийн приложил руку к сердцу. — Вы думаете, что старый, страдающий одышкой, любящий комфорт, трусливый Николас ван Рийн хочет разжечь на планете войну? Неверно. Удобное кресло, стакан джина, венесуэльская сигара, тихая музыка на борту его яхты и мирное странствие в компании танцовщиц — вот и все, что он хочет. Разве этого много? Поэтому будьте умницей и помогите мне.

В замешательстве, она позволила ему делать все, что он задумал. В ту же ночь во все кланы орды рокулэло отправились вестники.

Они выступили в темноте, еще до восхода солнца. В поход двинулись только мужчины: женщины и дети остались в лагере. Все были закутаны в просторные накидки и бурнусы, бесами накрыли одеялами, чтобы защититься от ужасной чесотки, которая обычно охватывала т'келанцев в это время года. Большинство заряженных после вспышки частиц попадало на дневную сторону планеты, но магнитное поле планеты было достаточно сильным, чтобы перераспределить выпавшие частицы по всей планете, в том числе и на противоположную ее сторону.

Несмотря на добавочное снаряжение, отряд двигался довольно быстро. Выглядывая в окно машины, Джей видела тусклое свечение обеих лун, ползущие бесформенные тени и отблески на оружии. Сквозь гул двигателей она слышала, как туземцы окликали друг друга; доносился глухой топот подкованных копыт.

— Видите ли, — начал свою лекцию ван Рийн, — я в этом мире недавно, но мне приходилось бывать во многих иных мирах, и о множестве других мне приходилось читать в отчетах. Моё дело постоянно требует этого. Всегда можно отыскать какие-нибудь любопытные параллели. У меня собралось достаточно данных, чтобы понять образ мышления туземцев. Вы же, эсперансиане, похоже, не обладаете подобным опытом. Как и большинство других колоний, вы находитесь далеко от основных галактических путей и еще не научились разбираться во взаимоотношениях между племенами. Это видно хотя бы из того факта, что вы сразу же, по прибытии сюда, не предприняли психологических исследований. Никогда не поступайте так в будущем, Джей. Всегда сначала определите, с кем вы имеете дело. Вселенная слишком жестока.

— Вы, кажется, знаете, о чем говорите, Ник, — согласилась она. Он просиял и поднес к губам ее руку. Она что-то пробормотала о необходимости подогреть кофе и убежала.

Вернувшись из кухонного отсека, она села рядом с ним на переднее сиденье и попросила:

— Что ж, расскажите мне об образе их мышления. Как работает их мозг?

— Вы были уверены, что они подобны воинственным племенам прошлого, — начал он. — На первый взгляд так оно и кажется. Они разумны, обладают языком, помогают вам и могут с вами разговаривать. Вам показалось, что они вас легко понимают. Но вы забыли, что сознание является лишь небольшой частицей личности. Сознание помогает нам получать то, чего мы желаем. Но наши желания — это потребность в пище, убежище и семье. Все наши мотивы идут из глубины. Нет никакой логической причины для того, чтобы стремиться выжить. Но инстинкт требует, чтобы мы

продолжали жить, и мы живем. Инстинкты возникли в результате длительной эволюции живых существ. Мы были когда-то животными, и очень долго, пока, наконец, не научились думать, — ван Рийн показал глазами вверх, — и не получили в подарок душу. Вы должны были сначала уяснить себе этапы эволюции, пройденные туземцами, чтобы понять... Люди, как говорили мне специалисты, начали эволюционировать, когда площади лесов сократились настолько, что древние обезьяны — наши предки — стали хищниками. Они стали ходить прямо, на задних ногах, и у них освободились руки. Когтей и мощных зубов, например, как у львов, у них не было, и поэтому им пришлось изобретать оружие. Так возникли мы, новый вид — хомо сапиенс, с нашими хищными инстинктами. Но они у нас довольно поверхностны, мы по-прежнему всеядны и можем выжить, если понадобится, питаясь одной брюссельской капустой. Наши предки некогда были мирными поедателями орехов, задолго до того как со временем стали охотниками. Это до сих пор оказывает воздействие на нашу психику. В отличие от людей, т'келанцы всегда были хищниками. Очевидно, не очень сильными. У них нет мощных когтей и зубов, у них они, пожалуй, даже слабее, чем у людей. Поэтому в ходе эволюции у них тоже сформировались руки и выработалось умение изготавливать оружие, а это привело к возникновению разума. Однако у них никогда не было вегетарианских предков, как у нас, и их инстинкт убийства гораздо сильнее, чем у нас. К тому же они, в сущности, не являются общественными существами. Хищники не могут ими стать. Если в какой-нибудь местности появляется слишком много хищников, дичь исчезает, черт возьми! Кофе готов?

— Наверное. — Джей сходила за кофе.

Ван Рийн выпил его, не обращая внимания на то, что кофе был очень горячим, горячим настолько, что любой другой человек обжег бы гортань.

— Я начинаю понимать, — сказала Джей с растущим воодушевлением. — Поэтому у них и не сформировались нации и они не вели войн между собой. Крупные организации для них всегда противоестественны и необязательны. Бороться и умирать за орду для т'келанца — все равно что человеку умереть... за карточный клуб.

— Гм-м, я не раз наблюдал убийства за карточным столом. Но вы уловили основную мысль. Прайд совершенно естественен здесь, как для человека обычная семья. Клан с его кровными узами — лишь одна ступенька удаления. Он возбуждает т'келанцев, вероятно, в такой же степени, как человека — его страна. Но орды? Нет, орды демонстрируют все неудобства крупной организации. Конечно, клан или прайд — это еще не государство. Люди тоже устраивают между собой гражданские войны и семейные скандалы. У т'келанцев сильнее развиты инстинкты борьбы, чем у нас. Здесь хватает схваток, но никто не воспринимает их слишком серьезно. Вы говорили мне, что здесь нет кровной мести. Это означает, что тот, кто убивает других, не совершает ничего дурного. В сущности, тот, кто убивает, —

настоящий мужчина, а тот, кто не убивает и не сражается, — кажется им ненормальным.

— Именно поэтому... они не воодушевились нашими планами? Планами эсперанской миссии?

— Отчасти. Дело не в том, что от вас они ожидали опасности. Вы никого не обидели и были даже полезны, поэтому никто не беспокоился. Право, они не в состоянии понять ваше поведение. Они считали, что в вас есть что-то ненормальное, и испытывали к вам легкое презрение. Я же доказал, что я силен так же, как они, если не сильнее. Это импонирует их инстинктам. Тем самым я заставил их отнестись ко мне с уважением и выслушать меня.

Ван Рийн отставил пустую чашку и взял трубку.

— Еще одно обстоятельство, которое вы упустили из виду. Это территория, — сказал он. — Многие животные на Земле обладают инстинктом защищать занимаемый ими участок. И люди тоже. Но у хищников этот инстинкт гораздо сильнее выражен, потому что они не могут прокормиться на ягодах и кореньях. Их жизнь зависит от добычи. Изгнанные со своей территории, они неминуемо погибнут. Вы же видели, что туземцы, которые не смогли удержать свою территорию, шли к вам, а не искали других земель. Потому вы и выступили с проповедью, что вам не нужна земля. Ха! Они восприняли это как ложь — может, именно в этом и была причина нападения шанга — или как проявление ненормальной слабости.

— Но разве они не поняли? — спросила Джей. — Неужели они посчитали, что мы, даже внешне отличающиеся от них, будем действовать так же, как и они?

— Я думаю, что цивилизованные т'келанцы поняли бы это, — ответил ван Рийн. — Однако вы имели дело с наивными варварами.

— За исключением старейшин. Я уверена, что они поняли...

— Может быть, это и так. Вполне возможно. Но вы же стали для них смертельной угрозой. Разве вы этого не видите? Они были летописцами, врачами, высококвалифицированными ремесленниками, специалистами по Солнцу в течение многих всков. Вы пришли и стали делать то же самое, что и они, только гораздо лучше. Что же вы от них ожидали?! Что они станут целовать ваши ноги? Или целовать другие части вашего тела? Вы забыли, что они — хищники! И они начали борьбу.

— Но мы не собирались подменять их!

— Вспомните, — сказал ван Рийн, тыча в нее трубкой, — разум — это всего лишь жалкий слуга инстинкта. Старейшины здесь слабее всех. Они могут удерживаться лишь в одном месте, за стенами. Они не охотятся, поэтому не нуждаются в тысячах квадратных километров. Но это вовсе не значит, что у них отсутствует инстинкт территории. Ха! Они увидели только одно: Бусулонго — их территория, и вы хотите выселить их с нее!

Джей сидела, ошеломленно глядя в ночное небо. Прошло немало времени, прежде чем она смогла возразить.

— Но мы же объяснили им, и я уверена, что они поняли. Мы растолковали им, что их планета без нашей помощи погибнет!

— Да, да. Но прирожденный боец боится смерти меньше, чем другие существа. К тому же смерть ожидает планету через много тысячелетий. Это для них слишком долгий срок, чтобы пробудить какие-то эмоции. Зато угроза, которую представляли для них вы, оказалась вполне реальной. И вся ваша болтовня о взаимопомощи планет для них ничего не значит. Думаю даже, что они вас просто не поняли. Хищники практически не объединяются, разве что в самом юном возрасте. Для них взаимопомощь не имеет реального смысла, так как у них нет соответствующего инстинкта. Орды ни в коем случае не являются нациями. Альтруизм остается за пределами их умственного горизонта. Ваш альтруизм только заставил их относиться к вам с подозрением. Старейшины в какой-то степени, возможно, поняли ваши мотивы, но ни в коей мере не разделили их. Вы никогда не сможете организовать этих туземцев, уж скорее вы постройте карусель на кольцах Сатурна!

— А вы организовали для них войну! — в гневе воскликнула Джей.

— Нет. Я только дал им общую цель. Они поверили в то, что я им сказал об оружии в куполе. При их образе мыслей это казалось самым естественным, самым правдоподобным. Конечно, у нас было оружие — оно есть у всех людей. Конечно, вы использовали бы его при необходимости — всё бы так поступили. Следовательно, у вас такой возможности не было — шанга захватили купол слишком быстро. В результате этого ягола организовали заговор против рокулэло, и это тоже вполне соответствует их образу мыслей.

— Но к чему вы их сейчас принуждаете? — Она больше не могла удерживать слез. — Штурмовать горы? Они ничего не смогут сделать без старейшин!

— Смогут, если старейшин заменят люди.

— Но... но... нет, мы не можем... мы не должны...

— Может, и не придется, — сказал торговец. — Посмотрим. Ну, ну, не расстраивайтесь. Сейчас Ники вытрет вам глаза...

Она положила голову ему на руку и разрыдалась.

5

Гора Бусулонго, как сказочное чудовище, постепенно вырастала над равниной. Утес громоздился на утес, между ними были видны осыпи, покрытые ледниками, которые тянулись вплоть до пиков, вырисовывавшихся на фоне солнечного диска. Джей никогда раньше не ощущала так сильно холода и мрака этого мира. Она ехала по тропе, ведущей в город, на однорогом животном, укутанном одеялами, чтобы предохранить его от тепла человеческого тела, проникавшего даже сквозь костюм. Порывы ветра, свистевшего между скал, били, словно

кулаком, и развевали знамя, которое вез на конце копья схавший впереди Уулобу. Оглядываясь назад, она видела уходящую вниз тропу, а на ней — Ньяронго и с полдюжины других воинов, которым разрешили ехать рядом с отрядом. Плащи их развевались по ветру, копья поднимались и опускались в такт прыжкам животных, цвет их шерсти был неразличим в сумерках, но ей казалось, что она видит жесткие выражения их лиц. Далеко внизу, у подножия горы, осталось их войско — пятьсот вооруженных и разгневанных воинов рокулэло. Но сейчас они были скрыты пылью. И если она погибнет наверху, они смогут только отомстить за нее, а этого она не хотела.

Она вздрогнула и направила своего бесами к соседнему животному, которое пыхтело и ворчало под тяжестью ван Рийна. Их колени соприкоснулись.

— Наконец-то у меня есть компания, — сказала она, понимая всю нелепость своего замечания. Но ей хотелось что-нибудь сказать, чтобы перекричать ветер. — Слава Богу, вспышка окончилась быстро.

— Да, мы успели вовремя, — ответил торговец. — Всего лишь три дня потребовалось на дорогу от Лубамбару до Бусулонго — мы движемся гораздо быстрее, чем я ожидал, и к тому же мы собрали немало союзников.

Она печально оглянулась назад. Всю дорогу ван Рийн развлекал ее и преуспел в этом больше, чем она ожидала. Но вот они прибыли. Шанга отступили в горы, преследуемые рокулэло. Атакующие остановились, не желая встречаться с артиллерией старейшин. Договорились о переговорах, но она не представляла себе другого исхода, кроме кровопролития. Старейшины могут отпустить их группу назад, как и обещали, могут и не отпустить, но в любом случае ей казалось, что до рассвета множество воинов превратятся в падаль.

«Да, — вынуждена была признаться она себе, — теперь я боюсь возвращения на Эсперансу! Что ждет меня там, если я вернусь живой? Десять лет исправительного заключения! За развязывание войны!.. Или я убегу с Ники и больше никогда не увижу дома, никогда... никогда... Но заставить этих молодых охотников умирать!..»

Она натянула стремяна, полубессознательно желая сорваться с тропы в пропасть, в пустоту. Ван Рийн поймал ее за плечо.

— Спокойно, — проворчал он. — Нам нужно перехитрить тех, кто наверху. Это будет чрезвычайно сложно, гораздо труднее, чем управиться с этими варварами.

— А мы сумеем? — спросила она. — Они в силах отразить любое нападение. У них имеются большие запасы. Я уверена, что они могут выдержать дольше, чем мы...

— Если мы заблокируем их на месяц, этого будет вполне достаточно. Затем прилетит корабль Лиги.

— Но они тоже могут послать за помощью. Используя для этого гелиографы.

И она указала на одну из решетчатых башен вверх. Ес зеркала тускло сверкали в красном свете солнца. Только т'келанец мог различить другие зеркала, разбросанные в разных направлениях по равнинам и холмам.

— Или между нашими линиями проскочит гонец — наши линии настолько тонки, что через них способна пролезть вся орда ягола.

— Может, да, а может, и нет. Посмотрим. А теперь не мешайте и дайте мне подумать.

Они ехали дальше в молчании, нарушаемом только свистом ветра. Через час они подъехали к стене, сооруженной поперек тропы. Непроходимые скалы из логрита возвышались с обших сторон. Вход охраняли два примитивных орудия. А возле них стояли четыре солдата из гарнизона с зажженными фитилями. Стражники в кожаных шлемах и нагрудниках, вооруженные пиками и луками, патрулировали стены. В сумерках поблескивало оружие.

Уулобу, самоуверенный благодаря уважению, завосванному им среди воинов, выехал вперед.

— Дайте дорогу могущественному небесному народу, который снизошел для беседы с вашими патриархами! — потребовал он.

— Пф! — фыркнул командир отряда. — Известно, что небесные люди храбростью напоминают выпотрошенных янугулу!

— Нет, они обладают мужеством разгневанного маковсле, — сказал Уулобу. Он провел пальцем по лезвию своего кинжала. — Если тебе нужны доказательства, вспомни, кто задержал старейшин в горах?!

Воин издал возбужденный возглас, но потом, овладев собой, сказал:

— Вы можете пройти и будете в безопасности, пока мир между нами не нарушится.

— Не вздумайте тут трепаться, — резко сказал ван Рийн. — Мы проедем, возьмемся за этих пугал и пошлем их, куда они заслужили. Джей не решилась прервать его. У Ники много хороших качеств, если бы он еще избавился от своей вульгарности! Но у него, у бедняги, была нелегкая жизнь. Никто не протянул ему руку дружбы...

Ван Рийн проскал по тропе между пушками и стал подниматься дальше вверх.

Тропа вышла на широкую террасу перед городской стеной. Из бойниц выглядывали дула пушек. Два взода солдат демонстрировали дисциплину и выдержку, ранес не встречавшиеся им в ордах. Глаза Джей отметили три фигуры у входа. Они были одеты в просторные белые балахоны, а шерсть их поседела от возраста. Они высокомерно смотрели на прибывших.

Она поколебалась.

— Это главные писцы, — сказала она.

— Никаких разговоров с секретарями и служащими, — сказал ван Рийн. — Будем говорить только с боссами.

Джей облизала губы и сказала:

— Глава небесного народа требует немедленных переговоров.
— Он их получит, — сказал один из старейшин без выражения, — но вы должны оставить здесь свое оружие.

Ньяронго оскалил зубы.

— Ничего не поделаешь, — напомнила ему Джей. — Ты знаешь так же хорошо, как и я, что по закону Отцов никто, кроме старейшин и воинов, рожденных в городе, не может пройти через эти ворота с оружием. — И ее кобура, так же как и кобура ван Рийна, опустела.

Она видела, насколько тяжело разоружение дастся рокулэло, и вспомнила, что говорил ей ван Рийн об инстинкте. Разоружение для т'келанцев — это символическая кастрация. Со смелым выражением лиц они побросали оружие, спешили и с напряженными спинами прошли в ворота вслед за ван Рийном. Джей заметила, как у них сверкали глаза — словно у пойманных зверей, когда они проходили ворота.

Город Бусулонго поднимался каменными прямоугольными террасами, черными и громоздкими, над сторожевыми башнями. Улицы были узки и запутанны, полны звона кузнечных молотов и ветра. Обитатели города сторонились варваров и подбирали свои одежды, как бы опасаясь к ним прикоснуться. Три сопровождающих их члена Совета не проронили ни слова; молчание становилось все напряженнее по мере того, как они углублялись в город. Джей с трудом сдерживалась, чтобы не закричать.

В центре города возвышалось прямоугольное здание высотой метров в двадцать: без окон, с вентиляционными отверстиями и единственной дверью. Стражники у входа со свистом обнажили свои мечи и взмахнули ими в знак приветствия, когда члены Совета входили в здание. Джей услышала позади себя приглушенные возгласы. Рокулэло следовали за людьми, и она подумала, что от них будет мало проку. Освещенная факелами пещера в конце коридора была специально предназначена для того, чтобы поражать воображение охотников с равнины.

На семиугольном помосте сидели шесть одетых в белое стариков. Стена за ними была покрыта мозаикой, яркой даже в полутьме, с изображением вспыхнувшего солнца. Дыхание Ньяронго тяжело вырывалось сквозь стиснутые зубы. Он вспомнил о могущественной власти старейшин.

«Правда, — подумала Джей, — он должен вспомнить, что люди совершают чудеса не хуже, но представления, сформировавшиеся в течение многих поколений, не так-то легко поколебать».

Их проводники сели. Вновь прибывшие остались стоять. Молчание становилось все напряженнее, Джей несколько раз сглотнула и произнесла:

— Я говорю от имени Николаса ван Рийна, патриарха небесного народа, который объединился с кланом рокулэло. Мы пришли требовать правосудия.

— Правосудие здесь, — ответил высокий худой туземец в центре

помоста. — Я Акуло, сын Блубо, глава Совета, говорю от имени города Бусулонго. Почему вы подняли против нас копье?

— Ха! — хмыкнул ван Рийн, когда ему перевели вопрос. — Спросите этого старого гиппопотама, почему они первыми затеяли эту заваруху?

— Вы лицемерите, — сказала Джей.

— Я говорю то, что думаю. Переводите. Я очень хорошо знаю, почему они так сделали, но послушаем, как они будут выкручиваться.

Джей перевела вопрос. Ноздри Акуло раздулись, он пробормотал:

— Странно. Старейшины никогда не ввязывались в ссоры на равнине. Когда вы напали на шанга, мы дали им убежище, но таков старый обычай. Мы с радостью выслушаем ваш спор и вынесем решение, но в борьбе участвовать не будем.

Джей опередила ван Рийна, с возмущением выпалив:

— Они взорвали наши стены! Кто, кроме вас, мог снабдить их порохом?

— Ах, да! — Акуло дернул себя за усы. — Я понял тебя, небесная женщина. Все произошло совершенно естественно. С разрешения Совета мы задолго до вашего прибытия сюда продавали порох для волшебства и праздников. Шанга купили у нас много пороха. Мы не спрашиваем, зачем он им. Его-то они и могли использовать против вас.

— Что он говорит? — неторопливо спросил ван Рийн. Джей объяснила. Тут выступил Ньяронго — требовалась известная смелость, чтобы возразить старейшинам.

— Несомненно, отцы клана шанга поддержат вашу сказку! Ложь — скромная плата за оружие, подобное вашему!

— О каком оружии ты говоришь? — прервал его советник.

— Арсенал небесного народа, который шанга захватили, чтобы обратить его против моей орды, — выкрикнул Ньяронго. Его рот скривился. — Это тоже не касается бескорыстных старейшин?!

— Но... Нет! — Акуло наклонился вперед, и голос его уже не был таким ровным, как раньше. — Правда в том, что город Бусулонго не делал ничего для организованного нападения на лагерь небесного народа. Небесный народ слаб и беспомощен — это законная добыча. К тому же они явились причиной смуты между кланами, нарушив законы Отцов...

— Законы, благодаря которым разжирел город Бусулонго? — прервала его Джей.

Акуло хмуро глянул на нее, но продолжал, обращаясь к Ньяронго:

— Благодаря совершенному нападению, шанга получили большой запас металла. У них будет много хороших ножей. Но это не настолько увеличило их силы, чтобы они могли вторгнуться в чужие земли, если их не будет подгонять отчаянье, страх и голод. Мы здесь, в горах, думали об этом и не хотим, чтобы это случилось. Забота старейшин заключается в том, чтобы сохранить существующее

равновесие. Небольшое количество металла, попавшее в руки шанга, не нарушило его. У небесного народа никто не видел оружия кроме того, что они носили с собой. Они забрали его, когда убежали. У них в куполе не было никакого арсенала. Ваш страх ни на чем не основан, рокулэло.

Джей перевела его речь ван Рийну почти дословно. Он кивнул.

— Отлично. А теперь скажите им то, что я велел.

«Я зашла слишком далеко, чтобы отступать!» — с отчаяньем подумала она.

— Но у нас было резервное оружие, — выпалила она. — Много оружия, сотни штук. Только мы не успели им воспользоваться, так как нападение было слишком внезапным.

Воцарилась тишина. Члены Совета с ужасом уставились на нее. Пламя факелов дрогнуло, и тени забегали по стенам. Вожди рокулэло следили за происходящим с огромным удовольствием, самоуверенность отчасти вернулась к ним.

Наконец Акуло, заикаясь, проговорил:

— Но вы говорили... я однажды сам спрашивал, но вы сказали, что у вас лишь несколько...

— Естественно, — ответила Джей. — Мы хотели сохранить наше оружие в тайне.

— Шанга никому не говорили об этом.

— А чего вы от них ожидали? — Джей немного подождала, чтобы до всех дошло, и продолжала: — Вы не найдете тайник, даже если обшарите весь оазис. Они сейчас не встретили наше нападение огнем, значит, оружие находится далеко отсюда. Вероятно, они спрятали его в земле ягола, чтобы использовать позже.

— Мы проверим это, — сказал другой старейшина. — Стража!

Появился часовой.

— Приведи представителя наших гостей.

Джей передала ван Рийну смысл происходящего, пока они ждали.

— Пока все идет хорошо, — сказал он. — Но сейчас начнется самое щекотливое дело, а это будет гораздо менее приятно, чем щекотать вас.

— Вы невозможны! — ответила она, покраснев.

— Нет, всего лишь невероятен... А вот и они.

Высокий т'келанец в одежде шанга вошел в комнату. Он скрестил руки и взглянул на рокулэло.

— Это Масету, сын Бтузи, — представил его Акуло, наклонившись вперед. Он был напряжен, как и остальные его коллеги. — Небесный народ сообщил нам, что вы захватили в их лагере много ужасного оружия. Это правда?

Масету вытаращил глаза.

— Конечно же нет! Там не было ничего, кроме пустого пистолета, который я показал тебе, когда ты спустился к нам на рассвете.

— Значит, старейшины на самом деле заключили союз с шанга! — выкрикнул т'келанец из отряда ван Рийна.

Немного сбитый с толку, Акуло собрался с силами и сказал резко:

— Ладно. В конце концов, зачем отрицать очевидное?! Город Бусулонго заботится о счастье всего мира, в том числе и о вашем. Но эти лукавые чужеземцы стали разрушать наши старые обычаи. Разве они не склонили вас напасть на другую орду?! Какая же у них была причина путешествовать в ваших землях? Чего они еще хотели? Да, Совет предложил шанга уничтожить их лагерь и изгнать с нашей земли.

Хотя биение сердца, казалось, заглушало ее слова, Джей передала все ван Рийну, и тот сказал, сурово сжав губы:

— Итак, они признали это перед нами! У них наготове история, способная обмануть землян, чтобы они никогда не возвращались на эту планету. «Они не собираются отпускать нас живыми, иначе никто не поверит их сказке», — подумал ван Рийн. Но он не сказал Джей ни слова для передачи туземцам.

Акуло обратился к Масету:

— Итак, вы утверждаете, что небесный народ лжет и вы не нашли никакого арсенала?

— Да. — Шанга обменялся взглядом с Ньяронго. — Ваш народ беспокоится, чтобы мы не направили это оружие для захвата ваших пастбищ? Вам нечего бояться. Идите с миром и дайте нам покончить с чужеземцами.

— Мы ничего не боимся, — ответил Ньяронго. Тем не менее в его взгляде появилось сомнение.

Старейшины нетерпеливо зашевелились на помосте.

— Достаточно, — сказал Акуло. — Мы видим, какое смятение приносит в наш мир небесный народ. Вызвать стражу! Пусть их убьют. Да будет мир между шанга и рокулэло. Все разойдутся по домам, и на этом дело завершится.

Джей закончила перевод одновременно с окончанием речи Акуло.

— Ботулизм и бюрократы! — взорвался ван Рийн. — Не так быстро! — Он засунул руку под резервуар на спине и извлек оттуда бластер. — Всем оставаться на своих местах!

Ни один т'келанец не шевельнулся, хотя между ними пробегал ропот. Ван Рийн прислонился спиной к стене и взял под наблюдение дверь.

— Теперь мы поговорим по-дружески.

— Закон нарушен! — выкрикнул Акуло.

— Но и вы нарушили закон, подготавливая нападение шанга на нас, — ответила Джей. Она чувствовала облегчение. Не то чтобы бластер решил все проблемы. Но теперь они не убьют их так просто.

— Спокойнее! — пробасил ван Рийн.

Эхо отразилось от каменных стен. В помещение вбсжало

несколько человек. Увидев в руке ван Рийна бластер, они застыли на месте.

— Входите, присоединяйтесь к остальным, — пригласил их ван Рийн. — У меня хватит зарядов на всех.

— Ну вот, сейчас как раз настало время поговорить, — сказал он Джей. — На что годятся ваши мозги? Скажите им, что Николас ван Рийн произнесет речь. Потом дайте мне знак, чтобы я начал.

Она передала им сказанное. Толпа воинов слегка расслабилась. Акуло, Ньяронго и Масету кивнули одновременно.

— Послушаем, — сказал старейшина. — Сразиться мы всегда успеем.

— Хорошо. — Гигантская фигура ван Рийна шагнула вперед. Он ораторским жестом обвел вокруг стволом бластера. — Во-первых, вы должны узнать, что я организовал весь этот шум для того, чтобы можно было с вами поговорить. Если бы я пришел сюда один, вы забросали бы меня камнями, и никому из нас это не принесло бы пользы. Следовательно, я должен был прийти сюда в сопровождении воинов. Пусть Ньяронго подтвердит, что, если понадобится, я могу сражаться, как разгневанный кредитор. Но, может быть, в этом и нет нужды?

Джей предложение за предложением переводила его речь, затем подождала, пока глава клана гангу подтвердил, что люди — сильные бойцы. Ван Рийн воспользовался общим изумлением, чтобы начать словесное наступление на аборигенов.

— Теперь обдумайте сложившееся положение. Допустим, шанга лгут, а на самом деле они овладели арсеналом оружия. Тогда они приобретут такую силу, что даже город будет зависеть от них, вместо того чтобы быть первым среди равных, как было раньше. Нет? Чтобы предотвратить это, необходимо соглашение между старейшинами, рокулэло и нами, людьми, которые смогут использовать и еще более мощное оружие и остановить ягола, когда прибудет наш спасательный корабль.

— Но у нас же нет такой добычи, — настаивал Масету.

— Так ты говоришь, — сказала Джей, которая начала понимать замысел ван Рийна, — что такой добычи у вас нет? Ну, старейшины и рокулэло, рискнете ли вы поверить ему на слово?

На помосте воцарилось нерешительное молчание.

Ван Рийн продолжал:

— Теперь предположим, что лгу я и никакого оружия в куполе не было. Тогда старейшины и шанга должны будут действовать совместно. Люди с корабля, который прилетит с моей территории, а моя территория — все небо, полное звезд, — этим людям они должны будут рассказать какую-нибудь выдумку о том, почему купол разрушен. Все, кроме меня и этой хорошенькой куколки, благополучно спаслись, поэтому все равно станет известно, что напали шанга. Мой народ разгневается, что упущена прибыль, ради которой мы много лет трудились. Они обвинят старейшин в том, что

те использовали шанга для нападения, и, может быть, разнесут на кусочки всю эту гору. Но, может, шанга поклянутся, что старейшины здесь ни при чем и оправдают их. Верно? Тогда на протяжении многих лет шанга, а благодаря им и ягола будут связаны с городом Бусулонго. И они, конечно, станут оправдывать старейшин отнюдь не бескорыстно. Как вы думаете, рокулэло, как к вам тогда станут относиться старейшины? Насколько они будут беспристрастны? Ведь шанга станут шантажировать их. Вам необходимы люди, чтобы поддерживать равновесие!

Уулобу щелкнул зубами и крикнул:

— Это правда!

Но Джей следила за Ньяронго. Вождь медлил, обмениваясь взглядами с вождями остальных прайдов. А потом сказал:

— Да, так может случиться. Никто не хочет оказаться обманутым. И надо смотреть в будущее. Могут наступить плохие времена для ягола. Тогда они двинутся в другие земли... и единственной ошибки в предсказании вспышки солнца будет достаточно, чтобы ослабить нас и подготовить ягола к вторжению. Вновь наступило молчание. Джей слышала треск факелов и гул ветра за дверью. Акуло, не двигаясь, смотрел на ствол бластера ван Рийна. Наконец он произнес:

— Ты сеешь раздоры с великим искусством, чужеземец. Ты надеешься, что мы отпустим такого опасного человека, как ты, а также этих отцов прайдов, ставших твоими союзниками, живыми?

— Да, — с помощью Джей ответил ван Рийн убежденно, — потому что я не сею раздоры, а лишь доказываю, что вы не можете верить друг другу и нуждаетесь в людях, чтобы поддерживать порядок. Ибо, видите ли, когда люди, заинтересованные в мире, с их мощным оружием окажутся здесь, ягола с их несколькими пистолетами, ничего не смогут сделать. Или, если они говорят правду и не имеют оружия, все равно у вас нет причин объединяться с ними, если люди вернутся с миром и не будут требовать мести за разрушенный купол. В любом случае с приходом людей восстановится равновесие между городом и ордами. Что и требовалось доказать.

— Но почему небесный народ так стремится закрепиться здесь? — спросил Акуло. — Вы хотите выполнять функции города Бусулонго? Но вначале вам придется истребить нас всех до единого здесь, в горах!

— В этом нет необходимости, — сказал ван Рийн. — Мы получаем прибыль совсем другим путем. Я расспрашивал эту леди по дороге сюда, и она многое мне объяснила. А теперь я хочу рассказать вам... Гм-м... Джей, сейчас ваша очередь. Я не знаю, как вам удастся это объяснить, они ведь не знают биохимии.

— Вы хотите сказать?... Ник, неужели вы нашли выход?!

— Да, да, да. — Он потер руки. — Мне пришлось порядком

поразмыслить. Итак: моя компания берет на себя операцию на Т'Кела. Вы, эсперансиане, поможете нам на первом этапе, а затем можете тратить свои деньги на какой-нибудь другой планете. А Николас ван Рийн будет извлекать деньги отсюда.

— Но как же?

— Я вам говорил, что мне нужно вино кунгу. К тому же, мне кажется, здесь можно организовать неплохую торговлю шерстью, и все кланы будут доставлять мне эти товары. А я буду продавать их аммиак и нитраты с тех планет, где имеется азот, в обмен на местные товары. Они будут нуждаться в нас для улучшения своей почвы. Им потребуются бактерии, чтобы получать связанный азот. Вы покажете им, как это делается. А затем им понадобится много аммиака и нитратов. Конечно, у них будут образовываться излишки товаров, на которые они смогут покупать различные приспособления, особенно оружие. Ни одно существо с охотничьим инстинктом не устоит перед возможностью купить оружие, для этого они согласятся на то, чтобы временно стать фермерами и... И по мере того как моя фактория будет продавать им инструменты, машины, вещества, они станут все более и более цивилизованными, как вы этого хотели. И вот на всем этом компания «Солнечные пряности и напитки» здорово погресет руки.

— Но мы пришли сюда не для того, чтобы эксплуатировать их!

Ван Рийн хихикнул, покрутил усы и, щелкнув по лицевой стороне плаща, сделал гримасу и сказал:

— Может быть, вы, эсперансиане, и не захотите, зато я собираюсь их эксплуатировать. И они поймут меня, эти кланы, разве вы не видите? Благотворительность находится вне их понимания, зато выгоду они понимают очень хорошо, и они еще будут радоваться, что надули нас на ценах за вино. Не будет больше ни неприязни, ни подозрительности к людям, поскольку люди придут сюда зарабатывать деньги. Понятно?

Она ошеломленно кивнула. На Эсперансе они никогда не рассуждали подобным образом. Община всегда смотрела на Политехническую лигу с высокомерием — сверху вниз. Но люди в ней вовсе не были фанатиками, и если это единственная возможность реализовать замысел, то тогда...

— А старейшины, — заметила она, — как вы расположите их к себе? Введение такого количества новых элементов изменит всю местную политику и жизнь.

— О, я подумал и над этим. Нам понадобится множество туземных агентов и чиновников, проверенных парней, которые будут вести записи, расширять нашу торговлю, распространяя ее на новые территории. Для этого потребуются много молодых старейшин... Ох, и глупое название... Что касается остальных старейшин, то мы даже можем поддержать престиж города. Вспомните, что здесь потребуются разрабатывать нефтяные залежи, строить электролизные фабрики. Фабрики будут производить водород, а сжигание нефти даст электричество. Я построю здесь заводы, научу старейшин управлять

ими и затем продам их на условиях долговременной выплаты. Эта перспектива должна вполне их удовлетворить... — Он задумчиво уставился в темный угол. — Гм-м... как вы думаете, стоит ли брать с них двенадцать процентов или остановиться на пятнадцати?

Джей несколько раз вздохнула и начала подыскивать слова на языке города Бусулонго.

6

Перед заходом солнца они спустились с горы. Позади слышались приветственные возгласы, впереди дружелюбно мерцали костры лагеря. Местность казалась намного приветливее, чем утром. Была какая-то особенная прелесть в этих ночных равнинах, по которым бродят свободные кочевники. Те несколько недель, которые им придется ждать прибытия корабля, похоже, будут не так уж неприятны, скорее, наоборот, они могут оказаться чересчур веселыми.

— Другое преимущество, — говорил ван Рийн Джей, — работа, приносящая прибыль, имеет гарантию того, что будет длиться долго. Очень долго. Вы считаете, что ваше правительство осуществит свой замысел? Ба! Правительство — это подонки. Любое изменение настроения, идеологии и — пух! Кончится ваш проект. Но когда в дело замешана прибыль, положение стабилизируется. Подлитики приходят и уходят, а личность остается.

— О нет! Этого не может быть! — возразила она.

— Что ж, у нас будет достаточно времени в машине, чтобы обсудить и то и другое, — сказал ван Рийн. — Я думаю, что можно будет попробовать получить алкоголь за кунгу. Мы подмешаем его к фруктовым сокам и будем пить вино, достойное человека, черт возьми!

— Я... не могу... Ники, ведь мы остаемся вдвоем...

— Вы еще слишком юны. Вы хотите сказать, что бедный старик может показать вам, что такое молодость? — Ван Рийн бросил на нее хитрый взгляд. — О'кей, попробую.

Джей, вспыхнув, отвернулась. «Придется быть начеку до прибытия корабля», — подумала она.

Впрочем, можно будет немного расслабиться, в конце концов, он действительно интересная личность...

РАЗГАДКА

Повесть

Величественный «Арго» рассекает море,
Неся завоеванный приз,
Другой Орфей вновь поет.
И любит, и плачет, и умирает.
Новый Улисс вновь покидает
Калипсо ради родных берегов.

Перси Биши Шелли

Некогда жил король, возгордившийся перед иноземными торговцами. Теперь уже не важно, что он там сделал: это было так давно и на другой планете, и, кроме того, девушки уже много лет нет в живых. Гарри Стенвик и я подвесили короля за штаны на высочайшем минарете на виду у всего народа, и имя Политехнической лиги было прославлено на той земле. Затем мы совершили набег на склад компании «Солнечные пряности и напитки» и там поклялись в вечном братстве.

Находятся такие, кто заявляет, что у Николаса ван Рийна имеется криогенный компьютер, обслуживаемый техниками, который ему заменяет сердце. Может быть, это и так. Но он никогда не забывает хороших работников. И я не могу отыскать иной причины, по которой он пригласил меня на обед; кроме того, должен был прийти Гарри, и вряд ли у нас был другой шанс когда-нибудь увидеться.

Флиттер высадил меня на вершине Крылатого Креста, где находится, как утверждает ван Рийн, его маленький скромный домик. Облака летней пыли скрывали здания, протянувшиеся до самого горизонта. Чикаго уже зажег свои бесчисленные огни. Я находился очень высоко, и поэтому до моих ушей доносился лишь отдаленный шум машин. Мимо кустов роз и жасмина я прошел к двери. Когда дверной робот удостоверил мою личность и открыл дверь, я обнаружил за ней Гарри. Мы сердечно обнялись.

Потом некоторое время разглядывали друг друга.

— Ты не очнь сильно изменился, — солгал он. — Всё такой же хилый и неприятный, как и раньше. Метановая атмосфера беспокоит?

— Там, где я был в последний раз, дышат аммиаком, — поправил я его. — Опять длительные переходы без ночевки, случайные пули и бесконечная торговля по мелочам. Ты тоже выглядишь отвратительно — лоснящимся и самодовольным. Как Сигрид?

Как и большинство мужчин, Гарри, в конце концов, начал семейную жизнь. У него она сложилась удачно, он построил дом на скалах под Хардингер-фиордом и растил там мастифов и сыновей. Что касается меня... но это к делу не относится.

— Хорошо. Она шлет тебе поцелуй, а к нему в придачу коробку домашнего печенья. В следующий раз ты должен добиться длительного отпуска и навестить нас.

— А парни?

— Тоже ничего. — Легкий норвежский акцент резал ухо. — У Пера были неприятности, но сейчас все уже кончилось. Он тоже сегодня здесь.

— Что ж, очень хорошо. Когда я в последний раз видел старика, я спрашивал его о твоём старшем сыне. Он был тогда учеником на борту одного из кораблей ван Рийна и летал где-то в районе созвездия Геркулеса. Но с тех пор прошло много лет. Да, если посчастливится выжить, можно быстро продвинуться в Лиге. У него уже, я слышал, звание мастера?

— Да, получил совсем недавно. Плюс искусственное бедро и интересные воспоминания. Идем же, присоединимся к ним.

«Гм-м, — подумал я, — значит, старый Ник по-прежнему экономит на домашних харчах. У него достаточно собственных анекдотов, и незачем было собирать ребят, если они не нужны ему для какой-то цели. Добрые дела, в конечном результате, обязательно приносят выгоду старику».

Мы прошли через фойе, затем через несколько бесконечно длинных комнат и оказались в дальнем конце гостиной. Здесь, у экрана, занимавшего всю стену, сидели трое мужчин. Экран был прозрачен, и на нем видны небо и город. Только один из сидевших встал при нашем появлении. Он расположился немного в стороне, и в его фигуре чувствовалось напряжение отдыхающего тигра. Он был мне незнаком: смуглолицый, худощавый, на поясе — бластер, немало, видимо, послуживший своему владельцу.

Николас ван Рийн еще глубже погрузился в кресло, поднял пивную кружку и проревел:

— Ха! Добро пожаловать, капитан! Выпейте с нами немного перед обедом. — После этого он потянул себя за бородку и пробормотал: — Габриэль так много говорил сегодня, что я устал, разбираясь в его английском. Думаю, я заслужил небольшую выпивку.

Я поклонился ему, как полагалось кланяться торговому принцу, повернулся и протянул руку Перу Стенвику.

— Прошу прощения за то, что не встаю, — сказал он. Лицо его все еще было бледным и изможденным — здоровье вернется к нему, но молодость уже никогда. — Меня слегка покалечили.

— Я слышал, — ответил я. — Не волнуйся, все наладится. Мне страшно подумать, сколько в моем организме замененных органов, но пока важнейшие части остаются целыми.

— О, да, я уже почти здоров. Спасибо Мануэлю. Да, Мануэль Филипп Гомес. Мой помощник.

Я представился с соблюдением всех формальностей в соответствии с тем, что я знал о нравах этих бледных, но высокомерных колонистов с дальней окраины Галактики — из области Арктура. Мануэль тоже был безукоризненно вежлив. Поздоровавшись, он повернулся, чтобы удостовериться, что повязка на ноге Пера не сползла. Он не сел и не взял свой стакан кларета, пока мы с Гарри

не уселись. Слуга, живой человек, а не робот — в этом ван Рийн был расточителен — принес наши заказы: аквавит для Гарри и мартини для меня. Пер вертел в руках стакан с вермутом.

— Долго ли ты пробудешь дома? — спросил я его после обмена любезностями.

— Столько, сколько понадобится, — тотчас ответил Гарри.

— Не очень долго, я думаю, — с не меньшей быстротой сказал ван Рийн. — Ровно столько, сколько потребует лечение, и ни днем больше. Он молод и силен, и поэтому нечего бездельничать!

— Прошу прощения, сеньор, — сказал Мануэль мягко и равнодушно, но в то же время в его голосе послышался звон сталкивающихся звезд. — Я не хотел бы противоречить начальникам... но долг обязывает меня знать, в каком состоянии находится мой капитан. Доктора так невежественны. Я надеюсь, сеньор, что накануне Рождества вы не откажете ему в небольших каникулах?

Ван Рийн поднял руки.

— Все считают меня каким-то апокалипсическим зверем! — простонал он. — Я же всего лишь бедный одинокий старик, пытающийся удержаться на поверхности в море горестей. Я отыскал многообещающего парня, я следил за ним с тех пор, когда он еще ходил в мокрых штанишках, поскольку издавна знал его семью. Я дал ему дорогостоящее образование в надежде, что он потом поможет мне. А он хочет запереться в своем домашнем изоляторе, и в результате несколько моих новых планов станут добычей волков-конкурентов.

— Да поможет Бог этим волкам, — улыбнулся Пер. — Не беспокойтесь, сэр. Я буду готов, как только потребуется.

— Эй, эй! Я ничего не требую. Я слишком стар и толст. Мне очень жаль, что у нас случились неприятности, но подождите, вы тоже состаритесь и превратитесь в бедных старых вонючек вроде меня. Тогда вам станут недоступны удовольствия! Абдал! Абдал! Ты, существо с желеобразными ногами, неси выпивку. Ты дождешься, что мы высохнем от жажды! Мой стакан давно пуст!

— Неужели ты хочешь снова увидеть Каин? — спросил Гарри, взглянув на ван Рийна.

— Конечно, — ответил за него Пер. — И он ищет настоящего человека! Ведь это целый мир, отец! Разве ты не понимаешь?

Гарри взглянул на экран и кивнул. Я поспешил прервать наступившее молчание:

— В каких районах ты побывал на этой планете, Пер?

— Почти нигде, — ответил он. — Эта планета совершенно не исследована. Мы успели нанести на карту только несколько участков.

— Как? И вы не делали съемок с орбиты?

— Нет, нас больше интересовали мхи и травы, — сказал Пер.

Не говоря ни слова, Мануэль извлек из кармана маленькую коробочку и, открыв ее, протянул мне. В ней лежало несколько зеленовато-синих листочков. Я попробовал один. Удивительный вкус

оказался у этого растения, не передаваемый словами и пробудивший во мне глубочайшие воспоминания. Очевидно, оно возбуждало самые потаенные участки коры головного мозга.

— Химический состав мы установить не сумели, поэтому и не удастся синтезировать алкалоид искусственно, — сказал ван Рийн, закуривая сигару. — Ба! Мои химики ничего не делают целыми днями, только развлекаются в лаборатории и злоупотребляют алкоголем. А что касается шкур, то Лу Песку из компании «Петри» согласен покупать их у меня. Этот параноик повсюду разослал своих шпионов и за месяц истратил пятнадцать тысяч только на то, чтобы узнать, где находится эта планета.

— Откуда вы знаете, сколько он потратил? — спросил Гарри. Ван Рийн постарался придать лицу самодовольное выражение, но в то же время он явно скромничал.

Пер с беспокойством сказал:

— Я никогда и нигде не называл ее координаты. Она находится в созвездии Пегаса. Карликовая звезда типа «Ж-9», яркость — в половину солнечной, имеет восемь планет, одна из которых — с природными условиями, близкими к земным. Открыл ее Брандсер. Он решил, что это любопытная планета, и опустился на поверхность, чтобы изучить ее детальнее. У него было мало времени, поэтому он успел лишь ознакомиться с языком туземцев той местности, где высадился, и провести некоторые исследования в области биохимии и планетографии. Именно он привез сведения о встречающихся там мхах и травах. Поэтому меня направили для организации постоянного торгового пункта.

— Это был его первый рейс в качестве капитана, — сказал Гарри, хотя это было известно всем присутствующим.

— Возникли неприятности с туземцами? — спросил я.

— Неприятности — не то слово, — ответил ван Рийн. И добавил слово, не предназначенное для деликатных ушей. Он буквально нырнул в пивную кружку и вскоре вынырнул, отфыркиваясь, как морж. — После всего, что я для них сделал, святые ввергли меня в такую разорительную историю!

— Но нам казалось, что вы будете довольны, — сказал Пер.

— Ах, вам так казалось? — Ван Рийн ткнул в него волосатым пальцем. — Нет, мы всегда должны быть твердо уверенными, парень, иначе нам придется слишком часто терять дорогостоящие корабли.

— А также настоящих людей, — прошептал Мануэль так тихо, что его с трудом расслышали.

— Я читал доклады людей Брандсера, — сказал ван Рийн, — а также изучил ваш отчет. Мне кажется, что я понял, в чем дело. Когда побываешь на стольких планетах, на скольких побывал я, капитан, легко отыскиваются аналогии для новых явлений. Однако я не уверен... Я иной раз думаю, что Бог шутит с нами. Хорошо, что это только невинные шутки. С нами, смертными. Поэтому я не дам своего заключения до тех пор, пока не услышу из ваших уст рассказа о том,

как все происходило. Доклады, даже по видеоэкрану, не дают ощущения реальности. С вами я снова переживу все события, все схватки, все, что теперь недоступно бедному старику.

И это говорил человек, без посторонней помощи освоивший Берту, Диоман и Т'Келу!

— Что ж. — Пер покраснел и принялся медленно вертеть в руках стакан. — Я могу рассказать сравнительно немного. Вы все видели достаточно, так что я... Это же всего лишь пустяковый эпизод.

— Ничего себе пустяк, — сказал ван Рийн.

Пер сжал губы.

— Прошу прощения. Ты прав. Ведь там погибли люди.

Я поинтересовался.

— К какому типу относится эта планета? «Земные условия» — это что, шутка? Так обычно говорят чиновники в земных офисах, если обнаружится, что на планете можно хотя бы дышать без скафандра.

— И если удастся выдержать местную гравитацию в течение получаса, — добавил ван Рийн.

— Что ж, Каин не так уж плох в низких широтах, — сказал Пер. Лицо его расслабилось, стремительные жесты, которые он делал, напомнили мне о его матери. — Планета размером примерно с Землю, средний радиус орбиты несколько больше астрономической единицы. Атмосфера плотнее на пятнадцать процентов, что создает сильный парниковый эффект. Период обращения составляет двенадцать часов, спутников нет. Угол наклона — тридцать два градуса — и это делает сложной картину смены времен года. Мы высадились на сорок пятом градусе северной широты среди холмов. Стояло лето. Ближайший пруд по утрам замерзал, на склонах лежали снежные сугробы, но в целом было не так уж плохо для планеты звезды типа «Ж-9».

— Это Брандер дал ей такое имя — Каин? — спросил я.

— Да. Не знаю почему, но оно ей чертовски подходит.

Снова наступила тишина. Мануэль взял пустой стакан своего капитана и вышел. Через минуту он вернулся с полным. Пер не спеша выпил.

— Неприятностей не избежать, — успокоил его ван Рийн. — Вы научитесь.

— Но начало было таким обнадеживающим! — пожаловался Пер. — Даже язык, казалось, усваивался сам собой. В самом деле, мы очень легко и быстро выучили язык туземцев. — Он повернулся ко мне. — Нас было двадцать человек в экипаже «Королевы Марии». Это прекрасный скоростной, но маловместительный корабль. Нам и не требовался больший, ведь мы должны были только основать первый торговый пост и внедрить идею необходимости постоянной торговли среди автохтонов. Мы имели обычный набор товаров, материалов и инструментов, оружия и бытовых предметов: ножницы, точильные камни и тому подобное. Но украшений было немного, так

как ксенологи Брандера не сумели составить точное представление о том, что любят или хотя бы предпочитают туземцы. Каждый воин, по-видимому, одевался и наряжался, как ему нравилось. По крайней мере, в земле Улаш, которая так и осталась единственной территорией, изученной ими достаточно основательно.

— И, конечно, ее изучение было проведено не особенно тщательно, — пробормотал ван Рийн. — Так бывает всегда.

— Земледельческая культура? — спросил я.

— Примитивная цивилизация, — ответил Пер, — маленькие участки, очищенные от леса и обработанные плугами. В Улаш имеется зачаточная металлургия: выплавляется медь, золото, серебро — все это делается на неолитическом уровне. Сами миллианы занимаются только охотой. Они привлекают себе в помощники некоторых лугалов.

Я с растущим интересом изучал изображение. Фоном служил мрачный холм, на котором среди разбросанных там и сям валунов пробивалась бледно-зеленая трава. Справа виднелась долина, заросшая густым лесом. Небо было бледным, оранжевый солнечный диск искажал цвета.

— Это Шивару, — сказал Пер. — Один из наших туземных друзей.

Шивару стоял прямо и напряженно смотрел в объектив. Он был около двух метров ростом, как сказал Пер. Телосложением он напоминал высокого человека с широкой грудью. Рыжевато-коричневая шерсть покрывала тело до самого кончика элегантного хвоста. Голова мало походила на человеческую: на макушке виднелся черный гребень, зеленые глаза с длинными и узкими зрачками, круглые подвижные уши, плоский нос, очень похожий на кошачий, толстогубый рот с торчащими клыками и челюсть, сужавшаяся книзу в виде буквы «V». На нем было нечто, напоминающее львиную шкуру, и ожерелье из необработанных драгоценных камней. В левой руке он сжимал боевой топор с обсидиановым лезвием, за поясом торчал стальной нож, полученный, очевидно, от землян.

— Они более или менее млекопитающие, — продолжал Пер, — хотя имеются отличия в анатомии и химическом составе, как и следовало ожидать. Сложная система эндо- и экзотермических реакций в крови регулирует температуру тела.

— Потоотделение — довольно редкое явление для обитателей холодных планет земного типа, — заметил ван Рийн. — Если долго приглядываться к новой вещи, то обязательно найдешь аналог чему-то, встречавшемуся раньше. Эволюция образует систему параллельных линий.

— Но всегда наблюдаются и отклоняющиеся линии, — добавил я. — Брандер анатомировал их тела?

— Нет, ему не пришлось, — ответил Пер. — Но миллианы прислали ему столько мертвых тел лугалов! Чего он и не просил. А

лугалы, несомненно, принадлежат к тому же виду. — Он вздрогнул. — Надеюсь, что они не убивали лугалов специально для землян.

Между тем мое внимание переключилось на существо, скрывающееся за Шивару: это был другой каинит — приземистый, коротконогий, с коричневой шерстью. Лоб и подбородок его были недоразвиты, нос почти не выделялся. Это существо было голым и несло тяжелый вьюк, колчан со стрелами, лук и два копья, торчащие из-за мускулистой спины. Я видел, что его кожа сильно натерта тяжестью, которые ему, по-видимому, часто приходилось перетаскивать.

— Это лугал? — спросил я.

— Видите ли, на этой планете имеются два вида, и чем дольше продолжается эволюция, тем больше было у них шансов совместно дожить до наших дней. Миллианы превратили лугалов в рабов — по крайней мере, в Улаше, а если судить по нашим разведочным данным, то и по всему Каину.

— Не очень-то хорошо они обращаются с этими бедными лугалами, а? — спросил Гарри. — Но я не стал бы доверять рабу с оружием в руках.

— Нет, лугалам вполне можно доверять, — возразил Пер. — Как собакам. Они выполняют самую тяжелую работу. Миллианы — и мужчины, и женщины — являются колдунами, художниками, охотниками и тому подобное. Вся культура создана миллианами. — Нахмурившись, он отпил из стакана. — Хотя я не вполне уверен, можно ли применять к ним слово «культура».

— Как так? — Ван Рийн поднял брови над своими маленькими черными глазами.

— Ну... у этих миллианов нет ничего похожего на нации, племена или любой другой вид общественной организации. Семейная группа распадается, когда самец становится слишком стар, чтобы удерживать семью. Молодые самцы отделяются и уводят нескольких молодых самок. Их лугалы всюду ходят вместе с ними, как собаки. Насколько я мог понять, семьи только случайно контактируют друг с другом. Изредка происходит меновая торговля, время от времени несколько семей объединяются для охоты на особо крупного зверя, да еще случаются стычки между отдельными индивидуумами. И это все.

— Но этого не может быть, — возразил я. — Разумные расы нуждаются в большем, хотя бы для передачи традиций. Ведь что-то должно стимулировать развитие мозга! Его развитие не может протекать как чисто биологический процесс!

— Меня это тоже смущало, — ответил Пер. — Я много общался с Шивару и другими каинитами, время от времени посещавшими наш лагерь. Мы старались понять друг друга. Они оказались ничуть не менее любопытны, чем мы, и тоже старались извлечь выгоду из торговли. Ну и работенка нам досталась! Целая планета — два или три миллиарда лет своеобразной эволюции. И у них возник

своеобразный язык. Для начала люди Брандера составили весьма скромный по объему словарь. Мы не углублялись особенно в обсуждение деталей их существования. Хотя речь порой заходила об особенностях их образа жизни. К концу, однако, персидской кос-что забрезжило. Оказалось, что, несмотря на свой придурковатый вид, лугалы далеко не глупы. Может, они и менее сообразительны, чем их хозяева, но, во всяком случае, разница между ними не слишком велика. И в любом из их патриархальных поселений — в пещере или под навесом в лесу — всегда больше лугалов, чем миллианов. Каждый член семьи, даже ребенок, имеет по нескольку рабов. Миллианы не образуют ни кланов, ни племен, но нечто подобное наблюдается у лугалов.

Лугалов посылают с поручениями в другие семейства миллианов — с товарами для обмена, с известиями и по иным делам. Они возвращаются назад с такими же поручениями. Миллианы выращивают лугалов вполне сознательно — у них имеются некоторые практические сведения по генетике. Лугалам временами разрешается побездельничать, особенно когда нет срочной работы. Точно так же люди разрешают побегать собакам. У лугалов есть свои знахари и колдуны. Было бы ошибкой считать, что хозяева с ними обращаются жестоко. Может, по нашим стандартам оно так и есть, но Каин — жестокая планета, и даже жизнь самих миллианов не так уж легка. Разумный лугал там ценится очень высоко. Он назначается старшим среди других лугалов, учит маленьких детей миллианов ремеслу, и в некоторых случаях хозяин даже советуется с ним, как поступить в той или иной запутанной ситуации.

Некоторые семейства миллиан, как мне рассказывали, разрешают таким лугалам ночевать и питаться в их жилищах. И потом, лугалы очень преданы своим хозяевам. То, как обращаются с прочими лугалами, для них ничего не значит. Такой лугал с радостью помогает выбраковывать слабых или наказывать ленивых.

Таким образом, я как будто бы нашел ответ на главный вопрос: у миллианов существует общественная жизнь, у них есть нечто большее, чем семья, — объединения, но не напрямую, между миллианами, а косвенно, совместно с лугалами. Миллианы — созидатели и новаторы, лугалы — хранители традиций, осуществляющие связь между поколениями. Я берусь утверждать, что такие отношения существуют между ними столь долго, что биологическая эволюция закрепила неразрывную связь этих двух видов.

— Ты говоришь о них так спокойно и дружелюбно, — сказал Гарри, — как будто забыл, как они поступили с вами.

— Но вначале они были нам неплохими помощниками. — По голосу Пера я понял, как тяжело он переживает случившееся. — Гордые, как Сатана, черствые, но не жестокие миллианы, приходя в лагерь, всегда приносили подарки и никогда не требовали платы. Два или три раза предлагали помочь в работе, прислав лугалов. В этом не было особой необходимости, да и при наличии у нас мощных

машин эта помощь была просто смешна, но они ведь этого не понимали. Когда же сообразили, то были страшно поражены. Так, во всяком случае, считаю я. Трудно быть полностью уверенным в этом, так как миллианы не могли представить себе кого-то более могущественного и более сильного, чем они. Обычно каждое существо считает себя высшим созданием в мире, но они признали нас равными себе. Я не пытался объяснить им, откуда мы прибыли на самом деле. «Из другой страны». Для практических целей такое утверждение вполне подходит. Шивару особенно заинтересовался нами. Он был уже немолод. Большинство его детей выросли и выделились из семьи. В среде миллианов он считался богатым и передовым, так как постоянно экспериментировал, пытаясь внедрить скотоводство как источник дополнительного получения продуктов питания наряду с охотой, и его советы всегда внимательно выслушивались другими миллианами. Однажды я взял его с собой в полет на флиттере, и он радовался и был счастлив, как ребенок. В следующий раз он привел трех своих жен, чтобы они тоже порадовались ощущению полета.

Время от времени мы вместе охотились. Боже, посмотрели бы вы, как он гнался за каким-нибудь огромным рогатым животным, вскакивал ему на спину и валил одним ударом топора! Затем его лугалы свежевали добычу и тащили ее в лагерь. И, поверьте мне, мясо было чертовски вкусным! В биохимии местных напитков не хватает некоторых наших витаминов, но, в целом, человек вполне может употреблять их пищу. Очень много времени мы с ним проводили в беседах. Может, это покажется вам странным, фримены, но я никогда раньше не разговаривал ни с каким другим существом подолгу. Мы старались пополнить свой словарь, лучше понять друг друга, и оба были так увлечены этим, что забывали порой о еде, пока Мануэль или Черкез — так звали главного лугала Шивару, сухого и старого каинита, напоминающего мне дружелюбных старинных гномов из детских сказок, — пока один из них не являлся за нами. Иногда я с удивлением замечал, что люблю его красотой. Каиниты хорошо сложены и грациозны, как кошки, но смертельно опасны, когда приходят в бешенство. Это мы тоже со временем узнали.

У нас было любимое место под сенью скалы на склоне холма, за лагерьем. Скала за нашими спинами была теплой, она казалась мне еще теплее, когда я глядел на ее шершавую поверхность и видел свое дыхание, белым облачком всплывавшее на фоне жемчужного неба. Высоко над нами в поисках добычи кружил хищник, потом птица кидалась в сторону, в разреженном воздухе я отчетливо слышал свист ветра в ее крыльях, и скрывалась за вершинами деревьев внизу, в долине. Листья деревьев имела множество цветовых оттенков, как будто здесь стояла бесконечная осень. Шивару сидел на корточках, обхватив хвостом колени, у его ног лежал топор. Черкез и один или два других лугала горбились на некотором удалении от нас. Лугалы никогда не уходят далеко от своих миллиан. Иногда к нам

присоединялся Мануэль, это случалось, когда он не был занят на строительстве. Помните, Мануэль, вы иногда бывали с нами?

— Да, капитан, — сказал Мануэль.

— В тот раз, — продолжал Пер, — глубокий голос Шивару звучал все звонче и звонче, он был полон планов на будущее. Никаких вопросов о торговом договоре не обсуждалось — у них не было организации, с которой мы могли бы заключить такой договор, — но он видел, как его люди приносят то, что нам надо, в обмен на то, что мы им предлагаем. И он был достаточно умен для того, чтобы понять, какое воздействие на их существование окажет наличие на их земле постоянного торгового пункта, общего места встреч для обмена. Начнется более тесное общение семей, пустит корни идея объединения. Он прозревал будущее, заглядывая далеко за рамки тех ограниченных понятий, к которым был приучен с детства. Например, он считал, что большая группа миллиан, трудясь вместе, сможет наиболее плодотворно воспользоваться нерестом на реке Мокуньян. Можно будет соорудить большие каноэ и отправиться на поиски новых охотничьих угодий. Ну и тому подобное. Потом его уши задвигались, что свидетельствовало об особом внимании, усы задрожали, он наклонился вперед и начал расспрашивать о людях. Из какой страны мы прибыли? Какая там водится дичь? Как мы обзаводимся семьей и воспитываем детей? О, он взрывался целыми фонтанами вопросов! Постепенно, по мере расширения нашего словаря, вопросы его становились все более отвлеченными. Мы начали рассматривать законы психологии и какое-то время были абсолютно поглощены этим занятием.

Я несколько не удивился, узнав, что его культура не имеет религии. Вообще, он с трудом уразумел, о чем я его спрашиваю. У них практикуется колдовство, но они рассматривают его скорее как разновидность технологии. Они не знают анимизма, у них нет аналогов антропоморфизма. Миллианы очень хорошо усвоили, что они господствуют над любым животным и растением на планете. Мне кажется также, хотя я в этом и не уверен окончательно, им знакома идея переселения душ. Но все эти вопросы их мало интересуют, как, впрочем, и проблема собственного происхождения. Жизнь, по их мнению, это то, что существует. Мир — это такой феномен, в котором необходимо либо господствовать, либо оказаться поработленным. Шивару интересовался, почему я задаю вопросы о таких очевидных вещах.

Пер покачал головой. Взгляд его скользнул по повязке на ноге.

— Вероятно, в этом была моя первая ошибка.

— Нет, капитан, — мягко сказал Мануэль. — Откуда вы могли знать, что у них нет души?

— Нет ли? — пробормотал Пер.

— Оставим его теологам, — сказал ван Рийн. — Мы платим им за то, чтобы они решали подобные вопросы. Продолжайте, мой мальчик.

Я видел, что Пер старается взбодриться.

— Я попытался объяснить Шивару идею Бога, — продолжил он свой рассказ. — Уверен, что мне это удалось. Шивару выглядел удивленным и обеспокоенным. Вскоре после этого он ушел. Упомянул ли я, что миллианы используют барабаны как средство связи на больших расстояниях? Всю ночь я слышал грохот барабанов, несшийся из долины, далеко на западе, на холмах, раздавался ответный рокот. В течение недели нас никто не навещал. Но Мануэль, бродивший по окрестностям, видел множество следов. За нами все время наблюдали, и я почувствовал некоторое облегчение, когда вновь появился Шивару. Вместе с ним прибыло несколько других туземцев — Ферегхир, Тилитур и др.; не менее влиятельных среди соплеменников, чем Шивару. Они направились прямо ко мне. Я знал об этом, так как их заметили наши автоматы, рубившие неподалеку лес. Мы использовали в строительстве множество местных материалов, в том числе и бревна. Деревья обрубались силовым лучом, грузились на гравитационные тележки, и затем их везли на строительство. Воздух был полон гула и грохота; озона и треска, сильный ветер пронизывал меня, словно луч лазера. В воздухе висели тучи пыли, и я с трудом различал наш корабль и навесы около него: солнечный свет едва пробивался на площадку. Они подошли ко мне, эти трое высоких охотников, в сопровождении вооруженных лугалов. Шивару пальцем поманил меня.

— Идем, — сказал он, — тут не место для миллиан.

Я посмотрел ему в глаза. Они были непроницаемы, как будто он глядел сквозь стеклянную стену, разделявшую нас. Правду сказать, у меня по коже пробежал озноб. Я был совершенно безоружен. Мы все были безоружны, за исключением Мануэля — вы знаете новомексиканцев, — и я боялся, что совершу непоправимую глупость, если отправлюсь за оружием. На языке улаш я приказал Тому Буллису руководить работами и попросил Мануэля пойти со мной. Если автохтоны вбили себе в голову, что мы хотим причинить им вред, вряд ли их успокоит, если я стану при них говорить по-английски — на языке, которого они не понимают. Не было сказано ни слова, пока мы не оказались вдали от пыли и шума стройки, на нашем излюбленном месте у скалы. Она уже не казалась мне такой теплой.

— Я приветствую вас, — сказал я миллианам, — и прошу поесть и отдохнуть с нами. — Это была местная формула вежливости для гостей. Но я не услышал ответа.

Вместо него Тилитур взмахнул копьем, которое он держал в руке, и спросил — не грубо, но с какой-то неприятной интонацией в голосе:

— Зачем вы пришли в Улаш?

— Зачем? Но ты же знаешь — торговать.

— Нет, подожди, Тилитур, — вмешался Шивару. — Ты не то спрашиваешь. — Он повернулся ко мне. — Кто вас послал? — задал

он вопрос. — И я должен вас спросить, фримены, знаете ли вы, что такое Черный голос?

Я не собирался увливать от ответа. Ясно было, что мы что-то сделали неправильно, совершили ошибку, но у меня не было ни малейшего представления, в чем она заключалась. Ложь или увертки могли только ухудшить положение, хотя могли, может быть, и несколько улучшить его. Я видел, как солнце блестит на лезвиях топоров, и радовался, что рядом со мной стоит Мануэль. Шум лагеря почти не доносился до этого места: либо мы отошли далеко, либо ветер усилился. Я заставил себя взглянуть Шивару в глаза.

— Ты знаешь, что мы находимся здесь ради оставшихся дома товарищей, — начал я.

Скулы под его шерстью напряглись, к тому же я не очень хорошо понимал выражение лиц туземцев. Но раздвинувшиеся губы Ферегхира обнажили клыки, так бывает, когда миллианин встречает врага. Тилитур держал копьё наготове. В докладах Брандера сообщалось, что в присутствии друзей миллианы так себя не ведут. Шивару, однако, понять было нелегко. Могу поклясться, он о чем-то сожалел. Но о чем?

— Вас послал Бог? — спросил он.

Это был завершающий штрих той сумасшедшей картины. Я засмеялся, хотя никакого веселья не ощущал. В голове у меня звенело. Я испытывал определенную семантическую трудность. Дело в том, что в Улаше используется несколько разновидностей повелительного наклонения. Приказ отца сыну отличается от приказа другому миллиану, побежденному в схватке, и оба они отличаются от распоряжений, отдаваемых лугалу, и так далее, причем различия эти настолько велики, что их классификация с трудом давалась нашим психолингвистам. В общем, миллианы хотели знать, являюсь ли я рабом Бога. Конечно, не время было растолковывать им историю наших религий, к тому же я не слишком силен в этом. Я только сказал:

— Нет, мы не рабы Бога. Бог — это символ, в чье существование верят некоторые из нас, но далеко не все. И он, совершенно точно, не отдавал мне никаких приказов.

Это удивило их. Дыхание со свистом вырывалось сквозь клыки Шивару, гребень на его голове поднялся, хвост хлестал по ногам.

— Тогда кто же послал вас? — почти закричал он. Можно перевести этот вопрос и так: «Кто ваш хозяин?»

Я услышал щелчок — это Мануэль раскрыл кобуру. За спинами миллианов лугалы приготовили топоры и копья. Можно представить себе, как тщательно я подбирал слова для ответа.

— Мы все свободны и являемся равноправными членами общества, — сказал я. Или, может быть, слово, которое я употребил, означало «содружество»? Я не мог разъяснить им особенности нашей семантики. — В нашей стране, — сказал я, — нет лугалов. Вы видели, что на нас работают машины. Нам вообще не нужны лугалы.

— Ах-х-х! — сказал Ферехир, взмахнув копьем. Мануэль взвел курок.

— Я считаю, что вам лучше уйти, — сказал он туземцам. — Мы не хотим убийства.

Брандер не раз демонстрировал туземцам действие нашего оружия, мы тоже. И туземцы застыли, не двигаясь, и стояли так, нам показалось, целую вечность. Шерсть на лугалах встала дыбом. Они были готовы броситься на нас по первому слову своих хозяев. Но это слово не было произнесено. Трое туземцев обменялись взглядами, и Шивару сказал безжизненным голосом:

— Мы должны обсудить это.

Они повернулись и пошли по высокой шуршащей траве, лугалы последовали за ними. Барабаны гремели день и ночь.

Между собой мы долго обсуждали происшедшие события. В чем дело? По земным стандартам миллианы были примитивны и необразованны, но далеко не глупы. Так, Шивару не был особенно удивлен, что мы по внешнему виду отличаемся от жителей Каина. Например, то обстоятельство, что мы живем коллективом, а не отдельными семьями, показалось ему только странностью и хотя заинтриговало его, но не шокировало. И, как я говорил вам, хотя многочисленные сообщества не были приняты у миллиан, время от времени они все же объединялись. В таком случае что же им не нравится в нас? Игорь Уженков, офицер «Королевы Марии», высказал, пожалуй, самое правдоподобное объяснение:

— Если они считают нас чьими-то рабами, то, значит, наш хозяин должен быть еще могущественнее. Может, они опасаются, что мы готовим базу для вторжения?

— Но я же ясно сказал им, что мы не рабы! — ответил я.

Можете себе представить, как я ворочался всю ночь под нашим навесом. Должен ли я собрать свои механизмы, найти другой район и начать все заново? Это означало бы потерю всего, чего мы добились. Причем изучение еще одного языка было бы самой легкой проблемой, суть заключалась в том, что перемещение мало что нам дало бы. Полеты на флиттерах показали, что повсюду на Каине господствует один и тот же образ жизни. Так было на Земле в палеолитическую эпоху. А что если мы каким-то образом нарушили не простое табу, а нечто фундаментальное? Я не знал этого. Думаю, что и Мануэль проводил в постели не больше двух часов в сутки. Он был занят укреплением нашей обороны, тренировкой людей, проверкой постов и их бдительности. Но следующий контакт с туземцами внешне был совершенно мирным. На рассвете меня поднял часовой, сообщивший, что явилась группа туземцев. Ночью поднялся туман, влажная дымка затянула горизонт, так что в трех шагах трудно было что-либо различить. Выйдя наружу, я услышал треск припаркованного поблизости трактора — единственный отчетливый звук в царившей вокруг глухой тишине. Тилитур и еще один миллианин стояли в

окружении пятидесяти лугалов. Их шерсть была покрыта влагой, оружие блестело от инея.

— Они двигались ночью, капитан, — заметил Мануэль. — Для лучшей скрытости. Несомненно, где-то рядом скрываются другие.

Он послал со мной взвод охраны.

Я приветствовал туземцев в соответствии с обязательным ритуалом, как будто ничего не случилось. И вновь я не получил от них никакого ответа. Тилитур только сказал:

— Мы пришли для торговли. За ваши товары мы дадим вам меха и травы, которые вам так нравятся.

Это было удивительно. Тем более что наш торговый пост был построен лишь наполовину. Но я не мог отказаться от того, что, возможно, являлось оливковой ветвью мира.

— Хорошо, — сказал я. — Идемте посидим и поговорим.

«Хороший ход, — решил я, — совместная еда накладывает определенные обязательства на участвующих в ней. Это справедливо как для Земли, так и для Каина».

Тилитур и его товарищ, Вогзахан, теперь я вспомнил и его имя, даже не поблагодарили меня за приглашение, но вошли в корабль и сели за стол в кают-компании. Я решил, что это произведет лучшее впечатление, чем обед под навесом, к тому же в корабле было не так холодно. Я приказал принести бекон и яйца — пищу, которую, как я знал, любили каиниты. Они сразу перешли к делу.

— Сколько вы можете продать нам?

— Это зависит от того, что вы намереваетесь купить и что у вас имеется на обмен, — ответил я, соревнуясь с ними в любезности.

— Мы ничего не принесли с собой, — сказал Вогзахан, — потому что не знали, согласитесь ли вы с нами торговать.

— Почему же нет? — спросил я. — Ведь для того мы и пришли. Между нами нет споров и недоразумений, не так ли?

И хоть бы один из них моргнул своими зелеными глазами.

— Нет, — сказал Тилитур. — Никаких споров. Мы хотим купить пистолеты.

— Такое оружие мы не продаем. — Я вынужден был сразу покончить с этим вопросом, чтобы больше не хитрить. — Однако мы можем предложить вам ножи и множество других полезных инструментов.

Они немного помрачнели, но спорить не стали, наоборот, тут же принялись обсуждать условия обмена. Гости хотели получить как можно больше и не особенно торговались, не пытались сбить цену. Но они хотели взять товары в кредит. Они сообщили, что наши товары требуются им немедленно, сбор же туземных товаров для обмена потребует много времени. Это поставило меня в неловкое положение. С одной стороны, миллианы до сих пор действовали честно и, насколько я могу судить, всегда говорили правду. К тому же я не хотел отказывать им. С другой стороны... Ну, вы все понимаете не хуже меня. Я лью себя надеждой, что мне удалось дать им

дипломатичный ответ. Я сказал им, что мы нисколько не сомневаемся в их добрых чувствах. Мы знаем, что миллианы — хорошие парни, но всегда может произойти что-нибудь неожиданное, и в результате мы понесем огромные убытки.

Тилитур хлопнул по столу рукой и фыркнул:

— Какие-то странные опасения. Хорошо, мы оставим вам наших лугалов, пока не будет собрана требуемая плата. Лугалы стоят очень дорого. Но вы должны будете отвезти товары туда, куда мы укажем.

Я решил, что на таких условиях можно отдать половину запрошенных товаров.

Пер замолчал и закусил губу. Гарри наклонился и взял его за руку. Ван Рийн проворчал:

— Да, черт возьми, никто не может предвидеть всего, что может случиться, но всегда следует ожидать худшего. Ты поступил правильно, мой мальчик. Абдал, еще выпивки, или ты считаешь, что мы на Марсе?

Пер вздохнул.

— Мы погрузили товары в гавилодку, — продолжал он. — Мануэль сопровождал ее на вооруженном флиггере на всякий случай, в качестве предосторожности. Но ничего не произошло. Примерно в пятидесяти километрах от лагеря миллианы попросили наших людей остановиться на берегу реки. Здесь стояла каное, и не одна. Около них находились несколько миллиан. Стало ясно, что они намереваются дальше перевозить товары самостоятельно. Мануэль спросил, есть ли у меня какие-либо возражения.

— Нет, — ответил я, — какая разница? Они хотят сохранить в тайне место назначения. Они нам, очевидно, больше не доверяют.

За Мануэлем я видел на экране смотревшего на нас Ворзахана. Наши коммуникаторы и раньше очень нравились посетителям лагеря, но на этот раз мне показалось, что на его лице промелькнула не улыбка, а усмешка.

Я был занят обеспечением и размещением лугалов. При них всегда находились один или два охранника. Не то чтобы я ожидал серьезных неприятностей. Я слышал, как хозяйева сказали им: «Оставайтесь здесь и делайте все, что прикажут земляне, пока мы не вернемся». Тем не менее меня тревожило, что в лагере находится целая свора этих домашних «собак» миллиан.

Они сидели по-звериному. Когда ночью загремели барабаны, они беспокойно задвигались по павильону, который мы отвели им, и стали переговариваться на языке, о котором в отчете Брандера не было никаких сведений. Но на следующее утро они снова были спокойны. Один из них даже спросил, не могут ли они помочь нам в работе. Я едва не рассмеялся, представив себе лугала за пультом управления пятисотсильным трактором, и сказал, что мы им благодарны, но их помощь пока не требуется. Они должны только терпеливо ждать.

Несколько раз на протяжении последующих трех ночей я

пытался завязать с ними беседу, но из этого ничего не вышло. Они отвечали мне, однако ответы их были маловразумительными.

— Где вы живете? — спросил я.

— Там, в лесу, — отвечал лугал, глядя на пальцы ног.

— Что за работу вы выполняете дома?

— Ту, что велит делать миллиан.

Я отступился.

Тем не менее глупыми они не были. Мы заметили какие-то игры, в которые они играли, используя глиняные фигурки. Их значения я так и не смог разгадать. На рассвете они строились в ряд и затягивали бесконечную печальную песню, которая заставляла меня ощущать дрожь в нервах. Большую часть времени они спали или сидели, уставившись в пустоту. Затем вдруг собирались в небольшие группы и, обхватив друг друга за плечи, о чем-то шептались.

Ну... я чувствую, что рассказываю слишком долго. На нас напали незадолго до рассвета, на четвертый день.

Впоследствии я узнал, что в нападении участвовало около ста миллиан и Бог знает сколько лугалов. Они собрались отовсюду на эту проклятую территорию, называемую Улаш, созданные барабанами. Их разведчики обнаружили наши пикеты, и град стрел обрушился на них. Большой части отряда удалось ворваться внутрь лагеря. Однако я не могу рассказать слишком много. Я оказался ранен... — Лицо его исказилось. — Что за проклятье! И это в первом же самостоятельном полете!

— Продолжай, — сказал Гарри. — Ты не рассказал нам подробностей.

— Их немного, — Пер вздохнул. — Первые же крики разбудили меня. Я сунул ноги в сапоги, набросил куртку, одновременно шаря руками в поисках оружия. В это время в полную мощность взрвели сирены. Сквозь их вой я услышал около своего навеса выстрелы из бластеров.

Я выскочил наружу. И словно попал в огромный черный кипящий котел. Сверкали выстрелы, гудели сирены, раздавались крики туземцев. Я ощутил ужасный холод. Свет звезд отражался в инее, покрывавшем холмы. Я на мгновение удивился: как много звезд в небе и какие они яркие.

Затем Уженков включил прожектора на «Королеве Марии»: внезапно над нашими головами вспыхнуло солнце, слишком яркое даже для нас. Каким же оно должно было показаться каинитам! Я думаю, сплошной сине-белой стеной. Нападавшие кишели между нашими навесами — высокие охотники в леопардовых шкурах, приземистые коричневые гномы, топоры, копья и дубины в руках. А я видел только одно — человека, распростертого на земле. Пальцы его сжимали пистолет, а голова была размозжена... ужас!

Я поднес ко рту громадный мегафон, который всегда ношу с собой на всякий случай, и принялся отдавать приказы, пробираясь к

кораблю. Хотя у нас имелось мощное оружие, нас было всего двадцать, даже меньше, против всего Улаша.

Наше укрепление было предназначено для обороны. Два человека спали в корабле, остальные — под навесами вокруг него. С полдюжины человек быстро пробилась на корабль, остальные пытались прорваться к нему. Мы должны были выручить их, и как можно быстрее, иначе могло оказаться, что помогать будет некому.

Я видел, как наши парни показались из своих укрытий вблизи посадочных стабилизаторов. Даже теперь у меня перед глазами бегущий Зурковский, так и не застегнувший свою парку, которая болталась вокруг его голых ног. Он никогда не спал в пижаме. Да, в такие напряженные моменты порой замечаешь множество несущественных деталей. Наконец, ошеломленные ярким светом, кайниты стали разбегаться. Они не ожидали такой мощной солнцеподобной вспышки, не ожидали рева сирен, звук которых ужасен даже для привычных ушей. Несколько кайнитов лежали раненые или убитые.

Площадку словно захлестнул ревущий поток тел. На меня напали сзади. Я упал им под ноги. Нападавшие перепрыгнули через меня, и я остался в тисках лугала. Он лежал на моей груди и старался разорвать мне горло зубами и руками. Черт возьми! Это создание оказалось невероятно сильным. Сантиметр за сантиметром он подобрался к моему горлу. Затем появился еще один лугал. Он подобрал дубинку упавшего кайнита и ударил меня по первому подвернувшемуся месту — по ноге. Я ощутил чудовищную боль и бессильную ярость. А затем я провалился во тьму.

Оказалось, что лугалы-заложники освободились. Я должен был предвидеть это. Даже без особого на то приказа они не могли оставаться в стороне, когда сражались их хозяева. Но, вне сомнения, они получили приказ. Тилитур и Вогзахан провели нас. Они получили безвозмездно большую партию товара и к тому же разместили своих подчиненных в самом нашем лагере.

Но, разумеется, их план не удался. Они не представляли себе нашей реальной силы. Да и как они могли себе ее представить?! Мануэль собственноручно убил обоих напавших на меня лугалов. Для этого ему потребовалось всего два выстрела. Наши парни создали кольцо огня, и нападавшие наконец разбежались. Но они сильно навредили нам. Я пришел в себя в корабельном лазарете. Мануэль сидел рядом со мной, словно беспокойный ворон.

— Как дела? — спросил я.

— Вы должны отдохнуть, сеньор, — ответил он. — Пусть Бог простит меня, я приказал доктору накачать вас стимуляторами. Нам срочно требуется ваше решение. Немедленно. Несколько человек ранено, двое мертвы, трое исчезли. Враги отступили, и, я думаю, они увели с собой пленных.

Меня положили на носилки и вынесли наружу. Я не испытывал боли, но голова у меня кружилась. Вы представляете, как себя чувствуешь, когда ты по горло набит наркотиками. Мануэль сказал

мне, что мою левую ногу зашили. Но в тот момент главное было совсем не в этом... Гувер и Мурамато погибли. Буддист Чанг и Зурковский пропали.

Наш лагерь в лучах оранжевого солнца был несомненно спокоен. Мои люди очистили его, пока я был без сознания. Трупы нападавших лежали в ряд. Двадцать три миллиона — это число будет преследовать меня до конца моих дней — и уж не знаю сколько лугалов. Вероятно, не меньше сотни. Меня пронесли мимо. Я осмотрел мертвецов, но никого не узнал.

Наши пленники были собраны в главном котловане фундамента. Около ста лугалов и только два миллиона. У одного был ужасный ожог от бластера, и наши медики дали ему болеутоляющее. Большинство раненых, очевидно, было унесено отступающими. При таком количестве конструкций и машин, стоящих вокруг, это нетрудно было сделать. Мануэль объяснил, что остановил нападение заложников-лугалов парализующим лучом, который оказался наилучшим оружием в сложившейся ситуации. Невозможно заставить лугала сражаться за своего хозяина, даже под угрозой смерти, если лугал парализован.

Я узнал второго, невинного миллиана. Его уложил парализующий луч. Это был Кочихар, старший сын Шивару, навещавший нас вместе с отцом один или два раза.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Затем я спросил:

— Почему? Почему вы это сделали?

Было морозно, пар вырывался из моего рта и ветер относил его.

— Потому что они предатели, воры и убийцы по своей натуре, — сказал Уженков на языке туземцев, — так же, как и все на Улаше. — Группа Брандера позаботилась в свое время о том, чтобы собрать все слова, относящиеся к понятиям о чести и бесчестии.

Уженков плюнул на Кочихара.

— Мы будем охотиться на них как на диких зверей, — добавил он. Гувер приходился ему двоюродным братом.

— Нет, — сказал я, потому что среди пленников прошел ропот, свидетельствующий о том, что они готовы на любые, даже самые безумные поступки. — Не говорите так...

Уженков замолчал, и вновь среди этих волосатых существ послышался гул голосов.

— Нет, Кочихар, — сказал я, — твой отец был моим хорошим другом. Во всяком случае, я в это верил. Чем же мы обидели его и других ваших соплеменников?

Гребень на голове Кочихара поднялся, он обернул свой хвост вокруг тела и фыркнул:

— Вы должны уйти отсюда и никогда больше не возвращаться! Иначе мы будем убивать вас в лесах, обрушим на вас холмы, прогоним через ваш лагерь рогатых зверей, отравим источники и сожжем всю траву под вашими ногами. Уходите и не смейте возвращаться сюда!

Я готов был взорваться, голова у меня раскалывалась от боли. Но я сдержался и сказал в ответ:

— Мы не уйдем, пока не вернут всех наших товарищей. В лагере имеется барабан, который твой отец подарил нам до своей измены. Вызови своих, Кочихар, и скажи им, чтобы вернули пленных. Только после этого мы вступим в переговоры.

Я замолчал, а он все смотрел на меня, не отвечая. Я поманил Мануэля.

— Нет смысла продолжать этот разговор, — сказал я. — Нужно организовать прочную оборону. Вторично нас не должны захватить врасплох. И пошлите на поиски флиттеры. Их отряд не мог уйти далеко.

Мануэль может рассказать, как он спорил со мной. Он утверждал, что посылка флиттеров будет напрасной тратой энергии, которая нам теперь так необходима, верно?

Мануэль выглядел смущенным.

— Я, действительно, не согласился с планом, предложенным капитаном, — сказал он. — Я на самом деле считал, что разведка с воздуха бессмысленна, мы ничего не обнаружим среди сотен гектаров лесов, холмов и ущелий. Они могли разделиться на несколько групп, эти дьяволы. Но даже если они продолжали двигаться вместе, инфракрасный локатор вряд ли установит их присутствие под густым покровом леса. Но я не люблю противоречить своему капитану.

— О, вы не противоречили, — сказал Пер и уголок его рта приподнялся. — Я чуть не сошел с ума. Бушевал и кричал на вас. Потребовал, чтобы вы немедленно исполняли приказ и подняли в воздух все флиттеры. Вы отсалютовали и пошли, но я остановил вас. Вы не должны были вылетать лично. Вы слишком необходимы на корабле. Я хотел послать на разведку человека, имеющего опыт жизни в лесу, который сумел бы отыскать следы в зарослях даже сверху, с флиттера. Со мной творилось что-то неладное, словно мой мозг все глубже и глубже погружался в какой-то водоворот.

— Посмотрим, как заставить этого обросшего шерстью ублюдка сотрудничать с нами, — сказал я.

— Меня слегка обидело, что капитан так себя вел, — произнес Мануэль. — И хотя время от времени на различных планетах в случае крайней необходимости... впрочем, оставим это...

— Я хотел каким-нибудь образом снизить моральный дух наших пленников, — продолжал Пер. — Теперь я вижу, что в этом не было необходимости. Каиниты не знают нашего чувства солидарности. Они рассуждают так: если Кочихар и его лугалы попали в наши руки, тем хуже для них. Зато Шивару достаточно хорошо изучил психологию землян, чтобы сообразить, как много для нас значит потеря людей.

Я посмотрел на Кочихара. Его зубы сверкнули. Он не издал ни звука, не сделал ни одного движения, хотя, не понимая по-английски, он сообразил, что происходит нечто важное. Я говорил, словно пьяный, и, как пьяный, пытался тщательно подбирать слова.

— Кочихар, — сказал я. — Я приказал охотиться с флиттеров за вашими людьми и отбить наших друзей. Смогут ли воины противостоять летающей машине? Смогут ли они укрыться от глаз, которые видят от горизонта до горизонта? Ваши люди дорого заплатят нам, если тотчас не вернут пленных. Бери барабан, Кочихар, и сообщи им об этом. Твой отказ будет тебе дорого стоить. Я приказал любыми средствами сломить твою волю.

Я произнес отвратительную речь. Но Гувер и Мурамато были моими друзьями. Буллис, Чанг и Зурковский тоже были моими друзьями, если они все еще были живы. Я все время боялся потерять сознание. И на самом деле лишился чувств тотчас по возвращении на корабль. Я еще слышал, как док бормотал что-то о том, как трудно лечить пациента, напичканного наркотиками, которые могли бы свалить и верблюда. Но слова доносились до меня откуда-то издалека, пока мне не стало казаться, что я превратился в электрон, пойманный осциллографом. Тьма стала зеленой и...

Потом мне рассказали, что я находился без сознания сорок часов. Что было дальше, пусть расскажет Мануэль.

К концу своего повествования Пер совсем охрип. Он откинулся в кресле, и я увидел, как он побледнел. Одной рукой он придерживал повязку, вермут плескался в стакане, который он держал в другой руке. Гарри, преисполненный беспомощного гнева, готовый испепелить ван Рийна, смотрел на него. Торговец сказал:

— Ну, ну. После такого происшествия я заставил его еще рассказывать, да? Но скоро обед, и нет лучшего лекарства, чем натуральный бифштекс. А как только он сможет ходить, явится в мой дом в Джакарте, и мы устроим там хорошенькую оргию.

— О, огонь ада! — вспылил Пер. — Не стоит стараться. Я все равно испорчу вам весь праздник.

— Ну, сынок, — постарался я его успокоить. — Ты же был в хорошем настроении полчаса назад. И через полчаса ты снова будешь в отличном расположении духа. Вновь переживать подобные моменты — самое тяжкое наказание из всех, налагаемых Иеговой. Я тоже испытал это. Послушай, Пер, если бы ван Рийн считал, что миссия провалилась из-за твоей ошибки, ты не пил бы здесь сегодня с нами. Ты продавал бы сейчас мясо людоедам.

Ответом мне была слабая улыбка.

— Ну, дон Мигель, — сказал ван Рийн, — теперь мы слушаем вас.

— Вы льстите мне, сеньор, я не дон, — ответил тот вежливо, академично и не совсем покорно. — Мой отец был охотником в Сьерра-лес-Боскес, а я отправился в космос вместе с наемниками Роджерса и стал там сержантом. Потом перешел на службу к вам. А знаю не больше, чем Пер. — Он колебался. — И не смогу ничего добавить к описанию случившегося на Каине.

— Не говорите глупостей, — сказал ван Рийн, приканчивая третий или четвертый литр пива и приказывая знаком, чтобы

принесли еще. Мой собственный стакан тоже наполнили, звезды и город снаружи стали немного покачиваться. Я достал трубку, чтобы хоть немного протрезветь.

— Я читал официальные доклады вашей экспедиции, — продолжал ван Рийн. — Они сухи, как статистические сводки. А мне нужны детали. Те самые мелкие подробности, которые никогда не попадают в отчеты. Наподобие тех, что привел в своем рассказе Пер. Я должен представить себе эту планету во всей ее реальности. Может, тогда мой старый котелок отыщет разгадку. Ибо мой личный опыт велик, существует множество планет, где я, Николас ван Рийн, падал мордой в грязь. А на них, хо-хо, помещаются целые моря грязи! Эволюция создает любопытные параллели, а также наклонные линии, как сказал кто-то сегодня вечером. Какая линия параллельна эволюции на Каине? Рассказывайте, Мануэль. Смелее. Шутите, пойте песни, стойте на голове, если хотите, но рассказывайте.

— Как пожелаете, сеньор, — ответил тот. Голос его был ровным. — Когда моего капитана унесли, я стоял в задумчивости, пока Игорь Уженков не произнес:

— Ну, так кто же поведет флиттер?

— Никто, — сказал я.

— Но мы получили приказ.

— Капитан ранен и испытал потрясение. Нам, собственно, не следовало поднимать его с постели, — ответил я и спросил у стоящих рядом людей: — Разве я неправ?

После некоторого колебания они согласились со мной. Я наклонился над краем ямы и еще раз спросил Кочихара, будет ли он передавать о наших условиях.

— Нет, — ответил тот, — нет, что бы вы со мной ни делали.

— Я ничего не собираюсь с вами делать, — сказал я. — Сейчас вам принесут еду.

Так и сделали. Остаток дня я провел, шагая по сугробам, лежавшим на склонах холмов. Да, это была окоченевшая земля, то устремляющаяся вниз долинами, то вздымавшаяся холмами и кончающаяся на горизонте зубцами далеких гор. Я вспомнил о доме и об одной девушке по имени Долорес, которую я когда-то, очень давно, знал. Мои люди ничего не делали, они толпились, судачили и к вечеру дыхание намерзло инеем на их парках.

Я говорил с каждым по очереди и не спеша отбирал тех, которые были мне необходимы для выполнения задания. Все они были хорошими специалистами, но мало кто из них имел хоть какой-то охотничий опыт. Сам я не смог бы выследить каинитов, так как они пересекли широкую полосу скального грунта, на котором совершенно не оставалось следов. Но Хамид ибн Рашид и Жак Нголо в свое время были охотниками. Мы собрали все необходимое для погони, потом я отправился на корабль взглянуть на капитана. Он лежал тихо.

Я почти ничего не ел и очень мало спал. Когда я вновь вернулся

к яме, уже наступила темнота. Силуэты четверых людей, оставленных для охраны, отчетливо выделялись на фоне звездолета.

— Вы свободны, — сказал я, извлекая свой бластер. Их шаги замерли вдаль.

Темные фигуры, скрывающиеся на дне ямы, шевелились и бормотали. Послышался голос:

— А, ты вернулся? Пришел меня пытаться?

У этих каинитов глаза видят в темноте не хуже кошачьих. Я всегда считал, что они хихикают, видя, как мы слепнем после захода солнца.

— Нет, — сказал я, — только караулю вас.

— Ты один? — фыркнул он.

— С этим, — я показал на бластер.

Туземец замолчал. Холод все больше и больше пронизывал меня. Я не думаю, чтобы каиниты мерзли, хотя мороз усиливался. Звезды медленно мерцали над моей головой, и постепенно я начал отчаиваться в успехе своего плана. Доносился только тихий шепот наших пленников, остальной мир застыл в ледяном безмолвии.

Наконец это случилось, и все произошло с дьявольской быстротой. Лугалы все время безостановочно двигались. И вдруг они бросились на меня. Один встал другому на плечи, и так они дотянулись до края ямы. Они шли на смерть, как они считали, но я промахнулся. Лугал, бросившийся на меня, был изумлен тем, что все еще жив. Если бы я не промахнулся, на меня набросились бы и другие.

Два лугала оказались на мне, я старался оторвать их руки от своего горла. Тяжелые кулаки били меня по животу и голове. Один из них заткнул мне рот, мешая кричать. Тем временем часть пленников выбралась из ямы и убежала.

В конце концов я высвободил одну ногу и ударил лугала. Он покатился, крик боли застрял в его горле. Я обернулся и рубанул другого по горлу ладонью. Когда он обмяк и свалился, я вскочил на ноги и закричал. Мгновенно завывла сирена и зажглись прожектора. Люди бежали от корабля и навесов.

— Назад! — крикнул я. — Не ходите туда, там темно!

Несколько лугалов не успели убежать. Они отступили к дальней стене ямы, когда прибежали вооруженные люди. Своими телами они прикрывали раненого миллиана от наших пистолетов. Но мы стреляли вслед бежавшим. Правда, это было бесполезно.

Охранники выстроились вокруг котлована. Я шарил по земле в поисках бластера. Его не было. Кто-то забрал его, если не Кочихар, то кто-нибудь из лугалов, который все равно отдаст его Кочихару. Жак Нголо подошел ко мне.

— Плохо, — сказал он, узнав, в чем дело.

— Дьявольски не повезло, — согласился я с ним. — Но мы будем преследовать их.

Я встал и стянул свою парку. Под ней был шлем и специальный космический костюм, который защитил меня в борьбе. Я сбросил его,

так как теперь он будет мне только мешать. Хамид ибн Рашид присоединился к нам. Он принес припасы и запасной бластер. Я взял их, и мы вдвоем начали преследование.

Слава Богу, раньше нам не приходилось использовать очки ночного видения. Они делают мир ясным и четким, но каким-то уж очень нереальным, словно все происходит во сне. Компасом нам служил инфракрасный следоискатель, игла прибора, дрожа, указывала направление, куда скрылась группа каинитов. Мы вскоре увидели их, увидели, как они пересекают безлесную часть холма, прячась за булыжниками. Мы припали к земле, чтобы они нас не увидели на фоне неба.

Мы задыхались от бега к тому времени, когда достигли края леса, но продолжали двигаться под прикрытием деревьев, чтобы не выпустить каинитов из поля действия прибора. Прибор между тем начал мерцать, потому что деревья мешали улавливать тепловое излучение тел туземцев. Мы осторожно двигались среди кустарников, раздвигая ветки.

Через час мы углубились в долину. Повсюду росли высокие деревья. Небо было скрыто листвой, и я вынужден был до предела увеличить напряжение в своих очках. Картина начала проясняться. Каиниты двигались своим обычным шагом, уверенные в том, что им удалось оторваться от нас. Но, даже не соблюдая особых предосторожностей, они почти не оставляли следов. Вскоре мы подошли поближе и надобность в инфракрасных приборах отпала.

Наконец мы вышли на луг. Примятая трава указывала, что туземцы проходили здесь совсем недавно. На этом лугу они сделали то, чего я опасался с самого начала. Их отряд разделился на четыре группы, и каждая двинулась своим путем.

— Которую выберем? — спросил Нголо.

— Нас трое, значит, мы должны следовать за тремя группами, — ответил я.

— Бисмилла! — выругался ибн Рашид. — С бластером или без него, я бы не хотел идти в одиночку. Но чему быть — того не миновать.

Мы провели в обсуждении дальнейших действий некоторое время, и к тому моменту, когда мы разделились, восток начал сереть. Очевидно, лугалы двинулись в путь к домам своих хозяев, а рабы Кочихара сопровождали его. А именно Кочихар и был нам нужен. Я предполагал, что самая большая группа — его, так как меня атаковали принадлежавшие ему лугалы. По этому следу я решил двигаться сам. Хамид и Нголо тоже хотели идти по нему, но я воспользовался своей властью и отстоял эту честь, чтобы народ Нового Мехико никогда не мог сказать, что Мануэлю Гомесу недостает храбрости.

Теперь между нами и беглецами было настолько большое расстояние, что можно было смело пользоваться радиопередатчиками для переговоров друг с другом и оставшимися в лагере. В последующие часы эти переговоры очень помогали мне, взбадривая.

Ведь я вел медленное, тупое и трудное выслеживание охотников в их собственном мире. И я не уверен, что мне бы это удалось, если бы их отряд состоял только из миллиан и лугал, которые бывают заняты на охоте. Но, к счастью, на нас напали лугалы — крестьяне, шахтеры и домашняя прислуга, они были менее осторожны и не так умелы.

Позже, утром, меня вызвал по радиопередатчику Нголо.

— Мой отряд подошел к навесу около пещеры, — сообщил он. — Я сижу на дереве и вижу, как их встречают женщины и дети миллиан. Они движутся к навесу. Я думаю, что это жилище хозяина и они дальше не пойдут. Должен ли я вернуться на луг и двигаться по другому следу?

— Нет, — сказал я, — к этому времени след окажется уже слишком холодным. Отступайте на место, где вас никто не увидит, и вызывайте флиттер.

Через несколько часов сердце радостно забилося у меня в груди: я увидел дерево с явными следами выстрелов из бластера.

Это Кочихар практиковался в стрельбе.

Я вызвал Хамида и спросил, где он.

— На берегу реки, — ответил тот. — Они здесь недавно переправлялись. Теперь стою и думаю, как перебраться на другой берег.

— Дальше не ходите, — сказал я. — Я уже близко. Возможно, так близко, что они могут увидеть флиттер и насторожиться.

Думаю, это был единственный разумный выход.

Несколько раз я останавливался для еды и отдыха. Стимуляторы помогали мне выдержать долгий и тяжелый путь. Наверное, презиравшие людей каиниты поразились бы проделанной мною работой. К вечеру след был настолько свеж, что я замедлил ход и стал двигаться со змеиной осторожностью. Здесь, в низине, даже после захода солнца, воздух был менее холодным, чем на холмах.

Около полуночи мой инфракрасный детектор отметил присутствие источника излучения более мощного, чем человеческое тело. Я прошептал эту новость по рации и приказал прервать связь, чтобы нас не услышали. Затем двинулся вперед.

Наконец я оказался на краю небольшой поляны.

Здесь горел костер, отбрасывая пляшущие тени на стены большого прямоугольного сооружения без окон, скрытого деревьями. Два миллианина склонились над своими копьями. Из отверстия в крыше пробивался свет.

Я осторожно достал парализующий пистолет. Два тихих выстрела — и стражи упали. Я перебрался через открытое пространство, укрылся в тени здания и стал ждать.

Но ничего толком мне услышать не удалось. А кожаный занавес на двери мешал рассмотреть внутренность помещения. Я осторожно отодвинул его и заглянул в образовавшуюся щель. Густой дым наполнял помещение, но я смог рассмотреть, что это была длинная комната, все стены которой были увешаны прекрасными мехами. Около десятка миллиан, в основном мужчин, сидели на корточках

вокруг огня, который горел в яме и слабо освещал их свирепые плоские лица. В углу сгрудились несколько лугалов. Среди них я узнал Черкеза и обрадовался тому, что он уцелел в битве. Лугалов из отряда Кочихара, по-видимому, отправили в бараки. Сам Кочихар рассказывал своему отцу, Шивару, о своем бегстве.

И хотя момент был совсем неподходящим для радости, я дал обет поставить множество свечек перед святыми. Ибо все случилось так, как я и предполагал: Кочихар не отправился домой, а явился на заранее условленное место встречи. Зурковский, Чанг и Буллис находились здесь же: сидели в дальнем конце комнаты, кашляя от дыма. Они были прикрыты шкурами.

Кочихар кончил свой рассказ и взглянул на отца, ожидая одобрения. Хвост Шивару раскачивался взад и вперед.

— Странно, что они так заботились о тебе, — сказал он.

— Они подобны слепым детенышам, — фыркнул Кочихар.

— Не уверен... — пробормотал Шивару. — Их сила велика. И мы не знаем, что они делали в прошлом. — Голос его внезапно стал резким, он резал как нож. — Или нет? Повтори, Кочихар, как хозяин отдал приказ, а они поступили совсем по-другому.

— Но это ничего не значит, — сказал другой миллианин, седой, покрытый шрамами туземец. — Сейчас мы должны решить, какую пользу можно извлечь из пленных. Ты считаешь, что их следует обменять на наших лугалов и Гумаша. Кочихар говорит, что он остался у них. Но я спрашиваю, зачем нам это? Лучше выставить тела пленных там, где земляне смогут их найти. Это будет нашим последним предупреждением.

— Правильно, — сказал Вогзахан, который тоже сидел среди собравшихся. — Тилитур утверждает, что они слепы и глухи.

— Вначале надо попробовать обмен, — сказал Шивару. — Если он не удастся... — Его клыки сверкнули в свете огня.

— Убьем одного для примера, а потом вступим в переговоры, — гневно сказал Кочихар. — Они угрожали мне тем же.

Гул пробежал среди туземцев. Они переругивались, огрызаясь, словно звери в зоопарке, и я с ужасом подумал, что они могут сделать с нашими товарищами. Капитан говорил нам, что ни один из миллиан не имеет власти над другими. Как бы того ни хотел Шивару, не в его силах помешать другим сделать так, как им вздумается.

Я должен был принять решение немедленно. Бластер был бесполезен. Пока я буду стрелять в одних — другие успеют схватить оружие, благо оно у них всегда под рукой. К тому же я боялся задеть людей. Можно воспользоваться парализующим пистолетом. Но раньше, чем я разберусь с миллианами, лугалы раскроют мне череп топорами. Оставаясь на месте, я мог бы заблокировать здание, так как оно имело лишь один выход. Но Зурковский, Чанг и Буллис остались бы в их руках заложниками.

То, что я сделал, было, несомненно, глупостью, ибо мне далеко до моего капитана. Сначала я проскользнул в лес и вызвал лагерь.

— Вылетайте как можно скорее, — сказал я и оставил передатчик включенным для указания направления. Затем я обошел полянку и отыскал дерево, нависающее над сооружением. Я взобрался на него и подполз к дымоходу. Очки защищали мои глаза, но дым проникал в нос. Это было нестерпимо. Время тянулось страшно медленно, но наконец я услышал нарастающий гром. Наши флиттеры падали с неба, подобно ястребам.

Миллиане закричали. Двое или трое из них побежали к дверям, чтобы посмотреть, что происходит. Я уложил их из парализующего пистолета, но один из них успел крикнуть:

— Здесь земляне!

Я вновь заглянул в дымовое отверстие. В помещении царила суматоха. Кочихар пронзительно крикнул и извлек бластер. Я выстрелил в него, но промахнулся — слишком много тел находилось между нами, сеньоры, другой причины я не вижу.

Тогда я взял пистолет в зубы, ухватился за край дыры и спрыгнул вниз. Коснувшись пола, вскочил на ноги. Через попытался схватить меня за горло. Ударом ноги я отправил его в угол и принялся стрелять из пистолета. Кочихара нигде не было видно. Я стал прокладывать путь к пленникам. Со свистом опустил топор Шивару. Благодаря милости Божьей я успел уклониться от удара, тотчас же повернулся и усыпил его. Потом проскользнул между двумя туземцами, но третий прыгнул мне на спину. Я ударил его по голове, и он упал. Отшвырнув в сторону какого-то лугала, я увидел наконец Кочихара. Он приближался к пленникам. Они пытались убежать от него, слишком ошеломленные, чтобы защищаться. На лице Кочихара была написана ненависть. Он неумело целился в них из бластера.

Тут он краем глаза увидел меня и развернулся в мою сторону. Рывкнул бластер, в полутьме сверкнула вспышка выстрела. Но я успел упасть на одно колено и спустил курок. Луч бластера обжег мою парку, но Кочихар свалился. Я наклонился, подобрал бластер и встал рядом с нашими людьми.

Вогзахан метнул в меня топор, но я успел сжечь его в воздухе. Потом вновь поднял парализующий пистолет. Через одну-две минуты все было кончено. Граната обрушила переднюю стену здания. Каиниты падали под выстрелами множества парализующих пистолетов. Мы не стали ждать, пока они придут в себя, и поспешили в свой лагерь.

. . .

Вновь наступила тишина. Мануэль спросил, можно ли закурить, и, вежливо отклонив предложенную ван Рийном сигарету, достал коричневую сигарку из своего портсигара. Это был любопытный и необычный, отделанный серебром ящичек, изготовленный на незнакомой мне планете.

— Уф! — выдохнул ван Рийн. — Однако это не вся история. Вы писали в отчете, что они посетили лагерь еще раз.

Пер кивнул.

— Да, сэр, — сказал он. — Мы уже почти закончили приготовления к отлету, когда появился Шивару в сопровождении других миллиан и их лугалов. Они медленно шли через лагерь, оглядываясь по сторонам, гребни на их головах были напряжены, хвосты вытянуты. Я думаю, наши выстрелы разочаровали бы их. Я приказал держать их под прицелом, вышел из-под навеса и приветствовал с соблюдением всех требующихся условностей.

Шивару ответил мне очень серьезно. Он говорил, с трудом подбирая слова. Нет, не извинялся. В языке Улаша нет таких слов. Он поманил Черкеза и сказал:

— Вы хорошо обращались с нашими пленными.

— Ха! А что мы должны были с ними сделать? Съесть их, что ли? — спросил я.

Черкез передал ему кожаный мешок.

— Я принес подарок, — сказал Шивару и достал из мешка голову Тилитур. — Мы вернем вам все товары, которые сумеем собрать, — пообещал он, — а если вы дадите нам время, мы за все заплатим двойную цену.

Боюсь, что после такого количества пролитой крови я не считал этот дар слишком отвратительным. Я только сказал, что мы не любим таких подарков.

— Но мы обязаны восстановить свою честь в ваших глазах, — сказал он.

Я пригласил их поесть, но они отказались. Шивару поторопился объяснить, что они не считают себя вправе пользоваться нашим гостеприимством, пока их долг не выплачен полностью. Я ответил туземцам, что мы скоро улетаем, хотя это и так было видно по состоянию нашего лагеря. Они были напуганы, поэтому я сказал им, что мы или другие люди еще вернемся, но прежде нам надо отвезти домой раненых. Это тоже было ошибкой. Упоминание о причиненных нам несчастьях невероятно расстроило туземцев. Они только пробормотали что-то невнятное в ответ, когда я попросил их объяснить свое агрессивное поведение. Я решил больше не поднимать этого вопроса — ситуация и без того была достаточно щекотливой, и они ушли с явным облегчением.

Мы еще некоторое время пробыли там, пытаюсь выяснить причину случившегося, главным образом, потому, что все равно в дальнейшем придется посылать людей на Каин. Всю дорогу домой мы спорили. Где была допущена ошибка? И почему позже отношения начали налаживаться? Мы до сих пор не поняли этого.

Глаза ван Рийна блеснули.

— И какова же ваша гипотеза? — спросил он.

— О! — Пер развел руками. — Уженков высказал такую мысль. Туземцы решили, что мы подготавливаем вторжение. Когда же мы

доказали, что используем щадящие методы: не мучаем захваченных пленных, обороняемся парализующим оружием, а не каким-либо другим, смертельным, они убедились в своей неправоте.

На лице Мануэля не дрогнула ни одна мышца, но нос ван Рийна, подобно носу боевого корабля, развернулся в его сторону.

— У вас другое мнение, а? Давайте выкладывайте.

— Мой долг не позволяет мне противоречить моему капитану.

— Почему же тогда вы не выполнили его приказ на Каине? Значит, у вас было свое мнение, черт побери! Говорите!

— Если сеньор настаивает... Но я не ученый, у меня нет книжных знаний. Я просто подумал, что понимаю... понимаю миллиан. Они немногим отличаются от тех, с кем я воевал, будучи наемником.

— Как это?

— Всю свою жизнь они проводят рядом со смертью. Храбрость — вот что им необходимо для того, чтобы выжить, и храбрость они ценят больше всего. Они наблюдали, как мы пользуемся машинами, своим оружием, действующим на расстоянии, как мы слепы ночью, как большинство из нас беспомощны в лесу, и посчитали, что у нас совсем нет храбрости. И поэтому они презирали нас и не считались с нами, думая, что мы лишены души и никогда не поймем их. Следовательно, мы являемся законной добычей, которой можно завладеть, применив хитрость или оружие. — Мануэль расправил плечи. Голос его загремел так, что я подскочил на стуле. — Когда же они увидели, как ужасен бывает человек, когда они поняли, насколько они слабее нас, мы в их глазах превратились из преследуемой добычи в равных им или даже высших существ.

Ван Рийн с шумом затаился.

— Были еще какие-нибудь мнения? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил Пер. — Это наши основные точки зрения.

Ван Рийн загоготал.

— Ну что ж, располагайтесь посвободнее, фримсны. Не вертитесь, как ангелы на конце иглы. Отдыхайте и пейте. Вы оба неправы.

— Прошу прощения, — прервал его Гарри, — но осмелюсь напомнить, что вы там не были.

— Нет, во плоти я там не был. — Торговец шлепнул себя по пузу. — Здесь слишком много плоти. Но сегодня вечером я побывал на Каине, вернее, побывал там этот старый мозг. Он, конечно, порядком проржавел и пропитался алкоголем, но хранит в себе столько информации о Вселенной, сколько, может быть, и не стоит вся Вселенная. Теперь я вижу параллели: Ксаваду, Дуибар, Тамета, Разрушенные Земли... точной аналогии, конечно, не существует... однако я представил себе всю картину и понял смысл случившегося. Впрочем, полной аналогии и не требуется. Вы дали мне столько ключей, что я смог решить проблему при помощи одной только логики.

Ван Рийн замолчал. Он явно ждал, что мы начнем его

уговаривать рассказать о своих выводах. Видя это, мы с Гарри принялись за свои напитки, а потом снова наполнили бокалы. Ван Рийн побагровел, тяжело вздохнул и, видимо, решив проявить свой характер в другой раз, рассмеялся.

— Ладно, вы выиграли, — сказал он. — Расскажу вам коротко и быстро, потому что скоро обед, если только кухня не провалилась ко всем чертям. Ключом всей проблемы для меня оказались лугалы. Вы называли их рабами, и в этом была ваша ошибка. Они не рабы, а ДОМАШНИЕ животные!

Пер выпрямился.

— Не может быть! — воскликнул он. — Я хочу сказать, что они говорят на обычном языке и...

— Да, да. Я даже готов предположить, что они знают высшую математику. И все же это только прирученные животные. Что такое раб? Человек, который вынужден волей или неволей исполнять то, что ему прикажет другой человек. Верно, Гарри? Гарри говорил, что он не смог бы доверять рабу, имеющему оружие в руках, и я с ним вполне согласен. Ибо человеческая история полна восстаниями рабов, бегством рабов, убийством рабами жестоких хозяев и так далее. Но зато вы, Гарри, доверяете своим дорогостоящим псам с их зубами! Когда ваш ребенок мал и мочится в пеленки, вы оставляете его одного в комнате с собакой в качестве охранника. Вот где разница. Раб может повиноваться, а может и не повиноваться... Перед собакой такая проблема не стоит. Ее гены запрещают ей поступать иначе.

Вы сами упомянули о том, что миллианы долго и основательно выращивали лугалов, изменяя их наследственность так, что изменилась сама природа лугалов. Так оно и должно было быть. Если бы лугалы были не животными, а рабами, им бы тоже не доверяли. Вы предположили также, что миллианы могли иногда притворяться, но не развили эту мысль до конца. Ибо все, что вы рассказали здесь о миллианах, доказывает, что по своей натуре они являются ДИКИМИ животными.

Дикими животными, которых можно уподобить тиграм или буйволам. У молодых миллиан отсутствует инстинкт повиновения своим родителям. В течение долгого времени они содержали лугалов для выполнения грязной работы, задолго до того как те стали разумными. Готов биться об заклад, что они выращивают их, как муравьи выращивают тлей. Вспомните, вы не видели ни одного лугала, не зависящего от своего хозяина. Как нет общественности или стадности у миллиан, так нет и свободной воли у лугалов. Так и должно было получиться.

Это разрушает вашу теорию о страхе перед вторжением людей. Не имея какого-либо представления об армии, они не могли вообразить себе и вторжения. Дикое животное не станет смирным, если его побьют. Это по поводу вашей теории, Мануэль Гомес. Человек с комплексом превосходства будет лизать вам сапоги, если

вы докажете ему, что превосходите его силой. Но у хищника нет даже представления о гордости.

Ну так что же произошло в действительности? Люди высадились на планете. У миллиан не было ни малейшего опыта общения с другими расами. Они, естественно, решили, что вы рассуждаете, как они. Когда они ближе познакомились с людьми, то что же они увидели? Люди получают приказы. Как это может быть?! Ни один миллианин не подчинится приказу, даже если над ним стоят с топором. Ха! Значит, эти чужеземцы — лугалы особого рода. Готов поклясться: очень скоро Шивару решил, что на корабле все лугалы, за исключением юного Пера. Ведь, в конце концов, все приказы исходили от него. Некоторые, например, Мануэль, — это старшие лугалы только и всего. Покорные животные. А когда Пер упомянул о Боге... — Ван Рийн с раздражением перекрестился.

— Я не богохульствую, — продолжил он, — но все знают, что наше представление о Боге — это отражение нас самих. Даже когда признаем, что выполняем его волю, даже тогда мы молчаливо надеемся, что он не воспринимает всерьез наши так называемые человеческие слабости — гнев, гордыню, зависть, обжорство, похоть и все прочее, что только и делает нашу жизнь привлекательной.

Пер сказал о Боге. Он признал его господином. Но это означало, что и Пер — лугал, животное! Ни один миллиан не допустит существования над собой мистического господина, как и любого другого. Об этом свидетельствует сам факт отсутствия у них религий, хотя у лугалов она, по-видимому, имеется.

Поразмыслив над услышанным, Шивару вернулся к другим миллианам, чтобы расспросить их. И что же он узнал? Он всегда был уверен, что всякий повинующийся — лугал. И вот Пер сообщил, что и он не лучше остальных. Слова Пера о том, что ни он, ни любой другой член экипажа не имеет хозяина, выпустили демона из бутылки!

Ну, ну, спокойно, малыш. Ты ведь не мог знать этого. Знание дается недешево. Бедные миллианы это поняли. Можете себе представить, как они были встревожены. Известно, что собаки иногда срываются с цепи. И, несомненно, на Каине случилось, что лугалы набрасывались на своих хозяев и причиняли им немало бед, прежде чем были убиты. Миллианы видели все ваше могущество и знали, каким опасным оно может быть. Вероятно, решили они, эта порода лугалов сошла с ума и истребила своих хозяев. Иначе, как же может существовать лугал без хозяина?! Итак, что вы станете делать, друзья, если вы живете в одиноком деревенском доме, а по соседству расположилась стая бешеных собак, убивающая людей? Ван Рийн опустошил свою кружку пива. Некоторое время мы размышляли над его словами.

— Ваше объяснение мне кажется несколько натянутым, — сказал Гарри.

— Нет. — Щеки Пера горели от возбуждения. — Все сходится.

Фримен ван Рийн выразил словами то, что я всегда чувствовал, узнав как следует Шивару и его прямодушие. Складывалось такое впечатление, что он не видел некоторых вещей, не мог понять определенные идеи, хотя его мыслительные способности, вроде, не хуже моих. Да...

— Ну вот, двое из них решили захватить вас врасплох, — сказал ван Рийн, — и попытаться надуть прежде, чем напасть на вас: они не были уверены, что атака удастся. С их точки зрения, вы были животными, чьи предки уничтожили расу своих хозяев. Именно поэтому встревоженные миллианы попытались смести вас с лица своей земли. Это им не удалось, тогда они попытались воспользоваться пленниками в качестве рычага, изгоняющего вас с их земли. Но на этот раз их опередил Мануэль.

— Но почему они изменили свое мнение о нас? — спросил Пер.

— Да, здесь вам повезло. Ты отдал приказ. Твои люди не подчинились ему. Лугалы могут сойти с ума, могут убить своего хозяина, но их природа не позволяет им не выполнить приказа. Если они не делают этого, значит, настолько безумны, что не способны совершать последовательных действий, то есть действовать успешно. Ваша стратегия благополучно сработала. К тому времени ваши люди убили не больше миллиан, чем это было необходимо, а сошедшие с ума лугалы так бы не поступили. Следовательно, вы не могли быть домашними животными, здоровыми или больными. А поэтому вы — дикие животные. Мозг каинита — узкий мозг, и как вы сами говорили, он не в состоянии представить третьего рога на голове быка. Поскольку вы доказали, что вы — не лугалы, следовательно, вы — миллианы.

Поняв суть, Шивару решил, что поступил с вами нечестно. В глубине души он чувствовал себя ответственным за все. Вы сами говорили, что у миллиан есть представление о честности по отношению к другим миллианам. К тому же он не хотел упускать выгоду от торговли с вами. Он убедил в этом своих друзей и попытался исправить содеянное.

Ван Рийн потерял руки.

— О-хо-хо! Какими отличными партнерами они будут для нас! — взревел он. Мы сидели некоторое время, обсуждая эту возможность, пока дворецкий не пригласил нас к обеденному столу. Мануэль помог Перу встать.

— Мы проинструктируем всех, кто отправится на Каин, — сказал Пер. — Мы докажем им, что не являемся дикими животными, что мы люди.

— Но, капитан, — сказал Мануэль, высоко подняв голову, — ведь в действительности мы и есть дикие животные!

Ван Рийн остановился и некоторое время смотрел на нас. Потом он яростно покачал головой и, подобно медведю, побрел к прозрачной стене.

— Нет, — проворчал он, — только некоторые из нас.

— Как это? — удивился Гарри.

— Здесь, в этой комнате, мы действительно таковы, — сказал ван Рийн. — Мы поступаем так, а не иначе потому, что считаем свой выбор правильным. Никаких других причин нет, верно? Если нас превратить в рабов, будет не очень мудро давать нам в руки оружие, верно? Как много было в истории Земли рабов — облеченных полным доверием своих хозяев! Были даже армии рабов — вспомните янычар! А сколько людей сегодня в душе являются домашними животными? Они хотят, чтобы кто-нибудь другой сказал им, что нужно делать, и чтобы кто-нибудь другой позаботился об их нуждах и защитил как от других, так и от самих себя. Почему все подлинно свободные человеческие общества оказываются такими недолговечными? Не потому ли, что так редко рождаются люди, подобные диким животным.

Он взглянул на город, сверкающий и мерцающий бесчисленными огнями под звездным небом, теряющийся за горизонтом вследствие кривизны планеты.

— По-вашему, они там действительно свободны? — воскликнул он и презрительно махнул рукой.

Возмутители спокойствия

ТРИЛОГИЯ

ТРЕУГОЛЬНОЕ КОЛЕСО

Повесть

ЗАМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ ЛЕЙТМОТИВА

Любой, даже самый невежественный ученый знал, что невозможно извлечь энергию из атомного ядра. Но вскоре было открыто расщепление урана.

Легко было доказать, что передача в так называемых лучевых ружьях большой энергии делала создание таких ружей практически невозможным. А потом кто-то изобрел лазер.

Очевидно, что космические корабли должны отбрасывать массу, чтобы развить скорость. Поэтому их экипажи вынуждены переносить ускорения и перегрузки все время, пока они не окажутся в состоянии невесомости. Космонавты должны были расстаться с мечтами о маневрировании, как на корабле или самолете. Но люди оказались настолько непочтительны к традиционным представлениям, что открыли искусственные положительные и отрицательные гравитационные поля.

Звезды совершенно недоступны, если мы будем тащиться со скоростью, меньшей скорости света. Уравнения Эйнштейна доказывали это, не оставляя и тени сомнения. Затем был открыт гиперпрыжок, и неожиданно наш рукав Галактики начали бороздить корабли со сверхсветовой скоростью.

Одно за другим исчезало «очевидно невозможное», наиболее фундаментальные законы природы оборачивались новыми сторонами, раз и навсегда установленные границы наших способностей стирались с бесцеремонностью и непочтительностью. Опрометчиво поступит тот, кто станет утверждать, что существует абсолютное знание и абсолютно неразрешимые задачи.

И тем не менее я принадлежу к числу таких глупцов. Я утверждаю четко и недвусмысленно, что некоторые законы жизни являются вечными. Законы человеческой жизни, разумеется.

С известными оговорками они, вероятно, касаются всех разумных рас на всех населенных планетах во всей Вселенной, хотя на этом пункте я не настаиваю. Я утверждаю, что некоторые принципы жизни человека, сына Земли, неизменны.

Они включают:

1. Законы Паркинсона.

Первый. Работа захватывает всех, кто способен заняться ею. Другой вариант: работа заполняет все отведенное для нее время.

Второй. Расходы растут вместе с доходами.

2. Открытие Старджона. Девяносто процентов всего — абсолютная ерунда.

3. Закон Мерфи. Если какая-нибудь неприятность может случиться, она случается.

4. Четвертое начало термодинамики: все делается медленно и стоит дороже.

Мое утверждение не является столь уж необоснованным, как может показаться с первого взгляда, ибо характеристики, подобные этим, входят в мою дефиницию человека.

Вэнс Холл,

комментатор философии Ноева ковчега.

1

— Нет!

Ребо, сын Легвора, губернатор марки Гирлигор, отшатнулся от рисунка, как будто тот ожил.

— Как вы могли об этом подумать? — выкрикнул он. — Сожгите эту штуку! Сейчас же! — Он указал рукой на огонь в большой жаровне, отблески которого чуть размывали мрак, окутавший приемный зал. — Я ничего не видел, и вы мне ничего не показывали. Понятно?

Дэвид Фолкейн уронил листок бумаги, на котором сделал рисунок. Тот медленно опустился на стол: атмосфера планеты была на четверть более плотной, чем земная.

— В чем... — Его голос сорвался в какой-то глупый фальцет. Испуг сменился досадой. Он обхватил себя за плечи руками и твердо посмотрел на айвенгианца. — В чем дело? — спросил он. — Это всего лишь чертеж.

— Это Мелькино. — Ребо вздрогнул, произнося это слово. — А вы не только не принадлежите к Посвященным, вы вообще не нашей расы.

Фолкейн уставился на него, но, потомок землян, он не мог понять выражения этого нечеловеческого лица. Освещенный тусклым

красным светом, пробивающимся сквозь узкие окна, Ребо больше походил на льва, чем на человека. Тело его было в целом антропоморфным: с двумя руками и двумя ногами, но короткое и толстое туловище, длинное и тонкое в конечностях, сильно наклоненное вперед, так что, несмотря на двухметровый рост, в своей обычной позе Ребо был чуть ниже Фолкейна. На руке у него было три пальца, каждый из которых имел один лишний сустав, оканчивающийся узким черным ногтем; большой палец находился на противоположной стороне ладони, не как у человека, а ноги оканчивались ступнями. Шерсть его цветом напоминала красное дерево и покрывала все тело, причем каждая шерстинка оканчивалась крохотным зубчиком, так что со стороны волосы были похожи на перья. У него была массивная голова с круглыми ушами, плоским лицом, без носа, с дыхательными отверстиями по углам большой челюсти, с огромными зелеными глазами удивительной чувствительности и почти женским ртом. Но наибольшее впечатление производили его рыжевато-коричневая львиная грива, обрамлявшая лицо и спускающаяся по мускулистой спине, и пушистый хвост, хлеставший по лодыжкам. Короткие чешуйчатые брюки и кожаная перевязь, на которой висел устрашающего вида топор, усиливали впечатление свирепости и дикости.

Дэвид знал, что в этом большом черепе находится мозг, работающий ничуть не хуже, чем его собственный. К сожалению, этот мозг развивался не на Земле, и вдобавок к врожденным особенностям он формировался культурой, абсолютно чуждой человеку. Насколько возможным будет взаимопонимание в этом случае?

Юноша облизнул губы, ощутив сухость и прохладу воздуха Айвенго. Он положил руку на бластер и почувствовал его успокоительную тяжесть на своем бедре. Кое-как он подобрал нужные слова:

— Прошу прощения, если я чем-то обидел вас. Вы должны понять, что чужеземец по незнанию может нарушить закон. Но скажите мне, что я сделал не так?

Напряженная поза Ребо слегка расслабилась. Его глаза, чувствительные к инфракрасному излучению, внимательно осмотрели темные углы зала, совершенно непроницаемые для гостя. Никого не было ни в углах, ни за причудливо изогнутыми каменными столбами, лишь желтое пламя вспыхивало в жаровне, и едкий дым от горящего внеземного дерева поднимался к балкам потолка. Внезапно снаружи, как показалось, очень далеко отсюда, Фолкейну послышалось завывание ветра в Гирлигорском ущелье.

— Да, — сказал губернатор марки, — я понимаю, что вы действовали не по злему умыслу. И вы, со своей стороны, не должны сомневаться, что я отношусь к вам дружески — не только потому, что в данный момент вы являетесь моим гостем, но и из-за того свежего дуновения, которое вы внесли в нашу застоявшуюся жизнь.

— Которое мы, возможно, внесли, — поправил Фолкейн. — Поймите, будущее зависит от того, будем ли мы жить или умрем. А это, в свою очередь, зависит от вашей помощи.

«Неплохо сказано, — похвалил он сам себя. — Если бы Шустер мог услышать это. Возможно, тогда он перестал бы бубнить, что я до тех пор не стану настоящим торговцем, пока не научусь подбирать нужные слова».

— Я не буду в состоянии помочь вам, если с меня сдерут кожу, — резко ответил Ребо. — Сожгите эту штуку!

Фолкейн покосился на свой чертеж. Он изображал большую плоскодонную тележку на восьми колесах, в которую были впряжены двадцать фастигов. Всю дорогу от космического корабля до замка он возбужденно представлял себе, как будет потрясен и обрадован этот дворянин. Он тешил себя надеждой, что больше не будет «Дэви-туда — Дэви-сюда», мальчиком на побегушках, помощником и не получающим вознаграждения личным слугой мастера Политехнической лиги Мартина Шустера: нет, он станет Фолкейном с Гермеса — Прометеем, принесшим Ларсуму дар — колесо.

«Что же я сделал неверно? — подумал он с горечью и обидой непонятого семнадцатилетнего юноши. — Почему все, за что я берусь, не получается?»

Тем не менее он пересек комнату, шагая по инкрустированному полу, и бросил листок в жаровню. Тот вспыхнул и превратился в пепел.

Повернувшись, он увидел, что Ребо успокоился. Губернатор налил себе стакан вина из стоявшего на столе графина и выпил его одним глотком.

— Хорошо, — сказал он, — я приглашаю вас разделить мой обед. Было бы невежливо не предложить гостю подкрепиться.

— Вы знаете, что ваша пища — яд для моей расы, — сказал Фолкейн. — Это одна из причин, почему мы должны побыстрее перевезти груз из Гирлигора к нашему кораблю. Скажите, где ошибка в моем рисунке? Эту тележку легко построить. Это одно из наиболее важных изобретений, сделанных землянами. Вам оно принесет большую пользу. Вы перестанете быть...

Он вовремя спохватился, чуть не сказав «дикарями» или «варварами». Наследственная обязанность Ребо заключалась в том, чтобы удерживать варварские племена по ту сторону Касунианских гор. Ларсум был цивилизованной страной, с развитой агротехникой, металлургией, городами, дорогами, торговлей и с образованным дворянским сословием.

Но в Ларсуме не было известно колесо. Грузы переносились на спинах горожан, перевозились на животных, на лодках, тянулись волоком, на полозьях — зимней порой — и никогда не транспортировались на колесных тележках. Теперь, подумав об этом, Фолкейн вспомнил, что в стране не используются даже катки или ролики.

— Дело в том, что круглые предметы могут вращаться, — он с трудом подыскивал слова.

Ребо проследил за его жестами.

— Лучше никогда не говорить об этом. — Он был по-солдатски прямолинеен. — Мелькино слишком священо для того, чтобы приносить низменную пользу. Закон запрещает мирское использование Мелькино. Наказание за нарушение закона — смертная казнь через снятие кожи; в противном случае Божий гнев обрушится на весь мир.

Дэвиду с трудом давался туземный язык. Информационные записи на борту «Как поживаете?» придали беглость его речи, но они не учитывали всех семантических тонкостей, так как их не выявила первая экспедиция на Айвенго. Слово, которое он перевел как «священный», имело какое-то отношение к религиозным обрядам, к могуществу, к чему-то трудноуловимому, но важному.

— Что такое Мелькино?

— Это... гм... округлость... Я не могу нарисовать, только Посвященные имеют право на это. Но это нечто совершенно круглое.

— Понимаю. Это круг — так мы его называем, или шар, если он имеет объем. Колесо также имеет круглую форму. Но, мне кажется, мы можем сделать колеса не совсем круглыми.

— Нет. — Ребо покачал львиной головой. — До тех пор пока неправильность не настолько велика, чтобы колесо вообще перестало действовать, строительство его — это совершенно невозможная вещь. Даже если бы Посвященные разрешили его — а я отлично знаю, что они не разрешат как из-за враждебности к вам, так и из-за подчинения догме, — крестьяне будут в ужасе и убьют вас. — Глаза Ребо сверкнули в направлении бластера Фолкейна. — Да, я понимаю, вы могущественны, у вас есть оружие, бросающее огонь. Но вас только четверо. Это ничто против тысяч воинов, которые будут стрелять из-за холмов и деревьев...

Дэвид припомнил, что он видел в Аэске во время своего долгого путешествия на Запад по Дороге Солнца и теперь, в крепости. Сельское хозяйство было основано на использовании остроугольных многоугольников. Мебель и утварь были квадратными или продолговатыми. А наиболее дорогие предметы, например золотой кубок Ребо, содержали, в крайнем случае, секции эллипса или небольшие дуги окружности.

Он почувствовал отчаяние.

— Но почему? — спросил он. — Что делает... гм... фигуру... такой священной?

— Ну... — Ребо удобно устроился в кресле, обернув вокруг него хвост. Он вертел в руке восьмиугольную рукоятку своего топора и не смотрел на Фолкейна. — Ну, это древний обычай. Я умею читать, конечно, но я не ученый. Посвященные могли бы объяснить лучше. Круг... или шар... это знаки Бога. В некотором роде они сами суть Бог. Их можно видеть в небе. Солнце и луны — это шары. Точно так

же и Земля — шар, хотя и несовершенный. Посвященные говорят, что и планеты имеют ту же форму, а звезды сидят на огромном шаре Вселенной. Все небесные тела движутся по окружностям. Круг и шар — это совершенные формы. Разве не так?! А все совершенное — это прямое проявление Бога.

Хотя человеческая колония на Гермесе давно обособилась от Земли, образовав собственное великое герцогство, там продолжали гордиться наследием земной культуры, поэтому Фолкейн вспомнил классическую древнегреческую философию и оценил логику, присутствующую в рассуждениях Ребо. Первым его побуждением было возразить: «Вы ошибаетесь! Ни одна планета или звезда не является совершенным шаром, их орбиты эллиптичны, а ваше чертовое маленькое красное солнце — это карлик, а вовсе не центр космоса. Я был там и все знаю!», но Шустер научил его осторожности, и Фолкейн сдержал себя. Так ничего не добьешься, только усилишь враждебность жрецов, а возможно, вызовешь недоверие у Ребо, который все еще хотел быть другом.

Как он сможет отстоять свою идею, противоречащую трех- или четырехтысячелетней традиции? Ларсум был государством, отрезанным горами, пустынями, океанами и воинственными дикарями от остального мира. Сюда доходили только смутные слухи о том, что происходило за границами страны. С точки зрения Ребо, единственно правдоподобным объяснением их появления в Ларсуме является то предположение, что бесшерстые чужеземцы со странными клювами над ртами прибыли с какого-нибудь отдаленного континента. Помня сообщение первой экспедиции о том, как возмущены были Посвященные в Аэске, когда им сказали, что корабль прилетел со звезд, как горячо они отрицали такую возможность. Шустер предупредил своих сотрудников, чтобы они избегали говорить на эти темы. Единственное, что теперь имело для них значение, это необходимость убраться с Айвенго раньше, чем они перемерут с голоду.

Плечи Фолкейна опустились.

— Во время своих путешествий мой народ усвоил, что нельзя спорить с религией других народов, — сказал он. — Хорошо, я понял, что колеса запрещены. Но что нам тогда делать?

Ребо взглянул на него своими умными глазами. Фолкейн понимал, что это не тупоголовый средневековый барон. Его цивилизация была древней, века культуры наложили свой отпечаток на представителей класса военных, на крестьян, ремесленников, торговцев, так же как и на жрецов, писцов, постов, художников, инженеров, ученых, Посвященных. Ребо, сын Легвора, походил на древнего самурая, если какие-либо параллели с земной историей были вообще возможны. Он понял главный принцип использования колеса и...

— Понимаете, и я, и многие другие дворяне испытываем к вам не просто расположение, — тихо сказал Ребо. — Когда несколько лет назад приземлился первый корабль, известие об этом облетело всю

планету. Многие из нас надеялись, что это ознаменует конец... утомительной ограниченности и закрытости нашего общества. Знакомство с цивилизацией чужеземцев принесет новые знания, новые возможности, новый образ жизни в наше государство, где ничего не менялось вот уже два тысячелетия. Я искренне хочу помочь вам, и не только ради вас, но и ради себя.

Из тактических соображений Фолкейн не осмелился сказать, что Политехническая лига не заинтересована в торговле с Ларсумом и вообще с Айвенго. Здесь не было ничего такого, что иные миры не производили бы, ничего более дешевого или лучшего качества. Первая экспедиция была направлена на поиски места для организации склада и ремонтного пункта, и эта планета оказалась наиболее подходящей в данном районе космоса. Экспедиция еще с орбиты определила, что Ларсум обладает наиболее передовой цивилизацией. Она приземлилась, вступила в контакт, изучила язык и образ жизни туземцев, а потом попросила разрешения построить большое здание, куда никто, кроме членов новых экспедиций, проникнуть не сможет.

Разрешение было дано с большой неохотой, власти пошли на это не столько из-за обильной платы металлами, которую им предложила экспедиция, сколько потому, что жрецы опасались неприятностей в случае отказа. Но, дав свое согласие, они потребовали, чтобы здание находилось на значительном удалении от столицы, очевидно, они хотели свести к минимуму число ларсумцев, которые могли бы соприкоснуться с новыми идеями. Закончив работу и дав произвольное название планете, экспедиция улетела. Ее наблюдения, включенные в информационные ленты, были переданы всем кораблям, которые могли оказаться в районе Плеяд. Каждый надеялся, что ему эти сведения не понадобятся. Но счастье изменило кораблю «Как поживаете?»

Фолкейн сказал:

— Не вижу, чем вы можете помочь. Как иначе можно переместить эту штуку, если не на тележке?

— Нельзя ли ее разобрать, перенести по частям и снова собрать на вашем корабле? Я могу снабдить вас рабочей силой.

— Нет! — Черт возьми! Как объяснить ему устройство унифицированного термоядерного генератора, если он никогда не видел даже водяного колеса? — Это невозможно. За исключением нескольких приспособлений, его невозможно разобрать, во всяком случае, требуются инструменты, которыми мы не располагаем.

— Вы уверены, что он так тяжел? Может быть, перетащить его волоком?

— По вашим дорогам, конечно, можно. Если бы была зима, мы бы перевезли его на полозьях. Но еще до того, как выпадет снег, мы умрем от голода. Можно было бы переправить груз на барже, но рядом нет ни одной реки, а рытье канала займет слишком много времени.

Не в первый раз Фолкейн обругал строителей склада за то, что

они не включили в резервное оборудование гравитеджи. Обычно на каждом складе имеется несколько таких устройств. Кто же мог предвидеть, что «Как поживаете?» окажется неисправным? Или что он не сможет приземлиться рядом со складом? Но даже если бы кто-нибудь предвидел такие возможности, он решил бы, что тележку можно будет соорудить. Ксенологи заметили, что колеса здесь неизвестны, но не задавались вопросом почему. Склад был укомплектован портативным краном, предназначенным для погрузки и разгрузки тяжестей. Вообще он был оснащен настолько хорошо, что не требовалось размещения в нем даже продовольственных запасов: любой корабль можно было отремонтировать и подготовить к полету в считанные дни.

— А не может ли другой корабль вашей нации прилететь и спасти вас? — спросил Ребо.

— Нет. Расстояния, которые мы покрываем в своих путешествиях, даже трудно представить. Мы отправились в отдаленные миры... страны... в поисках новых рынков. Опасаясь конкуренции, мы держали свой отлет в тайне. В месте назначения никто не знает, что мы должны прилететь, а наши хозяева дома будут ждать нас не раньше чем через несколько месяцев. К тому времени, когда они начнут беспокоиться и искать нас, — потребуется много недель, чтобы проверить все места, где мы могли приземлиться, — наши запасы продовольствия истощатся. Мы взяли так мало продуктов, чтобы влезло побольше ценностей для...

— Для взятки. — Ребо издал звук, отдаленно напоминающий хихиканье. — Да. Что ж, тогда надо придумать что-нибудь другое. Повторяю, я сделал все, чтобы вам помочь. Здание было построено здесь, а не в другой марке, главным образом потому, что на этом настаивал я, а я сделал это, надеясь увидеть больше ваших соотечественников. — Он вновь схватился за топор. Фолкейн давно заметил, что топорщица у них привариваются к рукояткам. Теперь он понял причину этого: заклепки были бы святотатством. Пальцы сомкнулись на рукояти, и Ребо резко добавил: — Я благочестив и набожен, но я не могу поверить, что Бог хочет, чтобы Посвященные заморозили всю жизнь в Ларсуме. До того как Опрето соединил верх и низ, была эпоха героев. Эти времена вернутся, когда ослабнет сжимающая нас рука Посвященных.

Заметив, что сказал лишнее, он добавил:

— Не будем говорить об этом. Самое главное — доставить груз к вашему поврежденному кораблю. Если я или вы не сможем придумать дозволенного законом способа, может быть, это сделают ваши товарищи. Поэтому передайте им: губернатор марки Гирлигор не разрешает делать тележку... гм... но остается их доброжелателем.

— Что ж, спасибо, -- пробормотал Фолкейн. Внезапно темнота в комнате начала сгущаться. — Я возвращаюсь завтра.

— Так быстро? Вы проделали долгий путь сюда, а беседа

оказалась такой короткой и неудачной. Аэске далеко, а день или два не имеют существенного значения.

Фолкейн покачал головой.

— Чем быстрее я вернусь, тем лучше. Мы не можем терять времени.

2

Фастиг представлял собой животное чуть крупнее лошади, длинноухое, длинномордое, пушистое, с громким пронзительным криком и смолистым запахом. Хорошо отдохнувший и накормленный фастиг ждал в крестообразном дворе крепости. За ним стояли грузовой и запасной фастиги. Стражник держал их за узду. На стражнике был нагрудник из крепленной кожи, сеть железных нитей в виде шлема была вплетена в гриву, за спиной висело копьё с широким лезвием. По вымощенному булыжником двору бродили обитатели замка: слуги в ливреях черного и желтого цвета, крестьяне, одетые в грязные коричневые рубахи, безгривые женщины в свободных туниках. Вокруг возвышались четыре каменные здания, защищавшие крепость и связанные с наружной стеной, в которой были устроены ворота. В каждом углу квадратного двора в зеленоватое небо возносились крепостные стены и башни.

— Вы уверены, что не нуждаетесь в охране? — спросил Ребо.

— Разве одному ездить опасно? — удивился Фолкейн.

— Нет, думаю, что нет. Я хорошо охраняю район. Дай вам Бог счастливого и короткого пути.

Фолкейн пожал ему руку — это был древний ларсумский обычай. Длинные пальцы губернатора неуклюже обхватили человеческую ладонь, мгновение они смотрели друг на друга.

Громоздкий костюм, предохранявший Фолкейна от холода, скрывал его юношескую стройность. У него были светлые волосы, крупные черты лица и голубые глаза. Вздернутый веснушчатый нос причинял ему множество тайных страданий. Сыну барона с Гермеса полагалось быть более изящным и энергичным. Даже младшему сыну, даже исключенному из герцогской военно-технической академии. Причина исключения была достаточно безобидна: проказы, которые и открылись-то по чистой случайности. Но отец решил, что ему лучше поискать счастья где-нибудь в другом месте. Поэтому Фолкейн отправился на Землю, и Мартин Шустер из Политехнической лиги взял его в качестве ученика. Так, вместо ореола славы и приключений, которые, как он полагал, сопровождают межзвездного торговца, он столкнулся с нелегкой работой и еще более напряженной учебой. Поэтому Дэвид так обрадовался, когда мастер приказал ему ехать верхом одному и организовать перевозку.

У стен замка лепилась деревня: несколько домиков из скрепленных друг с другом бревен, с тростниковыми крышами. За

деревней начиналась грунтовая дорога, пышно именуемая Дорогой Солнца. Она спускалась по холму в направлении далекой долины Треммина. Собственно, ее трудно было назвать дорогой. Грязная поверхность была неровной, поросшей сорняками и усеянной обломками скал, которые год за годом приносили сюда со склонов окрестных холмов тающие снега. Впереди дорога огибала скалистую вершину и вновь постепенно начинала подниматься вверх.

Дэвид взглянул на юг. На холме сверкал белоснежный склад, словно дверь рая перед Люцифером. Это было единственное свидетельство присутствия здесь землян. Жесткая серая трава и деревья с колючками покрывали холмы, кое-где паслись стада, охраняемые верховыми пастухами. За спиной Фолкейна, как стена поперек мира, возвышались снежные пики Касунианских гор. В небе висела большая луна. Солнце, цвета угасающих углей, слабо освещало горизонт впереди, там, куда он двигался.

Глухо свистел ветер, порывы его резали лицо. Фолкейн поехал. В это весеннее время в средних широтах северного полушария Айвенго обычно не случалось холодов: плотная атмосфера создавала парниковый эффект. Но кровавый цвет заката действовал угнетающе и заставлял острее ощущать холод. Раздвоенные копыта фастигов мрачно стучали по камням.

Позабыв на миг, что он Фолкейн с Гермеса, гордый торговый принц, путник извлек из кармана приемопередатчик и нажал кнопку. В сотнях километров от него загудел интерком.

— Алло, — сказал Фолкейн, — алло, «Как поживаете?». Кто меня слушает?

— Да, — послышался голос инженера Ромуло Паскаля. — Это вы, Дэви, мальчик? — спросил он по-испански.

Фолкейн так рад был этому голосу, что даже не обиделся на подобную фамильярность.

— Да, как дела?

— Все так же. Крим размышляет. Мартин снова отправился в город. Он сказал, что бесполезно вести переговоры с туземцами по поводу запрета на колеса, о котором вы рассказали нам вчера вечером.

Дэвид представил себе, как латиноамериканец пожимает плечами. Паскаль, помолчав, добавил:

— Я сижу здесь и пытаюсь придумать, как можно доставить многотонный генератор без помощи колес. Может быть, использовать какую-нибудь огромную волокушу?

— Нет, мне приходило это в голову, и я обсудил эту возможность с Ребо: мы провели большую часть ночи, пытаясь найти выход. И пришли к выводу, что волокуши не годятся на таких дорогах.

— Вы уверены? А если мы соберем достаточное количество крестьян и животных...

— Мы не сможем собрать их. Даже если Ребо поможет нам — все равно их не хватит для транспортировки волокуши. Помните, что

сейчас сезон посева, столь важный для их полуголодного существования, к тому же Ребо должен охранять границы страны от варваров. Сам Ребо считает, что с таким грузом им не удастся одолеть подъемы.

— Вы говорили, что многие дворяне недовольны жрецами. Если они будут содействовать нам...

— Потребуется много времени, чтобы организовать эту поддержку, даже чересчур много времени. И Ребо полагает, что не все осмелятся зайти так же далеко, помогая нам, как он. Они недовольны, политика Посвященных сковывает их по рукам и ногам, в то время как перед ними лежит целый мир, где они могут дать выход своей энергии. Но ведь помимо религиозного благоговения они и физически зависят от Посвященных: те исполняют в стране многочисленные технические и административные обязанности и могут поднять простонародье против дворян, если дело дойдет до открытого столкновения между кастами.

— Да, Мартин, кажется, тоже так считает. Мы с ним вчер. вечером обсуждали сложившееся положение и... Однако, Дэви, мы все же можем получить в свое распоряжение несколько десятков туземцев и несколько сотен фастигов, не нарушая этого проклятого закона. Я готов поручиться, что они протащат волокушу по любой дороге, используя ворота или лебедки.

— Ворот — тоже разновидность колеса, — напомнил Фолкейн инженеру.

— Черт побери, вы правы! Тогда остаются рычаги и гати. Индейцы майя возводили гигантские пирамиды, не зная колеса. Это потруднее, чем тащить генератор от Гирлигора до Аэске.

— О, конечно, все можно сделать в принципе. Но вот сколько времени это займет? Вы бы только взглянули на эти так называемые дороги... Задолго до окончания работы мы умрем от голода. — Фолкейн сглотнул. — На сколько дней нам хватит пищи? На сто?

— Примерно. Конечно, и сверх того мы сможем протянуть еще месяц или два...

— И все-таки нам не хватит времени, чтобы преодолеть на волокуше такое расстояние. Ручаюсь, что не хватит.

— Да... вы правы. Вы знакомы с местностью. Это была идея, порожденная отчаянием.

— Транспортировка груза даже на тележке будет непростой, — сказал Фолкейн. — Думаю, что мы сможем делать не больше двадцати километров за земные сутки. Конечно, в низинах дело пойдет быстрее, но все равно потребуется несколько месяцев.

— Как долго! Что ж, вероятно, ваши расчеты верны. Ведь всаднику необходимо больше недели. К тому же у нас возникнут и другие трудности. Мартин опасается, что даже если мы обойдем как-нибудь их проклятый закон, жрецы изобретут новый, лишь бы помешать нам.

Дэвид ощутил сухость во рту.

— Это меня не удивляет. — И добавил с отчаянием в голосе: — Почему они нас так ненавидят?

— Вы должны это понимать. Мартин объяснил вам перед отъездом.

— Да. И... Но я уехал через несколько дней после приземления. Вы же трое остались, у вас была возможность поговорить с туземцами, понаблюдать за ними.

Дэвид взял себя в руки. Он был готов разреветься.

— Причина ясна, — сказал Паскаль. — Посвященные составляют верхушку этой застывшей цивилизации. Любые перемены могут только ухудшить их положение и укрепить влияние других классов общества. Поэтому из эгоистических интересов они проповедуют консерватизм. Мартин говорил мне, что теократию всегда отличает ограниченность и узость взглядов. Посвященные достаточно умны, чтобы понять: мы, пришельцы, представляем для них угрозу. Наши товары, наши идеи нарушают сложившееся в их обществе равновесие. Поэтому они делают все возможное, чтобы избежать прилета чужеземцев.

— Но мы можем пригрозить им мстью? Скажите им, что прилетит военный корабль и отправит их всех в ад, если откроется причина нашей гибели.

— Боюсь, что первая экспедиция сообщила им слишком много об истинном положении вещей. Хотя сегодня Мартин, может быть, попробует сбить их с толку. Я не знаю, что он собирается делать, но он сумел установить... ну, не то чтобы дружественные, но достаточно лояльные отношения с младшими Посвященными через несколько дней после вашего отъезда. Он говорил вам, что читает им лекции? Не сдавайтесь, мальчик.

Фолкейн возмущенно вспыхнул.

— Я и не думаю, — выпалил он. — Это вы не сдавайтесь.

Засмеявшись, Паскаль еще больше испортил ему настроение. Дэвид вздохнул.

3

Родившийся гнев притупил одиночество предстоящих часов. Поездка в замок Гирлигор обещала так много! Фолкейн был полон надежд, путешествие верхом на животном, купленном у богатого азскеанца, по экзотической местности, было как раз из ряда тех приключений, которые скрашивают жизнь торговца. Но Ребо развеял его надежды, и теперь местность вокруг казалась мрачной и зловещей. Мысленно Фолкейн перебирал один за другим планы, с каждым разом все менее выполнимые: перезарядить аккумуляторы, приводя генератор в движение вручную, перевезти его на воздушном шаре, заготовить столько ружей, чтобы с ними четверо землян могли противостоять миллиону ларсумцев. Отбрасывая один план за другим, он

непрестанно видел перед собой лица отца и матери, чувствовал, как начинает жечь глаза, и отчаянно кидался на поиски очередной идеи.

Должна же существовать какая-то возможность транспортировки тяжелого груза без колес! И чего он только не изучал в школе? Физика, химия, биология, математика, социотехника... чертова куча всего. Он, дитя цивилизации, расщепившей атом и путешествующей по Вселенной, и вот какое-то глупейшее табу может уничтожить его! Но это же невозможно! Он, Дэвид Фолкейн, обязан жить. Смерть не может добраться до Дэвида Фолкейна.

Красное солнце медленно поднималось в небе. Айвенго имел период обращения около шестидесяти земных часов. В полдень Дэвид остановился, поел и немного поспал. Второй привал он устроил незадолго до захода солнца. Ландшафт становился все более суровым: вокруг были только холмы, ущелья, журчащие ручьи и дикие пастища, усеянные рошицами колючих растений с бахромчатыми листьями. И никаких следов аборигенов.

Он проснулся, проспав несколько часов. Дрожа, выполз из спального мешка, разжег костер и раскрыл пакет с едой. Дым ударил в ноздри. Антиаллергены защищали его от контакта с протеином, смертельным вследствие миллионов лет обособленной эволюции. Он даже мог пить местную воду. Но ничего не спасет его, если он съест что-либо туземное. Наскоро проглотив пищу, Дэвид подготовил фастигов к дальнейшему пути. Так как ему все еще было холодно, оставил переднего фастига на привязи, а сам нагнулся над костром, чтобы накопить в теле немного тепла.

Он посмотрел вверх. Где-то там были Земля и Гермес — удаленные более чем на четыреста световых лет.

На востоке взошла вторая луна — крапчатый медный диск. Но даже без ее света можно было свободно двигаться и ночью. Сверкали звезды, а семь гигантских сестер — Плеяды — сияли настолько ярко, что холмы отбрасывали тени. Серый сумрак покрывал землю. Далеко на западе, казалось, фосфоресцировали снега Кансуннианских гор.

Трудно было поверить, что в такой красоте может таиться опасность. Да, в сущности, она и проявлялась очень редко. Тем не менее, когда космический корабль совершает гиперпрыжок через район, где межзвездная среда плотнее обычного, всегда имеется небольшая, но определенная вероятность, что один из его микропрыжков закончится в такой точке пространства, где находится какое-то материальное тело. Если разность собственных скоростей корабля и этого тела значительна, оно может причинить немалый ущерб. А если вдобавок тело ударит в то место корабля, где расположен генератор, то произойдет именно то, что случилось с «Как поживаете?».

«Может быть, мне повезло, — с содроганием подумал Дэвид. — Булыжник мог пройти сквозь меня».

Он восхищался тем, как капитан Мукерджи сумел посадить корабль. Выжимая последние крохи энергии из аккумуляторов, он

дотасился до Айвенго. Посадка, осуществленная почти без энергии, на одной аэродинамике, требовала необычайного искусства. Естественно, им казалось более разумным приземлиться около Аэске — столицы, чем непосредственно в самом Гирлигоре. Не следовало пренебрегать мнением местных властей, которые могли посчитать это оскорблением и причинить определенные неприятности. Кто мог знать, что главная неприятность ждала их именно в месте посадки?

В итоге корабль приземлился без единого эрга энергии в аккумуляторах. Нечем было поднять хотя бы одну гравитележку. Аккумуляторы на складе оказались непригодными для транспортировки: они предназначались только для ремонтных работ. Отдельно атомный генератор бесполезен: он может работать только будучи установленным на корабле, в комплексе с другими механизмами и приборами. И тысяча километров разделяла сейчас генератор и корабль...

Что-то шевельнулось в зарослях. Один из фастигов закричал. Сердце Дэвида дрогнуло. Он выпрямился и положил руку на рукоять бластера.

В круге света около костра появился туземец. Шерсть его взъерошилась от ночного холода, дыхание белым паром вырывалось из челюстей. Фолкейн разглядел, что туземец вооружен рапирой и... да, черт возьми, на его нагруднике был изображен круг! Пламя костра превратило его глаза в глубокие красные бассейны.

— Чего тебе надо? — воскликнул Дэвид. Он успокоился, заметив, что рука айвенгианца протянулась вперед, к нему, в знак мира.

— Бог пошлет тебе добрый вечер, — ответил незнакомец глубоким голосом. — Я издали увидел твой огонь. Но я не ожидал встретить чужеземца. Я из отряда, выполняющего поручения Посвященных. Я Ведоло, сын Парно.

— Я... я... Дэвид, да, Дэвид. Сын Фолкейна.

— Ты навещал губернатора марки?

— Да. Как будто ты сам не знаешь! — сказал Дэвид. «Нет, нужно подождать, изменить свое поведение. Ведь все еще сохраняется надежда получить у Посвященных специальное разрешение на использование колес». — Ты поедешь со мной?

Ведоло нагнулся над костром, обернув хвост вокруг ног, его фигура неясно вырисовывалась сквозь пламя, а грива напоминала заросшую лесом гору, возвышающуюся на фоне Млечного Пути.

— Да, — согласился Ведоло, — все в Аэске знают, что ты направился сюда, чтобы проверить сохранность имущества, оставленного твоими товарищами в закрытом здании. Я надеюсь, все цело?

Фолкейн кивнул. Существа из железного века не смогли бы проникнуть сквозь стены, изготовленные из специального сплава, и тем более открыть замок Накамуры.

— Губернатор марки Ребо был очень добр ко мне, — сказал он.

— Это не удивительно, учитывая то, что мы о нем знаем. Если

я правильно понял, вы должны доставить несколько частей из здания на корабль. Ребо поможет вам переправить их в Аэске?

— Если бы он мог! Главная деталь, в которой мы нуждаемся, слишком тяжела для здешних транспортных средств.

— Мои хозяева, Посвященные, думали об этом, — сказал Ведоло. — Они осмотрели ваш корабль и убедились в том, что поврежденная часть очень велика.

«Вероятно, это случилось после моего отъезда, — подумал Фолкейн. — Возможно, Шустер надеялся добиться их расположения. И готов биться об заклад, лишь ухудшил наше положение, показав им множество круглых предметов, например циферблаты на приборах. Их враждебность к нам еще усилилась, хотя они и не показывают вида. Но откуда об этом знает Ведоло, если он следовал за мной? И зачем он следовал? В чем его цель?»

— Твои товарищи на корабле объяснили, что у вас имеется какое-то транспортное средство, — сказал Ведоло. — И меня удивляет, почему ты возвращаешься так быстро и в одиночестве?

— Ну... это средство имеется только в проскте, и здесь мы столкнулись с определенными трудностями.

Ведоло пожал плечами.

— Я не сомневаюсь, что такие ученые люди, как вы, могут решить любую проблему. Вы владеете силой, которая, как мы считаем, может принадлежать только ангелам... или антибогу... Например, ваше огненное оружие, которое демонстрировали первые пришельцы. Я не был тогда в Аэске, но мне рассказывали. Это то самое оружие, что висит на твоём поясе? Могу я взглянуть на него? — И Ведоло протянул руку.

Фолкейн насторожился. Он не понимал всех оттенков и интонаций ларсумского языка, настолько чужим и странным был его носовой тембр. Но что-то ему не понравилось, насторожило.

— Нет! — воскликнул он.

Тонкие губы туземца разжались и обнажили острые зубы.

— Ты не очень вежлив со слугой Бога, — сказал Ведоло.

— Я... гм... эта штука опасна. Ты можешь пораниться.

Ведоло поднял и опустил руку.

— Смотри на меня, — сказал он. — И внимательно слушай. Вы, надменные пришельцы, многого не понимаете. Я должен кое-что объяснить тебе...

В плотной атмосфере Айвенго человеческое ухо приобретает особую чувствительность. К тому же Фолкейн был все время настороже. Иначе нельзя в незнакомом, враждебном мире. Поэтому, услышав шорох в кустах, он отпрыгнул в сторону одновременно со щелчком спущенной тетивы. Стрела воткнулась своим восьмиугольным наконечником в то место, где он только что стоял. Ведоло вскочил на ноги, выхватывая меч. Фолкейн увернулся от удара.

— Убейте его! — крикнул Ведоло и сделал новый выпад. Дэвид

снова увернулся, но конец меча все же рассек его одежду. Он выхватил бластер и выстрелил.

Блеснуло яркое пламя. Ведоло окутался дымом и упал с диким воплем. На мгновение Дэвид ослеп. Он бросился к животным, охваченным паническим страхом. Во тьме он услышал чей-то крик:

— Я не вижу, я не вижу, мои глаза!

Фолкейн знал, что на айвенгианцев вспышка должна была подействовать гораздо сильнее, чем на него самого. Но через минуту они придут в себя, а в темноте они видят лучше человека.

— Убейте его фастигов! — послышался еще один голос.

Фолкейн несколько раз выстрелил. В смятении он подумал, что это хоть ненадолго задержит врагов. Его ведущий фастиг закричал и лягнулся. Глаза животного, ярко-красные в темноте, неистово вращались. Дэвид уклонился от удара копытом, ухватился одной рукой за седло и ударил фастига рукояткой бластера по длинному носу.

— Стой спокойно, зверюга! — закричал он и добавил: — Побереги свою жизнь!

В кустах послышался топот. Показалась львиноподобная голова. Увидев человека, воин закричал и метнул копьё. Оно пролстело где-то рядом. Фолкейн был слишком занят: он забирался в седло и не стал стрелять.

Наконец он кое-как уселся. Запасной фастиг закричал: две стрелы вонзились ему в живот. Дэвид выстрелом из бластера разрезал привязь.

— Вперед! — закричал он и ударил пятками по бокам своего фастига. Тот помчался галопом, грузовой фастиг бежал следом на привязи.

Мимо пролетел топор, над плечом просвистела стрела, еще рывок — и вот он уже вне пределов досягаемости убийц, на Дороге Солнца, на пути, ведущем назад, на запад.

«Сколько их было? — думал он. — Полдюжины? Они должны были оставить своих фастигов в отдалении, чтобы незаметно подобраться поближе. Это дает мне некоторый выигрыш во времени, но у меня больше нет запасного фастига, а у них они определенно есть.

Их послали устроить на меня засаду, это ясно. Моя задержка имела бы для экипажа смертельные последствия. Пока бы остальные гадали, что случилось со мной, пока меня искали, прошло бы немало времени. Туземцы не знают, но, бесспорно, догадываются о моем радиопередатчике. Но теперь это уже не имеет значения. Они догонят меня прежде, чем я смогу добраться до губернатора марки Ребо. Смогу ли я отбить еще одно нападение? И уж во всяком случае теперь мы можем забыть об особом запрете на использование колес», — подумал он с сарказмом.

«Как поживаете?» опустил километром севернее Аэске. С тех пор ноги тысяч туземцев протоптали к кораблю дорогу: айвенгианцы своим любопытством очень напоминали людей. Несмотря на близкую дорогу, капитан Кришна Мукерджи всегда ездил в город верхом.

— Вам тоже следует поехать верхом, Мартин, — нервно сказал он. — Особенно теперь, когда ситуация становится такой деликатной. Они могут посчитать святотатством, если вы прибудете к... гм... к Посвященным пешком.

— Святотатство, святотатство, — проворчал мастер Политехнической лиги Шустер. — Я должен надорвать свое сердце и отбить крестец на одном из этих дьявольских животных, на этом живом подъемном кране? Однажды я ездил верхом на Земле и больше никогда не повторю подобной ошибки. — Он небрежно махнул рукой. — К тому же я объяснил Посвященным и всем прочим, кто меня спрашивал, почему я всегда хожу пешком. Я не люблю церемоний и предпочитаю запросто разговаривать с народом. Однако в этих краях простота не входит в число добродетелей. Младших Посвященных она шокирует как нечто небывалое.

— Да, осмелюсь заявить, эта культура уязвима для новых идей, — сказал Мукерджи. — Их здесь не бывало так давно, что у ларсумцев, если можно так выразиться, отсутствуют соответствующие антитела, и их легко охватывает лихорадка. Но вожди Посвященных, видимо, осознают это. Если мы внесем в общество слишком много беспокойства своими замечаниями и вопросами, они не станут ждать, пока мы умрем с голода. Они могут организовать прямое нападение, так что ни принятые нами меры предосторожности, ни страх перед ответной карательной экспедицией их не остановят.

— Не беспокойтесь, — сказал Шустер. Другой человек на его месте мог бы обидеться, даже кадет-политехник первого года службы не рискнул бы критиковать основы чужой культуры, а Шустер уже два десятилетия был Мастером. Его лицо, широкое, с орлиным носом и гладкими черными волосами, продолжало улыбаться. — В своих разговорах с этими туземцами я ни разу не коснулся их религии. Не собираюсь делать этого и в дальнейшем. Я просто продолжу наш семинар, как будто ничто во Вселенной нас не беспокоит. Разумеется, если я смогу направить разговор в нужном направлении. — Он собрал бумаги в папку и вышел из каюты — небольшого роста, коротконогий полный человек в жилете и кружевной рубашке, облегающих брюках и чулках, элегантный, словно он собрался на светский прием.

Выходя из люка и спускаясь по трапу, он с дрожью завернулся в плащ. Чтобы избежать боли в барабанных перепонках, внутри корабля поддерживалось айвенгианское атмосферное давление. Но температурная разница была очень велика.

«Бр-р-р... — подумал он, — я не собираюсь критиковать всемо-

гущего Господа Бога, но зачем он отнес большинство звезд к классу „М“?»

Перед его глазами от корабля до видимого края долины раскинулся мрачный полуденный ландшафт. Поля посинели от первых весенних ростков. Крестьяне — мужчины, женщины и дети — мотыжили почву на многочисленных участках. Квадратные глиняные хижины, в которых они жили, лепились друг к другу, фермы были очень маленькими. Семьи довольствовались тем, что им давали крошечные поля. Болезни и периодические неурожаи сохраняли численность населения почти постоянной.

«К дьяволу всякую пустую болтовню о культурной автономии, — подумал Шустер. — Этому обществу нужны радикальные реформы».

Он достиг главной дороги и двинулся к городу. Здесь было более интенсивное движение. По этой дороге в город доставляли пищу и сырье и вывозили изделия ремесленников. Профессиональные носильщики сгибались под такими грузами, что Шустеру даже подумать о них было тяжело. С грохотом и звоном фастиги тащили волокуши. Провинциальный дворянин со своей охраной проскакал мимо под гром рогов, простолюдины разбегались в стороны, спасая свои жизни. За те несколько земных недель, что прошли с момента приземления корабля, аэскеанцы утратили благоговейный страх перед пришельцами. Люди оказались не более странными существами, чем различные ангелы и духи, в которых они верили. Зато они были значительно более смертными. Конечно, они владели могучими силами, но такую же власть приписывали себе деревенские колдуны, а Посвященные вступали в контакт с самим Богом.

Город, которому в исторический период ни разу не грозили войны, был лишен стен. Тем не менее он был очень компактен: хижины, особняки, многоквартирные дома жались друг к другу вдоль кривых улиц. Толпы двигались к базарам, где жены владельцев лавочек распевали хвалебные песни о товарах своих мужей. Красные отблески, вырывавшиеся из хижин, освещали груды мехов, одежды и гривы туземцев. Слышались глубокие голоса айвенгианцев, топот ног, стук копыт и звон кузниц. Острые запахи раздражали ноздри.

Наконец Шустер добрался до одного из Трех Мостов. Охранник пропустил его беспрепятственно, и он перешел через мост. Только те немногие, у кого было неотложное дело к Посвященным, могли пройти здесь.

Река Треммина, грязная от стоков из тысяч домов, пересекала город. Дугообразные мосты соединяли остров в середине реки с остальным городом. Весь остров был застроен огромными ступенчатыми пирамидами Посвященных. На нижних ступенях пирамид размещались прекрасные белые здания с колоннами и порталами, где жили и работали Посвященные. К вершинам пирамид вели крутые лестницы. Там горел Вечный огонь, ярко сверкавший на фоне пыльного зеленого неба. Очевидно, из какого-то скрытого внутрен-

него источника подводился природный газ. Все сооружение производило сильное впечатление.

«Интересно, сколько стоило его возведение бедным крестьянам, — подумал Шустер, — и как до сих пор Посвященные ограничивают их свободу?» Тот факт, что на планете в пустынях существуют еще тысячи варварских культур, говорит о том, что фараонизм столь же противоестествен для айвенгианцев, как и для людей.

Одетые в белое, седоголовые Посвященные и их ученики в синих плащах угрюмо расхаживали среди пирамид или торопились по своим делам. На приветственные возгласы Шустера они отвечали враждебными взглядами. Впрочем, он не стал обращать на это внимания и поспешил в дом астрологов.

В просторной комнате вокруг стола сидели два десятка младших Посвященных.

— Добрый день, добрый день, — прогудел Шустер. — Надеюсь, я не очень опоздал?

— Нет, — сказал Херитаскор. Высокий, яркоглазый, он держался с достоинством, напоминавшим о высоком происхождении. Его отец был известным своей воинственностью губернатором. — Тем не менее мы с нетерпением ждем откровений, которые ты обещал нам в то утро, когда взялся читать список Книги звезд.

— Что ж, — сказал Шустер, — тогда давайте начнем.

Он прошел к почетному концу стола и разложил там свои бумаги.

— Полагаю, вы усвоили те математические принципы, которые я объяснял вам в последние дни?

Несколько туземцев выглядели неуверенными, но большинство закивали головами.

— Да, — сказал Херитаскор. Голос его зазвенел. — Это великолепно.

Шустер достал толстую сигару и закурил, рассматривая слушателей. Он надеялся, что они говорят правду: ибо внезапно его небольшой проект, который был затеян как игра в расчете на приобретение друзей и внесение нескольких свежих идей в это застывшее общество, стал жизненно важен. Вчера вечером Дэвид Фолкейн передал по радио сногшибательную новость о табу, наложенном на колесо, и теперь...

Он подумал, что Херитаскор вряд ли станет лгать. Очевидно, у него достаточно хороший научный багаж, чтобы усвоить новые математические идеи. Математика и наблюдательная астрономия высоко развиты в Ларсуме. Так и должно быть, коли их религия учит, что астрология — один из способов постижения Божьей воли. Алгебра и геометрия тоже неплохо развиты и существуют издавна. Поэтому переход к новым разделам математики будет для туземцев не слишком сложен. Даже Скетуло, глава Посвященных, не возражал против чтения Шустером курса лекций, если только в нем не будет ставиться под сомнение общепринятая догма. Помимо чисто

интеллектуального любопытства, это было бы практически полезно для жрецов, так как дало бы им возможность выполнять более сложные расчеты, а это, в свою очередь, еще более укрепило бы их контроль над экономикой Ларсума.

— Сначала я собирался развить дальше те принципы, которых я коснулся накануне, — сказал Шустер. — Но потом подумал, что для вас будет интереснее услышать некоторые астрологические соображения. Видите ли, при помощи новых разделов математики можно предсказать положение лун и планет на небе гораздо точнее, чем это делалось вами до сих пор.

Шумное дыхание резко вырвалось сквозь стиснутые губы туземцев. Даже под одеждой было заметно, как напряглись их мускулы.

— В Книге звезд имеются таблицы с результатами наблюдений за много столетий, — продолжал Шустер. — В последние часы я много раз перебирал их в уме. (На самом деле он просто ввел их в компьютер корабля.) Вот результаты моих расчетов.

Он выпустил облако табачного дыма. Мускулы его живота напряглись. Теперь каждое слово следовало подбирать с величайшей осторожностью: одна ошибка, и в его кишках будет торчать меч.

— Я колебался, показывать ли их вам, — сказал Шустер, — ибо, на первый взгляд, они противоречат Слову Бога, которое вы мне любезно разъяснили. Но, обдумав этот вопрос и изучив в поисках ответа расположение всех звезд, я почувствовал уверенность в том, что вы достаточно разумны, чтобы увидеть истину, скрывающуюся под обманчивой внешностью.

Он помолчал.

— Продолжай, — сказал Херитаскор.

— Позвольте мне приблизиться к предмету моего исследования постепенно. Это иногда бывает необходимо, чтобы выводы прозвучали убедительнее. Мы часто допускаем некоторые отступления от основной темы или договариваемся о каких-то условных терминах. Например, Посвященные в целом владеют большим имуществом, в том числе фабриками и другой собственностью. Известно, что все это принадлежит тому, что вы называете Святилищем. Вы прекрасно знаете, что Святилище — это не личность и не семья. Однако в юридических целях, в целях защиты собственности вы действуете так, будто это единая личность. Точно так же в расчетах земельных площадей вы используете тригонометрию, хотя отлично знаете, что ваша планета круглая... — некоторое время он продолжал развивать свою мысль, пока не почувствовал, что все присутствующие поняли, что такое мнимая математическая величина.

— Но какое отношение это имеет к астрологии? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Сейчас я перейду к этому, — сказал Шустер. — Какова истинная цель ваших расчетов? Разве она не двойная? Во-первых, вы хотите предсказать расположение небесных тел в определенный

период, чтобы тем самым раскрыть общее устройство мира, ибо, изучая созданное Богом, вы надеетесь глубже постигнуть его сущность.

Когда необходимые наблюдения были сделаны, ваши предки отметили недостаточную убедительность картины мироздания, в которой все планеты, включая и вашу собственную, вращаются вокруг солнца по окружностям; каждая луна кружится вокруг своей планеты, и, наконец, вращается сама небесная сфера. Каждая окружность получила свой эпицикл, а позднее на эпициклах появились эпи-эпициклы и так далее. И ныне картина устройства Вселенной выглядит настолько сложно, что астрологи отчаялись улучшить ее.

— Верно, — сказал один из Посвященных. — И на этом основании сто лет тому назад Курро Премудрый высказал предположение, что Бог не хочет, чтобы мы постигли истинную сущность устройства мира.

— Возможно, — сказал Шустер. — Но, с другой стороны, может быть, Бог просто хочет того, чтобы вы воспользовались другим способом. Дикарь, стараясь поднять тяжелый камень, воображает, что Бог запрещает ему это делать. Но вы поднимаете его при помощи рычага. Точно так же мой народ открыл нечто вроде интеллектуального рычага, при помощи которого мы можем гораздо глубже проникнуть в сущность движения небесных тел, чем просто громоздить круги друг на друга.

Он попробовал пустить кольцо дыма, но потом решил не делать этого.

— Я ищу ясного ответа, — сказал он. — Но если даже такое предположение запрещено, тогда, конечно, я не стану говорить дальше.

Конечно же, он был уверен, что будет говорить. После долгого обсуждения и споров относительно возникших логических парадоксов Херитаскор заявил, что обсуждение заведомо ложной гипотезы не является незаконным. После этого Шустер познакомил свою аудиторию с законами Кеплера и законом всемирного тяготения Ньютона.

Это заняло несколько часов. Раз или два Херитаскор обращал внимание Посвященных на то, что обсуждение становится святотатственным. Но в целом класс слушал лекцию с восхищенным вниманием и задавал очень умные вопросы. Шустер решил, что это весьма одаренная раса, может быть, даже более одаренная, чем человеческая. В конце концов, вряд ли когда-нибудь человеческая аудитория восприняла бы столь революционные идеи так быстро.

В конце лекции, устало склонившись над столом, он указал на лежащие перед ним бумаги и сказал охрипшим голосом:

— Позвольте подвести итог. Я показал вам мнимую картину того, как небесные тела движутся по эллипсам, повинаясь закону обратной пропорциональности квадрату расстояния. При помощи расчетов я

показал вам, что эллиптические орбиты являются прямым следствием этого закона. Здесь, в этих бумагах, приведены более подробные расчеты и сопоставлены с наблюдениями из Книги звезд. Если вы их проверите сами, то убедитесь, что результаты наблюдений объясняются без помощи эпициклов.

Но вспомните, я не утверждал, что на самом деле орбиты не являются круглыми, то есть круговыми. Я лишь говорил, что если представить себе такую картину, то предсказания положения небесных тел станут гораздо проще и точнее. Можете проверить мои утверждения и обсудить со старшими Посвященными их теологическое значение. Я очень далек от намерения богохульствовать. У меня и без того достаточно беспокойств, — добавил он уже по-английски.

Когда он кончил, шума не было. Слушатели были так же вымотаны, как и он. Но позже, когда суть рассуждений начнет до них доходить...

Он вернулся на корабль. В кают-компанин его встретил Паскаль.

— Где вы были так долго? — спросил инженер. — Я уже начал беспокоиться.

— В замке. — Шустер со вздохом опустился в кресло. — Уф! Саботаж — это чертовски трудная работа.

— О... я спал, когда вы вернулись в прошлый раз, и поэтому не смог сказать вам. Утром нас вызвал Дэви. Он на пути обратно.

— Думаю, он правильно делает, что возвращается. Мы ничего не можем предпринять, пока не получим одобрения сверху, а это потребует времени.

— Может, слишком много времени?

— А может, и нет. — Шустер пожал плечами. — Сейчас вы похожи на старого глупца в лодке.

— То есть?

— Старик спрашивает: «Откуда вы знаете, что она поплывет?» — потом говорит испуганному экипажу «Бу!» и отправляется в каюту злорадствовать. Будьте пайнкой, принесите мне выпить, а потом я немного отдохну.

— Без ужина?

— Ну, принесите заодно и сэндвич. Нам следует экономить, надеюсь вы помните об этом?

5

Шустера разбудил тревожный звонок. Он застонал, встал со своей койки и ощупью направился к ближайшему экрану. То, что он увидел, заставило его позабыть про сон.

Дюжина верховых стражников Посвященных выстроилась у трапа. Свет луны и Плеяд отражался на их копьях. Два ученика Посвященных помогали спешиться высокому худому туземцу.

Шустер рассмотрел его белую гриву и увенчанный диском шест в руке.

— Фью! — сказал Шустер. — Надевайте парадные костюмы, парни. Местный папа желает встретиться с вами.

— Кто? — зевнул Мукерджи.

— Скетуло, главный Посвященный, лично. Кажется, я забросил к ним большую шутиху, чем думал.

Шустер быстро оделся. Он был готов к встрече гостя, когда тот поднялся к люку.

— Мой господин, вы оказываете нам великую честь, — начал Шустер елевым голосом. — Если бы мы только знали о вашем визите заранее, мы бы соответствующим образом подготовились...

— Не будем тратить времени на лицемерие, — коротко ответил ларсумец. — Я хочу поговорить с вами наедине, не опасаясь, что нас услышат ничтожества или дураки. — Он жестом приказал Паскалю закрыть внешнюю дверь. — Притушите ваши проклятые огни.

Мукерджи повиновался. Огромные глаза Скетуло раскрылись шире и остановились на Шустере.

— Вы здесь, капитан, — сказал он. — Я буду говорить только с вами.

Торговец пожал плечами, но все же послушно двинулся вперед — по ларсумскому обычаю почетное место было сзади. Они зашли в помещение, которое в чрезвычайных случаях служило Шустеру конторой. Когда закрылась дверь, он повернулся к Посвященному и стал ждать.

Скетуло напряженно сидел на краешке кресла, приспособленного к форме тел айвенгианцев. Он продолжал держать в руке шест, и его золотой диск посверкивал в полутьме. Шустер опустил на стул и скрестил ноги в ожидании начала разговора.

Наконец прозвучал старческий голос:

— Когда я давал вам разрешение обучать юных астрологов, я не думал, что вы осмелитесь посеять среди них семена ереси.

— Мой господин! — возразил Шустер протестующим тоном. — Я ничего подобного не делал.

— О, вы искусно скрыли свои истинные намерения выдумкой о мнимых величинах. Но я редко видел кого-либо столь возбужденным, как тех Посвященных, что пришли ко мне после вашего урока.

— Конечно. Ведь я действительно рассказал им о поразительных вещах.

— Скажите мне... — Скетуло скривил свои тонкие губы. — Нам потребуется значительное время, чтобы проверить ваши утверждения. Но неужели ваши гипотезы на самом деле так хороши, как вы говорили?

— Да. Зачем мне дискредитировать себя выдумками, которые легко опровергнуть?

— Так я и думал. Мудро, мудро... — Изможденная голова

Скетуло закачалась. — У антибога есть немало способов для соблазнения душ...

— Но, мой господин, я сказал им, что это только мнимая истина.

— Да, вы так сказали. Вы сказали, что математическая истинность не делает ваше утверждение философской истиной. — Скетуло наклонился вперед и добавил яростно:

— Вы должны были знать, что неизбежно возникнет вопрос, как могут существовать два вида правды, и что в таком споре те, кто проводит свою жизнь среди наблюдений и чисел, придут в конце концов к выводу, что математическая правда и есть единственно верная.

«Конечно, я знал, — подумал Шустер. — Именно это навлекло на Галилея гнев инквизиции. — Холодок пробежал по его телу. — Я не думал, что ты, старый дьявол, додумаешься до этого так быстро».

— Разрушая таким образом веру, вы утвердили меня во мнении, что вы и ваши люди являетесь агентами антибога, — заявил Скетуло. — Вы не должны больше оставаться здесь.

Надежда вспыхнула в Шустере.

— Поверьте, мой господин, и мы хотим того же самого. Чем быстрее мы получим необходимое со склада и улетим, тем лучше будет для всех нас.

— Ага! Но другие. Когда нам ждать третьего посещения, четвертого, когда прилетит целый флот?

— Бог даст, никогда. Люди из первого корабля говорили вам, что мы не заинтересованы в торговле...

— Да, они так говорили. Но не прошло и нескольких коротких лет, как прилетел ваш корабль. Откуда мы знаем, что вы говорите правду?

«Нельзя спорить с фанатиком», — подумал Шустер и промолчал. Тут Скетуло снова удивил его, сменил тему разговора и спросил нормальным голосом:

— Как вы собираетесь доставлять сюда свой большой груз?

— О, это хороший вопрос, мой господин. — Шустер почувствовал, как у него вспотел лоб. Он вытерся рукавом. — У нас есть способ, но... гм... я боюсь предлагать его вам...

— Мы для того и остались одни, чтобы говорить откровенно.

Шустер глубоко вздохнул, взял листок бумаги и карандаш и объяснил туземцу устройство тележки.

Скетуло сидел совершенно неподвижно. Наконец он сказал:

— Для самых священных и тайных обрядов в глубине святилища у нас есть устройство, которое передвигается из комнаты в комнату таким же образом.

— Мы не будем шокировать население, — сказал Шустер. — Мы можем установить щиты или занавеси до самого низу, или еще что-нибудь в этом роде, чтобы скрыть колеса.

Скетуло покачал головой.

— Нет. Все равно. Невинный ребенок играет круглым камнем.

Варвары за Касунианскими горами используют круглые катки. То же самое украдкой делают и наши крестьяне, когда нужно переместить тяжелый груз, и никто не следит за ними. Вы не сможете скрыть от наиболее умных зрителей, что прячется за вашими покрывалами, а уж они расскажут остальным.

— Но имея официальное разрешение...

— Его не будет. Закон Бога ясен. Даже если Посвященные дадут вам разрешение, то и тогда простой народ будет охвачен священным страхом. Он уничтожит вас, несмотря на приказы.

О том же самом, со слов Ребо, предостерегал Фолкейн, и это доказывало, что старый жрец говорит правду. Дело не в упрямстве Скетуло, очевидно, он просто не мог дать разрешение.

Торговец вздохнул.

— Ну, что ж, мой господин, нет ли у вас другого предложения? Если вы предоставите нам достаточное число работников из поместий Посвященных, мы сумеем доставить груз волоком...

— Сейчас сезон посадки и обработки посевов. Мы не можем отрывать рабочих от полей, в противном случае нас ждет голод.

— О, мой господин, у нас с вами общий интерес — помочь кораблю скорее улететь. Наша фирма готова заплатить вам металлами, изделиями из них и даже искусственной пищей, годной для вашего типа жизни.

Скетуло ударил диском о стол, так что он зазвенел. Голос его стал пронзительным.

— Мы не хотим вашей платы! Мы не хотим вас! Беспокойство, которое вы посеяли сегодня, было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Если вы погибнете здесь вместе со своей проклятой ремонтной станцией, то, может быть, тогда ваши товарищи поймут, что здесь не самое подходящее место для посадки. В конце концов, мы выполним Божью волю... и даже пальцем не шевельнем, чтобы помочь слугам антибога!

Он встал. Его тяжелое дыхание, казалось, отражалось от стен маленькой металлической каюты. Шустер тоже встал, он полностью владел собой и довольно спокойно спросил:

— Правильно ли я вас понял, мой господин? Вы хотите, чтобы мы умерли?

Туземец возвышался над ним.

— Да!

— Ваша стража нападет на нас или вы возбудите против нас толпу?

Скетуло некоторое время стоял молча. Но наконец ответил:

— Ни то ни другое, пока вы нас не вынудите к этому. Ситуация очень сложная. Вы знаете, что некоторые группы дворян и торговцев не без вашего влияния соблазнились новыми возможностями. Кроме того, хотя мы подавляем вас численностью, я боюсь, что ваше оружие принесет нам огромные потери, а за этим может последовать вторжение варваров. Поэтому вам придется ждать мирного конца.

— Пока вы не придумаете, как мирным путем перерезать нам глотки?

— Или пока вы сами не умрете с голоду. В любом случае с этого момента вам запрещено показываться в Аэске.

— Да? Это не такая уж оригинальная мысль, ведь в городе множество крыш и углов, где может спрятаться хороший лучник. Что ж... — Шустер спохватился и замолчал. Он подумал, не были ли его последние слова ошибкой. Нет. Он не мог предвидеть реакции Скетуло, но лучше знать, что тебя ожидает. Если бы он заранее знал то, что знает сейчас, он не позволил бы Дэвиду уехать одному. «Надо предупредить мальчика, чтобы он опасался убийц». — Шустер криво улыбнулся. — Наконец-то мы поняли друг друга... Спасибо и за это...

На мгновение он подумал о том, что можно взять ларсумца в плен в качестве заложника. Но нет, это может только спровоцировать нападение. Скетуло с готовностью умрет за свою веру. Шустер с удовольствием предоставил бы ему такую возможность, но не хотел рисковать раньше времени. На Земле его ждали жена и дети.

Он провел старика к люку и смотрел, как тот уезжает. Топот копыт затихал под светом луны и звезд.

6

Фолкейну показалось, что он едет верхом уже целую вечность. Все, что было до этого, — сон, выдумка... Реальностью была боль в каждой клеточке тела и голод; язык одеревенел от жажды, глаза жгло от бессонницы, страх смерти опустошил его, не оставив ничего, кроме одного животного инстинкта: скорее добраться до замка Гирилгор. Он не мог вспомнить, зачем ему это.

На протяжении ночи он, конечно, останавливался. Фастиг — гораздо крепче мула и быстрее лошади, но и он нуждается в отдыхе. Сам Фолкейн не осмеливался уснуть и садился в седло при первой возможности. Теперь его животные брели вдоль дороги как пьяные.

Дэвид повернул голову так, что хрустнули позвонки, и посмотрел назад. Он заметил своих преследователей, когда первые проблески зари осветили небо. Похоже, с этого момента минуло целое столетие. Нет, еще час назад солнца не было, ночь только начинала сереть, когда Плеяды скрылись за стенами Касунианских гор. Их было четверо или пятеро — трудно было определить в полутьме — и всего лишь в двух километрах сзади. Расстояние это все время сокращалось. Острия их копий сверкали в густой тени, покрывавшей долину.

«Так близко?»

Сознание опасности прибавило сил. Энергия рождалась в каком-то скрытом источнике, проясняла ум и обостряла чувства. Он почувствовал рассветный ветерок на щеках, услышал, как он шуршит в сухих ветвях кустарников вдоль дороги, увидел, как снежные пики

на западе краснеют под первыми лучами солнца. Фолкейн извлек из кармана маленький передатчик и нажал кнопку.

— Алло!

— Дэви! — послышался голос Шустера. — Что случилось? Вы в порядке?

— Пока, — с трудом проговорил Дэвид. — Н... но боюсь, что ненадолго.

— Мы уже несколько часов пытаемся связаться с вами.

Он как раз вызывал корабль, когда произошло нападение, и контакт был установлен, но...

— Я так устал, что забыл о передатчике. Мои животные вот-вот околеют. А... а воины Посвященных догоняют меня.

— Успеете ли вы достичь замка до того, как они приблизятся на расстояние выстрела из лука?

Фолкейн покусал губу.

— Сомневаюсь. Осталось совсем немного, может, несколько километров, но... Что мне делать? Попробовать дойти до замка пешком?

— Нет, вас догонят и выстрелят в спину. Скорее следует остановиться.

— Один из луков в дальности не уступает моему оружию, и они могут напасть на меня с разных сторон одновременно. Здесь нет укрытия. Не видно даже ни одного дерева.

— Я знаю прекрасный трюк. Убейте своих животных и сделайте из их тел баррикаду.

— Это меня защитит ненадолго.

— Возможно. Но если вы действительно рядом с замком, то там должны увидеть вспышки от ваших выстрелов. Во всяком случае, это единственное, что мне приходит в голову.

— Х... х... х... — Дэвид сжал зубы и помолчал немного, чтобы унять дрожь. — Хорошо.

Голос Шустера стал неуверенным.

— Я молюсь Богу, чтобы оказаться рядом с вами и помочь вам, Дэви.

— Я бы не возражал против этого. — Фолкейн сам удивился своему ответу. — Я кладу передатчик в карман, но оставлю его включенным. Может, когда вы услышите... Подбадривайте меня, ладно?

Он натянул поводья и прыгнул на землю. Его фастиги стояли неподвижно, дрожа от истощения. Не без чувства вины он подвел вьючного фастига так, что он стал мордой к хвосту верхового. Затем сузил луч бластера и прожег животным головы.

Они неуклюже, как куклы, повалились наземь; вьючный фастиг издал нечто вроде вздоха, как перед сном, его глаза остались открытыми и были странными в своей неподвижности. Дэвид долго возился с ногами и головами животных, стараясь устроить стену, которая бы могла его защитить. Однако добиться ему удалось

немногого. Тяжело дыша, он посмотрел на восток. Враги уже заметили его и перешли на рысь, заходя справа и слева, потом остановились, чтобы привязать фастигов. Так и есть — их было пятеро.

Солнечный диск показался над хребтом.

— Погоди, задержишься немного, — просил Дэвид солнце. Чем больше контраст, тем заметнее будет блеск выстрелов. Фолкейн несколько раз выстрелил.

Стрела вонзилась в тело фастига. Дэвид лег на живот и выстрелил в ответ. Он не попал в отступившего всадника. Осмотрелся по сторонам. Другой ларсумец нацелил в него стрелу с расстояния в полкилометра. Он сам тщательно прицелился и нажал курок. Из бластера словно высунулся сине-белый палец. Через мгновение послышалось «Крэк!», и ларсумец, отбросив лук, схватился за свою левую руку. Две другие стрелы просвистели рядом. Дэвид выстрелил не целясь, заставив лучников немного отступить. Это было уже кое-что.

Однако в магазине бластера оставалось всего несколько зарядов. Если наемники Посвященных будут продолжать придерживаться той же тактики, заставляя его тратить заряды... Но откуда им знать, сколько их у него? Не важно. Они не успокоятся, пока не выполнят свое задание. Или, если ему повезет, он перебьет их всех. Иначе неминуемо погибнет. Тяжелая ситуация. Дэвид Фолкейн оценил ее спокойно, без излишней суеты, решив, что сумеет захватить с собой в ад нескольких туземцев. «Жаль маму и отца, — подумал он. — Жаль Марти Шустера. Если он выживет...»

Два противника мчались к нему наискось по поросшему травой склону. Их гривы развевались. Приблизившись на расстояние выстрела, они разделились. Фолкейн выстрелил в одного, но тот в этот момент наклонился, и Дэвид промахнулся. Второй пустил стрелу по высокой траектории. Фолкейн выстрелил и в него, но туземец совершил профессиональный маневр и отступил. Стрела вонзилась в землю в сантиметре от правой ноги Дэвида.

«Отличная уловка, — подумал он со странным безразличием. — Интересно, встречался ли им раньше мой защитный прием или они только что придумали, как надо атаковать в такой ситуации? Не удивлюсь, если только что. Умные парни, эти айвенгианцы! А мы со всей нашей гордой цивилизацией не можем справиться с такой простейшей вещью, как табу на колесо.

Черт, если б можно было спокойно подумать над этим...»

Два других туземца быстро приближались справа. Фолкейн сузил луч бластера, как только мог, чтобы увеличить дальность, и выстрелил, тщательно прицелившись. Он попал в одного фастига, потом в другого; раны небольшие, но болезненные. Животные закричали. Всадники справились с ними и повернули прочь. Дэвид вовремя обернулся, чтобы выстрелить по второй паре, но так как

одновременно надо было уворачиваться от их выстрелов, последовали промахи с обеих сторон.

«...и точно установить, что такое колесо, а потом придумать что-нибудь, действующее так же, как оно...

Где же пятый ларсумец, которого я ранил в руку? Погоди... его фастиг стоит без всадника в отдалении. Но где же он сам? Эти задиристые парни не из тех, что отказываются от своей цели из-за пустякового ранения.

...У меня были хорошие успехи по математике. Так говорили мне учителя. Почему же теперь я не могу восстановить в памяти то, что знал когда-то, чтобы воспользоваться этим сейчас? Готов поклясться, что на экзамене я решил бы проблему...

Похоже, что раненый пробирается ползком через густой кустарник, он хочет приблизиться вплотную и внезапно напасть.

...Конечно, это не экзаменационная комната. Строгий анализ невозможен в обстоятельствах, когда приходится думать о сохранении жизни. Очень сомнительно, что в таких условиях я сумею найти ответ; может, его подскажет подсознание...»

Четверо всадников собрались вместе на совещание. Издалека они напоминали игрушечных солдат. Они стояли на вершине высокой гряды, шедшей параллельно дороге и полого спускавшейся к ней. Фолкейн не слышал ничего, кроме гула ветра. Солнце уже взошло, малейшие неровности отбрасывали в траве густые фиолетовые тени. Воздух все еще был ледяным, и дыхание вырывалось стружкой пара.

«...Посмотрим. Колесо — это своего рода рычаг. Нельзя ли воспользоваться другим? Погоди! Винт? Нет, как его приспособить? Если бы это было возможно. Ромуло Паскаль додумался бы сам.

Может, разрезать колесо на части и прикрепить их в отдельности? Нет, я предлагал это Ребо, и он ответил, что устройство со стороны все равно будет иметь округлую форму...»

Всадники, очевидно, выработали какой-то план. Они подвесили луки к седлам и двинулись к нему цепью.

«...Что еще делает колесо, кроме того, что обеспечивает механическое передвижение? В идеале оно касается поверхности только в одной точке. А есть ли другие фигуры того же типа? Конечно, их много. Но что толку от эллиптического колеса?

Эй, нельзя ли сделать гусеницу, ось которой будет перемещаться по эллипсу, причем ее поверхность будет двигаться ровно? М... м... м... нет, сомневаюсь я, что это выполнимо, особенно учитывая состояние здешних дорог и то, что у нас нет другого двигателя, кроме мускульной силы. Система быстро развалится на куски...»

Передовой наемник перешел на галоп. Фолкейн поймал его в прицел и ждал, когда он приблизится на расстояние, на котором выстрел будет смертельным. Передатчик щелкнул в его кармане, но у него не было времени доставать его.

«...Всегда найдутся возражения — сложность, неэффективность, хрупкость — по поводу всего, что мне приходит в голову, вроде этой

гусеницы. Может, Паскаль придумает что-нибудь. Но должно же быть какое-то простое решение!»

Пригнувшись к шее фастига, передний всадник был уже в пределах досягаемости. Да, в пределах! Фолкейн выстрелил. Заряд попал фастигу прямо в грудь. По инерции он пролетел по склону холма еще несколько метров, прежде чем упал. Всадник выпрыгнул из седла в момент падения и избежал попадания луча. Он коснулся земли, с акробатической ловкостью перевернулся в воздухе и исчез в кустарнике.

К тому времени, когда Дэвид догадался о их замыслах, он уже выстрелил во второго противника. Второй фастиг с грохотом ударился о первого. Третий проскочил мимо, напуганный, но контролируемый.

— О, нет, не надейтесь, — прохрипел Дэвид. — Я не собираюсь сам строить для вас укрытие...

Он позволил остальным проскочить мимо. Когда фастиги повернулись, подставив всадников под огонь, он пристрелил одного из них, испытав при этом мрачное удовлетворение. Четвертый увернулся от луча, спрыгнул на землю и, подбежав к мертвым животным, укрылся за ними.

Выстрелы Фолкейна попадали на склон холма, но наемников надежно скрывали заросли, а сейчас, весной, было еще слишком влажно, чтобы кустарник загорелся. Третий ларсумец достиг баррикады и перерезал горло своему фастигу. Тот забился в судорогах и умер.

Итак, три воина достигли своей цели. Теперь они были скрыты за сооруженной общими усилиями стеной, слишком толстой, чтобы прожечь ее бластером, и достаточно высокой, чтобы за ней можно было укрыться и посылать в Фолкейна стрелы по крутой дуге. Конечно, цель не очень удобная...

Начали падать стрелы. Дэвид сжался в комок, как только мог, и постарался укрыться под одним из убитых фастигов.

«...Нечто такое... способное вращаться и устойчиво нести груз, но не круглое...»

Стрелы падали. Их острия глубоко вонзались в почву и мертвые тела фастигов. Прошло какое-то время, обстрел продолжался; голова с львиной гривой выглянула из-за баррикады, чтобы оценить положение. Дэвид уловил перерыв в обстреле, приподнялся на колене и выстрелил.

Он должен был попасть на таком расстоянии. Но не попал. Луч уперся в баррикаду, поднялся коричневый дымок. Ларсумец нырнул за укрытие.

Рука Фолкейна дрогнула, потому что он внезапно нашел РЕШЕНИЕ.

Он вытащил радио.

— Алло! — крикнул он. — Слушайте, я знаю, что делать!

— Делай все что угодно, Дэви, — ответил Шустер.

— Не мне. Я знаю, как нам вырваться отсюда...

Стрелы вновь начали падать дождем. Боль пронзила левую икру Фолкейна. Он уставился на стрелу, торчавшую из ноги, не сразу поняв, что произошло.

— Дэви? Вы здесь? — кричал ему через тысячу километров Шустер.

Дэвид с трудом глотнул. Пока рана не слишком болела. А враги вновь прекратили огонь. Очевидно, они подбирались поближе.

— Слушайте внимательно, — сказал он в передатчик. Он упал на землю, и кровь из раны полилась на траву. Какой-то частью сознания он отметил, что человеческая кровь не имеет в этом мире своей обычной яркости, а кажется черно-красной. Кровь текла слабо, значит, крупные сосуды не были повреждены. — Вы знаете, что такое равносторонний многоугольник? — спросил он.

Ларсумец отважился выглянуть из-за укрытия. Фолкейн не выстрелил, тогда туземец вскочил на ноги, взмахнул рукой и снова спрятался. Дэвид был слишком занят, чтобы удивляться этому.

— Вы ранены, Дэви? — спросил Шустер. — У вас странный голос. Они все еще рядом?

— Замолчите, — сказал Фолкейн. — У меня мало времени. Слушайте. В такой фигуре линии, проведенные из ее центра к любой вершине всегда равны.

Пропавший ларсумец с раненой рукой выпрыгнул из-за кустов у дороги. В его правой руке был зажат нож. Фолкейн краем глаза уловил его движение, повернулся и потянулся к лежащему на земле бластеру. Нож описал в воздухе дугу. Дэвид вскрикнул от боли: его рука оказалась приколотой к земле.

— Дэви! — крикнул в передатчик Шустер.

Фолкейн левой рукой дотянулся до бластера. Ствол ходил ходуном. Он выстрелил и промахнулся. Наемник перескочил через баррикаду, вытаскивая меч. Его первый удар пришелся мимо, очевидно, в момент выстрела воин закрыл глаза. Оружие ударило рядом с раненой ногой Фолкейна.

Дэвид вытащил нож, которым была прищиlena его рука, вскочил на ноги и напал с ножом в левой руке. Голос его перешел в крик:

— Такая фигура, наиболее отличающаяся от круга, это равно...

Прыжок Фолкейна достиг цели. Дэвид ударил ножом, но клинок отскочил от нагрудника туземца. Тот нанес ответный удар. Фолкейн тоже увернулся. Наемник воинственно размахивал своей рапирой.

— ...равнобедренный треугольник, — кричал Фалькейн. — Проведите дугу...

Послышался звук рога. Наемник испуганно отскочил. Со склона холма ларсумец послал в Фолкейна еще одну стрелу. Но раненая нога дала о себе знать: Дэвид упал на колени, и стрела просвистела мимо.

Между тем стрела, пущенная кем-то с тыла, ударила всадника в грудь. Тот схватился за раненое место и упал. Уцелевшие наемники Посвященных указывали на круги на своих кирасах. Но всадники,

появившиеся с запада, осыпали их градом стрел, и скоро все было кончено.

Ребо, сын Легвора, прыгнул с седла, успев подхватить на руки потерявшего сознание Фолкейна.

7

Мукерджи вошел в кают-компанию, где Шустер в одиночестве раскладывал пасьянс.

— Где Ромуло? — спросил он.

— Сидит у себя и сходит с ума, — ответил Шустер. — Он пытается сделать то, о чем говорил Дэви перед тем как... — Он поднял свое полное лицо. — Что слышно о парне?

— Ничего. Как только узнаю что-нибудь, я вам, конечно, сообщу. Его радио все еще включено. Я слышал, как рядом с ним ходили и что-то говорили туземцы. Но он молчит, а все остальные, очевидно, боятся говорящего ящика.

— О, Боже, и я послал его туда.

— Вы не могли знать, что на него нападут.

— Я должен был знать, что самое безопасное место на планете — это наш корабль. Я должен был идти сам. — Шустер, ничего не видя, смотрел на карты. — Он мой ученик.

Мукерджи положил руку на плечо торговца.

— Но вы не должны заниматься повседневной работой. Даже сражения уже не для вас. Ваш мозг необходим здесь.

— К чему теперь мозг?

— Вы должны отыскать способ. О чем вы говорили с этим крестьянином за несколько часов до восхода солнца?

— Я уговорил его отнести мое послание Посвященным. Эта услуга стоила мне ножа. Я прошу Херитаскора прийти сюда для тайных переговоров. Он второй по старшинству среди астрологов, он очень умен и, как мне кажется, относится к нам более дружелюбно, чем другие. Во всяком случае, у него нет такой фанатической ненависти к новшествам, как у Скетуло. — Шустер увидел, что кладет червовую карту на бубновую и, выругавшись, смешал колоду. — Очевидно, Ребо увидел блеск выстрелов и покончил с наемниками. Но вовремя ли он пришел? Жив ли еще Дэви?

Зазвонил сканнер. Оба вскочили на ноги и подбежали к ближайшему экрану.

— Легко на помине, дьявол, — сказал Мукерджи. — Действуйте, Мартин. Я пойду в рубку и посижу у радио.

Шустер взял себя в руки и открыл люк. Высунувшись за борт, он вдохнул холодный утренний воздух, наполненный резкими запахами. Херитаскор взобрался по трапу и вошел в корабль. Его большое тело было плотно закутано в плащ, который он не снимал,

пока за ним не закрылась дверь. Под плащом была обычная одежда Посвященного. Очевидно, он старался, чтобы его не узнали.

— Приветствую, — сказал Шустер. — И благодарю за то, что ты пришел.

— Твое послание не оставило мне выбора, пришелец, — сказал Посвященный. — Для блага Ларсума и веры я должен выслушать тебя, если ты клянешься, что дело твое важное.

— Вам... гм... запретили посещать корабль?

— Нет, но лучше не давать главе повода для запрещения.

Херитаскор прищурился и взглянул на экран, который казался ему слишком ярким, хотя на самом деле яркость его была уменьшена в целях экономии энергии в аккумуляторах корабля. Шустер провел Посвященного в свою каюту, приглушил освещение и пододвинул гостю кресло.

Они сели и некоторое время молча смотрели друг на друга. Наконец Херитаскор сказал:

— Если ты повторишь свое утверждение, я вынужден буду называть тебя лжецом. Но я думаю, что ты человек чести.

Шустер почувствовал смущение, его планы не вполне соответствовали представлению о чести.

— Ты должен знать, что многие Посвященные считают ошибочным решение Скетуло запретить новую математику и астрологию. Если бы он доказал, опираясь на Священное писание, на традиции или просто на здравый смысл, что твои слова противоречат Слову Бога, все жрецы, конечно же, поддержали бы его в неприятии твоего знания. Но он даже не сделал попыток убедить нас — он просто издал приказ.

— Тебе разрешено обсуждать с ним этот вопрос?

— Да, правило гласит, что Посвященный может обсуждать любые вопросы в рамках доктрины. Но мы обязаны повиноваться приказам своих начальников, пока эти приказы являются законными.

— Я так и думал. Что ж... — Шустер потянулся за сигарой. — Вот что я хотел тебе сказать. Мне нужен союз с Посвященными, а не вражда. С целью добиться этого союза я хочу убедить тебя, что мы не только не представляем опасности для вашей веры, а наоборот, можем стать орудием ее дальнейшего укрепления и развития. Я хочу, чтобы ты внушил это остальным.

Херитаскор молча ждал продолжения. Его глаза сузились и загорелись.

Шустер закурил и принялся пускать облака дыма.

— Цель вашей астрологии заключается в том, чтобы установить волю Бога и план, по которому он создал Вселенную. А это означает, что высшей целью Посвященных является утверждение истинной природы Бога в той мере, в какой это может быть понято смертными. Ваши теологи в прошлом сделали кое-какие выводы, но являются ли эти выводы окончательными? Разве больше нечего открывать?

Херитаскор наклонил свою львиную голову и проследил полет кольца дыма в воздухе.

— Конечно, есть что открывать. Должно быть. Ничего ценного в этой области не сделано с тех пор, как была написана «Книга Домпо», и я сам часто рассуждал... продолжай, прошу тебя.

— Мы, пришельцы, не посвящены в вашу религию, — сказал Шустер. — Но и мы провели несколько столетий, изучая чудо Божественного создания. Мы тоже верим, по крайней мере, некоторые из нас, в единого Бога, бессмертного, вездесущего, всемогущего, совершенного... создавшего все вокруг. Возможно, наша теология отличается от вашей в решающем пункте. А может, и нет. И могу ли я сопоставить вашу точку зрения с нашей? Если ты укажешь, в чем мой народ ошибается, я буду благодарен тебе и, если останусь жив, донесу ему правду. Если же, с другой стороны, я смогу доказать тебе, что в чем-то наша теология опередила вашу, то тогда ты сможешь понять остальным, что мы, пришельцы, не представляем для вас угрозы, а скорее, можем принести пользу.

— Сомневаюсь, что Скетуло и некоторые другие твердолобые Посвященные согласятся у этим, — сказал Херитаскор. — Но если новая истина действительно будет доказана и кто-то посмеет отрицать ее... — Он сжал кулаки. — Я слушаю.

Шустер не был удивлен поведением Херитаскора. В прошлом каждая земная религия, независимо от того, насколько она была завершена в теории, имела мыслителей, которые заимствовали идеи от соперничающих с ней религий. Он устроился поудобней, разговор должен был занять немало времени.

— Первый вопрос, который я хочу обсудить, — сказал он, — формулируется следующим образом: почему Бог создал Вселенную. Есть у вас ответ на этот вопрос? Хоть какой-нибудь?

Херитаскор удивленно взглянул на него.

— Нет. В Писании просто констатируется, что он это сделал. Разве мы смеем рассуждать о причинах его поступков?

— Я считаю, что смеем. Если Бог всемогущ и неограничен в своем существовании, значит, он существовал вечно и задолго до того, как создал мир. Он бесконечен. Но мысль и существование сами по себе конечны, не так ли?

— Ну... гм... да. Это звучит разумно. И мысль и существование, насколько мы знаем, конечны.

— Так. Я думаю, ваши философы уже спорили о том, является ли реальным падение камня в пустыне, где его никто не видел и не слышал.

Херитаскор кивнул.

— Это старая загадка, о ней думали на бесчисленных планетах, я хочу сказать, в бесчисленных странах. Подобным же образом Бог в своей высшей неограниченности не мог быть воспринят и осознан мыслью и не мог быть описан в словах. К моменту творения не существовало ни мыслящих, ни говорящих существ. Соответственно,

в известном смысле, не существовало и самого Бога. Точнее, его существованию недоставало окончательной завершенности, так как оно не было наблюдаемым и осознаваемым. Но как может существование совершенного Бога быть несовершенным? Очевидно, не может. Следовательно, Богу было необходимо создать мир, чтобы стать наблюдаемым и осознаваемым, чтобы приобрести абсолютную цельность? Ты следишь за моей мыслью?

Херитаскор напряженно кивнул. Дыхание его участилось.

— Сказал ли я что-нибудь такое, что противоречит твоей вере? — спросил Шустер.

— Нет... мне кажется, нет. Хотя это так ново... Продолжай!

— Акт созидания, — сказал Шустер, затягиваясь, — логически должен включать в себя желание созидать, мысль о том, что будет создано, решение создавать и, наконец, саму работу по созданию. В противном случае Бог действовал бы по капризу, а это абсурд. Но эти способности — желание, мысль, решение и работа — ограничены. Они неизбежно сосредоточены на одиночном акте созидания, они находятся вне безграничных возможностей, так как включают в себя вполне определенные действия. Следовательно, акт созидания означает известную ограниченность Бога, что невозможно признать, даже на время. И мы приходим к парадоксу: Бог должен был создавать и в то же время не мог создавать... Как разрешить этот парадокс?

— А как вы разрешили его? — Херитаскор выглядел несколько ошеломленным.

— Мы решили, что сам акт созидания совершался десятью разумными ипостасями-серафимами...

— Постой! — воскликнул Херитаскор. — Не может быть других богов, даже подчиненных главному, и в Писании ничего не говорится о том, что ангелы создали мир.

— Конечно. Ипостаси, о которых я говорю, это не боги и не ангелы, это обособленные проявления единого Бога так же, как грани алмаза являются проявлением алмаза, не будучи в то же время самим алмазом. Бог, безо всякого сомнения, имеет бесконечное множество проявлений, но десять серафимов — это все, что необходимо для логического объяснения факта созидания. Начнем с первого из них: желание и идея созидания должны были существовать в Боге вечно. Следовательно, они содержат в себе девять остальных, которые могут рассматриваться как атрибуты того, что будет создано...

8

Через несколько часов Херитаскор сказал Шустеру, что он больше не может. Он ушел в полубессознательном состоянии. Шустер провожал его, стоя в люке. Он чувствовал, что невероятно устал.

«Если наш разговор подействует на него и на остальных, то, может, мой собственный добрый Бог простит меня».

Шустер вернулся на корабль, навстречу ему торопливо шел Мукерджи, и его шаги гулко отдавались в металлическом переходе.

— Мартин! — крикнул он. — Дэви жив!

Мартин повернулся. Голова у него закружилась, он прислонился к переборке и проглотил комок в горле.

— Он вызвал нас, когда вы начали переговоры с этим брамином, — сказал Мукерджи. — Я не знал, можно ли прерывать вас, поэтому... Да, он был ранен в руку и ногу, но опасности нет: вы знаете, мы можем не беспокоиться из-за местных микробов... Он потерял сознание, и, я думаю, его обморок сразу перешел в сон. Из замка Ребо он говорил с трудом; сказал, что вызовет нас снова, когда немного отдохнет, и тогда подробнее объяснит свою мысль. Идемте же, мы с Ромуло распечатали бутылочку, чтобы отметить это событие!

— Это мне нравится, — сказал Шустер и пошел за капитаном.

Сделав несколько глотков, он почувствовал себя значительно лучше. Поставив свой стакан, он слабо улыбнулся.

— Приходилось ли вам пережить чувство освобождения, которое испытываешь, когда с вас снимается подозрение в убийстве? — спросил он. — Вот это я сейчас и чувствую.

— Перестаньте! — фыркнул Паскаль. — Вы не отвечаете за своего ученика.

— Нет, если не считать того, что я послал его туда, куда должен был пойти сам. Но вы говорите, что он в порядке?

— Если бы вас не было здесь, на корабле, все могло бы кончиться гораздо хуже, — сказал Паскаль. — Крис всего лишь космонавт, я — инженер, а Дэви — малыш. Нам нужен кто-то, кто нашел бы выход из этой дыры. А вы, мой друг, делаете это лучше всех.

— Да, у Дэви, кажется, была какая-то идея. Но я не знаю, какая именно. — Шустер пожал плечами. — А может, и знаю. Я ведь тоже кое-что учил в школе, но подзабыл. Он ближе к своим школьным дням.

— Полагаю, что это хорошая идея, — сказал Паскаль с ноткой беспокойства. — Сам я не выработал приемлемого плана, но отбросил уже много безрассудных идей.

— Подождем и тогда посмотрим. Есть ли какие-нибудь новые подробности о положении в Гирлигоре?

— Да, я разговаривал непосредственно с Ребо после того, как Дэви показал ему, как пользоваться радио, — проговорил Мукерджи. — Все наемники перебиты во время нападения. Ребо говорит, что отдал такой приказ, когда заподозрил, что они из войск Посвященных. Если бы он взял их в плен, то вынужден был бы потом освободить или, по крайней мере, должен был бы вступить в переговоры со Скетуло. Кроме того, освобожденные наемники оповестили бы о случившемся Посвященных. Он избежал этой дилеммы и может поклясться, что его действия были справедливыми и законными. На расстоянии полета стрелы он мог и не разглядеть

круги на их одежде, и поэтому естественно, что он принял их за бандитов, а уничтожение бандитов входит в его прямые обязанности.

— Превосходно, — рассмеялся Шустер. — Ребо — находчивый парень. Если он найдет предлог для того, чтобы не посылать в город сообщение о случившемся, а я уверен в том, что он такой предлог отыщет, мы выиграем несколько дней до того времени, когда Скетуло заподозрит неладное и отправит своих людей на поиски. Иными словами, не говоря ни слова о случившемся, мы обернем тактику задержек, проводимую Скетуло против него самого. — Он оглядел стол. — А время нам необходимо, во-первых, для того, чтобы приволочь сюда груз, а во-вторых, для того, чтобы дать разгореться волнениям среди Посвященных. Скоро они и думать перестанут о новых проволочках и затяжках.

— Будьте осторожны, они склонны к насилию, — предупредил Мукерджи.

— Не совсем, — ответил Шустер. — Нападение на Дэви было совершено украдкой, и я уверен, что Скетуло отречется от своих агентов, когда распространится весть об этом происшествии. Любое действие, связанное с открытым нарушением закона, обернется против него. Я дал таким туземцам, как Ребо, повод задуматься и принять решение о необходимости открытой борьбы. Как я уже заметил, время начинает работать против старого дьявола.

Паскаль взглянул на торговца.

— Что вы задумали?

— Ну... — Шустер вновь потянулся за бутылкой: жидкость, булькая, потекла в его стакан, — Вначале, как вы знаете, я познакомил их с ньютоновской астрономией. А ее представил как фиктивную гипотезу, но от этого она не стала менее революционной. Никто не сможет долго тешить себя сказками, что это всего лишь способ упростить математические расчеты... Рано или поздно они решат, что орбиты планет на самом деле эллиптические. Это пробьет такую брешь в их вере в святость окружности, что скоро подорвет основания всей религии. Скетуло предвидел это и именно поэтому запретил обсуждение ньютоновских идей. Но это только оттянет неизбежный конец. Он не может запретить своим астрологам думать, а некоторые из них возмутятся запретом на дискуссии. Это вызовет напряжение среди Посвященных, которое отнимет у них столько времени и энергии, что Скетуло вынужден будет отказаться от попыток вредить нам.

— Прекрасно. — Мукерджи нахмурился. — Но только это будет тянуться слишком долго: Потребуется пять — десять лет, пока в их умах созреет революция.

— Согласен. Тенденция развития помогает нам, но ее одной недостаточно. Поэтому я и пригласил сегодня Херитаскора. Мы с ним обсуждали теологические вопросы.

— Что? Но вы не сможете сменить религию в один день.

— О, конечно, я знаю это. — Шустер сделал глоток. Улыбка его

стала шире. — Но я лишь указал на некоторые логические противоречия местной религии и рассказал ему о том, как это противоречие разрешилось у нас на Земле.

— Как это? — удивленно спросил Паскаль.

— Ну, вы знаете, что я интересовался историей науки и философии, много читал, а по семейным традициям хорошо знаком с «Каббалой».

— Что это?

— Система средневековой иудейской теософии. В той или иной форме в течение многих столетий она оказывала огромное влияние на христианство. Поверьте мне, это самое грандиозное построение, которое когда-либо создавало человечество при помощи логики на основе нескольких текстов. Ортодоксальное иудейство не признавало «Каббалу», считая ее ересью, но зато она полностью подходит к ларсумской религии. Например, в «Каббале» есть десять подчиненных проявлений Бога — обособленные проявления божественного совершенства. Они разделены на три триады; в каждую троицу входит мужская сущность, женская сущность и их единство. Здесь не очень распространена нумерология, но когда я напомнил Херитаскору, что три точки определяют окружность, он проглотил это. Каждая из этих триад соответствует определенной части тела человека. Каждый серафим окружен остальными, что согласуется с ларсумским символизмом, а полное их соединение порождает Вселенную. Ну, детали неважны. Дальше следует целая цепь умозаключений, долженствующих прояснить внутренний смысл творения, доктрину троичного воплощения, целую серию демонологических и магических представлений — сверкающая чепуха, однако даже сейчас она завораживает ум. Я все это сообщил Херитаскору.

— И? — быстро спросил Мукерджи.

— О, не так скоро. Потребуется месяцы. Я сообщил ему лишь важнейшие положения. Возможно, он разовьет их дальше. Это трудное дело. Но начало положено. Ларсумская философия еще слишком примитивна, она не привыкла иметь дело со сложными понятиями. Теоретически их религия представляет собой чистый монотеизм, но на практике осложнена верой в духов, упырей, заимствованных из народных суеверий. Однако теология должна совершенствоваться. Поэтому ее ждут волны интерпретаций, реформаций, контрреволюций, новых доктрин — все то, что мы, люди, на себе уже испытали. Как я уже говорил, на Земле большую роль в этом сыграла «Каббала». И тут она будет способствовать падению Посвященных и внесет струю свежего воздуха в Ларсум.

Шустер вздохнул.

— Боюсь, этот процесс будет кровавым, — закончил он. — Если бы я не был уверен, что в конечном счете он приведет к улучшению, я бы никогда этого не сделал, даже ради спасения наших жизней.

Паскаль выглядел сбитым с толку.

— Это слишком тонко для меня, — сказал он. — Подействует ли это?

— Если нам удастся в ближайшие недели доставить сюда генератор, я уверен, подействует. Херитаскор не дурак, хотя он и прирожденный теолог. Да и вообще среди Посвященных немало умных голов. И они истосковались по работе. Новшества будут распространяться, как взрывная волна. Мне кажется, что скоро начнется открытое обсуждение. Законным порядком Скетуло не сможет его запретить, а Посвященные будут слишком возбуждены, чтобы повиноваться незаконным приказам. Так что этому старому дьяволу будет чем заняться до конца жизни!

9

Ребо, губернатор Гирлигора, натянул поводья своего фастига, стоящего на вершине холма Энсум. Рукой в металлической перчатке он указал вниз.

— Аэске.

Дэвид Фолкейн прищурился, всматриваясь вперед против солнца. Отсюда город казался темным пятном, пересеченным рекой, сверкающей как раскаленный металл. Но вот его глаза уловили знакомые очертания, и сердце юноши дрогнуло.

— Наш корабль, — выдохнул он. — Мы почти на месте.

Ребо всматривался в окружающие поля и фруктовые сады.

— Нигде не видно войск, — сказал он. — Я вижу толпы горожан, но никаких войск. Но, несомненно, Посвященные знают о нас. Либо они перестали интересоваться нами, либо уже не в силах отомстить.

— Вы этого ожидали?

— Я не был уверен. Поэтому я взял с собой такой большой отряд собственных воинов... — Закованная в металл фигура выпрямилась в седле. Его хвост со свистом рассек воздух. — Они нарушили закон, а не мы, поэтому нас не мучают угрызения совести. Дворяне больше не намерены терпеть тиранию Посвященных. Мои воины будут жалеть, если сегодня им не придется окровавить лезвия.

— Но я такого сожаления не испытываю. — Фолкейн вздрогнул.

— Что ж, — сказал Ребо, — мирным или военным путем, но вы причинили им столько вреда, сколько я не сумел сделать за всю жизнь. Наш мир уже никогда не будет таким, как прежде. Даже такая простая вещь, как тележка, взрывает сложившееся равновесие. И я использую освободившиеся силы, чтобы преодолеть границы Касуни-анских гор, я изменю структуру государства. Ваши люди в любое время станут желанными гостями в Гирлигоре.

Фолкейн виновато улыбнулся.

— Я не буду лгать вам, мой друг, — сказал он. — Может быть, наши люди больше никогда не появятся здесь.

— Я слышал об этом, — ответил Ребо, — но не придавал значения.

Может, и не поверил. Теперь это неважно. — Он гордо повысил голос. — Однажды наши корабли прилетят к вам.

Он взмахнул боевым топором, подавая сигнал. Колонна всадников раздалась, и тяжелая тележка, влекомая двадцатью фастигами, показала на вершине холма. Генератор и подъемный кран, приспособленный сверху, сверкали в лучах солнца. Водитель спустил тормоз — плоскую доску, чтобы тележка не сорвалась со склона. Гремя, звеня, брякая и дребезжа, громоздкое сооружение покатило вниз.

Оно передвигалось на роллерах. Они размещались между планками, которые были снабжены квадратными подвижными колышками, позволявшими роллерам поворачиваться. Спереди и сзади были приделаны бамперы, предупреждавшие падение или наклон роллеров. Как только роллер появлялся с тыла, его подхватывали два крюка, подавая в продолговатые металлические ушки, которые перемещались в желобах, сделанных в каждой планке. Эти крюки прятались в паре перекрещенных уравновешенных рычагов, прикрепленных высоко у основания тележки. Рычаги удерживались на месте кожаными ремнями внутри рамы, которая предотвращала боковые смещения; они поворачивались вокруг столбов. Несколько рабочих тянули рычаги на себя. Они поднимались вверх. В самом верхнем положении тщательно подогнанные крючки выскальзывали из ушек роллера, который падал на деревянную крышу, наклоненную вперед. Два туземца, вооруженные палками, стояли тут, дополнительно регулируя движения роллера. Роллер громыхал вдоль направляющих бортов и соскальзывал на дорогу перед передним бампером. Тележка двигалась по нему, рычаги вновь подхватывали его, возвращали наверх, и цикл повторялся. И таких роллеров были десятки.

Каждый роллер имел три дугообразные стороны.

Постройте равносторонний треугольник и обозначьте его ABC. Поставьте острие циркуля в точке A и начертите дугу BC. Передвиньте ножку циркуля в точку B и опишите дугу AC, затем повторите то же самое, взяв за центр угол C — опишите дугу AB. У вас получится фигура постоянной ширины. Она будет катиться между параллельными плоскостями, касательными к ней.

В сущности, класс фигур постоянной ширины бесконечен. А окружность — это только самая известная на них.

«Разумеется, — подумал Фолкейн, — у этих роллеров есть дугообразные стороны, представляющие часть окружности. Их придется заменить. Но это значит признать, что круг является лишь наименее совершенной фигурой своего класса. Пойдут ли на это туземцы? Во всяком случае, у Посвященных теперь будет достаточно проблем».

Он дернул поводья и поскакал вслед за тележкой к кораблю.

НЕВИДИМОЕ СОЛНЦЕ

Повесть

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОДСТВЕННОСТИ

До начала космических полетов господствовало мнение, что иные миры непригодны для существования разумной жизни. Даже на планетах, подобных Земле, ход биохимической эволюции мог оказаться таким — а ведь эта эволюция зависит от множества случайных причин, — что человек вынужден будет обзавестись специальным снаряжением. А что касается иных разумных существ, то разве мы не были столь высокомерны, утверждая, будто они должны быть абсолютно похожи на нас и по психологии и по культуре. Якобы только в таком случае мы найдем с ними общий язык? Открытия первых межзвездных экспедиций, казалось, подкрепляли эти утверждения.

Но в конце концов победила противоположная точка зрения. Мы поняли, что в Галактике имеется множество планет, которые, будучи экзотическими в деталях, так же гостеприимны к нам, как и Земля. Мы встретили разумных существ, которые, несмотря на свою нечеловеческую внешность, разговаривают и действуют как люди. Философ и воин, торговец и старый космический бродяга — мы знаем сотни вариантов телесного воплощения этих типов. Мы заключаем с ними сделки, ссоримся, работаем и развлекаемся, как могли бы это делать и с людьми. Так есть ли что-нибудь основополагающее в земной биологии и технической цивилизации?

Как обычно, истина оказалась где-то между крайними точками зрения. Большинство известных планет и в самом деле губительны для человека. Но мы минуем их, они нас нисколько не занимают. Из тех планет, которые располагают свободным кислородом и жидкой водой, больше половины либо бесполезны, либо опасны для нас по той или иной причине. Но эволюция не является случайным процессом. Естественный отбор, функционирование постоянных законов природы дают эволюции определенное направление. К тому же Галактика настолько огромна, что даже случайные вариации условий все равно повторяются на миллионах планет. Поэтому мы не испытываем недостатка в новых Землях.

Аналогично обстоит дело и с психологией разумных существ. Нелюди остаются нелюдями. Такое существо сможет продемонстрировать нам лишь ту часть своей сущности, которую мы в силах понять. Поэтому оно часто кажется нам примитивным и даже комическим персонажем. Но поймите, что и вы произвели на него аналогичное впечатление. Хорошо, что люди не подозревают, на скольких планетах они являются объектом непристойных шуток.

Большинство рас имеет не меньше различий между индивидуумами, чем представители хомо сапиенс. Это частично скрадывает

общую разницу между расами. Часто человек легче сходится с нечеловеком, чем с большинством своих соплеменников.

— Конечно, — заявил разведчик на Кетц-Коатле о своем партнере, — он выглядит, как помесь капусты с подъемным краном. Конечно, он рыгает сернистой кислотой и спит в грязной луже. Но я могу доверять ему, я даже могу оставить его наедине со своей женой!

Ноев Ковчег.

Введение в Софнтологию.

1

Нападавшие разместили свой флот на стандартной патрульной орбите. Иными словами, они ничем не маскировали своих намерений. Это свидетельствовало об их уверенности, от которой Дэвид Фолкейн ощутил легкий озноб.

По мере того как его спидстер приближался к Венессе, он вглядывался в возникающие на экране корабля. Один из них проскользнул мимо настолько близко, что потребовалось совсем незначительное увеличение, чтобы рассмотреть детали его конструкции. Корабль был гигантским и относился к классу «Нова», и лишь немногие признаки свидетельствовали о том, что он сделан нечеловеческими руками. Его орудия вырисовывались на фоне тьмы и незнакомых созвездий, солнечные лучи сверкали на его боках, он был прекрасен, высокомерен и пугающ.

Но Фолкейн убеждал себя, что он не слишком напуган. И в то же время спрашивал себя, в какой мере он пытается сам себя обмануть.

Его приемопередатчик загудел — сработал сигнал универсально-го вызова. Он включил связь. Шкала доплеровского компенсатора указывала, что военный корабль пристроился к его спидстеру, уравнив с ним скорость и направление полета. С экрана на него смотрело — нет, конечно, это был не венессуанин, — существо, принадлежащее к той же расе. Оно что-то забормотало.

— Прошу прощения, я не говорю.. — Фолкейн замолчал. Завоеватели склонны к раздражительности, а этот парень, сидящий на борту вражеского корабля, может в любой момент при помощи ядерного оружия съесть континент, а потом использовать свой корабль как зубочистку. — Я сожалею о моем незнании вашего языка.

Краоканец что-то выкрикнул. Очевидно, он, она или оно не знало английского. Что ж, попробуем международный язык Политехнической лиги...

— Вы говорите по-латыни?

Существо потянулось за вокализатором. Без его помощи люди и краоканцы с трудом произносили звуки чужого языка. Отрегулировав прибор, офицер сказал:

— Вы говорите по-немецки?

— Как? — Лицо Фолкейна вытянулось.

— Я немного изучал немецкий язык у главного капитана, — сказал краоканец гордо, но без особого соблюдения правил грамматики.

Фолкейн крепче ухватился за свое пилотское кресло и изумленно уставился на экран.

Если не считать враждебного тона, существо отнюдь не казалось неприятным. Его двухметровое тело напоминало тиранозавра, если, конечно, существуют тиранозавры с коричневой шерстью. Спина оканчивалась большим ребристым гребнем, радужно переливавшимся в ярком свете ртутных ламп. Руки напоминали человеческие, только каждый из четырех пальцев содержал один лишний сустав. Круглая голова, пушистые уши, маленькие глаза и глуповатое выражение лица производили забавное впечатление. Одежда краоканца состояла из нарукавной повязки, пояса с подсумками и прикрепленного к поясу оружия. Фолкейн порывлся в памяти и определил, к какому из трех краоканских полов принадлежит офицер: так называемый передатчик, оплодотворяемый самцом и в свою очередь оплодотворяющий самку.

«Я должен был сразу догадаться, — подумал он. — Если бы даже в библиотеке Гарстанга не было информации о них. Самцы низкорослые, мелкие, они растят детенышей. Самки же принимают решения и создают. Передатчики наиболее воинственны».

«Как этот, например, что следит за мной через ствол пушки». Он почувствовал себя одиноким. Дрожь и гудение корабля, запахи обогащенного кислородом воздуха и его собственного пота, вес в искусственном поле тяготения — вся эта жизнь была хрупка, словно он был заключен в яичную скорлупу, за пределами которой была окаменелость. Власть Лиги кончалась за много парсеков отсюда, а эти незнакомцы объявили себя ее врагами.

— Отвечайте! — потребовал краоканец.

Фолкейн пытался вспомнить обрывки фраз на идиш, которые он слышал от Шустера во времена своего ученичества.

— Я... знаю... плохо... немецкий, — сказал он как можно яснее и медленнее. — Дайте мне... человека...

Краоканец оставался неподвижным.

— Черт побери, с вами ведь есть люди, — сказал Фолкейн. — Я знаю имя одного из них. Ут Хорн. Понимаете? Ут Хорн.

Краоканец переключил его на другого краоканца, склонившегося над электронной аппаратурой. Нечеловеческие звуки доносились из интеркома. Это существо повернулось к Фолкейну.

— Я немного знаю латинский, — сказала оно. Несмотря на вокализатор, его акцент с трудом позволял понять сказанное. — Назовите себя.

Фолкейн облизнул губы.

— Я фактор Политехнической лиги в Гарстанге, — сказал он. —

Я получил капсулу с извещением о вашем... гм... прибытии. В нем говорилось, что мне разрешается прилететь сюда.

— Так. — Еще свисты и хрипы. — Действительно. Мы разрешаем одной шлюпке, невооруженной, приземлиться в Элан-Тррл. Если вы будете причинять беспокойство, мы вас убьем.

— Конечно, я не буду причинять беспокойство, — пообещал Дэвид и мысленно добавил: «Во всяком случае, без надежды на успех». — Я направляюсь прямо к месту назначения. Вам нужно сообщить мой маршрут?

— Да, нужно.

Компьютер спидстера передал цифры на военный корабль.

Полет по маршруту был разрешен. Лазерные лучи передали другим кораблям предупреждение о необходимости следить за спидстером.

— Следуйте, — сказал краоканец.

— Но этот Ут Хорн...

— Коммандер Хорн увидится с вами, когда он этого захочет. Можете двигаться.

Экран почернел, и Фолкейн полетел дальше. Включились компенсаторы полей тяготения, поглощая возникающее ускорение.

Дэвид тяжело вздохнул и посмотрел на экран. До сих пор, пока он удалялся от звезды Турман, на небе господствовала Бста Центавра, немигающая яркая звезда, находившаяся на удалении в двадцать световых лет. Но теперь ярче всех светила Венесса. Это был не супергигант класса «В», а белая звезда класса «Ф-7», кипящая протуберанцами, сверкающая короной, и она производила достаточно сильное впечатление. Если защитные экраны спидстера не выдержат, ее радиация мгновенно пронзит борт корабля и уничтожит его.

«Что ж, — подумал Дэвид, — я хотел стать лихим авантюристом. Вот и исполнилась моя мечта».

Он потянулся, чтобы немного размяться и снять охватившее его напряжение. Потом он почувствовал голод и отправился на корму, чтобы приготовить себе сэндвич. Пока он ел и курил трубку, волнение вновь охватило его. Ведь ему было всего двадцать лет.

Когда он получил свое свидетельство фактора, то оказался самым младшим по возрасту из людей, занимавших эту должность. В сущности, это назначение было наградой ему за ту роль, которую он сыграл в событиях на Айвенго. Для того чтобы установить теперь подобный же рекорд в скорости получения звания мастера Лиги, ему нужно было совершить еще один подвиг или даже два. Послание Белджагора заставило его задрожать от радости.

Но теперь оказалось, что он вовлечен в нечто гораздо более серьезное, чем ему представлялось издавна. Тем не менее будучи гордым отпрыском баронского рода Великого Герцогства Гермеса, он намеревался не упустить своего шанса.

Как минимум, если даже он ничего и не предпримет, а просто передаст известие о случившемся в сектор ВГ, уже это сделает его

имя известным верхушке Лиги. Может, даже сам старый Ник ван Рийн услышит о Дэвиде Фолкейне и поймет, что тот напрасно теряет время.

Он высокомерно усмехнулся. За последний год он сильно изменился. Хотя лицо его оставалось неизлечимо курносым, оно утратило пухлость и округлость, которые так его огорчали. «Я высок, светловолос, строен, — говорил он себе. — У меня превосходный вкус к одежде и вину. А женщины, — добавил он, — очень ценят эти качества. Если бы только я не был единственным человеком на этой проклятой планете!.. Что ж, может быть, этот загадочный Хорн привез с собой нескольких женщин...»

В иллюминаторе вырастала Венесса, красноватый шар, испещренный зеленым и синим, усеянный отражениями солнца в маленьких морях. Фолкейн подумал: «Интересно, как называют планету ее обитатели? Будучи сами колонистами, чья цивилизация не обособилась в результате долгого перерыва в космических полетах краоканцев, они, несомненно, имели единый язык. Почему Турман не совершил обычной в этих случаях процедуры: не указал туземное название в каталоге?

Вероятно, потому что человеческая гортань не в силах произнести туземные звуки. Или, может, планету окрестили Венессой по иной причине. Черт побери, какая блестящая возможность была у открывателя! И какая девушка откажет тебе, узнав, что ты дал ее имя целому миру!»

На экране появился еще один боевой корабль, двигавшийся по сторожевой орбите. Фолкейн оторвался от своих мечтаний.

2

В давно миновавшие дни своей великой экспансии краоканцы никогда не основывали городов. Концепция подобных обособленных друг от друга поселений была им чужда. Тем связанным поселениям, которые они создавали, краоканцы давали единые названия. «Справочник пилота по району Бета Центавра», замсняявший Фолкейну Библию, информировал его, что Элан-Тррл — так приблизительно и звучало его название — расположен в средних северных широтах и отмечен радиобакенами Лиги.

Информационная кассета мало что могла сообщить ему об этой планете. Наиболее важные сведения касались озона и ультрафиолетовых лучей. Дэвид надел костюм с капюшоном, маску с фильтром и перчатки. Крошечное поле космопорта устремилось ему навстречу. Он приземлился.

Некоторое время постоял, пытаясь сориентироваться и приспособиться к незнакомой обстановке. Небо было безоблачным, бледно-голубым, солнце слепило, он не мог даже взглянуть на него. Цвета сливались в яркое сияние. Холмистая равнина спускалась к

озеру, от которого тянулись ирригационные каналы, пересекавшие обработанную местность, усеянную сине-зеленым кустарником. Сучковатые, с кожистыми листьями деревья росли вдоль берегов каналов, по воде скользили моторные лодки с высокими бортами. Сельскохозяйственные машины на полях и антигравитационные лодки, время от времени пролетавшие над головой, видимо, были импортированы торговцами Лиги. На горизонте возвышался коричневый горный хребет.

Дэвид ощутил навалившуюся тяжесть — сказывалась увеличенная на двадцать процентов, по сравнению с земной, гравитация. Ветер сдувал с него капельки пота. Но в сухом воздухе переносить жару было сравнительно легко.

Невдалеке вздымал свои луковичеобразные башни Элан-Тррл. Их серый камень за прошедшие тысячелетия был изъеден непогодой. Фолкейн не заметил интенсивного уличного движения: «Вероятно, оно подземное», — подумалось ему. Его глаза с благоговением остановились на знакомых стеклянно-стальных фасадах зданий Лиги на краю космопорта. Очертания дрожали в волнах горячего воздуха.

Рядом с его кораблем на поле космодрома стояли два других. Один небольшой, по-видимому, принадлежал Белджагору; другой, стройный, вооруженный, построенный по образцу земного корабля-истребителя, должно быть, принадлежал захватчикам. В его тени на страже стояло несколько краоканцев. По-видимому, их предупредили о появлении Фолкейна, поскольку они остались неподвижными и ничего ему не сказали. Идя к зданиям, принадлежащим Лиге, он спиной чувствовал их взгляды. Звук его шагов одиноко звучал в тишине космопорта.

Дверь помещения фактории открылась перед ним. Воздух в вестибюле был таким же жарким, как и снаружи, свет — лишь чуть менее резким. Дэвид с тоской подумал о холодном зеленом Гарстанге. И почему этот Белджагор не вышел его встретить?

Густой бас сказал в интерком по-латыни:

— Вдоль по залу и направо.

Фолкейн прошел в главную контору. За столом сидел Белджагор, дымя сигарой. Над ним висела эмблема Политехнической лиги — космический корабль на фоне солнечной вспышки — и девиз: «Мы будем повсюду». Компьютеры, записывающая аппаратура и прочее оборудование были хорошо знакомы Дэвиду. А вот их хозяин — нет. Фолкейн никогда раньше не встречал джалильцев.

— Вот и вы, — сказал Белджагор. — Долго же вы добирались.

Фолкейн остановился и взглянул на него. У фактора была антропoidная внешность. Коренастое тело, две ноги, две руки, одна голова и полное отсутствие хвоста. Рост — немногим более метра, на ногах имелось по три толстых пальца, на руках тоже.

Набедренная повязка была единственной одеждой, скрывающей серую чешую и желтый живот. Нос Белджагора легче было представить на морде тапира, а уши напоминали крылья летучей

мышь. Пучок красноватых ресничек торчал на макушке, а над глазами шевелилась пара мясистых чувствительных щупалец. Глаза были маленькими, как и у краоканцев. Фолкейн знал, что существа, которые хорошо видят в фиолетовой части спектра и не видят в красной, доступной человеку, не нуждаются в больших глазах.

Его полной противоположностью был сидящий рядом венессуанин. На его — нет, на этот раз на ее — хвосте...

Белджагор указал на нее сигарой.

— Это Квиллипап, мой первый помощник и связной офицер. А вы... кстати, как вас зовут?

— Дэвид Фолкейн! — Он осмелился лишь выкрикнуть свое имя. А что еще мог сделать простой фактор перед лицом мастера Лиги?

— Хорошо, садитесь. Хотите пива? Вы, земляне, легко обезбоживаетесь.

Фолкейн решил, что в конечном счете Белджагор не такой уж плохой парень.

— Спасибо, сэр.

Он опустил свое длинное угловатое тело в кресло.

Джалилец отдал в интерком какой-то приказ.

— Были какие-нибудь неприятности в пути? — спросил он.

— Нет.

— Я и не думал, что они будут. Из-за вас не стоило и беспокоиться. Но Хорн хотел, чтобы вы явились, а он, по-видимому, занимает в их флоте высокий пост. — Белджагор пожал плечами. — Не могу сказать, чтобы сам я жаждал вашего прибытия. Необлизанный детеныш! Если бы где-то поблизости находился более опытный человек, мы бы вызвали, конечно, его.

Фолкейн подавил в себе еще один приступ честолюбия.

— Сожалею, сэр. Но поскольку Лига действует в этом районе уже несколько десятилетий... я не вполне понимаю, что вы этим хотите сказать. В вашем сообщении говорилось только, что система Турмана подверглась вторжению сил краоканцев, которые потребовали от Лиги очистить весь район вблизи Бета Центавра.

— Кто-то должен предупредить штаб, — прорычал Белджагор, — а я не могу этого сделать сам. Я обязан оставаться здесь и наблюдать. Может, мне даже удастся убедить их изменить свои намерения. А ваш пост в вас не очень-то нуждается. — Он некоторое время молча курил. — Но прежде чем вы улетите, я хочу, чтобы вы постарались сделать кое-какие наблюдения. Именно поэтому я послал за помощью в Гарстанг, а не на Рокслатл. Снарфен, вероятно, в десять раз умнее вас, но вы человек, а среди анторанитов несколько человек занимают высокие посты. Подобно Хорну, который передал, что хочет увидаться с вами, после того как я упомянул о вашем происхождении. Может, вам удастся понять, что произошло, и наметить линию действий. Представители вашей отвратительной расы всегда понимают друг друга.

Фолкейн хмуро улыбнулся при последней фразе мастера.

— Антораниты... сэр?

— Захватчики называют свою базовую планету Антораном. Они ничего не сообщили о ней, кроме названия.

Фолкейн взглянул на Квиллипап.

— Нет ли у вас каких-нибудь идей насчет того, откуда они пришли?

— Нет, — сказала венессуанка в свой вокализатор. — Это не может быть мир, о котором известно, что он заселен нашей расой. Однако информация неполна...

— Не понимаю, как...

— Я объясню. За столетие до того, как наш народ и племя мастера Белджагора вышли из состояния варварства, наши великие краоканские предки...

— Да, я знаю о них.

— Не прерывайте старших по званию, детеныш, — прохрипел Белджагор. — К тому же я не уверен, что вы хорошо знаете историю. Вам не повредит послушать ее вновь, даже если вы одолели одну-две книжки. — Его нос пренебрежительно дернулся. — Вы из компании «Солнечные пряности и напитки», верно? А они здесь бывают нечасто. Тут нет для них ничего интересного. С того времени, как началась межзвездная торговля, Венесса не производит ничего, кроме наркотиков и флюоресцентных красок, непригодных для вашей формы жизни. Я же здесь не только агент «Дженерал моторс» с Джалила, но и представитель других компаний на аналогичных планетах. Поэтому я хорошо представляю себе ситуацию. Продолжайте, Квиллипап.

— Теперь вы прервали меня, — сердито заметила венессуанка.

— Когда говорю я, это не помеха, а разъяснение. Я сказал, продолжайте. Но говорите покороче. Не нужно ваших проклятых поющих хроник, слышите?

— Величие расы невозможно передать как следует без триумфальных баллад.

— Оставьте в покое величие расы.

— О, но ведь он вообще не представляет себе величие нашего прошлого.

Фолкейн заскрипел зубами. Где же, черт побери, обещанное пиво?

— Тысячи лет назад, — начала Квиллипап, — наша раса овладела тайной космических полетов и устремилась к звездам с целью колонизации иных миров. Долгим и величественным был этот поход, и легенды о героических экипажах не умолкали в веках. Например, Унги...

— Долой его, — приказал Белджагор, так как Квиллипап, по-видимому, уже собралась запеть.

Фолкейн подумал, что ее хвастовство является данью комплексу неполноценности. Дело в том, что краоканцы так никогда и не смогли открыть принципов гиперпространственного движения. Они все еще

летали на досветовых скоростях: десятилетия или столетия длились их полеты от звезды к звезде. К тому же для их жизни были пригодны сравнительно редкие звезды типа «А». Меньшие солнца, такие, как наше, были слишком холодны и тусклы, слишком бедны ультрафиолетовым излучением, которого требовала их высокоэнергетическая биохимия. Большие звезды типа Бета Центавра — класса «Ф-5» — обычно не имели планет. Поэтому краоканцам удалось найти лишь четырнадцать планетных систем, пригодных для колонизации.

— Постарайтесь представить себе достижения древних, — сказала Квиллипап. — Они не только преодолевали немыслимые звездные дали, они часто трансформировали атмосферу и экологию целого мира, чтобы сделать их пригодными для жизни. Ни одна другая раса не достигла в этом деле такого искусства.

«Конечно, не достигла, — подумал Фолкейн. — Современным космическим колонистам ни к чему заниматься планетарной инженерией. Если им не нравится планета, они улетают на поиски другой. Конечно, космонавты, двигавшиеся с досветовыми скоростями, не могли быть столь привередливыми».

Он должен был согласиться, что в краоканском прошлом было определенное величие. Люди вряд ли смогли бы столь длительное время заниматься таким грандиозным проектом: у них было больше индивидуальных интересов и меньше расовой гордости.

— Когда наступили Темные Века, — сказала Квиллипап, — мы не забыли прошлое. Но мы лишились всего и были едва способны поднять голову и взглянуть на звезды, сияющие с неба.

Согласно тому, что читал Фолкейн, это падение было постепенным, но неотвратимым. Сфера деятельности краоканцев со временем стала просто слишком обширной для таких медленных путешествий: расходы времени, энергии и ресурсов для достижения каждого следующего белого солнца невероятно возрастали. Так закончилась их космическая экспансия.

Аналогичная судьба постигла вскоре и торговлю между колониями. Перелеты стоили слишком дорого. Политехническая лига существовала не только благодаря перемещениям в гиперпространстве, но и потому, что перевозить некоторые межзвездные товары стоило дешевле, чем производить их на каждой планете. Между тем в действиях древних краоканцев отсутствовал мотив получения прибыли, хотя их экономика подчинялась тем же законам, что и хозяйства иных миров.

Поэтому краоканцы прекратили строительство космических кораблей. Со временем большинство их колоний перестали выходить в космос, прекратились межпланетные путешествия. В некоторых колониях воцарились хаос и варварство. Венесса оказалась среди наиболее удачливых: цивилизация здесь, правда, окостеневшая, но на довольно высоком технологическом уровне, сохранялась неизменной в течение более чем трехсот столетий. Потом сюда пришли турманцы. А теперь краоканцы получили сведения о своих

потерянных братьях и мечтали о возрождении космического могущества своей расы.

А эти мечты требовали денег. Космический корабль стоит недешево, а Лига — не благотворительная организация. Пусть венессуанцы покажут себя достаточно кредитоспособными, и тогда космические постоянные дворы на любой планете Галактики будут выполнять их желания. Но не раньше.

Дэвид оторвался от своих мыслей, заметив, что Квиллипап говорит о чем-то действительно важном.

— ...Ни в хрониках, ни в традиционных преданиях не упоминается мир, который может быть отождествлен с Антораном. Фонетический анализ, а также те тайные записи и наблюдения, что мы сумели сделать, свидетельствуют, что эта планета была, очевидно, заселена с Дзуа. Но Дзуа оказалась одной из первых планет, где цивилизация пришла в упадок; и не сохранилось никаких записей о колонизации, совершавшейся с нее. Возможно, что Анторан — пятнадцатая колония, забытая нами и никогда нигде не упоминавшаяся.

— Вы уверены? — вмешался Фолкейн. — Я хочу сказать, не может ли одна из известных краоканских планет иметь...

— Определенно нет, — сказал Белджагор. — Я был на всех этих планетах и знаю все их возможности. Такой флот — а меня специально взяли в космос и показали, какой большой у них флот и что он может сделать, — так вот, флот не может быть создан без мощной промышленности, а такую индустрию невозможно спрятать от внимательного наблюдателя.

— Захватчики... что они говорят?

— Я уже сообщал вам: ни единого слова, которое могло бы послужить нам ключом. Они не принадлежат к вашей болтливой расе. У краоканцев слишком силен инстинкт племенной верности, чтобы нарушать правила безопасности.

— Но они должны, по крайней мере, объяснить причины своего появления здесь.

— Ах, это? Да. Они чертовски жаждут вернуть старые времена, возродить свою империю. И они хотели бы выкинуть Лигу из этого района, так как, по их словам, мы являемся бандой господ, эксплуататоров, взяточников, нарушителей чистых традиций прошлого и, я не знаю, чего там еще.

Фолкейн украдкой бросил взгляд на Квиллипап. Он не мог разобрать выражения ее лица, но спинной гребень — приспособление, охлаждающее тело, — был вздыблен, а хвост метался и свистел, рассекая воздух. Венесса не оказала захватчикам сопротивления. Вероятно, Квиллипап ничуть не будет сожалеть, если ее теперешних нанимателей вышвырнут вон.

Дэвид осторожно сказал:

— Что ж, сэр, по-своему они поступают справедливо, не так ли? Это их дом, а не наш. Мы не сделали для краоканцев ничего такого,

из чего нельзя было бы извлечь прибыль. И если они захотят иметь дело с нами, они должны будут изменить свои древние традиции...

— Ваш идеализм проник в мое нутро, но не хочу говорить, в какую именно часть тела, — фыркнул Белджагор. — С какой стати Лига должна терять огромные деньги? Все ее имущество в этом районе будет конфисковано, вы слышали об этом? Они не разрешат нам торговать и с более холодными планетами. И не думаю, чтобы они на этом остановились. Но чего хотят те люди, что находятся в их флоте?

— Да, — признался Фолкейн. Трудно было отрицать, что его раса — самая хищная во Вселенной. — В вашем послании упоминается некто по имени Ут Хорн. Звучит неплохо, напоминает дикий Запад, ковбоев и бандитов.

— Я известил его, что вы уже здесь, — сказал Белджагор. — Он хочет поговорить с представителем Лиги, принадлежащим к его расе. Поэтому мы и послали за вами. Надеюсь, вы сумеете из него что-нибудь выжать.

Вошел слуга-робот с бутылками.

— Вот и пиво, — объявил Белджагор.

Робот открыл две бутылки. Квиллипап отказалась пить. Ее мышцы были напряжены, а хвост хлестал по ногам.

— За ваше здоровье, — не очень искренне сказал Белджагор и выпил с пол-литра.

Дэвид высвободил рот из-под маски и сделал то же самое. Потом выплюнул жидкость назад, закашлялся, задыхаясь и борясь с тошнотой.

— Что? — уставился на него Белджагор. — И какого дьявола?.. А, понятно. Я забыл, что ваше племя не усваивает джалильский протеин. — Он хлопнул себя по бедрам. — Ха, ха, ха!

3

Людей можно встретить в любой точке Галактики, и поэтому все торговые посты Лиги имеют помещения, специально приспособленные для них. Фолкейн опасался, что анторанский офицер, пожелавший встретиться с ним, займет это помещение, и ему придется остаться в тесном спидстере. Но, к счастью, оказалось, что анторане предпочитают свои космические корабли. Возможно, они опасались ловушки. Зато он теперь мог один хозяйничать в целой анфиладе комнат.

Его фон зазвенел, когда девятнадцатичасовой день Венессы уже подходил к концу. С экрана на Дэвида глядел человек в зеленом мундире. У него было жесткое лицо с большими усами, причем настолько загорелое, что Фолкейн вначале принял его за африканца.

— Вы прилетели с другой станции Политехнической лиги? — спросил он. Голос его звучал холодно, с гортанным акцентом.

— Да. Дэвид Фолкейн. А вы командер Хорн?

— Нет, капитан Бленк, начальник службы безопасности. Поскольку командер Хорн будет беседовать с вами, я вынужден принять меры предосторожности.

— Но я не знаю, что мы будем обсуждать.

Бленк улыбнулся. Казалось, улыбка причиняла ему боль.

— Ничего определенного, фримен Фолкейн. Мы хотим, чтобы вы кое-что передали руководству Лиги и кое-что в чем убедили своих начальников. Иными словами, будет выгодно обеим сторонам, если вы получите определенные личные впечатления, к которым не будут примешиваться восприятия представителей других рас. Придется или не придется сражаться Анторану, но мы войны не хотим. Командер Хорн надеется убедить вас, что мы не чудовища. Мы надеемся, что вы, в свою очередь, убедите в этом ваше начальство.

— М... м... м... ладно. Где и когда мы встретимся?

— Думаю, лучше в вашем помещении. И мы уверены, что вы не будете настолько глупы, чтобы пытаться как-то сорвать переговоры.

— С военным флотом, висящим над моей головой? Не беспокойтесь! — сказал Дэвид. — Как насчет обеда? Я проверил запасы: они лучше, чем на любом космическом корабле.

Бленк согласился подождать, установил время встречи через час и откланялся. Дэвид дал задание кухонным роботам. Тот факт, что он будет обедать с врагом, вовсе не означает, что обед должен быть плохим. Конечно, космический ковбой, этот Ут Хорн, не отличит икры от крупной дробы, но Дэвид готов был посмаковать за двоих.

Переодеваясь в официальный мундир с золотыми нашивками, он систематизировал свои наблюдения. По-видимому, во флоте захватчиков не очень много людей, но все они занимают ключевые посты. Несомненно, это именно они научили анторанитов строить боевые корабли, они были стратегами и тактиками всех операций. Хорн согласился прийти сюда, потому что человек, попав на борт космического корабля, может увидеть очень многое — замстить те детали, которые ускользнули от Белджагора во время его визита к ним. Но Фолкейн постарается выкачать из них все, что можно.

Приземлился тендер, прибывший от патрулирующей на орбите флотилии. Когда пыль осела, Дэвид с трудом разглядел единственного человека, шагавшего к зданию в сопровождении четырех охранников-крааканцев. Они заняли все посты у входа.

Проходили минуты, пока гость ждал в шлюзе замсны азота обычным кислородом, а затем Фолкейн раскрыл внутреннюю дверь. Анторанит медленно снял лицевую маску. Дэвид пошатнулся.

— Что-о? — выдохнул он. Она была не старше его самого. Мундир облегал фигуру, которая очаровала бы его, даже если бы он и не вел уже несколько месяцев холостяцкую жизнь. Иссиня-черные волосы мягко падали на плечи, обрамляя ее лицо с карими глазами, вздернутым носиком, самым прекрасным ртом, какой только...

— Но... — проговорил он.

В ее устах акцент Бленка звучал музыкой.

— Фримен Фолкейн? Я командер Хорн.

— Ут Хорн?

— Да, точнее, Ута Хорн с Неугейма. Вы удивлены?

Дэвид ошеломленно кивнул.

— Видите ли, население Неугейма настолько малочисленно, что всякий, кто может, обязан помогать ближним и общему делу. К тому же именно мой отец отыскал всеми забытую планету и затеял этот крестовый поход. Краоканцы с их почтением к предкам уважают меня в память об отце; более того, они привыкли, чтобы господствующее положение занимали женщины. Поэтому я, несомненно, необходима: всякий приказ, который я отдаю, исполняется без колебаний. Вы должны были и раньше встречать женщин-космонавтов.

— А, так вот что...

«Диктуя свое письмо ко мне, Белджагор использовал мужской род, — подумал Дэвид. — Либо он лично не встречался с нею, либо настолько презирает людей, что не побеспокоился указать ее пол».

Фолкейн взял себя в руки, улыбнулся и отвесил самый изысканный поклон.

— Хотел бы я, чтобы меня почаще так приятно удивляли, — замурлыкал он. — Добро пожаловать, командер. Садитесь. Что будете пить?

Она с сомнением посмотрела на него.

— Не уверена, что вообще буду.

— Оставьте. Обед без аперитива все равно что... гм... день без солнечного света. — Он хотел сказать «постель без девушки», но это было бы слишком поспешно и вольно.

— Ах, я совсем незнакома с этим обычаем.

— У вас еще есть время познакомиться, — сказал Фолкейн и приказал ближайшему роботу принести все необходимое. Для себя он выбрал martini, но если ее небо не привыкло к крепким напиткам, ей следует выпить что-нибудь послабее.

Ута сидела выпрямившись. Он заметил, что ее коммуникатор у пояса был включен: несомненно, поддерживается связь с охранниками у входа. Услышав что-нибудь подозрительное, они ворвутся сюда. Однако вряд ли они смогут понять все тонкости плана, который лихорадочно обдумывал сейчас Дэвид.

Он тоже сел. Она отказалась от предложенной сигареты.

— Видно, что цивилизация вас не развратила, — улыбнулся Дэвид.

— Да, — невозмутимо согласилась девушка. — Я родилась и выросла на Неугейме. Если не считать этого путешествия, я покидала пределы нашей системы только в тренировочных полетах к ближайшим населенным планетам.

— Что такое Неугейм?

— Наша планета. Часть Анторанской системы.

— Что? Вы хотите сказать, что Анторан — это звезда?

Ута Хорн прикусила губу.

— Я не думала, что вы этого не знаете.

Несмотря на ее близость, а может, благодаря этой близости, мозг Фолкейна напряженно работал. «Ага! — подумал он. — Это кое-что говорит мне. Мы считали, что антораниты прилетели с одной планеты, а их союзники — люди — просто авантюристы. Землян не называют солярианами. Но земляне и марсиане действуют сообща. Следовательно, вокруг Анторана вращается не одна населенная планета».

— Значит, ваша планета Неугейм. А сколько планет населено краоканцами?

— Это не важно! — отрезала она.

Он махнул рукой.

— Мне очень жаль, если я встревожил вас. Вот наши коктейли. Выпьем, чтобы лучше понимать друг друга.

Она отпила, сначала осторожно, потом с откровенным одобрением.

— Вы настроены дружелюбнее, чем я ожидала, — сказала она.

— Как я могу иначе относиться к вам?

Она покраснела от смущения и взмахнула ресницами, но, очевидно, не кокетничала. Он стал осторожнее: никогда не следует смущать свою жертву.

— Мы обсудим наши противоречия как цивилизованные люди и постараемся найти компромисс. Вы согласны?

— А вы имеете право подписать соглашение?

Ута не бывала в цивилизованном мире, но неплохо знала его законы.

— Нет, — сказал Фолкейн. — Но как очевидец, как человек, оказавшийся в центре событий, я вправе давать рекомендации, которые могут иметь определенный вес.

— Вы слишком молоды, чтобы иметь какое-нибудь влияние, — пробормотала она.

— О, да, — скромно согласился Дэвид, — но не совсем так. Я немного поблуждал по Галактике, кое-что видел и кое-чего добился. Но поговорим-ка лучше о вас.

Она решила, что местоимение произнесено во множественном числе, и прочла нечто вроде лекции.

У Анторана действительно были планеты, колонизированные краоканцами с Дзуа. Хотя колонисты были вынуждены отказаться от межзвездных полетов, они все же продолжали поддерживать торговлю между планетами в течение тысячелетий и сохранили более высокий технологический уровень, чем на Венессе.

Около сорока лет назад Роберта Хорна с Новой Германии преследовал крейсер Лиги. Хорн предпринял хитрый маневр, чтобы сбить преследователей с толку, и пролетел так близко от Анторана, что уловил идущее от него радиоизлучение. Позднее он вернулся для исследований и обнаружил планеты.

— Да, он был объявлен вне закона, — вызывающе сказала Ута. — Он был вождем восстания землевладельцев... и таким вождем, которого впоследствии не осмелились амнистировать.

Фолкейн смутно помнил кое-что об этом. Что-то связанное с тайным заговором жителей Новой Германии, потомков первопоселенцев, которые хотели вернуть власть, отобранную у них после введения конституции. Да и Лига была вовлечена в эту историю: республиканское правительство предлагало ей более выгодные торговые условия, чем в свое время землевладельцы. Неудивительно, что девушка обвиняет Лигу во всевозможных грязных делах.

Он улыбнулся и вновь наполнил ее стакан.

— Я симпатизировал ему, — сказал он. — Видите ли, я — с Гермеса. Аристократия — моя любимая общественная система.

Глаза ее расширились.

— Вы благородного происхождения?

— Младший сын барона, — скромно сказал Фолкейн. Он не стал добавлять, что был отправлен для обучения на Землю, поскольку вел себя не совсем так, как подобает аристократу. — Вы заинтриговали меня. Продолжайте.

— В систему Анторана входит одна планета, которую краоканцы приспособили для жизни, однако для них она слишком далеко расположена от солнца и чересчур холодна. Но для людей она подходит. Это и есть мой мир, Неугейм.

«Гм, — подумал Фолкейн. — Это означает наличие, по крайней мере, еще одной планеты, подходящей по своим условиям для краоканцев: такой большой военный флот, который, как поклялся Белджагор, они ему продемонстрировали, не мог быть построен на скорую руку без достаточных ресурсов и населения. А это, в свою очередь, означает наличие большой звезды с широкой биотермальной зоной. Что абсурдно! Каждая звезда типа „Ф“ в этом районе посещалась кораблями Лиги; то же самое относится и к звездам типа „Ж“; и у них определенно не было обнаружено таких систем, как...»

— Мой отец тайно вернулся на Новую Германию, — сказала Ута Хорн. — Собрал добровольцев. В благодарность за помощь они получили от краоканцев планету Неугейм.

«Я совершенно уверен, что они в первую очередь мечтали о завоеваниях, — думал Дэвид. — Да, я могу догадаться, откуда у краоканцев появилась идея возрождения фатерлянда. А если к этой идее добавить антилиговую пропаганду, то, естественно, возникает мысль о том, чтобы напасть первыми».

— Немецкие инженеры научили анторанитов строить корабли для полетов в гиперпространстве, — сказал он, — немецкие офицеры тренировали их экипажи, а немецкие тайные агенты собирали сведения о событиях за пределами системы. Черт побери, вы, должно быть, были очень заняты?

Она кивнула. Две порции напитка слегка изменили ее голос.

— Правда. Все второстепенно по сравнению с Крестовым походом. После него мы сможем и отдохнуть.

— А почему не сейчас? — спросил Дэвид. — Зачем бороться с Лигой? Мы не возражаем против межзвездной экспансии краоканцев и ничего не имеем против любого социального строя, который вы установите на Неугейме.

После всех вмешательств Лиги в прошлом?

— Ну, конечно, мы кое-что предпринимаем, когда затрагиваются наши интересы. Но, Ута, — он решил установить более фамильярные отношения, — Политехническая лига — не государство, и не правительство... Это всего лишь основанное на взаимной выгоде объединение межзвездных торговцев, которые друг к другу относятся гораздо подозрительнее, чем к кому-либо вне Лиги.

— Основа торговли — власть, — сказала она в ответ, цитируя Клаузевица. — Когда мы с нашими союзниками обезопасим этот район, возможно, тогда мы вновь позволим вам действовать в нем... на определенных условиях. Иначе вы легко сумеете навязать нам свою волю, если окажется, что наши интересы не совпадают...

— Лига не позволит этого, — предупредил он.

— Я думаю, Лиге лучше смириться, — возразила она. — Мы уже здесь, в этом районе, мы контролируем все линии коммуникаций. И в любом месте можем ударить из Кóсмоса... Военный флот Лиги вынужден будет преодолеть много парсеков. Он обнаружит только, что его базы разрушены. А вот где наш дом, по-прежнему не будет известно!

Фолкейн торопливо пошел на попятную, он совсем не хотел разжигать ее гнев.

— У вас, несомненно, подавляющее преимущество, — сказал он. — Лига, конечно, сможет выставить гораздо больше силы, чем у вас, — вы, надеюсь, понимаете это, — но Лига может и решить, что цена победы будет слишком высокой и расходы превысят возможную прибыль.

— Так рассчитывал и мой отец перед своей смертью. Торговцы, живущие только ради денег, могут смириться. Люди благородного происхождения иные — они живут ради идеи, а не ради денег.

«Хотел бы я, — подумал Фолкейн, — чтобы ты высунула свой хорошенкий носик из своего маленького королевства и посмотрела бы, как вынуждены трудиться аристократы», — но вслух сказал:

— Что ж, Ута, я с вами согласен. Вспомните, я ведь не только торговец, но и дворянин. Однако психология человека не так проста. Пэр может стать политиком со всем тем, что из этого следует. А торговец — оказаться идеалистом.

— Что? — Она изумленно взглянула на него. — Как это?

— Неужели вы думаете, что мы работаем только ради денег? Если бы это было нашей единственной целью, мы бы сидели у себя дома, в безопасности. Нет, нас влекут приключения, новые

горизонты, борьба жизни с неодоушевленной природой — самой Вселенной, величайшим противником всех нас.

Она нахмурилась, потом смягчилась.

— Я не совсем вас понимаю.

— Разрешите, я приведу несколько примеров.

4

Обед был сервирован в башенке на крыше, откуда было видно все вокруг. Ночью Венесса была прекрасна. На небе сияли две луны, маленькие и быстрые, превращавшие планету в фантазию из тусклого серебра и движущихся теней. Озеро сверкало, туземный город был похож на огромный цветок. Небо над головой было усеяно звездами, среди которых королевским бриллиантом выделялась Бета Центавра, ее сияние соперничало со светом лун.

Светлые блики скользили по загорелым щекам Уты Хорн, из проигрывателя мягко лилась Седьмая симфония Бетховена, в бокалах с шампанским плясали пузырьки. Обед неторопливо продвигался от закуски и консьоме к рыбе, мясу, салату, а затем к сыру. Фолкейн непрерывно подливал вино. Они не пьянели — Ута, увь, была начеку, но оба испытывали приятную легкость.

— Расскажите мне что-нибудь, — попросила она. — У вас удивительная жизнь, Дэвид. Как у героя древних саг — но ведь все это происходит сейчас, а значит, вдвойне интересно.

— Дайте подумать, — сказал он, вновь наполняя ее бокал. — Может, рассказать вам о том, как я разбился на бродячей планете?

— Что это?

— Свободная планета, без звезды. Их много блуждает в космосе. Чем меньше масса, тем легче ей было освободиться, когда формировалась Галактика. Они обычно образуют группы..., но, если быть честным, то обычно их и не встречаешь — космос слишком велик, а они малы и темны. Но по случайному совпадению на пути от Тау Кита к семидесятой Змееносца я...

На самом деле приключение произошло с кем-то другим. То же самое можно было сказать о большинстве остальных историй, рассказанных затем Фолкейном. Но он не видел причины, почему бы не рассказать хороший анекдот.

Он говорил, а она, ничего не подозревая, продолжала прихлебывать шампанское.

— ...и наконец я восстановил воздух, разогрев и очистив замерзший газ. И с радостью покинул эту планету!

— Я думаю, — она вздрогнула, — космос страшен. Прекрасен, но и страшен. Мне больше нравятся планеты, — она посмотрела по сторонам. — Здесь не такая ночь, как у нас дома. Не знаю, что мне больше нравится и где лучше: на Неугейме или на Венессе. После

наступления темноты, конечно, — добавила она со смехом, напоминающим рыдание. — Краоканские миры невыносимы днем.

— Неужели все? Ведь у вас по соседству их три!

— Пять, — поправила она. Потом поднесла ко рту руку. — Мой Бог! Я не должна была этого говорить!

Он усмехнулся, хотя внутренне весь дрожал от возбуждения. Черт возьми! Пять планет... шесть, включая Неугейм, в температурной зоне, где вода остается жидкостью... вокруг одной звезды!

— Не имеет значения, — сказал он, — поскольку вы, очевидно, нашли способ сделать свою планету невидимой. Я хотел бы побольше узнать о вас, но не смогу, если вы не расскажете мне о своем доме. — Он перегнулся через стол и взял ее за руку. — Все, что наполняет ваши сны, ваши мечты, и то, что делает вас такой очаровательной, если позволите так выразиться... Неугейм должен быть раем.

— Нет, это тяжелый для людей мир, — честно ответила она. — Уже после моего рождения мы вынуждены были перемещать свои поселки к полюсам, так как планета приблизилась к солнцу. Даже у краоканцев по этой же причине случаются неприятности. — Она высвободила руку. — Но я не должна об этом говорить.

— Хорошо, поговорим о чем-нибудь нейтральном, — сказал он. — Вы рассказывали, что ночи здесь не такие, как у вас дома. Почему?

— О... другие созвездия, конечно. Отличия не очень велики, но заметны. К тому же из-за постоянных зорь мы никогда не видим звезд так ясно, как здесь. Я не должна больше говорить! Вы слишком наблюдательны, Дэви. Расскажите-ка мне о своем Гермесе. — Она неотразимо улыбнулась. — Я тоже хотела бы проникнуть в ваши сны.

Дэвид охотно рассказал о горах, диких пустынях, равнинах, усеянных стадами рогатых животных, серфинге и приборе...

— Что это значит, Дэви?

— Это купание в приборе, на гребне волны. Вы не знаете, как катят волны во время прилива и отлива? — Он решил развеять ее недоверие шуткой. — А теперь, моя бедная невежда, вы снова выдали себя. На вашем Неугейме нет приливов.

— Ну и что? — сказала она. — Да, у нас нет луны. Океаны похожи на огромные спокойные озера.

— А разве солнце?.. — Он оборвал себя.

— Очень далеко, крошечная огненная точка, я здесь никак не могу привыкнуть к солнечному диску. — Внезапно Ута опустила свой бокал. — Послушайте, хотя вы молоды и очень милы, но хитры, как Сатана. — Она встала. — Я лучше пойду. Я допустила ошибку, придя сюда.

— Что? — Он вскочил на ноги. — Но ведь вечер только начался. Я надеялся, что мы отправимся в гостиную и немного послушаем музыку.

— Нет. — Странение и решимость отразились на ее лице. — Я слишком расслабилась. Я перестала следить за своим языком.

Передайте Лиге наши слова. Прежде чем она выступит против нас, мы завладеем всеми краоканскими солнцами. Но если Лига поведет себя благоразумно, что ж, тогда мы будем готовы обсудить условия торговли. — Ута опустила глаза и покраснела. — Мне будет приятно, если вы вернетесь.

— Черт бы побрал политику! — простонал Дэвид. Он тщетно пытался убедить ее изменить свое решение и, в конце концов, проводил до двери. Тут он поцеловал ей руку... и, прежде чем он смог продолжить так успешно начатое дело, она прошептала «спокойной ночи!» и выскользнула.

Он налил себе крепкого виски, закурил трубку и бросился в кресло.

«Крысы! — размышлял он. — Гигантские мутировавшие крысы! Она осталась бы тут до утра, если бы я не начал выуживать у нее информацию.

Ладно, в конце концов, в штабе достаточно девушек. Да и я, вероятно, еще вернусь сюда...

...Как помощник фактора, как простой наемник, в то время как Ута будет на самой вершине в межзвездной имперской иерархии. Она не станет презирать меня за это, но будет ли у нас шанс увидеться снова?»

Он затянулся и хмуро уставился на гравюру Хокусаё — портрет старика, висевший на противоположной стене. Старик улыбался ему, и Дэвиду захотелось щелкнуть его по носу.

Фолкейн понимал, что план неугеймцев грозит Лиге гораздо большим, нежели потерей торговыми принципами нескольких миллиардов. Допустим, этот план удастся. Допустим, что могущественная Политехническая лига будет побеждена и возникнет Краоканская империя. Краоканцы могут не захотеть оставаться в своем секторе Галактики и налаживать мирные взаимоотношения со своими соседями. Хотя до сих пор они не представляли прямой угрозы для человеческой расы: наши условия существования им не подходят.

Но вот неугеймцы — не зря ведь они говорят о себе как о крестоносцах. Стоит вспомнить историю человечества и представить, какой эффект произведет этот успех на банду, движимую идеями милитаризма. О, процесс будет медленным, но, в конце концов, они увеличат свою численность, усилят индустриальную базу и возьмут под контроль все пригодные для жизни человека планеты по соседству. И, очевидно, жажда власти и славы, ненависть к торговцам и стремление следовать по пути отцов — все это приведет к войне.

Сейчас их можно уничтожить. Хорошая и крепкая взбучка дискредитирует землевладельцев; мир, меркантилизм и объединение с другими, или просто конкурентная борьба, могут стать модными на Неугейме, а помощник фактора, сыгравший в этом такую значительную роль, вполне может рассчитывать на звание мастера.

Тогда как простой гонец с плохими новостями...

— Отлично! — пробормотал Фолкейн. — Первый шаг в начинающейся борьбе — обнаружение их чертовой планетной системы.

Они не могут рассчитывать навсегда сохранить в тайне местонахождение своих баз. Это возможно лишь до тех пор, пока они не захватят весь район. Однако, оставаясь скрытыми, их планеты тем самым надежно защищены от нападения. Краоканцы могут ограничиться чисто наступательными операциями, что даст им преимущества, намного увеличивая их действительные силы.

Тем не менее, если Лига решит бороться, она, несомненно, победит. В этом нет сомнений. Таким образом, тайна должна быть раскрыта тем или иным путем. А затем — ядерная бомбардировка из космоса... Нет!

Землевладельцы рассчитывают на то, что Лига, прежде чем начать дорогостоящую войну за добычу, которая в ходе этой войны может оказаться уничтоженной, вначале подсчитает возможные доходы и расходы и, скорее всего, откажется от босвых действий. Пока местонахождение Анторана неизвестно, эта игра кажется его обитателям выигрышной. Но независимо от того, на какие выгоды они рассчитывают, лишь безумные фанатики могут делать свой мир ставкой в игре. Бедная Ута! В какой глупейшей и дикой компании она выросла. Как бы ему хотелось познакомить ее с приличными людьми.

Хорошо, но где же эта дурацкая звезда?

Где-то не очень далеко отсюда. Ута ничего не выдала, сказав, что рисунок созвездий изменился ненамного. Древние краоканцы не могли преодолевать большие межзвездные расстояния, следовательно, их база должна быть где-то в этом районе, что позволяет флоту контролировать в данный момент все внешние коммуникации.

Анторан должен быть большой и яркой звездой, стоявшей в главном классификационном ряду не ниже, допустим, «Ж — О». Однако... Любая возможная звезда исключалась в соответствии с той информацией, которой располагает Лига.

Но, может... погоди минутку... может, она скрыта густой туманностью?

Нет. Было бы слышно радиоизлучение. И Ута говорила, что у них дома видны звезды.

Заря? Гм... Она упоминала о необходимости переселяться к полюсам, когда ее планета подходит слишком близко к солнцу. Это означает, что их поселки сначала были гораздо ближе к экватору. И даже там зори были хорошо видны: в любом направлении, сказала она. Это опять же означает высокоэнергетическую звезду.

Эксцентрическая орбита? Невероятно! Более одной планеты у такой звезды — неслыханно! Можно подумать, что...

Фолкейн выпрямился. Трубка выпала у него изо рта.

— Черт возьми! — пробормотал он.

Он начал торопливо рассчитывать. И опомнился только тогда, когда угольки из трубки чуть не прожгли ему брюки.

Дверь в контору и резиденцию Белджагора не успела полностью открыться, как Фолкейн проскочил в нее. Но, войдя в вестибюль, он вынужден был остановиться. В маленькой комнате, выходящей в вестибюль, разговаривали два краеканца. Один был вооружен и имел нарукавную повязку, он был из числа захватчиков. Другой была Квиллипап. Увидев его, они замолчали.

— Приветствую вас, — сказала Квиллипап. — Что привело вас сюда?

— Мне необходимо видеть вашего хозяина.

— Он спит.

— Очень жаль. — Фолкейн двинулся внутрь помещения.

— Стойте, — крикнула Квиллипап. — Говорю вам, он спит.

— А я говорю вам, что мне очень жаль, но его придется разбудить.

Квиллипап преградила Дэвиду путь, ее спинной гребень поднялся. Анторанит подошел ближе, положив руку на рукоять бластера.

— Что у вас такое срочное? — медленно спросила Квиллипап.

— Очень важное дело, но вам я не могу его изложить.

Под ледяным белым искусственным светом повисло молчание. Фолкейн отчетливо слышал в ушах ток своей крови. Тело его напряглось. Он чувствовал себя беззащитным. Но вот Квиллипап, ни слова не говоря, отвернулась и увела своего собеседника. Фолкейн подождал, пока успокоится дыхание, и продолжил путь.

Ему не говорили, где в здании находятся жилые комнаты фактора, но расположение помещений было стандартным. Дверь, ведущая в комнаты фактора, была закрыта. Он постучал, но никто не ответил. Он постучал вновь.

Очевидно, в спальне имелся экран, потому что послышался хриплый голос:

— Эй, вы! Не воображайте, что я встану ради какого-то зловонного человека!

— Но это очень важно! — сказал Дэвид.

— Важно, чтобы вы свалились с ближайшей скалы. Желаю вам дурной ночи. — И громкоговоритель, щелкнув, умолк.

«Наречие „важно“ не сработало», — решил Дэвид. Он заколотил в дверь сильнее.

— Прекратите это безобразие! — крикнул Белджагор.

— Конечно, прекращу, когда вы меня впустите, — ответил Фолкейн.

Бум! Насвистывая «Голубой Дунай», он вновь принялся стучать.

Дверь распахнулась. Из комнаты выскочил Белджагор. Фолкейн с интересом отметил, что фактор спит в ярко-красной пижаме.

— Вы наглый щенок! — вскричал фактор. — Убирайтесь вон отсюда!

— Да, сэр, — сказал Дэвид. — И вы тоже.

— Что?

— Я должен показать вам кое-что в моем спидстере.

Глаза Белджагора покраснели. Щупальца выпрямились. Он глотал воздух, пока его маленькое тело не стало круглым. Казалось, оно готово взорваться.

— Пожалуйста, сэр, — попросил Дэвид. — Вы должны идти. Это крайне важно.

Белджагор выругался и взмахнул кулаком.

Фолкейн уклонился от удара, схватил мастера-торговца за воротник, второй рукой — за штанину и понес его, пинающегося и кричащего, по коридору.

— Я говорил вам, что придется идти, — терпеливо объяснял помощник фактора.

Оба краканца из вестибюля уже ушли, а те, что стояли у входа, не пытались вмешаться. Возможно, за их внешне невозмутимыми лицами скрывалось наслаждение необыкновенным зрелищем. Прилетев, Фолкейн не стал убирать трап своего спидстера, но люк закрыл. Сейчас, опознав хозяина, люк раскрывался перед ним. Он внес Белджагора внутрь, усадил его и подождал, когда шторм стихнет.

Джалилец, наконец, замолчал и уставился на него. Его морда слегка дергалась.

— Хорошо, — вздохнул Фолкейн. — Вы не хотите принять мои извинения. Вы отомстите мне. Вы свяжете меня моими собственными кишками. Что еще?

— Полагаю, у вас имеется объяснение, — сказал Белджагор голосом, похожим на скрип ногтя по стеклу.

— Да, сэр. Дело не может ждать. А я не решаюсь говорить о нем в другом месте. Кроме того, у вашей уважаемой Квиллипап слишком дружеские отношения с самозванными освободителями. В ваших помещениях ей легко нас подслушать.

Озон, проникший вместе с ними в спидстер, — сейчас его должно было быть меньше, чем днем, — наконец заменился кислородом. Фолкейн стянул маску. Белджагор бормотал что-то о земной атмосфере, которая годится лишь на то, чтобы разрывать легкие. Тем не менее фактор успокоился поразительно быстро.

— Говорите, детеныш, — приказал он.

— Видите ли, — сказал Фолкейн, — я знаю, где находится Анторан.

— Что? — Белджагор на несколько сантиметров подпрыгнул в своем кресле.

— Они никогда не отпустят меня, если обнаружат, что я знаю это, — продолжал Дэвид. Он уперся в переборку. Взгляд его скользил по иллюминаторам. Обе луны сели, и только Бета Центавра царила в небе. — Поэтому вам придется лететь со мной.

— Что? Невозможно! Если вы думаете, что я оставляю собственность «Дженерал Моторс» банде пиратов...

— Они, несомненно, сами вышвырнут вас при любом исходе переговоров, — перебил его Фолкейн. — Согласитесь с этим. Вам, конечно, не нравится капитуляция, но придется взять быка за рога и посмотреть правде в глаза.

— Вы знаете, где Анторан? Вы всерьез восприняли то, что Хорн сказала вам в шутку?

— Нет, сэр, она не собиралась давать мне какую-либо информацию. Она сообщила только то, что выросла в изолированном спартанском обществе. Она не сумела прибрать меня к рукам, — Дэвид улыбнулся. — Конечно, не в буквальном смысле, а в переносном. Ее коллеги не рассчитывали на эффект, производимый алкоголем и дружеской беседой. Я думаю, они вообще не привыкли к подобным вещам. Может, они полагали, что меня очарует эта девушка, что я буду только таращить глаза и слушать, что она скажет. Мне кажется, что у них слишком романтические взгляды на жизнь. Чертовски опасные, но романтические.

— Ну? Ну? Что сказала Хорн?

— Немного. Анторан не планета, а звезда. Но лишь одна звезда в этом районе может удовлетворять всем известным мне данным. — Фолкейн дал Белджагору что-то пробормотать, потом указал на небо и сказал:

— Это Бета Центавра.

Фактор взорвался. Он бегал по каюте, размахивая руками и неистовствуя. Фолкейн запоминал отборнейшие эпитеты, чтобы потом самому воспользоваться ими.

Наконец Белджагор настолько успокоился, что смог остановиться, поднять палец и сказать:

— Вы невероятный глупец. К вашему сведению, Бета принадлежит к голубым гигантам типа «В». Задолго до наших космических полетов люди знали, что гигантские звезды не могут иметь планет. Этому препятствует угловой момент в соединении с огромной массой звезды. После того как был открыт полет в гиперпространстве, экспедиции к гигантским звездам и прямые наблюдения подтвердили это. Даже если предположить, что у такой звезды появятся планеты, они навсегда останутся необитаемыми. Гигантские звезды сжигают водород так быстро, что их существование ограничено миллионами лет. Миллионами, вы слышите, а не миллиардами! Бета Центавра не может быть старше десяти миллионов лет. Больше половины ее стабильной жизни позади. Она взорвется как сверхновая и превратится в белого карлика. Даже если у нее имеются планеты, на них не успеет развиваться жизнь! А их, я повторяю, там нет и не может быть. Причины, по которым у меньшей звезды появляются планеты, вполне понятны. Большая протозвезда, конденсирующаяся из межзвездного вещества, окружена слишком мощным гравитационным полем для вторичного образования планет.

Я считал, что даже люди, закончившие только начальную школу,

знают это. Я ошибался. Теперь вы знаете. — Голос его поднялся до крика. — И ради этого вы вытащили меня из постели?

Фолкейн заблокировал выход из каюты.

— Но я знаю! — сказал он. — Антораниты всю свою стратегию построили на этом нашем предубеждении. Они рассчитывают, что к тому времени, когда мы обнаружим, что Бета Центавра является исключением, они уже овладеют всем районом.

Белджагор вновь опустился в пилотское кресло, скрестил руки и сказал.

— Ну что ж, продолжайте ваш фарс.

— Вот факты, — сказал Дэвид. Он загибал пальцы. — Первое: анторанская система колонизирована краоканцами, которые не могут селиться на планетах холодных звезд, подобных Солнцу. Второе: у Анторана шесть планет в зоне, где вода остается жидкостью. Вне зависимости от того, где пролегают их орбиты, зона эта должна быть очень широкой, а это, в свою очередь, снова приводит нас к гигантской звезде с большой светимостью. Третье: внешняя из этих шести планет слишком холодна и бедна радиацией для краоканцев, но зато вполне пригодна для людей. Но на ней наблюдаются яркие зори даже в умеренных широтах. А для этого необходимо солнце, выбрасывающее частицы с чрезвычайно высокой энергией, — это тоже может делать только гигантская звезда.

Четвертое: населенная людьми планета, Неугейм, находится очень далеко от звезды. Доказательством этого являются следующие три не связанных между собой факта: а) с Неугейма солнце не имеет видимого диска; б) в океанах Неугейма нет солнечных приливов; в) год длится очень долго, думаю, не меньше двух земных столетий. Я знаю об этом, так как Ута проговорила, что ее народ вынужден был переселяться к полюсам. Эксцентриситет планетной орбиты привел к тому, что умеренные широты стали слишком жаркими; может, к тому же слишком много ультрафиолетовых лучей пробило озоновый слой, доведя количество озона на поверхности до опасной концентрации, как, например, здесь. Однако первые поселения колонистов были организованы не менее чем сорок лет назад. Иными словами, радиус орбиты Неугейма изменяется так медленно, что колонисты все-таки селились на юге, зная, что потом эти поселки придется оставить. Думаю, они сделали это, чтобы разрабатывать залежи полезных ископаемых.

Ладно. Несмотря на огромное удаление от солнца, Неугейм обитаем, а у его жителей очень глубокий загар. Какая звезда может поддерживать закон обратной пропорциональности квадрату расстояния в такой широкой шкале? Только голубой гигант! А Бета Центавра — единственный голубой гигант в нашем районе.

Он замолчал, охрипнув и мечтая о глотке пива. Белджагор восседал как идол, если только можно представить себе, что кому-то понадобится такой идол. Проходили минуты. Над ними просвистела

космическая шлюпка — вражеский посланник с неизвестным поручением.

Наконец голосом, лишенным какого-либо выражения, Белджагор спросил:

— Но как у нее могли появиться планеты?

— Я думал над этим, — ответил Фолкейн. — Случайность, может быть, одна из немногих во Вселенной. Звезда захватила несколько бродячих планет.

— Чепуха. Одинокое тело не может захватывать спутники... — Но это свое очередное возражение Белджагор произнес уже спокойно.

— Согласен. По-видимому, вот что могло произойти. Бета сконденсировалась в массивной туманности, вдвое большей ее по массе; Бог знает, сколько астрономических единиц имела эта туманность в диаметре. Мимо перемещалась группа бродячих планет. Поле тяготения Беты заставило их повернуть. Благодаря трению о вещество туманности они не смогли снова унестись в пространство. Потеря ими энергии привела к тому, что гиперболические орбиты превратились в эллиптические. А может быть, в туманности имелся второй центр конденсации, позже слившийся с главной массой. А два тела определенно могут захватить спутники. Но, я думаю, что все объясняется трением в туманности.

Конечно, эллиптические орбиты оказались сильно вытянутыми. Трение немного уменьшило их вытянутость. Но Ута рассказала, что и теперь эксцентриситетность орбит доставляет немало беспокойства жителям планет. Это дает нам в руки дополнительный ключ.

— Гм... — Белджагор подергал носом, размышляя.

— На ранних этапах своего существования, благодаря вулканической деятельности, планеты выбрасывали газы и водяные пары, как и всякие другие субзвездные объекты, — продолжал Фолкейн. — Эти вещества замерзли в космосе. Но Бета разморозила их.

Не знаю, как краоканцы обнаружили эти планеты. Возможно, они просто не знали, что голубые гиганты не могут иметь планет. А может, они послали автоматический зонд для астрофизических исследований и получили таким путем информацию. Как бы то ни было, они установили, что у Беты имеется пять пригодных для их обитания планет плюс одна непригодная. Затем началась колонизация. Конечно, это были стерильные планеты с ядовитой атмосферой. Но древние краоканцы были искусными планетными инженерами. Можно представить себе, как они поступили: засеяли атмосферу спорами, способными при помощи фотосинтеза преобразовать ее, привезли другие формы жизни, которые должны были создать основу для экологии, и так далее. В таких условиях организмы развиваются экспотенциально, и всего лишь через несколько столетий планеты стали пригодными для обитания.

Фолкейн помолчал и пожал плечами.

— Через пять — десять миллионов лет Бета уничтожит все плоды их работы, — заключил он.

— Но для них этого времени вполне достаточно.

— Да, — тихо согласился Белджагор.

Он поднял голову, взглянул человеку в глаза и сказал:

— Если это правда, мы обязаны сообщить обо всем Лиге. Военный флот, направившись прямо к Бете, застанет врага врасплох. И они не смогут оказать сопротивления.

— Уф! — Фолкейн подавил зевок. Усталость начала овладевать им.

— Но это всего лишь гипотеза, — сказал Белджагор. — И основана она лишь на слухах и догадках. Возможно, Хорн сознательно путает вас. Лига не начнет операцию, полагаясь на сведения, которые могут оказаться неверными. Нам нужны обоснованные доказательства.

— Верно, — кивнул Фолкейн. — Поэтому полетим оба, но в разных кораблях. Вы легко сможете объяснить, почему изменили свое решение и не остаетесь здесь. Они не заподозрят вас, если вы разыграете приступ раздражительности.

Белджагор окаменел.

— Что вы говорите? Я самое терпеливое существо в космосе!

— Так ли?

— Когда я думаю о том, с кем мне приходится иметь дело, — с нахальными, как вы, глупыми и корыстолюбивыми, ничего не соображающими... — Голос Белджагора поднялся до самых высоких нот. Фолкейн еще раз зевнул.

— Вот какова моя жизнь, — сказал в заключение фактор. — Ну, а что вы предлагаете делать дальше?

— Мы вылетим в направлении базы, — ответил Дэвид. — Но как только окажемся за пределами действия вражеских детекторов, повернем к Бете. Вы останетесь на безопасном удалении. Я же подлечу поближе к звезде и буду наблюдать. Потом вернусь к вам, и мы направимся к ближайшей дружественной планете.

— А зачем нам разделяться?

— Меня могут схватить. В таком случае — если я не присоединюсь к вам в условленное время — вы передадите все Лиге. Они проверят мои выводы.

— Гм. Ха! Верно. Но почему вы добровольно берете на себя самую опасную часть дела? Сомневаюсь, что вы подходите для его исполнения.

— Сэр, — устало сказал Дэвид, — я молод, но смогу управиться с инструментами. Этот спидстер построен для человека, вы не сможете управлять им достаточно эффективно, он гораздо лучше приспособлен для оперативных действий и тайного шпионажа, чем ваш корабль. Поэтому у нас нет выбора. К тому же, — добавил он, — я всего лишь человек и простой служащий. А вы мастер — торговец с Джалилы.

Сарказм его не был оценен. Белджагор выпрямился, на его пороссячи глазки навернулись слезы.

— Верно! — с чувством воскликнул он. — И как благородно с

вашей стороны признать это! — Он пожал руку Фолкейна. — Пожалуйста, не думайте обо мне дурно. Я порой бранюсь, иногда грубо разговариваю, частенько ломается мое терпение, но, поверьте, у меня нет никаких предубеждений к вашей расе. И люди обладают отличными душевными качествами. Да, некоторые из моих лучших друзей — люди!

6

Опасная зона началась в одном световом годе от цели: внутри сферы с этим радиусом кратковременные импульсы, посылаемые двигателем, работающим в гиперпространственном режиме, могли быть легко обнаружены. Корабль Белджагора остался за пределами этой сферы, его детекторы были включены на полную мощность. Не исключалась возможность, что и его могут обнаружить, хотя бы случайно. Фолкейну предстояло потрудиться, и немало, чтобы явиться к точке встречи, зная лишь направление. Но если Белджагор обнаружит излучение другого корабля, он не будет включать двигатели и подождет, пока неизвестный корабль удалится.

У Фолкейна такой возможности не было. На полной квазискорости он двинулся к Бете Центавра.

Солнце впереди быстро разрасталось. Пользуясь увеличением, он мог внимательно рассмотреть его диск, усеянный ядерными бурями, сверкающий миллиардокилометровыми протуберанцами, голубой и адски ужасный. Бета в одиннадцать раз превышала Солнце по массе, в тысячу четыреста раз — по светимости, и, несмотря на расстояние до нее в сто девяносто световых лет, была одной из самых ярких звезд ночного неба. Он попытался насвистывать мотив, но собственный свист казался ему невыразительным и ничтожным.

Ближе. Еще ближе. Теперь он может включить фотокамеры. Фотоаппараты, компенсирующие абсррацию и эффект Доплера, покажут ему устойчивую картину созвездий. А планеты будут зафиксированы как движущиеся объекты. Ага, вот она! Фолкейн сменил курс и повторил наблюдения. Вскоре у него оказалось достаточно данных, чтобы ввести их в компьютер.

Он обнаружил несколько планет, причем не все они, вероятно, были обитаемыми. Одна из них находилась приблизительно в тридцати семи астрономических единицах от солнца — расстояние, соответствующее положению Неугейма, соответствовал также размерам Неугейма и диаметр этой планеты. И в это время локаторы его корабля засекли излучение двигателей, работающих в гиперпространственном режиме.

Источник излучения находился недалеко и быстро приближался. По-видимому, какой-то патрульный корабль обнаружил его излучение и начал преследование.

Повернув обратно, Фолкейн закурил трубку и принялся

размышлять. Он обязан встретиться с Белджагором раньше, чем его догонят, но при этом преследователь должен находиться не ближе светового года.

Так ничего не получится...

Детектор отметил появление второго источника излучения. Дэвид выругался. К нему приближался еще один корабль. Рассчитав его скорость и направление полета, он понял, что второй корабль не сможет его догнать, но зато легко может обнаружить Белджагора.

Конечно, можно было, выключив все приборы, затаиться, укрывшись в глубинах космического пространства... Гм... Если эти парни знают свое дело, они все равно установят его местонахождение, оказавшись на расстоянии в несколько миллионов километров. Они могут перейти на субсветовую скорость и уловить нейтринное излучение его генератора. Или просто разыскать его при помощи радара.

— Братец, — сказал себе Фолкейн, — ты хотел получить апельсин, так вот он.

Он вглядывался в космическое пространство, где звезда сменялась звездой, пока все они не слились в единый поток Млечного Пути. Он вспомнил, как блестит на солнце листва деревьев, колеблемая ветром, и какое вкусное пиво он пробовал в маленькой шведской таверне, и как часто он радовался в кругу друзей, и как хороши были его знакомые женщины, и ощутил, что ему совсем не хочется быть героем.

«Не раздражать их, сдаться, иначе они начнут стрелять и проделают дыру у тебя между ушами».

Белджагор сможет доложить Лиге обо всем после того, как вражеские корабли повернут назад. Конечно, прямых доказательств у него не будет. Лиге придется вновь послать наблюдателей, которые тоже могут быть обнаружены. Используя сверхбыстрые корабли, наблюдатели, конечно, сумеют уйти, но враг уже насторожился и организует усиленную охрану своей планеты. Если начнется война, то беспощадная: вся планета будет сожжена, Ута превратится в облачко раскаленного газа, а сам Фолкейн... Черт побери!

Почему не существует передатчика, посылающего сообщения быстрее радиоволн? Тогда он смог бы отправить сообщение, а потом остановиться. Черт бы побрал эти законы физики!

Спидстер дрожал и гудел от работающих на пределе машин. Дэвид почувствовал страшную жажду. Но сейчас у него ни на что не было времени. «Думай, разрази тебя гром!»

Он не мог. Он бродил по рубке, ощущая во рту свой пересохший язык, потом открыл пакет с рационом, напился и снова взглянул на экраны. Наконец сказал: «К дьяволу все!» — почал свою последнюю бутылку с шотландским виски и отправился спать.

Он проснулся через несколько часов с готовым решением. Некоторое время лежал, глядя в потолок, восхищаясь своей сообразительностью. В соответствии с расчетами, вскоре он должен

добраться до Белджагора. Значит, он находится в пределах действия детекторов, и джалилец, несомненно, следит за показаниями своих приборов. В таких обстоятельствах он не станет дремать.

Дэвид соскочил с койки и уселся в пилотское кресло. Он выключил двигатели и перешел на субсветовую скорость. Через минуту вновь включил. Еще через минуту — выключил.

Политехнический пульсирующий ход. Указательная стрелка детектора прыгала вверх — вниз, точка — тире, точка — тире. «Гипотеза подтверждена! Ф.» Он повторил еще раз весь цикл, чтобы быть уверенным, что Белджагор не прозевает его сообщения. Еще раз повторил его. Белджагор должен догадаться, что «Ф» не что иное, как его подпись. Дай Бог, чтоб антораниты не догадались, в чем дело: этот код хранился в строжайшем секрете.

Двигатели от такого обращения начали реветь. Фолкейн почувствовал запах сгоревшей изоляции и уловил зловещие нотки в реве двигателя. Он изменил направление полета под углом к прежнему и теперь его корабль перемещался с постоянной скоростью.

Расчеты показывали, что первый корабль, двигавшийся за ним, пролетит более чем в световом годе от Белджагора. Второй корабль «любезно» изменил курс. Фолкейн включил автопилот, побрился, надел парадный мундир и съел наскоро приготовленный завтрак.

Затем он уничтожил фотографии, регистрационные записи, указатели курса и вахтенный журнал и, проделав артистическую работу, заменил их фальшивыми: корабли Лиги были оборудованы с расчетом на любую случайность.

Анторан приближался. Это был корабль кометного класса с грозно выставленными орудиями. Сигналом прожектора он приказал Фолкейну остановиться. Дэвид повиновался. Вражеский корабль уравнил скорости и лег в дрейф на безопасном удалении. Зазвенел сигнал вызова; и Дэвид включил приемопередатчик.

Человек с тяжелой челюстью, явно воинского типа, с грудью, украшенной ленточками, глядел на него с экрана.

— Привет, — сказал Фолкейн. — Вы говорите по-английски или по-латыни?

— Да, — сказал человек. Он выбрал английский. — Назовите себя.

— Спидстер «Молниеносный» Политехнической лиги следует из Трикорна в Хоупвилл, на борту находится один человек — наемник Себастьян Томб. А кто вы?

— Военный корабль Неугейма «Граф Хельмут Карл Бернгард фон Мольтке», командир — землевладелец Отто фон Лихтенберг. Говорит обер-лейтенант Вальтер Шмидт.

— Неугейм? Где, ради дьявола, этот Неугейм? Никогда о таком не слышал.

— Какова ваша цель? Почему вы убегали?

— Моя цель, — ответил Фолкейн, — поездка с моего поста на Трикорне на склад Политехнической лиги на Хоупвилле. Мне

необходимо кое-какое оборудование. У нас произошло наводнение, вызвавшее много разрушений. А почему я убежал от вас? Боже, если за вами начнут охотиться, что вы сами будете делать?

— Вы решили, что мы относимся к вам недружелюбно? — спросил Шмидт. — Но, может, это вы — наш враг?

— Ха! Нет. Проверьте ваши навигационные таблицы. Бета Центавра находится как раз на пути между Трикорном и Хоупвиллом. А я направлялся к Хоупвиллу, а не куда-то поближе, потому что нужное мне оборудование я смогу найти только там. Пролетая мимо Беты, я обнаружил неисправность в двигателях. (Неисправность существовала на самом деле, потому что он использовал двигатели для передачи сообщения.) Чтобы провести контроль направления и скорости, я несколько раз менял курс и ускорение, как вы, очевидно, заметили. А потом — уф! — я замедлил скорость и обнаружил еще один корабль, движущийся ко мне, но здесь не должно было находиться никаких кораблей. Может, это безобидная исследовательская экспедиция? Но я не был уверен. Может, это пираты, которые существуют, как вы знаете. Я попытался удрать. Но мои двигатели начали спонтанно включаться и выключаться. Я кое-как справился с ними и сменил курс, надеясь, что вы поймете, что я не нуждаюсь в компании, и оставите меня в покое. Но не тут-то было. Так я оказался здесь.

Фолкейн бросил раздраженный взгляд на человека на экране.

— Мне кажется, это вы должны дать объяснение, — пролаял он. — Что это за комедия с Неугеймом? Зачем военный корабль кружит вокруг голубого гиганта? На каком основании вы останавливаете мирный спидстер? Политехническая лига будет извещена об этом!

— Возможно, — сказал Шмидт. — А сейчас остановитесь, к вам на борт придут наши люди.

— Черт возьми, вы не имеете права!

— Несколько наших атомных пушек нацелены на вас. Понятно?

— Да, — вздохнул Фолкейн.

Он подождал, пока корабли соединились переходным туннелем. Шмидт появился в сопровождении взвода солдат, немедленно направивших ружья на Фолкейна, и потребовал предъявить документы. Потом сказал:

— Очень хорошо, герр Томб. Может быть, вы говорите правду. Не знаю. У нас приказ. Необходимо интернировать вас на Неугейм.

— Что? — выкрикнул Фолкейн. Он сдерживал дыхание, пока не покраснел и не выпучил глаза. — Вы понимаете, кто я? Я полноправный служащий Политехнической лиги.

— Тем хуже для вас, — сказал Шмидт. — Идемте. — Он схватил Фолкейна за руку.

Фолкейн высвободил руку, выпрямился и мысленно поблагодарил отца за то, что тот научил его аристократическим манерам.

— Сэр, — сказал он, и из каждого его слова словно изливался

жидкий гелий, — если я пленник, то я протестую против беззакония, но вынужден повиноваться. Тем не менее даже на войне существуют какие-то законы и обычаи. К тому же я наследник барона из Объединенного королевства Новой Азии и Радагаха. Вы обязаны обращаться со мной с уважением, подобающим моему происхождению.

Шмидт побледнел. Он щелкнул каблуками, поклонился и отсалютовал.

— Так точно, мой господин, — выдохнул он. — Прошу прощения. Если бы вы только сказали это раньше... Землевладелец фон Лихтенберг имеет честь пригласить вас на чашку чая.

7

Замок Грауштейн — отнюдь не худшее место в космосе для содержания пленных. Снаружи он выглядит мрачно, но окружен лесами с первоклассной охотой. Пища была грубой, но съедобной, а местное пиво оказалось просто превосходным. Землевладелец Грауштейн делал все, чтобы его выдающийся и невольный гость чувствовал себя как дома. Во время долгих бесед с хозяином и редких поездок по планете Фолкейн заметил интересные торговые возможности, которые можно будет реализовать, если исход событий окажется мирным.

Иначе... Ему не хотелось даже обдумывать альтернативу. Но через несколько недель время начало давить на него свинцовым прессом.

Тем не менее Дэвид был вполне спокоен, когда слуга постучал в дверь его комнаты и объявил о приходе посетителя. И когда она вошла, Дэвид поразился. Он даже не мог представить, что она настолько хороша.

— Ута! — прошептал он.

Девушка прикрыла за собой дверь и некоторое время смотрела на него. Темное дерево и гранитные панели обрамляли место, где она стояла в ярком флюоресцентном освещении. Она была в платье, и если Дэвиду она показалась прекрасной даже в мундире, то теперь его восхищение только возросло в астрономических размерах.

— Значит, это действительно вы? — сказала она.

— П... п... пожалуйста, садитесь, — пробормотал он.

Ута продолжала стоять. Лицо ее оставалось спокойным, голос — ровным.

— Эти идиоты поверили вашим словам, что вы лишь случайно пролетали мимо и слишком много увидели. Они и не подумали проверить их. Я услышала о вас впервые вчера, после возвращения домой, в разговоре с землевладельцем фон Лихтенбергом. Судя по описаниям... — Казалось, она разучилась говорить.

Фолкейн осмелел.

— Военная хитрость, моя дорогая, — мягко сказал он. — Не моя сторона начала военные действия.

— Что вы сделали?

Он заставил себя успокоиться, извлек трубку и принялся чистить и набивать ее.

— Вы разоблачили меня, поэтому я могу рассказать вам все, — улыбнулся он. — Я кое-что понял из ваших слов и отправился для уверенности взглянуть лично...

— Это забавное маленькое существо, то, что улетело одновременно с вами... Оно тоже все знало?

Фолкейн кивнул.

— Он уже давно все доложил штабу. Если Лига хотя бы наполовину так реалистична, как я полагаю, военный флот, которому вы не сможете оказать сопротивления, уже на подходе к системе.

Ута сжала руки. Слезы стояли в ее глазах.

— И что же произойдет?

— Они должны направиться прямо сюда. Я жду их со дня на день. У вас в системе Бета Центавра осталось только несколько патрульных кораблей, ваш флот разбросан в районах десятков звезд, верно? Лига не захочет бомбардировать планеты, но в таком случае...

Она гневно отпрянула. Дэвид быстро подошел к ней, взял ее за руки и сказал:

— Нет, нет. Реалистическая политика, помните? Цель войны — не уничтожить противника, а навязать ему свою волю. Зачем нам убивать людей, которым мы можем продавать товары? Мы просто захватим систему Бета Центавра, а потом договоримся об условиях освобождения.

Я не политик, но могу представить, что будет дальше. Лига потребует, чтобы вы сократили свои вооруженные силы до уровня, достаточного для обороны. И, естественно, мы определим свои условия торговли. Но это не все. Теперь, поскольку у краоканцев имеются космические корабли, они смогут летать куда угодно и объединяться до тех пор, пока они будут делать это мирным путем. Мы наеемся продать им корабли грузового и пассажирского типов по повышенным ценам, но из-за этого не стоит воевать. Неугейм сохранит у себя любой социальный строй, какой ему угодно иметь. Почему бы и нет? Но если вы все же попытаетесь сохранить эту никуда не годную систему угнетения, вы настолько скомпрометируете себя, что через десяток лет ваш же народ сбросит вас и призовет нас на помощь.

Фолкейн потрепал ее за подбородок.

— Я понимаю, — сказал он, — трудно расставаться с мечтой. Но почему вы через всю свою жизнь должны нести недовольство и зависть вашего отца?

Ута расплакалась. Он успокаивал ее, и в глубине его души росла надежда.

Не то чтобы он хотел жениться. Черт побери! В его-то возрасте! Однако...

Чуть погода они оказались на балконе... спустилась ночь, яркая заря распростерлась на полнеба, затмевая звезды, из леса внизу струились странные мягкие запахи. В руках они держали бокалы, и она была рядом с ним.

— Можете рассказать, кто я, — сказал он ей, — и доставить мне большие неприятности. Может, меня даже расстреляют.

Бледное в мерцании света, ее лицо утратило выражение счастья, он услышал, как дыхание вырывается из ее груди.

— Это ваш долг, в соответствии с законами войны, — продолжал он. — Но это ни к чему не приведет — уже поздно; разве что Лига в отместку предъявит более жесткие требования.

— Что же мне делать? — спросила она.

Он радостно улыбнулся.

— Держать ваш милый рот закрытым, сказать всем, что вы ошиблись, и что Себастьян Томб не имеет ничего общего с Фолкейном. Когда наступит мир — что ж, вы совершенно независимы у себя дома. Вы сумеете помочь своим людям приспособиться.

— И стать торговцами? — спросила она с ноткой презрения.

— Я уже как-то заметил, — сказал он, — что мы не настолько низкие люди. Да, мы боремся за прибыль. Но даже рыцарь должен есть, а наш кусок хлеба добыт не убийством и не работорговлей. Взгляните на эти звезды. Они прекрасны. Но ведь и другим они также светят.

Ута схватила его за руку. Дэвид пробормотал:

— Трое торговцев на рассвете отправляются в море... — И, когда она вопросительно взглянула на него, он тихонько добавил:

Их стены позолочены солнцем, хотя
паруса разорваны в клочья.

Они состязаются в скорости с ветром
вокруг Земли, чтобы вновь вернуться домой
со слоновой костью, обезьянами, павлинами,
воспоминаниями и хвастовством.

Чтобы продать все это с прибылью —
именно они заслуживают названия Человек!

— Ох! — услышал он.

Эти стихи он прочитал, вспомнив школьные годы на Гермессе.

— Я никому не скажу, — услышал Дэвид.

И немного погодя:

— Можно мне побыть с вами еще чуть-чуть?

Когда через неделю прибыл флот Лиги и освободил его, Фолкейн был этим не очень доволен.

ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

Повесть

1

В покер неудобно играть втроем, поэтому экипаж разведывательного торгового корабля «Сквозь хаос» запрограммировал бортовой компьютер для этой игры. Расчет производился расписками. Будучи настроенным на средний уровень игры, компьютер на протяжении полета создавал в игре относительное равенство между выигрышами и проигрышами. Это предотвращало ссоры между членами экипажа.

— Две карты, — попросил механический голос. Дэвид Фолкейн сдал их, положив на экран сканнера, пристроенного на конце стола в кают-компанию.

Внизу, в бронированном помещении, в глубине корабля, мыслительные ячейки компьютера принялись оценивать новые варианты.

— Одну, — сказала Чи Лан.

— Благодарю вас, мне не надо, — пробормотал Эдзел.

Фолкейн сдал себе три карты и собрал их в руке. Его дела улучшались: две тройки тех же мастей, что и короли. У Эдзела, видимо, хорошие карты, так как он ничего не меняет, а Чи, вероятно, пытается собрать флеш — карты одной масти; первый круг торговли, открытый компьютером, не внушал особого энтузиазма. Но Тупица — так экипаж прозвал компьютер — всегда сам по себе.

Стальная рука добавила к груде лежащих на столе фишек голубую.

— Черт возьми! — воскликнула Чи. Ее хвост вытянулся вдвое против обычной длины, шелковая белая шерсть встала дыбом на всем ее маленьком теле, и она швырнула карты на стол с такой силой, что он зазвенел. — Чума на тебя! Ненавижу твои криогенные кишки.

Эдзел невозмутимо удвоил ставку. Дэвид вздохнул и сложил свои карты. Чи уже успокоилась, села на свой поднимающийся стул и начала по-кошачьи умыться. Фолкейн потянулся за сигаретой.

Тупица вновь повысил ставку. Драконья морда Эдзела, за исключением резиноподобных губ, не способна была мнять выражение, но его огромное тело, распростертое поперек всей каюты, напряглось. Он вновь принялся изучать свои карты.

Его размышления прервал тревожный звонок. Часть компьютера, всегда бывшая начеку, заметила что-то необычное.

— Я посмотрю, — сказал Фолкейн. Он встал и быстро пошел вниз по коридору. Это был высокий, мускулистый молодой человек, светловолосый, синеглазый, со вздернутым носом и широкими скулами. Даже здесь, Бог знает в каком количестве световых лет от ближайшего человека, он был одет в костюм, который оказался бы вполне уместным на любом великосветском приеме. Он говорил себе, что обязан придерживаться обычаев, как младший сын баронского

дома на Гермесе, а в данный момент полномочный представитель Политехнической лиги и все такое прочее, но дело просто было в том, что он все еще не избавился от определенной дозы тщеславия.

В штурманской рубке он взглянул на приборы. На экранах не было видно ничего необычного. Какого тогда дьявола забеспокоились приборы наблюдения? Так как компьютер был занят игрой, он ничего не мог сообщить ему. Может, лучше... Он сунул сигарету в рот и увеличил изображение.

На западе сияло глубокое пурпурное небо, солнце навечно застыло в позднем полудне. Это был карлик класса «К-0» цвета догорающих углей, примерно в одну десятую светимости Солнца. Однако на расстоянии в треть астрономической единицы от Икрайнайки видимый диаметр его почти в три раза превосходил солнечный и давал почти столько же радиации. Сквозь тусклый свет в прозрачном разреженном воздухе было видно еще несколько звезд. Спика, находившаяся на расстоянии трех парсеков, блестела как белый бриллиант. Кроме звезд, в небе были видны только стаи крылатых животных с кожистыми крыльями и над северным горизонтом — облако пылевой бури.

«Сквозь хаос» стоял на склоне холма, откуда открывался широкий вид на Чакору — дно бывшего моря, окрашенное в яркие тона: красные, зеленые и цвета индиго и усеянное низкими суккулентами. Тут и там Фолкейн видел группы строений, сооруженных из ярких плетеных стеблей; каждая группа зданий была окружена каменной стеной — это деревни и защитные укрепления сельскохозяйственных факторий. Было начало весны, растения приобрели зеленый и золотистый цвета. Рощи длинных, похожих на бамбук растений, — некое подобие земных деревьев, порожденных этим миром, раскачивались на ветру.

Склон холма был скалистым, вывстренным, и лишь несколько кустарников росло между камнями. На вершине холма неясно вырисовывался крепостной вал Хайджакаты. У подножия возвышалась башня, охраняющая городскую стену и соединенная с ней туннелем. Рядом извивалась шедшая с востока грязная дорога. Она была совершенно пуста.

Нет, погоди. В трех или четырех километрах на дороге появилось облако пыли, оно быстро приближалось. Кто-то торопился к кораблю.

Фолкейн отрегулировал сканнер. Перед ним, как на ладони, крупным планом возникла картина погони.

С полдюжины икрайнайкицев подстегивали своих зандаров. Большие, с коричневой шерстью, с толстым хвостом, двуногие животные взлетали по дуге, касались земли, напрягали ножные мускулы и прыгали вновь. Всадники потрясали копьями и саблями. Их раскрытые клювы свидетельствовали, что они яростно кричат.

Ветер унес в сторону пыльную завесу, и Дэвид увидел того, кого они преследовали. И едва не проглотил свою сигарету.

— Нет, — услышал он собственный слабый голос. — Этого не может быть. Готов поклясться, что этого просто не может быть.

Его оцепенение прошло. Он повернулся и побежал на корму. При тяготении всего лишь в шестьдесят процентов земного он двигался, как испуганная комета. Ворвался в кают-компанию, с трудом затормозил и закричал:

— Тревога!

Чи Лан перегнулась через стол и переключила компьютер на рабочую мощность. Эдзел бросил последнюю ставку и положил карты. Он выпрямился.

— Что случилось? — с ледяным спокойствием, как обычно, в момент опасности, спросила Чи.

— Женщина, — выговорил Фолкейн. — За ней гонятся.

— Кто?

— Не я, черт возьми! Слушайте. Банда туземных всадников гонится за женщиной. Ее зандар показался мне уставшим. Они схватят ее раньше, чем она доберется сюда, и, Бог знает, что с нею сделают.

Пока Фолкейн говорил, Эдзел украдкой взглянул на карты Тупицы. Полный дом! Он философски вздохнул и смешал карты. Вставая, сказал:

— Попробуем переубедить их. Чи, оставайся здесь.

Цинтианка кивнула в ответ и засемила в капитанскую рубку. Эдзел пошел за Фолкейном к нижнему люку. Его раздвоенные копыта стучали по палубе. У выхода Фолкейн пристегнул оружейный пояс и сунул в карман плаща приемопередатчик.

Чтобы избежать задержки, они быстро скомпенсировали давление — снаружи оно равнялось трем четвертям земного на уровне моря. Но им хотелось бы, чтобы там было чуть побольше тепла и влаги. Сухой и холодный ветер ударил по слизистым оболочкам Дэвида. Понадобилось несколько мгновений, чтобы глаза адаптировались к воздуху. Эдзел подхватил его двумя огромными роговидными руками и усадил себе на спину, как раз за кентавроидным торсом. Все тело воденита было закрыто костяными пластинами, шедшими от головы до самого хвоста. Пластины в случае необходимости сдвигались, образуя прекрасную защиту. Он ровным галопом поскакал вниз по склону холма. Его мускусный запах окутал Фолкейна.

— Наверное прибыл еще один корабль, — сказал Эдзел и бас его был ровен, как будто он продолжал играть в карты. — Несчастный случай?

— Может быть, — ответил Дэвид сверху. — Хотя она очень странно одета. Возможно, она сбежала от варваров? Нам намекали на войну в горах Супхадерта.

Он с трудом различал высочайшие пики этого хребта, протянувшегося на востоке. Слева громоздились рыжевато-коричневые скалы, бывшие когда-то континентальным шельфом. Справа

лежали зеленые поля Чакоры. За ними возвышался холм Хайджаката и их корабль, подобный сверкающему острию копья. Но вся эта картина была давно знакома и смертельно надоела. Фолкейн соскучился по активным действиям. Здесь не было никакой опасности: заведя Эдзела, местные бандиты тут же разбежались по домам, к маме с папой.

Он чувствовал, как работают мышцы Эдзела. Воздух гудел в ушах. Гремели копыта. И вот он уже ясно видит впереди себя девушку и ее преследователей. Резкие нечеловеческие голоса долетели до него.

Девушка взмахнула рукой и в последнем усилии прищипорила своего зандара. Икрайнейцы что-то кричали друг другу. Фолкейн уловил несколько слов — они говорили на катандаранском языке.

Один из них остановил своего зандара и отцепил висевший у седла арбалет. Это было серьезное оружие. Руки туземца были слабее рук человека, но стрелы, которые метал арболет, в уменьшенном тяготении летели далеко. Он выстрелил. Стрела пролетела в нескольких сантиметрах от распущенных темно-рыжих волос девушки. Доставая другую стрелу, туземец выкрикнул приказ. Еще два всадника отцепили свои арбалеты.

— Дьяволы с Плутона! — крикнул Фолкейн. — Они хотят убить ее!

Все его чувства обострились. Сквозь красную пыль, несмотря на тусклый свет, он отчетливо видел ближайшего туземца, словно стоял с ним лицом к лицу.

Ростом икрайнейец был около ста пятидесяти сантиметров. Телом он напоминал бочкообразного человека с осиной талией и невероятно длинными и тонкими конечностями. Все тело покрывала коричневая шерсть. Это было теплокровное и всеядное существо. Самки были живородящими, однако они не вырабатывали молока для своих детенышей. На тонкой шее туземца помещалась круглая голова, окруженная кольцом перьев, с блеклыми глазами, ослиными ушами и воробьиным клювом цвета янтаря. Ступни ног были обнажены, так что туземец тремя своими длинными пальцами мог держать стремя. На нем были брюки, оканчивающиеся чем-то вроде гамаш, кожаный нагрудник с металлическими наплечниками, на котором изображен зигзагообразный герб; с широкого пояса свисали кинжал и сабля. Пальцы с острыми ногтями сжимали арбалет, а правая рука натягивала тетиву.

Фолкейн выхватил бластер и выстрелил вверх. Это был предупредительный выстрел, но вспышка на мгновение ослепила туземца, помешав ему прицелиться. Девушка радостно вскрикнула.

Всадники за ее спиной рассеялись. Все они были одеты и вооружены примерно одинаково. Их предводитель выкрикнул какую-то команду, и они, вновь собравшись в группу, возобновили атаку. Стрела просвистела рядом с Дэвидом. Другая сломалась о защитные пластины Эдзела.

— Но... но... они решили убить и нас, — пробормотал воденит. — Разве их не предупредили, кто мы такие?

— Вперед! — крикнул Фолкейн.

Он родился и вырос на аристократической планете, все еще нуждавшейся в солдатах. Теперь тренировка, полученная им в юности, пригодилась. Сузив луч бластера для увеличения дальности стрельбы, он свалил одного из зандаров.

Эдзел поскакал вперед. Его массивное тело развивало скорость в сто пятьдесят километров в час. Сильный встречный ветер вынудил Фолкейна прикрыть глаза. Но в его вмешательстве больше не было необходимости: Эдзел уже оказался среди икранайкийцев. Первого всадника вместе с животным он сбил походя. За ним свалились еще двое. Хвостом он опрокинул на землю четвертого. Оставшиеся двое удирали по полю прочь.

Эдзел затормозил и повернул обратно. Противники в панике бежали, пострадавшие, казалось, были не способны двигаться.

— Ох, — сказал Эдзел, — надеюсь, я не причинил им серьезного вреда.

Фолкейн пожал плечами. Раса гигантов может позволить себе быть мягкосердечнее людей.

— Вернемся на корабль, — сказал он.

Девушка, на вкус Фолкейна, была, пожалуй, излишне мускулистой. Но что за фигура! Высокая, крепкая, длинноногая, с прямой спиной... Ее одежда оставляла открытой большую часть тела и состояла из сапог, достигавших икр, меховой юбочки, фуфайки, напоминавшей блузку-безрукавку, и короткого голубого плаща. Вооружение ее было таким же, как у туземцев: к седлу приторочен щит, а на рыжие волосы надет плоский шлем. Кожа у нее была очень белая. Черты лица отличались эллинской строгостью, смягченной большими серыми глазами и слегка широковатым ртом.

— Кто ты? — спросил Фолкейн. — И откуда ты, красавица?

Тяжело дыша, она грациозным движением смахнула со лба пот. Эдзел продолжал двигаться вдоль дороги. Она пришпорила своего зандара. Тот побрел рядом, слишком истощенный, чтобы пугаться необыкновенного соседа.

— Вы... вы... на самом деле из-за края мира? — спросила она. Ее английский язык отличался странным акцентом, которого ему никогда не приходилось встречать раньше.

— Да. — Фолкейн указал на корабль.

Она проследила за его взглядом.

— Хороший алгат! — слово было местным и приблизительно означало «магия, волшебство».

Обнаружив незаурядное хладнокровие, она отыскала взглядом своих врагов. Те восстановили порядок, но не стали возобновлять преследования. Один из них на невредимом зандаре поскакал к дальнему склону холма, остальные медленно последовали за ним.

Она дотронулась до руки Фолкейна, как бы желая убедиться в его реальности.

— До нас доходили только слухи, — тихо сказала она. — Мы

слышали, что странный земец прибыл в летающей колеснице, и император запретил всем приближаться к нему. Но мы не знали никаких подробностей. Вы на самом деле из-за края мира? Может быть, с Земли?

— Я же сказал «да», — ответил он. — Но о ком ты говоришь? Кто такой земец?

— Человек. Разве ты не знаешь? Нас в Катандаране называют земцами. — Она осмотрела его и как бы надела на себя какую-то маску. С медлительностью и осторожностью, причин которых он не понял, она продолжала: — Наши предки прибыли с Земли около четырехсот лет назад.

— Четыреста лет? — нижняя челюсть Фолкейна отвисла. — Но тогда еще не был известен полет в гиперпространстве...

— Очевидно, она имеет в виду икрайнейкийские годы, — сказал Эдзел, которого было трудно удивить. — Дайте подумать... с периодом обращения в семьдесят два стандартных дня... да, это составляет около семидесяти пяти земных лет.

— Но... я говорю... какого дьявола?

— Они летели в другое место, чтобы стать там... как это называется?.. Да, колонистами, — сказала девушка. — Их корабль захватили пираты и высадили здесь... всего пятьсот человек.

Фолкейн попытался привести свои мысли в порядок. Словно издавека до него донеслись слова Эдзела:

— Несомненно, это была эскадра с Пиратских Солнц, залетевшая так далеко от своей базы в поисках хорошей добычи — большого корабля. Их не интересовал выкуп. И с их стороны было довольно милосердно найти обитаемую планету и посадить на ней пленников, вместо того чтобы убить их. — Он потрепал девушку по плечу. — Не беспокойтесь, маленькая самка. Политехническая лига уже давно доказала обитателям Пиратских Солнц ошибочность их образа жизни.

Фолкейн решил успокоить девушку.

— Да, — вмешался он. — Вот это будет сенсация! Когда об этом узнают на Земле, за вами вышлют корабль.

Она все еще следила за ним с каким-то странно печальным выражением лица.

— Ты на самом деле земец... я хочу сказать, землянин?

— На самом деле я гражданин Великого Герцогства Гермес, а мои товарищи по экипажу — выходцы с других планет. Но мы действуем от имени Земли. Меня зовут Дэвид Фолкейн.

— Я — Стефа Карлс, лейтенант внутренних войск... — Она замолчала. — Но сейчас дело не в этом.

— Почему эти туземцы гнались за тобой?

Она слегка улыбнулась.

— Я думаю, не все сразу. Нам так много нужно рассказать друг другу, правда? — Но тут выдержка оставила ее. Глаза ее распахнулись шире, улыбка засверкала в пятьдесят мегаватт, она захлопала

в ладоши и закричала: — О, какое чудо! Человек с Земли — мой спаситель!

«Что ж, — подумал Фолкейн, слегка задетый за живое, — подождем». — Он прекратил расспросы и молча любовался внешнею девушкой. В конце концов он уже несколько недель не видел ни одного человека.

У корабля они привязали зандара к стабилизатору. Фолкейн подвел Стефу к трапу, ведущему к люку. Чи Лан, подпрыгивая, встретила их.

— Что за чудная кошечка! — воскликнула девушка.

Чи взорвалась. В некоторых отношениях она была подобна Беджагору.

— Если вы попытаете потрогать или погладить меня, девушка, вряд ли вам тогда удастся сохранить свои пальчики в целости! — Она набросилась на товарищей. — Что, во имя девять раз по девять дьяволов, происходит?

— Разве ты не следила за схваткой? — поинтересовался Фолкейн. Под взглядом Стефы он решил держаться мужественно. — Думаю, что мы хорошо поработали, разогнав этих бандитов.

— Каких бандитов? — выпалила Чи. — Я отсюда видела, что они направились прямо в город. Если вы спросите меня — если только у вас, безголовых чурбанов, хватит ума спросить меня, — я скажу: вы прогнали целый взвод солдат императора, того самого императора, с которым мы должны были заключить договор.

2

Они двинулись в кают-компанию. Идти в город теперь было опасно: там их могли обстрелять. Пусть придет Гурджанджи и потребует объяснений. Тогда они сами в ответ смогут потребовать, чтобы им кое-что объяснили.

Фолкейн налил себе и Стефе шотландского. Эдзел взял четырехлитровое ведро кофе. Его буддистская религия не запрещала вина, но ни один корабль, тем более с особым поручением, не смог бы вместить достаточного количества напитков для Эдзела. Чи Лан, на которую алкоголь не действовал, закурила слабую наркотическую сигарету в мундштуке из слоновой кости. Все они нуждались в разрядке.

Девушка, прищурившись — она не привыкла к земному освещению, — поднесла стакан к губам и выпила.

— Фу-у-у! — выдохнула она.

Фолкейн похлопал ее по спине. Ругательства, которые она выпускала между кашлем и всхлипываниями, заставили его покраснеть.

— Наверное, за три поколения вы утратили большую часть технологических знаний, — сказал Эдзел. — У пятисот человек,

включая детей, не может сохраниться достаточного количества знаний, чтобы поддерживать нужный уровень развития, а на корабле колонистов вряд ли имелась библиотека с микрофильмами.

Стефа посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Я всегда думала, что Великий Грантер — отъявленный лжец, — сказала она. — Но вот теперь я вижу, что он мог в детстве видеть такое существо. Откуда вы?

Эдзел действительно представлял собой внушительное зрелище. Включая хвост, его четырехлапое тело имело добрых четыре метра в длину, руки, грудь и плечи были тоже соответствующих размеров. Сверкающая чешуя покрывала все его тело; спину, бока и живот защищали костяные пластины. Крокодилья голова сидела на шее, длиной в целый метр, уши были костяные, а глаза закрывались костяными щитками. Но глаза эти были большие, карие и мудрые, а скошенный назад череп вмещал мощный мозг.

— С Зарлаха, — сказал он. — На моем языке это означает «земля». Люди называют мою планету Воден. Ее так называли еще тогда, когда люди давали планетам земные названия. В наши дни планету именуют наиболее подходящим в туземном языке словом, так, например, эту назвали Икранаика.

— Вы хороши в схватке? — спросила Стефа. Она ухватила за рукоятку кинжала.

Эдзел заморгал.

— Пожалуйста, не надо. Мы очень миролюбивы. Мы так велики и так хорошо вооружены лишь потому, что Воден порождает гигантских зверей. Понимаете, у нас солнце типа «Ф-5», в секторе Регула. Оно излучает столько энергии, что, несмотря на поверхностную гравитацию, в два с половиной раза превосходящую земную, жизнь может создавать там массивные тела и...

— Заткни свой фонтан, ты, болтливый варвар, — оборвала его Чи Лан. — У нас есть более важные дела.

Эдзел едва не утратил свое обычное хладнокровие.

— Друг мой, — прорычал он, — очень невежливо чернить другие расы. Да, мой народ это простые охотники, и мы никогда не сражались друг с другом. А когда я учился планетологии на Земле, я заработал немало денег, исполняя роль чудовища в сан-франциской опере.

— ...а также выступая на карнавалах во время китайского Нового Года, — добавила Чи ядовито.

Фолкейн ударил кулаком по столу.

— Прекратите, вы, оба! — крикнул он.

— Но откуда на самом деле эта... гм... леди? — спросила Стефа.

— Со второй планеты Эридана-А, — сказал Фолкейн. — Ее называли Цинтией, в честь жены капитана корабля.

— Я слышала, что на самом деле она не была его женой, — пробормотала Чи.

Фолкейн снова покраснел и украдкой взглянул на Стефу. Но та не смутилась, а, принимая во внимание ее ругательства...

— К тому времени они достигли александрийского уровня развития технологии, но только на одном из континентов, — сказал он, — а также открыли научный метод познания. Но у них не было городов. Цинтианцы постоянно находились в торговых экспедициях. Поэтому они отлично ужились с Лигой.

Он заметил, что сам начал болтать, и замолчал.

Чи изящной шестипалой ладонью смахнула пепел со своей сигареты. Выпрямившись, она едва достигала девяноста сантиметров. Обычно Чи сидела на своих мускулистых длинных ногах и соответствующих передних конечностях. Голова у нее была непропорционально велика, кругла, с тупой черноносой мордочкой, аккуратными маленькими ушками и кошачьими усами. Если не считать темной маски вокруг огромных, сверкающих золотом глаз, она вся была покрыта белой ангорской шерстью. Ее тонкий голосок стал резким:

— Давайте начнем с выяснения вашего положения, фриледи Карлс. Нет, простите, лейтенант Карлс, не так ли? Я думаю, что ваши предки были высажены именно в этом районе.

— Да, — кивнула Стефа. Она снова подбирала слова с осторожностью. — Вскоре они столкнулись с туземцами; иногда столкновения оканчивались войной, иногда нет. Люди сильнее и выносливее, чем икранайкийцы. А здесь всегда идут войны. Выгоднее и легче быть солдатом, чем потеть на полях и в шахтах, верно? С тех пор все земцы нанимаются в войска. Те, кто не может воевать, становятся квартирмейстерами.

Фолкейн разглядел шрам на ее руке. «Бедное дитя, — подумал он с жалостью. — Это ошибка. Она должна была бы танцевать и флиртовать на Земле, со мной, например... Девушка слишком мягкое и слабое создание, чтобы...»

Глаза Стефы сверкнули.

— Я слышала, как старики рассказывали о войнах за краем мира, — оживленно сказала она. — Мы унаследовали это?

— Что? Гм...

— Я хорошо сражаюсь. Видели бы вы меня в битве при Джанехе. Ха! Они напали на нашу линию. Один зандар наткнулся на мою пику. Я проткнула его, — Стефа вскочила на ноги, выхватила саблю и взмахнула ею в воздухе. — Одним ударом я снесла голову всаднику. Он упал. Я повернулась и разрубила его соседа пополам — от глотки и до кишок. Другие всадники напали на меня слева. Я ударила одного щитом прямо в клюв. Потом...

— Пожалуйста, прекратите! — простонал Эдзел и закрыл уши руками.

— Мы должны обсудить положение, — торопливо добавил Фолкейн. — Вы враг или друг императора Катандарана?

Стефа обуздала свой яростный порыв, снова села и протянула стакан, чтобы его наполнили вновь. Она опять заговорила осторожно:

— Земцы поддерживали первого Джадхади, когда рухнула старая

империя. Они помогли ему сесть на Катандаранского Зверя, восстановили империю и расширили ее границы; с тех пор они служат личной гвардией императоров и являются стержнем их войск. Позднее некоторые из них стали завоевателями Рангакоры в Супхадерте, на востоке, в Краю Сумерек. Это очень важный стратегический район. Оттуда можно контролировать дорогу, перебираться через горы, а вода, сбегаящая с гор, делает эту область богатейшей в Чакоре.

— К дьяволу вашу грязную геополитику! — прервала ее Чи. — Почему вас преследовали солдаты императора?

— Гм... я не уверена... — В наступившем молчании Стефа отпила из стакана. — Может быть, лучше вы сначала расскажете мне о себе. Возможно, тогда мы поймем, почему третий Джадхади держит вас здесь, а не в Катандаране. Или вы уже знаете это?

Эдзел покачал своей громадной головой.

— Нет, не знаем, — ответил он. — В сущности, мы и не подозревали, что с нами запрещено встречаться. Правда, намеки на это были. Нам казалось странным, почему нас до сих пор не пригласили в столицу и что так мало туземцев приходило взглянуть на нас и на корабль. Когда мы совершали облет на флиттере, то на некотором расстоянии вокруг заметили укрепления. Затем Гурджанджи заявил, что нам нельзя летать. Он сказал, что это зрелище вызывает панику среди населения. Я не хотел бы обвинять его в обмане, но причина запрета кажется мне слишком надуманной.

— Согласно приказу императора вы ограждены от всех, — сказала Стефа. — В Хайджакату запрещен доступ всем иногородним, и никто не смеет покинуть этот район. Это вредит торговле, но... — Фолкейн уже собирался спросить, почему же она нарушила запрет, когда она сказала:

— Ответьте мне, как вы оказались здесь? Почему вы вообще прилетели на Икранаику?

— Она темнит, — прошипела Чи на принятом в Лиге латинском языке.

— Понял, — ответил Фолкейн. — Но можно ли ее обвинять? Мы, неизвестные пришельцы, появившиеся внезапно, а последним контактом, который ее народ имел с галактической цивилизацией, была встреча с пиратами. Мы должны быть терпимыми и постараться показать ей, что действительно желаем им добра.

Чи взмахнула руками.

— О, космос! — простонала она. — Будьте вы прокляты с вашими стадными инстинктами!

Фолкейн повернулся к ней спиной.

— Простите нас, — сказал он Стефе по-английски. — Мы... обсуждали... хм... личные проблемы.

Стефа улыбнулась, взяла его за руку и наклонилась так, что он ощутил ее дыхание.

— Я понимаю, Дэвид... Прекрасное имя Дэвид. И вы из-за края мира! Расскажите мне что-нибудь о себе.

— Ну, — начал, заикаясь, Фолкейн. — Мы торговые разведчики. Ищем новые рынки. — Он надеялся, что его глупая ухмылка выглядит скромно. — Я... гм... сам это предложил...

И, не открывая торговых тайн, он пустился в разъяснения.

3

Николас ван Рийн встал из-за стола и побрел к прозрачной стене своего офиса. С огромной высоты он мог одним взглядом охватить путаницу городских башен, зеленых парков и скверов. Некоторое время он стоял, пыхтя сигаретой, потом, не оборачиваясь, сказал:

— Да, черт побери, кажется, в вашем проекте есть рациональное зерно, которое обещает неплохую прибыль. И вы как раз тот человек, который может осуществить это дело. Я слежу за вами с того момента, когда впервые о вас услышал, — в связи с той историей на Айвенго. Вы тогда были, простите за выражение, молокососом. Теперь вы получили звание мастера Лиги и можете неплохо поработать для компании «Солнечные пряности и напитки». А я, бедный, одинокий и толстый старик, нуждаюсь в хороших работниках. Если вы привезете домой прекрасную яичницу с беконом, я прослежу, чтобы вы стали богатым.

— Да, — пробормотал Фолкейн.

— Вы пришли рассказать мне о том, как вы любите открывать новые миры, где имеется возможность приобретать новые туземные товары и продавать наши, пока туземцы еще не узнали о рыночных ценах. Отлично, только я полагаю, что вы способны на большее, мой мальчик. Я об этом думаю долгие-долгие ночи, когда ворочаюсь с боку на бок и не могу заснуть из-за своих беспокойных мыслей.

Фолкейн воздержался от замечания, что всем известно об изящной, светловолосой причине ночной бессонницы торгового принца.

— Что вы хотите этим сказать, сэр? — спросил он.

Ван Рийн потянул себя за эспаньолку и принялся внимательно рассматривать Фолкейна своими маленькими глазками, близко посаженными к огромному крючковатому носу.

— Скажу вам по секрету, — сказал он наконец. — Вы не выдадите мою тайну, а? У меня так мало друзей. Если вы разобьете мое старое слабое сердце, я лично сломаю вам шею. Понятно? Хорошо, хорошо. Мне нравятся парни, которые все сразу понимают. Когда Лига отыскивает новую планету, то все устремляются туда и начинают грызть друг другу глотки. Вы считаете, что сможете участвовать в этом соревновании? Нет, вы слишком молоды, слишком чувствительны. Но у вас есть одно преимущество. Пока вы только безвестный космический капитан, по вашим следам не идут шпионы.

Поэтому... вы отправитесь открывать планеты для «Солнечных пряностей и напитков»! — Он подошел и ткнул своим большим пальцем Фолкейна в ребра. Молодой человек вздрогнул. — Как вам это нравится, а?

— Но... но... ведь это...

Ван Рийн извлек из холодильника двухлитровую банку пива, наполнил стаканы и объяснил:

— Галактика, даже тот крошечный участок ее спирального рукава, который мы эксплуатируем, невероятно огромна. В поисках планет для возможной колонизации космические исследователи пропустили буквально миллионы планет, показавшихся им неинтересными. Многие из них даже не занесены в каталоги. Если возникнут особые обстоятельства, они останутся неизвестными еще в течение тысячелетий. Но, согласно законам статистики, мы можем предсказать, что тысячи из этих планет потенциально ценны для нас как рынки сбыта и как источники новых экзотических товаров. Вместо того чтобы эксплуатировать уже открытые планеты, почему бы не поискать новые... и потом сохранять свои открытия в тайне так долго, как это будет возможно?

Будет избран сектор, в котором пока слабы межзвездные сообщения: например, сектор Спики. Будет основана база. Оттуда в сотнях направлений мы пошлем маленькие автоматические разведчики. Найдя планету, они со стандартной орбиты произведут наблюдения поверхности и, если найдут что-либо обнадеживающее, сообщат на базу. Туда отправятся экипажи торговцев-разведчиков для того, чтобы ознакомиться с обстановкой на месте. Они соберут необходимую информацию, приземлившись на планету, заключат торговый договор и известят об этом ван Рийна.

— Трех членов экипажа, я думаю, будет достаточно, — сказал он в заключение. — Чем меньше экипаж, тем больше комиссионные. Вы, мастер Лиги, умеющий сопоставлять культуры и находить нужное решение. Планетолог и космобиолог. Они должны быть не гуманоидами. Различные способности — это ценно, к тому же в подобных экипажах меньше причин для взаимных обид и стычек. Я понимаю — лучше лететь в одиночестве, с хорошенькой девушкой, но когда вы вернетесь... ха, ха! — вы все наверстаете. И, может, даже раньше. Я приглашу вас на мою следующую маленькую оргию, мой мальчик, если вы возьметесь за эту работу.

4

— Итак, вы установили, что здесь есть цивилизация, использующая металлы, — кивнула Стефа. — Конечно, не вы, а ваши роботы — ох, я никогда не верила Великому Грантеру, когда он толковал о роботах! — так вот, ваши роботы не видели нас, немногих земцев. Но почему они решили, что этой планетой стоит заняться?

— Любая землеподобная планета представляет значительный интерес, — сказал Фолкейн.

— Что? Эта планета подобна Земле? Великий Грантер...

— Любая планета, где человек может жить без специального снаряжения, называется землеподобной. Они не во всем одинаковы. Физические условия, биохимия, экология... Икранаика на самом деле имеет множество отличий от Земли. Масса — 0,394 земной, удельный вес — 0,815, диаметр — 0,783. Хотя солнце слабее, зато орбита планеты находится ближе к нему. Разумеется, приливное действие привело к тому, что одно полушарие Икранаики постоянно обращено к солнцу. Но медленное вращение вокруг своей оси свидетельствует, в свою очередь, о слабом магнитном поле, отсюда и сравнительно слабое взаимодействие с заряженными частицами, которые звезда типа красного карлика вообще производит немного. Поэтому планета сохраняет относительно плотную атмосферу. К сожалению, большая часть воды в таком случае переходит на холодную сторону планеты, превращая теплую сторону в пустыню. Но этот процесс требует времени, в течение которого успевает развиться и адаптироваться жизнь, основанная на протеинах, растворенных в воде.

— Но что вам здесь нужно?

— Многие. Роботы доставили изображения и образцы. В крайнем случае два новых напитка, несколько антибиотиков и потенциальные пряности, несколько видов дорогих мехов, и это далеко не все... Добавьте хорошо развитую цивилизацию, способную собирать для нас эти товары в обмен на вещи, которые она вполне может оценить.

Чи облизнула губы.

— А какие коммиссионные!!!

Стефа вздохнула.

— Я хотела бы, чтобы вы говорили по-английски. Но я верю вам. Почему вы приземлились в Хайджакате? Вы должны были знать, что самый большой город — Катандаран.

— Очень непросто быть пришельцем из космоса, и поэтому не стоит с самого начала лезть в толпу, — ответил Фолкейн. — Мы решили предварительно изучить в этом глухом месте местный язык, обычаи и обстановку. Это дело с применением современных мнемонических технических новинок не требует длительного времени. А император, услышав о нас, прислал в качестве специального инструктора Гурджанджи. Недавно мы хотели отправиться в столицу, но, узнав об этом, наш учитель указал на множество причин, не позволяющих это сделать. И так продолжается уже три или четыре недели.

— Сомневаюсь, что нам что-либо удастся узнать, — пробормотала Чи.

— А что такое неделя? — спросила Стефа.

— Забудьте об этом, — сказала Чи. — Послушайте, женщина, вы вовлекли нас в неприятности, которые могут нам стоить рынка.

— Что за глупости! — нетерпеливо воскликнула девушка. — Завоюйте их!

— Крайне аморальное занятие, — сказал Эдзел. — К тому же это не соответствует нашей политике — это экономически невыгодно.

— В конце концов, мы дойдем до сути или нет, болтуны? — разозлилась Чи. — Почему солдаты преследовали вас, фриледы?

Зазвенел тревожный звонок. Компьютер через громкоговоритель сообщил:

— Со стороны города приближается отряд.

5

Фолкейн решил, что лучше быть вежливым и встретить императорского посланника-инструктора у люка. Он выразительно передвинул бластер вперед, поближе к руке.

Ожидая, он рассматривал стены на вершине холма. Они были сложены из камня без применения раствора: вода здесь была слишком дорогой, чтобы использовать ее при кладке. Зубчатая стена с башнями по углам окружала несколько десятков деревянных зданий. Хайджаката была, главным образом, торговым центром для местных фермеров и проходящих мимо караванов. Здесь находился сравнительно небольшой гарнизон. Как объяснил Гурджанджи, северные плоскогорья давно были очищены от варваров, населявших пустыню, поэтому Фолкейн предположил, что войска содержатся преимущественно на случай восстания. То, что он узнал об икранайкийской истории, сильно его встревожило.

«Это добавочное затруднение для нас, — думал он беспокояно. — Старый Ник не станет вкладывать деньги в это предприятие, пока здесь не возникнет относительно устойчивая социальная структура, способная сохранять и поддерживать условия торговли. А Катандаранская империя кажется единственной, подходящей для этой роли на всей планете. Не будет торгового поста на Икранаике, не будет комиссионных для меня. Что за веселая беззаботная жизнь у нас, разведчиков!»

Его взгляд скользнул по приближающемуся отряду. В нем было несколько дюжин солдат в кожаных нагрудниках, вооруженных до зубов, которых у них, правда, не было, мечами, топорами, ножами, большими неуклюжими арбалетами и алебардами. На одежде каждого было причудливое изображение фратрии Тирут: к ней относились все воины местного гарнизона. Во главе отряда гордо гарцевал Гурджанджи. Он был худ и сравнительно высок для икранайкийца, его сине-черная шерсть уже поседела, пара очков в золотой оправе забавно громоздилась на его клюве. Алый плащ, украшенный крестом — знаком императорской фратрии Деодакх, спадал к его ногам. С увешанного кисточками пояса свисал длинный

кинжал. Фолкейн до сих пор еще не видел ни одного взрослого туземца без оружия.

Человек скрестил руки и склонил одно колено — таково было местное приветствие.

— Благоднейшему Гурджанджи и его родственникам — привет! — нараспев произнес он ритуальное приветствие. Он так и не научился правильно произносить гуттуральные звуки местного языка. Его речевой аппарат не был приспособлен к ним. И его грамматика соответствовала фонетике. Но сейчас он говорил сравнительно гладко.

Гурджанджи не воспользовался формулой «Мир между нашими родами», он лишь сказал ему: «Поговорим», означавшее, что есть серьезный повод для разговора и что он надеется, однако, обойтись без кровопролития. После чего он жестом отогнал злых духов, чего никогда не делал раньше.

— Прошу оказать честь моему дому, — пригласил его Фолкейн, так как в местном языке не было слова «корабль», а слово «повозка» показалось ему не совсем подходящим.

Гурджанджи оставил сопровождающих у входа и неуклюже взобрался по трапу.

— Я хотел бы, чтобы в помещении было более подходящее освещение, — попросил он. Туземцы не воспринимали волн света короче желтых, диапазон их зрения включал и инфракрасные лучи. Поэтому освещение в корабле было слишком тусклым для Гурджанджи: его глаза с горизонтально расположенными зрачками не способны были адаптироваться в темноте, что, впрочем, и не требовалось на полушарии, постоянно обращенном к солнцу.

Фолкейн провел его в кают-компанию. Всю дорогу Гурджанджи ворчал, что здесь слишком жарко и плохо пахнет, что воздух сырой, и не может ли Фолкейн дышать в сторону. Икрайкийцы не выдыхали водяных паров. Продукты метаболического распада поступали у них обратно в кровеносную систему.

Наконец он остановился у входа в кают-компанию, напрягся и поправил очки.

— Значит, вы на самом деле, дали ей убежище! — прохрипел он. Стефа схватила за саблю.

— Нет, нет, нет, — сказал Эдзел, кладя ей на руку свои невероятно сильные пальцы. — Разве хорошо так поступать?

— Садитесь, благороднейший, — сказал Фолкейн. — Хотите выпить?

Гурджанджи принял предложение выпить шотландское виски с явным оживлением. В этом отношении икрайкийцы были похожи на людей.

— Я считал, что вы пришли как друзья, — сказал он. — Надеюсь, этому происшествию будет дано удовлетворительное разъяснение.

— Конечно, — сказал Фолкейн с напускной сердитостью. — Мы

увидели, как женщину моей расы преследуют неизвестные, похожие на разбойников. Естественно, мы посчитали, что она с моей планеты.

Чи выпустила кольцо дыма и добавила шелковым голосом:

— Тем более что вы, благороднейший, при нас никогда не упоминали, что на этой планете существуют поселения людей.

— Ак-крр, — прокашлялся Гурджанджи. — Мне нужно было так много объяснить вам...

— И вы, несомненно, понимали, что это нас заинтересовало бы, — настаивала Чи.

— Для вашей собственной пользы...

— Благороднейший, мы огорчены и обижены.

— Это всего лишь особая фратрия солдат.

— Очень важная для империи, с которой мы хотели торговать, основываясь на взаимном доверии.

— Она нарушила приказ императора...

— Какой приказ? Мы что, изолированы?... О, благороднейший, это второе прискорбное открытие. Мы начинаем сомневаться, можно ли вам вообще доверять. Быть может, наше присутствие здесь нежелательно? Вы знаете, мы можем и улететь. Мы вообще никому не хотим навязываться и, в частности, не хотим навязывать наши товары.

— Нет, нет, нет! — Гурджанджи уже испытал некоторые образцы товаров, включая синтетические ткани и огнестрельное оружие. Каждый раз, думая об оружии, он тяжело дышал. — Это просто...

— Если быть откровенным, — сказала Чи, — наше отсутствие не будет долгим. Мы расскажем дома об этих земцах, и наши люди позаботятся об их отправке на планету с более подходящим климатом. Нашим владыкам на Земле не понравится, что Катандаран хранил в тайне информацию об этих бедных земцах. Может быть, с ними плохо обращаются? Боюсь, что на Земле все это произведет плохое впечатление.

Фолкейн был слишком сосредоточен на том, чтобы удержаться от смеха, и не успел насладиться зрелищем капитуляции Гурджанджи. Сам он не думал всерьез о возвращении земцев. Это бы слишком увеличило стоимость экспедиции до Андромеды-А. Так что открытие придется хранить в тайне.

Может быть... Нет. Он взглянул на Стефу, сидевшую гордо выпрямившись у края стола. Свет играл в ее серых глазах и волосах, подчеркивая округлости ее тела. Он не собирался предавать ее своим молчанием. Это было бы бесполезно. Как только торговцы начнут прибывать сюда, они узнают обо всем, и какой-нибудь разговорчивый глупец обязательно проболтается.

Гурджанджи дрожащей рукой поправил очки, извлск какой-то листок и уставился в него.

— Я должен известить императора, — сказал он. — Действи-

тельно должен. Но... в сложившихся условиях... возможно, мы придем к взаимопониманию.

— Надеюсь на это, — сказал Эдзел.

— Дело в том, — объяснил Гурджанджи, — что незадолго до вашего прибытия... ак-крр... возникла неприятная ситуация. Император завоевал Сугхарату. (В этом языке не было лицемерных слов типа «умиротворение».) Ключ ко всему району — город Рангакора. Он сильно укреплен, его трудно захватить — поэтому император привлек свое первоклассное войско земцев для помощи при штурме под общим командованием... б... б...

— Роберта Торна, — коротко сказала Стефа, выделяя губные согласные.

— Они действовали успешно...

— Вам следует поблагодарить их, — сказала Чи.

Гурджанджи выглядел смущенным и явно нуждался в дополнительной выпивке.

— Они действовали успешно, — заставил он себя продолжать. — Но потом, х-фф... Роберт Торн решил, что Рангакора может быть центром его собственного королевства. Он и его люди... хм... они оттеснили наши войска и заняли город. С тех пор они там и находятся. Мы... хм... до сих пор не сумели их... хм... удалить. В то же время земцы, оставшиеся в столице, начали волноваться. И тут появились вы, принадлежащие к той же расе, а может, и к той же фратрии. Можно ли удивляться, что император действовал... хм... если можно так сказать... с осторожностью?

— Так вот оно что! — изумился Фолкейн.

Некоторое время все сидели в молчании, только слышался шум воздуха, гонимого вентиляторами, нетерпеливое постукивание о стол мундштука Чи и астматическое дыхание Гурджанджи. Стефа хмурилась, глядя вниз и обхватив рукой подбородок. Наконец она приняла решение, выпрямилась и сказала:

— Да, правда, это обидело земцев в Катандаране. Они поняли, что находятся под подозрением. Если подозрения императора станут слишком велики, он захочет нас уничтожить. Не думаю, чтобы это было мудро с его стороны, — кто может рассчитывать выйти живым из такой схватки? Но мы не хотим разрывать империю на части. В то же время мы не должны забывать о себе. Итак, до нас дошли слухи о пришельцах. Вы теперь знаете, что доступ сюда был закрыт. Но хайджакаты успели разнести эту новость до того, как был наложен запрет. Да и сейчас еще крестьяне время от времени проскальзывают между постами. Мы в Железном Доме решили узнать, что означают эти слухи. Иначе мы уподобились бы слепым на горной тропе. Я решила добраться до этого места. Это была моя собственная идея, клянусь вам. Никто не знал об этом. Но патруль меня обнаружил.

На этот раз Гурджанджи не ухватился за возможность произнести очередную речь о верности и подчинении приказам. Или в этом не было смысла? Много раз на протяжении последних недель

Фолкейн наблюдал, что икрайнейкицы испытывают верность лишь по отношению к своим фратриям, а все остальное является для них лишь вопросом выгоды.

— Но погоди!

Взволнованный, он вскочил на ноги. Гурджанджи схватился было за меч, но Фолкейн принялся бегать взад и вперед по кают-компаниям и наконец произнес:

— Эй, все это может обернуться неплохими перспективами для нас. Мы торговцы, и ваш император напрасно нас подозревает. Это в наших интересах — иметь дело с единым государством. Оружие корабля способно разрушить любую стену. Мы возьмем город Рангакуру штурмом для императора.

— Нет! — воскликнула Стефа. Она вскочила на ноги, в руке ее сверкнула сабля. — Вы грязный, мерзкий...

Фолкейн помолчал, ожидая, пока она затихнет в объятиях Эдзела, потом спросил:

— Но что я такого сказал? Разве вы не на стороне императора?

— Я не позволю вам убивать земцев, — ответила она сквозь зубы, — я... — И она пустилась в долгое, насыщенное анатомическими подробностями описание того, что она сделает с Дэвидом Фолкейном.

— О, вы не поняли, — попытался он возразить. — Я никого не собираюсь убивать. Всего лишь обрушить две-три стены и напугать гарнизон.

— Тогда об этом позаботятся солдаты императора Джадхади, — мрачно сказала она.

— Хм... Мы защитим их. Заключим соглашение.

— Послушайте, — вмешался Гурджанджи, — только император имеет право...

Фолкейн сказал ему, куда император может засунуть свои права, правда, сказал это по-латыни. На катандаранском же он произнес:

— Амнистия земцам явится нашим главным условием помощи. С гарантией и охранными свидетельствами. Не думаю, что это слишком высокая плата. Но решать это должен император. Мы полетим к нему и обсудим это дело.

— Нет, подождите! — резко воскликнул Гурджанджи. — Вы не можете...

— А как вы собираетесь нас задержать, вы, соня? — насмешливо спросила Чи.

Гурджанджи пустился в спор. Император будет недоволен нарушением его приказа. В Катандаране нет подходящего места для посадки корабля. Население неспокойно, и прилет корабля может вызвать волнение. И так далее, и тому подобное.

— Лучше пойдем на компромисс, — прошептал Эдзел. — Высокомерие порождает сопротивление.

После долгих колебаний Гурджанджи согласился, что в сложившейся ситуации может допустить полет, но не на корабле, а

на флиттере. Он сравнительно невелик и способен незаметно приземлиться в императорском саду. А посылка вестника в Катандаран действительно займет очень много времени.

— К тому же оставшийся здесь корабль, — заметила Чи, — сможет вмешаться, если у вас будут неприятности.

— У нас будут неприятности? — спросил Эдзел.

— Не думаете ли вы, что я соглашусь жить в этой пыльной атмосфере? К тому же я ничем не смогу вам там помочь. Я здесь буду спокойно изучать записи и слушать музыку, пока вы будете там обдeldывать дела.

— Если ты собираешься слушать то, что называется цинтианской музыкой, я, несомненно, полечу.

— Мы отвезем вас домой, — предложил Дэвид Стефе.

Она было вскочила, но потом села с застывшим лицом.

— Вы чем-то обеспокоены? — спросил он.

— Н... н... нет, — ответила она по-английски. (Гурджанджи не знал этого языка.)

— Мои товарищи по казарме скроют мое отсутствие, даже если не поймут его причин. Это нетрудно сделать: икрайнейцы настолько глупы, что не могут отличить одного земца от другого. Но мы должны... я хочу сказать, что я не должна была покидать города. Я не могу появиться открыто, и если прилечу с вами, меня заметят. — Она подумала немного. — Вы приземлитесь быстро, прямо перед входом в Железный Дом, и я вбегу в него. Если вас спросят о причинах посадки, вы ответите, что ошиблись местом.

— Почему вы не хотите, чтобы вас заметили?

— Для меня это нежелательно. — Она схватила Дэвида за руку и придвинулась ближе.

— Пожалуйста, Дэвид. Вы были для меня таким хорошим другом. Но...

Она прослезилась.

— Я надеялась, что мы подружмся еще больше.

— Ну ладно, черт возьми!

Подготовка к полету закончилась быстро. Фолкейн надел теплую куртку, брюки, белый плащ и украшенную драгоценными камнями шляпу, которую он лихо надвинул на брови. По бокам с пояса свисали два пистолета: бластер и топнер — парализующее оружие. В нагрудный карман он сунул приемопередатчик — ионосфера планеты позволяла осуществлять связь между кораблем и Катандараном. Он захватил с собой чемодан с запасным оборудованием, одеждой и подарками для императора. Эдзел взял лишь коммуникатор, нацепив его на шею.

— Мы будем регулярно вызывать тебя, Чи, — сказал Фолкейн. — Если в течение восьми часов с этого момента от нас не будет известий, выводите гравитележку и лети нам на помощь.

— Не понимаю, чего вы суетитесь, — пробормотала Чи. — Эта проклятая женщина уже испортила все дело.

— Секретный агент? Нет, не думаю. Но даже если узнают конкуренты, старый Ник успеет достаточно выкачать из этой планеты и империи. К тому же мы не можем допустить кровопролития.

— Почему бы и нет? — Она фыркнула. — Ну, ладно. Я продолжу беседы с Гурджанджи. Чем больше информации мы получим, тем лучше.

Императорский посланник уже удалился в город со своим эскортом. Парапеты Хайджабаты были покрыты толпами туземцев, собравшимися посмотреть на отлет.

— Ох! — Стефа схватила Фолкейна за руку, когда флиттер взлетел. Он не удержался от соблазна проделать несколько фигур высшего пилотажа и направился прямо на северо-запад, в Катандаран. С орбиты были сделаны отличные карты, а Гурджанджи описал все заметные ориентиры, которые должны им встретиться по пути.

Под ними километр за километром проносилась Чакора. Они летели над бесконечными красно-зелеными полями, зарослями низкого кустарника; иногда попадался караван грузовых четырехногих каракутов под охраной воинов на зандарах.

— Это шекхеджи, — заметила Стефа. — Их фратрия занимается перевозкой товаров в этих местах.

Эдзел, массивное тело которого лежало между Дэвидом и Стефой (чему Дэвид был совсем не рад), спросил:

— Разве торговля — семейное занятие?

— Да, — ответила Стефа. — Тот, кто рождается во фратрии Шекхеджи, становится караванщиком. Все деодакхи, до того как захватили Катандаран, были охотниками, теперь они чиновники. Тируты и другие, — например, мы, земцы, — солдаты. Рахиниждиане — писцы. И так далее.

— Но допустим, кто-нибудь не способен заниматься семейным делом.

— О, в каждой фратрии есть множество других занятий. Главное занятие, конечно, наиболее почетно. Но кто-то должен смотреть за домом, вести счета, заботиться о фермах, если фратрия владеет ими, и так далее. Вы бы не стали передавать это чужакам, верно? К тому же молодежь, еще не посвященная в секреты фратрии, может покинуть ее и примкнуть к другой, если эта другая фратрия их примет. Это одна из причин того, что земцы держатся так обособленно. Мы не можем вступать в брак с икрайкийцами. — Стефа хихикнула и сделала неприличный жест. — Так что мы вынуждены оставаться со своими. С другой стороны, по той же причине мы вполне можем доверять своей молодежи. Ей некуда идти. Поэтому мы рано приобщаем ее к делам взрослых.

— Вероятно, существуют очень древние фратрии?

— Да. Королевства приходят и уходят, ни одно из них не продержалось дольше нескольких поколений, а кровное родство держится веками.

Слова Стефы укрепили Фолкейна в его выводах. Туземцы обнаружили прочно укоренившуюся приверженность к своему клану, и это беспокоило Фолкейна. Если эта привязанность стала инстинктивной, то в таком мире трудно будет вести торговые операции. Но если ее можно разрушить, если икрайкийцы способны испытывать верность к чему-то большему, чем к семейству...

На горизонте показался Катандаран. Город более чем на двести километров отстоял от Хайджакаты, которая, в свою очередь, находилась на полпути к Рангаоре. Империя простиралась по плодородной Чакоре далеко на восток и юг.

На северо-западе извивалась река Джанджак — серебряная нить, окруженная поясом растительности, которая светила на фоне темных восточных холмов и коричнево-красных западных пастбищ. Там, где река огибала бывший континентальный шельф и вливалась в широкое заболоченное озеро Урши, был построен Катандаран. Этот город с населением в полмиллиона производил внушительное впечатление. Здесь сменили друг друга множество цивилизаций, так же как в Риме, Константинополе, Пекине и Мехико: каждая из них добавляла свою долю стен, башен и зданий, и теперь крепостная стена окружала путаницу разнообразных строений, сооруженных преимущественно из камня. Древними были эти камни, древними были улицы, извивающиеся между мрачными серыми прямоугольными фасадами. В дальнем конце города, на возвышенности, группировались строения, не иссеченные в течение тысячелетий песком пустынь, — создания новых правителей: мраморные, с куполами, крытые медью и украшенные абстрактной мозаикой. И этот район, подобно районам, сооруженным прежними властителями, имел свою собственную стену, защищавшую господ от народа.

На экране увеличивающего сканнера Стефа указывала достопримечательности города, хотя флиттер пока находился на таком удалении, что из столицы еще не был замечен. Фолкейн начал снижение. Засвистел ветер. В самый последний момент Фолкейн включил антигравитатор, и флиттер мгновенно замер над самой землей.

— До встречи, Дэвид... мы с тобой обязательно встретимся. — Стефа прижалась к нему губами. Кровь ударила ему в лицо. Он вдохнул странно тревожный запах ее волос. Затем она выскочила в люк.

Земцы размещались в одном огромном здании поблизости от дворца. Оно выходило на вымощенную булыжником площадь так же, как и дома богатых горожан. Как и прочие здания, оно имело внутренний двор с единственным выходом наружу. Но какие-то напоминания о Земле виделись в заостренной железной крыше, остроконечных коньках, украшенных головами чудовищ, даже в железной двери. Несколько икрайкийцев глуповато усталились на флиттер. Точно так же поступили часовые у входа в казарму —

огромного роста бородатые люди в кольчугах из цепей, позолоченных шлемах с плюмажами и плащах, развеваемых ветром. Но вот они схватились за оружие и закричали.

Стефа подбежала к ним. Фолкейн взлетел. Он успел увидеть, как Стефа скрылась в здании.

— Летим к императору, — сказал он. — Надеюсь, что там сначала спрашивают, а потом стреляют.

6

Снаружи у помещения для гостей зазвенел колокол.

— Войдите, — сказал Фолкейн.

Слуга в облегающей ливрее отодвинул толстый занавес, заменявший входную дверь в этой бедной деревом стране. Он поклонился и объявил, что император желает видеть посланцев Политехнической лиги. Слуга был вежлив, но лишен раболепия, он не использовал никаких особых титулов, называя правителя, как например, «его величество», или «его могущество», или «его сиятельство». Система наследственных занятий не способствовала выработке кастовой иерархии: поддерживаемый своей фратрией, привратник был так же горд и независим, как солдат или писец.

— Мой товарищ отсутствует, — сказал Фолкейн, — но я могу представлять его один.

«Как действовать? — думал он про себя. — Мы уже неделю как заглушили моторы флиттера. Может, один из этих курьеров, что снуют взад и вперед, несут приказ сжечь нас живьем? Но надо идти. Я буду действовать, буду действовать, буду действовать».

Фолкейн отправился переодеться по случаю приема у императора. Комнаты, предоставленные ему, были достаточно просторны, если не считать низких потолков, и на туземный манер были даже роскошны. К сожалению, он не разделял мнения туземцев. Ему понравились украшающие стены великолепные меха, особенно когда он подсчитал, сколько они могли стоить на Земле. Но фрески не произвели на него впечатления, это была работа неважного художника, к тому же сказывались особенности восприятия: половина цветов казалась ему сплошной чернотой. Голый пол был постоянно холоден. И Фолкейн никак не мог удобно устроиться на диване или в кровати, предназначенных для икрайнейцев.

С балкона на третьем этаже можно было разглядеть дворцовый парк. Он был похож на старый японский сад: скалы, низкие, слабые, угнетенные растения, необыкновенные фонтаны — они журчали внутри стеклянных колонн, чтобы избежать испарения. Из-за окружавшей парк стены были видны лишь крыши ближайших зданий. На западе сквозь пыльную завесу утомленно светило оранжево-малиновое солнце. «Еще одна буря, — подумал Фолкейн. — Новая беда для скотоводов».

Неделя в императорском дворце могла бы оказаться интереснее, если бы империя была человеческой и декадентской. Катандаран не был ни тем, ни другим. В отчаянии Фолкейн пытался совершенствоваться в туземном языке, читая то, что было объявлено здесь величайшим эпосом в мире. В нем, пожалуй, больше повторов и многословия, чем в Библии. Дэвид включил передатчик.

— Алло, Эдзел, — сказал он по-латыни. — Как дела?

— Мы находимся у входа в нечто, похожее на таверну, — послышался голос воденита. — Как свидетельствует надпись, это Дворец утонченных наслаждений и крепкой выпивки.

— О, Боже, а я остался дома! Послушай, меня вызывает большое красное колесо. Вероятно, для новых вопросов и отсрочек решения, хотя этого никогда нельзя знать заранее. Поэтому держи радио включенным, но молчи, ясно? Насколько я могу судить, икрайнейцы не подозревают об этом средстве связи. Для нас это будет козырь про запас.

Если только им не рассказали земцы... Но нет, это кажется маловероятным. Будучи высаженными лишь с немногими пожитками и инструментами, столкнувшись с необычной культурой, их предки быстро забыли прежние искусства и навыки. Зачем делать пистолеты или еще что-нибудь, если вы и так вдвое сильнее туземцев? За исключением нескольких бытовых мелочей, люди не внесли в свою жизнь ничего нового, а их знания постепенно забылись.

— Хорошо, — сказал Эдзел. — Я постараюсь уверить капитана Падрика, что это безвредная магия. Мне все равно придется как-то успокоить его. Удачи!

Фолкейн вернулся в гостиную и последовал за слугой вниз по длинным коридорам и извивающимся аппарелям. Туземцы сегодня были активны — отовсюду слышались топот ног, голоса, шелест одежды и бумаг. Вокруг сновали икрайнейцы: чиновники, торговцы, лакеи в ливреях, крестьяне в юбочках, скотоводы в шляпах и сапогах, посетители, прибывшие издалека, среди них был и купец из далеких теплых подсолнечных стран в сверкающем драгоценностями плаще — гул жизни и деятельности наполнял императорский дворец. Кухонные запахи напомнили Дэвиду, что он голоден. Он должен был признать, что местная кухня оказалась восхитительной и должна понравиться ван Рийну. Если...

У входа в тронный зал стояли на страже четыре земца, одетые и вооруженные так же, как и часовые у входа в Железный Дом. Они не сделали на караул. Здесь не было такого ритуала, и люди слишком презирали туземцев, чтобы вводить его. Но они и их сверкающее оружие точно окаменели. За ними Фолкейн разглядел дюжину тирутских лучников. Он подозревал, что их добавили в связи с событиями в Рангагоре. Трудно было винить Джадхади в том, что он больше не доверял в прежней мере своим гвардейцам.

И все же в его чрезмерной осторожности и недоверчивости было нечто, свойственное параноикам. Вместо того чтобы с радостью

принять предложение Фолкейна о возвращении захваченного города, он целую неделю только задавал бессмысленные вопросы. Поскольку он ничего не терял, приняв предложение Фолкейна, и при этом никак не объясняя причины своего поведения, его поступки могли быть обусловлены не только крайней ксенофобией. Но в чем была причина ее и как следовало поступать в дальнейшем Фолкейну?

Проводник отбросил занавес, и Дэвид прошел в зал.

Джадхади ждал его, восседая на Звере, — химере из позолоченной бронзы. Дэвид остановился, как требовалось, не доходя семи шагов. Он подозревал, что такую дистанцию установили, чтобы дать возможность земцам, находящимся в тронном зале, вмешаться, если посетитель попытается сделать смертельный выпад. Фолкейн с достоинством поклонился.

— Где твой товарищ? — резко спросил император.

Он был средних лет, шерсть его сохранила красно-черный цвет, а начинающий выпирать животик был скрыт под алой мантией. Одной рукой он сжимал украшенный драгоценными камнями скипетр, который, в сущности, являлся потерявшим свое первоначальное назначение копьем.

— Гвардейский офицер предложил нам совершить прогулку по вашему городу, благороднейший, — объяснил Фолкейн. — Не желая, чтобы мы отсутствовали оба...

— Какой офицер? — Джадхади наклонился вперед.

Ближайший земец — женщина, которая могла бы сойти за валькирию, если бы не была так изуродована шрамами, седовласа и грязна, словно старая растрескавшаяся лохань, положила руку на меч. Все находившиеся в помещении: писцы, советники, колдуны, младшие сыновья, изучающие науку управления, — все придвинулись ближе. Их глаза сверкали в полумраке.

— Его зовут Хаф Падрик, благороднейший.

— Ах... крр... Они скоро вернутся?

— Не знаю, благороднейший. Разве есть что-то спешное?

— Нет. Наверное, нет. Но мне это не нравится. — Джадхади повернулся к туземному гвардейскому офицеру. — Пусть их разыщут и вернут. Писцу — издать приказ о том, что земцам запрещены контакты с представителями Политехнической лиги.

— Благороднейший! — Другой земец, не стоящий на страже в тронном зале (в этом зале на всем его протяжении между полированными колоннами из ярко-зеленого камня было много свободных от дежурства земцев), выступил на середину. Это был бородатый старик с совершенно белыми волосами, спускавшимися до плеч. Держался он очень прямо. Фолкейн встречал его и на предыдущих аудиенциях: его звали Гарри Смит, он был главой фратрии и ее представителем при императоре.

— Я протестую!

В зале стало очень тихо. Тени от свечей, вставленных в серебряные канделябры, колебались, и их огни отражались в

полированном мраморе, блестящих мехах и богатых темных тканях. Из курильниц тянулся дымок ладана. Арфисты в дальнем конце зала прекратили брать аккорды, стоявшие перед Фолкейном роскошно украшенные часы, казалось, затикали громче.

Джадхади окаменел в своем кресле. Драгоценные глаза Зверя сверкали так же злобно, как и его собственные.

— Что ты сказал? — выдохнул император.

Смит, стоя перед ним по-солдатски прямо, ответил:

— Благороднейший, мы, земцы из твоей гвардии, как и все, негодуем по поводу неповиновения Роберта Торна. Он больше не является одним из нас, мы не желаем видеть в наших рядах ни его, ни его последователей. (При этих словах женщина из караула бросила на него свирепый взгляд). Позволь нам только двинуться на Рангакору, и мы докажем тебе, что фратрия земцев всегда остается рядом с фратрией деодакхов точно так же, как это было в годы первого Джадхади. Но ты не веришь нам. Ты держишь нас без дела, ты шпионишь за каждым нашим шагом, ты позволяешь другим фратриям выполнять при дворе обязанности, которые с момента сооружения дворца исполняли только мы. Мы переносим это терпеливо, понимая, что тебе неизвестно, насколько в нас силен голос крови. Тем не менее мы недовольны. Люди в Железном Дворце ворчат. Если ты открыто оскорбишь нас, я не отвечаю за последствия.

На мгновение их взгляды скрестились. А затем Джадхади взглянул на своего главного мага.

— Что скажешь ты, Нагаджир? — сердито спросил он.

Выступивший вперед икрайний в одежде со знаками своей магической власти не стал говорить об очевидном — о том, что в этой комнате находится не меньше пятидесяти вооруженных земцев, которые немедленно отомстят за грубое обращение с их вождем. Наоборот, он хитро прохрипел:

— Это дело не стоит твоего внимания, о благороднейший. С твоими выдающимися гостями встречались всего лишь несколько гвардейцев. Какая разница, что они думают об этом посещении?

— Я говорю в твоих собственных интересах, — коротко добавил Гарри Смит.

Фолкейн решил, что пришло его время.

— Если будут продолжаться отговорки, то положение станет слишком серьезным, не так ли? — спросил он. — Прими мое предложение, и мы возьмем Рангакору; откажешь — и мы отправимся домой. Каково будет твое решение?

— Кр-ррак! — император уступил. — Отменяю свой приказ, — сказал он Фолкейну. — Я не могу принимать решение с закрытыми глазами. Мы очень мало о вас знаем. Даже с самыми добрыми намерениями вы можете навлечь на нас злых духов. Из-за этого я и вызвал тебя сегодня. Объясни свои обряды Нагаджиру, чтобы он смог оценить их.

«Ох, нет!» — протонал про себя Фолкейн.

Тем не менее он нашел беседу интересной. Он давно уже удивлялся абсолютному отсутствию религии у туземцев, но не решался расспрашивать об этом Гурджанджи. Он не смел расспрашивать о деталях и Нагаджира — проявлять невежество было так же опасно, как и пребывать в нем, — но некоторую информацию он все же сумел собрать косвенным путем. Утверждая не всегда искренне, что он не все понял, он осторожно наводил мага на интересующие его темы.

Лишь слабоумный или турист способен на основе знакомства с одной культурой делать выводы о целой планете. Однако всегда можно утверждать, что наиболее развитая культура имеет и наиболее сложную теологическую систему. Но теология Катандарана оказалась поразительно незрелой. Фолкейн не был уверен, можно ли вообще назвать эту мешанину религией. Здесь не было никаких богов — только обычный ход событий, ожидаемая последовательность вещей, происходящих с того момента, как первичный Огонь соединился с первичным Льдом и образовал Вселенную. Но было множество персонифицированных демонов и духов — назвать их можно было как угодно; они старались восстановить хаос. Главной их целью было нести разрушение. Их удерживали в рамках с помощью магии, включавшей сотни повседневных табу и обрядов, которые исполняли Нагаджир и его коллеги.

Но маги вовсе не обязательно должны быть добрыми. Никогда нельзя быть уверенным, что их не подкупили и что они не направляют свою волшебную власть на разрушение.

Мифология была так же параноидальна, как и весь образ мыслей икранайкийцев. И Фолкейн уже начал отчаиваться в возможности заключения торгового договора.

— Да, несомненно, — сообщил он, — мы в Политехнической лиге могущественные волшебники. Мы глубоко проникли в законы, которые правят миром. Я был бы рад научить вас наиболее величественному обряду, который мы называем покером. А для отвращения несчастий мы можем продавать вам талисманы по неслыханно низким ценам. Мы, например, продадим вам волшебную траву — четырехлепестковый клевер.

Нагаджир, однако, пожелал узнать подробности. Магия Фолкейна могла оказаться менее эффективной, чем утверждает человек: разрушение искусно соблазняет людей и толкает их к гибели. Может даже оказаться, что это черная магия. Благороднейший должен понять, что нельзя исключать и такую возможность.

Не будучи Мартином Шустером, способным изменить любую религию, внеся в нее элементы «Каббалы», Фолкейн нуждался в какой-то увертке.

— Я подготовлю общий очерк, благороднейший, который мы сможем изучить вместе. «Боже, помоги мне! — воскликнул он про себя. — Или, скорее, Чи Лан, помоги мне. Эдзел — новообращенный буддист, и он вряд ли способен на что-нибудь, кроме успокоительных

междометий, я больше рассчитываю на Чи — я видел, как она прекрасно гадает на картах. Я вызову ее, и мы что-нибудь придумаем...»

— Если вы сделаете аналогичный очерк, — проговорил он снова вслух, — ваших собственных верований, это будет очень ценный гуманитарный обмен.

Нагаджир широко раскрыл клюв. Джадхади поднялся в золотых стременах, потряс копьём и крикнул:

— Ты хочешь проникнуть в наши секреты?

— Нет, нет, нет! — Вспотев, Фолкейн широко расставил руки. — Не нужно ничего, что составляет тайну фратрий. Только то, что знают все, кроме чужеземцев вроде меня.

Нагаджир успокоился.

— Это можно сделать, — сказал он, — хотя на это потребуется время.

— Сколько?

Нагаджир пожал плечами. Вряд ли кто-нибудь из них мог указать точное время. Хотя механические часы были известны им уже в течение нескольких столетий, а земцы внесли в них некоторые усовершенствования, катандаранцы использовали их лишь для уравнивания периодов работы. Рожденные в мире без ночей и времен года, туземцы с трудом представляли себе периоды более короткие, чем их семидесятидвухдневный год. Икранайкийцы работали, пока в этом была необходимость или пока они не уставали. Несомненно, такое отношение к работе способствовало хорошему пищеварению, но Фолкейну оно не нравилось.

— Я могу идти, благороднейший? — спросил он.

Джадхади разрешил, и Дэвид удалился, испытывая сильное желание плюнуть благороднейшему в глаза.

— Принесите мне обед, — приказал он слуге, провожавшему его обратно, — материалы для письма и хорошую порцию выпивки.

— Какого сорта выпивка?

— Самого крепкого, конечно. Брысь! — и Дэвид задвинул занавес, служивший ему дверью.

Кто-то схватил его за горло.

— Ак! — сказал он, пытаясь выхватить оружие и пинаясь.

Его нога ударила по голенищу сапога. Свободной рукой нападавший схватил его за запястье. Фолкейн был силен, но он не успел выхватить оружие, так как другой человек перехватил его свободную руку. Фолкейн пытался вдохнуть воздух. Перед ним появился третий человек. Он отодвинул скрывавший его щит и оттуда выглянуло лицо Стефы Карлс. Правой рукой она поднесла к лицу Дэвида влажную тряпку. Человек, сжимавший горло, разжал руку. Рефлекторно Дэвид набрал полные легкие воздуха; острый запах ударил в нос и увлек его во тьму.

— Обычно, — говорил Хаф Падрик, — старый город — не самое безопасное место в мире. Помимо того что он был домом фратрий, которые специализировались в убийствах, воровстве и вооруженном грабеже плюс в менее антиобщественных занятиях типа азартных игр и проституции, так вот, помимо этого он был излюбленным местом пребывания остатков прежних родовых групп, сохранившихся после завоевания власти деодакхами. Земцы здесь ходят группами. Однако вы, Эдзел, сами по себе можете сойти за целую группу.

— Но я не хочу ввязываться в конфликт, — сказал воденит.

— Трудно в это поверить, — улыбнулся в ответ Падрик. В своем мундире, камзоле, брюках, сапогах, плаще, с мечом и кинжалом он выглядел внушительно. Падрик был молодым человеком высокого роста. Его красиво остриженные коричневые волосы окружали лицо, отличавшееся резкими чертами, на котором борода росла чуть ли не от римского носа. Беседовать с ним было интересно, и Эдзел, чье любопытство было пропорционально размерам его тела, не отказался от предложенной прогулки по городу.

Они вышли из ворот дворца и пошли по Новому Городу. На воденита бросали внимательные взгляды, но вид его уже не поражал. Новость о гостях императора распространилась широко, а образованный класс имел некоторые познания в астрономии.

— Уж не вы ли, люди, научили их этому? — спросил Эдзел, когда Падрик упомянул об этом обстоятельстве.

— Немного, я думаю, — ответил земец. — Но они и без нас знали о планетах, вращающихся вокруг солнца, и даже о том, что звезды — это тоже солнца.

— Но откуда они могли узнать? При постоянном дне...

— Думаю, от рангакоранцев. Жители этого города обладают большими познаниями. Он расположен ближе к зоне сумерек, их исследователи могли проникнуть во тьму и там наблюдать звезды.

Эдзел кивнул. Атмосферная циркуляция могла сохранить на дальнем полушарии относительно высокую температуру. Даже у антиподов подсолнечных земель температура вряд ли опускалась ниже пятидесяти градусов. По той же самой причине, а также потому, что планета эта была меньше Земли, а угловой диаметр солнца на ее небе значительно больше, здесь наблюдался менее резкий переход от одной климатической зоны к другой, нежели на Земле. И полюса, и зона сумерек не очень отличалась от других климатических зон.

Туземцы, проникавшие в замерзшие земли, были ограничены в передвижении из-за слабого ночного зрения. Но после того как они соорудили склады топлива, у них появился материал для освещения. Вероятно, такие склады устраивались в целях добычи полезных ископаемых. Научная любознательность пришла позже.

— В сущности, — пробормотал Падрик, — Рангагора как город намного лучше, чем Катандара. Более удобный и более... хм...

цивилизированный. Иногда я думаю, что нашим предкам следовало бы встретиться с рангакоранцами раньше, тогда бы они не примкнули к банде варваров, захвативших рухнувшую империю.

Он сжал губы и огляделся по сторонам, чтобы увериться, что их никто не подслушивает.

За внутренней стеной поверхность резко понижалась. Здания становились все более дряхлыми, серые обветренные фасады теснились друг к другу, запертые двери были покрыты символами давно умерших цивилизаций. В районе рынка в лавках торговали туземки, расхваливая товары своих мужей: пищу, напитки, одежду, шкуры, ремесленные изделия. В мастерских позади лавок звснело железо, вертелись гончарные круги и жужжали ткацкие станки. Но внутренности мастерских были недоступны взору прохожих, чтобы демон или случайный злой колдун не смогли навлечь зла.

Движение стало более оживленным. Всадники с хриплыми криками прокладывали себе путь по узким, занесенным песком улицам. Повозки крестьян, запряженные упряжками каракутов и нагруженные плодами Чакоры, проезжали мимо верениц голых носильщиков с грузами на бритых спинах, и уступали дорогу расхаживающим с важным видом пекхеджи-караванщикам. Плоскую телегу охраняло несколько вооруженных тирутов: на ней привезли склеенные стебли, более ценные, нежели бронза. Неуклюжие, так как им приходилось идти, а не прыгать, сквозь толпу пробирались зандары со своими всадниками-лачнакопами, прибывшими на рынок за покупками: жители пустынь угрожающе размахивали копьями и враждебно смотрели вокруг из-под вуалей. Было очень шумно: резкие голоса икранайкийцев, звон, скрежет, скрип, топот ног, пыль и дым смешивались с тысячью странных запахов.

Никто не пытался преградить Эдзелу дорогу. Наоборот, многие старались вскарабкаться на стены. Сотни клювастых лиц испуганно смотрели на него с плоских крыш. Падрик высоко нес древко со знаменем деодакхов, и, конечно, до них доносились отдельные оскорбительные выкрики. Но в целом катандаранцы казались относительно спокойными.

— Кто это в коричневом плаще, вон в том переулке, делает нам странные знаки? — спросил Эдзел.

— Это колдун. Он отводит наше проклятие от соседей. Или надеется отвести.

Слова Падрика было трудно различить в общем гуле.

— Но я никого не проклинал.

— Кто может быть уверен? Они считают, что все новое связано с черной магией.

«Такое отношение, очевидно, преобладает и в высшем обществе, — подумал Эдзел. — Тогда понятно нежелание Джидхади вступать в союз с посланниками Лиги. Вернувшись, я должен буду обсудить это с Дэвидом».

Падрик показывал наиболее любопытные достопримечательно-

сти: статуя пяти тысячелетней давности, дворец, принадлежащий правителям из предыдущей династии и теперь превращенный в склад, здание со входом в виде раскрытого клюва. Эдзел заинтересовался импозантными строениями нескольких больших фратрий, где жили их руководители и куда члены фратрий собирались на совет. Хотя они и поддерживали новое правительство, но не захотели переносить свои штаб-квартиры в Новый город. Да и зачем? Империя, языки и цивилизации, приливы и отливы истории — все это эфемериды. Только фратрии сохраняются вечно.

— Дом Каменного Топора, — показал Падрик, — принадлежит даттаджирам. Их глава все еще владеет этим топором. Он с кремниевой головкой, и никто не знает, когда он был сделан, но, очевидно, задолго до появления металлургии. — Он зевнул. — Вам еще не наскучило? Отправимся лучше туда, где мы сможем найти настоящую жизнь. В Старый город.

— А меня там не будут бояться? — спросил Эдзел. Он надеялся, что не будут. Его обижало, когда матери при виде его хватали детей и убегали. У них такие очаровательные пушистые детеныши, наверное, их так приятно подержать в руках.

— Нет, — ответил Падрик. — Там не боятся черной магии, так как многие из них сами черные маги.

Они двинулись вниз, мимо рухнувших стен. Дома становились все ниже и меньше, они жались друг к другу, балконы нависали над узкими улочками, так что в небе была видна лишь тонкая пурпурная полоска. Строители, жившие в лучшие времена, когда почва не была такой сухой, вымостили улицы булыжником. Копыта Эдзела громко стучали о камни — это был тихий квартал, в котором закутанные в плащи туземцы спешили мимо по каким-то неизвестным делам, а где-то тихо плакала невидимая арфа. Пока они спускались к бывшему морскому дну, Эдзел еще раз оглянулся назад на красноватые скалы над городом, они спускались все ниже и ниже к остаткам пристани, сохранившейся среди зданий и зарослей тростников, среди которых блестели воды озера Урши.

Падрик остановился.

— Как вы насчет выпивки?

— Что ж, мне нравится ваше пиво... — Эдзел внезапно замолчал. Приемопередатчик на его шее ожил, оттуда донесся голос Фолкейна.

— Это что за демон! — Падрик отпрыгнул. Его меч выскочил из ножен. Пара икрайнийцев, сидевших на корточках у входа, выронили чаши и исчезли внутри.

Эдзел переговорил с Фолкейном по-латыни и успокаивающе помахал рукой.

— Не тревожьтесь, — сказал он. — Это наша собственная магия, вполне безопасная. Это... вроде заклинания против злых духов, которое мы произносим прежде чем войти в незнакомый дом.

— Да, это нелишне. — Падрик расслабился. — Особенно здесь.

— Но зачем вы ходите сюда, если здесь так опасно?

— Выпивка, игра, а если повезет, то и схватка. Кишки провоняли в казарме... Идем.

— Я... я, наверное, лучше вернусь во дворец.

— Что? Когда веселье еще только начинается? — Падрик потянул Эдзела за руку, с таким же успехом он мог сдвинуть гору.

— Может быть, в другой раз. Мой магический круг советует мне...

Падрик состроил обиженную гримасу.

— Какой же вы мне друг, если не хотите выпить со мной.

— Простите меня. — Эдзел капитулировал. — После того как вы были так добры ко мне, я не хочу оказаться невежливым.

К тому же он хотел пить, а Фолкейн не сказал, что нужно торопиться.

Падрик вошел внутрь, отодвинув полусгнивший кожаный занавес. К ним, бормоча хриплым голосом, с предложениями скользнула проститутка, но, увидев, кто это, отступила. Падрик засмеялся.

— К сожалению, эти девицы нам не подходят, — заметил он. — Но у нас предостаточно своих в Железном Доме.

Когда воденит вошел, в тесной прокуренной комнате воцарилась тишина. За плетеными столиками, занятыми постоянными посетителями, сверкнули ножи. Факелы, торчавшие из подсвечников, бросали неверный колеблющийся свет, тусклый и красный для Эдзела, яркий для туземцев, на потрепанную одежду, на птичьи лица и немигающие глаза. Падрик опустил свой флаг и поднял руки.

— Мир между нашими родами, — сказал он. — Вы знаете меня, я Хаф из гвардии, и много раз бывал здесь. А это гость императора... Он большой, но вежливый и не приведет за собой никаких демонов. Пусть будут прокляты демоны!

Пьяный в углу рассмеялся. Это немного разрядило атмосферу, посетители вернулись к своим напиткам, лишь изредка бросая взгляды на вновь прибывших, и их разговор теперь, несомненно, вертелся вокруг драконоподобного чудища. Падрик отыскал стул без спинки, а Эдзел уселся рядом с ним прямо на грязный пол. Владелец набрался храбрости и спросил, что им угодно. Когда Падрик величаво указал на Эдзела и сказал: «Напои-ка его, дружище», икрайний конец поднял голову, подсчитал возможную прибыль и радостно потер руки.

Бренди, джин, арака или как вам будет угодно назвать принесенную жидкость, дистиллированную, из неземных фруктов, была не намного крепче концентрированной серной кислоты. Но у нее был отличный сухой вкус. Эдзел для пробы отпил около литра.

— Я не жадный, — сказал он.

— Не стесняйтесь. Ради меня. — Падрик вытащил толстый кошелек. — Нам хорошо платят, не могу обижаться на Сидящего на Звере.

— Меня кое-что интересует. Конечно, не все земцы живут в Железном Доме?

— Нет-нет. Здесь служат, получают жалованье, женятся. Кроме того, здесь располагается штаб-квартира фратрии. Но семейные живут в своих домах по всему Новому городу, отправляются на наши ранчо или куда захотят. Обычно, выйдя замуж, женщины откладывают оружие. Мужчины ежегодно участвуют в учениях и, конечно, в случае войны объединяются в единое войско.

— Но тогда, как же войска Роберта Торна осмелились на измену? Ведь оставшиеся дома семьи подвергнутся мести императора.

— Не совсем так. Если император тронет кого-либо из оставшихся, мы все поднимемся — от Гарри Смита до самого последнего барабанщика — и насадим его голову на копье. К тому же много жен и детей ушло с ними. Это обычное явление, когда предстоит долгая осада или война. Женщины отлично охраняют лагерь, они легко справляются со слабосильными икрайнейцами, они наши квартирмейстеры, наши... — Падрик закончил перечисление их функций.

На Земле в таких примитивных условиях вряд ли кто бы выжил. Но здесь, поскольку местные микробы безопасны для людей, это оказалось вполне возможно. Одна из причин того, почему земцы становились преимущественно солдатами, заключалась в том, что до появления профилактических медицинских средств эпидемии косили местные армии сильнее, чем битвы.

— Сочувствую вашему поколению, — сказал Эдзел. — Когда вы все так тесно связаны, нелегко оказаться в конфликте со своими родственниками.

— Кто говорит, что мы в конфликте? — остановил его Падрик. — Этот дрожащий Смит? Во времена его молодости узы внутри фратрии были не так сильны. Если бы он был моим ровесником, он никогда не решился бы выступить против Торна. — Он осушил свой стакан и приказал наполнить его вновь. — Но, вероятно, Железный Дом достаточно верен своим офицерам, чтобы оставаться нейтральным.

Чтобы сменить тему разговора, Эдзел спросил, видел ли Падрик Стефу Карлс со времени ее возвращения.

— Еще бы! — с энтузиазмом воскликнул Падрик. — Что за девушка!

— Приятная, хотя и импульсивная личность, — согласился Эдзел.

— Я не говорю о ее личности, хотя она сильна, как мужчина. За Стефу!

Стаканы звякнули. Видя, что дракон оказался общительным, посетители еще больше осмелели. Вскоре один из приятелей Падрика, полупьяный икрайнейец, подошел к их столику и сказал: «Привет!»

— Сиддовн! — обрадовался земец. — Выпей с нами.

— Я должен вернуться, — сказал Эдзел.

— Не глупите. И не оскорбляйте моего доброго друга. Он мечтает познакомиться с вами.

Эдзел пожал плечами и выпил еще. К ним присоединились несколько других завсегдатаев. Вначале они пели, потом обсуждали ситуацию в Рангагоре — не очень горячо, правда, ибо никто в Старом городе не беспокоился о судьбе этого паршивого императора. Потом трое или четверо из них подрались — это растопило последний лед, и начали произносить тосты. Они пили за свои фратрии, и за проституток, сновавших между ними, и в память доброго короля Агаша, и за реку Джанджак, которая поддерживает жизнь в Катандаране, и за озеро Урши, которое принимает в свои глубины столько бесчувственных тел, и за Хафа Падрика, так как он платил за выпивку, и... наконец, они потеряли счет тостам. Выпивка была дешева, а кошелек Падрика толст. Веселье кончилось только тогда, когда большинство собутыльников уснуло прямо на полу.

— Я... должен... идти... домой, — сказал Эдзел. Ноги его подгибались, хвост, казалось, налился свинцом, а покачивание и головокружение мешали ему думать. Взмахами своего хвоста он переломал большую часть мебели. Но владелец не возражал, потому что тоже лежал пьяный.

— Да... да... согласен. — Падрик попытался выпрямиться. — Долг зовет.

— И очень неприятным голосом, — сказал Эдзел. — Друг мой, вы... ик... заблуждаетесь. Не нужно впадать в ошибку... и отожде... ствлять нирвану с аннигиляцией... — Он не был фанатиком, но чувствовал, что настало время, когда его лучший друг, влачащийся рядом, должен быть посвящен в таинство буддизма. Поэтому обратную дорогу он разглагольствовал. Падрик пел песни. Туземцы шарахались с их пути.

— Итак... — тянул Эдзел — воплощение вовсе не обязательно связано с кармой...

— Погодите. — Падрик остановился. Эдзел с трудом нагнул шею, чтобы посмотреть на него. Они были вблизи ворот Нового города.

— Что случилось?

— Я вспомнил о срочном деле, — земец с неожиданной быстротой протрезвел. На самом ли деле он пил столько, сколько остальные? Эдзел за ним не наблюдал. — Идите дальше один.

— Но я... как раз... хотел вам сообщить самое интересное.

— Позже, позже!

Ветер гулял по пустым улицам, вздымая тучи песка. Никого не было видно.

«Странно, — подумал Эдзел. — Горожане, конечно, и раньше избегали меня, но не настолько». Час был неурочный для сна, обычно в это время все бодрствовали.

— Что ж, спасибо за... уф!... интур... интер... интересную беседу.

Эдзел протянул руку. Падрик торопливо и смущенно пожал ее и удалился.

Какое странное место! Эдзел впал в сентиментальное настроение и вспомнил далекий Воден, родные широкие равнины под бриллиантово-ярким солнцем, где быстрые ноги мчали его многие километры, охоту, а после охоты костер, друзья, дети и самки... Но все это сейчас было так далеко от него. Его семья сблизилась с фактором Лиги, они хотели, чтобы он получил современное образование; и он получил его, и теперь он так изменился, что никогда уже не почувствует себя своим среди охотников. Он продолжал любить женщин, и весной был очень чувствителен к соблазнительным запахам, но как горько осознавать, что былая простота и невинность утрачены навсегда. Эдзел смахнул слезу и побрел дальше, покачиваясь из стороны в сторону.

— Он идет!

Эдзел остановился. Перед стеной, окружавшей Новый город, была широкая площадь. Она кишела солдатами. Он не мог сосчитать точно, сколько их, ибо они начинали двоиться, стоило ему взглянуться попристальнее. Но было ясно, что их очень много и что все они туземцы. Перед закрытыми воротами стояло несколько катапульти.

Группа всадников выехала вперед.

— Остановитесь! — крикнул их предводитель. Острие его копья казалось окровавленным в красном свете солнца.

— Я уже остановился, — резонно ответил Эдзел.

Имперские зандары были хорошо вымуштрованы, хотя этого и нелегко было добиться. Они двинулись двумя шеренгами в обход, окружая его.

— Благороднейший, — обратился к нему начальник кавалеристов. Он сильно нервничал. — Давайте поговорим. Стало известно, что готовится заговор против императора... ак-кпр... поэтому очень желательно ваше присутствие.

Эдзел приложил ладонь к животу — ритуальный жест всжливости — и поклонился. Его шея сгибалась до тех пор, пока голова не уперлась в землю. Это расстроило Эдзела, но он сохранил равновесие и вежливо ответил:

— К... конечно... все, что могу. Идемте!

— Кхм... пустая формальность, благороднейший, император желает, чтобы вы... гм... надели общепринятые знаки достоинства. — Офицер знаком приказал выйти вперед одному из пехотинцев, который повиновался с видимым нежеланием. Он нес несколько цепей.

— Что? — Эдзел попятился. Мысли совсем перепутались в его голове.

— Стойте! — крикнул офицер. — Стойте на месте или мы будем стрелять!

Экипажи катапульти принялись настраивать свои орудия. Каждая из этих машин могла метнуть камень весом с Эдзела.

— Н... н... но что может случиться?

— Все что угодно. Демоны способны на все. Ваш товарищ исчез,

и вместе с ним много земцев. Узнав об этом, император заподозрил предательство и приказал окружить Железный Дом. Те, что находятся внутри, рассердились и отказываются сдаваться. Они стреляют в наших солдат!

Офицер провел ногтеобразным пальцем по своему кольцу из перьев. Ветер раздувал его плащ, занда под ним подпрыгивал, арбалеты были взведены и нацелены в Эдзела, копья направлены в грудь, солдаты замкнули вокруг воденита кольцо.

— Что? — Черт бы побрал эту выпивку. И никаких антитокси-
дантов под рукой. Эдзел нажал кнопку приемопередатчика. — Дэвид? Где вы? Что случилось?

Ответом было молчание.

— Дэвид! Отзовись! На помощь!

— Стойте на месте, — приказал офицер. — Вначале свяжем вам запястья. Если вы невиновны, вам нечего опасаться.

Эдзел настроился на корабль.

— Чи? Ты здесь?

— Конечно, я здесь, — слышался язвительный голос. — Где же мне еще быть?

Эдзел подавил вспышку раздражения. От этого в голове у него слегка прояснилось. Он попытался объяснить положение.

— Меня берут в плен. Я ухожу, — сказал он. — Мирно. Ты прилетишь на корабле... Они хотят связать меня... возможно, мы вместе поищем Дэвида.

— Что ты несешь? — проворчала Чи. — Но я вылетаю немедленно.

Группа магов делала яростные движения руками. Эдзел повернулся к офицеру.

— Да, конечно... ик... я иду к императору.

По радио послышалось отдаленное бормотание. Чи говорила с кем-то. Эдзел протянул руку и раскрыл рот. Он хотел изобразить улыбку, но показал лишь устрашающий ряд зубов.

Офицер подтолкнул копьем несшего цепи пехотинца.

— А ну, вперед, — приказал он. — Исполни свой долг.

— Сам иди вперед, — ответил тот.

— Что я слышу? Ты не выполняешь приказ?

— Да, — пехотинец отступил.

— О, идемте, чего же вы ждете, — сказал Эдзел. Он хотел встретиться с Джадхади и как можно скорее докопаться до сути дела. Он двинулся было вперед, но кавалеристы преградили ему дорогу. Офицер растерянно стоял в стороне. Его приказов не слушались.

— Хорошо, я помогу вам! — взревел Эдзел в нетерпении. Он поймал строптивного солдата, поднял его, отобрал цепи и снова поставил его на ноги. Тот в испуге упал и свернулся в комок.

Эдзел недоуменно уселся на хвост и задумался. Что-то у него не получалось.

— Как вы хотели укрепить это? — обидчиво спросил он, перебирая цепи. Чем больше он старался разгадать загадку, тем сильнее запутывался. Императорские солдаты как зачарованные смотрели на него.

Из приемопередатчика раздался крик:

— Эдзел! Уходи! Меня схватили!

Послышались звуки драки и резкие удары. Внезапно наступила тишина.

На какое-то мгновение Эдзелу показалось, что он на корабле играет в покер: у него тройка и на столе тройка, и вместе они образуют флеш-ройаль. Значит, надо повышать ставку. Пары алкоголя развеялись, и он понял, в каком положении оказался.

Лига учила своих космонавтов действовать быстро. Эдзел продолжал позванивать цепями, одновременно обводя взглядом площадь и оценивая обстановку. Прыжок налево, и, если повезет, он прорвется. «Только бы не причинить вреда этим бедным заблудшим душам, но я постараюсь этого избежать».

Он собрался с силами и прыгнул.

На его пути оказался кавалерист. Эдзел поднял его вместе с зандаром и швырнул на отряд копыеносцев. Их строй рассыпался. Он бросился в образовавшийся проход. Вокруг слышались крики, сыпался дождь стрел. Мимо ушей просвистел заряд, пущенный из катапульты. Офицер, вооруженный копьем, напал сбоку. Эдзел не увидел его вовремя. Конец копья ударил по приемопередатчику на шее воденита и сломал его. Эдзел мчался дальше, наращивая скорость. Зандары с всадниками быстро отстали от него.

Сплошная стена высотой в четыре этажа вдруг выросла перед ним. Эдзел на полной скорости подлетел к ней и запрыгнул наверх. Он ухватился за край и подтянулся. Грубая каменная поверхность давала возможность цепляться за неровности. Рядом ударил снаряд и осыпал его дождем каменных осколков. Эдзел взобрался на крышу, перескочил на следующую и, спрыгнув в переулок, поскакал по направлению к Старому городу.

Конечно, никакой помощи он не ждал. Но в лабиринте древних улочек его нелегко будет выследить. Он направлялся к озеру Урши. Туземцам не на чем будет преследовать пловца, так как у них нет ничего, кроме нескольких грубых плотов. Он легко уйдет. А перебравшись на тот берег, он двинется через Чакору. Ни одно слово не достигнет Хайджакаты раньше него — черт бы побрал этот разбитый передатчик.

Но им еще послужит передатчик Чи, после того как он выручит ее из неприятности, в которую она попала. Они поднимут корабль, вернут себе флиттер из дворца и начнут разыскивать Дэвида. Если Дэвид еще жив. И если они сами останутся живы.

Возможно, в случившемся было что-то от катандаранской теории, которая гласит, что сверхъестественные существа постоянно стремятся к злу. Если бы Чи Лан находилась на корабле в тот момент, когда ее вызвал Эдзел! Но она, бескомпромиссный рационалист, сама отправилась навстречу своей неудаче. Большую часть времени она проводила с Гурджанджи. Оба испытывали желание узнать как можно больше о цивилизациях друг друга.

Она первой сделала предложение — которое ему не совсем пришлось по вкусу — о регулярных, заранее назначенных встречах. Единственные в Хайджакате часы так спешили, что Чи подарила Гурджанджи свои. После этого барабаны гремели и флаги приветственно поднимались с завидной регулярностью, и она всегда знала, когда отправляться на вершину холма для очередной беседы.

Компьютер, которому она дала задание напоминать о встречах, громко возвестил, что время подошло и надо собираться.

— Нельзя ли повежливее, — проворчала Чи, откладывая книгу. Она уверяла товарищей по экипажу, что цинтианские книги, во множестве наполнявшие ее каюту, были философскими трактатами, хотя в действительности это были сентиментальные любовные романы. Чи радовалась любой возможности почитать их.

— Меня не запрограммировали быть вежливым, — сообщил компьютер механическим голосом.

— Напомнишь, когда я вернусь. Хотя нет, не нужно. Кого интересует мнение машины?

— Никого, — ответил Тупица, всерьез воспринимавший даже риторические вопросы.

Чи вскочила с койки и приготовилась к встрече. Она взяла в руки передатчик и записывающий аппарат, приторочила маленький женский пистолет к поясу — вот и все, что ей требовалось.

— Резервные приказы, как обычно, — сказала она компьютеру и вышла из ракеты.

Тупица спокойно бормотал что-то про себя. Хотя в его память был введен катандаранский язык, резервный приказ означал, что он должен повиноваться приказам, объявленным голосом — по радио или кодом — только членов экипажа. Однако Чи вывела наружу громкоговоритель на случай, если понадобится узнать, что наблюдают приборы корабля.

Люк закрылся за ней, и она спустилась по трапу. Один вход, непосредственно под стабилизатором, оставался постоянно открытым на случай экстренного взлета. Серьезной опасности от случайных туземцев экипаж не ожидал. Помимо их благоговейного страха перед кораблем, Чи учитывала, что этот вход ведет только в трюм номер четыре, сейчас совершенно пустой, и ни один икрайник не способен что-нибудь сломать там, а открыть вход дальше в

помещения корабля сможет только член экипажа. Чи гордилась своей предусмотрительностью.

Малиновое солнце было ярче и светлее для ее глаз, чем для глаз Фолкейна или Эдзела. Тем не менее день показался ей сегодня пасмурным. Чи выругалась, когда невидимый ветер взъерошил ее шерсть, которую она расчесывала целый час, воздух сушил ее ноздри, как Фолкейн осушает бутылку шотландского виски, ветер был холоден, как сердце ван Рийна, и нес с Чакоры запах, напоминающий запах креозота. О, вернуться бы в Та-чин-чен-ри, в «Дом-жизни-под-небом», вновь оказаться в родном доме на вершине дерева, среди родных запахов леса. Зачем только она покинула его?

Из-за денег, конечно. Чего только не сделаешь за приличную плату! Чи поджала хвост и свистнула.

Часовые у ворот поднесли к клювам мечи в знак приветствия, когда маленькая фигурка прошла мимо них. После того как она их благополучно миновала, они скрестили пальцы и прошептали заклинания. Правда, до сих пор пришельцы не принесли никаких неприятностей, наоборот, они обещали немалые выгоды. Но демоны — известные лжецы.

Если бы Чи увидела их манипуляции, она не удивилась бы и не обиделась. Она все больше и больше убеждалась в том, как консервативны эти икрайкийцы, как подозрительно они относятся ко всему новому. Это свидетельствовало только о том, что они находятся в донаучном периоде развития несмотря на фантастически долгую письменную историю. Она еще не нашла для себя приемлемого объяснения этому явлению.

Чи легко скользила мимо плетеных хижин. У входа в одну из них сидела туземка и вкладывала пищу в рот ребенка. Этим икрайкийцы напоминали цинтиан. И у тех и у других отсутствовали молочные железы, и новорожденные сразу начинали принимать обычную пищу. Но на этом сходство кончалось. Жена икрайкийца — маленькое существо, лишенное гребня из перьев, неряшливое и раболепное. Женщина-цинтианка была гораздо крупнее самца и сильнее его, ей приходится носить своего детеныша по деревьям — хотя лес не является исключительным местом обитания этой расы. Наследование по материнской линии являлось нормой, во многих цинтианских культурах было распространено многоумие, а прошлое знало и самый настоящий матриархат. Чи считала, что именно поэтому ее планета является такой прогрессивной.

Она постучала в дверь дома, где жил Гурджанджи. Посланник сидел за столом со своим гостем, комендантом гарнизона Лалнакхом. Они играли в игру, которая заключалась в выбрасывании разноцветных палочек на стол, разделенный на квадраты.

Чи забралась на стол, едва не разрушив ветхое сооружение из палочек.

— Что это? — спросила она.

Лалнакх нахмурился. Гурджанджи, уже свыкшийся с ее бесцеремонностью, сказал:

— Мы зовем это акритель, — и объяснил правила, которые оказались достаточно сложными. В целом все зависело от того, как палочки расположатся при падении.

— Очень распространенная игра, — добавил Гурджанджи.

— Вы будете играть или нет? — воскликнул Лалнакх.

— Конечно, конечно. Дайте подумать. — Гурджанджи примостил очки на клюв и принялся изучать расположение палочек на столе. Чем менее вероятную конструкцию он сумеет построить, тем больше выиграет, но если он не сумеет достигнуть уровня, объявленного заранее, то и проигрыш его окажется существенным. — Думаю, что мне сегодня повезет, — кивнул он на стопку монет рядом с собой. — Попробуем. — Он собрал свои палочки и принял решение.

— Не к чему гадать, — сказала Чи, — когда можно узнать.

Лалнакх посмотрел на нее.

— Как это понимать?

— Не реальный исход игры, конечно, — сказала Чи. — Но вероятность его. Каковы шансы на выигрыш и оправдывают ли они риск.

— Но как, во имя Разрушения, это рассчитать? — спросил Гурджанджи.

— Играйте, черт возьми! — сказал Лалнакх.

Гурджанджи потряс свою кучку палочек и бросил их. Он сделал ход.

— Акк-р! — прохрипел Лалнакх. — Не везет!

Он швырнул на стол последнюю монету.

Гурджанджи подсчитал.

— Вы должны больше, — сказал он.

Лалнакх грубо выругался и принялся рыться в карманах. Он бросил Гурджанджи матово-белый диск.

— Возьмите его! Рангакорская работа. Я хранил его как талисман. Но демоны сегодня злы на меня.

Гурджанджи протер очки и прищурился. Чи тоже рассматривала диск. На медальоне был выгравирован четкий рисунок: с одной стороны венок, с другой — горный пейзаж. Часть покрывавшего диск серебра стерлась.

— Да ведь это посеребренная бронза, — сказала она.

— Одно из многих искусств, которыми они владеют, — ответил Гурджанджи. — Они помещают металл в ванну и... не знаю, что там происходит. Сильная магия. Я был там однажды в составе посольской делегации, и они дали мне в руки две проволоочки, выходящие из какого-то ящика, и меня что-то укусило... Они смеялись. — Он вспомнил о своем достоинстве. — Но в любом случае, будучи магическими, такие предметы ценятся очень высоко. Это одна из причин того, почему так желательно завоевание Рангакоры.

— В этом мы поможем вам, — подхватила Чи. — А впоследствии

мы продадим вам столько посеребренных дисков, сколько вы захотите.

— Ах-кrrrr, понимаю, благороднейшая. Но не в моей власти принять такое... ук-кк немедленное? — да, немедленное решение. Я всего лишь посланник императора.

— Но вы дадите рекомендации, не так ли? — настаивала Чи. — Я знаю, что ваши курьеры скачут туда и обратно.

— У-к-к, действительно. Продолжим наши беседы?

— Я уйду, — сердито сказал Лалнакх.

В этот момент ожил передатчик:

— Чи? Ты здесь?

Голос Эдзела... но как он запинаяется и глотает слова, говоря по-английски. Неужели этот слюнтяй пьян? Чи надеялась, что рядом с ним нет земцев.

— Конечно, — ответила она более резко, чем ей хотелось.

Лалнакх отпрыгнул в сторону, вытаскивая кинжал. Гурджанджи стал делать охраняющие магические жесты, но соскочившие с клюва очки помешали ему выполнить ритуал.

— Что это за чума? — закричал Лалнакх.

— Где мои очки? — спрашивал, ползая по полу Гурджанджи. — Я ничего не вижу без очков. Какой демон унес их?

— Защитная магия, — быстро сказала Чи на катандаранском, в то время как из радиопередатчика доносился шум большой толпы. — Вам нечего бояться.

— Помогите мне найти очки, — просил Гурджанджи. — Мне нужны мои очки!

Лалнакх выругался, поднял и протянул ему очки. Чи слушала Эдзела. Шерсть ее встала дыбом. Но самообладание, как всегда в таких случаях, не покинуло ее, и мозг работал как криогенный калькулятор.

— Немедленно, — сказала она и взглянула на икранайкийцев. Они напряженно и враждебно глядели на нее.

— Я должна идти, — сказала она туземцам. — Мой магический передатчик предупредил меня об опасности.

— Что за опасность? — спросил Лалнакх.

Гурджанджи, более осведомленный о чудесах, творимых инопланетянами, вытянул указательный палец.

— Это был голос чудовища! — сказал он. — Но ведь оно в столице...

— Да, — сказала Чи. Но прежде чем она успела сочинить правдоподобную историю, Гурджанджи заявил:

— Должно быть, это устройство для разговора на расстоянии. Я давно подозревал, что вы обладаете такой способностью. Теперь, благороднейшая, не оскорбляйте меня, отрицая очевидное. Он звал вас на помощь, не так ли?

Чи оставалось только кивнуть. Икранайкийцы придвинулись ближе, возвышаясь над нею. Она не хотела быть уличенной во лжи —

это могло плохо отразиться на будущих взаимоотношениях, которые и сейчас были достаточно напряженными.

— Земцы восстали, — сказала она. — Они забаррикадировались в этом, как вы его называете, Железном Доме. Эдзел просит меня приехать и помочь справиться с ними.

— Нет, вы не должны этого делать, — сказал Лалнакх, а Гурджанджи добавил:

— Мне очень жаль, благороднейшая, но с тех пор как ваш товарищ прибыл во дворец, я регулярно получаю приказы удерживать вас на месте.

— Пыльные бури и чума! — воскликнула Чи. — Вы хотите гражданской войны? Вы ее получите, если не подчините земцев своей воле. И как можно скорее. — Шум из радиопередатчика стал громче. — Подумайте. Если бы мы хотели свержения Джадхади, разве бы я осталась тут с вами?

Они помолчали. Лалнакх выглядел неуверенно. Гурджанджи почесывал свой клюв.

— Схватка, — пробормотал он. — Определенно, схватка...

Из приемника донесся рев. Звенел металл, раздавались крики, тяжелые удары, от которых дрожал передатчик. Раздался пронзительный крик икрайкийца:

— Помогите, чудовище убьет меня!

Лалнакх взглянул на Чи. Солнечный свет, проникший в сумрачную комнату, кроваво блестел на его кинжале.

— Разве это по-дружески? — хрипло спросил офицер.

Чи схватила за пистолет.

— Недоразумение, — сказала она. — Говорю вам: мы ваши друзья, и я застрелю всякого, кто назовет меня лгуньей.

Среди железного лязга вдруг явственно послышался громкий вопль Эдзела.

Чи спросила:

— Слышите? Разве он сражается?

— Нет, — сказал Лалнакх. — Он убегает.

Чи спрыгнула со стола.

— Я должна идти, — сказала она. — Надеюсь, вы не задержите меня?

Тут Гурджанджи удивил ее. Она всегда принимала его за нелепого рассеянного профессора, но сейчас он вытащил меч и спокойно сказал:

— Я деодакх. Если я не задержу вас, меня выгонят из фратрии.

Чи колебалась. Она не хотела убивать... Убийство сведет на нет все попытки заключить торговый союз. Парализующий выстрел?

Она забыла о Лалнакхе. Рука офицера описала дугу. Ее пистолетик был выбит сильным ударом кинжала. Лалнакх навалился на нее. Она едва успела крикнуть в передатчик предупреждение, как уже лежала, прижатая к полу.

— Хек-к-к! — выдохнул Лалнакх. — Лежите спокойно, вы!

Он так дернул ее, что у нее зазвенело в голове, оторвал передатчик и отшвырнул его в сторону.

— Ну, ну, — упрекнул его Гурджанджи. — Не надо такой ярости, не надо. Какое несчастье. — Он наклонился к Чи, зажатой в руках Лалнакха и одновременно наступил на передатчик, раздавив его. — Я немедленно отправлю вестника с сообщением о случившемся. Пока он не вернется, с вами будут обращаться почтительно, насколько позволят обстоятельства.

— Погодите! — сказал Лалнакх. — Я глава гарнизона, а не вы.

— Но, мой друг, под угрозой находятся все возможные соглашения.

— Сомневаюсь в их реальности. Эти создания — демоны или ими владеют демоны. Но вы можете сами держать ее в заключении, а я позабочусь об охране. Я поставлю охрану и у их летательного дома. С катапультами. И если заявится этот гигант, они получают приказ убить его.

— Что ж, — сказал Гурджанджи, — это неплохая идея.

9

Фолкейн не потерял сознания полностью. Он воспринимал окружающее урывками, словно находился в крайней степени интоксикации... мозг его работал в дюжине различных направлений, воли не было совсем. Опираясь о стену, возле которой его посадили земцы, он смутно ощущал спиной ее твердость, чувствовал, как пол давит на подошвы его ботинок, как сух и холоден воздух, врывающийся в его легкие вместе с резким запахом наркотика, как стучит его сердце, он видел, как отражается красный свет на голом полу, как сереет в окнах тусклое небо, оно, казалось, качалось. Он видел большого светловолосого человека, который оглушил его, и другого, красноголового, который его поддерживал. Он подумал, что многие растения Икранаики могут иметь большую ценность для фармакологии, потом подумал о замке своего отца на Гермесе и о том, что должен чаще писать домой, а через полсекунды уже думал о приеме, устроенном при дворе Иту Ямацу в Токио, — это по законам ассоциаций напомнило ему о нескольких знакомых молодых женщинах, а это, в свою очередь, навело его на мысли о...

— Помогите мне, Сузи, — сказала Стефа Карлс. — Вскоре вернется его слуга. Или может войти кто-нибудь другой.

Она начала раздевать Фолкейна. Этот процесс мог бы смутить его, если бы он не был настолько одуревшим, или даже позабавить и развеселить, если бы это происходило при других обстоятельствах. И, конечно, если бы ей не помогал при этом светловолосый земец.

— Отлично. — Стефа ткнула пальцем в узел на полу. Рыжеволосый развернул его, вытащив наряд земца. Одежда была грубой — брюки, обшитые кожей, и полевой мундир кавалериста. Она начала

одевать Фолкейна. Работа ее была нелегкой, так как он безвольно висел в руках рыжеволосого.

Оцепенение постепенно проходило. Вначале он хотел было закричать. Но скорее врожденная осторожность, нежели рассудок, остановила его. Не время. Силы понемногу возвращались к нему, комната больше не вращалась, а когда они застегнут пряжку его пояса, на котором висит кинжал...

Стефа сделала это. Он мог бы выхватить кинжал и всадить ей в спину, когда она наклонилась над ним. Но это было бы убийством. Он осторожно повернулся к рыжеволосому. Рука его скользнула по рукоятке кинжала, он выхватил его и ударил воина в грудь.

Кинжал не имел лезвия, это был лишь обломок, одна рукоятка, вставленная в ножны. Земец, несомненно, получил ссадину и тихо выругался. Фолкейн, пошатываясь, попытался добраться до двери. Он уже раскрыл рот, чтобы закричать. Но светловолосый схватил его за руку, а Стефа достала влажную тряпку. С тигриной стремительностью она прыгнула вперед и впихнула ее ему в рот.

Вновь раскалываясь на куски, он увидел ее улыбку и услышал, как она бормочет:

— Хорошая попытка. У вас есть шансы стать мужчиной.

Она наклонилась, чтобы подобрать его пистолеты. Свет озарил ее волосы.

— Эй, — сказал светловолосый. — Оставь-ка это.

— Но это его оружие, — ответила Стефа. — Я говорила вам, что оно может делать.

— Мы не знаем, для какой черной магии оно служит. Оставь его, я сказал.

Рыжеволосый, потирая расцарапанную грудь, согласился с ним. Стефа вызывающе оглядела их. Но для споров не было времени. Она вздохнула и подняла пистолеты.

— Отнесем это в его спальню — пусть думают, что он вышел, — а потом пойдем.

Двое людей тащили Фолкейна, держа его под руки. Он слишком одурел от наркотика, чтобы осознавать происходящее и механически повиновался им. В приемной части дворца было не много народу. На лестнице они встретили его слугу, возвращавшегося с кувшином крепкого напитка. Икрайний не узнал Фолкейна в новом мундире. Не узнал его и никто из встретившихся им дальше. Лишь один чиновник спросил, что случилось.

— Он слишком много выпил и опьянел, — объяснила Стефа. — Мы отведем его в казарму.

— Позор! — сказал чиновник. Однако, видя перед собой троих вооруженных земцев, он не стал комментировать это событие дальше.

Через некоторое время Фолкейн понял, что его ведут к выходу в северной стене, сделанному на случай необходимости вылазки. Вид на город тут был скрыт рядом домов. Около двадцати земцев, большинство из которых были мужчины в боевом снаряжении,

нетерпеливо ожидали их здесь. Четверо тирутов-часовых лежали связанные с кляпами в клювах. Люди выскользнули из города.

Ущелье реки Джанджак лежало к западу от города, берега ее заросли древовидными растениями; снизу доносилось журчание воды. Здесь начиналась дорога, ведущая в горы. Вокруг простиралась пустыня, в ней высились скалы, крутые склоны которых были красными от окиси железа. В этой дикой местности земцы легко могли затеряться.

— Двигайся! — светловолосый дернул Фолкейна за руку. — Действие наркотика кончается?

— Кажется, да, — согласился тот.

С каждым шагом он приходил в норму. Но вряд ли можно было утверждать, что он чувствует себя хорошо в окружении этих убийц.

Через некоторое время они отыскивали глубокое и узкое отвесное ущелье. Здесь их ждали пятьдесят добрых зандаров под охраной двух икранайкийских всадников. Некоторые из животных были выючными, остальные верховыми и запасными. Отряд вскочил в седла. Фолкейн осторожно сделал то же. Туземцы оставили их и вернулись в город.

Стефа возглавила отряд. Они поднимались вверх, пока не оказались на вершинах скал, в дюнах, где не росло ничего, кроме жалких кустиков. За их спинами зеленела долина реки Джанджак. Далеко внизу остался город, а дальше, до самого горизонта расстилалась плоская равнина Чакоры. Они повернули на восток и поскакали галопом.

Путешествие Фолкейна трудно было бы описать привычными земными словами. Вначале зандар Фолкейна прыгнул так резко, что всадника чуть не выбросило из седла: он испытал неприятное ощущение свободного падения, затем седло пошло вверх и ударило его. Он завалился направо. Человек справа помешал ему упасть. Затем зандар сделал следующий прыжок. Фолкейн откинулся назад. Он спасся лишь тем, что ухватил животное за шею.

— Эй, ты хочешь задушить своего зандара? — услышал он чей-то голос.

— О... чень... хо... тел... бы, — ответил Дэвид между прыжками.

Вокруг него сверкали шлемы, нагрудники, острия копий, щиты и плескались развеваемые ветром плащи, звенел металл, скрипела кожа, барабанили копыта. Запах пота людей и зандаров висел в воздухе. Пыль поднималась облаками. Фолкейн мельком увидел впереди Стефу. Она смеялась.

Он сжал губы. Во всяком случае хотел это сделать, но рот его был полон песка. Если только он переживет эту поездку, он обязательно изучит технику езды на зандаре.

Постепенно он начал свыкаться со скачками. Когда зандар опускался, нужно было слегка подниматься в стремених и в то же время сжимать корпус животного согнутыми ногами. Когда движешься всем телом в ритме движений зандара, начинают работать

такие мышцы, о существовании которых раньше и не подозревал. Физическая усталость вскоре уничтожила всякое желание думать о том, чем кончится это путешествие.

Несколько раз они устраивали отдых, меняли животных и наконец остановились на ночевку и разбили лагерь. С вьючных заందаров сгрузили немного провизии и позволили себе поесть и выпить по несколько глотков воды из фляжек. Затем расставили часовых, залезли в спальные мешки и уснули.

Фолкейн не знал, сколько времени он находился в горизонтальном положении, когда его начала поднимать Стефа.

— Уйди, — пробормотал он, пытаясь снова нырнуть в спасительную темноту сна. Но она схватила его за волосы и потянула, призывая на завтрак.

Дорога стала полегче, и тело Дэвида болело меньше. Он начал обращать внимание на окружающий ландшафт. Пустыня сменилась холмами, тут и там попадались плодородные участки. Солнце, светившее в спину, опускалось все ниже, тени вытянулись далеко вперед, к горам Сундхараты, синеватая стена которых медленно вырастала на горизонте. Земцы почувствовали себя свободнее, они шутили, смеялись и иногда затягивали кровожадные песни.

Ближе к концу «дня» их догнал одинокий всадник с несколькими запасными животными. Дэвид взгляделся в него. «Клянусь Сатаной, это Хаф Падрик!» Земцы приветствовали его, и он проехал в голову колонны, поближе к Стефе.

Они все еще беседовали о чем-то, когда отряд остановился и начал разбивать лагерь на вершине холма, среди ярко-рыжих кустарников. Земцы не стали ложиться спать, разожгли костры и разлеглись вокруг них живописными группами. Фолкейн предоставил возможность одному из земцев расседлать своего заандара, обтереть его и пустить пастись поодаль. Сам же он уселся с сердитым и обиженным выражением лица, но вскоре встал, когда на него легла длинная тень. Рядом стояла Стефа. Он был вынужден признать, что она по-прежнему представляла собой приятное зрелище: рослая, с гибким, мускулистым телом, с чеканными чертами лица. Более привычная к холоду, она разделась до блузы и юбки, и это несколько подняло его настроение.

— Присоединяйтесь к нам, — пригласила она.

— Разве у меня есть выбор? — хрипло ответил он.

Их взгляды встретились. Она застенчиво коснулась его руки.

— Мне жаль, Дэвид. Я не хотела угрожать вам. Особенно после того, как вы спасли меня. Вы заслуживаете лучшего обращения. Позвольте мне все объяснить?

Он охотно отправился за ней, хотя старался не показывать это внешне. Они подошли к костру, где сидел Падрик, с наслаждением уписывающий мясо.

— Привет, — сказал земец. Ослепительная белозубая улыбка сверкнула в его бороде.

— Надеюсь, вам понравилась поездка?

— Что случилось с Эдзелом? — потребовал ответа Фолкейн.

— Ничего. Когда я последний раз видел его, он брел по дворцу, пьяный, как пивовар. Подумав, что мне лучше уйти из города до того, как начнется шум, я отправился к озеру Урши, где прятал своих животных, и двинулся вслед за вами. И задолго до встречи увидел поднятую вами пыль. — Падрик протянул кожаную бутылку.

— Хотите выпить?

— Вы думаете, я стану пить с вами, после того как...

— Дэвид, — попросила Стефа. — Выслушайте нас. Не думаю, чтобы ваш большой друг попал в серьезные неприятности. Они не посмеют причинить ему вред, пока маленькое существо владеет кораблем. Или Джадхади поймет, что вы похищены, а не ушли по своей воле.

— Сомневаюсь, — сказал Дэвид. — Черт их знает отчего, но эти икрайнейцы видят заговор под каждой кроватью.

— Нет! Мы действуем для всеобщей пользы. Только выслушайте нас.

Стефа жестом указала на седельное одеяло, лежавшее на земле. Фолкейн со стоном опустился на него. Стефа села рядом. Напротив за костром сдержанно рассмеялся Падрик.

— Скоро обед, — пообещал он, — так, как насчет выпивки?

— О, дьявол, ладно! — воскликнул Дэвид. Он глотнул из переданной ему бутылки. Обжигающая горло жидкость заставила его позавать боль и притупила тревогу за Эдзела.

— Вы люди Роберта Торна, так? — спросил он.

— Теперь — да, — сказала Стефа, — а сначала была я одна. Видите ли, Торн разослал повсюду икрайнейцев-шпионов. Рангакорцы, если уж они должны быть завоеваны, предпочитают, чтобы это сделали земцы, а не деодакхи. Им легче найти общий язык с нами. Некоторые из их отрядов сражались с нами, кроме того, есть торговцы и... Не так уж трудно проникнуть сквозь ряды осаждающих, утверждая, что ты торговец вразнос, пришедший с плоскогорья. Или что-нибудь в этом роде...

«Никуда не годная служба безопасности, — размышлял Фолкейн. — Как это может быть у расы, которая подозревает каждого? Что ж, подобная приверженность к своей фратрии должна была вызвать ослабление связей между фратриями. Что, в свою очередь, способствует если не шпионажу, то многим другим способам просачивания информации».

— Люди Джадхади рассказывали о вас, — сказала Стефа. — Я думаю, он предупредил высших офицеров, но один из них все же проболтался.

Фолкейн легко мог представить себе, как это произошло: тирут или яндаджи, получивший приказ деодакха хранить тайну от своих родичей, не удержался и выдал секрет.

— Вначале до нас доходили лишь смутные слухи. Но наши шпионы внимательно анализировали их. Мы не знали, что означают эти слухи и решили выяснить. Город был погружен в сумерки, поэтому я сумела выбраться незамеченной, раздобыла нескольких зандаров и двинулась в путь. Патруль около Хайджакаты заметил меня. Моего запасного зандара убили стрелой. Я сама едва спаслась. — Стефа засмеялась и потрепала Дэвида за волосы. — Спасибо тебе, Дэвид.

— И, конечно, узнав, кто мы и то, что мы находимся на стороне Джадхади, вы тоже решили выдать себя за его сторонницу, — добавил он, главным образом для того, чтобы удержать ее руку у себя на голове. — Но почему вы пошли на риск возвращения с нами в Катандаран?

— А что мне оставалось делать? Вы хотели разгромить нас. Я не представляла, как поступить в таком случае, но мне было известно, что в Катандаране немало людей охотно присоединились бы к нам в Рангагоре. К тому же я была уверена, что в Железном Доме никто не выдаст меня икрайнейшим. — Стефа озорно улыбнулась. — Ох, этот старый Гарри Смит сошел с ума. Он хотел предать меня суду. Но слишком многие были против этого. Он пытался удержать меня в казарме, пока не придумает какое-нибудь объяснение для всех. Это было его ошибкой. Я могла сидеть там и разговаривать, когда его не было поблизости. И я знала, с кем разговаривать, — со старыми друзьями, моими прежними возлюбленными.

— Что? — переспросил Дэвид растерянно. Падрик выглядел самодовольным.

— Мы составили план, — продолжала Стефа. — И ждали удобного случая для начала действий. Хаф нанял нескольких своих собутыльников в Старом городе, чтобы они купили животных и припрятали их. У нас было достаточно денег. Потом он познакомился с вами. Конечно, мы не могли захватить вас в присутствии Эдзела, проще было как-нибудь удалить его. Когда Эдзел ушел с Падриком, мы решили начать. Один за другим наши люди находили повод, чтобы выскользнуть в город. Оуэн и Росс помогли мне выбраться из казармы. Мы направились к вам на квартиру. Нас ожидало ужасное разочарование: вас там не оказалось. Но мы узнали, что вы на аудиенции у императора, поэтому ждали и надеялись. Остальное вы знаете.

Фолкейн повернулся и внимательно посмотрел на девушку.

— В чем смысл этого фантастического трюка? — спросил он.

— Помешать вам помочь Джадхади, — сказал Падрик. — Может, даже договориться с вами о помощи нам. В конце концов, мы же все люди.

— Но и земцы в Катандаране тоже люди.

— Но мы делаем это и для них, — возразила Стефа. — Почему мы должны быть фратрией наемных солдат, когда можем владеть собственной страной?

— И лучшей страной, чем эта, — добавил Падрик.

— Это замысел Роберта Торна, — согласилась Стефа. — Он надеялся, что все земцы оставят Джадхади и присоединятся к нам, как только узнают о том, что мы сделали. Прольется много крови. Но это нужно сделать, — голос ее зазвенел, — наше дело стоит таких жертв.

— Но зачем было обманывать меня? — горько спросил Дэвид. — Разве я не говорил вам, что вы все можете вернуться на Землю?

Глаза Стефы расширились. Она прижала руку ко рту.

— Ох! Я совсем забыла об этом.

— Слишком поздно, — рассмеялся Падрик. — К тому же я не уверен, что хочу улететь. Жизнь на Земле, должно быть, сильно отличается от нашей жизни, и отличается в худшую сторону.

— Хорошо, — сказал Фолкейн. — До сих пор ваш план осуществляется. Вы подняли суматоху в столице. Вы приостановили нас: пока мои друзья не отыщут меня, они не будут действовать. Вы смогли даже вбить клин между нами и Джадхади. Но не думайте, что мы будем делать за вас вашу грязную работу.

— Я хотела бы, чтобы вы были с нами, — проворковала Стефа, глядя его по щеке.

— Перестаньте! Я пришел, чтобы прекратить войны, а не поддерживать их.

— Не важно, — сказал Падрик. — Пока ваш корабль не вмешивается, мы побеждаем, а он не будет вмешиваться, пока вы у нас.

— Друзья освободят меня, разрушив ваши проклятые стены.

— Они попытаются, — сказал Падрик, — но найдут вас изрезанным на куски. Мы их об этом предупредим.

Говоря это, он даже не улыбнулся для приличия.

— Было бы очень жаль, — мурлыкнула Стефа, — ведь наша дружба только начинается, Дэви.

— Мясо готово, — сказал Падрик.

Дэвид взял себя в руки. Он не собирался оставаться пассивным дольше, чем это было необходимо. Однако еда, питье и красивая женщина помогли ему воспринимать сложившуюся обстановку с самообладанием, которым мог гордиться сам Эдзел.

«Эдзел, старый чешуйчатый приятель, жив ли ты? Ты должен уцелеть. Все, что тебе надо сделать сейчас, это связаться по радио с Чи и попросить о помощи».

Беседа за едой была вполне дружеской. Падрик после нескольких кружек сделался отличным парнем, а Стефа сверкала, как сверхновая звезда. Единственное, что вызвало недовольство Фолкейна, так это то, что они быстро закончили ужин и разошлись к своим спальникам набираться сил перед завтрашней дорогой.

Его часы остались во дворце вместе с другими вещами, но, насколько он мог судить, земцы обладали хорошо развитым чувством времени. Древние временные циклы Земли все еще управляли ими. Час на сборы после подъема, шестнадцать часов движения с

короткими перерывами, час на устройство лагеря и шесть часов отдыха, разделенные на две смены караула. Хотя в этой пустыне, вроде, нечего было опасаться.

По мере того как опускалось солнце, местность становилась все более зеленой, и скоро они уже двигались по предгорьям Супхадерты, покрытым растительностью, напоминавшей по виду мхи; журчали ручьи, на ветру шевелились густые заросли перьевых растений. На севере громоздились горы, окрашенные в цвета расплавленного золота. На востоке тоже возвышались горы, сверкавшие красными тонами. Фолкейн видел снежные пики и ледники. Небо над ними меняло окраску от пурпурного цвета к глубокому черному, на нем блестели десятки звезд и планет. Они находились уже на краю зоны сумерек.

Пояс сумерек объяснялся не только наличием атмосферной диффузии, дававшей достаточно света. Икранаика имела эксцентрическую орбиту и слегка раскачивалась на своем пути вокруг солнца. Пояс сумерек смещался по поверхности один раз за семидесятидневный год. В настоящее время сумерки отступили, и солнце стояло над восточным горизонтом. Склоны отражали так много тепла, и так много инфракрасного излучения получала поверхность, что здесь было даже теплее, чем в Катандаране. Осадки, выпавшие в холодный сезон, растаяли, и по склонам вниз струились ручьи. Фолкейн понял, почему все стремились обладать Рангакорой.

Он подсчитал, что отряд был в пути около пяти земных дней, пройдя примерно четыреста километров до того, как они повернули к югу по западному краю Чакоры. Перед ними высился горный хребет, и они вынуждены были взбираться по снежному конусу Маув-Гандра. Фолкейн привык к седлу и пустил зандара скакать самостоятельно, восхищаясь открывающимися видами и вспоминая о последнем разговоре у лагерного костра. Падрик ушел вперед, оставив его наедине со Стефой. Точнее, не совсем наедине: уединения нет, когда вокруг спуют люди. «И все же, — подумал он, — мой плен имеет свои приятные стороны...»

Они обогнули обрыв, и перед ними предстал город Рангакора.

Город был сооружен у дороги, на небольшом плато: Дальше за городом дорога поднималась вверх, к небу, а с этой стороны опускалась к бывшему морскому дну. Это древнее дно туманно поблескивало, словно болото, золотом и зеленью. Вблизи стен Рангакоры протекала река. Большая ее часть скрывалась в лесу, но как раз над городом она срывалась со скалы водопадом, сверкавшим ореолом брызг, образующих радугу. Дэвид затаил дыхание.

Земцы остановились и собрались вместе. Поднялись щиты, взлетели вверх сабли, тетивы арбалетов были натянуты, копыа подняты. Фолкейн понял, что сейчас не время восхищаться пейзажем.

Растительность вокруг города была вытоптана. Всюду горели костры, стояли палатки, развевались знамена. Крошечные на таком

расстоянии, люди Джадхади сидели группами вокруг города, из которого их изгнали.

— Попробуем прорваться, — сказал Падрик. Его слова перекрыли гул ветра и водопада. — Люди Торна увидят нас и сделают вылазку.

Стефа пришпорила своего зандара и приблизилась к Дэвиду.

— Мне не хотелось бы, чтобы вы убежали и сдались им, — улынулась она.

— О, дьявол! — сказал Дэвид, который как раз собирался сделать это.

Она привязала веревку от своего седла к узде его зандара. Другая девушка привязала веревку к его ноге.

— Боевое построение! — скомандовал Падрик. — В атаку! — Его сабля сверкнула.

Зандары двинулись вперед. Из лагеря имперских солдат донеслась тревожная барабанная дробь. Кавалерийский отряд помчался наперерез атакующим. Флажки на остриях их пик хлопали на ветру.

10

Будучи так же склонными к нарушению заведенного порядка, как и большинство других рас, икрайнейцы нуждались в тюрьмах. В Хайджакате тюрьма располагалась вблизи рыночной площади. Решетка, составленная из прочных прутьев, установленных тесными рядами, отгораживала внутреннее помещение от улицы. Если узник жаждал света, он мог отдернуть дверной занавес, но деревянная решетчатая дверь в этом случае оставалась закрытой. В камере был соломенный матрац и несколько глиняных чашек. Чи разбила одну из них и попыталась осколками перепилить решетку, но безуспешно. Это свидетельствовало о том, что если даже ее тюремщики и были сумасшедшими, то глупцами они не были.

Звон и бряканье оторвали ее от этого занятия. Дверь отворилась, занавес отдернулся, открыв пурпурный диск солнца, сверкнули очки Гурджанджи.

— Я как раз думала о вас, — сказала Чи.

— Правда? — Голос чиновника звучал ровно. — Могу я спросить, что именно вы обо мне думали?

— О, нечто веселое и несколько замедленное, связанное с кипящим маслом и расплавленным свинцом. Что вы хотели?

— Я... ук-к-к... могу я войти? — Занавес отдернулся шире. За спиной посланника Чи увидела несколько вооруженных стражников, а еще дальше — горожан, спешивших за покупками. Карантин до минимума сократил торговлю. — Я хочу выяснить, достаточно ли хорошо с вами обращаются.

— Что ж, в дождь крыша не протекает.

— Но ведь к западу от Супхадерты дожди вообще неизвестны.

— Верно. — Взгляд Чи коснулся сабли на боку Гурджанджи: «Может, остаться с ним наедине и попытаться... Нет, он отразит атаку и позовет на помощь». — А почему мне не дают мои сигареты? Это такие огненные палочки. Вы видели, как я брала их в рот.

— Они в вашем доме, благороднейшая, и хотя ваш дом не протестует против охраны, он отказывается впустить нас внутрь. Я уже пробовал.

— Доставьте меня туда, и я отдам приказ.

Гурджанджи покачал головой.

— Нет, к сожалению. Вы можете использовать неизвестные нам силы. Когда настоящее... ак-крр... прискорбное недоразумение разъяснится, тогда — да, благороднейшая. Я отправил курьера в Катандаран, и вскоре должен прийти ответ.

Решив, что разрешение войти получено, он вошел. Солдаты закрыли дверь на неуклюжий висячий замок.

— Тем временем появится бедный Эдзел и будет убит вашими горячими головами, — посетовала Чи. — Задерните занавес, вы, дурень! Я не желаю, чтобы эти ослы глазели на меня.

Гурджанджи повиновался.

— Теперь я ничего не вижу, — пробормотал он.

— Это не моя вина. Садитесь. Да, вот здесь матрац. Хотите выпить? Мне дали полный кувшин.

— Эк... к... к... гм... я должен...

— Давайте, — настаивала Чи, — пока мы пьем вместе, мы, по крайней мере, не являемся смертельными врагами. — Она налила крепкий напиток в глиняную чашку.

Гурджанджи выпил и позволил налить себе вновь.

— Я не вижу, чтобы вы сами пили, — сказал он. — Может, вы хотите напоить меня?

Чи со вздохом подумала, что не стоит и стараться.

Она все более напрягалась. Ее мозг усиленно работал, наконец она расслабила мышцы и сказала:

— Здесь нечем заняться, не правда ли? — Она взяла чашку и выпила. Гурджанджи не видел выражения ее лица в этот момент. — Фу! Вы клеветеете на нас, — продолжала она, — у нас были самые дружеские намерения. Однако если мой друг будет убит, ждите отщения.

— Кррр-ек... он будет убит, если только впадет в ярость. Против воли коменданта я расставил глашатаев, которые должны предупредить его, чтобы он оставался на месте. Надеюсь, что он будет благоразумен.

— Но что вы собираетесь с ним сделать? — спросила Чи и добавила: — Он должен что-то есть. — Гурджанджи моргнул, и Чи поспешила предложить; — О, выпейте еще.

— Мы... ак-крр... мы и для него можем приготовить помещение. Все зависит от указаний, которые я получу из столицы.

— Но если Эдзел направился сюда, он вскоре будет здесь. Допивайте, и я снова вам налью.

— Нет, нет, для такого старика, как я, уже достаточно.

— Я не люблю пить одна.

— Но вы еще немного выпили, — сказал Гурджанджи.

— Но я меньше вас. — Чи осушила свою чашку и наполнила снова. — Я хочу, чтобы вы оценили мои способности.

Гурджанджи наклонился вперед.

— Хорошо. В доказательство моего искреннего стремления к дружбе я присоединяюсь к вам.

Чи легко разгадала его тайную мысль: «Пусть напьется, может, что и выболтает». Она утвердила его в этой мысли, изобразив легкое икание.

Он отпил еще, и Чи добавила. В продолжение следующего часа речь его становилась все более бессвязной.

Но в отличие от Чи он, казалось, сохранял трезвость. Он все пытался убедить ее, что именно Фолкейн — организатор недавних беспорядков в Катандаране. Когда она с гневом отвергла это обвинение, он сменил тему разговора.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — сказал он. — О ваших способностях, например.

— Я... способнее вас... — сказала Чи.

— Да, да, конечно.

— Нам... м... ного...

— Да, и вы это доказали...

— И я... к-к... рр... асивее...

— Ук-к-к... вкусы так различаются, вы знаете, вкусы различаются. Но должен признаться, что вы очаров...

— Разве... я не пр-рек... расна? — Усы Чи дрожали.

— Наоборот, благороднейшая. Пожалуйста, прошу вас...

— Я х... х... орошо пою... вот послуш... айте меня... — Чи встала, держа в руке чашку, размахивая хвостом и покачиваясь. Гурджанджи зажал уши.

Чинг, чанг, гули, гули, васса.

Чинг, чанг, гули, гули бум.

— Какая чудесная мелодия! Но боюсь, что мне пора идти. — Гурджанджи пошевелился, сидя на матрасе.

— Не ух... дите, стар... ый... ик... дру... жище, — попросила Чи. — Не ос... ляйте меня одну...

— Я скоро вернусь. Я...

— Упп! — Чи, покачнувшись, навалилась на него. Чашкой она задела очки Гурджанджи, и они свалились с его клюва. Чи попыталась их схватить вместе с чашкой. Раздался звон.

— Помогите! — закричал Гурджанджи. — Мои очки!

— Прос... ти... те, прости... те... — Чи барахталась среди осколков.

Вбежали стражники. Чи отступила. Гурджанджи от внезапного яркого света замигал.

— Что случилось, благороднейший? — спросил солдат. Его меч был обнажен.

— Не... сч... стный случай... — бормотала Чи. — Из... в... няюсь.

— Назад! — Меч повернулся к ней, второй охранник принялся собирать осколки.

— Это случилось ненамеренно, — сказал Гурджанджи, производя пассы против демонов.

— Я думаю, вам лучше лечь спать.

— А я советую вам подлечиться. Заведите докторов, как у нас, пройдете курс лечения у окулиста, и вам не нужны будут очки. — Чи сама удивилась своему сочувствию. Имперский советник был богат и, несомненно, имел запасные очки.

И действительно, Гурджанджи сказал:

— Спасибо, у меня есть запасные. Отведите меня домой.

Он поклонился Чи и вышел. Она свалилась на матрац и закрыла глаза.

— Слишком светло. Задерните занавес, — попросила она.

Стражники повиновались, потом снова закрыли дверь на замок. Чи подождала несколько минут, встала продолжая имитировать безмятежный храп...

Жидкость тяжело болталась у нее в животе. Но на работе ее мозга алкоголь совершенно не отражался. Этанол — обычный продукт цинтианского метаболизма. И... пользуясь темнотой и слепотой Гурджанджи, она зажала в ладони несколько больших осколков стекла, сунув их затем под матрац.

Она разорвала чехол матраца на куски, чтобы обмотать руки и защитить их от порезов, и начала работу в дальнем конце камеры.

Стекло было не очень твердым. Его края оказались недостаточно острыми, чтобы хорошо резать. Поэтому Чи пришлось заострить концы, расслаивая стекло, — Академия Лиги давала множество практических навыков, — но через некоторое время осколки становились слишком малы, чтобы держать их в руке.

— Ад и проклятье! — прошептала она, когда один из осколков сломался окончательно.

— Что это? — послышался голос снаружи.

— Хр... р... р... — ответила Чи.

Человек давно изшел бы потом и бросил работу, но Чи философски смотрела на усталость и возможные неудачи. К тому же ей было нужно меньшее отверстие, чем человеку. Слава Богу, что она завершила работу прежде, чем ее инструмент пришел в полную негодность.

Теперь изогнуть спину, напрячь мускулы рук и ног со всей силой, которую представители ее вида накопили во время полетов с ветки на ветку в родных лесах. Уф!... Раздвинув прутья, она протиснулась сквозь них и оказалась перед внешней плетеной стеной. Ее нос уперся

в грубую поверхность стены. Преодолевая боль, дрожа от холода, она атаковала ее зубами и когтями. Одно за другим волоконца рвались.

«Быстрее, пока никто не заметил!»

Появилось отверстие, сквозь него был виден безлюдный переулок, часть лишенной окон стены дома, залитой красноватым солнечным светом. Чи протиснулась в отверстие и побежала.

Городские ворота могут надежно охраняться, а могут и не охраняться вовсе. Но в любом случае, направляясь к ним через весь город, она будет замечена. Кто-нибудь остановит ее, ей могут выстрелить в спину из арбалета. Она промчалась мимо тюрьмы и кинулась бежать через площадь.

Туземцы пронзительно закричали. Кухарка присела среди купленных ею товаров. Из мастерской выскочил кузнец с молотком в руке. Стражники побежали за ней. Впереди, в центре города, было небольшое строение, похожее на киоск. Чи запрыгнула внутрь.

Грубо высеченные ступени вели вниз, в колодец. Влажный ветерок повеял ей в лицо. Вход быстро исчез из вида, она находилась в туннеле, проложенном в скале и освещенном через большие интервалы укрытыми лампами. Чи остановилась, чтобы прикрутить фитили двух ламп. Хотя ей затем пришлось ощупью добираться до следующего освещенного места, но у икранайкийцев задержка будет еще значительнее. До нее донеслись их крики, резкие и искаженные эхом. Не осмелившись вступить в темноту, они отправились назад за факелами.

К этому времени она уже была на дне колодца. Короткий каменный коридор привел ее в комнату с источником посредине. Женщина-туземка выпустила из рук рукоятку ворота и с криком отпрыгнула к стене. Чи не обратила на нее внимания. Выход отсюда, когда город не находился в опасности, не охранялся. Чи заметила это еще раньше, когда Гурджанджи показывал ей окрестности. Она прыгнула со стены в кустарник и песок.

Оглянувшись назад, она увидела суматоху на стенах Хайджака-ты. Увидела она и родной «Сквозь хаос»; его вершина четко вырисовывалась на фоне неба. Мгновение она колебалась: не попытаться ли достичь корабля. Оказавшись на его борту, она будет неуязвима. Или она просто может выкрикнуть приказ, чтобы корабль взлетел и подобрал ее.

Нет. Копья и щиты звенели вокруг корпуса звездолета. Везде были расставлены катапульты. Она не сумеет приблизиться незамеченной на расстояние слышимости, не успеет произнести условной фразы, прежде чем ее схватят. А Тупица не запрограммирован на действия без прямого приказа, какими бы ни были показания его детекторов.

«Ну, ладно. Хорошо бы отыскать Эдзела». — Чи двинулась в путь. Довольно долго она брела параллельно дороге, ведущей в Хайджакату, скрываясь в окружающей дорожку растительности.

В знойном воздухе неподвижно стояла стена тонкой пыли, и с

каждой минутой Чи ощущала все большую жажду. Она пыталась отвлечься, обдумывая, как лучше опровергнуть статью, которую читала перед отлетом с Земли в «Журнале ксенологии». У автора, похоже, вместо мозгов был мясной салат, а вместо глаз — вареные яйца.

Тем временем подошла пора напиться и передохнуть. Она двинулась по полю к зарослям тростника. Там мог оказаться ручей. Она пробиралась осторожно, словно тень среди теней, пока не наткнулась на ферму.

Эдзел был здесь. Он стоял, зажав в лапах похожее на свинью животное, которое истошно визжало. Эдзел терпеливо говорил, обращаясь к кому-то за закрытыми воротами фермы:

— Но, мой друг, вы должны сообщить мне свое имя.

— Чтобы ты использовал его в демонических заклинаниях? — сказал изнутри хриплый мужской голос.

— Нет, обещаю вам. Я хочу дать вам расписку. Или скажите, кому мне потом заплатить. Мне нужна пища, но я не хочу ее красть.

Из бойницы вылетела стрела. Эдзел вздохнул.

— Ну, что ж, если вы это так воспринимаете...

Чи вышла из зарослей.

— Где вода? — хрипло спросила она.

Эдзел вытаращил глаза.

— Ты? Дорогой друг, во имя Вселенной, что случилось?

— Идиот, оставь свою вежливость. Разве ты не видишь, что я умираю от жажды?

Эдзел попытался ошетиниться. Но так как у него не было волос, это ему не удалось.

— Всегда нужно говорить вежливо. Знала бы ты, чего можно достигнуть вежливостью. Я бежал день и ночь...

— ...и обежал всю планету? — усмехнулась Чи.

Эдзел перестал спорить и показал ей ручей. Вода была мутной и пахла болотом, но Чи пила с упоением. Теперь она понимала волнение, в которое приводил Фолкейна бокал шампанского. Потом она села и привела себя в порядок.

— Обменяемся новостями.

Пока она говорила, Эдзел свежевал животное. Для этого у него не было никаких инструментов, но он в них и не нуждался. Выслушав рассказ Чи, он печально взглянул на нее и спросил:

— Что же нам теперь делать?

— Вызывать корабль, конечно.

— Но как?

Чи только сейчас заметила, что передатчик Эдзела разбит. Они молча смотрели друг на друга.

Гурджанджи приладил свои запасные очки. Они не были такими удобными, как старые. Окружающее он видел смутно. «Но так лучше, — подумал он. — Эта штука настолько огромна. И полна волшебства. Да, я убежден, что в сложившихся обстоятельствах лучше не видеть ее слишком ясно».

Он сглотнул, собрал свое имущество и сделал шаг вперед. Солдаты следили за ним, стоя поодаль с испуганным выражением лиц. Это слегка нервировало Гурджанджи.

— Я должен показать, что мы, деодакхи, не знаем страха.

Однако он никогда не пришел бы сюда, если бы не Лалнакх. Комендант вел себя, как пустынный варвар. Гурджанджи знал, что тируты несдержанны, но не до такой же степени! Все-таки это цивилизованная фратрия. Однако Лалнакх так бранился и бушевал по поводу бегства пленницы, что... Да, с практической точки зрения этот случай не способствует укреплению репутации Гурджанджи. Но гордость за свою фратрию требовала ответить на брань спокойно и с достоинством: «Я иду советоваться с летающим домом. Осмелится ли комендант сопровождать меня? Нет? Отлично». Конечно, сейчас следует промолчать, но, вернувшись, можно будет намекнуть кое-кому, что благородный Лалнакх побоялся идти. Да, свое моральное превосходство необходимо доказывать даже с риском для жизни.

Гурджанджи с трудом проглотил комок в горле.

— Благороднейший, — позвал он. Собственный голос показался ему незнакомым и довольно странным.

— Вы обращаетесь ко мне? — ответил ровный, без выражения, голос сверху.

— Ак-кр, да.

Еще раньше чужеземцы рассказывали Гурджанджи, что летающий дом может говорить и думать. Но они могли обмануть его. Может, внутри кто-нибудь скрывается? Если это так, то там прячется странная личность, ничего не желающая делать.

— Ну? — сказал Гурджанджи, когда молчание затянулось слишком надолго.

— Я жду продолжения, — безразлично ответил дом.

— Я хочу, благороднейший, выяснить ваши намерения.

— Мне не указали, что нужно делать.

— Значит, вы ничего не будете предпринимать?

— Я веду наблюдения и обрабатываю их на случай, если они потребуются позже.

Гурджанджи облегченно вздохнул. Дело обстоит так, как он и думал. Весьма довольный, он спросил:

— Допустим, вы увидите, что один из членов вашего экипажа в опасности. Что вы будете делать?

— То, что мне будет приказано, в пределах моих возможностей.

— И ничего больше? Я имею в виду... Крре... ек... не будете ли вы действовать по собственной инициативе?

— Нет, пока не получу словесный или кодовый приказ. Иначе можно наделать ошибок.

Еще более успокоившись, Гурджанджи вдруг ощутил исследовательский пыл. У всех имеется определенное интеллектуальное любопытство. И, конечно, нужно применять свои открытия на практике. Если вновь прилетевший земец и два его жутких товарища будут убиты, что ж, тогда летающий дом останется здесь. Гурджанджи повернулся к стоявшему поблизости офицеру.

— Отведите всех подальше, — сказал он. — Мне нужно обсудить секретные вопросы.

Тирут подозрительно взглянул на него, но повиновался. Гурджанджи снова повернулся к кораблю.

— Однако вы не совсем пассивны, — сказал он. — Вы разговариваете со мной.

— Я так сконструирован. Я логически мыслю и способен поддерживать беседу.

— Ах-крр, разве вы, как бы это сказать, не скучаете здесь?

— В моей конструкции не предусмотрена такая возможность. Мой мозг сохраняет постоянную активность, анализируя наблюдения. Когда нет свежих данных, я рассматриваю логические возможности, возникающие при игре в покер.

— Что?

— Покер — это игра, в которую играют у меня на борту.

— Понятно. Ук-к-к, ваша отзывчивость чрезвычайно приятна.

— Меня инструктировали быть вежливым и гостеприимным по отношению к вашим людям. «Инструктировали» — самое близкое по значению слово, которое я могу отыскать в катандаранском словаре. Меня не инструктировали не отвечать на вопросы. Я сделал из этого вывод, что могу отвечать.

Возбуждение охватило Гурджанджи.

— Вы хотите сказать, если я правильно вас понял, благороднейший, что ответите на любой мой вопрос?

— Нет. Поскольку меня инструктировали служить интересам экипажа и поскольку эти солдаты вокруг меня означают, что экипаж вступил с вами в конфликт, я не могу сообщить вам информацию, которая увеличила бы ваши силы.

Гурджанджи почувствовал разочарование, поняв, что летающий дом не расскажет ему, как делать бластеры. Тем не менее задавая умные вопросы, со временем можно будет кое-что узнать.

— Вы можете давать мне советы, касающиеся безвредных для вашего экипажа дел?

Дул холодный ветер, кружа песок и раскачивая кусты. Спрятанный в доме компьютер размышлял. Наконец он ответил:

— Эта проблема находится на пределе возможностей моего логического мышления. Я не вижу причины, почему бы не ответить

на ваши вопросы. В то же время наша экспедиция имеет цель — приобретение богатства. Лучшее решение, которое я могу найти, это брать с вас плату за советы.

— Но как?

— Вы можете принести меха, лекарства и другие ценности и положить их у открытого входа, который вы, вероятно, видите. Какой совет вы желаете получить?

Гурджанджи задумался. Он знал, что у него появилась редчайшая возможность узнать что-то действительно существенное. Если только он сумеет придумать... Погоди. Он вспомнил замечание Чи Лан в доме Лалнакха перед ее арестом.

— Мы играем в игру под названием акритель, — медленно сказал он. — Вы можете подсказать мне, как в нее выиграть?

— Объясните правила.

Гурджанджи объяснил.

— Да, — сказал корабль, — это просто. Выигрывать все время без шулерства невозможно. Но, зная шансы и вероятности различных расположений, которые могут возникнуть в игре, вы можете поступить в соответствии с ними и в длительной игре всегда окажетесь в выигрыше при условии, что ваши противники этих вероятностей не знают. Очевидно, они не знают, поскольку вы об этом спрашиваете и поскольку для их расчета требуется знание высшей математики. Принесите бумагу и письменные принадлежности, и я продиктую вам таблицу вероятностей.

Гурджанджи сдержал себя, чтобы не проявить свою радость слишком явно.

— Что вы хотите за это, благороднейший?

— Я не знаю точно. Разрешите, я оценю информацию, которой я располагаю, чтобы определить цену...

Летающий дом задумался, потом назвал, какое количество товаров потребуется.

Гурджанджи заявил, что это его разорит. «Дом» ответил, что в таком случае ему не следует покупать информацию. Он не пожелал торговаться, поскольку, несомненно, найдутся и другие, которые посчитают, что цена не так уж велика.

В конце концов Гурджанджи уступил. Конечно, ему придется занять денег, чтобы закупить такую кучу товаров, но из-за карантина, сократившего рынок в городе, цена будет не слишком высокой. Когда-нибудь он покинет свою жалкую деревушку и вернется в Катандаран, а уж там игра пойдет по настоящим ставкам.

— Вы выяснили что-нибудь, благороднейший? — спросил офицер, когда Гурджанджи направился в город.

— Да, — ответил он. — Очень важная информация. Я дам за нее взятку, но сделаю это из своего кармана, в интересах императора. Ак-кр... проследите, чтобы никто не разговаривал с летающим домом. Он наделен смертельной магической силой.

— Конечно, благороднейший! — вздрогнув, ответил офицер.

Герои приключенческих книг могут переносить тяжкие испытания — без психохимических средств; без сна, вообще без каких-либо телесных потребностей, и они всегда готовы на новые подвиги. Реальный человек создан иначе. Проведя двенадцать часов без сна и в спальном мешке, Фолкейн чувствовал себя усталым и больным. Он не был ранен во время прорыва через линии, но стрелы нападавших пролетали рядом, а Стефа зарубила саблей вражеского всадника за мгновение до того, как он дотянулся до Фолкейна своим копьем. Люди Роберта Торна предприняли вылазку, сломили сопротивление имперских солдат и провели вновь прибывших в Рангакору. Фолкейн находился на волосок от смерти. Его нервы все еще были напряжены.

Стефа была очень весела, показывая ему дворец. Он должен был признать, что дворец восхитил его. В нем было больше света и воздуха, чем в любом другом помещении Катандарана, он поражал своей красотой и к тому же содержал в себе бесчисленные богатства, накопленные за прошедшие тысячелетия. Тут даже были внутренние двери: бронзовые, украшенные рельефными изображениями, окна из относительно прозрачного стекла и паровые обогреватели.

Они вышли из мастерской гальванопокрытия, составляющего королевскую монополию и размещавшуюся прямо во дворце, и отправились на балкон. Фолкейн был поражен успехами местных физиков: свинцово-кислотные батареи, медный провод, начальные эксперименты с чем-то, напоминающим лейденскую банку. Он понимал, что это общество ближе людям, чем Катандаран.

— Здесь Торн, а с ним и король, — сообщила Стефа. Она провела Фолкейна к перилам. За ними следом шли два его охранника. Это были дружелюбные молодые парни, но они никогда не оставляли его одного и постоянно держали оружие наготове.

Торн опустил медную подзорную трубу, в которую он глядел, и кивнул:

— Вражеский лагерь с каждой сменой караула становится все неряшливее. Противник совершенно деморализован.

Фолкейн взглянул в указанном направлении. Дворец представлял собой единое здание в несколько этажей и с большим количеством окон. Он располагался вблизи от вершины холма. Вокруг дворца не было стен, только сад, а за ним — город. Подобно Катандарану, Рангакора была очень древним городом, полностью выстроенным из камня. Дома представляли собой симфонию мягких белых, желтых и красных тонов. Они словно смотрели наружу, а не внутрь, у них были заостренные, крытые черепицей крыши и грациозные колонны — Фолкейну они напоминали земные здания эпохи раннего Возрождения. Улицы были сравнительно широкие, мостовые выложены крупноразмерным булыжником, по ним двигалось множество уменьшенных расстоянием фигурок, слышался слабый стук колес и

топот ног. От печных труб вверх тянулись дымки, по небу плыло несколько облаков. За городом серо-синие холмы поднимались к Маув-Гандра, чья снежная вершина сверкала золотом в вечном солнечном закате. Справа гремел водопад: белый, зеленый, в радугах и брызгах, он пробивал свой путь вниз, в Чакору, которая отсюда, казалось, ярко сверкала жизнью.

Взгляд Дэвида остановился на осаждавших. Их палатки и костры усеяли плато за городскими укреплениями, в стороне бродили стада домашних животных, а там, где собрались солдаты, сверкал металл. Узнав о восстании, Джадхади прислал значительные подкрепления.

— Их гораздо больше, чем вас, — сказал Дэвид.

Роберт Торн рассмеялся. Это был коренастый седобородый человек с пылающими голубыми глазами. Его лицо было покрыто старыми боевыми шрамами, поверх расшитой драгоценностями куртки на поясе висела выдававшая виды сабля.

— Не торопитесь с выводами, — сказал он. — Мы приготовили запасов больше, чем они в состоянии собрать со всей страны. Пусть посидят немного. Может, придут остальные земцы. Даже если не придут, то к следующему периоду сумерек они будут голодны, больны и склонны к грабежу, и мы легко разобьем их. Они и сами знают это. У них не хватит выдержки. — Он повернулся к стройному, молодому, краснокожему икрайнейкицу в костюме шафранового цвета и с позолоченным ожерельем: — Король Урсала, вот человек из-за края мира, о котором я вам говорил.

Монарх наклонил свою птичью голову.

— Приветствую, — сказал он на диалекте, который было нетрудно понять. — Мне давно хотелось встретиться с вами. Но лучше бы это произошло в более дружеской обстановке.

— Она вполне возможна, — намекнул Дэвид.

— Нет, если ваши друзья попытаются исполнить свою угрозу подчинить нас Катандарану, — сказал Урсала. Его ровный тон смягчил резкость выражений.

Фолкейн почувствовал себя неловко.

— Гм... мы ведь чужеземцы, и конкретных данных о вашем мире у нас не было. И разве так уж плохо присоединиться к империи? Вам бы здесь ничего не угрожало.

Урсала взъерошил кольцо своих перьев и надменно ответил:

— Рангакора уже был городом, когда Катандаран выглядел всего лишь деревушкой. Еще несколько поколений назад деодакхи были пустынными варварами. Их путь — не наши пути. Мы не натравливаем фратрию на фратрию, не требуем, чтобы сын обязательно овладевал профессией отца.

— Как это? — Фолкейн был ошеломлен.

Стефа кивнула.

— Фратрии здесь — всего лишь объединения семей, — сказала она. — Они не совпадают с гильдиями.

— Я говорил вам об этом, благороднейший, — самодовольно сказал Торн. — Под защитой земцев...

— О которой мы не просили, — прервал его Урсала.

— Нет, но, если бы я не решился на это, здесь теперь восседал бы вице-король империи.

— Думаю, что вы лучше, чем грубые варвары, — вздохнул король. — Иршари слишком долго благоприютствовали нам. Мы позабыли искусство войны. Но будем откровенны... Вы потребуете плату за свою защиту — в земле, сокровищах и власти.

— Конечно, — сказал Торн.

Чтобы прервать возникшее напряженное молчание, Фолкейн спросил, кто или что такое Иршари.

— Создатели и владыки Вселенной, — сказал Урсала. — Разве вы за краем мира так же суеверны, как и те, в западных землях?

— Что? — Фолкейн сжал кулаки. Дрожь возбуждения охватила его. Он засыпал Урсала вопросами.

Полученные им ответы опровергали все выработанные ранее предположения. Рангакора имела высокоразвитую стандартную религию: с богами, требовавшими жертвоприношений и лести, но в целом благосклонными. Единственной могучей силой зла был тот, кто убил Зурната Ярчайшего, и Зурнат ежегодно возрождался после того, как другие боги опускали его тело в залив.

Но почему у остальных икранайкийцев такие параноидальные представления о зле?

Почему западные культуры считали космос исключительно враждебным началом?

Мозг Фолкейна напрягся, ему казалось, что сейчас он решит проблему, над которой думал последние недели. На дневной стороне Икранайки не было смены времен года. Не было смены жизненных ритмов, лишь одна бесконечная борьба за выживание в условиях медленно деградирующей природы. Любое изменение в ней вело к худшему: землетрясение, песчаная буря, чума, ящур, высыхающие колодцы. Неудивительно, что туземцы с подозрением относились ко всему новому. Неудивительно, что они чувствовали себя уверенно только в окружении членов своей семьи — фратрии. Неудивительно, что цивилизация была нестабильна и что так часто нападали варвары.

Рангакора, находившаяся на краю зоны сумерек, знала дождь и снег, знала смену дня и ночи — полутьму. Там были известны целые созвездия, когда ее люди проникли на темную сторону планеты, они хорошо изучили ночное небо.

Но тогда...

Нет. Рангакора была маленькой и изолированной. Она не имела сил для создания империи. А ван Рийн, узнав о раздорах и варварах на этой планете, захочет иметь дело только с устойчивой империей. Помощь Рангакоре была бы донкихотским жестом, но Политехническая лига не воюет с ветряными мельницами. Освобожденная

Рангакора снова будет захвачена, как только улетит космический корабль. А других посещений не будет.

Но постоянное благотворное влияние Рангакоры было бы очень полезно межзвездным торговцам. Как же найти компромисс?

Фолкейн в отчаянии взглянул на небо. Когда же, во имя ада, появится «Сквозь хаос»? Несомненно, Чи и Эдзел пытались отыскать его. Значит, с ними что-то случилось.

Он заметил, что Урсала что-то говорит ему, и вышел из своей задумчивости.

— Прошу прощения, благороднейший.

— Мы не используем почетные титулы, — сказал король. — Только враги нуждаются в умиротворении. Я просил вас рассказать о вашем доме. Это, должно быть, удивительное место, а один Иршари знает, как мне нужно отвлечься.

— Ну, гм...

— Мне тоже интересно, — сказал Торн. — В конце концов, если мы, земцы, вынуждены будем оставить Икранайку, то это многое изменит. Нам придется уходить из Рангакоры...

Высказывая это предположение, он не выглядел слишком счастливым.

Фолкейн глотнул. Если людей эвакуируют на Землю, он станет героем, но ван Рийн вышвырнет его из отряда торговцев-разведчиков. Несомненно, ему дадут другую работу: приятная безопасная должность третьего помощника на каком-нибудь заброшенном торговом посту с замечательной перспективой к пятидесяти годам стать вторым помощником и еще через десять лет быть выброшенным с крохотной пенсией.

— Ну, наше солнце светит гораздо ярче, — сказал он. — Стефа, вы видели, как освещены наши помещения.

— Я чуть не ослепла, — пробормотала девушка.

— Постепенно вы бы привыкли, но поначалу придется быть осторожными, выходя из помещения. Солнце обожжет вашу кожу.

— Чертовы условия! — вырвалось у одного из охранников Фолкейна.

Фолкейн решил, что нужно усилить впечатление.

— Только в первое время, — успокоил он. — Потом вы приспособитесь, и ваша кожа станет жесткой и темно-коричневой.

— Что? — Стефа приложила руку к щеке. Ее рот раскрылся.

— Там, должно быть, жарко, — проницательно сказал Урсала.

— Не очень, — сказал Фолкейн. — Но во многих местах, конечно, теплее, чем здесь.

— Как же вы это выдерживаете? — удивился Торн. — Я бы измошел потом.

— Ну, в самое жаркое время вы могли бы сидеть в помещении. Мы умеем устанавливать в помещении нужную температуру.

— Значит, я должен буду сидеть и ждать, когда переменится погода? — пролаял Торн.

— Я помню, — вмешалась Стефа. — Воздух у вас влажный, как на болоте. На Земле всегда так?

— Это зависит от того, где вы находитесь, — ответил Фолкейн. — К тому же мы научились управлять погодой.

— Хуже некуда, — сказал Торн. — Если я буду потеть, то я тем более не хочу это делать по чьему-то капризу. — Вдруг его лицо прояснилось. — Но мы будем бороться с теми, кто изменяет погоду, и убивать их.

— Боже, конечно, нет! — сказал Фолкейн, пояснив: — Убийство на Земле запрещено.

Торн прислонился к перилам и, разинув рот, ошарашенно спросил:

— Но что я тогда буду там делать?

— Ну... вы бы несколько лет учились... Земных лет, конечно, в пять раз более длительных, чем икранайкийские. Изучили бы математику, натуральную философию, историю и... хотя теперь, когда я думаю об этом, мне это кажется затруднительным. Но не беспокойтесь. По окончании учебы вам подыщут работу.

— Какую работу?

— М... м... м... конечно, не высокооплачиваемую. Видите ли, обращение с машинами требует навыка, привычки, а вы их не имеете. Думаю, вы сможете стать... — Фолкейн задумался в поиске туземных слов, — поварами, или привратниками, или еще кем-нибудь.

— Я, который правит городом? — Торн покачал головой и что-то забормотал про себя.

— Но где-то вы все же должны воевать, — возразила Стефа.

— Да, к сожалению, — согласился Фолкейн.

— Почему «к сожалению»? Вы странный человек. — Стефа повернулась к Торну. — Не унывайте, кэп! Мы будем солдатами. Если Великий Грантер не лгал, там много мест, где можно получить хорошую добычу.

— Солдатам не разрешается захватывать добычу, — сказал Фолкейн. Они выглядели ошеломленными. — К тому же солдатам нужен больший навык в обращении с машинами. В вашем возрасте его трудно приобрести.

— Иршари... огня... — прошептал Торн.

— Мы должны будем собрать совет фратрии немедленно, — встревоженным голосом сказал один из охранников.

Торн выпрямился и взял себя в руки.

— Сейчас это будет нелегко сделать, — сказал он. — Когда осада будет снята и мы встретимся со своими людьми, тогда посмотрим. Урсала, мы с вами должны наладить связь между нашими силами.

— Да, думаю, это необходимо, — неохотно согласился король. Он повернул голову к Фолкейну. — До свидания. Надеюсь, что когда-нибудь мы поговорим подробнее.

Торн попрощался с отсутствующим видом, он о чем-то глубоко задумался. Они ушли

Стефа облокотилась на перила. На ней была короткая куртка. Ветерок развеивал ее распущенные бронзовые локоны. Выражение лица было мрачным, но Фолкейн вспомнил некоторые ее реплики и почувствовал, как участился его пульс. Он должен скрасить нарисованную картину.

— Я не хочу сказать, что Земля такая уж плохая, — начал он. — Вам она понравится. Такая хорошенькая девушка, да еще с таким экзотическим происхождением... вы произведете сенсацию.

Она продолжала задумчиво смотреть на сторожевые башни. В ее голосе звучало презрение:

— Да, вначале... но надолго ли?

— Ну... моя дорогая, для меня вы всегда будете восхитительны.

Она не ответила.

— Какого черта вы так задумались? — поинтересовался Дэвид.

Она сжала губы:

— Я думаю над тем, что вы сказали. Когда вы освободили меня, я сочла вас настоящим мужчиной. Но можете ли вы что-нибудь, когда рядом с вами нет вашего чудовища, а в руках... да... машины? Вы не можете ездить верхом на зандаре. Да и не научитесь никогда. Способны ли вы сделать что-то без посторонней помощи?

— По крайней мере, одно, — попытался он пошутить.

Она пожала плечами.

— Я не сошла с ума, Дэвид. Только разочаровалась. Правда, это моя вина, что я раньше не замечала различий между нами. Именно эти различия и делают вас таким красивым.

«Боже!» — простонал про себя Дэвид.

— Пойду поищу Хафа, — сказала Стефа.

Глядя ей вслед, Фолкейн потер подбородок. Он укололся о пробивавшуюся щетину. Конечно, так и должно быть. Кончилось действие последней дозы энзима, препятствующего росту волос. Вряд ли на Икранайке найдется бритва. Несколько дней он будет испытывать зуд, пока не отрастет настоящая борода.

«Девушка рассуждала правильно», — подумал он про себя без горечи. Конечно, многое в этом неудачном путешествии произошло по его вине. Если Чи и Эдзел попали в беду, в этом тоже его вина: ведь он был капитаном. Через четыре месяца, если они к тому времени не вернутся, на базе распечатают конверт с маршрутом их полета и отправят спасательную экспедицию. Она выручит его, если он к тому времени будет жив. В данный момент он не был уверен, что хочет этого.

Внезапные громкие крики привлекли его внимание. Он перегнулся через перила и посмотрел за городскую стену. Казалось, над его головой разразился гром.

Эдзел!

Воденит галопом мчался по дороге. Его чешуя сверкала, он ревел громче водопада. Во вражеском лагере поднялась паника. С башен

Рангакоры донесся барабанный бой. Люди и икранайкийцы бежали к стенам.

— Живой демон! — крикнул кто-то за спиной у Фолкейна. Он оглянулся и увидел, что два его охранника с пепельно-серыми лицами глядят на страшное видение. Можно было бежать. Он скользнул к двери.

Но вернулась Стефа. Она схватила его за руку и всей тяжестью повисла на ней.

— Будьте бдительны! — крикнула она. Охранники вышли из оцепенения, выхватили из ножен сабли и повели его обратно. Он почувствовал слабость.

«Что случилось? — удивился он. — Где же корабль?»

Теперь оставалось только ждать. Катандаранская кавалерия собралась вновь и напала. Эдзел рвался вперед. Копья отскакивали от его защитных пластин, всадники взлетели в воздух от его ударов, зандары в страхе разбегались. Его можно было остановить только огнем катапульта. Но полевая артиллерия не была готова к стрельбе по инопланетным существам, тем более когда прямо на нее скачет живой дракон. Артиллеристы побежали от орудий.

Ужас распространялся как термоядерная реакция. Через несколько минут армия Джадхади превратилась в кричащую толпу, в панике бегущую вниз по плато. Эдзел некоторое время гнался за ней и остановился только тогда, когда убедился, что она действительно ушла. Когда последний пехотинец исчез из виду, воденит повернулся и поскакал обратно через опрокинутые повозки, мимо бегущих зандаров и каракутов, брошенного оружия, пустых палаток и дымящихся костров. Он радостно размахивал хвостом.

Он скакал вверх, к воротам. Фолкейн не слышал, что он ревел, но мог себе это хорошо представить. Люди почувствовали, как у них подгибаются колени. Прибежал запыхавшийся посланец и сказал, что его вызывают. Фолкейн шел по пустынным улицам, все гражданское население Рангакоры спряталось по домам и молилось богам. Юноша подошел к городской стене.

Прогулка по городу успокоила его. Стоя рядом с Торном, Урсала и Стефой перед линией солдат и глядя вниз на друзей, он понял, что снова обрел способность соображать. С близкого расстояния он разглядел за гигантскими плечами воденита мех Чи. Они живы! Слезы выступили у него на глазах.

— Дэвид! — взревел Эдзел. — Я знал, что найду тебя здесь. Почему меня не выпускают?

— Я пленник, — ответил Фолкейн по-латыни.

— Нет, — сказал Торн. — Говорите либо на английском или катандаранском, чтобы я мог понимать, либо молчите.

Поскольку наконецники копий вокруг казались необыкновенно острыми, Фолкейн повиновался. К общему чувству недовольства жизнью добавилось теперь и то, что все услышали о положении их корабля. Вот теперь-то он прочно застрял. Его затошнило.

Торн нетерпеливо сказал:

— Эй, у нас может быть общая цель. Давайте вместе выступим на Хайджакату, отнимем у них эту летающую штуку, а оттуда двинемся на Катандаран.

Голос Урсала стал ледяным:

— Иными словами, вы хотите оттуда управлять моим городом?

— Мы должны помочь нашим братьям, — сказал Торн.

— На пути сюда я перехватил курьера, — сказал Эдзел. — Боюсь, я слишком напугал его, но мы прочли депешу. Земцы, которые были в городе вне стен Железного Дома, объединились и напали с тыла. Объединенные силы земцев прорвали осаду Железного Дома и вырвались из города. Они двинулись к... как же это называется... к какой-то чакоранской деревне и позвали с собой всех членов фратрии. Джадхади не осмелился напасть на них имевшими в его распоряжении силами. Он собирает подкрепления из различных гарнизонов.

Торн потянул себя за бороду.

— Я знаю своих людей, — сказал он. — Они уйдут раньше, чем император соберет свои силы. И куда же они двинутся? Конечно же сюда. — Его лицо прояснилось. — Клянусь Разрушением! Нам остается только сидеть и ждать, и все будет так, как я хотел.

— Кроме того, — предупредила Стефа, — мы не можем доверять Фолкейну. Как только он вернет себе летающую машину, он будет делать все, что захочет. — Она бросила на Дэвида враждебный взгляд. — Думаю, в таком случае он нападет на нас.

— Единственное, чего я хочу, это убраться с вашей планеты, — сказал Фолкейн. — И как можно дальше.

— А потом? Ваши вонючие торговые интересы связаны с Катандараном. Вместо вас придут другие, подобные вам. Так что лучше задержитесь, дружок. — Она перегнулась через парапет, сложила ладони рупором и закричала:

— Уходите, или мы бросим вам голову вашего друга.

Чи встала между спинными пластинами Эдзела. Ее тонкий голос едва долетел до них сквозь гул водопада:

— Если вы это сделаете, мы обрушим на вас стены города.

— Нет, подождите, подождите, — сказал Урсала. — Будем разумными.

Торн провел взглядом по лицам собравшихся на городской стене. На воинах блестел пот, языки облизывали пересохшие губы, клювы были раскрыты и перья взъерошены.

— Мы не можем сделать вылазку, — сказал он вполголоса. — Наши люди слишком испуганы, а большинство зандаров разбежались. Но мы можем удержать его на расстоянии. Когда соберется вся фратрия — да, тогда нас будет достаточно. Нам следует подождать.

— И сохранить мне жизнь для заключения соглашения, — быстро добавил Фолкейн.

— Конечно, конечно, — усмехнулась Стефа.

Торн издал приказ. Инженеры начали наматывать трос катапульти. Эдзел услышал скрип и отступил.

— Смелей, Дэвид! — крикнул он. — Мы тебя не оставим.

«Сказано хорошо, но пока от этого мало толку», — подумал Фолкейн. Торн не просто хотел удержать Рангакору, он намеревался и его использовать для пользы своей фратрии. Если земцы поддались влиянию икранайкийцев и усвоили их хроническую подозрительность, они никогда не отпустят его на корабль. Они скорее сделают его постоянным заложником на случай прилета других космических кораблей. А укрепившись здесь, они попытаются свергнуть гегемонию деодакхов. Им это может удасться. Фолкейну оставалось надеяться, что спасательная экспедиция сумеет заключить договор: в обмен на него Лига откажется от Икранайки. Он знал, условие будет выполнено: нельзя торговать с враждебной цивилизацией. А когда ван Рийн узнает, что такой потенциальный рынок потерян, он пнет Фолкейна так, что тот улетит на Луну.

В какую гнусную историю он впутался!

Охранники отвели его во дворец, где находилась тюрьма. Эдзел собрал животных, не успевших сорваться с привязи, поел и приступил к осаде города в гордом одиночестве.

13

Чи Лан удалось незаметно добраться до восточной стены. Катандаранцы располагались слишком далеко, чтобы вытоптать здесь кустарник, а рангакорцы не успели срезать или прополоть его. Тут было достаточно высоких растений, чтобы скрыть ее приближение. Присев на корточки, она глядела на темный утес. Облако, двигавшееся по пурпурному небу, казалось, опрокидывало его прямо на нее. Острые чуждые растительные запахи щекотали ноздри. Ветер был холоден, с противоположной стороны доносился рев водопада.

Отсюда, из тени, трудно было разглядеть подробности. Но она мысленно намечала маршрут. Как обычно, стена не была покрыта штукатуркой, камни были плотно прижаты друг к другу, но дожди и морозы за несколько тысячелетий выщербili их. По ним можно было взобраться наверх.

Мысцyлы Чи напряглись. Она подпрыгнула, уцепилась пальцами рук и ног, подтянулась и поползла. Холодная и грубая поверхность стены царапала ей живот. Ей мешали двигаться веревка, которую она разыскала в брошенном лагере, и два кинжала у пояса. Тем не менее не проявляя никаких чувств, она карабкалась вверх.

Когда ее пальцы ухватились за верхний край стены, она на мгновение заколебалась. Через равные промежутки здесь стояли часовые. Но... она подтянулась, протиснулась между зубцами и замерла. Справа и слева она видела ближайших к ней часовых. Один

был икрайкийец, другой — человек. Их плащи развевались так же сильно, как знамена на вершинах башен. Но они ее не видели.

Теперь быстро! Чи прыгнула с парাপета. Как и следовало ожидать — любой сколько-нибудь сведущий военный инженер предусмотрел бы это, — несколько метров пустого пространства разделяли внешнюю стену и ближайшее здание. Когда прекратилась торговля с внешним миром, движение здесь остановилось. Она не боялась встречи со случайными прохожими, но все равно предпочла развить максимальную скорость. Последние метры она буквально пролетела.

Свернув в ближайший переулок, Чи ненадолго остановилась отдышаться. Вдруг послышались топот ног и хриплые голоса. Ухватившись за оконную раму, она вскарабкалась на крышу здания.

Отсюда открывался широкий вид. Огромное красное солнце освещало улицы, по которым двигалось несколько туземцев. Через несколько часов после появления Эдзела они все еще были слишком потрясены, чтобы работать.

«Посмотрим... Дэвида, очевидно, держат во дворце, по всей вероятности, вон в том претенциозном здании в центре города». Она наметила дорогу по крышам и решила пересекать улицы в самых узких и пустынных местах. Чи двинулась в путь.

Осторожность требовала времени, но это была недорогая цена. Самое трудное препятствие ждало ее в конце. Четыре широкие улицы отделяли ее от дворца, на них было оживленное движение. Кроме посыльных, спешивших с поручениями, здесь находились группы икрайкийцев, похожих на людей в том отношении, что они пытались извлечь выгоду из близости ко двору правителей. Чи провела несколько часов за трубой в наблюдении, прежде чем подвернулся шанс продолжить путешествие.

По улице дребезжала тяжелая карета, направляющаяся к королевскому дворцу, а перед ней двигался пожилой туземец в чиновничьем мундире. Чи соскользнула в пространство между соседними домами. Мимо прошлепали каракуты, проскрипела телега, ее корпус скрыл Чи от толпы. Она нырнула под телегу и побежала на четвереньках. Ей пришлось пробежать около трех метров, чтобы добраться до старика. Он мог ее заметить, но поблизости тянулся сад, и в крайнем случае его живая изгородь и беседки скрыли бы отважную Чи. Но она надеялась, что в этом не будет необходимости.

Она преодолела открытое пространство за полсекунды. Приподняв край длинного платя старика, она нырнула под него и опустила ткань.

Старик остановился.

— Что? Что? — услышала она и повернулась вместе с ним, стараясь не попасть ему под ноги. — Кррр-ек? Что? Готов поклясться, я слышал... нет, нет... мк-к-к... — И он поплелся дальше.

Решив, что они достаточно углубились в сад, Чи оставила его и спряталась за ближайшим кустом. Сквозь листву она увидела, что

старик вновь остановился, поправил одежду, почесал голову и потащился по боковой аллее, что-то бормоча.

Чи обошла сад. Когда кто-то проходил мимо, она пряталась так, как это умеют только лесные жители. Наконец ей представилась еще одна удачная возможность.

Она обходила северную сторону дворца. От стены ее отделяли заросли псевдобамбука. Никого не было видно, кроме часового-туземца, шагавшего по траве. Он должен был все знать. Чи пропустила его мимо себя и прыгнула. Летящий живой снаряд заставил икрайнейца упасть на живот. В мгновение ока она оказалась у него на плечах, левой рукой схватила его за горло, а правой вытащила нож.

Она прижала острое к его горлу и прошептала:

— Только пикни, мой друг, и ты превратишься в кусок холодного мяса. Только такое мясо мне не нравится. Вряд ли ты вкусен.

Ослабив хватку, она позволила ему повернуть голову, чтобы он смог ее увидеть. Солдат издавал судорожное бульканье. Неприятно увидеть на себе демона с серой маской на лице, пусть даже и маленького.

— Быстрее, если хочешь жить, — приказала она. — Где пленный туземец?

— Ак-к-к-ук-к-к...

— Не ври. — Чи уколола его острием. — Ты знаешь, о ком я говорю. Высокий, желтоволосый, безбородый человек. Говори или умрешь!

— Он... он в... — слова не шли из горла, солдат сделал слабую попытку встать, но Чи моментально лишила его сознания. Еще будучи в Хайджакате, она хорошо изучила анатомию икрайнейцев, насколько это было возможно сделать без вскрытия. Это была довольно слабая раса.

Когда солдат вновь пришел в себя, он был вполне готов для сотрудничества. Он был слишком напуган, чтобы лгать. Чи в свое время провела достаточно допросов, чтобы быть уверенной в этом. Она определила направление и поняла, что нашла то, что искала. Два земца охраняли помещение, заняв пост перед массивной бронзовой дверью.

— Спасибо, — сказала Чи. Скомкав обрывки солдатского мундира, она засунула ему в рот кляп, связала информатора веревкой и откатила в заросли. Когда она уходила, он пришел в себя.

— Я уверена, что тебя скоро найдут, — сказала Чи. — Вероятно, когда начнут поливать сад.

Она скользнула прочь. Теперь нужно было спешить, но силы оставили ее. Скрытное проникновение в этот проклятый город, лишенный ночи, совершенно вымотало ее. Чи требовалось отдохнуть. Открытое окно давало возможность пробраться в комнату, которая казалась необитаемой. Но, чтобы добраться до окна, нужно было миновать охранников, слуг, чиновников, торговцев, просителей,

родственников, сновавших по длинным коридорам, вбежать по лестнице, улучив момент, когда она будет пуста, в надежде, что никто не появится, прежде чем она найдет следующее укромное место, и так далее, и так далее. К тому времени, когда она достигла балкона, чьи тонкие колонны упирались в нужный ей карниз, ее нервы были напряжены до предела.

Она взобралась по колонне на крышу и пробралась по черепице к месту, расположенному как раз над окном комнаты, которая служила темницей Фолкейну. Солдат сказал ей, что эта комната находится между вторым и третьим балконами с северной стороны. Плюс два этажа вниз по совершенно гладкой стене. Но у Чи остался довольно длинный кусок веревки, а на крыше торчало немало труб. Она закрепила веревку за ближайшую трубу, взглянула в сад, чтобы удостовериться, что ее никто не видит, и скользнула вниз.

Спустившись, она посмотрела в окно. Причудливая решетка из позеленевшей от времени бронзы позволяла ей пробраться внутрь. Но для человека отверстия были слишком малы. Почему она не догадалась отыскать в катандаранском лагере пилу? Она протиснулась сквозь решетку и постучала в стекло за ней. Ответа не было. С комментариями, которых трудно было ожидать от такого пушистого существа, она разбила стекло рукоятью кинжала и вползла внутрь. Осмотревшись, она втянула за собой веревку.

С точки зрения икражайкийца, комната была хорошо обставлена, но человеку она показалась бы темным и холодным склепом. Фолкейн мирно спал, свернувшись клубком. Чи подошла к кровати, зажала ему рот — люди так эмоциональны! — и только затем потрясла его за плечо.

Он проснулся.

— Апп... апп...

Чи прижала палец к губам. Глаза Фолкейна прояснились, он кивнул, и она отпустила его.

— Чи! — потрясенно выдохнул он и обхватил ее руками. — Какого дьявола?

— Я прокралась сюда тайно, идиот! А ты решил, что я подкупила всю эту банду? Давай лучше подумаем, как тебе выбраться отсюда. Фолкейн разинул рот.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь этого?

— Откуда мне это знать?

Он встал с разочарованным видом.

— Мне тоже.

Присутствие духа оставило Чи. Она опустила на пол.

Фолкейн наклонился, взял ее на руки и нежно прижал к груди.

— Спасибо тебе, ты старалась... — пробормотал он.

Ее хвост свистнул в воздухе. Голосу Чи вернулась обычная твердость:

— Не думаю... Все, что нам надо, это сбежать отсюда. Тогда мы

сможем где-нибудь забиться, чтобы спокойно ждать спасательную экспедицию.

Фолкейн покачал головой.

— К сожалению, нет. Как мы встретимся с ними? Они, конечно, обнаружат «Сквозь хаос», но к тому времени, когда мы достигнем укрытия, нас так начинят железом, что Джадхади сможет обвинить Торна в нашем исчезновении. Вспомни, как эти туземцы стояли друг за друга перед лицом чужеземцев.

Чи немного подумала.

— Я смогла бы пробраться в пределы досягаемости детекторов нашего корабля.

— М-м-м. — Фолкейн провел рукой по волосам. — Нет, ты не сможешь сделать это. Иначе почему ты до сих пор не попыталась? Там нет никакого укрытия. — Гнев поднялся в нем. — Дьявольски не везет, что передатчик Эдзела тоже разбился! Если бы мы могли вызвать корабль...

Голос его дрогнул. Он пошатнулся и сел на кровать. Чи следила за ним круглыми желтыми глазами. Молчание становилось невыносимым.

Вдруг Дэвид сжал кулаки и воскликнул:

— Черт возьми! Да!

Он вспомнил то, что изучал в детстве. Да, его опьянили наркотиком, похитили, ему, можно сказать, надавали оплеух, и он ничем не мог ответить обидчикам. Это огорчало его. Теперь, найдя выход, он снова почувствовал себя мужчиной. Сохраняя внешнее спокойствие, он ликовал от радости.

— Слушай, — сказал он. — Ты можешь выбраться обратно из города, даже если этого не смогу сделать я. Но ваши с Эдзелом шансы на долгое выживание не очень велики. Вероятность моего освобождения еще меньше. Если же мы совершим побег прямо сейчас, если не побоимся сломать себе шеи...

Чи не стала оспаривать его план. Она подумала, произвела в уме кое-какие расчеты и кивнула в ответ.

— Согласна.

Дэвид принялся одеваться, но внезапно остановился:

— Ты не хочешь сначала немного вздремнуть?

— Нет, я чувствую себя вполне сносно. А ты?

Дэвид улыбнулся. Сон освежил его. Кровь быстро бежала по жилам.

— Готов драться со всеми, мой друг.

Одевшись, он подошел к двери и постучал в нее.

— Эй! — закричал он. — На помощь! Несчастье! Крайне важно! Открывайте же скорее, вы, тупоголовые идиоты!

В скважину просунули ключ. Дверь широко распахнулась. В проеме стоял бородатый земец огромного роста с обнаженным мечом. Его товарищ ждал сзади, на безопасном расстоянии.

— Ну?

— Мне нужен ваш начальник, — пробормотал Фолкейн. Все что угодно, лишь бы подойти поближе. Он поманил стражника. — Я вспомнил о чем-то ужасном.

— Что? — донеслось из бороды.

— Вот что... — Фолкейн обхватил плащ стражника по обе стороны броши-защелки и свел руки. Они сомкнулись на гортани. Одновременно Чи нырнула в дверь и прыгнула на второго земца.

Первый ткнул мечом вперед, но ноги Фолкейна там уже не было. Он подпрыгнул в воздух и нанес ему сокрушительный удар в голову. Солдат взвыл от боли и завалился на спину без сознания. Фолкейн позволил ему упасть и бросился ко второму земцу, на которого уже вскарабкалась Чи. Земень издавал фырканы и судорожно ловил ротом воздух, но Чи не могла одна справиться с ним.

Фолкейн ударил его по горлу ребром ладони. Охранник упал.

Он был тяжело ранен. Убедившись в этом, Дэвид почувствовал облегчение. Он втащил обоих в комнату и переоделся в мундир одного из них. Но кругом было слишком много народу. Какая-то туземка сунула к ним голову и закричала. Что ж, нельзя требовать, чтобы все удавалось. Фолкейн подобрал саблю охранника и побежал, размахивая ею и крича:

— Кровь и кости! Все назад!

Земцы валились друг на друга. Дорога была свободна.

Вот и электротехническая мастерская. Фолкейн ворвался в нее. Из-за столов, загроможденных различной аппаратурой, на него устремились двое ученых и несколько учеников.

— Все вон отсюда! — сказал Фолкейн.

Они было замешкались, но Дэвид подтолкнул Главного Философа Королевства Рангакора своей саблей. Его сразу поняли. Он захлопнул дверь и закрыл ее на задвижку.

Сквозь массивную металлическую дверь доносился шум, с каждой минутой делавшийся все более громким: голоса, топот ног, звон оружия, гром барабанов. Он осмотрелся. Через окно комнаты выбраться нельзя, но в дальнем конце комнаты оказалась вторая дверь. Он запер и ее и тотчас же принялся нагромождать возле нее мебель. Сложив все, что смог, в кучу, Фолкейн обвязал это взятой у Чи веревкой, чтобы баррикада была прочнее. Они будут ломиться только в одну дверь... там, где им покажется легче.

Закончив работу, он вернулся, тяжело дыша. Чи тоже была занята. Она скорчилась в середине комнаты на полу среди невероятной мешанины батарей, разноразных деталей и обломков, наматывая спиралью проволоку и неодобрительно глядя на банку конденсаторов. Она могла лишь догадываться о емкости, сопротивлении, индукции, вольтах и силе тока в этом устройстве.

Обе двери дрожали от ударов кулаков и ног. Дэвид караулил ту из них, которую не успел забаррикадировать. Он раскачивался на ногах, расслабляя мускулы. За его спиной Чи вертела в руках искроразрядник: он почувствовал слабый запах горелого.

Снаружи прозвучал человеческий голос:

— Освободите дорогу! Мы разнесем эту дверь, если вы не уберетесь с дороги!

Чи и не подумала оторваться от своей работы.

Шум снаружи замер. После недолгого затишья послышался топот и в бронзу ударил какой-то тяжелый предмет. Дверь зазвенела и прогнулась. Таран ударил снова. На этот раз послышался треск, сопровождаемый проклятиями. Дэвид усмехнулся. В качестве тарана они использовали балку из плетеных прутьев, но вряд ли с ее помощью они добьются успеха. В образовавшуюся щель были видны несколько земцев в полном боевом облачении, на лицах их была написана ярость.

— Тю-тю! — сказал Фолкейн. Кто-то закричал:

— Кузнеца сюда! — Ему показалось, что он узнал голос Хафа Падрика. — Эй вы там, тащите сюда кузнец! Пусть захватит молот и зубило!

Вот это уже другое дело, но и кузнецу потребуется время. Фолкейн повернулся, чтобы помочь Чи.

— Как ты думаешь, силы тока в этих батареях будет достаточно? — спросил он.

— О да. — Она взглянула на единственный верстак, который они не использовали при строительстве баррикады. На нем она соорудила импровизированный телеграфный ключ. — Расстояние до корабля составляет не более четырехсот километров, верно? Даже такой хлюпик, как Эдзел, преодолел его в несколько стандартных дней. Меня больше беспокоит, сумела ли я правильно выбрать длину волны?

— Ну что же, возьми ее приблизительно, а затем используй прилегающий диапазон. Знаешь как? Изменяя длину проволоки.

— Конечно, знаю! Разве мы в твоей комнате не обсудили уже все детали? Лучше перестань болтать и займись каким-нибудь полезным делом.

— Это не для меня. Я ведь сангвиник по натуре, — ответил Дэвид. Он неуклюже вертел в руках щипцы странной формы, явно не приспособленные для человеческой ладони, и пытался расставить батареи в ряд. — А вот и лейденская банка, хотя на этой планете ее следовало назвать рангакорской банкой.

Дверь снова зазвенела и зашаталась. Дэвид оглянулся. Прошло около часа с момента появления в его камере Чи. Черт возьми, не так уж много времени, чтобы сыграть роль местного Генриха Герца. Чи заканчивала свою работу. Наконец, скорчившись над неуклюжей грудой аппаратуры, она взяла ключ и кивнула Фолкейну. Через щель разрядника полетели искры. Чи начала передачу — кодом Лиги. Невидимые и всепроникающие радиоволны полетели в окружающее пространство.

Теперь все зависело от того, сумела ли она найти правильную

частоту. Времени на поиск оставалось совсем немного. Через одну-две минуты дверь рухнет. Фолкейн вернулся к своему посту.

Задвижка отлетела. Дверь распахнулась и, сверкая мечом, в помещение ворвался земец.

Фолкейн скрестил с ним лезвие своей сабли. Зазвенела сталь. Как и следовало ожидать, земец был абсолютным невеждой в искусстве фехтования. Фолкейн мог убить его при желании в первые же секунды схватки, но он не хотел крови. К тому же, удерживая этого парня в дверях, он мешал ворваться остальным.

—Хочешь повеселиться?—спросил он земца между ударами лезвий. В нем постепенно нарастал гнев.

«Точка, точка, тире, точка... Лететь к Рангакоре, приземлиться в пятидесяти метрах от южных ворот города. Точка, тире, точка...»

Земец подставил бок для удара. Дэвид не воспользовался его оплошностью. Между тем противник отскочил в сторону и рядом с ним из двери появился второй земец. Фолкейн продолжал удерживать первого, нанеся второму жестокий удар ногой. Тот захрипел и упал на руки стоявших за ним. Мгновенно повернувшись, Фолкейн успел отбить меч первого противника и, сделав выпад, ранить его в руку. Послышался звон упавшего меча.

Не успев вытащить свою саблю, он, повернувшись, едва избежал удара третьего воина. Сделав шаг вперед, Дэвид применил прием каратэ. Земец с серым лицом и сломанной рукой рухнул на колени, а Фолкейн наконец высвободил свое оружие. Оно зазвенело, отбивая удар следующего противника.

Глаза гермеса бегали по сторонам. Первый человек, которого он ранил в руку, уже отполз в сторону. Кровь, струившаяся из его раны, оставила необыкновенно яркую дорожку. Второй раненый без чувств распластался у стены. Фолкейн вгляделся в лицо очередного противника. Это был юноша с покрытыми легким пушком щеками. Он сам еще недавно был точно таким же. Фолкейн сказал:

—Если ты постоишь смирно в сторонке, я позволю оказать помощь раненым.

Парень в ответ выругался и двинулся на него. Фолкейн отбил удар.

—Ты что, младенец, жаждешь смерти?—спросил он.—Спокойно. Я тебя не укушу. Я миролюбивый человек, пока меня не трогают.

Он выбил саблю противника и опустил свою. Парень, растерянно глядя на него, отступил в толпу людей и икранайкийцев, заполнявших коридор. Фолкейн пнул раненого.

—Уходи,—сказал он.

Раненые проползли мимо него.

Вперед выступил Хаф Падрик. В руке его была сабля, но он опустил ее. Лицо его было искажено.

—Как ты это делаешь?—прохрипел он.

—Это очень удивительная магия,—сказал Фолкейн.—Я перебыю всех, если вы не оставите меня в покое.

«Точка, тире, точка, тире...»

—Чего ты хочешь от нас?—спросил Падрик.

—Для начала напиться. А потом поговорить.

Фолкейн пытался облизнуть губы, но ничего не получилось. Черт бы побрал этот воздух!

—Да, поговорим.—Сабля Падрика опустилась еще ниже. Затем в мгновение ока он ударил ею по ногам Фолкейна.

Тренированное тело гермеса среагировало на удар раньше, чем он осознал опасность. Он высоко подпрыгнул, ведь тяготение здесь составляло всего две трети земного. Лезвие сабли свистнуло где-то внизу под подошвами башмаков. И прежде чем противник успел убрать оружие, на него приземлился Дэвид, вырвав тяжестью своего тела саблю из рук Падрика.

—Дурак!—крикнул Дэвид. Его левый кулак устремился вперед. Падрик упал на спину, нос его превратился в кровавое месиво. Фолкейн подумал, что для этого носа теперь потребуется пластическая операция,—если когда-нибудь факторы ван Рийна организуют здесь соответствующую службу.

Икрайкеинец метнул в него копье. Фолкейн изловчился и перехватил его в воздухе. Этим он выиграл еще минуту.

Еще одна минута прошла, пока Падрик вставал и растворялся в толпе. И еще одну минуту толпа молча смотрела на него. Затем он услышал трубный голос Роберта Торна:

—Дорогу лучникам!—И понял, что его конец близок.

Толпа расступилась. Появилось с полдюжины икрайкейских лучников, которые принялись налаживать свои арбалеты. Когда вперед вышла Стефа, Фолкейн изобразил на лице самую дьявольскую улыбку из своего арсенала.

Она остановилась и с изумлением уставилась на него.

—Дэвид,—выдохнула она.—Ни один человек в мире не смог бы... а я даже не подозревала.

—Теперь вы знаете.—Поскольку ее кинжал был в ножнах, он рискнул потрепать ее по щеке.—Я умею не только обращаться с машинами. Меня научили и многому другому.

Слезы показались на ее серых глазах.

—И все же вы должны сдаться,—попросила она.—Что вы можете сделать против стрел?

—Вот что,—ответил он, бросая саблю и хватая Стефу. Она вскрикнула и попыталась высвободиться, но он был сильнее. Держа ее перед собой, он сказал лучникам:

—Убирайтесь, вы, недоноски!

Запах ее волос кружил ему голову. Чи невозможно продолжала передачу.

Стефа кричала, потом умолкла. Он почувствовал, как она напряглась в его руках. С гордостью она сказала:

—Нет, нет, вперед и стреляйте!

—Это невозможно,—пробормотал он.

—Возможно.—Она слабо улыбнулась ему.—Или вы думаете, что земцы боятся смерти больше вас?

Лучники прицелились.

Фолкейн покачал головой.

—Что ж,—сказал он и даже заставил себя рассмеяться.—Когда ставки высоки, люди уступают.—Гул, вначале отдаленный, а потом все более близкий, не казался опасным.—Конечно, я не смогу использовать вас в качестве щита. Я отъявленный лжец, а для вас можно найти лучшее применение...

Он поцеловал ее. Она ответила. Ее руки двинулись за его плечи и обвились вокруг шеи.

Это было приятно и к тому же давало выигрыш в несколько лишних секунд...

—Демон! Демон!—закричали люди и икранайкийцы, обращаясь в бегство. Громовой рев сопровождался грохотом падающей штукатурки и камней.

Стефа не присоединилась к бегущим. Но она высвободилась из объятий Фолкейна, и в руке ее сверкнул кинжал.

—Что это?—воскликнула она.

Фолкейн облегченно вздохнул. В его голове стоял звон. Но он умудрился ответить на удивление ровным голосом:

—Это наш корабль. Он приземлился, поднял на борт Эдзела и теперь над нами демонстрирует свою мощь.—Он взял ее за руку.—Идемте, выйдем наружу, чтобы он смог нас заметить и принять на борт. Я прямо-таки смертельно хочу сухого мартини.

14

Конференция состоялась на нейтральной территории, в независимой чакорской деревне, находившейся между катандаранскими и рангакорскими землями. Независимость ее заключалась в том, что деревня платила дань обоим странам. Заботясь о соблюдении формальностей и никого не обижая, Фолкейн предложил, чтобы на открытии конференции председательствовал вождь этой деревни. Церемонии казались бесконечными. Глаза Дэвида скользили по причудливым рисункам на плетеных стенках хижины Совета, мимо туземцев, сидевших на корточках со своими копьями—своего рода почетный караул,—к каменному столу, за которым проходили переговоры. Он очень хотел бы оказаться сейчас совсем в другом месте. Сдержанный шум и беготня доносились до него через открытую дверь, там терпеливо лежал Великий Эдзел. Там братались солдаты, что сопровождали прибывших вождей многочисленных фратрий.

О самих вождях этого сказать было нельзя. Король Урсала кончил зачитывать длиннейший список жалоб и требований и теперь ерзал, поскольку император Джадхади начал излагать свои

претензии. Гарри Смит свирепо поглядывал на Роберта Торна, тот отвечал ему тем же. Вождь земцев все еще порицал членов своей фратрии за участие в восстании. Вождь деревни шуршал заметками, несомненно, готовясь произнести длинную речь.

«Что ж,—подумал Фолкейн,—это была твоя собственная идея, парень. И в свое время тебе тоже придется произносить речь».

Когда над ними завис космический корабль и голос Эдзела потребовал общего примирения и заключения торгового договора, враждующие стороны согласились. Они не знали, что у них имеется выбор, что Фолкейн никогда не станет стрелять по ним, но он не видел причин, побуждающих его сообщить им об этом. Несомненно Чи Лан, находившаяся в небе над ними в кресле пилота, была занята больше, чем Эдзел, подавлявший своим присутствием собравшихся. Но к чему эти бесконечные речи? Суть дела предельно ясна. Джадхади жаждет овладеть Рангакорой и чувствует, что он больше не может доверять земцам. Большинство земцев тоже стремятся овладеть Рангакорой, прочие хотели бы сохранить существующее положение или получить соответствующую компенсацию, но не видят путей к достижению этого. Каждая группа чувствует, что остальные готовы предать, вероломно напав. Урсала хочет, чтобы все чужеземные дьяволы убрались из его города, к тому же ему необходима гарантия независимости. А Фолкейн хочет... да, он сказал бы им. Он разжег трубку и сосредоточился на мыслях о Стефе, которая ждала его в деревне. Отличная девушка, конечно, но лишь для развлечения. В спутницы жизни она не годится.

Прошел еще час.

—...выдающийся представитель торговцев из-за края мира Дэвид Фолкейн.

Его скука пропала. Он бодро вскочил на ноги, улыбнулся и неторопливо начал:

—Благодарю вас, благороднейший. Выслушав стольких замечательных ораторов, я и не подумаю состязаться с ними. Я лишь изложу свою позицию в нескольких словах...

Как он надеялся, такое скромное начало вызовет всеобщую симпатию к нему. Дэвид продолжил:

—Мы прибыли сюда с намерением предложить вам покупать у нас товары, некоторые из них я вам уже продемонстрировал. Цены очень низкие. И что же произошло? На нас напали и попытались уничтожить. Сам я был вероломно захвачен в плен и подвергся унижениям. Наша собственность была незаконно реквизирована. Откровенно говоря, благороднейшие, вы должны быть счастливы, что никто из вас не убит.—Он дотронулся до своего бластера.—Вспомните, мы представляем огромную силу, которая постоянно заботится о своих людях и мстит за них... «Когда это ей выгодно»,—добавил он про себя, заметив, как перья на теле Джадхади взъерошились от страха, а Смит добела сжал пальцы в кулак.

—Спокойствие, спокойствие,—сказал Фолкейн.—Мы настроены вполне дружелюбно. Кроме того, мы хотим торговать, но нельзя же торговать, воюя. Это одна из причин созыва настоящей конференции. Если противоречия между вами удастся устранить, что ж, это будет выгодно Лиге и вам тоже. Ведь вам нужны предлагаемые нами товары? Итак,—он склонился вперед, опершись о стол,—я считаю, что компромисс вполне возможен. Каждый что-нибудь теряет и что-то получает, а как только начнется торговля, вы станете настолько богаты, что ваши сегодняшние потери покажутся вам смехотворными. Вот общее представление о том соглашении, которое я предлагаю вам заключить. Во-первых, Рангакора получает все гарантии независимости, но в то же время отказывается от своих требований компенсации убытков...

—Благороднейший!—одновременно воскликнули, вскочив, Джадхади и Урсала.

Фолкейн жестом потребовал тишины.

—Пусть задаст вопрос король Урсала,—сказал он.

—Наши убытки... посевы уничтожены... деревни разграблены... здания разрушены...—Урсала замолчал, собрался с мыслями и сказал с достоинством:—Мы не агрессоры.

—Я знаю,—ответил Фолкейн,—и симпатизирую вам. Однако разве вы не собирались сражаться за свою свободу? Теперь вы ее имеете. Это чего-нибудь да стоит. И не забудьте, Лига гарантирует соблюдение договора, если вы его заключите. И если в договоре будет пункт о вашей независимости, Лига гарантирует и ее. «Это не совсем правда. Но это и не имеет практического значения».—Он кивнул Джадхади.—По моему мнению, благороднейший, вы должны были бы возместить причиненный ущерб. Но я обошел это требование в интересах достижения компромисса.

—Но мои границы!—возразил император.—У меня должны быть прочные границы. К тому же у меня вполне законные притязания на Рангакору. Мой великий предок, первый из Джадхади...

Фолкейн героическими усилиями удерживался от того, чтобы не высказать, что следовало бы сделать с его великим предком, и ответил спокойным голосом:

—Подумайте как следует, благороднейший. Вы угрожали жизни агентов Лиги. Странно было бы, если бы Лига не потребовала определенного возмещения. Уступка Рангакоре—не самое сильное наказание.—Он выразительно посмотрел на свой бластер, и Джадхади задрожал.—Что касается обороны ваших границ, то Лига поможет вам в этом. Не забудьте, что мы к тому же будем продавать вам огнестрельное оружие, и вы больше не будете нуждаться в услугах земцев.

Джадхади сел. По его лицу было видно, что он напряженно пытается сообразить, как извлечь наибольшую выгоду.

Фолкейн взглянул на Торна, пытавшегося что-то сказать.

—Утрата Рангакоры—это и ваше наказание,—сказал он.—Вы знаете, что ваши люди похитили меня.

—Но что нам делать?—воскликнул старый Гарри Смит.—Куда нам теперь идти?

—На Землю!—проревел Торн.

Фолкейн постарался доказать, насколько чуждой окажется Земля для этих «потерпевших кораблекрушение». Так что они вовсе не желали быть репатриированными. Фолкейн отнюдь не чувствовал себя виноватым. Ведь они действительно будут более счастливы здесь, в мире, в котором родились. И если земцы останутся здесь, торговцы ван Рийна попытаются сохранить это в секрете. Через одно или два поколения—дольше удержать секрет все равно будет невозможно—их дети и внуки смогут постепенно врасти в галактическую цивилизацию, как вошла в нее раса Эдзела.

—Не обязательно, если вы не захотите этого сами,—сказал Дэвид.—Но вспомните, каким было ваше основное занятие здесь, на этой планете, до сих пор? Солдатская служба. Кое-кто из вас содержит фермы, ранчо или городские дома. Почему бы вам не продолжать заниматься тем же? Чужеземцы нередко владеют собственностью в разных странах. Что вы должны сделать, так это основать свою собственную нацию. Не на какой-то обособленной территории, конечно, все земли вокруг заселены. Но вы можете стать странствующей нацией. Прецеденты имеются: кочевники или цыгане на древней Земле. Или на Цинтии, где существуют нации странствующих торговцев, не закрепленных на определенной территории. А что касается работы, что ж—вы воины, планета полна варварами, а поскольку на Икрайнайке начнет действовать Лига, потребуется охрана для ее караванов. Вы получите хорошие деньги за свою службу, разбогатеете...

Он с улыбкой посмотрел на собравшихся:

—В сущности, вы все разбогатеете.

—Миссионеры...—произнес Эдзел в наступившей тишине.

—О, да, я совсем забыл,—сказал Фолкейн.—Не думаю, что кто-нибудь станет возражать, если наши корабли изредка будут привозить на Икрайнайку вероучителей. Нам хочется объяснить вам свою религию.

Это замечание выглядело настолько несущественным, что все согласилось. Но, несомненно, впоследствии оно принесет больше перемен в жизни аборигенов, чем машины или лекарственные препараты. Катандаранцы, скорее всего, воспримут буддизм, который несравненно удобнее их собственной демонологии. Вместе с проникающими к ним научными знаниями, эта религия избавит их от комплекса враждебности к соседям. В результате возникнет более стабильная культура, с которой ван Рийн вполне сможет иметь дело.

Фолкейн распростер руки.

—Такова суть моих предложений,—заключил он.—То, что я вам предложил, на Земле называется равновесием неудовлетворенности. Но вскоре Лига принесет вам больше удовлетворения, чем вы можете себе вообразить.

Торн покусал губу. Ему нелегко было отказаться от мечты о собственном королевстве.

—Допустим, мы откажемся,—сказал он.

—Что ж, Лиге нанесен ущерб,—напомнил ему Фолкейн.—Мы настаиваем на его возмещении. Мои требования минимальны, не так ли?

Он уломал их в конце концов, он знал заранее, что это ему удастся. Пряник торговли и кнут войны; они не могли знать, что угроза войны—сплошной блеф. И они обязательно подпишут предложенное им Соглашение.

Но, конечно, они сделают это только после того, как ожесточенно поторгуются, выскажут взаимные обвинения и попреки, поспорят по поводу деталей и произнесут множество речей... о, Боже, эти речи! Фолкейн сделал шаг к выходу.

—Я понимаю, что это нелегко усвоить так сразу,—сказал он.—Почему бы нам не сделать перерыв? После того как все отдохнут и подумают, мы сможем снова собраться.

В сущности, ему просто хотелось вернуться к Стефе. Он обещал ей прогулку в космическом корабле; а Эдзел и Чи подождут здесь. Когда собрание согласилось сделать перерыв, Фолкейн первым оказался у двери.

15

Металл звенел. В иллюминаторах сверкали звезды в бесконечной космической ночи. Красная искра—солнце Икранаики, медленно угасала на экранах.

Глядя на нее, Фолкейн вздохнул.

—Целый мир,—пробормотал он.—Миллионы жизней и столько же надежд. Хочется когда-нибудь вернуться туда и посмотреть, какие изменения мы принесли в их жизнь.

—Я знаю, почему тебе хочется вернуться,—хихикнула Чи Лан.—Но у нас с Эдзелом нет и такой причины. Мы с нетерпением ждем возвращения на Землю.

Лицо Фолкейна прояснилось. Он тоже ждал конца пути и причитающейся премии.

—...поэтому двигай своими ленивыми ногами,—закончила Чи.

Дэвид прошел вслед за ней в кают-компанию. Эдзел был уже здесь, он раскладывал монеты и фишки аккуратными кучками.

—Понимаете,—сказал Дэвид, усаживаясь,—мы совсем новая порода живых существ. Не успокоители. Мы—возмутители спокой-

ствия. Подозреваю, что вся наша карьера и впредь будет состоять из последовательности ужасных ситуаций, которые мы должны будем повернуть к себе выгодной стороной.

—Заткнись и тасуй карты,—сказала Чи.—Первым ходит валет.

Прошло два неинтересных круга, а потом Дэвид ухватил флеш. Он сделал ставку. Эдзел поддержал. Чи приняла ее. Компьютер повысил ставку, Дэвид повысил снова. Чи промолчала, а компьютер принял предложение. Тупица стал хорошим игроком, и Фолкейн знал это, но, учитывая его прежний стиль игры и флеш на руках, можно было продолжать. Он не менял свои карты. Компьютер попросил одну карту. Черт возьми! Проклятая машина наверняка имела четверку королей! Фолкейн бросил свои карты.

—Ничего не поделаешь,—сказал он.—Ну, твоя взяла.

Немного позже то же самое случилось с Чи, но обошлось ей еще дороже; ее замечания накаляли атмосферу.

Очередь Эдзела настала, когда остальные двое были повержены. Дракон и компьютер все повышали ставки, пока у Эдзела не выдержали нервы и он предложил раскрыться.

—Вы выиграли,—послышался механический голос. Эдзел опустил полный дом. Челюсть его отвисла:

—Что?—воскликнула Чи. Хвост ее встал вертикально.—Ты блефовал?

—Да,—ответил Тупица.

—Но, погоди, ты играл по распискам, и мы ограничили тебя,—вмешался Фолкейн.—Ты никак не мог блефовать!

—Если вы осмотрите склад номер четыре, то найдете там множество мехов,—сказал Тупица.—Много мехов, драгоценностей и пряностей. Хотя стоимость всего этого не может быть определена точно, пока рынок не стабилизировался, все же, несомненно, она велика. Я получил эти товары в обмен на расчет вероятностей для туземца по имени Гурджанджи и теперь готов играть не по распискам, а за наличные.

—Но, но, но...—ведь ты только машина!

—Я не запрограммирован для того, чтобы предсказать, какое решение вынесет по этому делу суд,—сказал Тупица.—Однако я полагаю, что в коммерческой и индивидуалистической цивилизации все законно приобретенные ценности принадлежат лицу, заработавшему их.

—Боже,—слабым голосом сказал Дэвид,—я думаю, он прав.

—Но ты не личность!—закричала Чи.—Перед законом ты не личность!

—Я получил эти товары, преследуя цели, которые вы запрограммировали для меня,—ответил Тупица, а именно—для игры в покер. Логика говорит, что с реальными ставками я буду играть в покер лучше.

Эдзел вздохнул.

—Это тоже верно,—согласился он.—Если мы хотим, чтобы он

играл с нами в честную игру, мы должны дать ему возможность полностью следовать силлогизмам. Иначе программирование станет невероятно сложным. К тому же... честь спортивной игры...

Чи стерла с доски записи.

—Хорошо,—угрюмо сказала она,—я все равно у тебя выиграю.

Конечно, она не сумела исполнить свою угрозу. И никто не сумел. Обладая таким богатством, Тупица мог позволить себе играть по крупной. Если экипаж и не спустил все комиссионные, полученные за операцию «Икранайка», то, во всяком случае, им был нанесен значительный ущерб.

Мир САТАНЫ

РОМАН

ГЛАВА 1

Район Эльфов—это новый квартал Лунограда. Так именно значилось в сведениях, хранящихся в памяти компьютеров администрации. Однако местные жители полагали, что это совершенно другой, прекрасный, волшебный мир, место для удовольствий и отдыха, где можно обрести и радость, и печаль.

Но администрация больше доверяла компьютерам, ни на мгновение не прекращавшим свою работу под землей в старом городе.

Дэвид Фолкейн остановился около столба, обозначавшего границу между этими двумя мирами.

—Ну, любовь моя,—сказал он,—здесь, пожалуй, мы и расстанемся.

Девушка, которая называла себя Вероникой, прижала ладонь к губам.

—Ты в самом деле считаешь так?—спросила она упавшим голосом.

Фолкейн, немного растерявшись, посмотрел на нее внимательно. Он не ожидал подобной реакции от этой девушки. Горечь, прозвучавшая в ее голосе, никак не вязалась с пикантным лицом, обрамленным распущенными волосами, в которых, подобно звездам, сверкали искусственные бриллианты, с ее прекрасной фигурой, едва прикрытой несколькими радужными лоскутами.

—О, не навсегда, я надеюсь,—улыбнулся он.—Просто, у меня срочная работа. Давай встретимся позже.

Ее губы слегка дрогнули.

—Ты меня так напугал! Я даже не знала, что и думать: мы с

тобой так мирно гуляли, и вдруг ни с того ни с сего ты предлагаешь расстаться.

—Я вовсе не собираюсь расставаться с тобой. Мы ведь знакомы уже три стандартных дня. Кажется, столько времени прошло с вечеринки у Тереульта?

Она покраснела и отвела взгляд.

—Я просто думала, что тебе, наверное, мало одной меня... ты ведь столько времени не видел женщин,—сказала она еле слышно.—Понимаешь, тебе вряд ли кто откажет. Ты герой космоса, настоящий космопроходец в полном смысле этого слова. Мы, местные девушки, знаем самые свежие новости и одеваемся по последней моде. Но никто из нас не бывал дальше Юпитера. И вряд ли кто из наших парней может похвастаться этим. В сравнении с тобой они—ничто. Поэтому я была так рада, что ты обратил на меня внимание. Подруги мне отчаянно завидуют, а я все время боюсь, что все вот-вот кончится так же внезапно, как и началось.

Фолкейн самодовольно улыбнулся. Да, мало кто в его возрасте смог получить диплом капитана космического корабля. И только ему одному выпала честь стать доверенным лицом одного из некоронованных королей космоса—Николаса ван Рийна—человека, в руках которого находились судьбы целых планет. И внешность у него что надо: чуть вздернутый нос, широкие скулы, твердая линия подбородка голубые глаза на смуглом от загара лице, курчавые светлые волосы, опаленные огнем далеких солнц. При росте сто девяносто он сложен как атлет. И одежда: пускай он прибыл с самой границы освоенной человечеством Вселенной, но на нем сшитая лучшим портным Луны жемчужно-серая туника и отделанные золотом кюлоты.

«Эй, приятель,—одернул он себя. В нем шевельнулась обретенная во вселенских далях настороженность дикого зверя.—Не забывай: эта девица может быть сошлась с тобой не просто так. Она может на кого-нибудь работать. Видимо, в этом причина, по которой ты не сказал ей сразу, что твой отпуск скоро закончится».

—Весьма польщен твоими словами,—сказал он,—особенно тем, что ты составила мне компанию.—Он ухмыльнулся.—Продолжим наши развлечения. Сначала пообедаем, потом, быть может, сходим на балет. В последнем я, правда, не уверен, но вот пообедаем мы непременно. Проведя столько времени за пределами Солнечной системы в исследованиях диких планет, я горю желанием исследовать здешние экзотические рестораны, да еще,—он поклонился,—со столь восхитительным гидом.

Вероника ответила в том же тоне:

—Маленькая дикарка готова услужить знаменитому капитану Политехнической лиги!

—Я найду тебя, как только освобожусь—после восемнадцати часов.

—Да уж, пожалуйста.—Она взяла его под руку.—А нам

обязательно расставаться? Я ведь взяла выходной, и мы можем пойти вместе, куда тебе нужно.

«Так, зверек показывает зубки. Ладно, не будем подавать вида.»

—Извини, но это невозможно. Секрет.

—Что?—Она недоуменно подняла брови.—Ты все еще играешь в эти игрушки?—В голосе ее слышалась откровенная насмешка.—Мне говорили, что ты занимаешь высокий пост в галактической компании «Солнечные пряности и напитки», что компания эта—одна из основных в Лиге, что Лига не признает законов планет и Содружества. Чего же ты боишься?

«Если она пытается заставить меня проболтаться,—подумал Фолкейн,—то стоит проделать то же самое с ней».

—Лига не является организацией государственного типа,—сказал он наставительно,—это ассоциация галактических торговцев. Если она и могущественнее любого из правительств, так только потому, что размах ее деятельности неизмеримо больше. И правительством ее тоже назвать нельзя. Она лишь организует взаимовыгодное сотрудничество и посредничает при конфликтах. Члены Лиги, конечно, не убивают агентов конкурирующих компаний, но всяких махинаций хватает.

—Ну и что?

«Переигрывает девочка,—подумал Фолкейн.—Вовсе ты не так обижена, как стараешься показать».—Он пожал плечами.

—Скажу без лишней скромности: за мной могут охотиться. Как же, правая рука Старого Ника! Даже незначительная информация о содержании моей деятельности может обернуться для любого конкурента миллионными прибылями. Поэтому мне приходится опасаться, скажем так, сборщиков коммерческой информации.

Вероника отступила на шаг. Руки ее сжались в кулаки.

—Ты хочешь сказать, что я шпионка?!—воскликнула она.

«Откровенно говоря, да»,—подумал Фолкейн.

Радости ему это признание не доставило. Он несколько секунд молча глядел на девушку, стараясь обрести внутренний покой. Вероника была очень привлекательна, прямо-таки вызывающе красива.

Конечно, район Эльфов был не первым сооружением, построенным на лунной поверхности без возведения купола. При этом был использован весь накопленный ранее опыт. Основная идея была простой. На космических кораблях для защиты от космических излучений применялись электромагнитные экраны. Кроме того, на этих кораблях использовались искусственно создаваемые положительные и отрицательные силовые поля—для движения, для поддержания внутри корпуса постоянной силы тяжести при любых ускорениях, для уничтожения кораблей противника, наконец. А что если использовать эти системы для создания на поверхности Луны гигантского воздушного пузыря?

На практике задача оказалась невероятно сложной. Пришлось

столкнуться с проблемами утечки воздуха, поддержания определенной температуры, контроля за озоновым слоем. Но в конце концов все трудности были преодолены, и Солнечная система получила шикарный курорт.

В одном из уголков этого курорта раскинулся парк, где находились сейчас Фолкейн и Вероника: травяные лужайки, увитые зеленью беседки, фонтаны с повисшими над ними дугами радуг. При лунной силе тяжести деревья достигали огромной высоты и изгибались самым причудливым образом, как и струи фонтанов, а походка людей была почти танцующей. Над парком вздымались башни и колоннады самых разных цветов и оттенков. Над головами порхали птицы. Теплый воздух был насыщен ароматами духов, смехом, обрывками мелодий и настойчивым бормотанием двигателей, обеспечивающих жизнеспособность района.

Но за пределами купола раскинулась голая лунная поверхность. Часы в районе шли по Гринвичу, тысячи маленьких солнц, свисавших с бронзовых стержней, создавали иллюзию утра. Но на самом деле на планете была ночь. Грозная и величественная тьма окружала купол. В зените небо было черным, звезды искрились как лед. На юге маячила туманно-голубая Земля. Пристально взглядевшись, на ее неосвещенной стороне можно было заметить мегаполисы, казавшиеся на таком расстоянии крошечными искорками. А за краем купола виднелось покрытое пылью дно кратера, где находилась космическая станция.

Мысли Фолкейна вернулись к стоявшей перед ним девушке.

—Извини,—попросил он,—я вовсе не имел в виду ничего такого.

«Естественно,—подумал он. Да, я шляюсь по окрестностям галактик, но это отнюдь не значит, что я доверяю кому попало. Совсем наоборот. Когда через несколько часов после посадки на планету ко мне в друзья набивается столь привлекательная и утонченная женщина... и всячески меня обхаживает, ничего не рассказывая о себе, и потом небольшая проверочка показывает, что женщина эта, мягко говоря, не совсем искренна... Что же тогда я должен предположить?»

—Надеюсь, что ничего,—отрезала Вероника.

—Я принес присягу мастеру ван Рийну,—сказал Фолкейн.—А его приказ—держать язык за зубами. Ему не хочется, чтобы конкуренты его обставили.—Он сжал в ладонях руки девушки.—Да и тебе так будет спокойнее, милая,—добавил он мягко.

Девушка перестала сердиться. На глазах ее появились слезы (как вовремя, подумал Фолкейн).

—Я просто хотела... разделить с тобой не только развлечения, Дэвид,—прошептала она.—А ты говоришь, что я шпионка или, в лучшем случае,—она судорожно сглотнула,—болтушка. Больно, понимаешь?

—Ничего такого я не говорил. Да и чем меньше знаешь, тем спокойнее жить. А мне бы очень не хотелось, чтобы из-за меня ты попала в беду.

—Но ты же только что сказал, что агентов не убивают...

—Конечно, нет. Убийства, похищения, промывание мозгов—все это не для членов Лиги. Ни они, ни их наемники этим не занимаются. Существует много других способов добиться желаемого. И самый простой из них— подкуп.

«Точно так,—подумал Фолкейн. Интересно, сколько ей заплатили и сколько обещали потом за достоверную информацию обо мне?»

—Есть способы и посложнее, но, скажем так, погрязнее. На них смотрят косо, но это вовсе не означает, что ими не пользуются. Например, подглядывание—разве есть такой человек, которому нечего было бы скрывать от других? Существуют сотни способов давления на человека, впрямую и исподволь, аккуратно и грубо. Новичков, так тех частенько шантажируют. Кто-нибудь начинает оказывать тебе внимание, ты идешь ему навстречу, и глядишь—вот и на крючке, и этот кто-нибудь уже натягивает леску.

«Скорее всего, именно так ты и намерена поступить со мной,—добавил он мысленно.—А может, сделать вид, что я тебе верю? Ты ведь бес, которого я не знаю. Ты отгоняешь от меня незнакомых бесов и доставляешь мне массу удовольствий. Какой кошмар: бессовестный деревенщина соблазнил наивную городскую девушку! Однако, как мне кажется, в утешителях у тебя недостатка не будет. А когда буду улетать, то подарю тебе на прощанье браслет из огненного камня с какой-нибудь проникновенной надписью или что-то в том же духе...»

Девушка вырвалась. Тон ее снова стал суровым:

—Я вовсе не требовала, чтобы ты нарушил присягу,—сказала она.—Только ведь я не игрушка!

Так-так. Наш голосок снова заledenел. Заиндевел, если быть точным. Что ж, пререкаться можно до бесконечности. Пожалуй, пора уходить, дорогая. Фолкейн весь подобрался и щелкнул каблукми.

—Прошу прощения, сударыня, что так долго надоедал вам своим присутствием. Впредь такое не повторится. Честь имею.—Он поклонился и пошел прочь.

Он уж было подумал, что его затея провалилась, как вдруг девушка вскрикнула и бросилась за ним. Она припала к нему и, захлебываясь слезами, принялась объяснять, что не поняла его, что больше не будет так себя вести, если только он...

«Быть может,—подумал Фолкейн,—в чем-то она и искренна».

Да, годы учения для него, наследника баронского титула в Великом Герцогстве Гермесском, не прошли даром. Пускай он младший сын, пускай он рано покинул дом, разочаровавшись во всех занятиях, что приличествуют аристократу, пускай он с тех самых пор не бывал на родной планете, но когда следует проявить характер, Фолкейн знал превосходно. А еще он знал, что нужно заниматься

делом, хотя с удовольствием отдохнул бы подольше. Поэтому Дэвид избавился от Вероники, как только закончилась сцена примирения, и отправился своей дорогой.

ГЛАВА 2

Сначала он прошел через большой пункт проката спортивного инвентаря на другой стороне парка, рассудив, что среди множества предлагаемых предметов ему легко будет отделаться от «хвоста», если таковой имеется. Фолкейн отметил, что вакуумные костюмы и вездеходы куда менее громоздки, чем он предполагал. Вылазка в лунные горы, когда стоит только позвать в микрофон и через пару минут появятся спасательные флиттеры, отнюдь не то же самое, что путешествие по совершенно незнакомой планете, когда можно загнаться только от одной мысли, что ты—единственное человеческое существо в радиусе нескольких световых лет.

Выйдя через заднюю дверь, Фолкейн увидел вестибюль колодца межуровневого сообщения и вошел в него. В этих колодцах свободное падение замедлялось с помощью специальных устройств, создававших своего рода невесомость. Вместе с ним по колодцу опускались еще несколько человек, на вид—обычные горожане.

«Наверное, я излишне подозрителен,—подумал он. В конце концов, какая разница, узнают ли конкуренты о моем визите в „Серендингсити Инкорпорейтед“ или нет? Ведь мы же находимся не в логове каких-нибудь там варваров-нелюдей, а на спутнике нашей матушки Земли. В самом центре Содружества! Чего опасаться торговым агентам? Они играют в свои игры ради денег, и проигравший теряет только кредитки, а не саму жизнь. Так что расслабься, Дэвид, и отдыхай».

Но привычка была сильнее, и к тому же он вспомнил, при каких обстоятельствах слышал этот совет.

Дэвид вышел из колодца на восьмом подуровне и очутился на перекрестке туннелей. По широким коридорам сплошным потоком двигались грузоходы и машины-роботы, спешили куда-то пешеходы в рабочих комбинезонах. Стены туннелей были выкрашены в серый цвет, их покрывала неизбежная тонкая пленка копоти. По обеим сторонам в них имелись двери, которые вели на заводы, склады, гаражи или в офисы. Рокотали моторы, пахло человеческим потом, какими-то химикатами, озоном. Из вентиляционных решеток вырывался горячий воздух. Низкая непрерывная вибрация пронизывала пол, стены, кости ног—это была работа многочисленных комплексов механизмов и машин промышленной части старого Лунограда.

Туннель Гагарина, как и многие другие, заканчивался на площади Титова. Фолкейн много слышал об этой площади и ожидал увидеть нечто грандиозное, но сквозной колодец с прозрачным

куполом, сквозь который виднелись Земля и звезды, не произвел на него особого впечатления. «Не будем слишком строги, — сказал он себе, — это ведь одна из первых площадей Лунограда». На балконах, расположенных на каждом уровне по окружности колодца, было полно народа. Фолкейну пришлось пробираться через толпу. По большей части это были местные жители: рабочие, бизнесмены, наставники, техники, домохозяйки. О том, что они живут здесь очень давно, свидетельствовали их походка и манеры. Но попадались и чужаки: торговцы, астролетчики, студенты, туристы — причем не только с Земли, но и с других планет.

Фолкейн заметил, что престижные магазины, такие, например, как «Самоцветы Иварсена» оформлены просто и строго. По-настоящему большие деньги не нуждаются в рекламе. Из дверей «Марсианской харчевни» доносился шум. «А не завернуть ли мне туда, — подумал Фолкейн. — Об эле, который варили в этом заведении, слогали легенды даже за Бетельгейзе. Нет, не теперь... „Дело зовет резким голосом“ — любил повторять ван Рийн». — Фолкейн двинулся дальше.

Наконец он подошел к массивной бронзовой двери, украшенной сложным барельефом. В нескольких сантиметрах перед ней — этот эффект достигался с помощью стереопроекции — горели буквы «Серендингсити Инк». Выглядело это довольно вульгарно. Так могла зазывать клиентов какая-нибудь фирма лет этак двести назад. И тем не менее: «Серендингсити Инк.» за последние пятнадцать лет стала одной из самых преуспевающих компаний Лиги.

«Что ж, — подумал Фолкейн, — таковы законы свободного рынка: если в чем-то ощущается нехватка и если ты сможешь заполнить нишу, то разбогатеть можно в два счета. Старый Ник, когда создавал свои летучие торговые команды, явно ориентировался на смоделированные компьютерами „Серендингсити“ ситуации. Есть в этом своя ирония. Мы с Эдзелом и Чи Лан должны отбирать среди сообщений от наших автоматических зондов с неизвестных планет самые интересные и передавать их по спецсвязи ван Рийну. Если он сочтет эту информацию заслуживающей внимания, то, прежде чем другие члены Лиги узнают о существовании подобных планет, на них уже побывают наши разведывательные партии. Казалось бы, нам все карты в руки. Но вот я, профессионал, иду на поклон к „Серендингсити“ как какой-нибудь желторотый бизнесмен с Земли».

Фолкейн пожал плечами. В последний раз они опоздали с возвращением в Солнечную систему. Задержись они еще немного, и вместо отпуска получили бы приказ отправляться куда-нибудь к черту на кулички. Им повезло, что ван Рийн был в хорошем расположении духа: он не очень шумел и даже согласился выплатить гонорар.

Дверь открылась. Фолкейн очутился в маленькой комнатке,

стены которой были увешаны дорогими гобеленами. Он увидел перед собой еще несколько дверей. Из динамика раздался приятный женский голос:

— Добрый день, сэр! Номер четыре, пожалуйста.

За указанной дверью оказался узкий коридорчик, в конце его — еще одна дверь, а за ней — офис. В отличие от многих других помещений Лунограда здесь, как заметил Фолкейн, не пытались компенсировать отсутствие окон каким-нибудь пейзажем на экране. Несмотря на толстый темно-голубой ковер на полу, лазурные стены, перламутровый потолок, удобную мебель и аромат цветов комната казалась холодной. В дальнем конце за большим столом сидела женщина.

— Добро пожаловать, — сказала она.

— Спасибо, — вежливо улыбаясь, отозвался Фолкейн. — У меня такое чувство, будто я очутился в крепости.

— В чем-то вы правы, сэр. — Голос ее можно было бы, пожалуй, назвать приятным, не будь он таким бесцветным. По-английски женщина говорила с гортанным акцентом, приче даже тренированный слух не помог Фолкейну определить, откуда она родом. Улыбка была как будто приклеена к ее лицу. — Защита прав личности является одной из основных забот нашей фирмы. Те, кто обращается к нам, чаще всего не хотят, чтобы об этом стало известно. Руководители фирмы — и я в том числе — лично принимают клиентов. Мы очень редко прибегаем к помощи персонала.

«Ну да, — подумал Фолкейн, — потому вы и дерете втридорога даже за предварительную консультацию».

Женщина, не вставая, протянула ему руку.

— Я Тея Белдэниэл. — Рукопожатие было небрежным с обеих сторон. — Садитесь, пожалуйста, мистер Кубичек.

Фолкейн опустился в кресло. Ручка кресла выдвинулась: в ней оказался ларчик с первоклассными сигарами. Он взял одну.

— Спасибо. Раз уж я здесь, то, пожалуй, можно забыть про этот псевдоним. Наверное, многие клиенты так поступают?

— Да нет. До тех пор, пока они не остаются один на один с машинами, в этом нет надобности. Естественно, многих мы узнаем, поскольку к нам обращаются известные люди. — Тея Белдэниэл помолчала, пауза эта показалась Фолкейну хорошо отрепетированной. — Известные, я хочу сказать, в ближайших секторах галактики. Вы понимаете, как бы знамениты они ни были у себя на родине, никакое живое существо не может запомнить их всех — ведь наша цивилизация распространилась на много сотен световых лет. Вот вы, сэр, наверняка с колонизированной планеты. Глядя на вас, можно сказать, что на вашей планете сословное общество и что вы из благородной семьи. Содружество не признает подобных различий, поэтому ваш мир вряд ли входит в него. А такие планеты можно пересчитать по пальцам. И на них обычно полно проблем.

Поскольку Фолкейна уже давно интересовала эта фирма, он попытался завязать откровенный разговор:

— Правильно, сударыня. Хотя я тут скорее по торговым, а не по политическим делам. Я работаю на базирующуюся на Земле компанию «Солнечные пряности и напитки». Мое настоящее имя Дэвид Фолкейн, а родом я с Гермеса.

— Все знают Николаса ван Рийна, — кивнула она в ответ. — Я неоднократно встречалась с ним.

«Надо признать откровенно, со мной так носятся только из-за того, что я человек ван Рийна, — подумал Фолкейн. — Сколько я уже получил приглашений от промышленных королей, их жен, дочерей и приспешников! Как будто с цепи сорвались: так им хочется увидеть храброго космического рейнджера и его товарищей! Но нужны-то им не просто храбрые космические рейнджеры, а храбрые космические рейнджеры Старого Ника. Но вот сестры Белдэниэл, муж и жена Латимеры — другое дело. Основатели и владельцы „Серендингсити Инк.“, компьютеры которой хранят в памяти всю информацию об известной Вселенной, как будто ничего о нас не слышали. Сидят себе в своих конторах-крепостях, куда нет доступа посторонним... Интересно, эта мадам способна рассердиться?»

Тею Белдэниэл нельзя было назвать дурнушкой. Она была довольно привлекательна: высокая, гибкая, хорошего сложения — этого не мог скрыть и белый свободного покроя костюм. Коротко стриженные волосы подчеркивали правильную форму головы; черты лица можно было бы назвать классическими, только, пожалуй, даже в глазах Афины было больше тепла. Возраст ее определить было затруднительно. По крайней мере, за сорок. Однако она следила за собой и явно прибегала к лучшим косметическим средствам. Поэтому и лет через десять в ее каштановых волосах будет все та же одна-единственная седая прядь, светлая чистая кожа станет лишь чуть суше да в уголках глаз появятся морщинки. Фолкейн решил, что самое привлекательное в ней — это глаза, большие, широко расставленные, лучисто-зеленые.

Он закурил и выпустил кольцо дыма.

— Мне кажется, нам есть о чем поговорить, — сказал он. — Вы ведь покупаете информацию за наличные, не так ли? Или обмениваете ее на другую?

— Да, и чем больше, тем лучше. Но должна вас предупредить: цену мы назначаем сами, а порой даже отказываемся выплатить оговоренные суммы, пусть информация и была передана нам. Ценность информации зависит от ее уникальности. Быть может, в наших банках данных уже имеются аналогичные сведения, которые мы не можем разглашать, поскольку тут имеется опасность выдачи доверенных нам тайн. Поэтому, мастер Фолкейн, если вы хотите продать информацию, вам придется положиться на репутацию нашей фирмы.

— Ну что ж. Я посетил много планет, видел много народов и культур.

— Информацию подобного рода, так сказать, легендарную, мы принимаем, но платим за нее не очень дорого. Более всего мы ценим точные, достоверные, документированные факты. Причем совершенно обязательно они должны касаться новых открытий в космосе. То, что происходит на всех цивилизованных мирах Галактики, как правило, представляет для нас большой интерес.

— А не могли бы вы ответить мне на такой вопрос. Я работаю на мастера ван Рийна и пользуюсь его доверием. Положим, я предложу вам такие подробности о его торговых операциях, которые он сам предпочел бы скрыть. Вы их приобретете?

— Возможно. Но мы не сможем открыть этих подробностей другим. Наше положение в Лиге целиком зависит от доверия наших клиентов. Это, кстати, одна из причин, почему у нас такой небольшой штат. Мы держим минимальное количество экспертов и техников, причем заметьте: все они не люди. Остальным занимаются машины. Кроме того, нам в какой-то степени выгодно, чтобы укрепилось мнение, что мы сторонимся общества. Если мастер ван Рийн знает, что мы не встречались за обеденным столом с мастером Харлеманом из Венерианской чайно-кофейной компании, то у него будет меньше оснований подозревать нас в сотрудничестве с последним.

— Последним из Венерианской? — невинно переспросил Фолкейн.

Тея Беддэниэл выпрямилась, сложив руки на коленях.

— Вполне возможно, мастер, что вы долго не бывали на цивилизованных мирах и потому не совсем точно представляете себе принципы, на которых зиждется деятельность «Серендингсити» — сказала она. — Я постараюсь объяснить их вам, упростив до предела.

Проблема поиска, накопления и хранения информации была разрешена давным-давно с помощью электронных запоминающих устройств, а также систем считывания, кодирования и копирования. Но проблема использования информации стоит очень остро. Дело в том, что границы освоенной Вселенной раздвигаются гораздо быстрее, чем того хотелось бы людям и их товарищам по космическим перелетам. Вообразите себя ученым или человеком искусства. У вас есть идея, которую вы считаете новой. Но до каких пределов эту вашу идею дублируют мысли миллиардов других существ, живущих на тысячах известных планет? Чем можете вы подтвердить, что идея ваша в самом деле нова? Да, конечно, можно обшарить библиотеки и информационные центры и получить по интересующему вас вопросу куда больше сведений, чем требуется обычно. Гораздо больше! Но мало того, что никакой жизни не хватит на изучение всей этой информации, — вы даже не сможете отобрать из нее то, что вам действительно нужно. А в еще худшем положении находится компания, планирующая торговую экспедицию. С какими конкурентами она может столкнуться в космосе? Кто может свести на нет все

их усилия? Каких противников они не приняли в расчет лишь из-за того, что не имели представления о их существовании?

— Я уже слышал эти доводы, — сказал Фолкейн сухо. Он был скорее озадачен, нежели обижен прочитанной ему лекцией. Неужели эта женщина настолько лишена простого здравого смысла, что считает своей обязанностью излагать клиенту все эти сведения, словно он какой-нибудь дикарь из каменного века?

— Естественно, — тон ее оставался прежним. — И ответ тоже вроде бы напрашивается сам собой. Компьютеры могут не только считывать, но и анализировать информацию. Они определяют возможные связи и проверяют их, причем делают это очень быстро и могут выполнять сразу несколько процессов. Можно сказать даже, что они способны давать советы. Но это теория, а что касается практики, то здесь дело обстоит гораздо сложнее. Во-первых, нужен совершенно иной уровень развития кибернетики. Потом... Члены Лиги ревностно оберегают свои тяжким потом добытые секреты. Чего ради, спрашивается, выдавать их конкуренту? Или общественному информационному центру, где их сможет узнать все тот же конкурент? Или кому-то еще, кто не соперничает с вами, но запросто может заключить сделку с вашим конкурентом — или решит изменить сферу своих интересов и станет вашим противником? Будете вы использовать информацию или нет, сначала вам нужно потратить определенную сумму на ее приобретение. А если вы решитесь с ней расстаться, то тоже сделаете это за деньги — если, конечно, не стремитесь обанкротиться. Переговоры же по продаже коммерческих тайн всегда идут медленно и трудно. «Серендингсити» разрешила эту проблему! Да, разрешила — с помощью новейшего оборуования и оригинальных идей!

Фолкейн откинулся на спинку кресла. Он был сбит с толку, растерян, едва ли не испуган. Его предупреждали, что фирмой руководят довольно странные люди, но подобного он не ожидал. Эта женщина выложила ему, человеку, который оплатил только предварительную консультацию, то есть первому встречному, такие сведения... Во имя всего святого, почему?

«Быть может, у них так принято, — подумал он. Как еще можно объяснить поведение собеседницы?»

Женщина говорила вроде бы спокойно, но напряжение в разговоре нарастало.

— Чем больше объем информации, тем больше вероятность обнаружить данные, в которых нуждается тот или иной клиент. Поэтому создание мощного информцентра послужило бы только ко всеобщей выгоде — при том условии, что ни один из пользователей не будет иметь перед другими преимуществ в обслуживании. Именно такие услуги наша фирма и предлагает. Естественно, часть информации к нам поступает из обычных источников. Ведь библиотеки и информационные центры имеются на многих планетах. Но мы еще и покупаем информацию у отдельных лиц, если находим,

что она того заслуживает. А взамен продаем этим лицам ту информацию, которая интересует их. Следует отметить, что мы строго соблюдаем правило анонимности наших клиентов. Мы, основатели центра, не знаем и не стремимся узнать, какие вопросы вы задали, какие ответы получили, что вы сообщили машинам, как они оценили ваши сведения, к каким дополнительным сведениям пришли. — Всю эту тираду она произнесла единым духом. — Все эти сведения остаются в машинах. Мы вмешиваемся в эти процедуры только по просьбе клиентов и только по их собственной информации. Обычно же круг наших занятий составляют статистические оценки и анализ: мы выводим средние показатели и все такое прочее. Наша фирма приобрела известность по мере того, как у клиентов росло доверие к нам. Многочисленные тайные расследования подтвердили, что мы никому не отдаем предпочтения, ничего не выбалтываем, что нас невозможно подкупить. С каждым днем мы приобретали все новых клиентов и все новый опыт.

Она подалась вперед и взглянула на Фолкейна в упор.

— Например, представьте себе такую ситуацию: вы хотели бы продать нам некую информацию относительно вашей компании. В память машин могут быть введены и голословные утверждения, поскольку такая информация тоже является данными. Но им, скорее всего, не будет веры. Специальные программы по сопоставлению и анализу информации позволят отделить правду от лжи. Если эти программы не отметят вашу информацию как ложную — тогда мы купим ваши сведения. Перекрестные проверки очень скоро выявят недостоверность информации, и машины запомнят этот факт. Если директор вашей фирмы является единственным владельцем упомянутой информации, то эти сведения не будут выдаваться до тех пор, пока их не сообщит нам кто-нибудь еще. Однако логические программы будут учитывать эти факты при подготовке рекомендаций — кстати, ни для кого не делая исключений. Например, компьютер может посоветовать конкурентам вашей фирмы действовать вовсе не так, как вы предполагали. И сделает он это потому, что знает о ложности сообщенных вами сведений. Но он только посоветует, не открывая причины своих действий. — Она перевела дыхание.

Фолкейн воспользовался наступившей паузой.

— Если я вас правильно понял, то в интересах клиента не пытаться обмануть машину. Значит, чем больше вашим компьютерам расскажешь, тем лучший совет от них получишь. Ага, вот где собака зарыта!

— Это лишь одна из причин нашего преуспевания, — сказала Тея Белдэниэл. — Вообще-то, ситуации вроде той, что мы с вами себе представили, возникают редко. Почему бы мастеру ван Рийну и не продать нам информацию о том, что один из его разведывательных кораблей натолкнулся на планету, аборигены которой являются искусными скульпторами? Насколько я знаю, он не такой уж

любитель искусств. А в обмен он может купить у нас по весьма сходной цене информацию о том, что корабль, экипаж которого дышит водородом, обнаружил планету с кислородной атмосферой, на которой изготавливают совершенно необычное вино.

— Мне понятно только одно, — заметил Фолкейн. — Если я правильно все усвоил, то, чтобы узнать нечто важное, ему пришлось бы прийти сюда самому. Верно?

— В данном конкретном случае — нет, — отозвалась она. — Его цели были ясны. Но вообще мы, естественно, охраняем наши фонды. Вот взять, например, вас... — Она сделала паузу, потом сказала резко:

— Вы, насколько я могу судить, собирались усесться перед машиной и сказать: «Меня зовут Дэвид Фолкейн. Что у вас есть интересного для меня?» Что ж, вы вполне можете рассчитывать, что подобная информация в банке данных найдется. Но неужели вы не понимаете, сэр, что именно ради вас мы не можем такого допустить? Чем вы докажете, что вы — это вы?

Фолкейн полез было в карман, но женщина жестом остановила его:

— Не мне, — сказала она. — Мне вовсе ни к чему знать, тот ли вы человек, за которого себя выдаете. Машина проверит ваши отпечатки пальцев, соличит оригинал с хранящимся в памяти портретом — словом, выполнит все обычные процедуры, если ваши данные есть в картотеке Содружества. Если же их там нет, компьютер осуществит идентификацию каким-либо другим способом. — Она встала. — Пойдемте, я провожу вас в машинный зал. Вы увидите наши компьютеры в действии.

Шагая следом за ней, Фолкейн никак не мог решить, похожа ли ее походка на походку фригидной женщины. Но это ерунда.

Ему в голову пришла куда более интересная мысль. Он как будто понял, почему она себя так вела, почему так подробно объясняла, хотя могла бы и сообразить, что ему большей частью все это известно. Ему уже приходилось сталкиваться с болезнью, название которой — фанатизм.

ГЛАВА 3

Фолкейн сидел в кресле. В комнате никого больше не было, и все же он не мог сказать, что оставался совсем один, ибо гигантский квазимозг уже обращался к нему. Хотя за свою жизнь Фолкейн перевидал немало роботов, а с одним из них, по имени Тупица, даже подружился, но сейчас ему было как-то не по себе. Он попытался разобраться почему.

Он сидит в обычном саморегулирующемся кресле за обычным столом, уставленным обычными приборами. Голые серые стены, белые флуоропанели на потолке, кондиционированный воздух, тихое

бормотание машин — все, как обычно. Прямо перед ним — основная панель управления и большой, пока пустой экран. В чем же дело?

«Быть может, — подумал он, — причина — в царящей здесь атмосфере таинственности. Да, детективы Лиги определили, что владельцы „Серендингсити“ на самом деле не отдают предпочтения ни одному из клиентов, будь это фирмы, отдельный человек и даже нечеловек. Но вот откуда они взялись, оставалось до сих пор тайной за семью печатями. А их чопорность (Тея Белдэниэл была в этом смысле типичной их представительницей) и нелюдимость лишь подливали масла в огонь.

Тайну их раскрыть, пожалуй, невозможно. И дело не только в том, что они ее ревностно оберегают — сегодня каждый норовит забраться поглубже в свою раковину. Просто задача эта невыполнима. Вселенная слишком велика. Тот маленький кусочек всего лишь одной ветви одной-единственной галактики, который мы кое-как исследовали и освоили... и он-то слишком велик для нас. Стремясь к зовущим нас тысячам солнц, мы не замечаем буквально миллионы других. Даже на то чтобы просто посетить эти тысячи миров, не говоря уж об их изучении, уйдут века. А ведь за границами достигнутых миров лежит почти вся Вселенная.

Эти люди явились в Солнечную систему на корабле, нагруженном тяжелыми металлами. Продав эти металлы за хорошую цену, они организовали свою фирму. Хотя многие детали к машинам они заказывали на Земле, базовая логика и блоки памяти были явно неземного происхождения. Как-то Николас ван Рийн, заинтригованный всем этим, дал взятку чиновнику таможенной службы Содружества. Тот человек сообщил ему буквально следующее: «Понимаете, сэр, могу вам только сказать, что ввозимый ими товар не представляет опасности. Иными словами, они не собираются заразить нас какой-нибудь болезнью или взорвать планету. Так что закон свободной торговли на их стороне. „Серендингсити Инк.“ получает вычислительные машины, так? На вид это самые обычные компьютеры, только вот изготовлены они не людьми. Это подтвердит вам любой таможенник с опытом. Вы говорили, что больше никому не удалось добиться от своих компьютеров подобных результатов. Что это означает? А то, что эти люди обнаружили планету, обитатели которой доки в таких вещах. Наверняка они договорились между собой. А что „Серендингсити“ никого об этом не известила, то разве вы сами, сэр, не поступили бы точно так же?»

Краем уха Фолкейн услышал, что машина что-то ему сказала.

— Простите? — переспросил он. И тут же подумал: «Какого черта я извиняюсь перед этим ящиком?» Взяв с полки над панелью свою сигару, он нервно затянулся.

— Дэвид Фолкейн с Гермеса, представитель галактической компании «Солнечные пряности и напитки». Ваша личность идентифицирована, — сообщила машина. Голос был у нее неровный и низкий, как в большинства созданных человеком роботов, а

высокий, какой-то свистящий; человеческий слух с трудом мог к нему приноровиться. — Ваше имя связано с определенными событиями, сообщения о которых хранятся в банке данных. В первую очередь, это события, связанные с Бета Центавра, Икранаикой и Мерсеей. («Разрази меня гром, откуда им известно про Икранайку?») С этими событиями коррелируют и другие. Вы должны понимать, что область поиска практически безгранична. Поэтому необходимо выбрать какой-нибудь один факт и проверить его связи с ограниченным числом других фактов. Если эти связи окажутся непродуктивными, то проверке будут подвергнуты другие связи и, если понадобится, другие точки отсчета, — так будет продолжаться до получения удовлетворительного результата. («Или пока у меня не выйдут все деньги», — подумал Фолкейн.) С какими данными вы хотели бы познакомиться?

— Ну... я хотел бы... — Фолкейн лихорадочно соображал. — Например, какие новые рынки на планетах других звездных систем?

— Поскольку секретной информации здесь не содержится, на ваш вопрос мог бы ответить любой обычный информационный центр.

— Подожди-ка! Вот, пожалуй, задачка как раз для тебя. Точки отсчета «Я» и «ДЕНЬГИ». Установи существующие между ними ассоциативные связи.

Бормотание усилилось, или просто тишина стала глубже?

Фолкейн откинулся на спинку кресла и попытался расслабиться. Где-то там, за этими серыми стенами, мчались сквозь вакуум электроны и кванты, заряженные и незаряженные частицы, заблудившиеся молекулы врезались в магнитные, электрические, гравитационные, радиационные поля — машина работала.

Потом она словно задремала.

Продолжает ли она плести свою паутину связей, подумал Фолкейн, когда клиенты уходят? Наверняка да. Может статься, что эта машина досконально изучила наш уголок Вселенной. Но все равно: фактов слишком много, и связей между ними видимо-невидимо. Полезные сведения погребены под кучей лишней информации. В конце концов, любое серьезное открытие есть ни что иное, как обнаружение связи между, казалось бы, абсолютно разнородными вещами. Между уровнем в ванне, например, и весом золота; между пессимизмом священника из маленького городка и органической эволюцией; между змеей, кусающей свой собственный хвост, и молекулой бензола... Живые существа из живого космоса, приходившие подобно Фолкейну в пещеру, где обитает этот квазимозг, — они лишь заставляли его работать по-настоящему, открывали ему значимость вроде бы совершенно бесполезных знаний.

— Дэвид Фолкейн с Гермеса! — позвала машина.

— Да? — Он выпрямился, мышцы его напряглись.

— Связь установлена. Помните ли вы, что несколько лет назад доказали наличие у звезды Бета Центавра планетной системы?

Реакция Фолкейна разительнo не соответствовала бесстрастному голосу компьютера:

— Помню ли я? Да ведь именно тогда на меня обратили внимание! Считалось, что у голубых гигантов не может быть планет. А я их нашел!

— Эти данные мне известны. — Машина вовсе не собиралась восторгаться его прозорливостью. — Позднее ваша гипотеза была проверена. Когда звезда находилась еще в стадии образования и представляла собой ядро с огромным облаком вокруг, рядом с ней случайно оказалось несколько бродячих планет. Войдя в контакт с облаком, они потеряли скорость и были захвачены притяжением звезды.

Планеты без звезд — обычное явление. Их число раз в тысячу или больше превышает число звезд. Считается, что они, разнящиеся по размерам от астероида до сверхгиганта, занимают в космосе места на три порядка больше, чем ядерные излучающие свет образования, называемые звездами. Однако расстояния в пространстве таковы, что вероятность прохождения такой планеты рядом с какой-нибудь звездой чрезвычайно мала. Даже и в центре Галактики таких планет не так уж много. Поэтому обнаруженную вами систему можно считать уникальной.

Ваше открытие вызвало определенный интерес, и вскоре Община Мудрости из государства Котгар, что на планете Лемминкяйнен, снарядила экспедицию. Названия, естественно, даются в переводе на английский. Вот копия подробного отчета. — Из паза на лоток выкатилась бобина с микрофильмом. Фолкейн машинально сунул ее в карман.

— Я о них слышал, — сказал он. — Они не гуманоиды, но поддерживают с нами контакт. Кроме того, я следил за их экспедицией, поскольку был, так сказать, лично заинтересован. Они обследовали все не посещавшиеся раньше гиганты на расстоянии в сотню световых лет. И ничего не нашли, как и ожидалось, — поэтому экспедиций больше не было.

— В то время вы сдавали на Земле экзамены на звание пилота, — заметила машина. — Иначе вас могли бы не коснуться даже и слухи.

Хотя информационно-вычислительные устройства Земли не имеют себе равных в освоенном космосе, они так перегружены данными, что кажущиеся малосущественные подробности ими просто отсеиваются. Однако среди этих отсеянных фактов оказался один, достойный внимания.

«Серендингсити» несколько лет спустя удалось получить подробный отчет об этой экспедиции — совершенно случайно. Капитан того корабля передал нам эти сведения в обмен на уменьшение платы за консультацию. Вернее, он передал нам отчеты о нескольких совершенных им экспедициях. Среди них был и этот. На него не обращалось внимания до тех пор, пока ваш запрос не потребовал детального изучения информации в данной области.

Дыхание Фолкейна участилось. Он вцепился в ручки кресла.

— Перед просмотром копии прослушайте устное сообщение, — сказала машина. — Неподалеку от звезды Бета Южного Креста была обнаружена бродячая планета. Она двигалась по сжимающейся гиперболической орбите и должна была рано или поздно пройти вблизи звезды на расстоянии около одной астрономической единицы.

Экран потемнел. На нем зажглись звезды. Одна из них, голубая, сверкала особенно ярко. Она становилась все больше и больше: звездолет, с которого велись съемки, сближался с ней.

— Бета Креста расположена к югу от Солнца на расстоянии примерно в двести четыре световых года. — Сухой, свистящий голос лишил картину величия. — Это звезда типа В-I, она примерно в шесть раз тяжелее, вчетверо больше, в восьмьсот пятьдесят раз ярче Солнца. Это совсем молодая звезда: общий возраст ее не превышает ста миллионов стандартных лет.

Изображение изменилось. На фоне звезды возникла светящаяся точка. Фолкейн знал, как это делается. Если вести наблюдение по двум или трем ортогональным осям, записывающие фотоустройства обнаружат сравнительно близко расположенные к звезде объекты, вроде планет, затем по перемещению произведут их триангуляцию.

— Был обнаружен всего лишь один объект, достаточно удаленный от звезды, — продолжал пояснения компьютер. — Поскольку этот объект был единственным, обнаруженным экспедицией, решено было детально его исследовать.

В центре экрана возник шар, из-за которого по мере движения корабля постепенно появлялись звезды. Одна половина его была темной, другая — голубовато-белой. Кое-где можно было различить пики гор, но все остальное скрывала белесая дымка.

«Криосфера», — с содроганием подумал Фолкейн.

Этот лишенный солнца мир образовался из небольшого сгущения в какой-то древней туманности. В течение многих миллионов лет к ней постепенно приставали камни, метеориты, межзвездная пыль, пока, наконец, не возникла планета. Новорожденный сфероид сотрясали землетрясения, вулканы выбрасывали газ, водяной пар, углекислый газ, метан, аммиак, цианид, водород, сульфит... Происходили те же процессы, которые в свое время привели к созданию атмосферы и гидросферы Земли. Но планета не имела звезд, лучи которой осветили бы, согрели ее, активизировали бы химические процессы, в результате которых могла возникнуть жизнь. Вместо этого на ней царил мрак и лютый холод. Температура, возросшая было после образования планеты, опустилась почти до абсолютного нуля.

Океаны замерзли. Газы один за другим выпали твердыми осадками на эти огромные ледники. Одетая в лед — лед, который, возможно, старше самой Земли, — бесплодная, пустая, безымянная планета дрейфовала сквозь время. До тех пор, пока...

— По массе и размерам эта планета немного превышает Землю,

по плотности немного ей уступает, — сообщил квазимозг, ни на миг не прекращавший «думать». — Подробности можно найти в отчете, приведенные там данные подтвердились. Планета довольно старая. Нестабильных элементов осталось крайне мало, если не считать те, у которых очень долгий период полураспада.

На поверхность планеты высадились разведывательная группа. Картина снова изменилась. Навстречу Фолкейну устремилась холодная поверхность планеты. Бета Креста сверкала так ярко, что глазам было больно. Однако звезда оставалась всего лишь далекой сверкающей точкой: пускай она неистово полыхала, но Солнце гораздо сильнее освещало Землю, чем Бета Креста захваченную ею планету.

Однако света ее было вполне достаточно, чтобы рассмотреть замерзшую атмосферу и застывшие океаны. Даже предостаточно — Фолкейну пришлось прищуриться.

Поверхность планеты была совершенно ровной. Лишь на горизонте возвышался горный кряж, темные скалы которого были покрыты льдом. Бот отбрасывал на искрящийся лед голубую тень. Черное небо было усеяно звездами.

Исследователи двигались вокруг бота, собирая образцы. Движения их были менее грациозными, чем обычно — мешали толстые подошвы скафандров. Эти подошвы уменьшали теплоотдачу организма, что было крайне важно при таком холоде. Фолкейн мог себе представить, какая там тишина. Вряд ли ее особо потревожили переговоры разведчиков с кораблем или треск помех.

— Они не обнаружили ничего, что могло бы по их меркам считаться ценным, — продолжал компьютер. — На планете, несомненно, были минералы, но они находились глубоко подо льдом. При приближении планеты к Бете Креста лед растает и испарится. Но пока планета окажется достаточно близко к звезде, пройдет не один год.

Машинально Фолкейн кивнул. Целая планета с замерзшей атмосферой и океанами! Нужен прямо-таки Дантов ад энергии, чтобы хоть немного растопить этот ледяной панцирь.

— Хотя прохождение планеты через перигелий будет сопровождаться мощными геологическими трансформациями, оснований ожидать изменения хода событий нет. Его можно предсказать на основе известных свойств материи. Криосфера превратится в атмосферу и гидросферу. Но это будет, скорее всего, лишь временное воскресение, и выгоды оно не принесет. Через некоторое время процесс потечет вспять, криосфера возникнет снова — то есть не произойдет ничего существенного.

Поэтому в отчете экспедиции об этой планете упоминалось лишь вскользь, да и то потому, что без этого экспедиция выглядела бы полностью провалившейся. Данные о ней занесли в память машин и забыли о них. В отчете, направленном на Землю, вообще ничего не сообщалось о таком, казалось бы, пустяке.

Фолкейн ударил кулаком по столу. Внутри у него все кипело. Эти лемминкяйнениты абсолютно не понимают людей, подумал он. Люди не оставили бы без присмотра начинающую оттаивать ледяную планету!

Вдруг в голову ему пришла совершенно фантастическая идея. А если этот шарик взять да и переместить поближе к звезде в подходящую температуру? Ядовитая атмосфера, голые скалы... Ну да, это можно изменить. Зато есть возможность создать собственное королевство.

Нет. Во-первых, куда дешевле найти ненаселенную планету с уже зародившейся жизнью. А во-вторых, от скуки физической реальности никуда не деться. Люди могут изменить мир или уничтожить его, но они не в силах переместить его хотя бы на сантиметр с установившейся орбиты. Для этого нужна воистину космическая энергия. Так что на подходящую орбиту вокруг Беты Креста эту планету вывести не удастся. Она должна продолжить свой бесконечный путь. Сразу она не замерзнет, ибо голубой гигант обрушит на нее неизмеримое количество тепла. Но вот сумерки наступят через несколько лет, мрак — через несколько десятилетий, холод и роковой конец — через века.

На экране в последний раз мелькнул безымянный сфероид: звездолет уходил от него. Экран погас. Фолкейн сидел, подавленный величием увиденного.

Вдруг он услышал собственный голос, дерзкий и испуганный одновременно:

— Ты предлагаешь мне заняться организацией экскурсий для желающих понаблюдать, как эта штука будет таять? Да, дело будет знатное. Только вот где бы мне раздобыть лицензию?

Машина сказала:

— Планета требует дальнейшего изучения. Например, было бы полезно узнать, станет ли вся криосфера жидкой или нет. Можно было бы произвести и более точное вычисление орбиты. Как бы то ни было, планета может представлять огромный интерес для промышленников. Лемминкяйненитам, культура которых развивается не динамически, это не пришло в голову. Однако здесь только что было сделано заключение: поскольку остро ощущается нехватка в тяжелых изотопах, а их производство строго ограничено из-за огромных затрат энергии и опасных для жизни побочных продуктов, то данная планета является подходящим местом для размещения предприятий по их производству.

Фолкейна словно обухом по голове ударило. В сильнейшем волнении он вскочил. В такое возбуждение его привели отнюдь не деньги, которые сулило подобное предприятие. Их, конечно, приятно иметь, но Фолкейн знал множество куда более приятных способов добывания кредиток. Нет, на ноги его поднял, если так можно выразиться, инстинкт охотника. Он словно превратился в дикаря из плейстоцена, отслеживающего мамонта.

— О, небо! — воскликнул он. — Ну конечно же!

— Из-за открывающихся коммерческих перспектив на данном этапе желательно сохранить информацию в тайне, — сказал равнодушный к мирским благам голос. — Рекомендуется также заплатить фирме сумму, необходимую для временного придания информации статуса секретной. Этот вопрос вы можете обсудить сегодня же с госпожой Белдэниэл, а потом переговорить с мастером ван Рийном. — Машина сделала паузу в биллион наносекунд; какие новые данные обнаружила она в своей памяти? — По известным причинам вам рекомендуется до отлета с Луны никому не открывать услышанного. Кроме того, поскольку вы все равно находитесь в помещении фирмы, предлагаю продолжить разговор дальше. Быть может, нам удастся обнаружить неизвестные релевантные факторы.

Выйдя часа через два из машинного зала, Фолкейн остановился у стола Теи Белдэниэл.

— Уф! — сказал он, довольный и усталый.

Женщина поглядела на него с улыбкой.

— Кажется, вы не теряли времени даром.

— Действительно. Послушайте, мне надо кое о чем с вами поговорить.

— Садитесь, пожалуйста. — Взгляд ее был спокойным и чистым. — Пока вы находились в зале, капитан Фолкейн, я получила от компьютера все имеющиеся на вас данные. О, это только те сведения, что публиковались в официальных отчетах; и сделала я это, разумеется, лишь для того, чтобы не ударить перед вами в грязь лицом. Ваш послужной список великолепен!

«Это да!» — мысленно согласился Фолкейн.

— Благодарю вас, — сказал он.

— Как видите, здесь занимается вычислениями не только техника. — Вот это да: оказывается, она не лишена чувства юмора! — Мне подумалось, что мы с вами вполне могли бы сотрудничать, и это пошло бы на пользу и вам, и нам. Я надеюсь, об этом мы тоже поговорим.

ГЛАВА 4

Отель «Вселенная» в Лунограде славился на всю галактику.

«Нет такого кислорододышащего существа, которому мы не смогли бы обеспечить в нашем отеле нормальные условия жизни. Мы снабдим вас всем необходимым для заботы о здоровье; мы позаботимся о вашей безопасности и сделаем все, чтобы вы остались довольны нами. Если вы заранее уведомите нас, то за умеренную дополнительную плату мы приложим все усилия, чтобы добыть то, чего у нас нет, но что вам нужно. А если нам не удастся удовлетворить

ваших запросов, мы выплатим вам в порядке компенсации сумму в один миллион кредиток Галактического Содружества» — так зазывали клиентов рекламные объявления отеля.

Попыток получить указанную сумму было немало. Особенно изощрялись звездолетчики, которые приводили с собой в отель самых диких и вивинных инопланетян. Пару раз суммы, потраченные на исполнение желаний клиентов, превысили миллион кредиток. (В одном случае потребовались специальные исследования диетических продуктов, получаемых с помощью молекулярного синтеза; в другом — пришлось доставить с родной планеты клиента симбиотический организм.) Но дело того стоило: туристы, особенно земляне, платили огромные деньги за номер в отеле и за возможность чувствовать себя такими космополитами.

У Чи Лан не было особых запросов. Она принадлежала к торговому кочеству — это словосочетание было более точным переводом с ее языка, чем, скажем, племя, — которое поддерживало постоянный контакт с людьми с тех самых пор, как их обнаружила первая экспедиция на планету А-2 с кислородной атмосферой в системе Эридана. Эта планета называлась Цинтия. В скором времени цинтиане буквально заплотили Солнечную систему — они прибывали в качестве туристов, торговцев, представителей, специалистов, студентов. Некоторые из них стали профессиональными космическими бродягами. У Чи имелся даже стандартизованный скафандр.

— Нет, я не всем довольна, — резко ответила она Фолкейну, когда тот позвонил, чтобы узнать, все ли у нее в порядке. — Если уж они не в состоянии запомнить название моей планеты, чего еще можно от них ждать?

— В том-то все и дело! Эти тупицы даже не удосужились сообразить, что я с континента Тах-Чих-Чиен-Пи! У нас на соседнем континенте зверски холодно, а они сунули меня как раз в такой номер!

— Ну так позвони и отчитай их, — посоветовал Фолкейн. — У тебя это неплохо получается.

Чи фыркнула, но потом последовала его совету.

Землянин, скорее всего, не заметил бы изменений, которые были сделаны. В самом деле, что изменилось? Тяжесть — та же, 0,8 стандартной; тот же оранжево-красный свет ламп, интенсивность которого менялась в течение пятидесяти пяти часов, составлявших цинтианские сутки; тот же теплый влажный воздух и острый запах мускуса; те же огромные горшки с цветами на полу, увитое лианами дерево, сложное переплетение брусев под потолком — на них Чи занималась и по ним перемещалась с места на место. (Общее мнение, что цинтиане живут на деревьях наподобие обезьян, было ошибочным. Они всего лишь адаптировались к бескрайним лесным массивам своей планеты и предпочитали перескакивать с ветки на ветку, а не передвигаться по земле.) Землянин обратил бы внимание на создававшую иллюзию окна картину: переходившие в савану

джунгли и изящное здание караван-сарая на заднем плане. Его взор привлекли бы разбросанные по полу книги и полужаконченная глиняная скульптура, с которой возилась Чи в ожидании звонка Фолкейна. Цинтианка отвернулась от видеофона, с которого только что исчезло изображение человека, и опустила на четвереньки, выгнув спину другой. Тай Ту, тоже предмет ее забав, попытался нарушить напряженную тишину.

— Я полагаю, это один из ваших партнеров? — Он говорил по-испански, поскольку английского не знал.

— Да, — подтвердила Чи. — Но полагать ты можешь и в другом месте.

— Прошу прощения.

— Иди отсюда, — пояснила Чи. — Мне надо подумать.

Тай Ту вытаращил глаза.

Наш гипотетический землянин назвал бы ее милашкой или даже, пожалуй, красавицей и не был бы в этом одинок. Для Тай Ту она была желанной, чарующей и довольно грозной.

Когда Чи выпрямлялась, роста в ней было около девяноста сантиметров, загнутый вверх хвост был лишь наполовину короче. Ее тело покрывал роскошный белый мех. Ходила она на двух задних ногах с пятью цепкими пальцами. На руках, мускулистых и чуть менее длинных, тоже было пять пальцев с розовыми ноготками. Круглая голова со стоящими торчком ушами; коротенькое рыльце, приплюснутый нос, красиво очерченный рот, кошачьи усы, громадные изумрудно-зеленые глаза... Кожа ладоней, ступней, ушей и вокруг глаз была голубовато-серой. Покрытая шерстью, теплокровная, живородящая, она тем не менее не принадлежала к млекопитающим. В ее племени дети с самого рождения ели мясо и сосали кровь.

Тай Ту был пониже ростом и менее агрессивен, поскольку от самцов на Цинтии никогда не требовалось таскать на своих загривках детенышей и сражаться за них. Он был весьма польщен, когда Чи Лан обратила на него внимание, — хотя он был уважаемым профессором, читал лекции в Университете Ломоносова, а она работала в ксенологической службе компании Николаса ван Рийна, — однако чувства собственного достоинства не потерял.

— Я не могу позволить вам так обращаться со мной! — выпалил он.

Чи выпустила когти, белые и очень острые, и махнула хвостом в направлении двери:

— Брысь! — приказала она. — И чтоб духу твоего здесь не было!

Тай Ту горестно вздохнул, собрал манатки и направился в свой номер.

Чи немного посидела, хмуясь все сильнее. Наконец она набрала номер на панели видеофона. Безрезультатно.

— Черт возьми, я же знаю, что ты у себя! — разгневанно воскликнула она. Экран оставался пустым. Она вскочила. — Что б

ты провалился, буддист полоумный! — После доброй сотни безответных вызовов она выключила видеофон и выскользнула из номера через воздушный шлюз.

В коридорах отеля была земная атмосфера, но Чи приноровилась к ней без труда. Летучие отряды составлялись с таким расчетом, чтобы биологические параметры их членов во многом совпадали. Эскалаторы, по мнению Чи, двигались слишком медленно, и она побежала. По дороге она налетела на его превосходительство посланника Эпопианской империи. Он негодуяще закаркал. Чи на бегу бросила через плечо такое словцо, что у его превосходительства отвис клюв; если верить часам, то посланник не мог подняться на ноги целых три минуты.

Тем временем Чи достигла двери номера Эдзела. Она нажала кнопку звонка. Безрезультатно. Он, должно быть, странствует в каком-нибудь другом измерении. Чи принялась набирать на световом табло аварийные сигналы: «SOS», «Помогите!», «Авария двигателей», «Столкновение», «Кораблекрушение», «Бунт», «Радиация», «Голод», «Чума», «Война», «Взрыв сверхновой». Это помогло. Эдзел активировал клапаны, и Чи вошла в шлюз. От быстрой смены давления стало больно ушам.

— Сколько экспрессии! — раздался могучий бас Эдзела. — Боюсь, тебе гораздо дальше до просветления, чем я думал.

Чи посмотрела в лицо Эдзелу, потом огляделась. Сила тяжести — два с половиной «G», ослепительно яркое сияние искусственного солнца F-типа; плотная, душная, предгрозовая атмосфера, в которой даже шепот казался слишком громким, — от всего этого она почувствовала себя маленькой и беспомощной. Чи забилась под стол. Суровую обстановку комнаты не смягчали ни изображения бескрайних ветренных степей планеты, которую люди называли Воден, ни прикрепленный к стене свиток с текстом из Махаяны.

— Надеюсь, ты отвлекла меня от занятий по действительно важному делу, — сказал Эдзел самым суровым тоном, на какой только был способен.

Чи немного помолчала, прежде чем ответить.

— Не знаю, — произнесла она. — Мне известно лишь, что это касается нас.

Она поглядела на Эдзела, пытаясь определить, как он отреагирует на ее слова. Наверняка он понял, что ее беспокойство не лишено серьезных оснований. Но Чи не призналась бы в этом ни за что на свете.

Вместе с могучим хвостом его тело кентавра имело в длину четыре с половиной метра и весило больше тонны. Широкая грудь, длинная шея, четырехпалые руки, раздвоенные копыта. Голова его напоминала крокодиля: широкие ноздри, устрашающий оскал зубов. Внешний слуховой аппарат представлял собой костяной гребень, который бежал вдоль спины от макушки до хвоста. Череп был достаточно вместительным для мозга приличных размеров;

взгляд больших карих глаз из-под мощных надбровных дуг выражал тоску. Горло и брюхо Эдзела защищали костяные пластины, а все остальное тело покрывала чешуя, темно-зеленая у гребня и постепенно переходящая в золотистую книзу.

Эдзел был авторитетом в области планетологии или считался таковым до тех пор, пока не оставил Академию ради низменных выгод в торговой компании. Биологически он был несколько ближе к людям, чем Чи. Теплокровный, всеядный, он принадлежал к числу существ, чьи живородящие самки выкармливали детенышей грудью.

— Мне звонил Дэйв, — сказала Чи. Немного освоившись, она добавила с усмешкой. — Наконец-то он хоть на несколько часов отвызался от этой шлюхи, с которой проводил все последнее время!

— И отправился в «Серендингсити», как и должен был? Отлично, отлично. Надеюсь, он узнал там что-нибудь интересное. — В отличие от Чи, Эдзел говорил на латыни, универсальном языке Лиги, поскольку его мясистые губы требовали постоянной практики в чужом языке.

— Да, он прямо-таки скачет от восторга, — сказала цинтианка. — Но подробностей он не сообщил.

— Я его понимаю. — В голосе Эдзела послышалось неодобрение. — В этом городе, по-моему, каждый десятый чей-нибудь шпион.

— А еще он не может прийти к нам и поговорить, равно как и мы к нему, — продолжала Чи. — Компьютер предостерег его не делать этого, но почему — не объяснил.

Воденит потер челюсть.

— Это любопытно. Разве номера не оборудованы противоподслушивающими устройствами?

— Наверное, оборудованы. Быть может, машина узнала о какой-нибудь новинке в этой области? Ты ведь знаешь, какая у «Серендингсити» разведка. Дэйв хочет, чтобы мы связались с конторой, затребовали денег и оплатили защиту информации, которую он сегодня узнал. Он сказал, что расскажет нам обо всем, когда мы окажемся на Земле.

— А почему не раньше? Если он не может немедленно улететь с Луны, то что нам мешает захватить его с собой? Пока Тупица в порядке, с этим никакой загвоздки не будет.

— Дослушай меня, славный крокодилобык! Я соображаю не хуже твоего и, естественно, предложила ему твой вариант. Но он отказался, заявив, что только не сейчас. Кто-то из владельцев «СИ» предложил ему погостить немного в этом их замке.

— Странно. Я слышал, что они избегают гостей.

— Гости, да. Дэйв сказал, что с ним хотят поговорить о деле. Якобы ему намекнули на что-то очень выгодное, но что конкретно — не говорят. Он считает, что шанс упускать нельзя. Причем все в какой-то спешке. Он вырвался буквально на пять минут — сменить рубашку да надраить зубы.

— Он решил, что дела мастера ван Рийна подождут? — спросил Эдзел.

— Как будто. Дэви считает, что если он начнет тянуть с переговорами, то другой возможности у него уже не будет. Он говорит, надо ловить момент, пока в печатных платах, которые у этих людей вместо душ, что-то замкнуто. Говорит, что в любом случае хочет увидеть, как они живут.

— Да. — Эдзел согласно кивнул. — Да, Дэвид поступает совершенно правильно. Нельзя пренебрегать приглашением такой могущественной и таинственной организации. Чего ты примчалась ко мне? Нам с тобой просто придется провести здесь еще несколько дней.

Чи ошетибилась.

— Тебя не прошибешь. Да пойми ты, компьютер выдал Дэйву шикарную идею. Денег там будет хоть завались. Я поняла это по его виду. А если эти фирмачи хотят заполучить его, чтобы зацапать себе все доходы?

— Ну, малышка, — укоризненно усмехнулся Эдзел, — «Серендингсити» не вмешивается в дела своих клиентов и не раскрывает их секретов. Как правило, владельцы ее даже не знают, что это за секреты. С другими фирмами они не связаны. Это подтверждают не только результаты всех известных расследований, но и многолетний опыт. Нарушь они хотя бы раз свои экстраординарные правила, выкажи кому-нибудь особое расположение или недоверие — от их клиентуры в два счета не осталось бы и следа. Никакой другой член Политехнической лиги, никакая другая компания не пользуются таким доверием.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, сынок.

— Ну подумай сама, если ты еще на это способна. — Тон Эдзела стал необычно резким. — Давай, ради интереса, предположим, что «Серендингсити» в самом деле подслушала разговор Дэйва с компьютером и решила нарушить собственное правило: никогда не вмешиваться в личные дела. Она все равно никуда не денется от положений конвенции Лиги. Эта конвенция возникла ведь не просто так. Согласно ей запрещены заключения в тюрьму, убийства, пытки, применение наркотиков, промывание мозгов, всякое прямое воздействие на психобиологическую целостность личности. Наказания за нарушение этих положений чудовищно суровы. Поэтому, как гласит земная поговорка, игра не стоит свеч. То есть шпионить, искушать и принуждать можно только до определенных пределов. Шантажом или взяткой Дэйва не возьмешь. Если он заподозрит «хвост», то уйдет от него и ни о чем важном не проболтается. А если ему кинут как наживку самку, то он ее с удовольствием проглотит, но крючка не тронет. Разве он уже не...

В этот момент — как часто в жизни и случается — раздался сигнал видеофона. Эдзел нажал на кнопку «Прием». На экране появилось лицо той самой последней подружки Фолкейна. Эдзел и

Чи узнали ее: им уже доводилось видеть ее, правда, мельком, и к тому же они вовсе не считали, будто все люди на одно лицо.

— Добрый вечер, сударыня, — поздоровался Эдзел. — Чем могу служить?

Девушка выглядела обеспокоенной, голос ее дрожал:

— Простите, что беспокою вас. Мне нужно найти Дэ... капитана Фолкейна. Он не пришел. Вы не знаете, где он?

— Мне очень жаль, но к нам он не заходил.

— Он обещал меня найти... встретиться со мной вечером... и не пришел, и... — Вероника судорожно сглотнула, — я не знаю, как быть.

— У него весьма срочное дело. Он не имел возможности сообщить вам об этом, — галантно солгал Эдзел. — Он просил меня передать самые искренние сожаления.

Девушка жалко улыбнулась.

— Это дело — блондинка или брюнетка?

— Ни то, ни другое. Уверяю вас, сударыня, это связано с его работой. Быть может, он будет отсутствовать несколько стандартных дней. Когда он вернется, я скажу, чтобы он позвонил вам.

— Я была бы вам очень признательна, сэр. — Она нервно сцепила пальцы. — Благодарю вас.

Эдзел выключил экран.

— Ничего не хочу сказать насчет этой девицы, — заметил он, — но, по-моему, Дэвид проявляет порой удивительное бессердечие.

— Ха! — отозвалась Чи. — Она просто боится, что он исчезнет, ничего ей не выболтав.

— Сомневаюсь. Вполне возможно, что и это тоже, до некоторой степени. Но, насколько я разбираюсь в людях, она кажется мне действительно встревоженной. Похоже, она привязалась к нему. — Эдзел сочувственно хмыкнул. — Насколько все-таки удобнее, когда время спаривания наступает лишь раз в году, — как у меня.

Звонок немного остудил пыл Чи. К тому же ей не терпелось обратиться из этой бани, которую Эдзел именовал домом.

— Девица как раз во вкусе Дэвида, — сказала она. — Неудивительно, что он так медлил с работой. Пока мы будем на Луне, он вряд ли захочет расстаться с ней надолго. Пожалуй, нам нечего за него беспокоиться.

— Вот уж верно, — согласился Эдзел.

ГЛАВА 5

На флиттере до замка в Лунных Альпах можно было долететь из Лунограда за считанные минуты. Но даже альпинисты не забирались в такую даль. К тому же приближаться к замку было запрещено. Его охраняли вооруженные люди и роботы. Такое случалось сплошь да рядом, поскольку цивилизация превыше всего ставила права на

собственность и уединенность. Собранные с дюжины планет рабочие возвели этот замок, а потом разъехались кто куда. Любопытство и возмущение местных жителей породили кучу самых невероятных слухов. С орбиты было сделано несколько снимков, их опубликовали, и вскоре уже чуть ли не половине Содружества стали знакомы эти высокие черные башни, крутые стены и космопорт в Лунных горах.

Однако со временем любопытство улеглось. Повелители Лиги имели куда большие поместья, оборудованные с блеском и невероятной роскошью. Скрытность в деловом мире считалась едва ли не первой из добродетелей. Поэтому вот уже несколько лет как замок в Лунных Альпах перестал возбуждать интерес.

«Если газетчики пронюхают, что меня привезли сюда, — подумал Фолкейн, — вернее, заташили чуть ли не насильно, — он кисло усмехнулся, — мне будет, о чем им рассказать, и мне их жаль».

Он стоял у окна, из которого открывался впечатляющий вид. Скалы круто уходили вниз в черноту пропасти. По другую сторону долины горные пики взмывали к самым созвездиям; то же самое можно было сказать о вершинах окружавшего плато, на котором высился замок. На юге, ослепительно яркая и почти полная, низко над горизонтом стояла Земля. Но даже ее свет ничего не мог поделаться с глубокими тенями вокруг.

Однако на Луне подобное можно было наблюдать где угодно, вдобавок, при этом можно было как следует повеселиться, поесть и поговорить. А этот обед, за который его усадили после прибытия, был таким же скучным, как и во многих других важных домах. Разговор состоял из банальностей и часто прерывался паузами. Фолкейн, как только счет удобным, извинился перед четырьмя собеседниками и ушел. Им этого явно не хотелось, но он придумал благовидный предлог, а их на противодействие не хватило. Сигару ему предложили только в офисе. «Наверное, — подумал он, — это входит в установленный порядок». Ему очень хотелось курить, и он полез за трубкой и кисетом. К нему подошел Ким Юн Кун, небольшого роста мужчина с невыразительным лицом, одетый в белый костюм. («Униформа у них такая, что ли?» — подумал Фолкейн.)

— Напрасно вы не сказали, что хотите курить, капитан Фолкейн. Мы не стали бы возражать, хотя никто из нас не привержен этой... хм... забаве.

— Мне было бы неловко, — отозвался Фолкейн. — Я убежден, что нельзя курить там, где ешь. А поскольку мне было невтерпех, то... потерпите меня, ладно?

— Конечно. — Ким Юн Кун говорил с акцентом. — Вы наш гость. Жаль только, что мастеру Латимеру и госпоже Белдэниэл не удалось встретиться с вами.

«Странно, — в который уже раз подумал Фолкейн. — Хью Латимер оставил здесь свою жену и улетел вместе с сестрой Теей». Мысленно он пожал плечами. Это, в конце концов, их личное дело. Если верить слухам, то Латимер так же лишен эмоций, как и Ким;

правда, он неплохо водит звездолет. Жена же его, как и Анастасия Геррера и, вне сомнения, сестра Тея, преуспели в стремлении стать старыми девами. Тее до них всех еще далеко. Фолкейн с содроганием вспомнил свой разговор с ним за столом.

«Скорее вернуться бы в город, — подумал он, — и повеселиться как следует».

— Эта комната вам не подходит, — сказал Ким с чопорной улыбкой. — Видите, как она бедно обставлена? Мы строили этот замок с расчетом, что появятся новые партнеры, быть может, даже и дети. Но пока... Мне кажется, мы с вами могли бы продолжить разговор в более уютном месте. Остальные же ждут нас там. Если хотите, вам подадут кофе или бренди. Позвольте мне проводить вас.

— Благодарю, — сказал Фолкейн. Эта явно заранее приготовленная речь не уменьшила его надежд на скорое бегство из этой обители скуки. — Разговор пойдет о делах?

— Отчего же? — Ким так удивился, что не сразу нашел слова для ответа. — Мы не планировали его так рано. Не в наших привычках заводить деловой разговор... не познакомившись с гостем. Мы надеемся, что вы пробудете у нас несколько дней. Например, мы смогли бы совершить с вами прогулку по окрестностям, здесь есть на что посмотреть. И нам хочется послушать рассказы о ваших приключениях в далеком космосе.

— Вы очень любезны, — ответил Фолкейн, — но, боюсь, у меня нет времени.

— Разве вы не сказали сами младшей госпоже Белдэниэл...

— Я ошибся. Я переговорил со своими партнерами, и они сообщили мне, что мой босс начинает горячиться. Почему вам не открыть свои карты сразу? Тогда я смогу решить, как долго он позволит мне задержаться.

— Видите ли, для серьезного разговора необходимы материалы, которые мы здесь не храним. — Сквозь маску безразличия на лице Ким Юн Куна проступило нетерпение, даже какая-то нервозность. — Но пойдемте, о ваших обстоятельствах должны узнать остальные.

Фолкейна озаарило: ему почему-то очень надо, чтобы я ушел из этой комнаты!

— Вы предлагаете обсудить содержание переговоров? — уклонился он от прямого ответа. — Удивительно. Я же не прошу у вас документы. Разве вы не можете объяснить на пальцах, чего вы хотите?

— Идите за мной. — Голос Кима задрожал. — У нас возникли проблемы с безопасностью и сохранением тайны. С ними необходимо немедленно разобраться.

Фолкейн откровенно забавлялся. Характер у него был вовсе не злой, но тем, кто пытался унижить его, галактического торговца, сына военного аристократа, он сполна платил той же монетой. С высокомерным видом он произнес:

— Если вы не доверяете мне, сэр, приглашать меня сюда было с

вашей стороны ошибкой. Я не хочу, чтобы вы тратили свое драгоценное время на заведомо бесполезные переговоры.

— Ну что вы! — Ким взял Фолкейна под руку. — Пойдемте, ну, пожалуйста, я вам все сейчас объясню.

Фолкейн уперся. Он был сильнее Кима; мышцы его, закаленные долгими тренировками на карликовых планетах, где они иначе атрофировались бы, превосходно чувствовали себя в этом замке, где сила тяжести практически равнялась земной.

— Немного погодя, мистер, — сказал он. — Позвольте мне тут еще побыть немного. Мне нужно помолиться.

Ким отпустил его руку и отступил на шаг. Черные глаза его стали совсем узкими.

— В вашем досье ничего не сказано о том, что вы исповедуете какую-то религию, — проговорил он медленно.

— В досье? — Фолкейн прикинулся удивленным.

— В том наборе ваших данных, который имеется в компьютере. Ничего, кроме общедоступной информации, — торопливо пояснил Ким.

— Понятно. Что ж, вы правы. Но вот такая закавыка: один из членов моего экипажа, буддист, принял эту религию несколько лет назад, когда учился на Земле, он и меня заинтересовал. Понимаете, — Фолкейн воодушевился, — это прямо-таки семантическая проблема: является ли буддизм, в своем идеальном, так сказать, виде, религией в обычном смысле этого слова? Если смотреть по отношению к богам и другим гипотетически населяющим реальность анимистическим существам, то буддисты — агностики. Их понятие кармы вовсе не подразумевает под собой того перевоплощения, о котором столько говорят. А нирвана не есть уничтожение, это состояние, которого можно достичь в этой жизни, оно...

Он не закончил фразу.

В лучах Земли сверкнул изящный силуэт звездолета. Корабль уходил в небо под прямым углом, постепенно уменьшаясь в размерах, и наконец исчез в холодном сиянии Млечного Пути.

— Так, — пробормотал Фолкейн. — Так-так... — Он посмотрел на Кима. — Полагаю, на этом звездолете Латимер и Белдэниэл?

— Обычная прогулка, — ответил Ким, руки его были сжаты в кулаки.

— Говоря откровенно, сэр, что-то я в этом сомневаюсь. — Фолкейн вспомнил про свою трубку и принялся набивать ее. — Уж гиперпространственный звездолет от обычного я как-нибудь отличу. Подобные корабли используются вовсе не для прогулок. Слишком дорогая прогулка получается. По той же причине и для межпланетных перелетов чаще всего используются обычные планетолеты. Владельцы большой компании вряд ли отправятся в путь ради ничего,

так что бесспорно — у них весьма срочное дело. («И этот факт ты хотел от меня скрыть, — добавил он мысленно, напрягая мышцы. — Почему?») Гнев захлестнул его. Он продолжил со смешком: — Вам вовсе не стоит меня опасаться. Ваши секреты меня не интересуют.

Ким улыбнулся.

— Да, у них очень важное дело, но к нашему с вами разговору это никак не относится, — сказал он.

«Ой ли? — подумал Фолкейн. — А чего же ты мне не сказал этого сразу, до того как я тебя припер? Кажется, я знаю почему. Вы тут так оторвались от людей, что совсем забыли, как они себя ведут. Ты просто усомнился, что сможешь убедить меня, будто это дело меня совсем не касается... В чем я глубоко сомневаюсь!»

Ким снова отважился на улыбку.

— Прошу меня простить, капитан Фолкейн. Мы вовсе не хотим задевать ваших религиозных чувств. Пожалуйста, оставайтесь здесь, сколько вам будет угодно. Вас никто не потревожит. Если вы устанете от одиночества, вот интерком: позовите, кто-нибудь из нас придет и отведет вас в другую комнату. — Он поклонился. — Удачных вам размышлений.

«Так, — подумал Фолкейн, глядя Киму в спину, — раз уже ничего не поправить, он обратил мое оружие против меня. Теперь ему нужно, чтобы я оставался в этой комнате. Но что тут вообще происходит?»

Он разжег трубку и принялся ходить туда-сюда по комнате, изредка поглядывая в окно, время от времени садясь и вскакивая снова. Что это? Простое недоверие к чужаку, или что-то здесь в самом деле не так? Мысль о том, что сведения, сообщаемые компьютерами клиентам, не остаются тайной для владельцев «Серендингсити», уже приходила ему в голову. Поскольку еще никому не было разрешено проверить машины, эти люди могли запросто установить в них подслушивающие или еще какие-нибудь устройства. Они могли запрограммировать машины так, что те стали покорными игрушками в их руках.

Когда высшие чины Лиги начали серьезно пользоваться услугами этой фирмы, могли ли они представить, к чему это приведет? Какого шпиона за собой они сами создали! Какого диверсанта!

Однако от фактов никуда не деться. Ни один владелец еще не смог доказать, что «Серендингсити» сотрудничает с кем-либо из его конкурентов или влезает в дела других фирм. Казалось даже, что «Серендингсити» не интересуют ни основные инвестиции, ни новые изобретения.

Возможно ли, чтобы они решили изменить свою политику? Эта моя планета сведет с ума любого святошу... все равно концы с концами не сходятся. Шестеро таких равнодушных людей не могут в одночасье превратиться из брокеров в пиратов. Не могут!

Фолкейн поглядел на часы. Прошло тридцать минут — для молитвы вполне достаточно. (Все равно они этому наверняка не

поверили.) Он подошел к интеркому, увидел, что тот настроен на станцию 14, перевел выключатель в рабочее положение и сказал:

— Я освободился.

Почти тут же дверь распахнулась, и на пороге появилась Тея Белдэниэл.

— Быстро, однако! — воскликнул он.

— Я просто проходила мимо и услышала ваши слова.

— Скорее всего, вы просто поджидали меня.

Она тоже подошла к окну и остановилась. В платье с длинными рукавами и глухим воротом она двигалась более грациозно, улыбка ее была значительно теплее, чем прежде. Чопорность, естественно, осталась. Очутившись на расстоянии вытянутой руки от Фолкейна, женщина резко остановилась. Но он почувствовал, что его влечет к ней. Быть может, она приманка, или просто симпатичный зверек?

Он выбил трубку.

— Надеюсь, я никого не обидел?

— Ну что вы! Я вас вполне понимаю. Замечательный вид, правда? — Она тронула какой-то переключатель. Лампы в комнате потускнели, отчетливо стал виден колдовской лунный пейзаж.

«Больше на меня не давят, — цинично отметил Фолкейн. — Совсем наоборот. Чем дольше я не смогу связаться со Старым Ником, тем счастливее они будут. Ну что ж, я не возражаю. Вдруг начались интересные дела, а я очень любопытен».

— Какая красота, — прошептала она.

Фолкейн посмотрел на нее, озаренную светом Земли. В ее глазах мерцали звезды. Тея глядела в небо каким-то голодным взглядом.

Захваченный внезапным состраданием, удивившим его самого, он выпалил:

— Вы чувствуете себя в космосе как дома?

— Не знаю. — Взор ее по-прежнему был устремлен в небо. — Здесь — нет. Я понимаю, вам с нами скучно. Но мы просто робеем, не зная людей... боясь их. Мы живем одиноко, общаемся только с данными — с абстрактными символами, потому что ни на что больше не годимся.

«Почему она откровенничает со мной, — подумал Фолкейн. — За столом, правда, подавали вино. Не иначе, вычитали в книжке о правилах хорошего тона, что так полагается. Быть может, это действует алкоголь?»

— Я бы сказала, что для новичков, не знакомых с человеческой цивилизацией, вы начали совсем неплохо, — заметил он. — Я прав? Вы ведь чужие?

— Да. — Она вздохнула. — Естественно, вы правильно догадались. Сначала мы отказывались вести об этом разговоры, ибо не могли предугадать ответной реакции. А потом, когда мы уже здесь немного освоились, у нас не было причин говорить об этом: нас никто не спрашивал. К тому же мы никогда не стремились к известности в обществе, и когда нас оставили в покое, мы были только рады. Мы и

сейчас к этому не стремимся. — Она искоса посмотрела на него. В колдовском свете звезд из решительной деловой женщины она превратилась в молоденькую девушку, просившую его о снисхождении. — Вы не расскажете... газетчикам... об этом?

— Честное слово, — ответил он, не кривя душой.

— Наша история очень простая, — сказала она. — Звездолет одной из колонизованных планет вылетел на поиски метрополии. Насколько я поняла, на борту его были люди, несогласные с политикой правительства. Какая-то бессмыслица! Чего ради разумным существам ссориться... Ну да ладно. Несколько семей продали все свое имущество и в складчину купили и снарядили большой звездолет с самыми современными компьютерами. И улетели на нем.

— Прямо вот так, в неизвестность? — спросил Фолкейн недоверчиво. — Не выслав вперед разведчиков?

— Планет, на которых могут жить люди, много. Они были уверены, что что-нибудь да найдут, и считали, что их врагам вовсе незначено знать, куда они полетят.

— Но... я хочу сказать, они же должны были представлять себе, каким опасным может оказаться новый мир! Его биохимия, климат, бактерии — да мало ли что еще! От доброй половины всего этого запросто можно умереть, если не быть начеку...

— Я же сказала, что это был большой, полностью снаряженный звездолет, — возразила она довольно резко. Потом, уже мягче, продолжила. — Они были готовы дожидаться на орбите, пока приборы исследовали планету. Но вышло иначе. Во время полета в одном из секторов пространства отказала радиационная экранировка. И надо же такому случиться — корабль тут же попал в мощный поток радиации. Не пострадала только детская комната — ее экраны были на автономном питании. Можно было бы найти спасение в госпитале, но ни один из пассажиров не смог до него добраться, ибо автопилот был тоже поврежден, и экипажу самому пришлось вести корабль. Они продержались ровно столько, сколько нужно было, чтобы возобновить работу экранов и задать программу роботам. Потом их не стало. Роботы присматривали за нами, детьми, и воспитывали нас. Тех, кто выжил, стали учить — вдавливали в наши головы в основном техническую информацию. Мы против этого не возражали. На звездолете было так скучно, что мы с восторгом воспринимали все новое. Это служило хоть каким-то развлечением.

Когда нас нашли, среди нас были и двенадцати-, и семнадцатилетние. Двигатели звездолета продолжали работу на малой мощности. Мы надеялись, что в конце концов хоть кто-нибудь нас да обнаружит. Этим кем-нибудь оказались нелюди. Они сделали для нас все, что могли, вот разве только немножко опоздали — наша психика уже стала отличной от психики нормальных человеческих детей. На планете наших спасителей мы провели несколько лет. Не спрашивайте, где она находится, — прибавила Тея быстро. — Этим существам не раз приходилось сталкиваться с представителями Лиги,

но их вожди не хотят, чтобы ваш дикарский капитализм разрушил устои их древней цивилизации. Они не суют нос в чужие дела и избегают привлекать внимание к себе.

Однако физические условия на их планете нам не подходили. Кроме того, в нас росло желание воссоединиться со своим народом. Наши хозяева, осмотрев звездолет, на котором мы прилетели, сумели существенно продвинуться вперед в некоторых областях техники. В обмен на это — у них очень строгие правила морали — они помогли нам подготовить корабль к старту, нагрузили его металлами, которые мы потом продали. Позднее, по нашей просьбе, они прислали нам некоторые свои вычислительные машины. Они были весьма довольны, что их друзья пользуются авторитетом среди членов Лиги, поскольку в будущем контакта между этими двумя цивилизациями вряд ли удастся избежать. Вот так и возникла «Серендингсити» — закончила Тея Белдэниэл.

Она робко улыбнулась. В голосе ее порой слышалась та самая фанатичность, которую Фолкейн уже заметил. Но ведь она рассказывает сейчас не о работе компьютера. Она же поведала историю своей жизни!

В отдельных местах рассказа ему слышались фальшивые нотки. По крайней мере, чтобы проверить, нужно побольше обо всем этом узнать. Но как? И как это может помочь ему?

— Уникально. — Он не мог собраться с мыслями.

— Не надо меня жалеть, — сказала она с восхитившей Фолкейна твердостью. — Наше положение могло быть куда хуже. Я подумала, однако, что... может быть... — глаза опущены, голос дрожит от смущения, — вы... вы ведь так много видели, совершили столько подвигов... если бы вы могли нас понять...

— Я постараюсь, — сказал Фолкейн мягко.

— Правда? Нет, в самом деле? Может... вы останетесь на немного... и мы с вами поговорим, вот так, как сейчас, и я... и вы научите меня хоть немного быть человеком...

— Вы пригласили меня для этого? Боюсь, что я...

— Нет-нет. Я понимаю... сначала работа. Думаю... поскольку у вас есть кое-какие знания... мы могли бы обменяться с вами идеями. Ведь в этом нет ничего страшного, правда? А между делом... мы с вами... — Она стояла вполборота к нему. Ее пальцы дотронулись до его руки.

В какой-то момент Фолкейн готов был ответить «да». Редкий человек не воображает себя Пигмалионом. Быть может, внешняя холодность всего лишь маска? Планета может подождать.

Планета! Он словно прозрел. Они хотят задержать меня здесь. Вот что им нужно. Конкретных предложений у них нет, они надеются задержать меня с помощью разговоров. Перебьются!

Тея Белдэниэл отступила.

— Что случилось? — спросила она тихо. — Вы рассердились?

— Что? — Фолкейн собрался с мыслями, рассмеялся, взял трубку

с подоконника и достал кiset. Ему надо было чем-то занять руки. — Нет. Конечно нет, госпожа. Если бы только не обстоятельства. Понимаете, я хотел бы остаться, но у меня нет выбора. Я должен вернуться завтра, к утренней вахте. Хоть костыми лечь, но вернуться.

— Вы же сказали, что у вас в запасе есть несколько дней.

— Я уже объяснил мастеру Киму: это было до того, как я узнал, что старый ван Рийн уже рвет и мечет.

— А вам не все равно, на кого работать? «Серендингсити» может предложить вам хорошее место.

— Я принес присягу ван Рийну, — отрубил Фолкейн. — Так что прошу прощения. Буду рад провести с вами и с вашими друзьями эту ночь, но утром я улечу. — Он пожал плечами. — А почему такая спешка? Я ведь могу прилететь сюда в следующий раз, когда буду псовободней.

Она поникла.

— Вас нельзя переубедить?

— Боюсь, что нет.

— Что ж... пойдете, я отведу вас в гостиную. — Она включила интерком и произнесла несколько слов, которых Фолкейн не разобрал. Они вышли в высокий, с каменным полом, коридор. Женщина шла опустив голову, ноги ее подгибались.

Ким встретил их на полпути. Он выступил вдруг из-за угла, сжимая в руке сканнер.

— Поднимите руки, капитан, — сказал он равнодушно. — Придется вам у нас задержаться.

ГЛАВА 6

До Дельфинбурга можно добраться из Джакарты через Макаassarский пролив, море Сулавеси и далее через океан к Марианским островам. Именно в этом омываемом водами Тихого океана городе и высадил Николаса ван Рийна аэрокар. Не то чтобы ван Рийн владел этим городом, вовсе нет, ему принадлежали один дом, один док для большого кеча и семьдесят три процента промышленных предприятий. Но пилот и штурман по его просьбе согласились изменить курс: машина пролетела совсем рядом с Марианскими островами, что было серьезным отклонением от маршрута.

— Неплохое местечко для бедных тружеников, а? — ухмыльнулся ван Рийн, потирая волосатые руки. — Быть может, они захотят поразвлечься и придут приветствовать своего почтенного старого дядюшку на старте регаты на кубок Микронезии двадцать четвертого этого месяца. Я приму в ней участие, если мы окажемся там не позднее полудня двадцать второго. Лучше даже пораньше. Отдохнете от меня.

Пилот быстро прикинул.

— Да, сэр, — доложил он, — мы сможем прибыть туда двадцать

первого. — Он прибавил скорость на три узла. — Насчет отдыха, это хорошая мысль, сэр. Как раз очистим катализаторные баки и кое-что еще.

— Хорошо, хорошо! Вы доставите радость бедному старому одинокому человеку, которому так хочется отдохнуть, прийти в себя. А еще он не возражал бы против джина с тоником для успокоения желудка. Он, бедняга, совсем извелся. — Ван Рийн похлопал себя по животу.

Всю следующую неделю он провел в тренировках экипажа и вымуштровал людей так, что любо-дорого было смотреть. Они не особенно и противились этому. Сами понимаете: белые паруса, бескрайняя голубизна моря, клочья пены, яркое солнце, прибой, соль на губах, свежий ветер в лицо. Единственное, от чего он заставил их отказаться, так это от попоек каждый вечер. Наконец он оставил их в покое не только потому, что регата была уже на носу, но и из-за того, что деловые операции, совершавшиеся за двести световых лет, требовали к себе пристального внимания. Ван Рийн стонал, ругался, проклинал все на свете, но работы не убавлялось.

— Черт! Чтоб ее перевернуло, эту проклятую работу! Чтоб у нее прыщ на лбу вскочил! Мне уже давно пора на заслуженный отдых, рассказывать сказки подрастающему поколению, а я все верчусь как белка в колесе! Набрал себе заместителей, ничего не скажешь — кого ни возьми, у всех опилки вместо мозгов!

— Вы можете продать свою компанию за такую кучу денег, что вам ее и за десять жизней не потратить, — отозвался его старший секретарь, член воинской касты с весьма суровым уставом, напроць поэтому лишенный страха. — А вообще, перестав причитать, вы давно бы переделали все дела!

— Чтоб я продал свою компанию, которую сам своими руками создавал, чтоб я ее променял на какие-то паршивые миллионы? А потом что? Сиди тише воды, ниже травы, и молвить ничего не могли про всех этих жуликов-конкурентов, подчиненных, готовых продать тебя при первой же возможности, про все эти гильдии, братства, про всех этих пивяков? — Ван Рийн набрал воздуха и словно выплюнул: — Бюрократов? Нет уж! Как я ни устал, как мне ни тяжело, буду сражаться до последнего патрона! Вот так!

Офис ван Рийна располагался на верхнем этаже его особняка. Из окна, возле которого стоял загроможденный телефонами, компьютерами, принтерами, факсами и всякой другой оргтехникой огромный стол, открывался прекрасный вид на город, возведенный на покачивающихся на океанских волнах гигантских понтонах. На первый взгляд казалось, что Дельфинбург еще дремлет. Лишь изредка вскипала вдруг волна у клапанов добывающей минералы установки да мелькала порой под волнами в погоне за косяком рыб тень субмарины. Легкий ветерок разносил пряный запах водорослей, которые на особой фабрике перерабатывали в приправы. Основная

же работа шла за закрытыми дверями зданий, закамуфлированных под магазины, школы, оздоровительные центры.

Океан в этот день был спокоен; нескольких смельчаков, рискнувших отправиться на прогулку на спортивных лодках, изрядно потрепало. Однако на громадных понтонах качка почти не ощущалась.

Ван Рийн опустился в кресло. На его огромном теле был только саронг: если уж страдать, так со всеми удобствами.

— Начали! — рывкнул он.

Машины загудели, подбирая факты, производя вычисления, оценивая, суммируя, предлагая. На экране главного видеофона появился потрепанного вида человек, только что избежавший войны на расстоянии в десять парсеков. Послышались звуки восьмой симфонии Моцарта, почти нагая девушка принесла пиво, другая зажгла для хозяина трихинополийскую сигару, третья поставила на стол поднос со свежими датскими сэндвичами — на случай, если босс проголодается. Эта третья девушка случайно подошла слишком близко к ван Рийну, и он рывком привлек ее к себе. Она хихикнула и запустила пальцы в его длинные, до плеч, черные волосы.

— Хватит ерунду пороть! — бросил ван Рийн человеку на экране. — Какой-то королевский недоумок сжег наши плантации? Натравить на него его врагов — и вся недолга. А мирный договор потом заключить с ним такой, чтобы и нам перепало. Ясно? — Человек возразил. Ван Рийн выпучил глаза и подергал себя за бородку. Усы его грозно встопорщились. — Что значит «с ним никто не сможет справиться»? А чем ты тогда там занимался все эти годы? Ладно-ладно, разрешаю использовать наемников с другой планеты. Скажем, с Диомеда. Обратись к Верховному Адмиралу Делпу хир Орикану. Он должен меня помнить. Быть может, у него найдутся горячие парни, которые рвутся в бой. Но учти: через полгода все должно быть тип-топ, а иначе отправишься у меня гальюны чистить! Оболтус! — Он махнул рукой, и помощник тут же переключил изображение. Тем временем ван Рийн одним глотком выпил пиво, фыркнул, отер с усов пену и жестом приказал принести еще.

На экране появилось непонятное существо. Оно что-то просвистело. Ответ ван Рийна состоял из ответных свистков и трелей. Закончив разговор, он наморщил покатый лоб и пробурчал:

— Терпеть не могу всяких таких тварей, но этот парень, надо отдать ему должное, кое-что соображает. Пожалуй, он у себя там разберется, и можно назначить его начальником сектора, а?

— Я, к сожалению, ничего не понял из вашего разговора, — сказал старший секретарь. — Сколько языков вы знаете, сэр?

— Двадцать три плохо. Десять-пятнадцать прилично. Лучше всех английский. — Ван Рийн отмахнулся от девушки, которая забавлялась с его шевелюрой. Он так хлопнул ее по задку, что бедняжка вскрикнула. — Ну-ну, цыпленочек, извини. Иди купи себе то платье, с которым ты все ко мне пристаешь, с блестками. Может,

нынче вечером мы пойдем с тобой проветриться. А вообще, это обираловка: за паршивый кусок материи — такие деньги! — Девушка снова взвизгнула, теперь уже от радости, и выскочила из комнаты, пока он не передумал. Ван Рийн окинул грозным взглядом остальных. — Все, на сегодня хватит! Дай вам волю, вы бедного глупого старика совсем нищим делаете! Ладно, кто там следующий?

Секретарь перегнулся через стол к видеофону.

— Порядок изменился, сэр, — сообщил он. — Прямой вызов, вторая степень срочности.

— Угу. Угу-угу. — Ван Рийн почесал шерсть на груди, поставил кружку с пивом, взял сэндвич и проглотил его. — Интересно, кто у нас там такой? — Он поперхнулся, закашлялся и запил сэндвич пивом. Несколько секунд он молча курил, задумчиво поглядывая на видеофон. Потом приказал: — Давайте!

По экрану побежали полосы. Это было обычное дело при связи со звездолетом: закодированный луч с его передатчика прорывался сквозь атмосферу и находил ту единственную станцию, где его могли декодировать и превратить в изображение. Взору ван Рийна предстал отсек управления его разведывательного корабля «Сквозь Хаос». У экрана передатчика стояла Чи Лан, за ее спиной маячил Эдзел.

— Какие проблемы? — приветствовал их ван Рийн.

Пауза, вызванная расстоянием, которое требовалось преодолеть электромагнитному лучу, была короткой, но ощутимой.

— Да есть кое-какие, — ответил Эдзел. Голос его был едва слышен сквозь треск помех. — А сделать мы ничего не можем. Эти ящики у вас на столе никак не соглашались дать нам прямую связь до сегодняшнего дня.

— Говорить буду я, — перебила его Чи. — А то ты еще целый час будешь нести околесицу. Сэр, помните, при отлете с Земли мы сообщили вам, что направляемся в Луноград и собираемся заглянуть в «Серендингсити». — Она рассказала о визите Фолкейна на фирму и о приглашении, которое он получил. — Это было две недели назад. Он не вернулся. Был только один звонок, через три стандартных дня. Причем, как нарочно, он позвонил в то время, когда мы спали. Пленка у нас сохранилась. Он просит нас не волноваться, мол, это самое выгодное дело, о котором он только мечтал, и поэтому он пока не может вырваться. Нам ждать его не надо, он долетит до Земли рейсовым лайнером. — Шерсть на мордочке Чи стояла дыбом. — Но это не его манера. Мы обратились в детективное агентство, передали им несколько пленок с его изображением, они провели соматический и вокалический анализ. Звонил сам Фолкейн, но манера не его.

— Пленку! — приказал ван Рийн. — Подожди-ка пока рассказывать. — Не отрываясь он смотрел на появившегося на экране светловолосого юношу. Тот произнес несколько фраз и исчез. — Клянусь небом, ты права Чи Лан! Он наверняка бы ухмыльнулся и попросил тебя передать привет трем-четырем своим подружкам.

— Нас тут донимала одна, — отозвалась цинтианка. — Шпион-

ка, конечно. Она следила за ним и увидела, что орешек ей не по зубам. Когда она звонила в последний раз, сама во всем призналась, прорыдала, что ей очень стыдно и что она никогда, никогда, никогда... ну и так далее.

— Покажи-ка мне ее. — На экране появилось заплаканное лицо Вероники. — Ба, какая симпатичная шлюшка! Пожалуй, я бы с ней побеседовал наедине. Кому-то это надо сделать. Заодно и узнает, на кого она старалась. — Ван Рийн оборвал смех. — Что было дальше?

— Мы встревожились, — сказала Чи. — В конце концов, даже вон тот святой ящик у меня за спиной решил, что дело зашло слишком далеко. Мы отправились в контору «СИ» и заявили, что если не услышим более удовлетворительного объяснения из уст самого Дэвида, то разнесем к чертям собачьим все их компьютеры. Они было заблеяли про конвенцию, про гражданскую полицию, но мы их приперли, и они пообещали, что Дэвид нам позвонит. — Она угрюмо добавила. — Вот запись разговора.

Беседа продолжалась долго. Чи выходила из себя, Эдзел призывал к разуму, но Фолкейн твердо стоял на своем.

— Простите меня, друзья мои. Вы даже не представляете, как мне тяжело. Но разве мы знаем, куда ударит молния? Тея — моя невеста, и этим все сказано. Быть может, обвенчавшись, мы отправимся побродить по космосу. Работать я буду на «СИ», заниматься с их машинами. Понимаете, то, что задержало меня здесь, настолько грандиозно, это настолько изменит будущее... Нет, больше я сказать не могу. Пока не могу. Представьте себе контакт с далеко обогнавшей нас расой. С теми, о которых люди издревне мечтали, — с Древними, с Мудрыми. Совсем другая степень эволюции... Да! — с некоторым раздражением продолжал он. — Естественно, «СИ» будет платить мне больше тех жалких крох, которые я получал от «Солнечных пряностей и напитков». Быть может, вдвое. И все из-за того, что факт, который мне сообщил компьютер, раскрыл перед нами новые горизонты. Хотя привлекли меня не столько деньги, столько то, о чем я уже сказал... Прощайте. Удачных полетов!

Воцарилось молчание, которое нарушал лишь рокот прибоя и шепот звезд. Наконец ван Рийн встряхнулся по-собачьи и проговорил:

— После этого вы улетели с Луны и принялись добиваться связи со мной.

— А что еще нам было делать? — пробурчал Эдзел. — Дэвид вполне мог находиться под психоконтролем. Нам с Чи так и показалось. Но у нас не было доказательств. Даже у меня возникли кое-какие сомнения, а что уж говорить про тех, кто не был знаком с Дэвидом! Дело очень серьезное. Речь идет уже не о репутации «Серендингсити», речь идет о конвенции! Члены Лиги не похищают и не пичкают наркотиками агентов друг друга. По крайней мере, до сих пор этого не делали.

— Мы обратились в лунную полицию, — вмешалась Чи. Она указала хвостом на воденита. — Эта вот буддийская кастрюля

настояла. Над нами посмеялись. Буквально! Действовать от имени Лиги — сначала ударить, а потом свериться с законом — мы не могли. Мы даже не члены Совета, как вы, сэр.

— Положим, я поставлю этот вопрос, — произнес ван Рийн медленно. — После месяца болтовни состоится голосование, и все будут против. Они не поверят, что «Серендингсити» способна на такое даже ради исключительных прибылей.

— По-моему, у нас нет даже этого месяца, — сказала Чи. — Давайте прикинем. Значит, Дэйву промыли мозги. Они сделали это для того, чтобы он не сообщил вам о том, что узнал от этой их проклятой машины. Они наверняка выкачали из него все эти сведения. Но он остается уликой против них. Любой врач сможет его вылечить. Поэтому, как только им представится возможность — или как только это будет необходимо — они избавятся от него. Быть может, отправят его в космос вместе с этой невестой. Может, убьют, а тело сожгут дезинтегратором. Мне кажется, мы с Эдзелом действовали единственно правильным образом. Однако наши действия могут подстегнуть «СИ», и тогда капитан Фолкейн, считайте, пропал.

Ван Рийн молча курил. Это продолжалось около минуты. Потом он сказал:

— У вас же не корабль, а летающий танк. Могли бы попытаться освободить его.

— Могли бы, — ответил Эдзел. — Но мы не знаем сил противника. И потом: это было бы пиратским налетом.

— Да, если только Фолкейн не пленник. А в этом случае мы бы потом такую подняли бучу! Небесам было бы жарко. А вас бы все носили на руках.

— А если он остался там добровольно?

— Вы превратились бы в козлов отпущения.

— Напав, мы подвергли бы опасности его жизнь, — сказал Эдзел. — А если он не в плену, то, вызволяя его, мы убили бы ни в чем не повинных людей. Если дело касается моего товарища, то мне наплевать на закон. Но как бы мы ни были привязаны к Дэйву, он ведь человек, представитель другой культуры. Мы не можем твердо сказать, в каком он был состоянии, когда звонил нам. Да, поведение его было необычным. Но, быть может, это как-то связано с эмоцией, которую называют любовью? И с чувством вины, что он нарушил контракт? Вы человек, сэр, а мы нет. Мы обращаемся к вам.

— Чтобы я, такой старый, бедный, несчастный влез в это осиное гнездо?! — воскликнул ван Рийн.

Эдзел поглядел на него в упор.

— Да, сэр. Если вы разрешите нам напасть на них, то поставите на карту свою репутацию и все, чем владеете, ради одного человека, которому наша помощь, быть может, и не нужна. Мы понимаем это.

Ван Рийн яростно запыхтел сигарой. Она обожгла ему пальцы, и он отбросил ее в сторону.

— Ладно, — проворчал он, — хороший хозяин бережет своих

людей, да? Итак, мы планируем рейд! — Он допил оставшееся в кружке пиво и швырнул посуду на пол. — Великое небо! — взревел он. — Хотел бы я сейчас быть с вами!

ГЛАВА 7

Эдзел остановился у воздушного шлюза.

— Ты поосторожней, ладно? — сказал он.

Чи фыркнула.

— Сам поосторожней, за тобой ведь некому будет присматривать. Смотри у меня, болтун-переросток! — Она моргнула. — Что-то в глаз попало. Ну, пошли. Вали отсюда!

Эдзел опустил лицевой щиток шлема. Облаченный в скафандр, он еле-еле поместился в шлюз. Лишь выбравшись наружу, он сумел закрепить на спине ранец с инструментом, среди которого была и маленькая автоматическая пушка.

«Сквозь Хаос» медленно удалялся от него. Корабль шел низко, едва не задевая зазубренные горные пики. Из-за пестрой окраски его трудно было различить на фоне сверкающих звезд и глубоких теней внизу. Потом звездолет круто пошел вверх и исчез.

Эдзел терпеливо ждал. Наконец сквозь треск помех в наушниках раздался голос цинтианки:

— Эй, как слышимость?

— Шикарно, — отозвался он. В шлеме загудело эхо. Защитное снаряжение весило ощутимо. Температура внутри скафандра начала подниматься, и у Эдзела засвербило под чешуйками. От скафандра пахло машинами, и этот запах уже начал смешиваться с испарениями его собственного тела.

— Хорошо. Значит, связь у нас с тобой есть. Я километрах в ста пятидесяти над тобой. Никакой радар меня пока что не обнаружил, может, и не обнаружит. Все в порядке, сэр?

— Да. — Голос ван Рийна, усиленный арендованным в Лунограде мазером, казался менее далеким. — Я поговорил со здешним шефом полиции, он до поры до времени вмешиваться не будет. Мои ребята устроят тут парочку дебошей — чтобы отвлечь внимание. У меня есть судья, готовый наложить запрет на их деятельность, как только я ему прикажу. Правда, чином вот он не вышел, хоть денег я на него ухлопал, как на белужью икру, поэтому он не очень надежен. А если допустить в это дело лунную полицию — беды не оберешься. Эд Гарвер душу черту продаст, лишь бы отправить нас за решетку. Так что поторопитесь, ребятки, — когда целуешь гадюку, ворон считать некогда. А я отправлюсь на свой корабль и поставлю перед алтарем свечки за вас Святой Деве, Святому Николасу, а особенно — Святому Георгию, со всеми чертями вместе!

Эдзел не удержался:

— Когда я изучал культуру Земли, то несколько раз встречал

это имя. Но разве сама церковь еще в двенадцатом веке не признала его мифическим персонажем?

— Ба! — беспечно отозвался ван Рийн. — У нас не было настоящей веры. Мне нужен воинственный святой. Разве Господь не в силах изменить прошлое и создать его заново ради меня?

Разговор закончился, а потом уже не было времени больше думать ни о чем, кроме скорости.

Эдзел гораздо быстрее и с меньшим трудом добрался бы до места на гравикаре. Но пешехода детекторам обнаружить куда сложнее. Поэтому Эдзел карабкался по горным склонам, перебирался через острые гребни, спускался в расщелины, огибал стены кратеров и трещины. Сердце его гулко стучало, легкие работали на пределе. Ему помогло то, что передняя часть его тела перевешивала заднюю — в условиях малой гравитации это был просто подарок судьбы.

Порой он перепрыгивал через препятствия, тогда все его тело при приземлении сотрясалось от удара. Он старался по возможности не выходить из тени, ибо охлаждающая система скафандра уже не справлялась со все возрастающей температурой, которая подскакивала еще выше, как только Эдзел оказывался на освещенном месте. Светофильтры не могли полностью защитить глаза от ослепительного блеска Солнца. Ни один гуманоид не смог бы повторить проделанный им путь, да и кому это вообще под силу, разве что детям звезды, которая ярче Солнца, планеты, которая больше Земли.

Дважды ему приходилось падать навзничь, когда над ним пролетал патрульный бот. В течение часа он передвигался бросками из тени в тень, избегая сторожевых постов, — их антенны и орудийные стволы чернели на фоне неба. Ему удалось добраться до цели незамеченным.

Перед ним уходила вверх дорога, а в конце ее маячил замок. Над крепостными стенами возвышались черные, колдовские на вид башни. Эдзел выбрался на дорогу и пошел по ней, уже не скрываясь. Тишина была такой, что он почти успокоился. Потом его окликнули на стандартном диапазоне:

— Стой! Кто идет?

— Гость, — ответил Эдзел, не замедляя своей рыси. — Мне нужно поговорить об очень важном деле, покорно прошу меня принять.

— Кто вы? Как попали сюда? — голос был женский, хриплый от волнения, по-английски она говорила с акцентом. — Остановитесь, я вам говорю! Это частное владение! Посторонним вход запрещен!

— Покорно прошу меня простить, но мне в самом деле крайне необходимо, чтобы меня приняли.

— Возвращайтесь! У начала дороги вы найдете сторожку. Можете заглянуть туда, а уж оттуда сообщите мне все, что хотите сказать.

— Благодарю за любезность. — Эдзел по-прежнему не сбавлял хода. — Госпожа... э... Белдэниэл. Правильно? Если не ошибаюсь, ваши партнеры еще в конторе?

— Я сказала — возвращайтесь! — взвизгнула она. — Или я открою огонь! Я имею на это право. Я вас предупредила!

— Вообще-то мне нужен капитан Фолкейн, — сообщил Эдзел. Он был уже совсем рядом с главными воротами, внешний шлюз которых выступал из стены. — Если вы будете так любезны и сообщите ему, что я желаю поговорить с ним с глазу на глаз, то наша дискуссия продолжится на открытом, так сказать, воздухе. Разрешите представиться. Я один из членов его экипажа. Сами понимаете, мне просто необходимо видеть его. Однако я не хотел бы вторгаться в ваш дом.

— Вы не из его экипажа! У него нет больше экипажа! Он уволился. Он же сам сказал вам об этом. Он не желает видеть вас!

— С глубочайшим сожалением вынужден сообщить, что уполномочен требовать свидания с ним.

— Но... его здесь нет. Я передам, чтобы он позвонил вам.

— Поскольку вы явно придерживаетесь ошибочного мнения о его местонахождении, сударыня, быть может, вы позволите мне осмотреть ваш замок?

— Нет! Предупреждаю в последний раз! Немедленно остановитесь, или вы будете убиты!

Эдзел повиновался, но остановился, если можно так выразиться, только скафандр. Пальцы левой руки Эдзела, в которой он держал пульт управления автоматической пушкой, забегали по клавишам. На этом пульте имелся маленький телеэкран, с помощью которого пушка наводилась на цель. Правой рукой он вытащил из кобуры бластер.

— Сударыня, — сказал он, — насилие может привести к печальным последствиям. Неужели вы этого не понимаете? Я прошу вас...

— Возвращайтесь! — Похоже, она была на грани истерики. — Даю вам десять секунд на то, чтобы повернуться и пойти обратно! Раз... два...

— Этого я и опасался, — вздохнул Эдзел и прыгнул — прыгнул вперед. Из пушки его трижды вырвалось пламя, повалил дым, в главные ворота замка ударили снаряды. Все это произошло на удивление быстро — только задрожала земля под ногами.

Два тепловых луча с охранявших вход угловых башенок скрестились на том месте, где он только что стоял. Его пушечка снова рывкнула. Одна из башенок с грохотом обрушилась. Клубы пыли скрыли Эдзела. К тому времени, когда пыль осела, он уже успел укрыться под стенами.

Внутренний шлюз представлял собой искореженную металлическую конструкцию.

— Иду внутрь, — сообщил Эдзел Чи Лан и выстрелил. Это препятствие оказалось более легким. Воздух вырвался наружу белым облачком замерзшей влаги и растворился как туман под жарким солнцем.

Эдзел очутился в гостевом зале, где все было перевернуто вверх

дном. Он разглядел на стенах несколько картин, у стены возвышалась некая тяжеловесная скульптура. Ничего подобного ни этим картинам, ни этой статуе ему еще не доводилось видеть, но он едва уделил им внимание. Где искать Дэвида? Он осмотрелся, удивительно похожий на огромную собаку, только стальную. Из зала вели два коридора. Он заглянул прежде в один: ничего, совершенно пусто. Потом пошел в другой. Тут комнаты были обставлены мебелью, хотя нельзя сказать, чтобы ее было в избытке.

Хм, строители явно рассчитывали, что со временем народу в замке поприбавится. Но откуда он возьмется? И кто это будет?

Далеко Эдзелу пройти не удалось. Путь ему преградила герметическая дверца: она автоматически закрылась, как только упало давление. Скорее всего за нею его поджидают охранники. Сама Белдэниэл наверняка сидит на видеофоне, рассказывает своим приятелям в Лунограде о вторжении. Если ван Рийну повезет, то он сможет надолго удержать полицию от принятия мер. Это ведь их обязанность — бороться с нарушителями права частной собственности. А он, Эдзел, именно такой нарушитель и есть. Если даже он расскажет полицейским все как на духу, они ничего не смогут сделать без ордера на обыск. А пока они этот ордер получают, банда серендингсистов запросто уничтожит все доказательства пребывания Фолкейна в замке.

А если он не поторопится, это может сделать и сама Белдэниэл.

Воденит вернулся в зал и снял со спины ранец. Надо придумать что-нибудь. По счастью, внутри замка стены были не такие прочные, как у внешних укреплений. Надо только постараться пройти незамеченным. Эдзел расстелил на полу пластиковый пузырь, встал на него и прикрепил его края к стене. Потом включил факел-резак. Скоро в стене появилось отверстие. Он подождал, пока воздух из стены перейдет в пузырь, и закончил операцию. Потом вынул из стены квадратную плиту, которую вырезал, и протиснулся в образовавшуюся дыру, заткнув ее за собой все тем же пузырем.

Комната, где он очутился, была обставлена почти с пуританской строгостью. Эдзел мимоходом заглянул в стенной шкаф — так, женские тряпки. Внимание его привлекли книжные полки. Названия некоторых книг были написаны символами, значения которых он не понимал. Книги же на английском языке представляли собой справочники по человеческой культуре, издаваемые для туристов-негуманоидов. А это что? Бодхисатва?! Ничего не скажешь, странные существа обитают в этом замке!

Он поднял лицевой щиток, снял наушники и осторожно выглянул в коридор. Из-за угла, за которым, очевидно, находилась та самая герметическая дверца, послышались приглушенные голоса. Значит, слуги еще не закрыли свои шлемы. Представители едва затронутых цивилизацией планет, они отлично умели обращаться с самым современным оружием — даже те из них, кто не был профессиональным охранником. Эдзел крадучись направился в другую сторону.

Одна комната, другая — везде пусто. К чертям собачьим! Дэвид явно где-то рядом, но где?.. Стоп!

Его обостренный слух уловил впереди какие-то звуки. Эдзел прыжком заскочил в будуар и включил расположенный на внешней стороне скафандра сканнер.

Мимо прошла высокая, решительная на вид женщина в комбинезоне. Лицо ее было бледным и вытянутым, она учащенно дышала. По описанию ван Рийна Эдзел узнал ее: Тея Белдэниэл. Он двинулся за ней. Обернись она — ее взору представился бы крадущийся на цыпочках дракон в четыре с половиной метра.

Женщина распахнула одну из дверей. Эдзел осторожно выглянул из-за косяка. Фолкейн спал, сидя в кресле. Женщина подскочила к нему и схватила за плечо.

— Проснись! — воскликнула она. — Ну проснись же!

— Чего? А-а. Чего ты? — Фолкейн пошевелился, не открывая глаз. Голос его был сонным.

— Вставай, милый. Нам надо уходить отсюда.

— Уммм... — Фолкейн кое-как поднялся на ноги.

— Идем, говорю! — Она дернула его за руку. Он поплелся за ней как лунатик. — Вот в этот коридор, он нас выведет на космодром. Мы с тобой немножко полетаем, милый!

Эдзел понял, что они с Чи не ошиблись. Промывание мозгов во всей неприглядности. Заключается оно в том, что жертву погружают в бессознательное состояние, в котором она повинуется любому приказу. Для этого всего лишь нужно обработать мозг жертвы лучом энцефалодуктора и подвергнуть воздействию инфразвуковой волны среднее ухо. Помраченное сознание не в силах сопротивляться этим импульсам. Такой человек выполнит любой приказ. Если им искусно управлять, он выглядит совершенно нормальным, но по сути своей является марионеткой. А если его не трогать после обработки, то он на этом же самом месте и останется. Со временем можно будет полностью изменить его личность.

Эдзел ступил на порог комнаты.

— Нет, это уж и в самом деле слишком! — взревел он.

Тея Белдэниэл отскочила. От вопля ее задрожали стены. Фолкейн стоял сгорбившись.

В коридоре раздались ответные крики. «Перестарался, — подумал Эдзел, — пожалуй, уже ничего не исправившь. Сейчас прибегут охранники, а с ними со всеми мне не совладать. Надо сматывать удочки, пока есть возможность. Но как же приказ ван Рийна?» Эдзел вспомнил слова хозяина: «Снимешь нашего молодого человека на пленку, возьмешь у него на анализ кровь и слюну. Это прежде всего. Пока этого не сделаешь, никакой самостоятельности!» Воденит подумал, что в данной ситуации заниматься подобными вещами просто нелепо. Но редко когда приказы ван Рийна бывали столь категоричными. Эдзел решил подчиниться.

— Извините, пожалуйста. — Он отодвинул хвостом все еще

вопившую женщину в сторону и аккуратно прижал ее к стене. Поставив на стол камеру, он направил ее на Фолкейна и включил запись, а сам тем временем подступил со шприцем и заборником в руке к тому, кто когда-то был его товарищем (и снова будет, черт побери, или достойно погибнет!). Успокоенный этой мыслью, Эдзел проделал всю операцию за несколько секунд. Затем сунул пробирки с анализом в мешочек, подобрал камеру и взял Фолкейна на руки.

У двери он столкнулся с дюжиной охранников. Ему пришлось прикрывать человека собственным телом, поэтому он не мог стрелять, но пробился сквозь них, мимоходом зацепив двоих хвостом. Вокруг него бушевал огненный шквал, о скафандр ударялись пули. Некоторые из них проникли внутрь — не причинив, впрочем, особого вреда: шкура у Эдзела была крепкая, а скафандр он себе выбрал самозатягивающийся. Воденит галопом промчался по коридору и высочил в проход, который вел наверх. Но погоня была близко. Против гранат или мини-пушек ему долго не устоять. Фолкейна уж точно разорвет на куски. Нет, прочь отсюда, и как можно скорее!

Вверх, вверх, вверх... Наконец Эдзел очутился в пустынной и гулкой комнате наверху. За окнами была Луна, дикая и неприветливая.

Как видно, в замке не все потеряли голову. Кто-то догадался связаться с патрулями: их боты уже появились на горизонте. Издалека орудия на них казались крошечными, но Эдзелу как-то не хотелось проверять на себе их действие. Он положил Фолкейна у стены. Затем осторожно проделал в окне дырку и просунул сквозь нее антенну своего передатчика.

Связь с Чи он потерял давно, поэтому ему пришлось расширить диапазон поиска и добавить мощность.

— Прием, прием. Эдзел вызывает корабль. Чи, ты там?

— Нет. — В голосе ее слышались и насмешка, и сдерживаемые рыдания. — Нет, я на Марсе. Вступила в Вязальное общество милых старушек — любительниц казней. Что ты натворил на этот раз, горе мое луковое?

Эдзел, сверившись с фотографиями замка снаружи (в свое время их много было опубликовано) и припомнив наставления ван Рийна, уже определил, где они находятся.

— Мы с Дэвидом наверху башни Храпящей Красавицы. Ему действительно промыли мозги. По моим подсчетам, нас атакуют снизу, из коридора, через пять минут. А если они решат пожертвовать этой частью своей крепости, то их флиттеры разнесут башню и нас вместе с ней через три минуты. Ты не могла бы забрать нас пораньше?

— Я уже на полпути к вам, идиот! Держи связь!

— Помни наш уговор, Эдзел, — вмешался ван Рийн. — Чи забирает Фолкейна, а ты остаешься.

— Уговор был; выполним, если будет возможно! — вспыхнула Чи. — Так что заткнись!

— Я вот тебе заткнушь, — произнес ван Рийн негромко. — Узнаешь, где раки зимуют.

Эдзел убрал антенну и заделал дырку в окне герметической липкой прокладкой. Немного воздуха все-таки вышло. Он наклонился над Фолкейном.

— Я захватил для тебя скафандр, — сказал он. — Ты сможешь в него влезть?

Затуманенные глаза Фолкейна бессмысленно уставились на него. Эдзел вздохнул. Из коридора слышались яростные вопли. Пушкой ему воспользоваться не удастся: помещение слишком мало, а Фолкейн совершенно беззащитен. Враг нападает, и патрули эти — выются как осы.

В этот миг с неба коршуном обрушился «Сквозь Хаос».

Конструкция звездолета позволяла в случае надобности превратить его в боевой корабль. Чи Лан не собиралась миндальничать. На мгновение Солнце как будто померкло. Расплавленные патрульные посты рухнули с горы. Звездолет, удерживаемый гравиполем, замер рядом с башней. Чи не стала пробиваться внутрь замка, опасаясь подвергнуть тех, кто внутри, действию жесткой радиации. Вместо этого она просто раздвинула стены башни гравилучом.

Мгновенно весь воздух испарился. Эдзел рывком опустил лицевой щиток. Он выстрелил из бластера в коридор, чтобы попугать слуг, и подхватил Фолкейна на руки. Тот по-прежнему был без скафандра и уже потерял сознание. Из ноздрей его сочилась кровь. Но мгновенный переход к вакууму не очень опасен: ловцам жемчуга достается куда сильнее. Да и нет такой жидкости, что закипала бы сразу. Эдзел понес Фолкейна к раскрытому воздушному шлюзу. Луч подхватил тело человека и увлек в корпус корабля. Клапан за спиной Эдзела защелкнулся. Воденит прыгнул. Луч подхватил его и притянул к звездолету.

«Сквозь Хаос» постепенно набирал высоту.

Горы и замок становились все меньше. Эдзел, который никак не мог прийти в себя, понял вдруг, что слышит разговор ван Рийна с Чи Лан.

— Высадишь его там, где я сказал. Моя яхта подберет его через пять минут, и мы вместе доберемся до Лунограда. А ты, ты полетишь туда, куда скажет Фолкейн. Думаю, он в состоянии сообщить хотя бы направление.

— Эй, подождите! — запротестовала цинтианка. — У нас с вами об этом и речи не было.

— У нас что, было время гадать на кофейной гуще? Откуда я знал, получится у Эдзела или нет? Конечно, я надеялся, что получится, но наверняка-то не знал. Так что вот, давай действуй!

— Слушай ты, жирный пират, мой товарищ лежит без сознания! Если ты хоть на долю секунды подумал, что он может отправиться куда-нибудь еще, кроме госпиталя, я предлагаю тебе постучаться

своей идиотской — да-да, идиотской! — башкой о что-нибудь твердое и...

— Эй, мой мохнатый друг, полегче на поворотах! Из того, что ты рассказала, следует, что ты вполне сможешь поставить его на ноги по дороге. Мы ведь снабдили тебя всеми инструментами и инструкцией, как сделать промытые мозги снова нематыми. А стоило это столько, что у тебя вся шерсть бы выпала, назови я сумму. Теперь слушай. Дело серьезное. «Серендингсити» играет ва-банк. Нам придется делать то же самое.

— Я люблю деньги не меньше твоего, — отозвалась Чи неожиданно тихо. — Но ведь есть и другие ценности.

— Ага-ага. — У Эдзела закружилась голова. Он закрыл глаза и представил себе сидящего у передатчика ван Рийна: трубка в одной руке, подбородок покачивается вверх-вниз, когда он говорил. — За ними-то как раз «Серендингсити» и охотится. Дело тут не в деньгах. Подумай хорошенько, Чи Лан. Знаешь, что я вывел из фактов? Что Дэвида Фолкейна в самом деле наспиговали наркотиками. А почему я об этом догадался, знаешь? Причин тут несколько... Ну, не мог он вот так, с бухты барахты, порвать со мной... Но главное не это, главное вот что: чтобы бросить такую телку, как Вероника, ради Северного Полюса вроде Теи Белдэниэл, человек должен быть просто сумасшедшим. А особенно Фолкейн — пусть даже Вероника была для него очередной интрижкой. Это не по-человечески, понимаешь? Совершенно ясно, что его чем-то накачали. Но что из этого следует? А вот что: «Серендингсити» пошла на нарушение конвенции галактической Политехнической лиги. Понятно, они отважились на такое дело не просто так — должно быть, оно того стоит. Понимаешь, стоит даже конца «Серендингсити» как фирмы — уж от этого-то им никуда не деться! А отсюда что следует, моя маленькая задира? Да всего лишь то, что речь идет уже не о деньгах! Потому что, когда нужны деньги, играют по правилам: нет смысла действовать наперекор, если хочешь стать классным игроком. Однако есть и другие игры — в войну, во власть, далеко не такие приятные, как первая. Лиге известно наверняка, что промышленным шпионажем «Серендингсити» не занималась. Тогда что здесь? А если предположить, что существует некто, совсем посторонний, совсем чуждый нашей цивилизации, — некто неизвестный и, может быть, вполне может быть, враждебный нам? Как тебе?

Эдзел с шумом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Времени на болтовню у нас нет, — продолжал ван Рийн. — Связной корабль вылетел две недели назад. По крайней мере, так говорится в отчете Службы контроля полетов: вылетел две недели назад, экипаж — два человека из владельцев фирмы. Быть может, вам еще удастся их догнать. Во всяком случае, вы с Фолкейном пока единственные в Солнечной системе, кто может это сделать. Но задержись вы тут всего лишь на какой-то там паршивый часочек, и полиция вцепится в вас мертвой хваткой и задержит вас как

свидетелей. Так что летите, пока есть возможность. На досуге займись нашим другом. Узнай у него все, что можешь, и сообщи мне сама или через робокурьера, а хочешь, почтовым голубем. Да, мы рискуем, но, может быть, оно того стоит. Быть может, это сохранит нам жизнь или свободу. Поняла?

— Да, — отозвалась Чи тихо после долгой паузы. Звездолет оставил позади горы и шел на снижение. Впереди, освещенное лучами низко стоящего над горизонтом Солнца, виднелось море холода. — Но ведь у нас экипаж. Я имею в виду Эдзела...

— Он лететь не может, — ответил ван Рийн. — Мы ведь сами только что нарушили и конвенцию и законы планеты. Ты должна лететь с Фолкейном, потому что он, а не Эдзел специалист по инопланетным культурам, по переговорам с ними. В «Серендингсити» умные люди; здесь, на Луне, они будут сражаться отчаянно. Мне нужны доказательства того, что они сделали. Конечно, хорошо бы оставить и Фолкейна, но как-нибудь обойдемся. Эдзел был в замке. И вид у него что надо, внушительный.

— Ну что ж, — печально произнесла Чи, — раз так... Я этого не ожидала.

— Разве жить, — заявил ван Рийн, — не значит удивляться снова и снова?

Корабль сел. Чи выключила гравилуч, и Эдзел упал на застывший лавовый поток.

— Прощай! — сказала Чи.

Он был слишком расстроен, чтобы произнести в ответ нечто членораздельное. Корабль взмыл в небо. Эдзел следил за ним, пока он не затерялся среди звезд.

Вскоре появилась яхта ван Рийна; все дальнейшее Эдзел воспринимал как сквозь сон. Его взяли на борт, сняли скафандр. Ван Рийн тут же ухватился за добытые им в замке материалы. Потом они приземлились в космопорте Лунограда. Эдзел едва слышал яростные крики своего хозяина, он хотел только спать, спать, спать... И только тут его арестовали и отвезли в тюрьму.

ГЛАВА 8

Из динамика раздался голос:

— Сэр, основной объект наблюдения только что позвонил в контору Мендеса. Он требует немедленной встречи с ним.

— Я именно этого и ждал, — удовлетворенно заметил Эдвард Гарвер. — Причем я угадал даже время! — Он потер подбородок. — Соедините меня с ним.

Эд Гарвер не вышел ростом, однако строгая серая туника придавала ему внушительность. Волосы у него были редкие, лицо напоминало собачью морду. Различные технические устройства не просто окружали его, как любого другого чиновника, — нет, они

словно охраняли его. Стены комнаты увешаны фотографиями, на которых Гарвер обменивался рукопожатиями с несколькими сменившимися друг друга премьер-министрами Галактического Содружества, президентами Лунной Федерации и другими высокопоставленными лицами. На рабочем же столе не было никаких лишних предметов, никаких безделушек (жениться Гарвер так и не собрался).

Получивший приказ Гарвера выдал сигнал на компьютер, который передал его дальше, на трансмиттер, расположенный на гребне кратера Коперника, в тени которого укрылся Селенополис. Оттуда луч мазера достиг искусственного спутника Луны, отразился от него и, мгновенно преодолев громадное расстояние, дотянулся до приемника, находящегося в кратере Платона. Преобразованный снова, он поступил в другой компьютер, и на этом его скитания завершились. Вся операция заняла всего лишь несколько миллисекунд.

На экране видеофона Гарвера появилось мужское лицо, широкое, с усами и козлиной бородкой. Узкие блестящие глаза, мясистый нос, прическа, которая была в моде лет сорок назад.

— Великое небо! — воскликнул Николас ван Рийн. — Мне нужен Фернандо Мендес, шеф полиции Лунограда. А ты откуда там взялся? Что, скучновато стало в столице?

— Я по-прежнему в ней нахожусь, — отозвался Гарвер. — Вас соединили со мной по моему приказу.

Ван Рийн побагровел.

— Так это по твоему идиотскому распоряжению арестовали моего человека, Эдзела?

— Ваше чудовище Эдзела, — поправил его Гарвер.

— Что ты знаешь о чудовищах?! — рявкнул ван Рийн. — Да если хочешь знать, тебе до Эдзела — как клопу до медведя, хоть ты и человек, черт бы тебя побрал!

Директор Федерального центра контроля за безопасностью и соблюдением законов подавил гнев.

— Следите за своим языком, — сказал он. — Вы сейчас не в том положении...

— Положение у нас нормальное. Мы ведь только оборонялись. И потом, какое до этого тебе дело? Что, местная полиция сама не разберется? — Ван Рийн попытался изобразить обиду. — Возвращаемся, понимаешь, садимся, собираемся с Эдзелом идти к Мендесу жаловаться — и вдруг — на тебе! Его хватают и увозят из космопорта под конвоем! Хотел бы я знать, по чьему приказу?

— По моему, — ответил Гарвер. — Мне не хватало только нескольких фактов, чтобы задержать и вас, мастер. Но я надеюсь, что это дело поправимое. Я прибуду в Луноград и лично займусь этим. Считайте, что вы предупреждены. Если вы покинете Луну, я буду рассматривать это как прямое доказательство вашей вины. Скорее всего мне не удастся вытащить вас с Земли или куда еще вы там удерете, но я наложу арест на все здешнее имущество вашей

компании «Солнечные пряности и напитки», вплоть до последнего литра водки! И пока ваш Эдзел сидит у нас, никуда вы, ван Рийн, не денетесь! Да и сообщникам его не поздоровится, если только они осмелятся вернуться. — Гарвер подался вперед. — Я долго ждал, — продолжал он, — несколько лет. Я следил, как вы и ваши дружки-плутократы из Лиги плюете на законы — интригуете, даете взятки, принуждаете, подкупаете, обделяете свои делишки, создаете по собственному усмотрению экономику, сражаетесь между собой, словом, ведете себя как бароны империи. Хотя она и не существует на бумаге, но подчинила себе весь мир, возвращает нас к самому дикому феодализму и капитализму! Та свобода, о которой вы столько шумели, право на которую по вашему настоянию занесено в Конституцию, — это ведь всего лишь лицензия! Лицензия на грех, лицензия на порок! А ваша Лига имеет с этого бешеные деньги!

Ваши аферы за пределами Содружества я вряд ли смогу раскрыть. Вы слишком хорошо замечаете за собой следы — везде, кроме Луны. Отсюда ниточка и потянется. Если мне удастся справиться с Лигой здесь, я умру счастливым, зная, что заложил основы для возникновения более достойного общества. А вы, ван Рийн, — вы начало начал. Наконец-то вы зашли слишком далеко. На этот раз вы попались! — Гарвер, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла.

Торговец ни разу не попытался возразить. Время от времени он открывал свою табакерку, брал из нее табак на понюшку и чихал. Потом принялся мять кружевное жабо. Когда Гарвер кончил, он вкрадчиво — с мягкостью цунами, встреченного посреди океана, — произнес:

— Ну что же, расскажи-ка мне, что ж я такого натворил. В Писании сказано, что грешнику свойственно ошибаться. Может, мы с тобой обнаружим, в чем же состоит ошибка.

Гарвер уже успокоился.

— Идет, — сказал он. — Так и быть, доставлю себе удовольствие — лично сообщу вам, что против вас имеется. Начав свои наблюдения за деятельностью Лиги, я сразу же распорядился, чтобы меня немедленно извещали о любых необычных ситуациях. Примерно с неделю назад ваш Эдзел в паре с кем-то там еще — ах, да, с Чи Лан с Цинтии — обратился в полицию и потребовал произвести обыск у владельцев информационной фирмы «Серендинг-сити». Эти двое заявили, что их капитан, Дэвид Фолкейн, содержится в заключении в замке, который является резиденцией владельцев «СИ», и что его подвергли промывке мозгов. Естественно, им отказали. Да, эти люди из «СИ» в самом деле ведут себя довольно таинственно. Но ведь вы же сами, вы, капиталисты, фетишизировали право частной собственности! Кроме того, эта фирма, единственная из членов Лиги, никогда не нарушала закона. Она всего лишь тихо-мирно собирала себе данные и раздавала советы. Меня это обращение в полицию насторожило. Зная, что представляют собой ваши головорезы, я понял — можно ожидать чего угодно. Предупре-

дил владельцев «СИ» и сказал им, чтобы они связались со мной, как только что-нибудь заподозрят. Я предложил им охрану, но они заявили, что справятся сами. — Гарвер снова начал раздражаться. — Вот еще одно из зол, которое принесла с собой ваша Лига! В законе — в законе! — сказано, что человек может хранить у себя дома оружие и применять его, когда сочтет нужным!.. Вы называете это самозащитой! — Он вздохнул. — Должен признать, что «СИ» никогда этим не злоупотребляла.

— А про Фолкейна они тебе рассказали? — поинтересовался ван Рийн.

— Да. Вообще-то, я сам разговаривал с ним по видеофону. Он сказал, что хочет жениться на госпоже Белдэниэл и работать в ее фирме. Да, конечно, его могли накачать наркотиками. Но я же не знаю, как он обычно себя ведет. Да мне это и ни к чему. Мне представляется гораздо более правдоподобной следующая версия: вы хотели скоренько вытащить его оттуда, чтобы он не успел посвятить своих новых друзей в ваши мерзкие секреты!

Ван Рийн молча слушал, только лицо его сделалось пунцовым.

— Итак. — Гарвер сцепил пальцы и усмехнулся. — Сегодня, часа три назад, со мной из конторы «СИ» связался мастер Ким. Ему позвонила госпожа Белдэниэл. Он сообщил мне, что у ворот замка появился воденит в космическом скафандре, — я сразу понял, что это Эдзел, — и потребовал свидания с Фолкейном. Когда ему было в этом отказано, он ворвался внутрь и начал там бесчинствовать.

Я приказал шефу Мэндесу отправить туда полицейский отряд особого назначения. Он ответил мне, что в городе вспыхнули беспорядки, по крайней мере, на улицах идет драка, и начали ее ваши люди, ван Рийн, на вашем складе. Только не убеждайте меня, что это случайное совпадение!

— Но так оно и есть, — сказал ван Рийн. — Спросите у моих ребят: это такие паршивцы! Я их накажу.

— А когда они выйдут из тюрьмы, вы их вознаградите огромными премиями.

— Надо же будет их как-то утешить. Сердце-то у меня не камень. Ну ладно, директор. Что дальше?

Теперь уже побагровел Гарвер.

— Затем я потратил целый час на какой-то совершенно нелепый судебный запрет. Тоже ваши штучки? Ничего, разберемся и с этим. После этого я смог направить к замку часть своих людей. Но они прибыли туда слишком поздно. Эдзел уже захватил Фолкейна. Закон был нарушен. — Он снова овладел собой, по крайней мере, внешне.

— Вам нужны факты других нарушений? — продолжал он. — Пожалуйста. К башне, в которой находился Эдзел, приблизились на своих ботах патрульные «СИ». И тут с неба свалился звездолет. Да, звездолет, хорошо вооруженный, явно поддерживавший связь с этим вашим драконом. Он уничтожил боты, разрушил башню, а потом улетел. Фолкейн исчез вместе с ним. Отсюда я делаю вывод, что на

корабле была Чи Лан. А сам звездолет — тот самый, который они обычно используют и который улетел из космопорта Лунограда в неизвестном направлении несколько стандартных дней тому назад. Согласитесь, это очевидно. Но Эдзелу удрать не удалось. Наверное, он радировал вам, чтобы вы его подобрали, и вы это сделали и привезли его обратно в город. Отсюда следует, что вы тоже замешаны в этом деле, ван Рийн. Я знаю, сколько адвокатов у вас на содержании, и потому хочу собрать еще немного улики против вас. Я их добуду, и я вас арестую!

— Интересно, за что? — равнодушно поинтересовался собеседник Гарвера.

— За многое. Полагаю, владельцам «Серендингсити» госпоже Белдэниэл и слугам из замка найдется что сказать. За шантаж. За нанесение увечий. За вторжение в частное владение, устройство беспорядков, киднэппинг, убийство...

— Эй, жеребчик, не торопись! Эдзел сказал мне, что, пожалуй, задел мельком парочку охранников. Но он буддист, и потому смотрел, чтобы никого не убить. Эта башенка, которую он сшиб, когда входил, она ведь стандартная, с дистанционным управлением.

— Про патрульные боты этого не скажешь. Тепловые лучи уничтожили их штук шесть. Да, конечно, пилоты, как и слуги замка, не гуманоиды и не являются жителями города. Но они же живые существа! Их смерть в данной ситуации будет считаться насильственной. Кроме того, вам можно также предъявить обвинение в тайномговоре и...

— Хватит! — прервал ван Рийн. — По-моему, ты не особенно нас любишь. Когда тебя ждать?

— Я прилечу, как только наведу порядок здесь. Через несколько часов. — Гарвер натянуто улыбнулся. — Может, вы признаетесь мне сейчас? У нас будет меньше забот, а вы облегчите себе участь.

— Нет. Мне не в чем признаваться. Это какая-то ужасная ошибка. Ты совершенно не разобрался в ситуации. Эдзел кроток, как ребенок, — правда, я знал нескольких детишек, с которыми лучше было не связываться. А что до меня, то я старый бедный одинокий толстяк, которому всего-то и нужно накопить немножко деньжонок, чтобы не кончить жизнь под забором.

— Заткнитесь! — не выдержал Гарвер и потянулся к выключателю.

— Подожди! — воскликнул ван Рийн. — Ну и каша заварилась! Придется мне ее расхлебывать, потому как я добрый христианин, который изо всех сил старается возлюбить ближнего своего, не даст ему сечь в лужу и не допустит, чтобы над ним смеялись, как ты того и заслуживаешь. Я поговорю с Эдзелом, свяжусь до твоего прибытия с «Серендингсити». Может, нам тут удастся разобраться с дровами, которые ты наломал.

Гарвер скривился.

— Я вас предупредил, — сказал он тихо. — Если только я узнаю, что вы угрожали, шантажировали, давали взятки...

— Обязываешься, — укоризненно произнес ван Рийн, — оскорбляешь... Ну что ж, я твою похабщину слушать не собираюсь. Счастливо оставаться, дурья твоя башка!

Экран погас. Луна была одним из узловых центров системы межпланетных сообщений. Поэтому тюрьмы в ее городах строились с таким расчетом, чтобы за решетку можно было посадить кого угодно. Эдзел вынужден был признать, что освещение, температура, влажность, давление и сила тяжести в его камере значительно больше подходят ему, чем земные условия, хотя он вполне сносно чувствовал себя и на Земле. Вот только пища подкачала: ему подсунули какое-то вязкое пойло, которое, как говорилось в некой книжонке, было любимым лакомством воденитов. Еще сильнее Эдзел страдал от невозможности вытянуть хвост, не говоря уже о том, чтобы поразмяться.

Кто может его выручить? Представители его народа редко покидали свою планету, поскольку большей частью были простыми охотниками. Так что надежды встретить сородича, который бы ему помог, почти, пожалуй, и нет.

Когда Эдзела привели в тюрьму под конвоем полицейских, всю дорогу почтительно на него поглядывавших, начальник тюрьмы разинул рот.

— Аллах всемогущий! Ну и куда нам прикажете поместить эту тушу, помесь кентавра с крокодилом? Все большие камеры уже заняты: черт бы побрал эту конференцию фантастов!

Отсюда понятно, почему Эдзел так ласково обошелся с сержантом, который несколько часов спустя сообщил ему по видеофону:

— Тут... э... ваш полномочный представитель. Хочет с вами встретиться. Вы как?

— Конечно. Давно пора! К вам у меня претензий нет, офицер, — поторопился добавить заключенный. — Ваши парни обращались со мной весьма корректно. Если я правильно понял, для вас ваша служба — все равно что для меня колесо Кармы.

Сержант поторопился отключиться.

На экране появилось лицо ван Рийна. Сначала изображение было слишком ярким, но постепенно все вошло в норму. Эдзел изумился.

— Но... но я ждал адвоката, — выдавил он.

— Некогда, — отмахнулся босс. — Дело такое, что чем тише едешь, тем тебе же хуже. Твоя задача — держать язык за зубами! Ни полсловечка! Я запрещаю тебе даже утверждать, что ты невиновен. Молчи и все. Пока у них нет права тебя допрашивать. Если им приспичит узнать, что на улице — день или ночь, пусть сами сбегают и посмотрят!

— Но что я буду делать в этой конуре? — взмолился Эдзел.

— Сидеть. Бездельничать. Качать из меня деньги. А я тем временем буду обивать пороги, пока не сотру мои бедные старые ноги до колен. Только представь, — воскликнул ван Рийн патетически, — я уже целый час никак не могу промочить горло! И похоже на то, что останусь без ленча. А сегодня на ленч должны быть лимфбордские устрицы, фаршированные тихоокеанские крабы а ля...

Эдзел не выдержал. Стены камеры задрожали, когда он пошевелился.

— Но мне здесь не место! — возопил он. — Мои показания...

— Тихо! — гаркнул ван Рийн так, что Эдзел сразу затих. — А ну заткнись! Хватит! — Потом заговорил обычным тоном. — Мне сказали, что этот канал не прослушивается, но черт его знает — от Гарвера можно ожидать чего угодно. Надо попридержать наши козыри, понимаешь? А в последний момент мы их выбросим — как Гэбриэл. Козыри. Гэбриэл. Понял? Ха!

— Ха, — медленно произнес Эдзел. — Ха...

— Чудак, ты же можешь без помех медитировать, закалять, так сказать, свой аскетизм! Я тебе просто завидую. Я бы даже хотел оказаться на твоём месте. Ну ладно, сиди. Я отправляюсь в «Серендингсити». До скорого! — Ван Рийн исчез.

Эдзел долго лежал не шевелясь.

«Но у меня же были доказательства, — думал он, ошеломленный всем случившимся. — Те пленки, те анализы, которые я взял у Дэвида в замке... как мне и было приказано... доказательства того, что ему в самом деле промыли мозги. Я передал все материалы Старому Нику, когда он попросил. Это было перед посадкой. Я думал, что он найдет им лучшее применение. Ведь они оправдывают все мои действия. Люди испытывают панический ужас, даже когда просто слышат о насилии над личностью. А тут у меня в руках были прямые доказательства! Но он — мой хозяин, которому я доверял, — даже не обмолвился о них!»

Когда Чи Лан и выздоровевший Фолкейн возвратятся, от них потребуют свидетельских показаний. Но без физических доказательств, которые добыл он, Эдзел, их словам вполне могут не поверить, пускай даже они будут утверждать то же самое и под воздействием какого-нибудь гипноза.

В общем, ситуация — хуже некуда. Как не верти, а от того факта, что в схватке были убиты несколько разумных существ, никуда не деться. (Откровенно говоря, Эдзел особых угрызений совести не испытывал, хотя в сравнении с каким-нибудь там жителем одного из беспокойных приграничных районов мог считаться чуть ли не невинным младенцем. Это ведь была пусть маленькая, но война, то есть способ разрешения конфликта, который иногда считался приемлемым. Нападение на вооруженных до зубов охранников, защищавших похитителей твоего товарища, выглядело бы тогда сушей ерундой в сравнении с освобождением его из плена. Но вся

беда заключалась в том, что по законам Содружества войны между частными лицами или фирмами не допускались.)

Правда, возможность, что власти посмотрят на это нападение сквозь пальцы, пока не исключена, — но только если им предъявят доказательства промывки мозгов. И если Чи Лан с Фолкейном вернутся и расскажут, как все было. А не вернуться они могут очень запросто. Ведь эти неизвестные, для которых старалась «Серендингсити» вполне могут убить их. Почему ван Рийн не позволил мне улететь вместе с ними? Почему, почему, почему?

Раз уж он остался один, его могли бы и отпустить на поруки. Тогда стало бы ясно, что его нападение на замок, пусть и незаконное, не было беспричинным. Тогда «Серендингсити» рухнула бы — ибо клиенты наверняка перестали бы доверять этой фирме.

А вместо этого ван Рийн скрывает доказательства и отправляется торговаться с похитителями Фолкейна!

В крошечной камере Эдзелу было не по себе. На звездолете места не намного больше, но зато там знаешь, что тебя окружают звезды. А здесь — стены, за ними другие, за другими третьи, и так до бесконечности.

«О вы, буйные пираты Зарлаха! О, гулкий топот копыт, свежий ветер, горы в призрачно-голубой дымке! О, костры на вечерней заре! Древние песни, древние танцы, родство душ, что сильнее кровного родства! Дом — это свобода. Корабли, дальние странствия, новые планеты, веселый смех. Свобода — это дом. Неужели ван Рийн предаст меня?

Неужели я позволю ему сделать это?»

ГЛАВА 9

Пыхтя, как древний паровоз, Николас ван Рийн ворвался в помещение, где располагалась дирекция «Серендингсити». Ему уже приходилось иметь дело с этой фирмой. Но тут он не бывал никогда и не слышал, чтобы сюда был разрешен доступ кому-либо еще, кроме владельцев «СИ».

Если не считать размеров помещения, то все здесь было точно так же, как и в консультационных офисах фирмы. То же холодное сочетание дорожных отделочных материалов, тот же яркий свет, исходящий от флуоропанелей. Правда, здесь имелся большой круглый стол, вокруг которого могли усесться несколько человек; на нем громоздились различные переговорные и вычислительные устройства.

«Жарковато у них тут, пожалуй», — подумал ван Рийн.

Владельцы «СИ» — те из них, кто остался на Луне, — выстроились по ту сторону стола. Прямо напротив ван Рийна с безучастным видом стоял Ким Юн Кун. Его мнимое равнодушие, как и напускное безразличие Анастасии Герреры и Евы Латимер не могли

обмануть торговца. Тея Белдэниэл, несмотря на темные круги вокруг глаз, заострившиеся черты лица и дрожащие руки, все-таки не очень напоминала женщину, в замок которой всего лишь несколько часов назад ворвался «дракон».

Ван Рийн остановился. Внимание его привлекли двое притулившихся к стене существ: двуногие, четверорукие, хвостатые, покрытые серым мехом, одетые в одинаковые кольчуги и вооруженные современными бластерами. Желтые глаза, сверкавшие из-под напоминавших рога костяных выростов, придавали их грубым лицам злобное выражение.

— Зачем вы притащили сюда этих головорезов с Горзуна? — поинтересовался он. Полы плаща его распахнулись, когда он широко развел руки, а потом положил их на свои лилового цвета кюлоты в обтяжку. — Оружия у меня при себе нет. Я пришел к вам один, невинный, как голубь мира. Разве таких голубей опасаются?

— Полковник Мелкарш командует патрулями, охраняющими наш замок снаружи, — ответил Ким. — Капитану Уругу подчиняется охрана внутри замка и, следовательно, все слуги. Они представляют здесь своих подчиненных, с которыми так жестоко обошлись ваши агенты.

Ван Рийн кивнул. Да, так можно хранить тайны: нанимать к себе на службу варваров-негуманоидов. Они будут заниматься только своим делом и больше никуда не лезть. Будут держаться друг друга, не вступая в контакты с чужими и не выбалтывая им никаких секретов, а по окончании контракта отправятся домой и исчезнут, канут в неизвестность на своих редко посещаемых планетах. Но, принимая таких существ на службу, приходится учитывать их обычаи. Ситуруши с Горзуна — прекрасные воины, чересчур, может быть, жестокие, офицеры и солдаты их армии связаны обетом верности друг другу.

— Ладно, — сказал торговец, — может, оно и лучше. Ну что ж, значит, присутствуют все, кого это дело касается. — Он сел, достал сигару и откусил ее кончик.

— Вам, кажется, не предлагали курить, — холодно заметила Анастасия Геррера.

— Ну и что? Я же знаю, что вы просто не успели. — Ван Рийн закурил, откинулся на спинку кресла, скрестил ноги и выпустил из рта голубое облако дыма. — Я рад, что вы согласились встретиться со мной в непринужденной, так сказать, обстановке. Я бы, конечно, мог заглянуть к вам домой, если бы вы меня пригласили. Но, по-моему, здесь лучше, а? Там полно полицейских, которые только и делают, что с умным видом болтаются под ногами. А это помещение — единственное, пожалуй, в Лунограде, где мы можем быть уверенными, что нас не подслушают.

Мелкарш глухо заворчал. Наверное, он немножко понимал английский. Ким сказал:

— Мы согласились принять вас, мастер ван Рийн, но не

испытывать наше терпение. Если мы о чем-либо договоримся, то только на наших условиях. И еще: даже если вы окажете нам полное содействие, мы не можем гарантировать, что действия ваших агентов останутся безнаказанными.

Брови посетителя, словно черные гусеницы, поползли вверх по покатому лбу.

— Я не ослышался? — Он приставил руку к уху. — Быть может, несмотря на кучу денег, что я плачу врачам, я оглох от старости? Надеюсь, вы еще не сошли с ума? Надеюсь, вы понимаете, что я затеял всю эту трепотню не ради себя, а ради вас? Что я не хочу прихлопнуть вас? Ну да ладно, не будем ходить вокруг да около. — Он достал из внутреннего кармана жилета плотный конверт и бросил его на стол. — Полюбуйтесь. Это, разумеется, копии. Оригиналы я оставил в другом месте; если я через пару часов не вернусь, то они будут отправлены в полицию. А вот биологические анализы. Доказать, что они взяты у Фолкейна, будет весьма просто, поскольку в медкарте на Земле имеется хромосомный набор. Радиоизотопный тест подтвердит, что анализы были взяты всего лишь несколько часов назад.

Партнеры молча принялись разглядывать фотографии, тишина в комнате стала как будто еще напряженнее. Мелкарш зарычал было и сделал шаг вперед, но Уругу остановил его. Взгляды их не обещали ничего хорошего.

— Вы промыли Фолкейну мозги, — сказал ван Рийн. Он погрозил пальцем. — Ой, как нехорошо! Не важно, может, мы в чем-то и виноваты, но уж вас полиция после того, как получит все это, проверит от и до. Не важно, что станет потом с вами лично, но с «Серендингсити» будет покончено. Достаточно лишь подозрения, что вы действовали вовсе не так, как сообщили полиции, — и вы лишитесь и денег, и клиентов.

Лица владельцев «СИ» оставались непроницаемыми. Но Тейя Белдэниэл еще не совсем овладела собой: во взгляде ее промелькнуло страдание.

— Мы не... — выдавила она со вздохом, потом поправилась. — Да. Но я... мы... не хотели, чтобы он пострадал. У нас просто не было выбора.

Ким жестом заставил ее замолчать.

— У вас как будто есть причина, по которой вы не хотели бы передавать этот материал следствию, — медленно произнес он, подчеркивая каждое слово.

— Ага-ага, — отозвался ван Рийн. — Мой паренек вроде бы пострадал не очень сильно. К тому же «Серендингсити» сослужила хорошую службу Технологической лиге. Так что я на вас не очень сержусь и постараюсь помочь, чем смогу. Конечно, только легким испугом вы не отделаетесь. Это невозможно. Однако ведь вы сами впутали в это дело полицию, а отнюдь не я.

— Я не признаю за собой никакой вины, — заявил Ким

поспешно. — Наше дело не имеет ничего общего с вашими грязными деньгами. — Глаза его метали молнии.

— Как же, как же! Ваши боссы — они где-то в космосе и совсем не похожи на нас. Именно поэтому мы не можем позволить вам продолжать работу, ибо вы — шпионы, а может, и саботажники. Но я люблю ближнего своего и потому хочу помочь вам избежать пагубных последствий вашей же собственной глупости. Начнем с того, что отзовем собак закона. Как только их большие вонючие зубы оторвутся от нашего куска...

— Вы считаете, их можно еще... отозвать? — прошептала Тей Беддэниэл.

— Пожалуй, да, если вы мне в этом поможете. В конце концов, эти ваши охранники в замке — Эдзел ведь всего лишь сломал пару-тройку костей да наставил синяков. Это все можно уладить, так сказать, полюбовно, безо всякой полицейской шушеры. — Ван Рийн с задумчивым видом выпустил изо рта кольцо дыма: — Плáтите вы. Теперь насчет патрульных ботов, которые якобы расплавились. Кто может подтвердить, что их уничтожил звездолет? Если мы...

Мелкарш стряхнул с плеча руку товарища и, потрясая в воздухе всеми четырьмя кулаками, завопил на искаженном почти до неузнаваемости латинском — общем языке Лиги:

— Чтoб тебя сожрал самый мерзкий демон! Почему мои солдаты должны оставаться неотомщенными?

— О, ты сможешь передать их родичам выкуп, — обнадежил его ван Рийн. — Глядишь, и тебе что-нибудь перепадет. Ты ведь не против, а?

— По-твоему, все на свете продается? — взорвался Мелкарш. — Может, и все, но только не честь! Знай, я сам видел этот звездолет, как он сжег боты; я просто не успел вмешаться. Но я заметил, что это был один из твоих кораблей, я так и скажу на суде!

— Ну-ну, — улыбнулся ван Рийн. — Тебя же никто не просит лжесвидетельствовать. Ты просто промолчишь; другими словами, не будешь кричать на всю округу, что что-то видел, и спрашивать тебя тоже никто не будет. А если еще учесть, что твои хозяева собираются скоро отправить тебя домой — на первом же корабле, который туда полетит, быть может, это будет один из моих звездолетов — и выплатить тебе всю причитающуюся по контракту сумму плюс премию, то вообще... — Он добродушно кивнул Уругу. — Разумеется, друг мой, то же самое относится и к тебе. Ну разве не шикарные у вас хозяева?

— Если ты надеешься, что я приму твою вшивую взятку, — рявкнул Мелкарш, — то ты просчитался! Чего ради мне соглашаться на это, когда я могу отомстить за своих солдат, сказав только...

— Да ну? — удивился ван Рийн. — Ты уверен, что сможешь меня свалить? Это не так-то просто, я довольно крепко стою на ногах. Ты просто погубишь этим своих хозяев, которым, вспомни, ты клялся верно служить. Кроме того, учти, что тебя и твоих, так сказать, людей

можно привлечь за похищение и другие нехорошие дела. Интересно, как ты поможешь своим или сбережешь честь, сидя в федеральной тюрьме? А? Гораздо лучше будет для тебя, если ты привезешь выкуп семьям погибших и расскажешь о том, что они пали в бою, как и подобает настоящим воинам.

Мелкарш открыл рот, но не смог найти слов для ответа.

Тей Бедэниэл встала из-за стола, подошла к нему, погладила по шкуре и сказала:

— Он прав, понимаешь, мой добрый старый друг, он прав. Он демон, но он прав.

Горзунец отрывисто кивнул и отступил к стене.

— Отлично, просто здорово! — сказал ван Рийн. Он потерял руки. — Я так рад, что нашел здесь здравый смысл и сговорчивость. У меня есть кое-какие планы, как нам быть дальше. — Он огляделся. — Только вот мне страшно хочется пить. Может, пошлете за парой бутылочек пивка?

ГЛАВА 10

Прилетев в Луноград, Эдвард Гарвер сразу направился в полицейское управление.

— Приведите арестованного воденита в камеру для допросов, — распорядился он. Потом кивнул на трех сопровождающих его сурового вида мужчин. — Мои помощники, мы хотим допросить его сами. Станет у нас крутиться, как рыба на сковородке, — в рамках закона, конечно. В конце концов, закон что дышло, а арестованный слишком, понимаете ли, велик, чтоб уместиться в обычные рамки.

Эдзел никак не мог понять, что происходит. Воздух был слишком разряженным, насыщенным влагой и таким холодным, что чешуйки его стали покрываться изморозью; сила тяжести вдвое превышала ту, что была на его родной планете. Он почти ослеп от усилившейся яркости далекого карликового солнца и не мог разглядеть Гарвера с помощниками за витриловой панелью, где сохранялись земные условия. Время шло, но никто, похоже, не собирался кормить его или поить. Лишь вопросы — непрерывно, один за другим, и таким визгливым голосом, что скоро уши Эдзела, привыкшие к более низким частотам, заболели.

На вопросы он не реагировал.

— Отвечать! — завопил Гарвер примерно через полчаса. — Ты что, хочешь, помимо всего прочего, обвинения в неуважении к следствию?

— Откровенно говоря, да, — изумил их ответ Эдзела. — Поскольку я всего лишь пользуюсь своим правом на молчание, то подобное обвинение просто-напросто подтвердит всю абсурдность вашей возни.

Гарвер нажал на кнопку. Эдзел дернулся.

— Что-нибудь не так? — спросил у него один из полицейских, которому была выделена роль этакого добряка.

— Через пол бьет током.

— Что ты говоришь! Наверное, дефект проводки. А может, тебе померещилось? По-моему, ты здорово устал. Давай признавайся, и все пойдем передохнем.

— Вы глубоко ошибаетесь, — отозвался Эдзел. — Мой хозяин тоже не сахар, но по сравнению с вами он просто лапочка. Я отказываюсь сотрудничать с вами на любых условиях. По счастью, космические скитания закалили мой организм. Поэтому, с вашего разрешения, я буду рассматривать эту ситуацию как возможность возвыситься над неудобствами, претерпеваемыми физическим телом. — Он принял позу лотоса — это, надо сказать, было зрелище. — Прошу прощения, что медитирую в вашем присутствии.

— Где ты был в вечернюю вахту, когда...

— Ом мани падме кум.

Полисмен отключил переговорное устройство.

— По-моему, овчинка выделки не стоит, шеф, — сказал он.

— Но он же живое существо! — возразил Гарвер. — Здоровый как бык, правда, но ведь не камень. Будем продолжать, посменно, пока не добьемся желаемого.

Тут раздался звуковой сигнал, и на экране видеофона появилось лицо начальника полиции Лунограда Мендеса.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас, сэр, — извинился он, — но нам тут позвонили из «СИ». — Мендес вздохнул. — Они... они отказываются от своей жалобы.

— Что? — Гарвер так и подскочил. — Нет! Этого не может быть! Я же сам... — Он смолк. Лицо его посерело. — Давайте, — холодно приказал он.

С экрана на него уставился Ким Юн Кун. Гарверу показалось, что он чуть менее сдержан, чем обычно. За его спиной маячил ван Рийн. Гарвер подавил инстинктивное желание швырнуть в экран чем-то тяжелым.

— Ну? — спросил он. — Что это еще за выкрутасы?

— Я и мои коллеги имели разговор с этим вот джентльменом, — сказал Ким. Он говорил так, словно каждое слово в отдельности было грязным ругательством, он их как будто выплевывал. — Мы выяснили, что имело место досадное непонимание нами друг друга. Это следует немедленно исправить.

— Что, и воскресить из мертвых? — фыркнул Гарвер. — Пускай он предлагает вам какие угодно взятки, но у меня есть доказательства, что совершено преступление. Предупреждаю вас, сэр: если вы что-либо утаите от следствия, это может обернуться для вас неприятностями в будущем.

— Но преступления не было, — возразил Ким. — Все произошло по чистой случайности.

Гарвер поглядел на ван Рийна: торговец попыхивал сигарой и улыбался.

— Позвольте мне начать с начала, — сказал Ким. — Мы с партнерами хотим, если можно так выразиться, удалиться от дел. Поскольку «Серендингсити» фирма в своем роде уникальная, купить ее захотят многие и за большие деньги. Переговоры по этому поводу — дело весьма тонкое, особенно если вы примете во внимание тот факт, что преуспевание нашей компании зависело от полного к ней доверия со стороны клиентов. Стоило возникнуть лишь малейшему подозрению в нечестной игре, и славное имя нашей фирмы было бы запятнано навсегда. Все знают, что мы чужаки, что мы сторонимся общества и потому не всегда можем правильно определить последствия тех или иных своих шагов. Мастер ван Рийн благородно, — Ким еле выговорил это слово, — предложил нам свою помощь. Но наш договор следовало держать в тайне, чтобы конкуренты мастера ван Рийна не решились, будто «Серендингсити» перешла в его собственность.

— Вы... вы! — взвизгнул Гарвер, как будто продолжая изводить Эдзела, — продаетесь? Кому?

— Вот с этим у нас возникли трудности, директор, — сказал Ким. — Фирма должна быть продана не просто тому, кто в состоянии заплатить, но тому, кто сможет вести дело дальше, не вызывая к себе подозрений со стороны клиентов. Быть может, это будет консорциум негуманоидов. Во всяком случае, мастер ван Рийн уполномочен нами действовать как посредник.

— Конечно, за приличные комиссионные? — простонал Гарвер.

— За бешеные, — в тон ему отозвался Ким. Потом продолжил. — Капитан Фолкейн прибыл в качестве его представителя, чтобы обсудить с нами некоторые детали. Для сохранения всего дела в тайне было решено сбить с толку всех, даже товарищей капитана по экипажу. Именно так и возникли слухи о его помолвке с госпожой Белдэниэл. Теперь я понимаю, что эта мысль была никудышной. Упомянутые товарищи капитана, возбужденные этими слухами, решились на крайние меры. Как вы знаете, Эдзел проник в замок силой. Но серьезного ущерба он зданию не причинил, а когда капитан Фолкейн объяснил ему ситуацию, он тут же принес нам свои извинения, которые мы с радостью приняли. Вопрос об ущербе мы договорились решить между собой. Так как капитан Фолкейн выполнил свою миссию, то вместе с Чи Лан он отправился на поиски покупателя для нашей фирмы. В его отлете нет ничего незаконного, поскольку ни один закон не был нарушен. А мастер ван Рийн был так добр, что любезно согласился взять Эдзела на борт своего личного корабля.

— Закон не нарушен? А как насчет законов об убийстве? — воскликнул Гарвер. Он сделал такое движение пальцами, как будто хотел кого-то задушить. — Я засажу их... вы... за это... вы же сами...

— Понимаете, директор, — сказал Ким, — я согласен, что

ситуация неприятная: искушение подать иск было слишком велико, чтобы мы могли сразу его подавить. Под «мы» я имею в виду тех из нас, кто тогда отсутствовал. Но потом, когда мы выслушали госпожу Белдэниэл и проверили планы замка, наша позиция изменилась. Вы знаете, что замок охраняется как людьми, так и автоматическими системами. Вторжение Эдзела так возбудило роботов в одной из башенок, что они уничтожили патрульные боты. Чи Лан, которая управляла звездолетом, раздвинула стены башни в доблестной попытке спасти наших слуг, но опоздала. В общем, все это — трагическая случайность. Если кого-то здесь и можно обвинить, то этот кто-то — подрядчик, поставивший недоброкачественных роботов. К сожалению, этот подрядчик — негуманоид и живет так далеко, что не попадает под юрисдикцию Содружества.

Гарвер выпрямился.

— Так что, пожалуйста, немедленно освободите Эдзела, — закончил Ким. — Мастер ван Рийн сказал, что, быть может, он не станет поднимать большого шума по поводу несправедливого ареста, если только вы лично извинитесь перед ним в присутствии корреспондента Общественной службы информации.

— Вы заключили соглашение с ван Рийном? — прошептал Гарвер.

— Да, — сказал Ким с видом рыбы, насаженной на вилку.

Гарвер собрал остаток своего мужества.

— Ну что ж, — произнес он, еле двигая губами, — пусть будет так.

Из-за плеча Кима выглянул ван Рийн.

— Хорек! — сказал он и отключился.

Космическая яхта взяла курс на Землю. В каждом иллюминаторе сверкали звезды. Ван Рийн расположился в кресле, держа в руке кружку с пивом.

— Клянусь небом, — начал он, — стоит отпраздновать твое освобождение, пока есть возможность. На Земле нам с тобой придется носиться, высунав язык.

Эдзел отпил из такой же кружки, в которой, правда, было чистое виски. Все-таки неплохо быть большим. Но радовался он не от всей души.

— Вы позволите этим типам из «Серендингсити» так легко отделаться? — спросил он. — Они же злые.

— Возможно. Но они не осмелились бросить нам вызов, а это в корне меняет дело, — отозвался ван Рийн. — Посмотрим. Ты зря думаешь, что они легко отделаются. Они еще попляшут, и это так же точно, как то, что пиво, которое пью я, не то же самое, что виски, которое пьешь ты. Смотри: они потеряли клиентов, потеряли свой шпионский центр, для которого, собственно, все и задумывалось.

Поскольку я занимаюсь продажей, то мне от их потерь кое-что перепадет.

— Но у вас, я вижу, есть и другая цель, кроме денег! — воскликнул Эдзел.

— Ага-ага, точно. Понимаешь, я не знал, что случится после того, как ты освободишь нашего приятеля Дэвида. Приходилось играть втемную. «Серендингсити», как тебе известно, попыталась натравить на нас закон. В этом были свои опасности и свои прелести. Мне пришлось работать на четыре фронта. — Ван Рийн принялся загибать пальцы. — Главное. Мне надо было вызволять тебя и других. Это прежде всего, месть могла и подождать. Затем. Все надо было сделать так, чтобы правительство осталось в стороне, — по крайней мере, пока. Потом, быть может, мы его и позовем. Дело заключается в следующем: во-первых, правительство — это штука слишком громоздкая и неуклюжая для решения задач со столь многими неизвестными, как наша; во-вторых, если члены Содружества узнают, что у них неизвестно где есть могущественный враг, они запаникуют, а это очень плохо и для политики, и для бизнеса; в-третьих, чем дольше мы стараемся одни, тем больше у нас шансов ухватить кусок пожирней от пирога, который плавает в космосе.

Ван Рийн сделал паузу, чтобы перевести дух. Эдзел поглядел на звезды, такие прекрасные, но все же не прекраснее жизни. А что жизнь в сравнении даже с самым малым из тех временных промежутков, которыми исчисляется существование этих солнц?

— А другие ваши цели? Каковы они? — спросил он глухо.

— Так вот. Разве не ясно, что «Серендингсити» сама по себе — мысль очень неплохая? Уничтожать ее не стоило, нужно было только передать эту фирму в честные руки. Руки, щупальца, плавники, лапы — все что хочешь. Следовательно: всякий шум вокруг «СИ» нам нежелателен. Вот почему, кстати, я отправился к ним в контору. Я вовсе не хотел окончательно прикрыть эту лавочку. И наконец. — Голос его сделался непривычно серьезным. — Кто такие эти «иксы»? Что им нужно? Почему они прячутся? Быть может, нам удастся сторговаться с ними. Ни одно здравомыслящее существо не стремится к войне. Нам надо больше узнать о них, только тогда мы сможем решить, как быть. А «Серендингсити» — единственная наша путеводная ниточка.

Эдзел кивнул.

— Понимаю. Вам что-нибудь удалось узнать?

— Нет. Ничегошеньки. Они как воды в рот набрали. Мне показалось, они скорее умерли бы, чем сказали бы хоть слово. Я предложил им возвращаться домой и переговорить со своими хозяевами. Если дело и не выгорит, они хоть убедят своих компаньонов, тех, что улетели раньше, что на Луне им ничего не грозит. Ну вот, они улетят, а за ними последует мой звездолет, причем он всю дорогу будет держаться в пределах обнаружения. Может, они завлекут его в ловушку, а может, и нет. Я им сказал,

что это бессмысленно: ведь ни мы, ни они не уверены, что сможем перехитрить один другого. И потом, даже заклятые враги могут найти какой-никакой, а общий язык. Ну представь себе, что ты собрался кого-то убить: почему бы сначала не потолковать с намеченной, так сказать, жертвой? В худшем случае, ты лишь потеряешь пару минут, в лучшем — поймешь, что тебе нет причин ее убивать.

Ван Рийн осушил кружку.

— А-аххх! Вот, — продолжил он, — мы заключили с ними сделку. Они улетают, и их никто не будет преследовать, что подтвердят их же собственные детекторы. Но один из них останется здесь и займется передачей компании. Это будет Тея Белдэниэл. Она не особенно возражала. Мне кажется, она почеловечней своих приятелей. Потом она же поведет один из наших кораблей к оговоренному месту встречи; я предложил им — где-нибудь на нейтральной территории. Быть может, их хозяева согласятся на встречу. Мне, по крайней мере, хочется их повидать, особенно после этой затеи с «Серендингсити». Представляешь, сколько они о нас узнали! Ну?

Эдзел вскинул голову.

— Прошу прощения! — воскликнул он. — Вы хотите сказать, что лично вы и... и я...

— А кто же еще? — сказал ван Рийн. — Потому-то, в основном, я тебя и оставил. Мне нужно, чтобы рядом был кто-нибудь, кому я могу доверять. Путешествие будет не из приятных, могу тебя заверить. Знаешь, как говорили в древней Норвегии? Брата лишиться — с жизнью проститься. — Он стукнул кулаком по столу и рывкнул:

— Юнга! Где, черт возьми, пиво?

ГЛАВА 11

За десять с лишним лет, которые минули с тех пор, как лемминкяйнениты обнаружили планету-бродягу, она успела уйти далеко. Разглядывая в носовой экран Бету Креста, Фолкейн пристынул.

— Сможем ли мы подойти ближе? — спросил он.

Сидя в пилотском кресле в окружении разноцветных огоньков контрольных приборов, он смотрел на звезду — вернее, на ее увеличенное изображение. Бета Креста сверкала так ослепительно, что несмотря на светофильтры и на расстояние в несколько астрономических единиц, глазам было больно. Весь экран занимал лазоревый шар, усеянный пятнами, как шкура леопарда, окруженный золотисто-алым блистающим ореолом, намного превышающим в диаметре размеры самого шара. Звезда как будто освещала космос, во всяком случае вечной ночи пространства пришлось отступить довольно далеко.

Фолкейн вцепился в ручки кресла, сердце его отчаянно колотилось. Ища спасения от холодящего грудь первобытного ужаса, он поглядел на безделушки, которыми они, члены экипажа, украсили пилотский отсек звездолета. Вон висит некая хитроумная конструкция, изготовление которых на родной планете Чи Лан считается искусством; вон девичья фотография, которую он сам повесил на стену; вон, на полке, карликовое деревце, за которым ухаживал Эдзел... Эдзел, дружище, нам так сейчас нужна твоя сила! Услышать бы просто твой голос, и на душе сразу стало бы легче. Ну как назло: до тебя сейчас две сотни световых лет!

«Кончай ныть, — сказал себе Фолкейн. — Нервишки шалят, приятель. Одно дело, когда Чи полдороги выхаживала тебя, и совсем другое теперь; хотя, по правде сказать, до конца я еще не очухался. Но работа есть работа. Ты ведь видел звезды покрупней и поярче этой».

Фолкейн слукавил: ему довелось наблюдать всего, дай Бог, одну-две подобные звезды. Эти голубые монстры отнюдь не рассыпаны в космосе на каждом шагу. И потом, даже самый маленький из них — зрелище весьма впечатляющее. Эти пятна в фотосфере, которые суть не что иное, как вихри, причем такие, что каждый из них способен поглотить планету размерами с Юпитер!

Это причудливое переплетение составляющих протуберанцы волокон — протуберанцы, масса которых куда больше массы Земли, ионизированные, испаряющиеся, превращающиеся в раскаленную плазму, вгрызающиеся в пространство на миллионы километров, бесследно пропадающие и возвращающиеся обратно, порождающие гигантские магнитные поля! Эта флуорисцирующая, видимая за миллионы парсеков корона, газ которой постоянно бомбардирует частицы, оголенные атомы, жесткие и мягкие кванты излучения звезды, сияние которой есть непрерывная буря, в восемьсот пятьдесят раз яростнее солнечной, буря столь мощная, что закончится всего лишь через какой-нибудь миллион лет в пламени сверхновой! Фолкейн еще раз бросил взгляд на экран и содрогнулся. Вдруг он понял, что бортовой компьютер что-то сказал.

— Прошу прощения? — переспросил он.

— В моей программе нет реакции обиды, поэтому извинения совершенно излишни, — внятно произнес невыразительный голос. — Однако мне поставлена задача обращаться с вами настолько осторожно, насколько позволяет моя организация, до тех пор пока ваша нервная система не придет в порядок. Поэтому снисходительность к вашему поведению рекомендуется рассматривать как часть программы.

Фолкейн хмыкнул, потом расхохотался.

— Благодарю, Тупица, — сказал он. — Пожалуй, мне это не помешает. — Потом добавил торопливо. — Только не говори, что ты определил необходимость и вычислил реакцию, переходи прямо к делу.

— Вы спросили, сможем ли мы приблизиться? Ответ зависит от того, что имелось в виду под «приблизиться». Анализ контекста показал, что вы хотели узнать следующее: достигнем ли мы указанной планеты, не подвергая корабль опасности? Ответ утвердительный.

Фолкейн повернулся к Чи Лан, развалившейся справа от него в своем кресле, похожем, скорее, на гамак.

— Я отчетливо помню, что приказал Тупице забыть эти идиотские утвердительные и отрицательные ответы, поскольку даже Черчилль довольствовался простыми «да» и «нет», — вздохнул он. — Зачем вы отменили мой приказ?

— Это не я, — отозвалась цинтианка. — Мне все равно. Плевать я хотела на все эти нюансы, тем более на английские! — Она фыркнула. — Нет, уж кого винить, так Эдзела.

— Почему его?

— Ты должен помнить, что мы получили этот корабль совсем новым. Поэтому у компьютера словарь был, так сказать, специализированный, инженерный, если хочешь. Правда, работая с нами, он кое-чего поднабрался. Но ты должен помнить и то, что на Луне мы заказали полную проверку всех систем корабля. Ну вот, когда ты, задрав хвост, умчался за своей Вероникой, мы с Эдзелом стали заниматься делами. Естественно, этот доброглот решил, что инженеры оскорбятся, когда услышат, как мало мы пользовались их диалектом. Поэтому он инструктировал Тупицу...

— Ладно, — прервал ее Фолкейн и приказал компьютеру. — Вернись к предыдущей структуре изложения и сообщи нам свои соображения.

— Проведенные исследования как будто подтверждают сведения о планете, которые были вам сообщены, — сказал компьютер. Фолкейн кивнул. Хотя он окончательно пришел в себя всего лишь несколько дней назад, Чи Лан удалось выудить у него достаточно подробную информацию еще на первом этапе полета. — Однако уровень помех еще достаточно высок, чтобы можно было утверждать наверняка. Тем не менее я вычислил орбиту с удовлетворительной точностью. В данный момент планета находится близко к афелию, радиус-вектор имеет длину приблизительно в 1,75 астрономической единицы.

Максимальное сближение со звездой, примерно на 0,93 астрономической единицы, произойдет в течение ближайших 27 с половиной дней. Наличие каких-либо других тел соответствующего размера не подтверждаю. То есть динамика ситуации проста, орбита почти симметрична.

Чи вставила сигарету в длиннющий мундштук из слоновой кости и прикурила. Уши ее чуть подрагивали, усы топорщились.

— Как вовремя! — буркнула она. — Нет чтобы прилететь, когда планета была более удалена от этого огненного шара. Ну что вы, как можно! Это было бы слишком легко! Тогда богам пришлось бы

поискать кого-нибудь другого, чтобы вывалить на него все эти небесные отбросы! Представляешь, нам придется лезть в самое пекло радиации!

— Вообще-то, — отозвался Фолкейн, — если бы планета не подошла так близко к звезде, ее криосфера не смогла бы отразить достаточное количество света, чтобы ее обнаружили. Не забудь еще про значительное время на прохождение информации по галактической связи. Нам просто повезло, что я услышал обо всем этом.

— Мог бы услышать и пораньше, в конце концов!

— Остается необходимость, — вмешался Тупица, — проведения нескольких незначительных по масштабам анализов, которые подтвердили бы возможность создания на поверхности планеты промышленной базы. Точно не измерены величина и состав замороженных материалов. Не произведены с надлежащей аккуратностью вычисления их поведения при размораживании. Задача оказалась весьма сложной, в ней слишком много неизвестных параметров. Например, когда начнет формироваться газовая атмосфера, все другие летучие субстанции начнут конденсироваться на больших высотах, образуя облака, которые скоро исчезнут, но которые за время своего существования поглотят столько радиации, что поверхность планеты практически останется холодной.

— Засохни! — бросила Чи Лан.

— Моей программой это не предусмотрено, и у меня нет нужды для этого...

— Тогда заткнись! — Чи повернулась к человеку. — Я понимаю, Дэви, куда ты клонишь, и понимаю, что хочешь сказать Тупица. Естественно, планета ускоряет свое движение. Я тут сама несколько вахт назад попыталась вычислить ее орбиту, пока ты дрых. Знаешь, что получилось? Что радиус-вектор изменился с трех до одной астрономической единицы за какие-нибудь десять стандартных недель. Представляешь? За такое время и радиация возросла в девять раз! Однако я остаюсь при своем мнении: нам лучше было прилететь попозже, когда эта штука окажется на стационарной орбите.

— Хотя в данный момент я не готов к деятельному метеорологическому анализу, — заявил Тупица, — но, по моим расчетам, максимальная нестабильность атмосферы возможна после прохождения планеты через перигелий. Пока что большая часть излучаемой звездой энергии идет на растопление льда, на испарение масс влаги и все такое прочее. Когда этот процесс завершится, излучение звезды останется на том же уровне, но планета будет окружена мощной атмосферой, насыщенной влагой, и тогда уровень радиации на этой планете будет примерно равен земному и останется практически таковым в течение многих лет. Кроме того, в этот период на планете следует ожидать высоких температур и штормов такой силы, что ни один звездолет не осмелится совершить посадку. Однако при соблюдении надлежащей осторожности можно будет попробовать произвести анализы почвы.

Фолкейн усмехнулся. Он чувствовал себя сейчас значительно лучше. «Пространству придется узнать, что мы не лыком шиты», — подумал он. И сказал:

— Будем надеяться, что нам повезет.

— Меня бы это совсем не удивило, — брюзгливо отозвалась Чи. — Ну, Тупица, на когда у нас назначено randevу?

— Если даже случится солнечная буря, то силовые экраны все равно справятся с корпускулярным излучением, — сказал компьютер. — Главная проблема — это излучение электромагнитное. Имеющиеся в наличии защитные материалы не смогут защитить нас от получения нежелательной дозы рентгеновских лучей во время проведения исследований. А волны длиннее обычного приведут к перегрузке нашего термостатического оборудования. Поэтому я предлагаю полет на гипердвигателях.

Фолкейн вынул из кармана комбинезона трубку.

— На таком расстоянии это самый дешевый способ самоубийства, — предостерег он. Случиться может все что угодно: неудачный вход в поле тяготения звезды разорвет корабль на кусочки; соприкосновение с твердым телом или с облаком сравнительно плотного газа приведет к ядерному взрыву.

— Подобная возможность предусмотрена конструкцией корабля и моей собственной, — возразил Тупица. — Помимо того, что сам перелет займет меньше времени, мы избежим сколько-нибудь серьезных столкновений с находящимися в пространстве фотонами и материальными частицами.

— Неплохо, — согласилась Чи. — Меня как-то не особо согревает мысль, что эти паршивчики окажутся в моих внутренностях. Но что мы будем делать, когда достигнем планеты? Можно, конечно, сесть на теневой стороне, и тогда сама планета будет защищать нас от звезды. Но что мы при этом увидим на поверхности?

— Можно использовать существующие приборы. Лучше всего с ними, разумеется, справился бы Эдзел, поскольку он планетолог. Но я не сомневаюсь, что с моей помощью и от вас двоих будет толк. Возможно, вам удастся впоследствии сделать пару вылазок на дневную сторону.

— Лады, — заключил Фолкейн. — Перекусим, поспим — и в путь-дорожку.

— Ты двадцать раз потом успеешь набить желудок, — сказала Чи. — Сейчас надо спешить.

— Чего? Зачем это?

— Ты что, забыл, что у нас есть конкуренты? Та парочка, которая отправилась к своим хозяевам? Я не знаю, как быстро они туда доберутся и как скоро будет организована экспедиция, но мне кажется, они вряд ли станут выжидать или церемониться, если обнаружат нас. — Чи взмахнула хвостом и повела плечами. — Откуда мы знаем, справимся ли мы с ними в схватке? Я бы с

удовольствием оставила это дело для боевых крейсеров Лиги. Так что давай определимся и вперед!

— Хм... Похоже, ты права. Слышал, Тупица? На всякий случай активизирую все датчики ближнего действия. Черт его знает, на что мы можем натолкнуться. — Фолкейн набил трубку. — У меня нет особой уверенности, что ван Рийн доверит это дело боевым звездолетам, — сказал он, обращаясь к Чи Лан. — Ему тогда придется поделиться прибылью, а он хочет забрать себе эту планету целиком.

— Будь спокоен, он выкачает из нее все, что можно, — ответила цинтианка. — Но тут деньги отошли для него на второй план. Он испугался. Он думает, что Содружество — если не вся наша Техническая цивилизация — находится в состоянии войны и даже не подозревает об этом. И если для наших врагов эта бродячая планета так важна, что они жертвуют разведывательным центром, которым пользовались пятнадцать лет, значит, она не менее важна и для нас. Так что он позовет и Лигу, и другие правительства с их флотами, если решит, что это нужно. Я разговаривала с ним после того, как мы выудили тебя из замка.

Фолкейн не отреагировал на подколку, лишь крепко стиснул зубы. «Я должен был понять, в чем дело, когда узнал, как они обошлись со мной», — подумал он.

Именно узнал — ибо он, как ни старался, не мог вспомнить всех подробностей своего пребывания в замке. Самому ему все это казалось каким-то бредовым сном. Время клубилось как дым, оживляя ту или иную ситуацию; он был пленником в другой вселенной, и вообще это был не он, и не с ним все это происходило.

Он желал Тею Белдэниэл, как никакую другую женщину раньше, он почитал Древнюю Расу, как никаких других богов, он по желанию мог опустошить свой мозг, превратить его в логическую машину, а потом вернуть в прежнее состояние. И в то же время у него было такое чувство, что все это случилось вовсе не с ним, а с кем-то другим. Его использовали, к нему проникли в мозг... Как отомстить за это надругательство?

Фолкейн заставил себя отвлечься от этих мыслей.

— Если Старого Ника на самом деле собираются лишить его куска, — задумчиво произнес он, — то я им не завидую. Боюсь, они оглохнут: старикан заводит так, что на Магеллановом облаке слышно будет! Ладно, попробуем, может нам удастся спасти его бекон с яичницей, французские тосты, кофе... Что у него еще было на столе, когда я последний раз завтракал с ним? Ах, да, кокосовый торт. Как у тебя там, Тупица?

— Звездолет для полета на гипердвигателях готов, — доложил компьютер.

Гудение двигателей усилилось. Изображение на экране помутнело — система приноравливалась к миллиардам квантовых микропрыжков в секунду. Потом на кормовом экране возникло усеянное

звездами небо. А на носовом появился быстро увеличивающийся в размерах диск Беты Южного Креста; он все рос и рос; показалось даже, что пламя звезды вот-вот проникнет в звездолет. Фолкейн сжался в пилотском кресле, Чи Лан выпустила когти.

Потом это впечатление исчезло. Корабль вышел из гиперпространства. Осталось только развить достаточную скорость, причем сделать это нужно было быстро, чтобы усилившееся излучение звезды не успело пробиться через защитные экраны. Компьютер так искусно справился с этой задачей, что живые существа внутри корабля даже не почувствовали изменения гравитации. Все было сделано за несколько минут. Звездолет очутился на расстоянии двух радиусов от поверхности планеты-бродяги, двигаясь так, чтобы гравитационная и центробежная силы постоянно находились в равновесии. Экипаж прильнул к экранам.

На большом обзорном экране виден был огромный черный шар, отороченный белизной там, где в атмосфере преломлялись лучи звезды. За атмосферой искрилась корона звезды, мелькали сполохи зодиакального света. Ночь планеты была не совсем непроглядной. Над полюсами разноцветными знаменами вытянулись сияния; атомы и ионы расщепленных лучами звезды молекул светились голубоватым светом, соединяясь в самые странные комбинации; молнии, пронзавшие плотную завесу облаков внизу, напоминали болотные огоньки; то здесь, то там взгляду открывались алые жерла вулканов. На экране ближнего вида планета представлялась как будто расщепленной на куски. На одном экране виднелся новорожденный океан, на другом маячила только что появившаяся горная цепь. Фолкейну показалось, что он слышит вой ветра, рев дождя и раскаты грома, что он ощущает, как ходит ходуном там, внизу, земля и в пылающее небо взлетают, увлекаемые вихрями, громадные валуны. Прошло много времени, прежде чем он смог оторваться от экрана.

Но нужно было работать. От вахты к вахте у Фолкейна оставалось все меньше и меньше благоговейного восторга по мере того, как он все больше и больше узнавал о планете. А вместе с восторгом исчезала и слабость, от которой он после заключения в замке никак не мог избавиться. Жажда крови осталась, но он загнал ее глубоко в подсознание, чтобы она не мешала работе. То, что он наблюдал, было, пожалуй, уникальным событием в галактике — может быть, даже во всей Вселенной — и полностью захватило его. Как правильно определили лемминкяйнениты, планета была очень древней. Она давно уже лишилась большей части своего естественного излучения, и холод пробрал ее до самого ядра. Однако, судя по магнетизму, какая-то часть коры осталась в расплавленном состоянии. Это громадный объем тепла, скрытый под мантией, под корой, под замерзшими океанами, под одеялом застывшей атмосферы, толщиной в среднем где-то метров десять-двадцать, рассеивался

очень медленно. Правда, температура на поверхности в течение веков едва-едва превышала абсолютный нуль.

Теперь криосфера начала растворяться. Ледники превратились в бурные реки, которые вскоре закипели и стали штормовыми ветрами. Озера и моря, тая, перераспределяли огромные массы. Давление внутри планеты изменилось, изостатическое равновесие нарушилось. Перемещение слоев, изменение аллотропической структуры высвободило катастрофическую, плавающую скалы энергию. Планетотрясения коржили сушу и заставляли бурлить воды. Тысячами пробуждались вулканы. Из-под оставшейся еще ледяной корки взлетали в небо гейзеры. Метели, дождь, град — все это одновременно обрушивалось на планету изо дня в день, гонимые ветрами такой силы, в сравнении с которыми ураган казался просто легким бризом. Зависнув в космосе, Фолкейн и Чи Лан наблюдали великую битву конца света.

Но все равно — все равно — это была добыча! Это невероятный приз!

ГЛАВА 12

— Раз на друзей не обижаются, — заметила Чи Лан, — то вот что я хочу тебе сказать: по-моему, ты чокнулся. На что тебе сдался этот кусок ада?

— Это тебе объяснит даже такой дурень, как я, — сказал Фолкейн. — Здесь будет промышленная база по переработке элементов.

— А поближе к дому это делать нельзя?

— Только в крайне ограниченных — с учетом потенциального рынка — масштабах. — Фолкейн налил себе виски и откинулся на спинку кресла, переваривая обед. Он чувствовал, что заслужил несколько часов отдыха. Завтра им предстояло высадиться на планету, ибо исследования с орбиты они завершили, и кто знает, как там повернутся дела.

— Как насчет картишек?

Цинтианка, сидевшая на столе, покачала головой.

— Нет уж, спасибо. Я еще не отошла от прошлого раза, когда мы играли вчетвером, и Тупица загреб себе кучу денег, научившись блефовать по-крупному. А без Эдзела нам с ним вообще не справиться. Он сдерет с нас последние шкуры. — Она погладила свой пушистый мех. — Займись делом, ты. Я ксенолог. Меня никогда не интересовали ваши паршивые фабрики. Я хочу, чтобы мне толком объяснили, ради чего я должна рисковать своим хвостом.

Фолкейн вздохнул и отпил из своего стакана. Он мог бы побиться об заклад на что угодно, что Чи не хуже его понимает, в чем тут дело. Но для нее, выросшей в другой среде, воспитанной на иной

культуре, этого недостаточно. Интересно, что он такое упустил и что заметила она.

— Во всех подробностях я тебе объяснить не смогу, — сказал он, — да это и не нужно. Здесь вполне хватит общего представления о ситуации. Понимаешь, нет такого элемента в периодической таблице, нет такого изотопа, который не нашел бы себе применения в современном производстве. А когда твои заводы расположены на сотнях планет, тебе уже наплевать, что материал, скажем, следует расходовать аккуратно, ибо его не так уж много. Общая потребность в этом возрастает как минимум до нескольких десятков тонн в год, а максимум — до мегатонн!

В природе эти элементы в достаточном количестве не существуют. Даже на планетах, расположенных вблизи звезд, где, вроде бы, налицо все необходимые условия, процесс превращения сопровождается малым выходом ядер. Возьми для примера рений или скандий — эти металлы входят во многие сплавы и полупроводники. Ты не слышала об открытии месторождения на Мауи? Это было лет двадцать назад. Одно из самых известных. Шуму было! И что в результате? За три года выбрали все, что можно, и разбежались. А цена на металл подскочила снова.

Потом есть еще нестабильные тяжелые элементы и короткоживущие изотопы легких. Они тоже настолько редки, что можно обшарить половину Вселенной и ни шиша не найти. А если нашел, так нужно ведь еще добыть их, а потом доставить домой... Короче говоря, цена все растет.

Фолкейн снова приложился к стакану. Он так давно не пил ничего крепкого, что от этого виски и коктейля перед обедом да еще и вина за столом у него развязался язык.

— Но опять же, цены так высоки не только из-за редкости того или иного элемента, — продолжал он. — Некоторые проекты мы вынуждены отвергать потому, что у нас нет достаточного количества материалов для их осуществления. Например, мы гораздо успешнее могли бы исследовать пространство — со всеми вытекающими отсюда последствиями, — если бы нам удалось получить достаточное количество гафния для создания соответствующих полиэнергетических блоков; из этих блоков потом мы могли бы сделать компьютеры, которые могли бы пилотировать гораздо больше звездолетов, чем мы имеем сейчас. Еще примеры нужны?

— Н-нет. Мне уже и самой кое-что пришло в голову, — сказала Чи. — Но ведь любой элемент можно изготовить по заказу. Так и делают. Я сама, своими собственными паршивыми глазами видела эти паршивые заводешки!

— Чем это ты занималась ночью, что у тебя глаза запаршивели? — поддел ее Фолкейн. — Да, ты права. Но изготавливаются-то они в таких незначительных количествах, что еле-еле удовлетворяют спрос. А если построить большой завод, его радиоактивные отходы быстренько стерилизуют ту планету, на которой он находится. Не

говоря уже о расходе энергии. Представь себе, какое количество тепла излучается при экзотермической реакции. Но ведь то же самое происходит и при эндотермической... правда, не напрямую, а через источник питания, с помощью которого возникает реакция. Не забудь, это все ядерные процессы. Е равно эм-це квадрат. Один грамм разницы между сырьевым материалом и конечным продуктом означает высвобождение тепла в объеме девять на десять в тринадцатой степени джоулей. Завод, который вырабатывает в день несколько тонн элементов... Влей в его охлаждающую систему хоть целую Амазонку, все равно вся влага испарится. Сколько лет Земля оставалась слишком горячей для жизни? Лет десять? А любой другой мир, на котором есть жизнь? Потому-то мы и не можем использовать для своих целей ни один из таких миров, не важно, есть на нем разумные существа или нет. Эти миры слишком большая ценность сами по себе — не говоря уж о галактическом законе, общественном мнении и правилах хорошего тона.

— Понятно, — протянула Чи. — Вот, значит, почему большая часть этих заводиков ютится на мелких планетах, где почти нет воздуха. Понятно.

— Им приходится устанавливать теплообменники, чтобы подогреть планетонид, — заметил Фолкейн. — А сие — дорогое удовольствие. Вдобавок, это налагает определенные ограничения на размеры такого завода и связывает руки предпринимателям.

— Мне все это в голову не приходило, — сказала Чи. — Но разве нельзя выбрать, так сказать, стерильный мир — какую-нибудь новую планету, где еще не зародилась жизнь, но где есть атмосфера и гидросфера, которые обеспечат необходимое тепло?

— Нет, потому что такие планеты кружат вокруг звезд и подходят к ним уж очень близко, — ответил Фолкейн. — Ведь иначе атмосфера бы замерзла, правильно? Если они движутся по большой орбите, то на них могут сохраниться в газообразном состоянии водород и гелий. Но с водородом одно мучение. Он заполняет пространства между молекулами любого защитного материала и так убыстряет ядерную реакцию, что только держись. Поэтому нужна планета вроде Земли или Цинтии, с достаточно плотной атмосферой, в которой нет водорода в свободном состоянии, и с большим количеством воды. Вот. Я уже сказал, когда атмосферу планеты припекает близко расположенная звезда, то перерабатывающий завод любого размера эту планету просто поджарит. Что толку в реке, если вода в ней превратилась в пар? О, в свое время предлагали вывести на орбиту вокруг такой планеты пылевое облако. Но это облако улавливало бы и порождаемое самой планетой тепло. Расчеты эффективности показали, что эта затея никогда себя не окупит. А потом, не забывай, что вокруг новообразованных тел плавают много всякого хлама. Если в твою планету врежется приличных размеров астероид, то всей промышленности придет каюк.

Фолкейн промочил горло.

— Естественно, — продолжал он, — когда были открыты планеты-бродяги, задумались над тем, а нельзя ли их использовать. Но на них было уж слишком холодно. При температурах, близких к абсолютному нулю, начинают твориться странные вещи. Прежде чем поставить на какой-то бродяге завод, нужно разработать совершенно новую технологию. Но даже в этом случае толку было бы чуть. Не забудь, ведь в качестве охладителей требуется вода в жидком состоянии и газообразная атмосфера. А всю криосферу растопить не удастся — по крайней мере, в пределах исторического времени. В общем, какой завод не построй, расход энергии будет чересчур велик. Прикинь на досуге, сколько получится. По моим подсчетам, примерно столько, сколько Земля получила от Солнца за несколько веков. — Фолкейн положил ноги на стол и поднял стакан. — И примерно столько же, сколько получит наша планетка на своем пути к Бете Креста и дальше, — закончил он, допил то, что было в стакане и налил себе еще.

— Не задирай нос, — бросила Чи. — Ты-то здесь причем? Тоже мне, всемогущий творец! И где тебя только раскопали?

Фолкейн улыбнулся.

— Ты предпочла бы Эдзела? Или Тупицу? А может, Старого Ника? Нет, ты только вдумайся: сотворение мира ради получения прибыли! Ну ладно, теперь тебе должно быть ясно, какие перед нами открываются перспективы, если только дела пойдут, как задумано, а это все более и более вероятно. Лет, наверное, через десять эта планетка успокоится. Света на ней будет не больше, чем на твоей Цинтии — или на Гермесе; холодные скалы поглотят излишки тепла, температура начнет падать, но достаточно медленно. Можно будет приниматься за строительство заводов по заранее заготовленным планам. Все операции будут на ней автоматизированы. Раз уж атмосфера все равно ядовитая, то на радиоактивные отходы всем будет наплевать.

Постепенно установится равновесие. Поверхность планеты потеплеет. Представляешь, каждый день на горах выдаются тонны еще недавно редких элементов, заводы работают во всю... — Нарисованная им картина захватила Фолкейна; несмотря на весь свой опыт, он во многом оставался мальчишкой. — А причиной всему мы! — воскликнул он, стукнув кулаком по ладони.

— Надеюсь, нам хорошо за это заплатят, — сказала Чи. — Будет лучше, если нам хорошо заплатят.

— Заплатят, заплатят, — пробормотал Фолкейн. — Деньги, их будет много: кучи, горы. Если мы получим разрешение на строительство, денег будет невпроворот. Особенно, если компании удастся доказать, что планета наша — по праву первооткрывателей. Мы их всех обставим.

— Ты имеешь в виду конкурентов? — уточнила Чи. — Или тех, неизвестных врагов нашей цивилизации? Мне кажется, от последних вполне можно ждать какого-нибудь подвоха. Та промышленность, о

которой ты тут разливался соловьем, она ведь запросто может быть использована для военных нужд. Разве не так?

Период обращения планеты вокруг своей оси составлял немногим более тринадцати часов. Она была наклонена к плоскости своей орбиты на одиннадцать градусов. «Сквозь Хаос» устремился к полярному кругу. День там значительно короче, чем в каком-либо другом месте планеты, да и вообще условия там как будто помягче.

Когда звездолет, облетев планету, устремился вниз, Фолкейн даже вздрогнул. Он несколько раз мельком видел дневную сторону планеты, но основное внимание уделял тогда все-таки приборам. Да и Бета Креста была тогда не так близко. Бродяга двигалась со все возрастающей скоростью и скоро уже должна была обогнуть голубого гиганта. Сейчас планета находилась немногим дальше от звезды, чем Земля от Солнца.

Небо над бродягой было ослепительно ярким. Ниже клубились облака, то белые, то серые, пронзаемые молниями, то черные, там, где смешивался с ними дым вулканов. Сквозь них то и дело проглядывали каменистые равнины, их бичевали ужасные ветры, заливали дожди, корежили планетотрясения; по горным склонам каскадами ниспадали тающие ледники. Испарения закрывали едва ли не половину континента, превратились под воздействием холодного воздуха в туман, а потом могучий торнадо рассек их массу пополам, и стая ветров понесла обрывки в разные стороны. На поверхности свинцово-серого океана сталкивались айсберги, каждый размером с порядочный остров, и чудовищные волны мгновенно погребали под собой их обломки. Когда звездолет вошел в верхние слои атмосферы, корпус его стал вибрировать. На носовом экране можно было рассмотреть скопление грозовых туч.

Фолкейн пробормотал сквозь зубы:

— Я все ломал голову, как нам назвать эту планету. Теперь я знаю как...

Но продолжить он не успел — звездолет оказался в самом центре грозы. Внутренние силовые поля удерживали гравитацию на постоянном уровне, но не могли стабилизировать корабль, который швыряло как щепку. Пилотирование корабля в таких условиях требовало полного внимания, и Тупица «с головой» ушел в это занятие. Фолкейн не отводил взгляда от приборов, пытаясь хоть как-то разобраться в бешеной пляске стрелок, как вдруг до него сквозь раздирающий барабанные перепонки рев донесся голос компьютера:

— В тропических регионах планеты небо в утренние часы обычно бывает чистым. Но наблюдения показали, что затем это состояние сменяется штормовыми ветрами, скорость которых превышает пятьсот километров в час и ежедневно возрастает. Я хотел бы заметить, что посадка на такой территории уже становится опасной

и что в любой момент она может стать просто невозможной даже для хорошо оснащенного звездолета. Условия в полярных областях практически подтверждают результаты предварительных наблюдений. В Антарктике идет сильный дождь, сопровождаемый сильными шквалами. В районе северного полюса сравнительно холодно: мощный атмосферный фронт, продвигаясь к югу, оставляет за собой довольно спокойную зону. Посадку предлагается совершить на широте чуть ниже полярного круга с отклонением в несколько минут от линии рассвета, на той части большого северного континента, которая как будто не подвержена наводнениям и которая, судя по тектоническим данным, скорее всего, остается стабильной.

— Отлично, — заключила Чи Лан. — Молоток. Я только опасаюсь за твои логические цепи: как бы ты не перестарался. Поэтому к чертям обработку данных! Прикинь-ка лучше, как бы нам помягче сесть.

— Для правильной ориентации в данных условиях и для обеспечения безопасности экипажа постоянная обработка данных необходима, — отозвался Тупица. — Однако я уже перестал учитывать факторы, которые прямо не относятся к текущему моменту, например, такие, как спектр отражения световых лучей различными участками ледяного поля. Следует отметить... — Продолжения Фолкейн не услышал: на какое-то время он просто оглох от особенно сильного раската грома.

Звездолет пробился сквозь снеговые тучи и очутился как будто в другом мире. Его окружала непроглядная ночь. Лучи сканнера выдали на экран изображение гористой местности.

Управляемый компьютером корабль на долю секунды завис над поверхностью планеты — и сел.

Фолкейн несколько раз глубоко вздохнул.

— Выключи внутренние силовые поля, — приказал он и выбрался из кресла. Сила тяжести на планете была больше земной процентов на пять, а Дэвид привык и к куда большей разнице. Но тишина прямо-таки давила на него. Он постоял немного, стараясь расслабить сведенные напряжением мышцы, потом повернулся к экрану.

Звездолет сел среди темных, неприветливых скал. На севере и на востоке видны были горные цепи. Восточный край начинался всего лишь километрах в четырех от корабля: его утесы были испещрены белыми пятнами ледников. Облака ушли далеко на юг, и в холодном небе ярко сверкали чужие, непривычные глазу созвездия. То и дело мелькали метеоры: как и другие большие и лишенные собственных планет звезды, Бета Креста была окружена всяким космическим мусором. Над скалами алела заря, на юго-востоке небо уже было полно предвкушением утра.

Фолкейн проверил показания наружных датчиков. Атмосфера

для дыхания непригодна — окись и двуокись углерода, метан, сероводород, аммиак и прочие прелести. Имелось, правда, и чуть-чуть кислорода. Но толку от него при минус 75 градусах по Цельсию было немного. А почва — так та промерзала до минус 200. В тропиках было чуть теплее. Однако температура на всей планете изменится от смертельной до комнатной только через несколько лет — ускорить этот процесс бессилён даже голубой гигант, да и то она будет резко и сильно меняться. Да, ну и погодка здесь будет!

— Выйду-ка я, пожалуй, — сказал он. Тишина была такой глубокой, что он невольно понизил голос почти до шепота.

— Лучше я. — Чи Лан тоже выглядела подавленной.

Фолкейн покачал головой.

— По-моему, мы уже решили этот вопрос. Я могу захватить с собой больше снаряжения и больше успехов сделать. И потом, кому-то надо оставаться в корабле — мало ли что. Потерпи до следующего раза: мы с тобой возьмем грависани и осмотрим местные достопримечательности.

— Постарайся, чтобы этот следующий раз наступил поскорее, пока я не ошалела тут взаперти, — резко ответила она.

«Ну, вот, это уже больше похоже на наши обычные разговоры». — На душе у Фолкейна потеплело. Он прошёл в шлюз, где находились скафандр и инструменты. Чи помогла ему облачиться в доспехи. Один люк закрылся, другой открылся — и вот Дэвид уже стоит на пороге неизведанного мира. Мира очень-очень древнего, но переживающего сейчас свое второе рождение.

Фолкейн глубоко вдохнул отдающий химикалиями воздух из баллона и двинулся в путь. Движения его были немного неуклюжи, он то и дело спотыкался и проклинал толстые подошвы своих башмаков. Однако без них он, вероятнее всего, не смог бы сделать и шага. Стояла такая холодина, что, будь Фолкейн в обычных башмаках, прежде чем он понял бы, что происходит, ноги его начисто отмерзли. Даже в этих башмаках время его пребывания вне корабля было очень ограниченным.

Света все прибавлялось — наступал день. Это Фолкейна не особенно смущало: скафандр позволял оставаться около получаса на обращенной к Бете Креста стороне планеты.

— Как дела? — Голос Чи Лан был едва слышен в наушниках из-за треска помех.

— Как сажа бела, — отозвался Фолкейн, доставая из запячного мешка счетчик Гейгера. Так, радиоактивность почвы слабая. Наверное, постарался солнечный ветер, пока у бродяги не было атмосферы (хотя и теперешний тонюсенький озоновый слой — не Бог весть какая защита). Ну, не беда, люди со своими приятелями быстренько все это исправят. Фолкейн забил в почку стержень нейтронного анализатора и продолжил путь.

Интересно, что это за камень? Он отбил кусок обнажившейся породы.

Бета Креста поднялась над горизонтом. Самозатемняющийся лицевой щиток скафандра стал почти черным. По горам пошло гулять эхо грохота лопающихся ледников, над скалами поднялся пар.

Фолкейн выбрал место для акустической пробы и принялся собирать треножник-анализатор.

— Не особенно возись, — встревоженно предупредила Чи. — Мне что-то не нравится радиационный фон.

— Мне тоже, — отозвался он. — Но ведь мы хотим знать, что там, под поверхностью, правда?

Дело продвигалось медленно. Светофильтры затрудняли настройку прибора, а убрать их он не мог, так как неминуемо бы ослеп. Он крепко выругался, провел языком по губам и снова склонился над прибором. Когда анализатор, наконец, начал передавать на корабль данные, Фолкейн вдруг обнаружил, что полчаса уже давно истекли.

Он двинулся обратно. Звездолет выглядел необычно маленьким на фоне высоких горных пиков. Зной накатывался на Фолкейна волнами, словно Бета Креста задалась целью пробиться сквозь его скафандр. Пот лил с него градом, белье насквозь промокло, и от него неприятно пахло. А ноги между тем уже так замерзли, что заломило кончики пальцев. Фолкейн обхватил себя за плечи и, преодолевая тяжесть скафандра и амуниции, запрыгал к кораблю.

Вдруг за спиной раздался грохот. Он круто обернулся: одна из скал треснула, и из вершины ее теперь бил фонтан. Мгновение — и его швырнула на колени взрывная волна. Он кое-как выпрямился и побежал. Ему вдогонку устремился поток — самый настоящий сель.

Поток настиг Фолкейна на полпути к звездолету.

ГЛАВА 13

Инстинктивно он бросился навзничь и успел сжаться в клубок за секунду до того, как сель захлестнул его. Он очутился в ревящем мраке; течение неудержимо влекло вперед, о скафандр то и дело ударялись камни и куски льда. Голова колотилась о стенки шлема. Удар следовал за ударом — постепенно Фолкейн начал терять сознание.

Потом движение замедлилось и вскоре остановилось совсем. Фолкейн смутно осознавал происходящее, но все-таки определил, что погребен под селевой массой. Колени по-прежнему поджаты к животу, руки закрывают лицевой щиток. Боль пульсировала во всем теле, он попытался шевельнуться. Ничего не вышло. Его охватил ужас, он закричал, напрягся — бесполезно. Сель держал крепко — он так и остался лежать в этой позе еще не родившегося ребенка.

Началось замерзание. Тепловое излучение — ерунда по сравнению с теплопроводностью, особенно когда есть такая масса, которая впитывает в себя каждую калорию. Фолкейн еще не до конца пришел в себя, а нагревательные спирали скафандра уже израсходовали всю

свою энергию. Шевельнуться он не мог. Он попытался было вызвать корабль, но передатчик как будто отказал. Мертвая тишина в наушниках, сплошная темнота вокруг и холод — прямо-таки зверский холод.

Мелькнула мысль: я беспомощен. Что ни делай — ничто уже не спасет. Ужасное ощущение, однако.

За ней другая: ну уж, по крайней мере, думать-то я могу. Могу думать, могу вспоминать — как свободный человек. А потом снова вернулись тишина, чернота и холод.

Он крепко стиснул зубы, чтобы они не стучали, решив — будь что будет, но панике он не поддастся.

Когда сознание лишь слабой искоркой теплилось в нем, ледяная масса вдруг ослабила свою хватку. Лед таял не только вокруг Фолкейна — он таял по всей долине. Сквозь завесу испарений пробилась и будто огнем ожгла глаза Бета Креста. А над долиной медленно кружил «Сквозь Хаос», полосуюя снега тепловым лучом малой мощности. Когда сканнеры звездолета обнаружили Фолкейна, из корпуса корабля вырвался гравилуч. Человека втянуло внутрь через грузовой люк. Чи Лан встретила его отборными ругательствами.

Часа два спустя Фолкейн сидел на своей койке, держа на коленях тарелку с супом, и с невинным видом поглядывал на Чи Лан.

— Со мной уже все в порядке, — сказал он. — Вот только посплю ночную вахту и снова стану самим собой.

— Вот уж не надо, — фыркнула цинтианка. — Будь я настолько тупоголовой, чтобы отправиться на разведку без гравипояса, я, пожалуй, заменила бы себя на новую модель.

Фолкейн рассмеялся.

— Ты ведь мне этого не предлагала, — сказал он. — А если б я его надел, то меньше взял бы приборов. Что вообще произошло?

— Инг-нг-нг... насколько мы с Тупицей поняли, этот ледник — не замерзшая вода. По большей части это сухой лед, углекислый газ в чистом виде... ну, и другие газы в гораздо меньшей пропорции. Температура постепенно возросла до точки сублимации или даже чуть превысила ее. В массиве ледника стали накапливаться напряжения, в пустотах — газы. В результате часть ледяного поля разнесло взрывом, а другая — превратилась в сель. Если бы мы только догадались проверить спектры отражений и показания термозлемента!

— Что сейчас говорить, — прервал ее Фолкейн. — Между прочим, я себя виноватым не чувствую. В конце концов, у нас головы не резиновые. Никто не может помнить все на свете. Нам ведь так суждено — учиться методом проб и ошибок.

— Причем желательно, чтобы в это время рядом стоял кто-нибудь, готовый бросить веревку.

— Угу. Может, мы с тобой и разведчики «Космофлота», но в

данных обстоятельствах таковыми не являемся. — Фолкейн хохотнул. — Кстати, имя для планеты я как будто придумал в самом деле подходящее. Сатана.

— Что это значит?

— В одной из наших земных религий это имя противника Бога, прародителя зла.

— Но ведь любому разумному существу должно быть ясно, что Бог сам... впрочем, это так, ерунда. Вообще-то я считала, что люди уже перебрали всех мифических персонажей. Точно-точно, я помню, Сатана уже был.

— Да? Не припоминаю. Есть Люцифер, есть Ариман, есть Локи, есть... Черт с ними. Легендарный Сатана правил подземным миром огня и льда и развлекался тем, что придумывал муки для грешных душ. По-моему, подходит.

— Если он из тех богоборцев, с которыми я сталкивалась, — заметила Чи, — он сделает тебя богатым. Но потом почему-то всегда обнаруживается, что лучше было бы с ним не связываться.

Фолкейн пожал плечами.

— Поживем — увидим. Кстати, где мы сейчас?

— Летим над ночной стороной, фотографируем и берем анализы. Я не вижу причины болтаться здесь. Когда мы доложим о том, что выяснили, ван Рийн до потолка подскочит от радости. Мы ему скажем, что криосфера распадается и что лет через десяток здесь вполне можно начинать строиться. Надо смываться, Дэви, тут с каждым часом становится все опаснее.

Как бы в подтверждение ее слов звездолет вдруг клюнул носом, обшивка корпуса задребезжала. Корабль угодил в шторм, продолжавшийся всего минуту или две. «Однако, — подумал Фолкейн, — какой же силы должен быть этот шторм, чтобы накренить звездолет, движимый термоядерной энергией, защищенный силовыми экранами, направляемый датчиками и ведомый компьютером, который способен преодолевать громадные расстояния и противостоять практически любому противнику?»

— Согласен, — сказал он. — Давай задержимся еще на сутки... соберем, какие сможем, данные и... рванем домой. Подробности пусть изучает кто-нибудь другой. Все равно придется посылать сюда боевую группу, чтобы отстоять наши права.

— Чем скорее Старый Ник узнает об этом, тем лучше. — Чи взмахнула хвостом. — У нас будет куча неприятностей, если здесь обнаружатся вражеские пикеты.

— Не переживай, — сказал Фолкейн. — Скорей всего, наши уважаемые противники живут очень уж далеко — даже разведчиков и то не прислали.

— А ты уверен, что пока мы летели сюда, они уже не обследовали планету? — спросила Чи медленно.

— Тогда бы мы с ними столкнулись. Перелет у нас занял недели две, работой мы занимались чуть больше. С делами справились

быстро, потому что нас только двое и потому еще, что нас поджигает время. А противникам нашим спешить некуда — они ведь не знают, что мы сели им на хвост. — Фолкейн почесал подбородок, отметив, что не мешало бы воспользоваться кремом-эпилятором. — Разумеется, возле планеты могли крутиться их наблюдатели. Заметили наше приближение — и побежали домой, за папочкой. Не иначе, он уже несется сюда, прихватив толстую палку. — Фолкейн нарочито громко спросил: — Ты ведь не обнаружил никаких звездолетов, а, Тупица?

— Нет, — отозвался компьютер.

— Хорошо. — Дэвид откинулся на подушки. На корабле имелись приборы, способные регистрировать длящиеся буквально доли секунды флуктуации пространства, возбуждаемые работающим двигателем, на расстоянии в световой год, что соответствовало теоретическому пределу для подобных устройств. — Я едва ли ожидал...

— Потому что мои детекторы выключены, — пояснил Тупица.

Фолкейн вздрогнул и резко выпрямился. Суп выплеснулся из тарелки прямо на Чи Лан, которая вскочила с отчаянным воплем.

— Что?! — воскликнул он.

— Сразу после выхода на орбиту мне было приказано вести наблюдение за планетой, — напомнил ему Тупица. — Отсюда следовало, что компьютер может временно оставить без внимания приборы, направленные в космическое пространство.

— Ах ты, Иуда термоядерный, — простонал Фолкейн. — А я-то думал, что ты у нас действительно голова! Что сделали с тобой эти горе-ремонтники с Луны?

Чи по-собачьи встряхнулась, во все стороны полетели капли супа.

— Я-т'инчай-урх! — бросила она. Переводу эта фраза не подлежала. — Ну так включай эти чертовы детекторы!

Воцарившаяся тишина была просто невыносимой. Вещи в каюте Фолкейна — фотографии, книги, магнитофон, кассеты, проектор, полуоткрытый шкаф, битком набитый элегантными костюмами, несколько сувениров, оружие, стол, заваленный ожидающими ответа письмами, — стали вдруг такими маленькими, хрупкими, милыми. Человек и цинтианка прижались друг к другу, даже не заметив этого; ее когтистая лапа легла ему на руку.

Компьютер с расстановкой произнес:

— Обнаружены двадцать три отдаленных источника пульсации. Движутся по направлению от Циркуля.

Фолкейн напрягся. Мозг его лихорадочно заработал: «В той стороне никто из тех, кого мы знаем, не живет. Наверное, они направляются сюда. Точно можно будет сказать, когда определим их курс. Или подождать? Но ведь сто процентов за то, что это враги!»

Словно за тридевять земель он услышал шепот Чи Лан:

— Двадцать... разрази их гром... три. Это оперативная группа! Если только... Что ты еще можешь сказать?

— Соотношение сигнала и уровня шума показывает, что они находятся на расстоянии в половину светового года отсюда. — Голос компьютера оставался таким же бесстрастным, как всегда. — Производная по времени свидетельствует, что они движутся на скорости, которая вряд ли является разумной при сближении со звездой типа Бета Креста, учитывая то, что последняя окружена необычайно плотным облаком из газов и твердых частиц. Соотношение амплитуд отдельных сигналов как будто подтверждает гипотезу об эскадре, во главе которой довольно большой звездолет, примерно равный по размерам боевому крейсеру Лиги. Кроме того, в нее входят три легких крейсера, или похожих на них корабли, и девятнадцать маленьких, но более быстрых кораблей. Это, разумеется, предварительные выводы, основанные на предположении, что звездолеты действительно боевые и что они движутся в нашем направлении. Даже при таких допущениях вероятность ошибки настолько велика, что в настоящий момент более точную оценку произвести невозможно.

— Если мы их дождемся, — глухо проворчала Чи, — можно смело писать похороны. Насколько я понимаю, если это флот наших врагов, то его командир вряд ли пригласит нас на чай. — Она отодвинулась от Фолкейна. — Ну, что будем делать?

Человек вздохнул. Он ощутил, как повлажневшие было ладони снова стали сухими, как вернулось к размеренному ритму сердце, как бежал из души страх.

— Мы не можем находиться ни на Сатане, ни рядом, — сказал он. — Они обнаружат нас с помощью нейтринных детекторов и, разумеется, уничтожат. Остается только на обычных гравитационных двигателях выйти на более близкую к звезде орбиту и уповать на то, что ее излучение скроет нас до тех пор, пока гости не уберутся восвояси. Но это тоже не выход. Вряд ли они улетят раньше, чем мы получим смертельную дозу радиации... если они вообще улетят. Можно еще выйти на сильно удаленную от Беты орбиту. Радиационный фон там небольшой, и наши двигатели можно будет засечь, но хочется думать, что никому не придет в голову направить детекторы в нашу сторону. Нет, и это не годится. Мы просто застрянем тут, не имея возможности связаться с домом.

— Но ведь мы можем отправить сообщение в капсуле. Их у нас целых четыре, — подумала вслух Чи. — Нет, две, другие две мы разбили, чтобы достать конденсаторы для первых — иначе они не достигнут Солнечной системы или любого другого места, из которого можно с нею связаться. Да, у нас есть две капсулы.

Фолкейн покачал головой.

— Слишком медленно. Их наверняка заметят...

— Вряд ли. На них же не ядерные генераторы, в конце-то концов.

— Применяемые «Космофлотом» детекторы могут обнаружить

летающую на гипердвигателе капсулу, притом на таком расстоянии, до которого нашим ящикам, Чи, еще пыхтеть и пыхтеть. И потом, что это вообще за штука? Простая трубка с обычным двигателем, в нее встроен роботпилот, который едва способен выполнить программу, и передатчик, который при полете к дому начинает верещать: «Вот он я, берите меня!» Ее кто угодно догонит, разнесет в клочки или просто перехватит.

Цинтиянка расслабилась. Свыкнувшись с фактом, она обрела способность рассуждать так же холодно, как Фолкейн.

— Ты что, предлагаешь, чтобы мы сами попытались счастья? — спросила она. — Эта мысль мне нравится. Но что если хоть один из этих кораблей нас догонит?

— Это не так-то просто, — отозвался он.

— Боевые корабли летают все-таки быстрее.

— Знаю. Да, исход сомнителен. Но слушай. — Дэвид подался вперед, уперев руки в колени. — Не важно, у кого из нас окажутся длиннее ноги. В конце концов, какая разница, устраивать гонки на двести световых лет или на полгода? Мы рискуем немногим больше, если пойдем им навстречу. Зато сможем что-нибудь узнать, что-то сделать или... ну, не знаю что. Но главное не в этом. Если мы пойдем к ним навстречу на гиперках, как следует встряхнув космос, то отлет маленькой капсулы останется незамеченным. К тому времени, когда кто-нибудь сможет различить наши следы, она будет уже далеко... Так что пускай с нами случается что угодно, но дома нашу информацию получают. Навредим врагу хотя бы этим!

Чи некоторое время молча разглядывала его. Потом пробормотала:

— Сдается, в тебе говорят эмоции. Но звучит убедительно.

— Тогда готовься, — заключил Фолкейн. Он вскочил, но тут же пошатнулся: закружилась голова. Он оперся о переборку. Заболеть сейчас — непозволительная роскошь. Лечиться некогда. Пилули будем глотать потом, если выживем.

Из памяти все не шли последние слова Чи. Она, конечно, права. Во мне говорит злость. Я хочу отомстить за то, что они сделали со мной. Фолкейн судорожно слотнул. А может, это страх?.. Боязнь, что они снова сделают со мной то же самое?

Ничего, до этого я двадцать раз успею умереть. Но не один. Я и кое-кого из них захвачу с собой... к Сатане!

ГЛАВА 14

Призрачно мерцали мириады звезд; Бета Креста среди них была лишь чуть ярче остальных. Млечный Путь надвое рассекал черноту неба, холодным светом сверкали ближние галактики. Звездолет Лиги двигался навстречу неизвестным кораблям.

Фолкейн расположился за капитанским пультом и под бормо-

танье двигателей разглядывал противника на обзорном экране. Чи Лан находилась на корме, в центре управления огнем. Отдать компьютеру приказ и получить от него информацию можно было из любого отсека судна, так что разлучаться особой надобности не было. Они сделали это лишь на случай атаки, да и то — разделял их только набитый электроникой корпус звездолета. Однако одиночество угнетающе действовало на Фолкейна. Он надел под скафандр парадную форму вместо обычного комбинезона скорее для того, чтобы бросить вызов обстоятельствам, чем из дипломатических соображений.

Щиток шлема он все еще не опускал. Оторвавшись от экрана, Фолкейн перевел взгляд на приборы. Его мозг не мог воспринять и проанализировать, подобно компьютеру, данные во всей их полноте. Но в обстановке в целом разобрался бы любой мало-мальски опытный пилот.

«Сквозь Хаос» двигался по кривой, которая вскоре должна была вывести его на курс перехвата одного из кораблей противника. Его наверняка обнаружили в тот самый момент, когда заработали гипердвигатели. Но вражеская эскадра продолжала свое движение, словно не замечая звездолет, притом таким плотным строем, который не одобрил бы ни один адмирал галактического «Космофлота».

Походило на то, что свобода действий у чужаков — это привилегия командира соединения. Эскадра его единым целым мчалась вперед, не снижая скорости.

Фолкейн облизал губы. По спине струился пот.

— Проклятье! — воскликнул он. — Им что, вовсе не интересно, кто мы такие?

Похоже, дело обстояло именно так. Во всяком случае, пока чужаки никак не реагировали на сигналы их корабля. Быть может, они просто дадут звездолету Лиги пройти сквозь свой строй. А может быть, замышляют нападение, когда «Сквозь Хаос» окажется в пределах досягаемости, — нападение настолько быстрое, что у Фолкейна с Чи Лан не останется времени изменить фазу квантовых колебаний и сделать свой корабль «прозрачным», — когда любой снаряд, любой луч пронзает насквозь, не причиняя вреда.

— Может, они просто не распознали наш сигнал? — предположила Чи Лан.

Услышав в наушниках голос цинтианки, Фолкейн явственно представил ее себе. Маленькая, пушистая и — сулящая смерть: она настояла на том, что будет вручную управлять одним из орудий корабля.

— Им известно о нас достаточно, раз они сумели забросить к нам шпионов. Стандартные-то коды они знают наверняка, — отрезал Фолкейн. — Попробуй-ка еще разок, Тупица.

Изображение на экранах задрожало и расплылось: причиной этого было незначительное изменение гиперскорости, вызванное работой аутеркома, преобразовывавшего колебания, порождаемые

двигателями, в точки и тире. Систему эту внедрили совсем недавно — Фолкейн мог припомнить такие времена, когда, на заре его карьеры, ему пришлось для передачи сообщения включать-выключать сам двигатель. Текст был предельно прост: «Срочно! Подтвердите готовность к радиосвязи на стандартной частоте!»

— Не отвечают, — доложил компьютер через минуту.

— Ладно, хватит, — сказал Фолкейн. — Чи, может ты мне скажешь, что все это значит?

— Где уж мне! Ведь объяснений здесь сколько угодно, — отозвалась цинтианка. — И в этом вся беда.

— Да уж, особенно когда любая версия может оказаться ошибочной. Культур-близнецов не бывает, хотя, по-моему, всякая цивилизация, освоившая космические перелеты, должна бы... Бог с ним, оставим это. Что ж, они явно не собираются вступать с нами в переговоры. Посему предлагаю не лезть в возможную ловушку. Меняй курс, Тупица. Пойдем параллельно им.

Взрвели двигатели. На экранах поплыли звезды. Поворот закончился, и корабли противника пропали из вида. Должно быть, они вот-вот минуют Стрельца, прикинул Фолкейн.

— Кое-что станет ясно, когда мы проанализируем их «хвосты», — сказал он. — Для этого мы уже достаточно сблизились. Однако следовать за ними до Сатаны вряд ли разумно.

— Мне вообще эта затея не нравится, — отозвалась Чи. — На такой скорости они наверняка свернут себе шеи. А мне свою жалко.

Фолкейн, протянув руку, взял со стола трубку. Она уже успела погаснуть. Он снова разжег ее; привкус табака на губах был сладок, как поцелуй.

— Мы в лучшем положении, — заметил он. — Худо-бедно, а окрестности нам уже знакомы. Мы даже нанесли на карту орбиты нескольких астероидов, помнишь?

— А откуда ты знаешь, что они не выслали вперед разведчиков? Неужели ты думаешь, что они так несутся наобум?

— Да. Кстати, вот еще что. Мне кажется, их звезда — или, быть может, крупная база в другой системе — находится неподалеку отсюда, с космической точки зрения, разумеется. Хотя область Беты Креста едва ли можно назвать исследованной, все же отдельные экспедиции здесь побывали — возьми хоть тех же лемминкяйненитов. Я вот к чему клоню. Голову даю на отсечение, наши молчаливые друзья засекли нейтринный выброс ядерных двигателей, оставленный кораблями одной из этих экспедиций. Это, правда, возможно, на расстояниях до пятидесяти световых лет, но не дальше. Естественно, ты можешь возразить, сказать, что пятьдесят лет назад ядерных реакторов такого типа еще не было и в помине, а если б и были, то нейтринный выброс, случившийся около нашего бродяги, до сих пор странствовал бы в пространстве необнаруженным. Но ведь мимо Беты Креста кто только не летает! Короче говоря, все за то, что эти кораблики прибыли не издалека. Времени-то прошло всего ничего —

серендингсистский звездолет, верно, едва-едва успел сообщить им про планету.

— И они тут же снарядили эскадру, не заботясь о разведке? Быть того не может! А эта эскадра: несется как угорелая и даже не пытается выяснить, кто такие мы!

Фолкейн заставил себя улыбнуться.

— Если уж цинтианка говорит, что события несутся вскачь, то, клянусь остатками моей святости, так оно и есть.

— Но ведь это те же существа... наверное, те же... что организовали «Серендингсити». А это задумка с таким дальним прицелом, рассчитанная на столько лет, что я даже не знаю, с чем ее сравнить.

— В истории человечества подобное случалось, если у вас на Цинтии такого и не было. А ты не забывай, что в это дело замешаны люди, — более или менее люди, скажем так.

Компьютер вмешался в разговор:

— Поступило сообщение.

По экрану побежали точки и тире. Фолкейн прочитал: «Приглашение к переговорам принимаем. Предлагаем встречу в десяти астрономических единицах отсюда, на расстоянии в пятьсот километров друг от друга».

Он не стал ничего говорить Чи — это сделает компьютер. Если Фолкейн и удивился, то на долю секунды. Время не ждет. На Тупицу посыпались приказы: послать подтверждение, лечь на нужный курс, не ослаблять бдительности, следить и за кораблем, который будет выделен для переговоров, и за эскадрой.

— Все корабли изменили курс, — перебил его компьютер. — Очевидно, будут вести переговоры эскадрой.

— Что? — Фолкейн едва не подавился трубкой. — Что за ерунда!

— Вовсе нет, — холодно ответила Чи Лан. — Если они все одновременно выстрелят в нас — нам крышка.

— Может, пронесет. — Дэвид крепче сжал трубку в зубах. — Может, они и не замышляют зла. Ладно, все станет ясно через тридцать секунд.

Все звездолеты выключили свои квантовые генераторы и вышли в релятивистское пространство. За этим последовало неизбежное торопливое вычисление необходимой тяги, чтобы достичь необходимой скорости. Фолкейн предоставил Тупице заниматься кораблем, поручил Чи Лан оборону, а сам сосредоточился на разглядывании чужаков.

Видно было очень немного. Луч сканнера может обнаружить звездолет и выдать на экран его увеличенное изображение, но деталей на таком расстоянии не различить. А детали — это главное, благодаря законам природы существенной разницы между космическими кораблями быть не может.

Фолкейн заметил, что девятнадцать эсминцев — или кораблям конвоя, или как там их еще можно назвать — придана обтекаемая форма. Очевидно, для спуска в атмосферу. Пожалуй, даже слишком обтекаемая, если учесть, что в длину они раза в три превосходят «Сквозь Хаос», но вряд ли значительно шире его. Они походили на застывших угрей. Крейсеры очень напоминали акул из-за вытянутых в длину плавникообразных конструкций, где скорее всего находились либо посты управления, либо лаборатории. Флагман имел форму огромного сфероида; корпус его покрывали какие-то башенки, краны, непонятные сооружения наподобие дотов.

Назначение этих кораблей вполне можно было определить в военно-морских терминах, хотя они и не очень подходили под классификацию звездолетов, принадлежащих Лиге, — суда буквально щетинились всякого рода пушками, ракетными установками, лучевыми орудиями. Фолкейну никогда не доводилось видеть таких нафаршированных оружием кораблей. Если прикинуть, сколько места занимают машины и орудийные погреба... что же, экипажи у них из микробов что ли?

Приборы сообщили, что противник использует силовые экраны, радары, термоядерные установки. Это было неудивительно. Изумляло другое — столь плотный строй. Если они опасаются нападения, почему бы не рассредоточиться? Ведь даже одна боеголовка с зарядом в пятьдесят мегатонн, взорвавшись посреди их кучи, уничтожит как минимум два или три корабля, а остальных пронизет мощным излучением. Быть может, радиация и не причинит вреда компьютерам и другим электронным приборам — все зависит от того, транзисторные у них схемы или нет, — но вот членам экипажа достанется здорово: те, кто выживет, весь остаток жизни проведут в госпитале.

А вдруг чужакам наплевать на рентгеновские лучи и на нейтроны? Но тогда их организмы должны состоять не из протоплазмы. Органическая молекула, сама по себе, или даже стимулированная каким-либо препаратом, способна выдержать излучение только определенного уровня. Но, быть может, они изобрели какой-нибудь экран, способный отражать незаряженные частицы? Может, может, может...

— Ты установил связь с их компьютером или что там у них есть? — спросил Фолкейн.

— Нет, — ответил Тупица. — Они просто замедляют скорость, но если они намерены выйти на орбиту вокруг Сатаны, им все равно пришлось бы это сделать. Нам, очевидно, предлагают подстраиваться под них.

— Хамы! — бросила Чи Лан.

— Когда так вооружен, недолго и охатеть. — Фолкейн опустился в кресло. — Что ж, угостим их тем же блюдом. Отключи мазеры. Пускай сами нас вызывают.

Интересно, подумал он, какой у меня вид с этой трубкой, которая

торчит из раскрытого шлема? А, какой бы ни был! Курить хочется, и все тут. А вот если бы еще кружечку пивка... Но тут он снова вспомнил о вооруженном до зубов противнике, и во рту у него пересохло.

Прежде чем энергетический залп можно будет обнаружить, он уже поразит корабль. Однако защита может и выдержать — ровно столько времени, сколько понадобится «Сквозь Хаос» на включение гипердвигателей. Здесь слишком много неизвестных: мощность этого залпа, место, куда он ударит, и все такое прочее.

Но если чужаки хотят нашей смерти, чего они уходят? Они ведь запросто могут нас догнать — если не большие корабли, то уж эсминцы наверняка. А от девятнадцати преследователей не оторваться, как бы ни старался.

Но если они хотят переговоров, почему сразу не ответили на наш вызов?

Словно угадав мысли Фолкейна, Чи Лан сказала:

— Похоже, отчасти я могу объяснить тебе их поведение, Дэйв. Предположим лишь, что они — очень импульсивная раса. Узнав о Сатане, они направили к ней группу захвата. Причем не исключено, что в тайне от своих сородичей. Мы не знаем, какое у них там общество. Они не имеют представления, что маска «Серендингсити» сорвана, но и не тешат себя особыми иллюзиями на этот счет. В таких обстоятельствах разумные существа вели бы себя осторожно. Они направили бы вперед разведчиков, дождались бы их возвращения, и только потом уже двинулись бы сами. Эти же поступают совершенно иначе. Мчат, понимаешь, как оглашенные и, судя по всему, готовы схватиться с кем угодно. И вдруг они обнаруживают, что их поджидают, они обнаруживают нас. К ним навстречу непонятно с чего кидается какой-то маленький кораблишко. Нам с тобой наверняка пришло бы в голову, что поблизости, где-нибудь около Сатаны, есть и другие звездолеты, побольше, чем этот. Мы, разумеется, тут же попробовали бы связаться с неизвестным суденышком. Но эти существа просто продолжают свой путь. Им все равно, одни ли мы, и потому легко можем быть уничтожены, или не одни, и потому предстоит битва. Им все равно, они не думают ни об отступлении, ни о переговорах. Ни о нас, кстати сказать. В конце концов, мы направляемся к ним. Мы подставляем себя под дула их пушек. А потом вдруг ложимся на параллельный курс! Они решают, что им будет лучше выслушать нас. Или хотя бы попытаться. Может, до них дошло, что мы способны удрать от них. Понимаешь, им для погони за нами придется выделить пару эсминцев — вряд ли им хочется, чтобы на Земле стало известно о появлении тут какой-то неизвестной эскадры. А мне так кажется, у них есть причины сохранять этот строй целиком. Короче говоря, еще одно импульсивное решение — а на последствия, как обычно, начхать!

— Сплошной бред, — возразил Фолкейн.

— Для тебя — может, а для меня нет. Вы, люди, в этом плане

проигрываете цинтианам. Да, мы — мое племя — действуем обдуманно. Но на нашей планете есть и другие племена, у которых считается нормальным вести себя как берсеркеры.

— Но ведь они технологически отсталые, а, Чи? Ну посуди сама, разве можно таким образом править цивилизацией, знакомой с ядерной энергией? Так постепенно утратишь власть, вот и все. Даже Старый Ник вынужден сдерживать себя и прибегать к услугам советников, администраторов, людей всех чинов и сословий. Кривая нормального распределения дает достаточно гарантий того, что осторожных куда больше, чем тех, кто готов...

Фолкейн замолк на полуслове. Замигали лампочки центрального ресивера.

— Они вызывают нас, — сказал он, чувствуя, как у него сводит мышцы живота. — Включить тебе дополнительный экран?

— Нет, — решительно ответила Чи Лан. — Я буду слушать, но про оружие забывать нельзя.

Лучи мазеров скрестились в пространстве. Фолкейн краем уха услышал слова компьютера:

— Передача идет с флагманского звездолета.

Он, не отрываясь, впился в экран.

Человек! Фолкейн едва не выронил трубку. Мужчина, худощавый, чуть тронутые сединой виски, в глубине глаз теплятся огоньки, тускло-коричневый комбинезон... Я должен был догадаться. Я должен был быть готов к этому. На заднем плане виднелась панель управления, подобных которой Фолкейну встречать еще не доводилось. На потолке ярко сияли белые лампы. Фолкейн сглотнул.

— Приветствую вас, Хью Латимер, — сказал он вежливо.

— Мы незнакомы, — бесстрастно с легким акцентом ответил человек на экране.

— Это правда. Но кого еще я мог здесь встретить, кроме вас?

— Кто вы?

Фолкейн на секунду замаялся. Имя его — козырная карта в этой рискованной игре. Вовсе ни к чему открывать его врагу.

— Себастьян Тумс, — сказал он.

Плагиат, конечно, но вряд ли Латимер докопается до источника. Он и сам-то набрел на эти книги совершенно случайно, роясь в библиотеке герцога Роберта, — набрел и обнаружил, что древние языки не такая уж скучная вещь.

— Космический торговец, имею звание капитана Политехнической лиги. — Подчеркнуть свое положение никогда не помешает. — Вы командуете этой эскадрой?

— Нет.

— Тогда я бы хотел поговорить с тем, кто этим занимается.

— Да, конечно, — отозвался Хью Латимер. — Ваше желание совпадает с его приказом.

— Ладно, соедините-ка меня с ним.

— Вы не поняли. — Голос его собеседника оставался все таким же бесцветным, выражение смуглого, со впалыми щеками лица не изменилось. — Гэхуд ждет вас у себя.

Фолкейн так стиснул зубы, что хрустнула трубка. Он отшвырнул ее в сторону.

— Откуда вы свалились, из другой вселенной? Вы думаете, что я... — Он подавил гнев. — Я бы предложил вашему командиру кой-куда отправиться, да боюсь, его анатомия помешает. Так что спросите у него просто: будет ли разумно с моей стороны положиться на вашу милость?

Что это? Неужели страх чуть исказил застывшие черты Латимера?

— Мне дали приказ. Если я попытаюсь его оспорить, меня накажут. Какая вам от этого польза? — Он заколебался. — Полагаю, у вас есть два выхода. Вы можете отказаться от приглашения. Тогда Гэхуд, скорее всего, прикажет вас расстрелять. А согласившись прийти, вы можете чего-то для себя добиться. Он заинтригован мыслью о встрече с... э... диким человеком. Я не знаю. Быть может, сначала нам надо договориться о гарантиях вашего возвращения. Если так, давайте поторопимся, а то он начнет раздражаться. — Да, это страх и ничто иное. — И тогда может произойти все что угодно.

ГЛАВА 15

Опасность сближения с врагом очевидна. Не успеешь опомниться, как в тебя влепят не то что тепловым лучом — нет, самой обыкновенной ракетой. Правда, опасность эта взаимная. «Сквозь Хаос» выглядел мошкой в сравнении с этой тушей, но ведь и мошка может укусить. Фолкейн предложил сохранить между кораблями расстояние в пятьсот километров и пришел в смятение, когда Латимер заявил, что это невозможно.

— Не забывайте, я всю жизнь занимался тем, что старался узнать как можно больше о вашей цивилизации. Я знаю, на что способны звездолеты вроде вашего. Не считая ручного оружия и всяких там лазерных пистолетов, у вас на борту четыре лазерных пушки и четыре торпеды с ядерными головками. На близком расстоянии такое вооружение делает нас почти равными. Если возникнут непримиримые разногласия, мы, вне всякого сомнения, уничтожим ваш звездолет, но и наш корабль будет уничтожен.

— Но если даже согласиться с вашими доводами, что помешает вам просто захватить меня в плен? — запротестовал Фолкейн.

— Ничего, — согласился Латимер, — разве что отсутствие причин для этого. По-моему, Гэхуд просто хочет допросить вас и, быть может, передать вам сообщение для ваших хозяев. Кстати, если вы

будете медлить, он потеряет терпение и отдаст приказ уничтожить вас.

— Что ж, приду так быстро, как только смогу, — отрубил Фолкейн. — Если я через час не вернусь на свой корабль, мой экипаж объяснит это предательством с вашей стороны и будет действовать соответственно. Боюсь, в этом случае вас ждет неприятный сюрприз. — Он выключил экран связи и замер в кресле, вцепившись в ручки и стараясь унять дрожь.

Чи Лан подошла, свернувшись клубочком у ног Фолкейна и взглянула ему в лицо.

— Ты не хочешь идти, — сказала она непривычно мягко. — Ты боишься, что тебя снова накачают наркотиками.

Фолкейн утвердительно кивнул головой.

— Ты не представляешь, что это за ощущение, — сказал он, проглотив комок в горле.

— Могу пойти я.

— Нет. Капитан-то я. — Он поднялся. — Помоги мне собраться.

— По крайней мере, — заметила Чи, — тебя хоть не захватят.

— Что? Почему это?

— Убить тебя, конечно, могут. Но этот тип боится, что ты умеешь читать мысли.

— Ох, — выдохнул Фолкейн. — Подожди, я, кажется, понял. — Он сцепил пальцы, глаза его сверкнули. — Почему я об этом не подумал раньше?

И с этими словами он покинул звездолет.

На скафандре у него имелся автономный двигатель, но это на всякий случай. До флагманского корабля противника он будет добираться на гравиботе. Фолкейн опустил колпак. Полет проходил в зловещей тишине, и лишь ускорение, которое вдавило Фолкейна в кресло, не давало ему потерять чувство реальности. Огоньки звезд распылились и потускнели. Объяснение этому было самое прозаичное: зеленоватое сияние индикаторов на панели управления снизило чувствительность сетчатки его глаз. Но без звезд было скучно. Фолкейн немного крепче, чем нужно, стиснул ручки управления и принялся напевать мотивчик, чтобы не было так одиноко:

Раз пошел гулять лудильщик,
Вот по Стрэнду он идет...

Что ж, быть может, он напевает последний раз в своей жизни. Ну и ладно, чем плоха эта песенка? Торжественности хватает и без того. Приближающаяся, все увеличивающаяся в размерах громада корабля и так уж настраивала мысли на достаточно траурный лад.

Раздавшийся в наушниках голос Латимера помешал Фолкейну закончить эту малопрстойную песенку.

— Настройтесь на луч с частотой 158,6 мегагерц, он приведет вас к воздушному шлюзу. Поставьте бот в отсеке и подождите меня.

— Как, вы не хотите заарканить меня к себе на борт? — хмыкнул Фолкейн.

— Не понял.

— И не поймете. Ладно, забудем. Все равно мне деваться некуда. — Он поймал сигнал и включил автопилот. Сам же тем временем занялся фотографированием вражеского корабля. Он внимательно разглядывал громаду звездолета, пытаясь запомнить все, что можно. Но часть его мозга продолжала размышлять. Этот Латимер явно заработался. Он ведет себя как помощник Гэхуда, кем бы там этот Гэхуд ни был. А кроме того, он и связист, и боцман... и все что угодно.

Ну что ж, если корабль достаточно автоматизирован, то большой экипаж ему не нужен. У нас сейчас как бы снова Ренессанс: человек — мастер на все руки, а специализируются за него компьютеры. Но ведь остались и такие работы, с которыми машины не справляются. У них нет мотиваций, у них нет предприимчивости — нет истинного разума, наконец! Все полностью роботизированные корабли, которые мы — цивилизованные существа, в том числе и человек, — строили, годились только для элементарной, если не сказать черновой, работы. А если ты отправляешься на разведку или в торговую экспедицию, или ведешь войну — в общем, попадаешь в непредсказуемые обстоятельства, — то число членов экипажа возрастает. Отчасти, разумеется, для того, чтобы снизить психологическое напряжение, а отчасти — чтобы выполнить задание, причем в любых условиях. Вот как, к слову, нам с Чи тяжело — оттого, что нас только двое на корабле. Ладно, нас подстегивала опасность, но Гэхуда-то что подстегивало? Почему на связь выходил только Латимер?

Направляемый лучом гравитот миновал крейсер. Фолкейна снова поразило невероятное количество всяких пушек. Башенки в форме плавников оказались тоньше, чем он предполагал. Да, самое подходящее место для лабораторий, и, похоже, там внутри действительно полно приборов. Но интересно, какой такой зверь обслуживает их, — ведь и в этих башенках, и в самом корабле, наверняка, не повернуться?

Фолкейн постепенно добрался до ответа и потому не был особенно удивлен. Он включил встроенный в шлем передатчик и настроился на луч мазера, тянувшийся к «Сквозь Хаос».

— Ты слышишь меня, Чи Лан? — спросил он.

— Да. Что нового?

Фолкейн перешел на язык эрио, который они все выучили за время совместного пребывания на Мерсейе, — если Латимер и подслушивает, вряд ли что поймет — и кратко описал все, что увидел:

— Я абсолютно уверен, что все корабли, кроме флагманского — роботы, — закончил он. — Это многое объясняет, в том числе и строй. Гэхуду приходится не спускать с них глаз, чтобы они, чего доброго,

не разбежались по дороге. Зато его не тревожит мысль о потерях в бою — это ведь просто машины, хотя, скорей всего, с радиационной защитой. Если у него и имеется хоть один звездолет с экипажем, то это его собственный. Конечно, даже при высокоразвитой экономике посылать такую эскадру — удовольствие не из дешевых. Но ведь роботам найти замену куда легче, чем сотням или даже тысячам профессионалов. Что все эти корабли в сравнении с таким лакомым кусочком, как Сатана?!

— И-ирх! Знаешь, Дэвид, звучит довольно правдоподобно. Особенно, если этот Гэхуд — какой-нибудь удельный князь со своей дружиной. Такие, обычно, ни с кем не советуются, никого не посвящают в свои планы... Что ж, одной надеждой больше. Мы с тобой намалевали черта, а он оказался не таким уж и страшным.

— Не думай, он достаточно страшен. Если через час я не выйду с тобой на связь или если ты сама заподозришь что-то неладное, не строй из себя верного слугу — сматывай удочки.

Чи запротестовала было, но Фолкейн ее перебил:

— Я все равно к тому времени буду мертв, так что ты ничем мне не поможешь, оставшись здесь. Дома должны обо всем узнать — по крайней мере, будет кому за меня отомстить.

Она немного помолчала:

— Понимаю.

— Шансов ускользнуть от погони мало. В гонке на скорость девятнадцать эсминцев так или иначе тебя догонят. Вот если бы тебе удалось перехитрить их... или хотя бы незаметно отправить другую капсулу... Ну ладно, я почти у цели. Кончаю связь. Удачных полетов, Чи.

Ее ответа он не разобрал. Чи произнесла фразу на древнем языке своего племени. Но несколько слов Фолкейн понял: среди них «удача». Голос цинтианки чуть дрожал.

До линкора — так он окрестил флагманский корабль врага — было уже рукой подать. Фолкейн выключил автопилот и взял управление на себя. Когда гравибот вышел из тени одной из башенок, в глаза человеку брызнул ослепительный свет. Он исходил из похожего на грузовой люк отверстия в борту звездолета — наверно, того самого шлюза, о котором говорил Латимер. Бот осторожно миновал широкий комингс. Притяжение корабля заметно затруднило посадку.

Он торопливо отцепил висевший у пояса предмет и с решимостью отчаяния сжал его в руке. В ожидании Латимера он посмотрел на приборную доску бота. Фолкейн чувствовал, что сила тяжести на этом звездолете превышает стандартную земную, и шкала гравиметра подтвердила его ощущения: стрелка стояла на делении 1,07. Интенсивность освещения более чем на треть превосходила обычную. Спектральное распределение указывало на то, что существа, какими бы они там ни были, живут вблизи звезды F-типа. Но тогда почему такое освещение?

Выполнив необходимые процедуры, Фолкейн выскочил из бота. В отсеке никого не было, внутренняя герметическая дверца оставалась закрытой.

Внутренняя дверца распахнулась, наружу вырвалось немного воздуха. Фолкейн отметил про себя, что шлюз — составной: за этим отсеком был еще один. В дверном проеме появилась облаченная в скафандр человеческая фигура. Сквозь стекло шлема виднелось суровое лицо Латимера. В руке он держал бластер обычного типа, приобретенный наверняка на Луне. За спиной человека маячил робот — весь из металла, длинные ноги, цилиндрическое тело со множеством рук, вместо пальцев — датчики или эффекторы.

— Хорошо же вы принимаете посла, нечего сказать, — бросил Фолкейн. Руки поднимать он не собирался.

Впрочем, Латимер этого и не потребовал.

— Мера предосторожности, — пояснил он безучастно. — При вас не должно быть оружия. Сначала поищем бомбы.

— Валяйте, — согласился Фолкейн. — Суденышко мое чисто, пистолет я, как было договорено, оставил в звездолете. Правда, у меня есть вот это. — Он поднял левую руку, показывая зажатый в кулаке предмет.

Латимер отскочил.

— Йагнат хамман! Что это?

— Граната. Не ядерная, всего лишь противопехотная. Начинена торденитом с коллоидным фосфором для приправы. Здесь на расстоянии в пару метров разнесет что угодно. Про кислородную атмосферу я уж не говорю. Я вытянул чеку и отсчитал целых пять секунд, прежде чем вставить шток на место. Теперь гранате не дает взорваться только мой палец. Да, кстати, осколков от нее куча.

— Но вы... вы... нет!

— Не паникуйте, приятель. Пружина не такая уж тугая — я спокойно удержу ее в течение часа. Мне вовсе не хочется взрываться. Но еще больше мне не хочется попасть в плен, быть застреленным... Продолжите сами. Если вы будете придерживаться дипломатической учтивости, никаких проблем не возникнет.

— Я должен сообщить об этом, — пискнул Латимер. Он наклонился над каким-то прибором — по всей видимости, интеркомом. Робот, как ему было приказано, проверил бот и замер в ожидании.

— Он вас примет. Пойдемте, — сказал Латимер, делая шаг к двери. Он явно был рассержен. Робот пропустил вперед обоих людей и двинулся следом. Фолкейн чувствовал себя между ними как в мышеловке. Что толку в этой гранате? Если его сопровождающие только захотят, они без особых хлопот справятся с ним. Или не будут рисковать сейчас, а подстрелят его на обратном пути, когда он уже будет считать себя в безопасности.

Хватит об этом. Ты пришел сюда, дабы узнать все, что можно. Да, ты не герой, ты бы отдал черту душу, лишь бы оказаться

где-нибудь далеко-далеко отсюда, со стаканом в руке и со шлюхой на коленях, хвастая при этом напропалую своими приключениями. Но ведь назревает война. Атаке могут подвергнуться целые планеты. Представляешь, какая-нибудь девчушка, не старше твоей маленской племянницы, лежит под развалинами сметенного атомным взрывом дома — лицо обуглилось, глаза испарились — и зовет папу, который погиб вместе со звездолетом, и маму, которую взрыв застал на улице. Быть может, дела не настолько плохи. Возможно. Как можно упускать возможность поговорить с противником? В конце концов, ты рискуешь лишь собственной шкурой. А шкура-то свербит. Тьфу ты, черт, и не почешешься!

Фолкейн криво усмехнулся. Наружная дверца закрылась, давление внутри шлюза выравнялось, створки люка, ведущего в рабочие помещения звездолета, автоматически раздвинулись.

Глазам человека предстал залитый ярким светом, отражавшимся от металлических стен, коридор. Тишину нарушали лишь рокот двигателей, приглушенное гудение вентиляции на форсированной тяге да гулкое эхо шагов. Дверей в стенах коридора не было, лишь всякие решетки, вентиляционные отверстия, кое-где попадались загадочного вида приборы. Впереди открылся перпендикулярный проход: по нему прошествовал еще один робот, совершенно не похожий на первого, — он очень напоминал ведро со щупальцами и усиками и явно был предназначен для обслуживания каких-то механизмов. На этом корабле, похоже, всем занимались машины — вернее, он сам по себе был одной громадной машиной.

Если не считать Латимера, Фолкейну на боту не встретилось ни одной живой души, но что-то подсказывало ему, что на звездолете есть не только роботы. Воображению его вдруг представилась огромная туша, изготовившаяся к прыжку.

— Здесь можно дышать, — раздался в наушниках голос Латимера. — Воздух чуть более плотен, чем на Земле на уровне моря.

Имитируя движения своего проводника, Фолкейн свободной рукой открыл вентиль, чтобы давление внутри шлема постепенно сравнялось с наружным, потом поднял лицевой щиток и глубоко вздохнул. И тут же пожалел об этом. Воздух был горячим и сухим, как в пустыне, сильно пахло озоном. К этому запаху примешивались и другие ароматы — пряностей, кожи, крови, — усиливавшиеся по мере того, как маленький отряд все ближе и ближе подходил к жилым отсекам корабля. Латимер как будто не замечал ни жары, ни ослепительного сияния ламп. Наверное, он уже с этим свыкся. Свыкся ли?

— Сколько народу у вас в экипаже? — спросил Фолкейн.

— Вопросы будет задавать Гэхуд. — Латимер глядел прямо перед собой, одна щека у него чуть подергивалась. — Я вам искренне советую: отвечайте ему вежливо и полно. Вы и так уже провинились с этой своей гранатой. Но вам повезло: ему так хочется вас увидеть,

что он лишь слегка рассердился на подобную дерзость. Будьте очень осторожны, а иначе он вас достанет и на том свете.

— Какая лапочка ваш босс, право слово. — Фолкейн попытался разглядеть выражение лица Латимера. — На вашем месте я давно бы ушел от него, хорошенько хлопнув дверью.

— Если вас пугают трудности служения своему миру, своему народу, то я не из таких, — презрительно хмыкнул Латимер. Внезапно выражение глаз его изменилось, голос понизился почти до шепота. — Тсс! Мы совсем рядом.

Фолкейн увидел впереди уходящую отвесно вверх шахту гравиколодца. Люди и робот поднялись по ней на добрых пятнадцать метров и очутились на другой палубе.

Передняя? Сад? Грот? Фолкейн смятенно огляделся. Все помещение, большое как танцзал, было заставлено ящиками, в которых росли самые разнообразные растения: от крошечных, сладко пахнущих цветов и высоких разлапистых папоротников до настоящих деревьев с пушистыми, заостренными или причудливо закрученными листьями. Основным цветом растений был темно-золотистый. В центре зала бил фонтан. Каменный бассейн его был очень дряхлым на вид, но сохранившиеся барельефы вызвали у Фолкейна чувство восхищения. Очарованию бассейна, его чужой, непривычной красоте разительно не соответствовали заляпанные большими пятнами краски переборки. Очевидно, вкус у владельца этого сада был весьма своеобразный. Следуя за Латимером, Фолкейн миновал арочный дверной проем в конце зала — и оказался в первом из, так сказать, дворцовых покоев. Каюта была обставлена — вернее даже заставлена — с варварской роскошью. Пол устилали шкуры, которые вполне могли принадлежать ангорским тиграм. Одну из стен покрывала грубой работы золота плита, вторая в точности походила на раскрашенные переборки, на третьей висела чешуйчатая шкура, а четвертая стена представляла собой экран, на котором под рокот барабанов и завывание рогов металась в иступленном танце какие-то абстрактные тени. Над входом висел череп животного, чем-то смахивающего на динозавра. Из стоявших тут и там курильниц поднимался к потолку горьковатый дымок. Две из них были настоящими произведениями искусства, древними и прекрасными, как и фонтан. Остальные мало чем отличались от железных болванок. Сесть можно было либо на подиум — таковых в каюте было два, причем столь широких, что на каждом из них спокойно улеглось бы по три человека, — либо на разбросанные по полу подушки. На полках и в самых неожиданных местах полно было всякой всячины. Что там такое, Фолкейн даже не попытался разобраться. Одни предметы походили на музыкальные инструменты, другие — на игрушки, но чтобы узнать истинную их сущность, надо сперва ознакомиться с их хозяином.

А вот и мы!

Плотный экран из прозрачного материала, скорее всего, из

ветрила, закрывал второй вход в помещение. Если оставаться за ним, не страшна никакая граната. А еще безопаснее вести разговор по телекому. Но так ронять себя в глазах пришельца Гэхуд не собирался. Он вышел и встал за экраном.

Хотя Фолкейн перевидал достаточно инопланетян, ему пришлось стиснуть зубы, чтобы удержаться от крика. Перед ним стоял... минотавр!

ГЛАВА 16

Нет... не точная копия, разумеется... если уж на то пошло, из него такой же минотавр, как из Эдзела дракон. Но до чего похож!

Это было двуногое существо, чем-то напоминавшее человека. Ноги короче, а руки значительно длиннее, чем у людей. На ногах по три пальца, на руках — по четыре, похожих на обрубки с зеленоватыми ногтями на концах. Такой же оттенок имела кожа, покрытая золотистыми волосками — не настолько, правда, густыми, чтобы можно было назвать их мехом. Под кожей, вовсе не там, где у людей, перекачивались мускулы. Губы по-коровьи мягкие, но рудиментарные грудные соски отсутствуют, поэтому сказать наверняка, принадлежит ли он к разряду млекопитающих, невозможно. Одно было ясно, что это был взрослый самец, по всей видимости, теплокровный. Зубы — ровные, тронутые желтизной.

Голова... Сравнивать между собой обитателей двух планет бессмысленно. Можно лишь описывать разницу между ними в пределах языковых возможностей. Скорее всего, эту массивную голову с широким рылом, мясистым подбородком, иссиня-черными широко расставленными глазами под низкими надбровными дугами, очень покатым лбом и длинными подвижными ушами можно было назвать бычьей. Но, разумеется, отличия преобладали над сходством. У Гэхуда не было рогов, лицо его обрамляла роскошная грива, ниспадавшая сзади чуть ли не до пояса. Волосы были светлыми и полыми изнутри, а потому в свете ламп переливались всеми цветами радуги.

Хотя Фолкейна с Латимером судьба ростом не обидела, Гэхуд возвышался над ними обоими. В нем было сантиметров двести тридцать. При таком росте, при невероятной ширине плеч и грудной клетки, при столь развитой мускулатуре весу в нем было наверняка не меньше двухсот килограммов. На шее у него висело бриллиантовое ожерелье, пальцы унизаны кольцами, на запястьях сверкали тяжелые золотые браслеты. Если не считать ремня, на котором с одного бока болтался кисет, а с другого — похожий на мачете нож, он был абсолютно голым. Дыхание Гэхуда напоминало гул вентилятора. От него исходил запах мускуса. Когда он заговорил, оказалось, что голос у него очень низкий и требовательный.

Латимер поднес бластер к губам — что это, салют? — потом опустил и обернулся к Фолкейну.

— Вы стоите перед Гэхудом из Нешкета, — последнее слово он выговорил с трудом. — Он будет вас допрашивать. Я уже сообщил ему, что вы назвались Себастьяном Тумсом. Вы с Земли?

Фолкейн собрался с духом. У этой твари за экраном устрашающий вид... Ну и черт с ней!

— Буду рад обменяться информацией, — ответил он. — Нешкет — это его планета? Или как?

Латимер даже переменялся в лице.

— Ну что вы делаете! — пробормотал он. — Ради себя же самого, отвечайте, как вам было сказано.

Фолкейн обнажил в усмешке зубы.

— Бедный ты маменькин сыночек! — воскликнул он. — Дрожишь за свою шкуру, а? Мне-то особо терять нечего!

«Врешь, приятель, — мысленно оборвал он себя. — Жизнь тебе терять вовсе не хочется. Ой как не хочется! А у Гэхуда, похоже, темперамент атомной бомбы. Вот если бы мне удалось пройти по доске над пропастью...»

Некий бесенок внутри него прокомментировал: «Какой поток метафор! Юмор висельника, а, дружок?»

— В конце концов, — сказал Фолкейн вслух, глядя в искаженное страхом лицо Латимера и на бластер в его руке, — рано или поздно вы столкнетесь с Лигой. В схватке или как еще — этого уж я не знаю. Ну так отчего же вы не хотите поговорить со мной? В бою ведь ответ один — торпеда в борт, а так, глядишь, что-нибудь да выясните.

Гэхуд что-то пробурчал. Латимер ответил. Лицо его было мокрым от пота. Хозяин положил руку на рукоять ножа, фыркнул и бросил короткую фразу.

Латимер сказал:

— Вы не понимаете, Тумс. Дело в том, что вы забрались на принадлежащую Гэхуду территорию. Он выказал редкую сдержанность, не уничтожив ваш корабль на месте. Поверьте мне. Мало кто из его родичей обладает подобным терпением. Но и у него оно скоро лопнет.

«Его территория, вот как? — подумал Фолкейн. Не настолько же он в самом деле глуп, чтобы полагать, будто Лига испугается одной его эскадры и забудет про Сатану? Вполне возможно, что по их законам он получает приоритет над своими сородичами, оказавшись тут раньше их. Скорее же всего — это авангард. Отправили сюда первое, что попало под руку. А эта женщина, как ее там, сестра Теи Белдэниэл, — отправилась за подмогой. Или она связалась с другим минотавром? Судя по поведению Латимера, Гэхуд — его хозяин... Ну что ж, блефую, похоже, не я один. Гэхуд, наверное, горит желанием прихлопнуть меня как муху. Латимер из-за этого и паникует. Ему-то от моей гранаты никуда не деться. Однако пока Гэхуд сдерживается. Видно, хочет припугнуть меня и выудить побольше сведений.»

— Кстати, — сказал Фолкейн, — раз уж вы переводчик, не вижу причины, почему бы вам самому не ответить на пару моих вопросов. Вам ведь впрямую это не запрещено?

— Н-н-нет... Я... — Латимер судорожно вздохнул. — Я могу вам сказать... Э... название, которое было упомянуто... это... э... поместье.

Гэхуд что-то проревел.

— А теперь отвечайте мне! Вы прибыли с самой Земли?

— Да. Нас отправили исследовать планету-бродягу. — Утверждение, что «Сквозь Хаос» натолкнулся на Сатану случайно, прозвучало бы уж слишком неправдоподобно. Кроме того, непонятно было бы, причем тут Лига, готовая отомстить.

Гэхуд спросил через Латимера:

— Как вы узнали о ее существовании?

Фолкейн лукаво ответил:

— Да вы, небось, все локти себе искусали, когда обнаружили нас здесь? Вы ведь рассчитывали, что у вас полно времени. Хотели сделать планету неприступной, да? Учтите, друзья, во всей галактике нет ничего такого, к чему Лига не смогла бы приступить. Как называется ваша родная планета?

Гэхуд взревел:

— Ваш ответ уклончив! Откуда вы узнали? Сколько вас здесь? Каковы ваши дальнейшие планы?

Фолкейн ответил молчанием.

Латимер произнес, сглотнув:

— Э... Не вижу в этом большой беды. Планета называется Датина, народ, живущий на ней — шенны. В буквах Общего алфавита, Д-А-Т-И-Н-А и Ш-Е-Н-Н-Ы. Единственное число — шенн. Приблизительно эти слова означают «мир» и «народ».

Фолкейн бросил:

— Обычное дело.

Про себя он отметил, что шенны живут на своей планете. Быть может, у них есть несколько колоний, но вряд ли много. Живут и не высовываются. Иначе разведчики Лиги обнаружили бы их давным-давно. Из этого, естественно, не следует, что они перестают быть врагами — быть может, смертельными врагами человечества. Те сведения, которые для них добывала «СИ», не говоря уже о самом создании фирмы, подтверждают как раз обратное. Одна-единственная планета, как следует вооруженная и искусно ведома, может взять верх надо всей Лигой вместе взятой, ибо способна причинить значительный ущерб. Даже если ее, в конце концов, и одолеют, она наверняка успеет уничтожить целые миры с их обитателями.

«Если Гэхуд типичный их представитель, эти шенны запросто могут выкинуть что-нибудь этакое, — подумал Фолкейн. Слишком, черт побери, много неизвестных, да и противоречий хватает! Ну почему они примчались сюда на такой скорости? Где та пресловутая выдержка, где то долготерпение, с которым создавалась «Серендинг-сити»? Куда это все вдруг пропало? Чего ради, если уж на то пошло,

они поставили на карту свою судьбу — и проиграли, между прочим, — похищая меня?»

— Говорите! — взвизгнул Латимер. — Отвечайте на его вопросы!

— Что? А-а, вопросы, — не торопясь повторил Фолкейн. — Боюсь, что не смогу этого сделать. Мне известно лишь, что наши корабли получили приказ вылететь сюда, проверить ситуацию и доложить по возвращении. Нас предупредили, что кто-нибудь может попробовать перебежать нам дорогу. И все. — Он почесал переносицу и моргнул. — Наше командование отнюдь не желает открыть вам, сколько мы о вас уже знаем... откуда и как попала к нам эта информация.

Латимер вздрогнул и, круто повернувшись, принялся что-то объяснять Гэхуду.

Пожалуй, тот был ошеломлен не меньше своего прислужника. Вряд ли он станет утверждать, что Фолкейн врет. Или станет? Он может сделать все что угодно.

Фолкейн застыл в напряжении.

Его выручили тренированные мышцы.

Гэхуд отдал приказ. Робот тихонько скользнул к человеку. Тот краем глаза заметил его движение и метнулся в сторону. Опоздай он на долю секунды, и его левая рука оказалась бы в металлических тисках.

Фолкейн вжался в угол.

— Бездари! — прокомментировал он.

Робот снова было направился к нему.

— Эй, Латимер, если эта штука сделает еще хоть один шаг, я отпущу палец. Отзовите своего железного пса, или нам обоим крышка!

Латимер пробормотал команду — робот остановился. Тут вмешался Гэхуд: по его приказу машина начала отступать и пятилась до тех пор, пока не уперлась в стенку. Минотавр топнул ногой, замахал руками, ноздри его широко раздулись — он гневался, укрывшись за экраном.

Дуло бластера было направлено в грудь Фолкейну. Но рука Латимера дрожала, лицо его исказила гримаса страха. Пусть он посвятил свою жизнь Датине, пусть он готов пожертвовать собой, возникни такая необходимость, — поведение хозяина, так свободно рисковавшего его жизнью, вряд ли было ему по душе.

— Кончайте, Тумс! — проблеял он. — Со всем кораблем вам не справиться.

— Пока у меня кое-что получается, — откликнулся Фолкейн. Ему пришлось сделать над собой громадное усилие, чтобы голос его не дрожал. — И потом, вы же знаете, что я не один.

— Какой-то крошечный разведкатель... Хотя, постойте, что вы говорили о других? Кто они? Сколько их? Где они прячутся?

— Вы на самом деле думаете, что я вам все это выложу? Ладно, слушайте и переводите все в точности. Когда мы обнаружили вас,

мой корабль отправили, чтобы установить с вами контакт. Лига предпочитает торговать, а не воевать. Но если дело доходит до драки, мы не успокаиваемся, пока от противника не останется камня на камне. Вы достаточно прожили в Содружестве, Латимер, чтобы подтвердить правоту моих слов. Мне приказано передать вам следующее. Наши заправила хотят встретиться с вами. Время и место выберете сами и потом сообщите в секретариат Лиги. Кроме того, я должен вас предостеречь относительно Беты Креста. Мы сюда пришли первыми, территория эта — наша, и наш флот уничтожит всякого, кто осмелится посягнуть на наши права. Теперь я возвращаюсь на свой звездолет, а вам советую отправиться восвояси и хорошенько поразмышлять над всем этим на досуге.

Латимер окончательно сник.

— Я не могу... не могу... перевести ему это слово в слово.

— Ну-так не переводите. — Фолкейн пожал плечами. Гэхуд наклонил голову, топнул ногой и взревел. — Однако если вы спросите меня, то он как будто начинает проявлять нетерпение.

Запинаясь на каждом слове, Латимер заговорил с шенном.

«Наверняка смягчит мои выражения, — подумал Фолкейн. — Бедняга! На Луне-то он действовал смело, а здесь его так запугали, что он превратился в раба во всех смыслах. И даже наркотиками накачивать не пришлось, не то что меня. Омерзительное зрелище». Но где-то в уголке сознания Дэвида притаился беззвучный вопль: «Выпустят они меня или убьют?!»

Гэхуд взревел снова, да так громко, что ушам Фолкейна стало больно. По каюте пошло гулять эхо. Датинец ухватился за низ экрана. При установленной на корабле силе тяжести экран этот весил не меньше тонны, но Гэхуд приподнял его и что-то крикнул. Латимер, спотыкаясь, бросился к нему.

«Вот оно, — понял Фолкейн. — Он запустит под экран своего раба, снова закроет вход, а потом прикажет роботу схватить меня. Я его оскорбил и потому должен умереть. Ради этого можно пожертвовать и роботом, и обстановкой...»

Тело его отреагировало мгновенно. Он находился дальше от двери, чем Латимер, и ему еще надо было миновать робота. Но молодость, тренированные мышцы, привычка к работе в скафандре и жажда жизни сделали свое. У витрилового экрана он оказался одновременно с Латимером. Экран стоял теперь почти вертикально, между ним и палубой образовался проем, шириной не меньше метра. Державший его зверюга не сразу сообразил, что к чему, и Фолкейн успел проскочить внутрь.

Он тут же откатился в сторону. Гэхуд отпустил экран, который с треском встал на свое место, и ринулся на него.

— Нет, нет! — крикнул Фолкейн. — Уберите его, Латимер! Иначе он станет третьим слоем в нашем с вами пироге!

Раб бросился на хозяина, пытаясь остановить его. Шенн

отшвырнул его от себя и прижал к полу. Скафандр с лязгом ударился о металл палубы. Это как будто привело Гэхуда в чувство. Он замер.

Немая сцена. Латимер в полуобморочном состоянии корчился под ногами шенна, из носа его текла кровь. Минотавр в упор глядел на Фолкейна, грудь его высоко вздымалась, воздух со свистом вырывался из ноздрей. Дэвид стоял в нескольких шагах от него, посреди почти не отличавшейся от первой каюты. Светлые волосы его прилипли к мокрому от пота лбу. Он ухмыльнулся и помахал зажатой в кулаке гранатой.

— Так-то лучше, — сказал он. — Гораздо лучше. Стойте спокойно, вы, оба. Латимер, я возьму вашу пушку.

Раб попытался было дотянуться до бластера, который лежал неподалеку, но не смог. Гэхуд наступил на оружие ногой и заворчал.

— Ну и держи его... на здоровье, — сказал Фолкейн. Да, кем-кем, а идиотом этого быка не назовешь. Завладей Фолкейн бластером — и граната ему больше ни к чему. Ну да ладно, все равно им деваться некуда. — Проводите-ка меня до бота. Если надумаете звать своих роботов или добрых молодцев, в общем, кого угодно, предупреждаю сразу: взорву ко всем чертям!

Латимер, кряхтя, поднялся.

— Добрых молодцев? — озадаченно переспросил он. Потом до него дошло. — А, членов экипажа! Нет, мы не будем их звать. — Он перевел свои слова Гэхуду.

Фолкейн внешне оставался бесстрастным, но внутри у него все пело. Реакция Латимера подтверждала его подозрения, которые превратились почти в уверенность, когда никто не прибежал в каюту на шум и даже не запросил, в чем дело, по телекому.

Гэхуд и Латимер были одни. Флагманский звездолет, подобно другим кораблям армады, был полностью автоматическим.

Но это невозможно!

Хотя, хотя... А если предположить, что на Дятине — или в этом чертовом гэхудовском поместье — ощущается острая нехватка в, так сказать, людях? Шенны вряд ли ожидали, что у Беты Креста окажется звездолет Лиги. У них ведь нет оснований думать, будто тайна «СИ» раскрыта. Разумеется, они должны были учитывать возможность встречи с противником, но сочли, видно, что с ним справятся и роботы.

Причем небезосновательно. «СИ» наверняка известила их, что если Политехническая лига затевает сколь-нибудь серьезную экспедицию, то оповещает об этом все подвластные ей миры. Поэтому вероятность встречи с космофлотом Лиги была в этом случае крайне мала.

Скорее всего, Гэхуд решил не затруднять себя подбором команды, наверное, это показалось ему пустой тратой времени, а взял с собой всех своих роботов. Единственным живым спутником его был человек, который доставил ему весточку, — раб.

Что же это за цивилизация такая — испытывающая недостаток

в профессионалах, плюющая на научное изучение новой планеты и в то же время в области кибернетики оставившая Содружество далеко за спиной?

Гэхуд сбросил на пол витриловый экран. Раздался оглушительный грохот. Робот стоял как вкопанный. Фолкейн вслед за своими пленниками пересек переднюю, спустился по гравиколодцу и прошел по коридору до шлюза.

Времени, чтобы составить план, у него по дороге было достаточно.

— Так, — сказал он, — я бы взял в заложники вас обоих, но боюсь, что Гэхуд раздавит мое суденышко. Понятно, Латимер?

— Нет! — отшатнулся тот.

— Да. Мне нужна гарантия, что меня не подстрелят на обратном пути.

— Но неужели вы не понимаете? Мои... то, что я знаю... что вы можете узнать от меня... он не допустит этого!

— Я уже все прикинул. По-моему, он не так уж и рвется испелить вас. Вы нужны ему — и не только как переводчик. Иначе он не взял бы вас с собой. В Солнечной системе за вами закрепилась слава искусного пилота, Хью Латимер. И вы — единственный член его экипажа (надеюсь, он не подозревает, что я об этом догадался). Без вас ему придется туго, даже со всеми своими роботами. Домой-то он, разумеется, вернуться сможет, а вот осмелится ли он на что-нибудь еще, пока у него есть сомнения, наврал ли я ему насчет армады за моей спиной или нет? В конце концов, откуда мне знать: вдруг вы друзья? Так что пока вы со мной, я в относительной безопасности. Верно? Прокатитесь до моего звездолета, а там я вас отпущу. Хозяин нащупает вас лучом радара и подберет. Передайте ему, что если по прошествии известного времени он не обнаружит вас барахтающимся в космосе, то может открывать огонь.

Латимер заколебался.

— Быстрее! — рявкнул Фолкейн. — Переводите, потом скажете мне его решение. Мой палец уже устал.

Откровенно говоря, он опасался, как бы его противники не учинили ему какую-нибудь каверзу.

— Хорошо, — угрюмо согласился Латимер. — Но бластер я возьму с собой.

— Тогда я не стану выбрасывать гранату. Вот и договорились. Пошли.

Латимер произнес команду. Люк начал медленно закрываться. Фолкейн бросил прощальный взгляд на Гэхуда. Минотавр с ревом бегал по коридору, стуча кулаками по переборкам.

Бот ожидал их. Фолкейн приказал Латимеру лезть внутрь, выразительно кивнув на гранату, потом забрался сам. Они кое-как разместились в кабине. Управлять ботом в такой тесноте можно было лишь одной рукой, поэтому старт у Фолкейна получился неуклюжим.

Выбравшись из порта, он предоставил кораблик его собственной воле, а сам принялся вызывать «Сквозь Хаос».

— Дэвид! — раздался в наушниках голос Чи Лан. — Ты свободен! Ян-тай-и-лирх-ю!

— Нам с тобой придется улепетывать во все лопатки, — сказал он по-английски, чтобы не понял Латимер. — Дай мне направляющий луч. Будь готова втянуть меня на борт и запустить двигатели. Да, кстати, сначала мне надо будет посадить пассажира.

— Заложник, что ли? Тупица, хватит валять дурака. Слышал, что приказал капитан?

Через минуту Фолкейн передал управление автопилоту. Бот двигался ровно, гигантская машина линкора постепенно отдалялась. Дэвид поглядел на поникшего Латимера.

Тот сидел сгорбившись и поджав ноги, лицевой щиток его шлема посверкивал в тусклом мерцании звезд и огоньков на панели управления. Бластер уперся ему в живот.

— Вряд ли Гэхуд начнет в нас палить, — сказал Фолкейн тихо.

— Сейчас — да, — устало отозвался Латимер.

— Ну-ну. Как насчет расслабиться? Прогулка нам предстоит нудная.

— А как же эта штуковина у вас в руке?

— Мне она не мешает. Это такая же мера предосторожности, как и ваш бластер. Но мы можем открыть шлемы, угостить друг друга сигаретами...

— Не курю, — заявил Латимер. — Однако... — Вслед за Фолкейном он поднял лицевой щиток. — Да. Хорошо... разжаться. — Он вздохнул.

— Зла я на вас не держу, — сказал Фолкейн не вполне искренне. — Мне просто хочется, чтобы дело не закончилось стычкой.

— Мне тоже. Я восхищен вашим мужеством. Вы вели себя в этой ситуации почти как шенн.

— Может, вы мне объясните в общих чертах, из-за чего весь переполох?

— Нет. — Латимер снова вздохнул. — Лучше уж я вообще помолчу. Только вот... как там они? Мои друзья из «Серендингсити»?

— Ну, дела у них обстоят...

Латимер уселся поудобнее, и Фолкейн понял, что у него есть шанс. По правде сказать, он готов был ждать, сколько понадобится, готов был даже отказаться от своей задумки, если не представится подходящего момента. Бот уже настолько отделился от линкора, что никакой сканнер не сможет определить, что происходит в их кабине. Если не считать направляющего луча Тупицы и следящего Гэхуда, они предоставлены сами себе.

Латимер притулился рядом с Фолкейном, голова его находилась примерно на уровне плеча Дэвида, бластер лежал на его коленях.

— ...Вот так, — закончил Фолкейн. А ну! Левый его кулак, утяжеленный зажатой в нем гранатой, ударил по бластеру — тот отлетел к стенке. Правая же рука его змеей проскользнула под открытый лицевой щиток шлема и сдавила горло Латимера.

ГЛАВА 17

Латимер все-таки успел один раз выстрелить. Минуту, вторую он пытался вырваться. Но потом затих.

Тяжело дыша, Фолкейн чуть ослабил хватку.

— Обстоятельства, — пояснил он пространству.

Воздух с шипением вырывался через дырку в борту. Но дырка эта уже начала затягиваться, а резервные кислородные баки привели давление внутри кабины в норму. Он засунул бластер себе за пояс и оглянулся. В эскадре шеннов все было спокойно. Да и трудно было предположить, что на таком расстоянии можно заметить короткую вспышку и крошечное облачко водяного тумана.

Избавиться от гранаты было потрудней. Фолкейн с помощью двигателей развернул бот перпендикулярно курсу, так, чтобы минишлюз был обращен в другую сторону от линкора. Клапаны этого шлюза представляли собой набор сфинктерных диафрагм по обеим сторонам жесткого цилиндра. При подобной конструкции незначительная утечка воздуха была практически постоянной. Но этот недостаток компенсировался сравнительно небольшой потерей воздуха при использовании минишлюза. Закрыв лицевой щиток, Фолкейн уперся ногами в стенку — его голова и плечи оказались снаружи. Почти без размаха он швырнул гранату. Та взорвалась на сравнительно безопасном расстоянии. Пара-тройка осколков срикошетила по обшивке, но и только.

— Хорьки! — бросил он.

Левая рука болела. Он подвигал пальцами, пытаясь расслабить кисть, потом юркнул внутрь кабины.

Латимер начал приходить в себя. Волей-неволей — что за грубое обращение с человеком? — Фолкейну снова пришлось чуть придушить его. Так он выиграл несколько секунд, во время которых успел вывести бот на прежний курс, пока Гэхуд ничего не заметил и не исполнился подозрений.

Дэвид осторожно уселся напротив Латимера, вытащил из-за пояса бластер, открыл свой шлем и стал ждать. Пленник шевельнулся, огляделся и подобрался словно для броска.

— Не стоит, — сказал Фолкейн, — или вы умрете. Встаньте. Пробежитесь в заднюю часть бота и снимите скафандр.

— Что? Логра доадам! Ах ты, свинья!

— Живее! — приказал Фолкейн. — Теперь слушайте: убивать вас я не намерен. Мораль и все прочее здесь не при чем — из вас вышел отличный заложник. Но к Гэхуду вы не вернетесь. Ему

придется обойтись без вашей помощи. Если вы попытаетесь помешать мне, я убью вас как паршивую собаку. Раздевайтесь.

Еще не совсем пришедший в себя Латимер повиновался. Фолкейн заставил его упаковать скафандр.

— Мы выкинем его в подходящий момент, и ваш босс решит, что это вы, — пояснил он. — Пока он разберется, что к чему, вас уже тут не будет.

Ответом ему было рычание и гневный взгляд.

— То, что мне рассказывали о вас, людях, правда. Теперь я в этом убедился сам. Злобные, вероломные...

— Засохни, Латимер. Я с вами договоров не подписывал, присяг не приносил. Не так давно вы и сами не прочь были изменить правила переговоров. И гостеприимства в вашем замке на Луне я пока что не забыл.

Латимер отшатнулся.

— Фолкейн! — прошептал он.

— Так точно. Капитан Дэвид Фолкейн собственной персоной. С жалобой на отравление гидроцианидом и с кучей причин подозревать вашу шайку в темных делишках. Или вы станете утверждать, что отправились на прогулку? Ничего себе прогулка! Сиди тихо, пока я тебя не поджарил!

Последнее предложение он произнес таким голосом, что вконец запуганный Латимер застыл в своем углу, даже не пытаясь возражать.

Фолкейн и сам изумился. «Я ведь и в самом деле готов был выполнить свою угрозу. Что за черт? Я же хотел всего лишь припугнуть его, чтобы он не догадался о моих планах и в отчаянии не бросился на меня. Но эта ярость... О небо!» — Он вздрогнул.

Время шло. Вражеские звездолеты становились все меньше. «Сквозь Хаос» приближался. Когда бот оказался почти рядом с кораблем, Фолкейн приказал Латимеру вытолкнуть через минншлюз пустой скафандр. Процедура эта была довольно трудоемкой, но Латимер не издал ни звука.

— Возьми нас на борт, Чи, — сказал Фолкейн.

Из корпуса звездолета вырвался гравилуч. Фолкейн отключил двигатель. В борту корабля открылся грузовой люк. Едва бот встал на свое место, защищенный теперь от перегрузок полем тяготения звездолета, Чи перевела двигатели на полную мощность. Корпус звездолета мелко задрожал, послышался ровный гул.

Цинтианка сбежала вниз, навстречу людям. Они только что выбрались из бота и стояли, разглядывая один другого в холодном свете ламп. Чи направила на Латимера свой сканнер.

— Вот оно как, — пробормотала она. — Я так и предполагала, Дэвид. Куда мы запрем этого клонга?

— В лазарет, — ответил Фолкейн. — Чем скорее мы с ним разберемся, тем лучше. За нами могут устроить погоню, но если мы отправим домой другую нашу капсулу, да еще кое с чем внутри...

Он тут же раскаялся, что произнес это все по-английски. Латимер

понял, что с ним хотят сделать, взвизгнул и кинулся грудью на бластер. Движения Фолкейна были стеснены скафандром, и он не успел отклониться от нападения. Мужчины покатались по палубе. Чи Лан угрем проскользнула между ними и оглушила Латимера выстрелом из сканнера.

Тело того обмякло. Фолкейн поднялся, тяжело дыша, он дрожал. — Надолго он отключился?

— На час-другой, — ответила цинтианка. — Но надо приготовить все заранее. — Она сделала паузу. — Я же не психотехник, чтобы так вот, раз — и все. И потом у нас нет полного набора лекарств, которые в этом деле применяются, и электроэнцефалических индукторов тоже нет. Я не уверена, что смогу много из него выкачать.

— Не сомневаюсь, что ты с ним справишься, — сказал Фолкейн. — Ты же у нас теперь опытный врач. Кстати, с тех пор как ты меня лечила, осталось полно всяких медикаментов. Узнай у него хотя бы координаты Датины — это их планета.

— Оттащи его наверх. Потом, если только ты в состоянии, возьми на себя управление кораблем.

Фолкейн кивнул. Его начала одолевать усталость — реакция на пережитое напряжение. Тело Латимера показалось ему чудовищно тяжелым. На худом лице пленника застыла страдальческая гримаса, словно в предчувствии того, что его ожидало.

— Дурошлеп, — пробормотал Фолкейн с сарказмом.

Кофе с сэндвичем и пять минут под душем, во время которых он по интеркому повествовал о своих похождениях, придали ему сил. В отсеке управления он появился в прекрасном расположении духа.

— Какие дела, Тупица? — спросил он.

— Что касается нас, то мы на предельной скорости возвращаемся к бродячей планете, — отозвался компьютер. Гэхуд наверняка решит, что они на всех парах мчатся под крылышко боевых кораблей. — Состояние систем звездолета удовлетворительное, хотя колебания линейного напряжения в цепи сорок семь свидетельствуют о неисправности регулятора, который нужно будет заменить при первой же посадке в любом космопорту.

— Исправить, — поправил его Фолкейн почти автоматически.

— Заменить, — повторил Тупица.

— Великий Тупица! Мы можем через час оказаться в облаке радиоактивного газа, а ты требуешь себе новый регулятор напряжения! Может, тебе его еще золотом покрыть?

— Эту возможность я не учитывал. Разумеется, покрыть можно только корпус. Это должно неплохо выглядеть при условии, конечно, что все другие аналогичные блоки будут сделаны подобным образом.

— Заткни фонтан, — сказал Фолкейн. Он крепко закусил черенок трубки. — Что противник?

— Гравилуч с эсминца захватил скафандр, в данный момент последний находится рядом с линкором...

— Который возьмет его на борт, — dokonчил Фолкейн уверенно. Пока дела идут так, как он и предполагал... Пока. У Гэхуда еще какое-то время уйдет на то, чтобы во всех подробностях растолковать своим кораблям, что от них требуется.

Да, у этих звездолетов высокая скорость и точность наведения на цель, но вот с принятием решений у них туговато. Как и у любых других роботов, построенных цивилизацией. И вовсе не из-за отсутствия мистических жизненных сил. Дело тут, скорее всего, в физической организации живого существа. Помимо мозга, органов чувств и, если можно так выразиться, эффекторов, то бишь рук, щупалец и тому подобного, в организме живого существа имеются всякие разные железы, лимфатические узлы, сердце, наконец. Другими словами, организм — это есть ультрасложный комплекс инстинктов, развившихся за миллиарды лет безжалостной эволюции. Живое существо мыслит не с исключительной полнотой, но способно к самым отвлеченным абстракциям, цели свои оно определяет само, а потому может их бесконечно варьировать. Робот же выполняет только то, для чего он предназначен. Самообучающиеся машины вышли за эти пределы и даже где-то приблизились к настоящему интеллекту. Но все равно — они остаются в определенных рамках, и рамки эти значительно уже, чем у существ, создавших такие машины.

Естественно, если поставленная перед роботом задача соответствует его назначению, он выполняет ее куда лучше, чем живое существо. Прикажи Гэхуд своим кораблям уничтожить «Сквозь Хаос» — и спор рас будут решать звездолеты, компьютеры и орудийные стволы.

Ой ли?

Фолкейн сидел размышляя, барабанил пальцами по подлокотнику кресла, едкий дым трубки окутывал мерцающие на экране звезды.

Голос Чи прервал его раздумья:

— Твой подопечный лежит на столе. Внутренняя инъекция ему сделана, мозг и блуждающий нерв на контроле, аппарат поддержания жизни наготове. Я сделала все, что могла. Разбудить его электрошоком?

— Подожди немного. Для него это будет слишком тяжело. Нам ни к чему причинять ему вред, если без этого можно обойтись.

— Это почему еще?

Фолкейн выдохнул.

— Объясню как-нибудь в другой раз. Просто мне кажется, если мы будем обращаться с ним аккуратно, нам удастся узнать от него больше.

— Тогда уж лучше обратиться в хорошо оборудованную лабораторию.

— Это будет нарушением закона, причем столь серьезным, что вряд ли кто согласится на него пойти. Так что придется нам самим... Мы, правда, тоже нарушаем закон, но на это могут посмотреть сквозь пальцы, благо мы за тридцать земель от цивилизованных миров. Вот чего я не могу сказать, так это, даст ли Гэхуд нам несколько дней передышки, чтобы ты успела произвести полный анализ.

— Кстати, какое у тебя от него впечатление?

— В душу я к нему не заглядывал. Но даже будь я с ним хорошо знаком — а я знаю только, что он кидается на противника как бык на красную тряпку, — даже тогда мне трудно было бы что-либо утверждать. С одной стороны, у нас на борту остался в качестве заложника его доверенный слуга. К тому же у него есть причины подозревать, что у Сатаны нас ожидают друзья. Так что он может плюнуть на потери, вернуться домой и сообщить обо всем своим сородичам. С другой стороны, он может быть настолько смел, разгневан, напуган, что Латимер откроет нам нечто жизненно важное для него, что нападет на нас.

— Предположим, он поступит именно так.

— Нам придется улепетывать во всю мочь. Хочешь жить — умей вертеться. Быть может, нам удастся сбить его со следа где-нибудь в облаке Прайора. А может, мы просто оставим за спиной его тяжелые корабли, и он сам отзовет эсминцы, когда... Что там? Докладывай!

На экранах замелькали огоньки. Тупица сообщил:

— Они преследуют нас.

— Точка randevу? — потребовала Чи.

— Произвести полный и точный расчет, учитывая скорость, с которой мы движемся, пока не представляется возможным. Однако, — компьютер сделал паузу, — да, эсминцы следуют параллельным курсом, с чуть большим ускорением. При такой скорости они нагонят нас менее чем через одну астрономическую единицу.

— А палить начнут и того раньше, — заключила Чи. — Пойду-ка я к Латимеру.

— Давай, — неохотно согласился Фолкейн, он уже пожалел, что захватил пленника.

— Включи гипердвигатели, — посоветовала через некоторое время Чи по интеркому.

— Рано еще, — сказал Фолкейн.

— Чи-ин-пао?

— Мы пока в безопасности. Продолжай движение к Сатане, Тупица. Быть может, они захотят проверить мои слова.

— Ты так считаешь? — скептически осведомилась цинтианка.

— Нет, — признался Фолкейн. — Но что мы теряем?

«Немногое, — ответил он сам себе. — Шансов выбраться из этой

заварухи живыми мало. Однако на данный момент я ничего не могу сделать».

Храбрость в нем воспитали, а вот стремление радоваться жизни было у Фолкейна врожденным.

Теперь он проводил время, перебирая тысячи ощущений, которые составляли сознание и суть его личности. Звезды ярко сияли в космической тьме. Корабль окружил его своим маленьким миром, состоящим из рокота двигателей, шума вентиляторов, запахов химикалий, музыки — если есть желание ее слушать, всяких безделушек, которые он набрал за годы скитаний. Привкус табака приятно пощипывал нёбо. При вдохе грудь его расширялась, воздух проходил через ноздри и оказывался в легких. Кресло просело под его телом, и даже сидя, он поигрывал мускулами, продолжая этот бесконечный танец, в котором партнершей его была Вселенная. Рукава комбинезона, в который он переоделся, были чуточку шершавыми, и кожа на одной руке зачесалась. Сердце его билось быстрее, чем обычно, но привычно гулко, и это его радовало.

Дэвида охватили воспоминания. Мать, отец, сестры, братья, придворные, старые, много на своем веку перевидавшие солдаты, крестьяне, большие залы родового замка на Гермесе. Охота в лесу, купанье в волнах прибоя, кони, лодки, авиетки, звездолеты. Роскошные застолья. Кусок черного хлеба с сыром, бутылка дешевого вина, ночь с симпатичной девчонкой... Неужели женщин и в самом деле было так много? Да. Как здорово! Однако в последнее время он все чаще и чаще мечтал встретить девушку, с которой можно было бы дружить, как вот с Чи или с Эдзелом. Но разве мало ему этих друзей? Разве кочевая жизнь от одной дикой планеты к другой не спаяла их в одно целое?

И что сулит эта, быть может, последняя в его жизни — Сатана? Пусть повезет тому, кто захватит бродягу, — кем бы он ни был.

Откуда им знать, что это такое? Они ведь никогда не были на ее поверхности. Откровенно говоря, Гэхуда вряд ли можно винить. Ему ведь тоже не терпелось узнать, что это за планета. Тот факт, что мне это известно, ведь я на нее высаживался, лишь подстегивает его...

— Ну-ка, ну-ка! Не упустить бы эту мысль! Я ведь уже думал о чем-то подобном, когда Чи перебила меня...

Фолкейн забыл обо всем на свете. Вдруг из интеркома раздался встревоженный голос цинтианки:

— Эй, ты чего?

— А? — Фолкейн вздрогнул. — Нет, ничего, все нормально. Как дела?

— Латимер отвечает мне, но пока бессвязно. Его состояние хуже, чем я полагала.

— Психический шок, — не раздумывая поставил диагноз Фолкейн. — Его заставили предать хозяина — отчасти даже бога.

— Мне кажется, я смогу поддержать его на орбите достаточно долго, чтобы он ответил на пару вопросов. Как там враг, Тупица?

— Эсминцы сократили расстояние, — доложил компьютер. — Как скоро они откроют огонь, зависит от типа их орудий. Но по моим расчетам это произойдет довольно скоро.

— Попытайся вызвать по радио линкор, — приказал Фолкейн. — Может они... он пойдет на переговоры. Тем временем подготовь все к переходу на гипердвигатели при первом же признаке атаки. Уходить будем к Сатане.

Чи, по всей видимости, не расслышала его последних слов или была слишком занята, чтобы отреагировать. Из интеркома доносились ее реплики, бессвязное бормотание Латимера, гудение медицинских аппаратов.

— Должен ли звездолет перейти на обычные двигатели, когда мы достигнем планеты? — поинтересовался Тупица.

— Да. А пока измени ускорение движения. Мне нужна почти нулевая скорость относительно планеты, — сказал Фолкейн.

— Но это означает замедление, — предостерег Тупица. — Мы сравнительно быстро окажемся в пределах досягаемости орудий противника.

— Ничего. Как ты считаешь, удастся тебе найти подходящее место для посадки?

— Не уверен. Когда мы улетали, метеорологическая активность и тектонические явления возрастали почти по экспоненте.

— Не горюй, уж одно-то местечко на целой планете отыскать можно. И потом, ведь в твоей памяти хранятся биллионы битов, данных по Сатане — так что ты с ней, можно сказать, знаком. Посмотри-ка их и займись выбором места. Я смогу дать тебе лишь общие указания, а решения ты будешь принимать сам. Ясно?

— Полагаю, что вы хотите знать, полностью ли усвоена предложенная вами программа? Полностью.

— Хорошо. — Фолкейн хлопнул ладонью по ближней консоли и улыбнулся, улыбка вышла почти радостная. — Вот выберемся из этой заварухи, и ты получишь свои золотые регуляторы. Если понадобится, я оплачу их из собственного жалования.

Изменения силы тяжести внутри корабля не чувствовалось, прежними остались очертания созвездий на экранах дальнего вида, как и раньше, ослепительно сверкала Бета Креста. Но показания приборов говорили о том, что звездолет сбавляет скорость. На экранах серебряные блески — корабли Гэхуда — превратились сперва в черточки, потом в игрушечные кораблики и наконец — в боевые звездолеты.

— Есть! — воскликнула Чи.

— Что? — спросил Фолкейн.

— Координаты. В стандартных единицах. Но он потерял сознание. Пожалуй, надо кончать допрос, а то он окочится.

— Ладно. Да, пристегни его ремнями. Нам, быть может, придется нырнуть в атмосферу Сатаны. Компенсаторы могут и не справиться. Чи промолчала. Потом задумчиво произнесла:

— Понятно. Ну что ж, неплохо.

Фолкейн принялся грызть черенок трубки. Нет, ждать — это хуже всего. Гэхуд наверняка определил изменение вектора, наверняка заметил эту попытку якобы рандеву, наверняка засек хотя бы один из коммуникационных лучей, тянувшихся на разных частотах к его флагманскому кораблю. Но ничего не изменилось: погоня продолжалась, а ответом Фолкейну был лишь сухой треск помех.

«Если б он только отозвался... если б только отреагировал... Великое небо, нам вовсе не хочется драться!»

На экранах сверкнула белая вспышка, на мгновение затмившая звезды. Зазвучали колокола тревоги.

— По нам был произведен энергетический залп, — сообщил Тупица. — Дисперсия на таком расстоянии достаточно велика, поэтому повреждения — минимальные. Принимаю меры для уклонения от атаки. Противник выпустил несколько ракет. Судя по их поведению, это самонаводящиеся торпеды.

Фолкейн забыл сомнения, страхи и гнев. Он был теперь только воином.

— Уходим на гипердвигателях к Сатане, — сказал он ровным голосом. — На одной десятой мощности.

Небо на экранах задрожало, барабанным перепонкам стало больно от изменившегося ускорения, затем все пришло в норму, лишь пол под ногами дрожал чуть сильнее обычного. Быстрее света звездолет устремился к ослепительной Бете Креста.

— Так медленно? — спросила Чи Лан.

— Иначе нельзя, — отозвался Фолкейн. — Я хочу понаблюдать, что они предпримут.

Приборы сообщили, что эскадра противника затерялась где-то в миллионах километров позади.

— Они не перешли сразу на гипертягу, — подытожил Фолкейн. — Я так думаю, они сначала попытаются более-мнее сравняться с нашей скоростью. Из чего следует, что при первой же возможности они атакуют нас снова.

— Ты думаешь, нам удастся отсидеться на Сатане?

— Не знаю. Я так предполагаю, они остановятся на некотором удалении от планеты. — Фолкейн отложил трубку. — Будь Гэхуд хоть трижды вспыльчивым, сомнительно, чтобы он очертя голову кинулся в неизвестность вместе со своими роботами. Нет, он подождет, пока не выяснит, как обстоят дела. А время работает на нас.

— Определены импульсы гипердвигателей, — доложил компьютер через несколько минут.

Фолкейн присвистнул.

— Скоренько они замедлились, однако! Ну, ладно, руки в ноги и вперед. Нам вовсе ни к чему, чтобы они догнали нас при подходе к Сатане.

Рокот двигателей перешел в перестук барабанов, в грохот, в рев. Пламя Беты Креста, казалось, готово было поглотить звездолет. Компьютер сообщил:

— Нас преследует вся эскадра за исключением одного, предположительно, самого большого корабля. Крейсеры отстали, но эсминцы приближаются. Тем не менее мы достигнем цели на несколько минут раньше.

— Сколько тебе потребуется времени на сканирование планеты и вычисление курса?

Щелк, щелк, щелк.

— Будет достаточно ста секунд.

— Уменьши скорость настолько, чтобы мы оказались у цели, ну, скажем, на три минуты раньше первого эсминца. Спуск в атмосферу начать через сто секунд после перехода в нормальный режим. Скорость — максимально возможная.

Рев двигателей стал чуть тише.

— Ты сам-то пристегнулся, Дэвид? — спросила Чи.

— А?.. Нет, конечно. — Фолкейн только что это заметил.

— Ну так пристегнись! Ты считаешь, мне очень хочется отскрести потом палубу от этой овсяной каши, которую ты именуешь своими мозгами? Тоже мне младенец — всему его учить надо!

Фолкейн не сдержал улыбки.

— О себе не забудь, пушистик!

— Пушистик?! Ах ты!.. — На него обрушился поток брани.

Фолкейн сел в пилотское кресло и застегнул ремни. Чи надо было отвлечь от мысли, что сейчас она хозяйка своей судьбы. Обитателям Цинтии с этим труднее привыкнуть, чем людям.

Наконец они вышли к бродяге. Звездолет выскочил из гиперпространства. Взревели двигатели, задрожал и застонал металл корпуса — это продолжалось лишь несколько секунд.

Планета была сравнительно близко. По крайней мере, на экранах просматривалась большая часть освещенного полушария. Зрелище было впечатляющее: штормовые облака, молнии, обезумевшие ветры, вулканы, лавины, наводнения, гигантские волны, вздыбившиеся вдруг посреди океанов и распадающиеся на клочья пены, плотная стена дождя, града, обломков камней — один сплошной катаклизм под демоническим диском звезды. На миг Фолкейну показалось, что на всей планете нет места, куда бы мог сесть корабль, и он приготовился к смерти.

Но звездолет Лиги продолжал движение. По похожей на траекторию кометы орбите он устремился к северному полюсу.

Постепенно опускаясь, вошел в верхние слои атмосферы, которым полагалось быть разреженными, но от соприкосновения с которыми корабль вздрогнул.

Звездолет окружала тьма, пронзаемая лишь вспышками молний. Фолкейн бросил взгляд на кормовой экран. Показалось ли ему или в самом деле он заметил акульи формы кораблей Гэхуда? Ключья облаков затрудняли видимость. Раскаты грома, грохот, звон металла наполнили корабль, заполнили череп человека, проникли к нему в душу. Установленные внутри корпуса регуляторы поля не справлялись уже с нагрузкой. Палуба дрожала, раскачивалась, уходила из-под ног, круто вздымалась вверх. Что-то ударилось обо что-то и разбилось. Замигали лампочки.

Фолкейн попытался разглядеть приборную доску. Так, источники ядерной энергии за кормой приближаются... ба, все девятнадцать! Гэхуд не хочет упускать добычу.

Они были предназначены для ведения воздушных боев. Они получили приказ догнать и уничтожить земной звездолет. Они были роботами.

Они не умели размышлять. У них не было данных, которые подсказали бы, насколько опасна эта планета. Они не имели приказа ожидать дальнейших распоряжений, если обстановка вдруг изменится. Кроме того, они засекли маневрирующий в атмосфере корабль, который был меньше их по размерам.

И устремились за ним на полной скорости.

Тупица определил приближающийся ураган, вычислил его силу и направление движения. Это был обычный ураган, со скоростью километров двести-триста в час, нечто вроде мертвой зоны в могучей буре, полосовавшей сейчас континент и гнавшей перед собой чуть ли не пол-океана. Никакой звездолет, имей он даже на борту самообучающийся компьютер со всеми необходимыми данными, не смог бы долго противостоять этой буре.

А эсминцы столкнулись с нею грудь в грудь. Шторм подхватил их, как ноябрьский ветер в северных краях Земли подхватывает опавшие листья. С некоторыми из них он еще поиграл, то роняя их до края облаков, то подкидывая до верхней своей границы, и лишь потом отшвырнул. Другие корабли разнесло на кусочки камнями, которые увлек за собой шторм, и они затерялись во вспененном воздухе. Третьи разбились о горные склоны. Те обломки, что не унесла с собой буря, упали на грунт и превратились в грязь, пыль, песок. Словно и не было этих девятнадцати боевых кораблей.

— Вверх! — гаркнул Фолкейн. — Определи положение крейсеров! Используй облачное прикрытие! Вряд ли они обнаружат нас за таким клубком разрядов.

Звездолет накренился так, что Фолкейну стало дурно. Медленно, сражаясь за каждый сантиметр, «Сквозь Хаос» начал подниматься.

Случайно он натолкнулся на воздушное течение, которое повлекло его за собой над всеми бурями, но под обширным слоем конденсирующегося пара, турбулентные массы которого превратили небосвод в подобие ада. Радарам звездолета вся эта плотная облачная масса была ничем. Они засекли противника.

Крейсеры не собирались совершать посадку на планету. Они остались на орбите на случай возможного нападения из космоса. Все их датчики, все их приборы прошупывали пространство. Расположились они неосторожно близко друг к другу. Это ведь тоже были корабли-роботы, строители которых веровали больше в силу, чем в разум.

Фолкейн выпустил три из четырех своих ядерных торпед. Две достигли цели, третья была перехвачена на полпути. Скрепя сердце, он пожертвовал четвертой, последней. Судя по показаниям приборов, она угодила почти в «яблочко». Оставшийся подбитый крейсер начал отступать. К нему присоединился линкор, зловещая туша которого маячила на полудюжине экранов. Оба звездолета перешли на гипердвигатели и исчезли в направлении Циркуля.

Фолкейн заулюлюкал.

Постепенно он успокоился.

— Выбираемся в космос, Тупица. Рассчитай орбиту сразу за атмосферой. Двигатели — на самую малую мощность. Ни к чему напоминать о себе Гэхуду. Вдруг ему взбредет в голову вернуться?

— Как, по-твоему, что он предположил? — Голос Чи был таким слабым, что Фолкейн едва расслышал вопрос.

— Не знаю. Все что угодно. Он мог решить, что у нас имеется некоторое тайное оружие. Он мог решить, что мы нарочно заманили его эсминцы вниз на верную гибель, а торпедами его атаквали наши корабли. А может, ему открылась истина, но он решил, что раз его эскадра наголову разбита и что вот-вот тут может появиться флот Лиги, ему лучше смотать удочки.

— Значит, мы его перехитрили, а? — В усталом голосе Чи послышалась нотка торжества.

— Кто это «мы», котеночек?

— Я ведь раздобыла для тебя эти координаты. Самая важная вещь, которой мы добились всем этим полетом.

— Верно, — согласился Фолкейн, — считай, что я попросил прощения. Как Латимер?

— Мертв.

— Что? — Фолкейн выпрямился. — Почему?

— Когда мы кувыркались, аппарат поддержания жизни вышел из строя. А в том состоянии, в котором находился его организм... В любом случае, сейчас предпринимать что-либо уже поздно: прошло слишком много времени.

Фолкейн представил себе равнодушный жест, которым Чи Лан сопровождала свои слова. Она, наверное, думает: «Жалко, конечно. Но главное-то мы у него успели узнать. И сами остались в живых».

Мысли его перескочили на другое: «Бедняга. Ну что ж, я отомстил. Отомстил за свое унижение. Но не скажу, чтобы я был от этого в восторге».

Было непривычно тихо. Звездолет вышел в открытый космос, и на экране снова засверкали звезды.

Фолкейн поймал себя на том, что не испытывает больше сожаления. Его переполняла радость победы. Ничего, они отдадут своему врагу последние почести, и тело его исчезнет в грозном пламени красавицы звезды. А потом «Сквозь Хаос» направится к Земле.

«Нет! — Эта мысль словно жгла его. — Нет. Домой нам возвращаться еще слишком рано».

Ведь борьба за выживание только началась.

ГЛАВА 18

Природа хорошо продумала свои законы, и потому научные открытия редко отменяют их. В большинстве случаев они становятся приближениями или исключениями или требуют точного описания. Поэтому — хотя расширив свои познания в физике, мы получили возможность делать то, что Эйнштейн считал невозможным, например, пересекать расстояние в один световой год менее чем за два часа, — выведенные им ограничения на одновременность не потеряли своего значения. Не важно, какой скорости мы можем достичь, — все равно величина ее остается конечной.

Именно это и пытался доказать Эдзел.

— Спрашивать, что делают наши друзья «сейчас», когда нас разделяет межзвездное пространство, не совсем корректно. Конечно, когда они вернутся, мы сверим наши часы и обнаружим, что время на их корабле текло так же. Но сравнивать любой временной интервал у нас с любым временным интервалом у них там — это значит брать ответы с потолка.

— Ха! — хмыкнул Николас ван Рийн, взмахнув руками. — Ха! Возьми свой ответ хоть оттуда же, но объясни мне, в чем дело. Черт побери, они улетели четыре дня назад! Но до этой — как там ее, Беты Креста? — всего-то две недели лету! Не иначе как на этой планете ледники из пива да из бренди — что еще могло бы задержать этих паршивцев?

— Понимаю вашу озабоченность, — сказал Эдзел спокойно. — По правде сказать, мне тоже немного не по себе, но передаточная капсула — это не звездолет типа «Сквозь Хаос»: она движется куда медленнее. Отправь они одну такую капсулу сразу по прибытии на место, она вот-вот должна появиться в Солнечной системе. Однако, по логике вещей, вряд ли они поступили именно так. Дэвид наверняка уже оправился, по крайней мере, настолько, чтобы понять, что вы постараетесь выкачать из компьютера «СИ» всю ту информацию,

которую некогда он получил сам. Ради чего тогда тратить капсулу — чтобы известить нас о существовании бродяги? Нет, они с Чи Лан сперва соберут достаточно сведений, а потом уже все остальное. Если им повезет, они избегут опасностей, связанных с отправлением письменного сообщения. Вероятно, они на пути домой... и скоро прибудут... если прибудут вообще...

Его огромное чешуйчатое тело оторвалось от палубы, на которой он лежал, отдыхая. Согнувшись в три погибели, Эдзел встал, хвост его очутился в соседнем помещении. Звонко зацокали по металлу палубы его копыта. Он сделал несколько кругов в отсеке управления, потом остановился и бросил взгляд на экраны, опоясывающие отсек по периметру.

Звездолет двигался в открытом космосе, постепенно наращивая скорость. Земля с Луной превратились уже в две точки — голубую и золотую, Солнце заметно уменьшилось в размерах. Впереди мерцали звезды южной половины небосвода. На носовом экране, нацеленном на созвездие Циркуля, возник какой-то загадочный предмет. Но взгляд Эдзела был устремлен в другую сторону: воденит разглядывал вторую по яркости звезду Южного Креста.

— Можно вернуться и подождать, — предложил он. — Быть может, госпожа Белдэниэл согласится взять назад свою угрозу отменить встречу. Быть может, угроза эта — одни лишь слова?

— Нет, — отозвался ван Рийн из глубины своего кресла. — Как будто нет. Как я выяснил, пока мы тут с ней толковали, она слов на ветер не бросает. Палец ей в рот не клади — мигом откусит. Так что нам лучше поверить ей, если она говорит, что ее боссы не особенно-то рвутся встретиться с нами и что она не может гарантировать их явку на место randevu. И если мы сделаем что-нибудь такое, что не понравится им или ей, и она отсоветует им вступать в переговоры, то они со всех ног бросятся обратно домой.

Он пыхнул трубкой, добавив еще один клуб дыма к той голубой завесе, которая уже окутывала отсек.

— Нам о них практически ничего не известно, тогда как они знают о нас очень много, — продолжил он. — Вывод: когда дело дойдет до встречи и до обмена мыслями, мы будем покупателями на рынке продавца и сможем только вежливо попросить их, чтобы они не заламывали слишком высокую цену, — закончил он мрачно.

— Если вы так волнуетесь за Дэвида с Чи, — сказал Эдзел, — можно ведь еще до того, как мы перейдем на гипертягу, связаться с базой и выслать им на подмогу еще парочку кораблей.

— Это ни к чему, пока мы не получим от них вопль о помощи или если долгое время не будет никаких вестей от них. Опыта им не занимать, так что любая планета должна быть им по плечу. А если у них что и случилось, то спешить на помощь, боюсь, все равно уже слишком поздно.

— Я имел в виду подмогу на случай встречи с противником. Они ведь запросто могли столкнуться с боевыми звездолетами — помните,

те двое владельцев «Серендингсити», которые смылись несколько недель назад?

— Ну и сколько же кораблей ты предлагаешь выслать? Парочкой здесь не обойдешься. — Ван Рийн покачал головой. — В сражении всегда побеждает кто-то один, дракоша. Боевых звездолетов у нас мало. Что хоть несколько из них вернутся назад, маловероятно. Нет, в открытом бою нам не справиться с этими неизвестными пока что злодеями, которым так хочется лишить нас тяжким потом добытых денег.

— Денег! — Кончик хвоста Эдзела с сухим треском шлепнулся о палубу. Его низкий голос был непривычно резок. — Да если бы вы только известили Содружество, сил у нас было бы предостаточно — ведь тогда мы могли бы обратиться за помощью к «Космофлоту»! Чем больше я думаю об этом вашем молчании, тем больше с ужасом убеждаюсь, что вы готовы подвергнуть опасности целые планеты, всю цивилизацию — биллионы биллионов разумных существ, — лишь бы никто не нарушил вашу монополию!

— Ну-ну, лошадка. — Ван Рийн поднял ладонь. — Не такой уж я злодей. Если все наше общество провалится в тартарары, на чем же я буду делать деньги? А? Кроме того, у меня есть совесть. Забитая, правда, и протравленная табаком, но все-таки совесть. Волей-неволей мне все равно однажды придется держать ответ перед Господом. — Он указал на вырезанную из песчаного корня маленькую статуэтку Святого Дисмаса, которую обычно брал с собой в дорогу. Она стояла на полке. Свечи в суматохе сборов взять забыли, но их с успехом заменяли несколько приткнувшихся у основания статуэтки и весело перемигивавшихся огоньками коммутационных панелей. Ван Рийн перекрестился.

— Так что, — продолжал он, — мне приходится думать, для кого что лучше. Ты можешь быть убежден в чем угодно, но решать приходится мне. Мой бедный старый мозг, который так притомился, — он должен определить, что нам делать дальше. Даже если я скажу, что отныне решения у нас принимаешь ты, все равно это будет мое решение и мне придется отвечать за него. А как мне кажется, ты не особенно стремишься принять на себя эту ответственность.

— Откровенно говоря, нет, — признался Эдзел. — Меня она пугает. Но вы впадаете в гордыню, принимая ее бремя только на свои плечи.

— А кто с этим справится лучше меня? Ты слишком наивен, слишком доверчив, чтобы тебе можно было поручить это дело. Другие в большинстве своем идиоты, паникеры, либо упершиеся лбом в какую-нибудь там политическую теорию, или скупы и жестоки... А что касается меня, так я попрошу вон того своего приятеля похлопотать за меня на небесах. Кстати сказать, я и в этой жизни завел немало знакомств. У меня за пазухой целая куча народу, причем всем им я рассказал о нашем дельце ровно столько, сколько считал нужным.

Ван Рийн откинулся на спинку кресла.

— Эдзел, — сказал он, — дальше по коридору ты найдешь холодильник с пивом. Будь паинькой, принеси мне одну бутылку, и я тебе все изложу по порядку, раз уж ты не присутствовал при разговорах, которые я вел. Да и потом, надо же как-то вознаградить тебя за долготерпение. Из моих слов ты поймешь, как мне пришлось вертеться...

Тот, кто не боится смерти и не помышляет о ней, может стать сильнее, чем он есть на самом деле, ибо тогда недостатка в предложениях сотрудничать у него не будет.

Владельцы «Серендингсити» пали, но не на самое дно. Они потеряли многое, но кое-что у них еще осталось. Например, коммуникационная система, компьютеры и банки данных. Если бы они решили уничтожить все это, а не продавать, то удержать их было бы трудно, скорее всего, невозможно. И речь бы в этом случае шла не просто о деньгах. От услуг фирмы зависело очень много ключевых производств, да и потенциальных клиентов у «СИ» было не меньше. Короче говоря, уничтожение фирмы обернулось бы экономическим крахом, из-за которого серьезно пострадали бы и Лига, и Содружество, и союзные им народы. Жизнь, разумеется, продолжалась бы, но произошел бы невиданный доселе спад производства, причем растянувшийся неизвестно на сколько лет.

Естественно, в информсистеме не содержалось никаких сведений о ее хозяевах. Правда, кое-какие выводы можно было сделать, проанализировав логические цепи, но толку от этого было чуть. Однако внимательное изучение собранных данных дало бы некоторое представление о том минимуме сведений, которые имели эти хозяева о Политехнической лиге. Поэтому партнеры потребовали за свои машины довольно внушительную сумму и особо оговорили следующее: их должны отпустить на все четыре стороны и не пытаться проследить, куда они направятся.

Ван Рийн же, в свою очередь, потребовал себе компенсацию за организацию их отлета. Он буквально рыл землю, пытаясь узнать хоть что-нибудь о шеннах, — до одного из названий этого народа ему удалось докопаться. Он заявил, что ищет встречи с ними. Перед тем как Ким Юн Кун, Анастасия Геррера и Ева Латимер покинули Солнечную систему, он заручился их обещанием поторопить своих владык, чтобы те отправили делегацию. Места встречи партнеры не назвали. Это должна была сделать оставшаяся на Луне Тея Белдэниэл, да и то, если сочтет нужным.

Кроме того, обе стороны стремились избежать огласки. Ни «Серендингсити», ни ван Рийну не хотелось, чтобы этим делом заинтересовалось какое-нибудь правительство... во всяком случае, пока. Иными словами, угрожая один другому обнародовать факты, противники держали друг друга за горло. Поскольку ван Рийн,

случись подобное, как будто потерял бы меньше, чем «СИ», козырь в его руках был старше козыря Теи. По крайней мере, он настойчиво ее в этом убеждал и вроде бы преуспел. Она заплатила ему за молчание тем, что помогла получить от компьютеров всю информацию насчет Беты Креста и планеты-бродяги — все сведения, которые были в свое время сообщены Фолкейну.

Казалось бы, после этого всякие отношения должны прекратиться, но случилось совсем наоборот. Отчасти это произошло из-за того, что нужно было юридически оформить продажу фирмы и отшить Агентство новостей, стремившееся вызнать подоплеку событий. Отчасти же потому, что этого не хотелось ван Рийну. Ему нужно было выгадать время, чтобы дожидаться сообщения от Дэвида и решить, кому и что шепнуть на ушко, что следует предпринять для защиты от почти неведомой опасности. Время, чтобы начать приготовления втихую, но не слишком... Тее же, или ее хозяевам, было выгодно, чтобы делегация Лиги вылетела к месту randevu возможно раньше. В любом случае, Ким успеет предостеречь шеннов, а вот у ван Рийна будет меньше времени на плетение своих сетей.

Она объяснила ему, что у шеннов нет особых причин вести с кем-то дела. Раз их шпионская система раскрыта, они могут искать встречи с хорошо информированным человеком, например, с ним, ван Рийном, могут оценить изменившуюся ситуацию, вступить в переговоры по разделу сфер влияния. Но могут ничего этого не делать. Могуущества им не занимать, поэтому чего ради идти им на уступки дикарям-людям? Она предложила торговцу, чтобы он отправился к месту randevu один, на корабле, который она выберет сама и обзорные экраны которого будут отключены. Он отказался.

Потом внезапно она прервала переговоры, заявив, что в течение ближайшей недели они должны вылететь. Ван Рийн взвыл, но Тея твердо стояла на своем. Мол, так они решили с партнерами, когда определяли место встречи, которое подошло бы их владыкам. Если его все это не устраивает, то ему просто не укажут дорогу, вот и все.

Ван Рийн начал угрожать. Он заявил, что у него найдутся другие способы встретиться с шеннами. Снова начались торги. У Теи были свои основания желать скорого отправления экспедиции. Она полагала, что так будет лучше для ее хозяев, во всяком случае, даст им дополнительные преимущества. Но была и другая причина, не столь возвышенная, но тем не менее важная: экспедиция эта доставит ее домой, а иначе она обречена окончить жизнь на чужбине.

Она уступила в некоторых пунктах.

Наконец была достигнута следующая договоренность: Тея летит вместе с ван Рийном, которого сопровождает Эдзел. Время отлета назначает она. Однако путешествовать они будут вслепую. Как только корабль перейдет на гипердвигатели, она проинструктирует робопилота и даст ему координаты, причем ван Рийну слушать все это не возбраняется, ибо все равно летят они не на родную планету

шеннов. Но она не желает рисковать и потому отказывается лететь на звездолете, который он приготовил: там вполне может быть спрятано какое-нибудь следящее устройство — да все что угодно. Ван Рийн выказал ей недоверие по тем же причинам. Они сошлись на том, что полетят на корабле, только что построенном на негуманоидной верфи. Был выбран звездолет, возвращающийся из испытательного полета и предназначенный для продажи с полным грузом запасов и топлива.

Оформив все надлежащим образом, они явились на корабль немедленно по его прибытии в Солнечную систему, проверили друг у друга багаж и отправились в путь.

Это Эдзелу было известно. В закулисной деятельности ван Рийна он участия не принимал. Однако вовсе не удивился, узнав, что во все концы обслуживания компаний «Солнечные пряности и напитки» пространства были направлены специальные курьеры с распоряжениями для самых надежных торговых агентов, управителей регионов, шегов «полиции» и для других, более темных личностей. Но Эдзел не представлял себе, до какой степени возбуждены торговые принцы Лиги. Разумеется, всего им не сказали. Но сделано это было не столько для того, чтобы сохранить в тайне существование бродяги, сколько для того, чтобы непредусмотрительная алчность и назойливость не помешали проведению оборонительных мероприятий. Магнатов предостерегли, что где-то за гранью известного мира имеется могущественная и, может быть, враждебная цивилизация. Некоторым из них более подробно разъяснили роль «Серендингсити» и ото всех потребовали помощи.

Это оказалось достаточно для привлечения внимания правительств. Перемещения боевых эскадр Лиги не могли пройти незамеченными. Всякие запросы, естественно, более или менее вежливо отклонялись. Но государственные военные ведомства не могли оставаться безучастными к происходящему. Эскадры Лиги группировались поблизости от наиболее важнейших планет, это заставило армейских чинов в тех районах увеличить численность войск.

Но на случай тотальной войны этого было мало. Поэтому торговые короли под покровом глубокой тайны повели переговоры с владыками светскими и духовными, которые по закону — по многим, часто совершенно различным между собой законодательствам разных народов и культур, — стояли над ними. Однако на данный момент эти переговоры зашли в тупик: слишком многое было неизвестно — ведь даже существование опасного врага оставалось пока недоказанным, и поэтому на свет вытащили старые обиды и разногласия. Ван Рийн просто вынужден был нарушить закон — ибо от взывания к общественным идеалам и здравому смыслу не было прока.

Так что дела шли крайне медленно. И вряд ли что-либо могло

измениться, во всяком случае, пока не пройдут времена воинствующих ангелов — борцов за справедливость против Лиги.

Громадные расстояния, маломощные линии коммуникаций, разбросанные в пространстве, и столь не похожие друг на друга планеты. Еще никто и никогда не пытался поднять все эти миры одновременно. Не только потому, что это было не нужно, нет, это представлялось невозможным.

— Я сделал, что смог, — сказал ван Рийн, — причем не зная, надо ли. Быть может, месяца через три-четыре, или года через три-четыре, камешек, который я бросил, и вызовет лавину. Быть может, всякий тогда сможет отразить любой удар. А может, и нет. Сведения, которыми я не смог воспользоваться, я оставил в надежном месте. Если я не вернусь, они будут опубликованы. И тогда — ха-ха! — тогда сможет случиться абсолютно все! В ту игру, которой сейчас заняты лишь некоторые, окажется втянуто множество игроков. А по правилу, которое было установлено столетия назад, чем больше игроков, тем меньше смысла в игре. Мы с тобой отправимся прямо сейчас и постараемся сделать то, что окажется нам по силам. Если нам по силам окажется только крах — ну что ж, здешний муравейник-то мы разворошили в любом случае. Может, и не очень сильно. Может достаточно. Проклятие, чтоб ее черти взяли, эту ведьму Белдэниэл! Она таки своего добилась.

ГЛАВА 19

Гипердвигатели мчали звездолет сквозь космическую ночь. От цели его отделяло около трех недель полета.

Сначала Тея держалась настороженно, редко покидала свою каюту и мало говорила, ограничиваясь в основном приветствиями при случайных встречах да просьбами за столом. Ван Рийн на нее не нажимал. Но сам он, за едой и после — за бутылкой вина или бренди — говорил почти непрерывно. Он пускался в воспоминания, рассказывал пришедшие на ум забавные истории, впрочем, надо признать, иногда он заводил разговор и о серьезных вещах. Не оставался в стороне и Эдзел, часто отпускавший замечания по поводу той или иной фразы своего босса. В общем, ван Рийн вел себя так, словно находился в приятельских отношениях не только с вежливым драконокентавром, но и с этой худощавой, нервной, неулыбчивой женщиной.

Сперва она сразу же после еды вставала из-за стола, но потом слушать рассказы торговца вошло у нее едва ли не в привычку. Делать больше было нечего: за подрагивающим металлом корпуса на миллиарды световых лет раскинулся безбрежный океан одиночества, а ван Рийн так и сыпал полуправдоподобными легендами о событиях, по большей части Тее неизвестных.

— К тому белому карлику мы приблизиться не могли, потому

что радиация там была выше головы... да, кванты разбегались от него во все стороны, как блохи с тонущего пса... но деваться нам было некуда — иначе нашей бедной компашке пришел бы конец. По-моему, я, так сказать, попался на крючок судьбы. Но, клянусь небом! — мысль об этом крючке заставила меня предположить, что мы могли бы...

Чего Тея не знала, так это того, что перед каждым разговором Эдзел получал подробные инструкции: что говорить, о чем спрашивать, на что возражать и что поддерживать. Иными словами, ван Рийн раз за разом пробовал на Тее Белдэниэл свои домашние заготовки.

В скором времени он мог уже сказать, какие темы интересуют ее и доставляют удовольствие, а какие вызывают скуку или раздражают. Вне всякого сомнения, она старалась запомнить все, что, по ее мнению, было полезным для шеннов. Но с другой стороны, она должна была понимать, что трудно говорить о пользе там, где нет возможности отделить вымысел от истины. Поэтому, как заметил ван Рийн, постепенно она, с заметным удовольствием, стала просто слушать эти басни. Особенно много ценного для себя он выяснил, наблюдая за ее реакцией на манеру изложения. Ведь одно дело, когда вы рассказываете холодно, отстраненно, безразлично, и совсем другое — когда с шутками, прибаутками или задумчиво, или ласково, поэтически (таким образом ван Рийн стремился передать речь других): короче говоря, рассказывать можно по-всякому. Разумеется, он не перескакивал с одного тона на другой — нет, переход совершался медленно и плавно.

Прошло не больше недели, а он уже выяснил все, что хотел. Теперь он знал, как действовать, и необходимость привлекать к разговорам Эдзела отпала. Тея довольно охотно отвечала ему.

Они по-прежнему оставались врагами. Но ван Рийн превратился в противника, которого нельзя недооценивать, которого надо уважать. И все чаще и чаще она стала задумываться, а сумеет ли он найти общий язык с ее владыками?

— Конечно же, я хочу договориться, — сказал он ей добродушно. — Из-за чего нам воевать? В галактике ведь сотни две или три биллионов звезд. Места всем хватит, а? — Он махнул Эдзелу, и тот, как было договорено заранее, отправился за коньяком. Попробовав принесенный напиток, ван Рийн взревел. — О-о-ох! И ты хочешь предложить эту гадость нашей доброй приятельнице, у которой такое нежное горлышко? Прочь с глаз моих с этой паршивой бутылкой! Принеси другую, да смотри, выбирай! Ты что, очумел — зачем ее выбрасывать? Да, братец, у тебя, наверное, и мозг зарос чешуей! Нет, мы доставим ее домой и предъявим виноторговцу. И, ох! Как он у нас попляшет! — На самом деле коньяк был великолепным, и ван Рийн собирался потом вдвоем с воденитом распить эту бутылку. Ему просто надо было произвести впечатление. Разве Юпитер не явится по пустякам?

— С чего это ваши шенны нас бояться? — спросил он у нее в другой раз.

Тея вскинулась:

— Нет! Ничто не может их испугать! — (Ну, точно, Юпитер и ревностная его жрица. По крайней мере, на первый взгляд. Хотя отношения между ними вполне могут быть куда более сложными, да и Юпитер, скорее всего, не бог, а дикарский идол). — Они осторожны... скромны... мудры... и потому хотят сначала узнать людей.

— Так-так-так. Не сердитесь, ладно? Как я могу, говоря про них, выбирать правильные слова, если вы мне ничего о них не рассказываете?

— Я не могу. — Она судорожно сглотнула и заломила руки. — Я не должна! — И она бросилась в свою каюту.

Ван Рийн пошел за ней. Когда ему это было нужно, он мог передвигаться совсем неслышно. Массивная дверь ее каюты была заперта. Но ван Рийн вставил себе в ухо транзисторный усилитель звука, сделанный по образцу слуховых аппаратов, применявшихся до разработки регенерационных технологий. Некоторое время он стоял под дверью, вслушиваясь в рыдания Теи, не испытывая ни раскаяния, ни злорадства. Ну что ж, слезы — явное подтверждение ее смятения. Сломить ее окончательно за оставшиеся несколько дней пути вряд ли удастся, но кое-что, если не особенно давить, выяснить будет можно.

При следующей встрече он постарался развеселить ее. А после ужина, за десертом, предложил ей немного выпить. Эдзел тихонько вышел из отсека и отправился в отсек управления, там он с полчаса колдовал над главной панелью, регулируя силу освещения в салоне. В помещении воцарился романтический полумрак, но произошло это так постепенно, что Тея ничего не заметила. Ван Рийн вытащил откуда-то проигрыватель, заявив, что без музыки еда не еда. «Вечерняя программа» состояла из специально отобранных мелодий вроде «Последней весны», «Воздуха Лондондерри», «Блюза вечерней звезды». Названия, однако, ван Рийн не упомянул. Бедняга, она настолько оторвалась от своего народа, что названия эти были бы для нее пустым звуком. Но мелодии — совсем другое дело.

Физически он ее не желал. Хотя и признался себе, что теперь, когда напряжение первых дней пути спало, она стала довольно привлекательной, несмотря на этот свой балахон. Красивой он ее не назвал бы, к тому же он предпочитал гораздо более полных женщин. Но интерес оживил правильные черты ее лица и зажег огоньки в действительно прекрасных зеленых глазах. Когда она заговаривала с ним, улыбаясь просто от того, что говорит со знакомым человеком, голос ее становился глубже. Любая подобная попытка всего лишь оттолкнула бы ее. Нет, он замыслил более изощренное обольщение.

— Они воспитывали нас, — произнесла она мечтательно. — О, я знаю земной жаргон, знаю, что нас называли чокнутыми. Но по

правде сказать, что есть нора, Николас? Да, мы отличаемся от других людей. Но ведь человеческая натура многообразна. По-моему, вы не можете назвать нас извращенцами — с тем же успехом мы могли бы сказать то же самое и о вас, ибо вы выросли в другой культурной среде. Мы здоровы и счастливы.

Ван Рийн вопросительно поднял бровь.

— Счастливы! — повторила она громче, выпрямившись. — Мы рады и горды служить нашим... нашим спасителям.

— «Уж больно громко женщина клянется...» — пробормотал он.

— Что?

— Это строка из одного древнего стихотворения. Вам вряд ли оно известно. Я просто хочу сказать, что мне очень интересно. Вы мне никогда не рассказывали о своем прошлом, ну, кораблекрушении и все такое прочее...

— Да, но мы говорили об этом с Дэви Фолкейном... когда он гостил у нас. — На ресницах у нее вдруг заблестели слезы. Она закрыла глаза, помотала головой и единым духом осушила свой стаканчик. Ван Рийн налил ей еще. — Он был такой милый, — проговорила она. — Я вовсе не хотела причинить ему зла. Никто из нас этого не хотел. И не наша вина, что его... его... его отправили на верную смерть. Вы! Как мне хочется, чтобы ему повезло.

Ван Рийн сделал вид, что не заметил оговорки. Ведь из ее слов следовало, что Латимер и ее сестра отправились к шеннам не просто так, и что те ничуть не замедлят с посылкой к Бете Креста своей экспедиции. Он проворчал:

— Раз уж вы так с ним подружились, неприятно, должно быть, было ему лгать?

— Не понимаю, о чем вы? — Она изумленно взглянула на него.

— Вы, именно вы обвели его вокруг пальца, — сказал ван Рийн, отнюдь не обвиняя. — Но стреляного воробья на мякине не проведешь. Я в эти ваши басни насчет радиации и того, как вас потом нашли, не верю. Если шенны хотели просто помочь вам вернуться домой, к чему тогда эти шпионские страсти? Кстати сказать, уж больно вы им послушны. Вы могли быть им благодарными за оказанную помощь, но ни за что не стали бы шпионить за своими собратьями, которые не причинили вам никакого вреда, — если только вы не попали в руки чужаков совсем младенцами. Вывод отсюда следующий: они заполучили вас к себе совсем малявками. А?

— Ну, знаете...

— Не горячитесь. — Ван Рийн поднял свой стакан и поглядел сквозь него на свет. — Я человек простой и от всей души стремлюсь к пониманию, чтобы можно было уладить это дело, не прибегая к оружию. Мне не нужны никакие действительные тайны шеннов. Но, скажем вот, название их планеты...

— Дatina...

— Ага. Ну так вот, сказав это слово, вы ведь ни себе, ни им плохо не сделали. Правильно? Если мы не будем все время ходить вокруг

да около, нам станет легче общаться друг с другом. О'кей, вы попали к шеннам младенцами, и они воспитали вас, преследуя свои цели. Почему вы не хотите признать этого? Как вы воспитывались и где, любые, даже самые незначительные детальки позволяют мне понять вас и ваших приятелей, Тея.

— Ничего серьезного я вам открыть не могу.

— Знаю. Какая звезда у Датины, вы мне точно не скажете. Ну а образ жизни? У вас было счастливое детство?

— Да-да. Первое, что я помню... Истхан, один из сыновей моего хозяина взял меня с собой... ему нужен был кто-то, чтобы нести оружие. Там оружие есть даже у малышей. Мы забрались в разрушенную часть огромного древнего здания... В высокой башне мы обнаружили машины, только чуть заржавевшие... Солнечный лучик проник внутрь через отверстие в крыше, и я засмеялась, когда он отразился от металла и по стенам запрыгали зайчики... А из окна видна была пустыня, как будто... — Глаза ее широко раскрылись. Она прижала к губам ладонь. — Я слишком много говорю. Пожалуй, пора идти спать.

— Не торопись, ты так прекрасна, — сказал ван Рийн. — Это строка из еще одного старинного стихотворения, и она означает: останьтесь, дорогая, и выпейте мадеры. Мы же ни о чем серьезном не говорим. Кстати, если не было никакого звездолета с колонизированной планеты, откуда вы взялись?

Краска сошла с ее лица.

— Доброй ночи! — бросила она и опрометью кинулась в свою каюту. Однако теперь ван Рийн мог бы приказать ей остаться, и она повиновалась бы, ибо подчиняться ее приучили с самых ранних лет. Но он не стал этого делать, поскольку продолжение расспросов привело бы лишь к истерике.

Очутившись вдвоем с Эдзелом в каюте воденита — вернее, это были две каюты, между которыми убрали переборку, — ван Рийн, допивая стаканчик на ночь, пробурчал:

— Кое-что я выяснил. Ну, насчет того народа, который нам угрожает. Правда, в основном про их психологию. Но эти сведения тоже пригодятся. — Он сделал такую гримасу, что усы его вспорхнулись. — Нас ожидают мало сказать неприятности. Это отвратительно. Ужасно.

— Что же вы узнали? — спросил Эдзел спокойно.

— Эти самые шенны с какой-то целью превратили людей, попавших к ним младенцами, в рабов — нет, в собак. Может, они и с другими существами так поступают, но уж с людьми точно.

— А откуда же они взяли детей?

— Доказательств у меня нет, но голова еще работает, и лучше, чем считает Белдэниэл со своими друзьями. Смотри. Мы можем утверждать почти наверняка, что звезда, у которой должно состояться randevu, расположена рядом с Датиной. Шенны, таким образом,

получают преимущество в скорости связи, а мы с тобой останемся одни, далеко от дома и от любезных друзей с пушками. Правильно? Эдзел почесал затылок: звук был довольно неприятный.

— «Рядом» понятие относительное. В окружности с радиусом пятьдесят или даже сто световых лет так много звезд, что мы даже приблизительно не успеем определить, где планета нашего противника, как он уже навалится на нас.

— Ага-ага. Я просто хочу сказать, что где-то поблизости от места встречи должна быть территория, на которой шенны хозяйничают уже давно. О'кей? Вот что мне вспомнилось: лет этак пятьдесят назад была предпринята попытка основать где-то в том районе колонию. Это была очередная группка утопистов — их в те дни расплодилось немало. Они нашли себе планету у умирающей звезды G-типа и назвали ее, дай Бог памяти, — ага, Леандрой. Они хотели избавиться от всех, кто мешает им строить свой собственный рай. И это им удалось. Торговать к ним никто не летал: никакая выручка не окупит затрат на столь дальнее путешествие. У них был один звездолет, на котором они навещали Ифри и Линатау — это случалось не чаще раза в году, — и закупали на деньги, которые прихватили с собой, необходимые товары. А потом случилось так, что звездолет долгое время не появлялся ни там, ни там. Кого-то это встревожило, и на Леандру отправили корабль. Планета оказалась покинутой. Единственная деревня на ней полностью выгорела — как и лес на многие километры вокруг, а звездолет пропал. Одно время многие ломали головы над этой загадкой. Я услышал обо всем, когда несколько лет спустя прилетел на Ифри. Естественно, на Земле и на других центральных планетах никто и пальцем не шевельнул.

— И никому не пришла мысль о пиратах? — спросил Эдзел.

— Не знаю. Но чего ради пиратам нападать на деревушку у черта на куличках? Кроме того, больше никаких нападений в этом секторе Галактики не было. А кто слышал о, так сказать, одноразовых пиратах? Если рассуждать логически, то, после того, как пожар уничтожил поля, склады и все остальное, леандрійцы — жить-то как-то надо — должны были отправиться за помощью. Они все забились в свой звездолет и улетели, но в космосе у них, видимо, случилась какая-то поломка, в результате которой они погибли. Теперь обо всем этом уже прочно забыли. Кому нужна какая-то Леандра, когда и под боком немало шикарных местечек? — Ван Рийн бросил грозный взгляд на стакан, словно тот тоже был его врагом. — Но сегодня я сопоставил все факты. Скорее всего, это работа шеннов. Они сперва, наверное, высадились на планету и назвались друзьями, сказав, что лишь недавно начали осваивать пространство. Все изучили, прикинули, что делать. А потом захватили всех и устроили пожар, чтобы замести следы.

— Дальше мне кажется, было вот что, — прибавил Эдзел мягко. — Они попытались было приручить взрослых пленников. Но у них ничего не вышло, и они убили этих людей — дети ведь не

помнят своих родителей. Наверняка они уничтожили и многих детей — как неподходящий материал. Вполне возможно, что эти шестеро из «Серендингсити» — единственные, кто остался в живых. Поэтому сомнительно, чтобы у шеннов были другие рабы, кроме людей. Ведь таких планет, как Леандра, — раз-два и обчелся.

— В общем, дела хреновые, — заключил ван Рийн. — Расспрашивать Белдэниэл о ее родителях я не могу. Она, может быть, что-то и подозревает, но не позволяет себе об этом думать. Прямо-таки заиклилась на верности шеннам. Кстати, по-моему она принадлежит одному из них — ну, как собака. — Рука его сжала стакан с такой силой, что будь последний не из ветрила, а, скажем, из стекла, ему бы несдобровать. — Они и нас хотят такими сделать, да? — прорычал торговец. — Ну нет уж, клянусь великим небом! — Он осушил стакан. — Что означает: если мне придется тащить их за собой... то в аду они окажутся раньше! — И воинственно трахнул стаканом об стол.

ГЛАВА 20

Планета, назначенная местом встречи, была указана в каталоге. Проверив свои стандартные блоки памяти, корабельный компьютер сообщил ван Рийну, что эта система однажды исследовалась, около ста лет назад. При поверхностном осмотре не было обнаружено ничего интересного, и потому экспедиций сюда больше не предпринималось. (В самом деле, ну что тут делать: семь планет, семь миров со своими лунами и тайнами, три из них обитаемы; жители последних только-только научились обтесывать камни и теперь глядят ночами в звездное небо, раскрыв от изумления рты.) Ведь планетных систем бесчисленное множество.

— Я могла бы все это вам рассказать, — заметила Тея, появляясь в отсеке.

— А? — Ван Рийн грузно повернулся ей навстречу, сам похожий на небольшую планету.

Она робко улыбнулась. Попытка выказать дружеское расположение получилась неуклюжей из-за отсутствия опыта.

— Мы выбрали эту планету наугад, но с таким расчетом, чтобы шеннам было удобно.

— Хм. — Ван Рийн дернул себя за бородку. — Это всего лишь предположение, но скажите, вас никогда не страшила возможность того, что я попытаюсь из вас выкачать местоположение Датины?

— Нет. Дело в том, что я этого не знаю. Об этом известно только мужчинам, Киму и Латимеру, да и то их подвергли психообработке, чтобы они случайно не выдали тайну. — Она поглядела на опоясывавшие отсек экраны. — Я могу лишь сказать вам, что некоторые из созвездий мне как будто знакомы. Но вы, верно, уже сами об этом догадались. — Голос ее прервался. Бессознательным

жестом она воздела руки к сверкавшим на экранах звездам. — Они — шенны, отвезут меня домой. Быть может, это будет сам Моэт.

Тихая реплика ван Рийна сразу охладила ее восторг:

— А если они не прилетят? Вы ведь не исключаете такого поворота событий. Что тогда?

Она задохнулась от неожиданности, сжала кулаки и застыла на секунду — воплощенная скорбь; большего отчаяния ему видет не доводилось. Затем обернулась к торговцу и быстрым движением вложила свои холодные ладони в его руки.

— Вы мне тогда поможете? — произнесла она умоляюще. Потом в глазах ее вспыхнуло пламя. — Нет, Моэт меня не оставит! — Она резко повернулась и торопливо вышла из отсека.

Ван Рийн хмыкнул, бросил взгляд на мертвенным светом сиявшую на переднем экране звезду и достал табакерку, чтобы успокоить нервы.

Предчувствия его не обманули: у Теи в самом деле не было оснований для беспокойства. Приборы корабля определили наличие в пространстве эманации двигателей целой эскадры звездолетов, причем на таком расстоянии, что стало ясно — они прибыли сюда дня два-три назад. (Это означало, что база их находится в самом крайнем случае немногим далее ста световых лет отсюда, — если только скорость кораблей шеннов не превосходила значительно скорость звездолетов Политехнической лиги, а это было маловероятно. Во-первых, если бы шенны не были относительными новичками в космосе, их уже давно так или иначе обнаружили бы. А во-вторых, частоты, на которых работали гипергенераторы, были заполнены до пределов, установленных квантовой теорией.) Едва звездолет ван Рийна оказался в радиусе обнаружения, эскадра противника пришла в движение. Часть кораблей, рассыпавшись веером, умчалась в пространство — наверно, выяснить, нет ли у него сопровождающих. Остальные двинулись ему навстречу. Замерцал кодовый сигнал, который шенны, должно быть, узнали от своих рабов-людей. Ван Рийн подчинился, вывел корабль из гиперпространства на орбиту вокруг звезды и стал ждать установления связи.

Они все втроем собрались в отсеке управления перед главным внешним переговорным устройством. Тея дрожала, кровь то прилиwała к ее лицу, то отступала вновь; она не отрывала взгляда от приближавшихся звездолетов. Ван Рийн повернулся к ней спиной.

— Не знаю почему, — пробормотал он на одном из тех языков, который, как они с Эдзелом убедились, Тея не понимала, — но у меня такое чувство, что я не могу подобрать слова, чтобы определить, какие ощущения у меня вызывает ее вид.

— Смятение, нет? — предположил воденит.

— О, так, значит, вот что это такое, да?

— Мы с ней абсолютно непохожи — ни по глубинным инстинк-

там, ни по воспитанию, — продолжил Эдзел. — Тем не менее, я считаю, что недостойно нам в этом случае пялить на нее глаза.

Он принялся рассматривать ближайший звездолет шеннов. Продолговатый силуэт с острыми выступами, напоминавшими плавники, освещенный далеким оранжевым солнцем, частично загоразживал собой Млечный Путь.

— Любопытная конструкция, — сказал Эдзел. — От такого корабля не очень-то много толку.

Ван Рийн перешел на английский:

— В самый раз для машин, — заметил он. — И потом, с чего бы целой куче — сколько их там, пятнадцать? — больших, утыканных пушками кораблей, экипаж которых должен исчисляться сотнями, устремляться навстречу маленькому безобидному катерку? Вроде и ни к чему, а? Да, если только они не роботы. Мне так кажется, в робототехнике они настоящие чудодеи, эти шенны. И компьютерная система «СИ» — тому подтверждение.

Он все рассчитал верно: обрадованная Тея разговорилась. Она начала хвалиться и петь осанну могучим и сложным автоматам, составлявшим костяк всей датинской цивилизации. «Скорей всего, — сказала она, — на этой эскадре трое, от силы четверо живых Хозяев. Больше и не нужно».

— Даже чтобы пообщаться с нами? — спросил ван Рийн.

— У них каждый говорит сам за себя, — ответила Тея. — Кстати, вы ведь тоже не полномочный посол. Но после разговора с вами они известят своих товарищей. — Она произнесла все это с отсутствующим видом, а потом перешла вдруг на гортанное воркование — очевидно, это был язык шеннов. Ее как прорвало — она никак не могла остановиться.

— Они известят своих товарищей, — повторил Эдзел медленно, снова на непонятном женщине языке. — Из этой фразы следует, что решения в обществе шеннов принимает сравнительно небольшая группа существ. Однако вывод о неограниченной олигархии был бы преждевременным. Олигархи в большинстве случаев предпочитают живые экипажи — вроде нас с вами и по тем же причинам. Каким бы совершенным ни был робот, он все равно останется машиной, придатком живого мозга. В противном же случае, стань роботы вдруг во всем эквивалентными биологическими организмами, зачем их строить?

— Ага, эти рассуждения я слышал, — отозвался ван Рийн. — Природа снабдила нас всем необходимым для порождения новых биологических организмов, и вся эта операция обходится гораздо дешевле и доставляет куда больше удовольствия, чем производство роботов. Но как насчет того компьютера, о котором в свое время столько говорили? Полностью мотивированного в своих действиях и все же намного превосходящего любое существо из плоти и крови?

— Его создание пока возможно лишь теоретически. Откровенно говоря, мне в это не верится. Но даже если предположить, что такой

робот существует, — он ведь будет править, а не служить. А шенны отнюдь не производят впечатления слуг при машинах. Иными словами, дело обстоит так: их роботы, быть может, лучше наших, но это всего лишь роботы. Только этих роботов у них, похоже, гораздо больше, чем у нас; но ведь от присущей этому классу машин ограниченности никуда не деться. Они используют их направо и налево, стремясь как-то компенсировать эту самую ограниченность. Но почему?

— Малочисленность населения? Это, кстати, объяснило бы, почему решения у них принимают немногие, если ты прав в своем предположении.

— Ээх-х... Возможно. Хотя мне трудно представить, как малочисленное общество может построить — да даже и сконструировать — столь сложные производства, которые, судя по их кораблям, есть на Датине.

Так они переговаривались между собой, чтобы хоть как-то уменьшить напряжение, прекрасно понимая, насколько шатки все их построения. Когда бортовой компьютер сообщил: «Получен сигнал», — они оба подскочили. Тея подавила крик.

— Давай, кто бы там ни был, — приказал ван Рийн, стирая с лица пот кружевной манжетой. Зажегся экран. На нем появилось отдаленно похожее на человека существо. Но вздувшиеся мускулы, огромная бычья голова, сверкающая шевелюра, хриплый рев из раскрытой пасти — за всем этим чувствовалась такая мощь, что Эдзел, зашипев, невольно отступил на шаг.

— Моэт! — взвизгнула Тея. Она упала на колени, простирая руки к шенну. По лицу ее струились слезы.

В жизни почему-то все устроено так, что печали и радости приходят не поодиночке, а всегда гурьбой, так, что с ними трудновато бывает совладать. В промежутках же между их приходами время еле тянется, и жизнь становится до безобразия обыденной. Ван Рийн частенько беседовал на эту тему со святым Дисмасом, причем в резких тонах, но вразумительного ответа так и не добился.

И теперешнее его состояние лишь подтверждало этот вывод. После того как Тея заявила, что ее владыка Моэт призывает ее к себе на корабль — это был самый большой звездолет эскадры, по размерам напоминавший дредноут и прямо-таки обросший всякими пушками, — и вошла в присланный за ней флиттер, по корабельным часам прошло сорок семь часов двадцать одна минута, в течение которых ничего не случилось. Шенны не выходили на связь и не отвечали на вызовы. Ван Рийн стонал, бранился, ревел, бегал по кораблю, ел шесть раз в день, мошенничал в солитер, напропалую курил и пил, задавая работу очистителям воздуха и мусороуборщикам, и не успокаивался даже от симфоний Моцарта. Наконец он довел Эдзела до белого каления. Захватив с собой еду и книги, воденит заперся в

своей каюте и вышел из нее только тогда, когда его компаньон прокричал из-за двери, что чертова ледышка с расплавленными мозгами готова переводить и что теперь он, Николас ван Рийн, будет, может быть, хоть как-то вознагражден за свое ангельское терпение.

Однако когда Эдзел примчался в отсек управления, торговец выговаривал Тее с поистине дядюшкиной нежностью:

— Просто удивительно, что все про нас забыли. Мы же прибыли сюда для встречи.

Тея изменилась. Одета она была теперь в свободное белое платье и бурнус; темные контактные линзы защищали ее глаза от яркого света в каюте на борту линкора. Она снова полностью овладела собой. Ответ ее был сухим, даже резковатым:

— Мои повелители шенны подробно расспросили меня, дабы приготовиться к разговору с вами. Как вы видите, на борту корабля нет больше никого из «Серендингсити».

На коленях ван Рийна так, чтобы прибор не был замечен с экрана передатчика, лежал скрибблер. Пальцы торговца, похожие на жирные волосатые сосиски, бесшумно двигались по клавиатуре. Эдзел прочитал на разматывающейся ленте: «Глупо. Откуда им было знать, что с ней, их связником, все в порядке? Это лишь доказывает, что они сначала делают, а потом думают».

Тея продолжала:

— Кроме того, прежде чем я смогла говорить разумно, я должна была пройти через хаадеру. Я так долго была разлучена со своим владыкой Моэтом. Что такое хаадеру, вам не понять. — Она чуть покраснела, но дрогнул ли ее голос — это могла сказать только машина. — Считайте это церемонией, в которой он убеждается в моей верности ему. Это требует времени. Кстати, у кораблей-разведчиков как раз была возможность определить, что за вами не следовали никакие злоумышленники.

Ван Рийн написал: «Не Юпитер. Минотавр. Голая сила самца».

— Не понимаю, — прошептал Эдзел ему в ухо.

«Вот что такое для нее этот зверюга шенн. Она всего лишь рабыня. Я видел много таких женщин в конторах — старые девы, фанатически преданные своему боссу. Неудивительно, что в шайке «СИ» четыре женщины и всего двое мужчин. Мужчины редко этим соблазняются, если только воля их не сломлена. Сомневаюсь, чтобы между ними что-то было. Супружество Латимеров — уловка для отвода глаз. Вся их сексуальная энергия направлена на служение шеннам. Естественно, они этого не осознают».

— Мои владыки выслушают вас, — сказала Тея Белдэниэл. На мгновение в ней проглянуло нечто человеческое. Она подалась вперед и быстро, тихим голосом прибавила: — Будьте осторожны, Николас. Я знаю вашу манеру и буду переводить не ваши слова, но то, что скрывается за ними. Осторожнее, прошу вас. Я не могу им лгать. И потом, они очень вспыльчивы, вы даже представить себе не можете. Я... — она сделала паузу, — я хочу, чтобы вы спокойно возвратились

домой. Вы — единственный человек, который когда-либо был добр со мной.

«Ба, — написал он, — оказывается я разыграл из себя минотавра. Я видел, что ей хочется чего-нибудь эдакого, но полагал, что изображаю Юпитера. Она бессознательно реагировала на свои побуждения. Надо было ее вернуть. С ней обошлись просто мерзко».

Тея махнула рукой. Изображение на экране сменилось. Появился большой зал, где на подушках восседали четыре шенна. Ван Рийн сморкнул и пробормотал сквозь зубы какое-то ругательство. В глазах у него зарябило от пестрой раскраски стен.

— Ну и безвкусица! Такого маразма и в аду не увидишь! — Зал обставлен был с варварской роскошью; однако, в ходе разговора, поскольку угол зрения камеры на линкоре все время менялся, Эдзелу удалось разглядеть несколько древних на вид и красивых вещей.

Одна из лохматых тварей что-то проревела. Съежившаяся, смятенная, но не отрывавшая восхищенного взгляда от шенна по имени Моэт, Тея перевела:

— Вы явились на переговоры. По какому поводу?

— Да так, пустяки, — отозвался ван Рийн, — кой-какая мелочишка, которой мы можем по-дружески поделиться, а не затевать из-за нее раздоры. Быть может, у нас найдется, чем торговать или чему научить друг друга. А вдруг вы открыли новый способ согрешить?

Тея начала было переводить, но ее перебили. Шенн произнес довольно длинную фразу, которую она передала следующим образом:

— На что вы жалуетесь?

По реакции ван Рийна и Эдзела Тея поняла, что вот здесь как раз буквальный перевод ни к чему.

— Жалуемся? — взвыл воденит. — Да жалоб столько, что я не знаю, с какой и начать!

— Зато я знаю, черт побери! — вмешался ван Рийн. И пошло-поехало...

Разгорелся спор. Тея бледнела, краснела, ее бросало то в дрожь, то в холод. В чем состояла суть пререканий, в этом не разобрались бы и сами спорщики, ожесточенно пытавшиеся перекричать один другого и упрямо отказывавшиеся слушать. Наконец ван Рийну кое-как удалось определиться, что к чему.

Обвинение: «Серендингсити» была организована для шпионажа за Политехнической лигой, в частности, и за Техноцивилизацией вообще.

Ответ: шенны предоставили Лиге оборудование, до которого сама она еще не скоро бы додумалась. Насильственная продажа «Серендингсити» является бандитским актом, и шенны требуют за это компенсации.

Обвинение: Дэвид Фолкейн был похищен агентами шеннов и подвергнут промывке мозгов.

Ответ: судьба одного примитивного индивида не заслуживает обсуждения.

Обвинение: шенны поработили одних людей и, предположительно, убили других.

Ответ: людям предоставлена была почетная возможность служения высшим существам, а иначе бы они прозябали до конца своей жизни среди дикарей. Спросите у них самих, если не верите нам.

Обвинение: шенны попытались утаить знания о новой планете от тех, кому они по праву принадлежат.

Ответ: эти знания принадлежат шеннам. Советуем браконьерам поостеречься.

Обвинение: несмотря на свою шпионскую систему, шенны как будто не оценили могущества миров Технической цивилизации и в особенности Лиги, которая не потерпит угроз в свой адрес.

Ответ: и шенны тоже.

В этот момент Тея, наконец, не выдержала и потеряла сознание. Шенн по имени Моэт встал со своего места, подошел к ней и нагнулся над ее телом. Потом искоса поглядел на экран. Ноздри его раздулись, волосы встали дыбом. Он пробурчал команду. Связь прекратилась. И очень вовремя.

Ван Рийн проснулся так быстро, что успел услышать свой последний храп. Он сел. В каюте было темно, приглушенно гудели вентиляторы. Воздух в помещении был чуть спертый — никто не потрудились отрегулировать хемосистему. Механический голос повторил:

— Получен сигнал вызова.

— Чтoб тебя! Слышу, слышу, дай только вытащить из постели мое бедное усталое тело. — Металлический пол охлаждал ступни. Посмотрев на фосфоресцирующий циферблат, он увидел, что поспать ему дали совсем мало — шесть часов. А переговоры завершились часов двадцать назад, если только можно назвать этим словом тот обмен любезностями. Кстати, ну и характерец у этих быков-переростков! Для того чтобы создавать роботов и звездолеты, цивилизация должна достичь определенного уровня технологического развития, а это невозможно без наличия некоторых качеств: дипломатичности, хотя бы в зачаточной форме, сдержанности, разумного эгоизма. Иначе свернешь себе шею прежде, чем чего-либо достигнешь... Быть может, связь не возобновляли так долго потому, что шенны обуздывали свой темперамент?.. Ван Рийн торопливо зашагал по коридору; полы халата колыхались в такт шагам.

В отсеке управления никого не было. Эдзел, слух которого в условиях земной атмосферы, установленных на корабле, был менее

тонким, чем обычно, еще не проснулся. Замолчавший было компьютер ожил:

— Два часа назад в космосе был обнаружен звездолет, следовавший по направлению от Циркуля. Он не вышел еще на постоянную орбиту, но явно находится в контакте с уже наличествующими...

— Заткнись и давай связь, — бросил ван Рийн. Он поглядел на экран. Там — угреподобный эсминец, чуть дальше — крейсер, за ним — светящаяся точка, очевидно, флагман шеннов. Новоприбывшего нигде не видно. Но торговец не сомневался, что вызов связан именно с ним.

Зажегся экран. Посреди залитого светом, заполненного бормотанием машин зала, откуда с ван Рийном разговаривали шенны, стояла Тея Белдэниэл. Торговцу еще не доводилось видеть ее в таком состоянии. Глаза налились кровью, рот исказила гримаса.

— Бегите! — И с голосом тоже что-то случилось. — Спасайтесь! Они разговаривают с Гэхудом, а приказать роботам, чтобы следили за вами, как будто забыли. Вы можете потихоньку уйти... тихо-тихо... оторветесь хоть немножко. Может, вам удастся затеряться в космосе... Но они убьют вас, если вы останетесь!

Ван Рийн не пошевелился. Его волнение выдавал разве что чуть погрубевший голос.

— Пожалуйста, объясните подробнее.

— Гэхуд... он прилетел один... Хью Латимер мертв или... Я спала у двери в каюте моего повелителя Моэта. Вдруг заработал интерком. Теллам просил прийти в отсек управления Моэта и всех остальных. Он сказал, что с Датины вернулся Гэхуд, тот самый Гэхуд, которого отправляли к гигантской звезде на поиски планеты-бродяги, и вернулся он один, без Латимера. Теллам сказал, что они должны встретиться, выслушать рассказ Гэхуда и решить... — Она нервно сцепила пальцы. — Больше я ничего не знаю, Николас. Моэт мне ничего не приказывал. Я не смогу предать его... их... никогда... но кому будет хуже, если вы останетесь живы? Я слышу их ярость, я ощущаю ее! Я знаю шеннов. Они прикажут своим роботам расстрелять вас. Бегите!

Ван Рийн как будто превратился в статую. Он не произнес ни слова до тех пор, пока Тея немного не овладела собой. Она дрожала, дыхание ее было прерывистым, но пелена безумия спала с глаз. Тогда он спросил:

— Почему вы так уверены, что они убьют нас с Эдзелом? О'кей, они взбешены и не желают дальше переливать из пустого в порожнее. Но не разумнее ли с их стороны было бы захватить нас в плен? Мы ведь кое-что знаем и вполне можем сойти за заложников.

— Вы не понимаете. Я знаю шеннов. Вас будут пытать, наверняка накачают наркотиками... И мне придется помогать им в этом. А потом, когда вы станете для них обузой...

— Они огреют меня по голове чем-нибудь тяжелым. Ага-ага,

ясненько. Однако моя старая черепушка еще достаточно крепка. — Ван Рийн подался вперед, легонько опершись пальцами на спинку стула; он в упор глядел на женщину словно удав на кролика. — Тея, если принять ваш совет, шансов на спасение у нас ничтожно мало. Я готов поспорить на что угодно, что эти эсминцы спокойно нас догонят. Но если мы отправимся на Датину, то, пожалуй, сможем продолжить беседу, когда ваши боссы чуть поостынут. Быть может, нам удастся сторговаться с ними. В конце концов, что они теряют, забирая нас с собой? Как вы считаете, удастся вам убедить их не убивать нас, а взять в плен?

— Я... ну, я...

— Спасибо, что предупредили, Тея. Я догадываюсь, чего вам это стоило. Мой вариант, кстати, ничем вам не грозит. А вот если шенны увидят, что мы смылись, и поставят это в вину вам, тогда... Почему бы вам не пойти к вашему Моэту? Скажите ему, что вот они мы, предложите ему направить свои пушки, объявить нас пленниками и отвести на Датину. Согласится он, по-вашему?

Тея судорожно кивнула — говорить она уже не могла.

— Ладно, тогда отправляйтесь. — Он послал ей воздушный поцелуй, так громко при этом причмокнув губами, что жест получился довольно комичным.

Экран погас. Ван Рийн отправился на поиски бутылки и Эдзела. Но сперва торговец на несколько минут присел перед Святым Дисмасом. Если гнев у шеннов возобладает над благоразумием несмотря на все просьбы и доводы этой женщины, их с Эдзелом уже ничто не спасет.

ГЛАВА 21

Перелет на пределе скорости от безымянной звезды к солнцу Датины занял чуть меньше недели. Плененному кораблю пришлось поднатужиться, чтобы не отстать от окружавших его боевых звездолетов. Но с этим он справился, и землянин с воденитом получили некоторое представление о возможностях кораблей шеннов.

Ничего другого узнать им не удалось. Они по-прежнему оставались в неведении: что же такое рассказал своим собратьям Гэхуд, из-за чего вся эскадра ринулась домой. Шенны то и дело принимались допрашивать их по гиперкому. Вопросы были случайными и частенько повторялись, из чего пленники справедливо заключили, что допрашивают их все подряд и кому когда взбредет в голову. Разговоры эти заканчивались обычно похвалой и угрозами. Ван Рийн на многие вопросы отвечал искренне, ибо Тея легко могла поймать его на лжи в том, что касалось населенности крупных миров и продуктивности работающих на них производств, целей и задач Политехнической лиги, тех или иных народов и культур. Однако ей явно было неприятно поведение ее владык, и она пыталась придать

их словам хотя бы подобие вежливости при переводе. Но ван Рийну не составляло труда вывести ее на чистую воду. Обычно разговор шел таким вот образом:

— Лорду Нимрану хочется побольше узнать о ранней истории Земли, — сказала Тея торговцу. — Особенно его интересуют наследовавшие друг другу цивилизации.

— Вроде греков с минойцами, западного христианского мира с Римской империей или турок с Византией? — уточнил ван Рийн. — Везде все происходило по-разному. И было это давным-давно. Чего это он вдруг заинтересовался?

Он представил себе, как она покраснела.

— Это не ваше дело.

— О, я ничуть не против прочесть ему лекцию. Вот только я налью себе еще пивка. Вести беседу всухую... — Ван Рийн заглянул в холодильник, который Эдзел перетащил для него в отсек управления. — Иди ко мне, моя рыбка.

Эти последние его слова тоже были преобразованы компьютером в гиперимпульсы. ЭВМ на корабле шеннов переводить не могла, но в память ее был введен лексический минимум английского языка. Так, значит, Тея наверняка скажет Нимрану, что он не ответил на вопрос. Интересно, что сделает минотавр — схватится за пистолет? Когда женщина заговорила вновь, в словах ее послышалась мольба, несмотря на произносивший их механический голос:

— Не злите его. Они становятся просто ужасными, когда рассердятся.

Ван Рийн открыл бутылку и налил пиво в стакан.

— Ага, конечно, конечно. Я только пытаюсь помочь. Однако скажите ему, что мне надо знать точнее, чего он от меня ожидает. И зачем. Мне так кажется, что культура шеннов не породила ученых, интересующихся чем-то просто из любопытства.

— Люди переоценивают любопытство. Это обезьянья привычка.

— Ну как же, ну как же! У каждого свои инстинкты; порой они совпадают с инстинктами другого народа, а порой — нет. Так вот, мне нужно знать основные инстинкты ваших... хм, владельцев, иначе как я могу ответить на их вопрос? Быть может, получится так, что мой ответ будет для них бессмыслицей. Хорошо, вы мне сказали, что на Датине нет настоящей науки. Никто не проявляет интереса к тому, что не может быть употреблено с пользой, съедено, выпито (Ааахх!), продано, ну и так далее. С вашего разрешения продолжать я не буду, чтобы не оскорблять в вас женщину.

— Вы упрощаете.

— Согласен. Разве можно в нескольких словах описать хотя бы одного индивидуума, не говоря о цивилизации? Конечно, упрощаю. Но, грубо говоря, неужели я неправ? Или вы будете утверждать, что в их обществе процветают абстрактные науки?

— Хорошо-хорошо, не буду. — Наступила пауза: скорее всего Тея снова пришлось успокаивать Нимрана.

Ван Рийн отер пену с усов и сказал:

— Отсюда я делаю вывод, что цивилизация у шеннов была лишь одна.

— Да-да. Подождите, я должна договорить с ним.

Через пару минут гиперком снова ожил:

— Если вы будете увиливать от ответа, последствия могут быть самые серьезные.

— Но, милочка, я же сказал вам, что не понял его вопроса. Он спросил меня не из научного любопытства, значит, он полагает, что история смены культур на Земле поможет ему разобраться в ситуации на Датине. Верно?

После секундного колебания:

— Да.

— Отлично, так давайте же установим, чего он хочет. Что его интересует? Как индусы выжили со своих земель прежних хозяев? Как обрадовались этносы-гибриды вроде арабов или нашей Техноцивилизации? Как одна культура влилась в другую, скажем, Рим в Византию? Что?

Ее ответ был исполнен отчаяния:

— Я сама ничего не знаю об истории Земли.

— Спросите его. Или лучше, давайте я спрошу через вас.

После нескольких подобных разговоров ван Рийн окончательно укрепился в своих подозрениях. Не сами шенны создали ту умопомрачительную кибернетическую структуру, которой они пользовались. Они переняли ее у неких своих предшественников вместе со многим другим. Однако еще больше погигло, ибо шенны были завоевателями, истребителями, дикарями, захватившими здание, воздвигнутое цивилизованными существами, и уничтожили последних (как такое могло случиться?).

Значит, они куда более опасны, чем казалось раньше. И эту опасность не уменьшает даже их травоядность (в результате какой эволюции смогли возникнуть воинственные травоядные?).

У них хватило мозгов, чтобы обратить внимание на рекомендацию компьютера «Серендингсити» относительно планеты у Беты Креста. Они поняли промышленную ценность бродяги. Но их больше заботило, чтобы об этом не догадались другие, чем использование планеты в собственных целях. Ведь они не были ни торговцами, ни сколько-нибудь серьезными промышленниками. Роботы обеспечивали их всем необходимым, производили оборудование и сами за ним присматривали. Поэтому шенны не стремились к коммерческим или культурным контактам с Техноцивилизацией. Даже наоборот, они считали, что сосуществование невозможно (почему?).

Операция с «Серендингсити» была для них типичной. Когда впервые они столкнулись с другими народами, путешествующими по галактике и колонизирующими планеты, — а произошло это на задворках сферы влияния Техноцивилизации, — они принялись изучать их. Методы их отличались один от другого в пространстве и

во времени. Силой они действовали не всегда: когда нужно, шенн может быть ох каким хитрым! Поскольку никто не помнит точного числа планет, обитатели которых вышли в космос, шеннам вовсе ни к чему было признаваться, что они, так сказать, снаружи, и вопросы их не вызвали подозрения.

Тем не менее всей желаемой информации таким вот образом они добыть не могли. И нашелся гениальный самец, предложивший заслать на вражескую территорию шпионов, да таких, у которых отбоя не будет от предложений в сотрудничестве. Собраться согласились с его идеей. Однако ни у какого шенна не достало бы терпения возиться с этой лавочкой в Лунограде. И дело поручили компьютерам.

Пусть так, но ведь базовые программы для машин и правила поведения для людей составили сами шенны. И здесь снова проявила себя их природа. Если назревает что-то важное, то действовать нужно смело и решительно! Многие другие существа сначала продумали бы все до мелочей. Но не шенны. Им было некогда. Они всегда предпочитали действие выжиданию. Главное — нанести удар, а потери будем считать потом.

У шеннов была причина испытывать недоверие к бродящим по космосу существам иных рас. (А недоверие, естественно, породило в них ненависть.) Сами по себе они были малочисленны. Колонизация других планет продвигалась не очень-то успешно. Четыре пятых взрослого населения их планеты годились только в помощники — ибо полигеничных изобретательных самцов было в четыре раза меньше, чем тупоголовых, подобоострастных самок. Политическая система их общества была чрезвычайно примитивной. Патриархи с замашками баронов управляли громадными поместьями, напоминаящими независимые королевства, и в случае необходимости совещались между собой или что-либо вместе предпринимали, но на строго добровольной основе. И это именовалось государством. Экономическая структура тоже была не лучше. Как вообще такой народ мог выбраться из палеолита и уничтожить своих предшественников, заполонивших планету машинами и стремившихся к звездам?

Входящие в Лигу компании обдерут их до последней нитки. Волна поселений не обязательно погребет их под собой — было бы из-за чего стараться, — но наверняка поглотит все мало-мальски пригодные для жизни планеты вокруг Датины. Лучшее, на что могут рассчитывать шенны — что попадут в число бороздящих космос народов. А таких нынче наберется не одна сотня. Да и то, чтобы добиться хотя бы этого, им придется здорово поднапрячься.

Разумеется, даже одна мысль о подобном развитии событий была для них непереносимой.

Но каким бы нелепым их общество ни казалось, с самими шеннами шутки были плохи. Они были такими же злобными, как бациллы в своем первом нашествии на Европу. Или даже больше — Европа ведь выжила.

Солнце Датины показалось Эдзелу знакомым — средних размеров звезда F-типа, в 5,4 раза ярче солнца, скорее белая, чем золотистая. Но проверив показания имеющихся на борту приборов, он не поверил собственным глазам. Повторив исследования, получил те же самые результаты.

— Это не обычная звезда, — сказал он.

— Что, собирается стать новой? — с надеждой поинтересовался ван Рийн.

— К сожалению, нет. — Эдзел увеличил изображение, одновременно убавив яркость. На экране показался диск звезды. Обширная корона сверкала незамутненным перламутровым светом, но на фоне ее метались огненные протуберанцы и плотным сгустком пульсировали пятна. — Смотрите, какое излучение. А этот сложный рисунок? Все свидетельствует о наличии сильного непостоянного магнитного поля. Ого!.. — На «поверхности» звезды ослепительным светом вспыхнула на мгновение точка размером с булавочную головку. — Ядерный взрыв в фотосфере! Представляете, какие нужны конвекционные течения и плазменные эффекты для того, чтобы он произошел! Спектроскопический анализ подтверждает факты, полученные при визуальном наблюдении, и измерение радиации тоже. Даже там, где мы сейчас находимся, солнечный ветер весьма ощутим. Судя по показаниям приборов, его строение в высокой степени подвержено изменениям. — Мясистые губы Эдзела сложились во встревоженную усмешку. — Мне доводилось слышать о таких звездах, но я и не предполагал, что повезет собственными глазами увидеть одну из них.

— Я вижу, тебе весело, — пробурчал ван Рийн. — Рад за тебя. Когда меня в следующий раз пригласят на похороны, возьму тебя с собой: будешь петь «Хей-нонни-нонни» и приплясывать. Нам-то что от этого?

— У этой звезды не только большие размеры, но и необычный состав: она напигована металлами. Возможно, она образовалась где-нибудь по соседству с недавней сверхновой. Нормальная эволюция ее усложнена дополнительными процессами синтеза, некоторые из которых завершаются расщеплением. Это влияет на внутреннюю структуру звезды, что, в свою очередь, определяет тип и величину излучения. В общем, ее можно назвать нерегулярно-переменной звездой. Конечно, это не совсем то, но и подобное случается крайне редко. Если я правильно понял, в данный момент мы наблюдаем послепиковое состояние, продолжающееся вот уже — занх-х-х — несколько тысячелетий.

— Но этот пик не уничтожил жизнь на Датине?

— По всей видимости, нет. Светимость звезды до такой степени как будто не возростала. Но, разумеется, раз планета попала в поток

заряженных частиц, на ней должны были произойти существенные биологические сдвиги.

Ван Рийн что-то буркнул, поудобнее устроился в кресле и протянул руку за трубкой. Когда надо было крепко подумать, он курил именно ее.

Эскадра приблизилась к Датине. Компьютер плененного корабля, выполняя распоряжение экипажа, активировал все датчики и сообщил о бурной деятельности в окружающем пространстве: звездолеты строились, кружили по орбитам, прилетали и улетали. Но Эдзелу было не до этого: его внимание целиком захватила планета.

Она была четвертой по счету от солнца. Период обращения вокруг звезды составлял 2,14 стандартных года на среднем расстоянии в две астрономических единицы.

Масса ее приблизительно равнялась массе Марса: 0,433 земной. Экваториальный диаметр — всего 7950 километров. Несмотря на это и на вдвое меньший по сравнению с Землей уровень получаемого тепла и света, Датина имела довольно толстую кислородно-азотную атмосферу. На больших высотах давление было крайне низким, но на уровне моря даже чуть превышало земное. На заре своей юности этот мир, должно быть, подвергся сильной дегазации, ибо богатое металлами ядро, несомненно, растрачивало свою энергию в мощных вулканических извержениях. Ныне же эта энергия и непривычно малый период обращения планеты вокруг своей оси — он равнялся семнадцати с четвертью часам — порождали сильное магнитное поле, защищавшее атмосферу Датины от воздействия солнечной радиации. Задача облегчалась тем, что у планеты шеннов не было спутников.

Отороченная чернотой пространства, Датина представляла собой удивительное зрелище. Гидросфера ее была куда беднее земной: кванты ультрафиолетового излучения звезды расщепили множество молекул воды. Однако континентальные массивы этой планеты были, если можно так выразиться пологими, и потому вода покрывала примерно половину ее территории. Мелкие, лишенные приливов моря чуть колыхались под красно-желто-коричневым ковром каких-то водорослей.

Поскольку угол наклона планеты к оси был незначительным, а краевой эффект сравнительно небольшим, полярные области мало чем отличались от экваториальных. Но вот нагорья существенно разнились с долинами, что было вовсе не удивительно, если принять во внимание скачки атмосферного давления. Почва низин, особенно в прибрежных районах, как будто была плодородной: при максимальном увеличении на обзорном экране стали видны темно-золотистые леса, луга и поля. В горах же не было ничего, кроме камня и льда.

Но плодородные земли были оазисами среди огромных пустынь, где песчаные бури хлестали красные скалы. Пустыни эти возникли

сравнительно недавно, с геологической, да и с исторической точек зрения, ибо тут и там виднелись башни, развалины древних городов, дороги и линии электропередач. Песок еще не успел похоронить все это под собой.

— Неужели солнце сожгло эти земли? — тихо, почти шепотом спросил ван Рийн.

— Нет, — отозвался Эдзел. — Причина здесь в другом.

— В чем же?

— Повышение температуры ведет к испарению влаги, следовательно, более интенсивно начинают образовываться облака, увеличивается альbedo. Кроме того, если одним зонам скачок пошел во вред, то другим он был бы только во благо. Другими словами, жизнь мигрировала бы к полюсам и в горы. Но вы же сами видите, что на высоких широтах и на больших высотах здесь положение ничуть не лучше. И потом, развитая, создавшая генераторы энергии цивилизация уж как-нибудь бы выдержала простую перемену климата — ведь перемена эта случилась не в одну ночь.

— Тогда что же, война?

— Следов применения ядерного оружия не видно. А химическое и бактериологическое, насколько мне известно, не способны выжечь такие проплешины на поверхности планеты. Мне кажется, — закончил Эдзел мрачно, — что причина катастрофы была куда серьезнее, а о последствиях мы даже не догадываемся.

Развить свою мысль он не успел, ибо корабль их получил приказ войти в атмосферу. Конвоируемый двумя эсминцами и крейсером, на котором находились Моэт с Теей, звездолет опустился неподалеку от родового замка шенна. Едва корабли совершили посадку, к ним устремилась толпа вооруженных существ.

Следующие три дня ван Рийн с Эдзелом уделили осмотру местных достопримечательностей. Их сопровождала Тея.

— Я упростила своего повелителя разрешить вам эти прогулки, пока он занят на Большом Совете, — сказала она. — Мы надеемся, что лучше узнав наше общество, вы сообщите нам полезные сведения. — И добавила, не поднимая глаз: — Вы ведь не откажетесь, правда? Отказ означает смерть. А если вы хорошо ему послужите, мой повелитель хорошо с вами обойдется.

— Ладно, пойдемте поглядим, где нам предстоит провести остаток своих дней, — сказал ван Рийн.

С них не спускали глаз. Куда бы они ни пошли, за ними повсюду следовали несколько молодых шеннов — сыновья, племянники, вассалы Моэта, его дружина. Кроме того, над замком постоянно кружили вооруженные лазерными пушками автоматические шлюпки.

Эдзел привлекал к себе всеобщее внимание. Самки таращились на него, когда он проходил мимо. Юнцы и не занятые работой слуги преследовали по пятам.

Шенны, вопреки уверениям Теи, не лишены были любопытства. Вовсе нет, просто оно присутствовало у них далеко не в такой степени, как, скажем, у хомо и драконокентаурус сапиенс. Эти последние жадно стремились к познанию всего нового.

Вообще-то замком можно было назвать поместье Мозта только с большой натяжкой. Некогда это был ряд соединенных между собой зданий — огромный массив, километров пять-шесть длиной и метров пятьсот-шестьсот в высоту. Но несмотря на кажущуюся громоздкость, он не лишен был известного очарования: это буйство красок, эти радовавшие глаз хрустальные колонны, эти взметнувшиеся в небо башни, лепестковые шпили которых терялись среди облаков! Когда-то здесь жили и работали, сменяя друг друга поколение за поколением, миллионы существ: когда-то этот замок, полностью автоматизированный, питавшийся от источника ядерной энергии, связан был со всей планетой шоссе и линиями коммуникации.

Теперь же он был наполовину разрушен. Колонны попадали, в крышах сияли прорехи, машины покрылись слоем ржавчины, в башенках поселились твари, похожие на птиц, а по комнатам шныряли твари, похожие на крыс. Хотя роботы и следили за сохранившейся частью замка, но гулкая пустота коридоров, комнат, холлов и террас произвела на Эдзела с ван Рийном еще более тягостное впечатление.

Тея отказалась рассказать, что здесь в свое время произошло.

— Вам, что, запрещено об этом говорить? — спросил у нее Эдзел. Она закусила губу.

— Нет, — отозвалась она печально, — нет. Я сама не хочу. — Потом прибавила: — Вы не поймете. У вас сложится неверное представление. Быть может, потом, когда вы узнаете наших повелителей шеннов...

Из помещений в сохранившейся части замка использовалась примерно половина. Прошлые шеннов вроде бы не преследовало. Они как будто бы воспринимали эти грандиозные развалины как необходимую часть пейзажа. Поселившись однажды в замке, они тщательно обшарили руины, забрали оттуда все мало-мальски ценное и забыли про них.

Несмотря на запустение, царившее во внутренних помещениях замка, за стенами его и на замковом дворе жизнь была ключом. Роботы роботами, но у вассалов и крепостных Мозта забот хватало. Они наблюдали за машинами, копались в огородах, охотились, столярничали, ваяли, рисовали, учились, маршировали на плацу. То и дело совершали посадку авиетки с пассажирами и грузами из других поместий. (Для перелетов внутри своей планетной системы шенны пользовались гравилетами, с недавно же основанными колониями сообщение поддерживалось при помощи гиперзвездолетов.) Даже к повседневным своим занятиям население Датины предавалось с поистине минотавровой одержимостью.

Однако обитатели этой богатой металлами планеты влачили жалкое существование. Заносимые песком поля давали скудный урожай. Покрывавшие поверхность морей водоросли погибали и гнили, и ветер разносил этот смрад далеко окрест. Деревья вырастали маленькими, почти карликовыми, лишь на восточных холмах нет-нет да попадались поваленные стволы прежних гигантов. Доносившийся по ночам из этих лесов звук охотничьего рога напоминал вой последнего оставшегося в живых волка.

Эдзел поразился, узнав, что шенны охотятся и даже держат скот на убой.

— Вы же говорили, что они травоядные! — воскликнул он.

— Так и есть, — ответила Тея. — Под воздействием лучей нашей звезды в растениях Датины образуются высококалорийные соединения. Поэтому питающиеся этими растениями существа более активны, следовательно, превосходят в умственном развитии тех, кто обитает в планетной системе звезды типа Солнца.

— Знаю, — сказал Эдзел. — Моя планета находится в системе звезды типа F-5. Однако у нас на Водене животные обычно тратят лишнюю энергию, чтобы вырасти до больших размеров, а разумные существа всеядны. Насколько я понимаю, шенны не едят сырое мясо?

— Разумеется. Вы, наверное, лучше меня знаете, насколько размыта граница между «плотоядными» и «травоядными». Вот, скажем, я читала, что на Земле копытные четвероногие обычно после родов съедают собственную плаценту, тогда как собаки и кошки часто едят траву. А на Датине существуют особые условия. У нас есть несколько фруктовых соков, которые так воздействуют на энзимы, что вегетарианец с удовольствием начинает есть мясо. Все это делается очень просто. Открытие это было совершено в... очень давно, во времена дикарей — предков нынешних шеннов. Или даже раньше.

— А поскольку на планете, пострадавшей от экологической катастрофы, грешно отказываться от любой пищи, то... Понятно. — Объяснение Теи удовлетворило Эдзела.

Но тут вмешался ван Рийн:

— Слушай, дракоша, но ведь шенны охотятся ради развлечения. Я в этом уверен. Вчера вечером я видел одного юнца: он привез с собой не туши, а только рога. И потом, хотя у него есть вполне приличное ружье, он охотится с луком. Нет, это забава.

Тея удивленно подняла брови.

— А почему бы и нет? — спросила она с вызовом. — Мне говорили, что охоту любят все, в том числе и люди.

— Ага-ага. Я же не говорю, что это плохо, разве что они начнут охотиться на меня. Но откуда взялся инстинкт, от которого у нас внутри все поет, когда мы убиваем загнанную жертву? Даже если у тебя в руках фоторужье... хотя очень немногим из тех, кто никогда не убьет оленя, довелось испытать сожаление, прихлопнув муху. Откуда он? — Ван Рийн помахал пальцем. — Отвечаю. Наши с вами предки были охотниками. Африканский первобытный человек — это

обезьяна-убийца. А те, у кого с самого рождения не было желания убивать, убивать, убивать, те просто не выжили. Но ведь первые шенны пощипывали листики да травку! Быть может, их самцы дрались между собой в брачные периоды, но на других существ они не охотились. А теперешние шенны — только позови. Откуда это у них?

Тея переменяла тему разговора. Сделать это было совсем нетрудно, ибо вокруг оказалось столько непривычного, нового, неожиданного. Если употребить слово «цивилизация» в техническом смысле, то шеннов вполне можно было назвать цивилизованными существами. У них были машины, целая планетарная машинная культура, которой уже стало тесно на одной планете. Да, они унаследовали эту культуру от своих предшественников. Но не просто унаследовали, а восстановили, возродили, добавили кое-что свое.

Но патриархам их этого было мало. Насколько было известно ван Рийну, сейчас повсюду на Датине велись бурные дебаты. Но что служило предметом этих споров, пока оставалось для него тайной.

Торговец зябко поежился. Ночи в этой полупустыне были холодными. Как бы здорово было оказаться в теплой каюте звездолета!

Этого послабления ему удалось добиться после первой же ночи, которую они с Эдзелом провели взаперти в одной из комнат замка. На следующее утро он превзошел сам себя. Он бранился, кашлял, чихал, рыдал, поминал всех и всяческих святых, кричал, что еще одна ночь при такой температуре, при таком свете, при такой запыленности, да еще эти тяжелые металлы, вездесущность которых не только заставляет их глотать пилюли, чтобы не отравиться, но от которой самый воздух превращается черт его знает во что, эти всякие шумы, эта вонь, — короче говоря, еще одна ночь в условиях этой планеты, существование которой говорит в пользу манихейской ереси, ибо он, ван Рийн, не в силах представить себе, зачем всеблагому Творцу понадобилось создавать такой мир, и бедного несчастного старика спокойно можно будет хоронить, потому что он наверняка умрет, и некому будет его оплакать...

В конце концов Тея встревожилась и взяла на себя ответственность изменить их место пребывания. Двое инженеров при помощи роботов сняли со звездолета Лиги силовые установки. Теперь пленникам не улететь, даже если они очень этого захотят. Поэтому они вполне могут спать на борту корабля, а для охраны их достаточно двоих-троих шеннов с бластерами.

На третий день, поздно вечером, вернулся Моэт.

Встречавшие его подданные подняли такой шум, что стоявшим поодаль ван Рийну с Эдзелом стало не по себе. Моэт обратился к своим вассалам с верхней шлюзовой палубы своего личного космофлиттера. Голос его напоминал раскаты грома. Ответом ему был восторженный рев. Молодые шенны вопили, приплясывали, водили хороводы, стучали кулаками по бортам флиттера, размахивали

архаичными мечами и палили в воздух из самых суперсовременных ружей. Над самой высокой из сохранившихся башен замка развевалось ярко-красное знамя.

— Что он говорит? — спросил ван Рийн.

Тея стояла неподвижно, уставившись в пространство невидящим взором. Торговец схватил ее за руку.

— Переведите мне, что он говорит! — К ним двинулся было стражник, но на пути у него встал Эдзел. Ван Рийн гаркнул так, что голос его чуть не перекрыл рев Моэта: — Переведите мне, что он говорит! Я приказываю!

И она, находясь в шоковом состоянии, механически повиновалась.

Вскоре после этого пленников загнали обратно в звездолет. Зашипели клапаны шлюзов. На экранах холодные звезды сверкали над серыми тенями датинской ночи; у стен ярко освещенного замка полыхали громадные костры. Из шумоуловителей доносилось завыванье ветра, рев горнов, грохот барабанов, клацанье мечей и вопли шеннов.

Ван Рийн сказал Эдзелу:

— В твоём распоряжении целый час. Займись чем хочешь. Мне надо посидеть со Святым Дисмасом. Хочу, понимаешь, исповедаться. — Потом, хмыкнув, прибавил: — Спорим на что угодно: от моей исповеди у него уши завянут!

— Я, пожалуй, займусь медитированием, — сказал Эдзел, — а через час приду к вам в отсек.

Именно там ван Рийн объяснил водениту, почему он сдался в плен у безымянной звезды.

— Но ведь мы могли и улизнуть от них, — возразил Эдзел. — Разумеется, шансов было ничтожно мало. Но в худшем случае они догнали бы нас и уничтожили. Наша смерть была бы мгновенной, зато мы умерли бы на свободе, так сказать, героически. Неужели вы предпочли участь раба на Датине?

— Послушай, — ответил ван Рийн необычайно серьезно, — необходимо, крайне необходимо, чтобы у нас дома узнали, что это за личности и к чему они стремятся. По-моему, от них за версту разит войной. Они могут победить, а могут потерпеть поражение. Но даже одна-единственная внезапная атака на плотно населенную планету, да если еще с ядерным оружием, — сколько жизней она унесет? Миллионы? Биллионы? А обожженные, ослепшие, калеки, мутанты... Я, конечно, греховодник, но не до такой же степени, чтобы не попытаться спасти своих сородичей!

— Конечно-конечно, — сказал Эдзел, непривычно взволнованный. — Но если бы мы сбежали, мы смогли бы дополнить те сообщения, которые вы отправили на Землю, еще раз предостеречь. Однако мы направились на Датину — и что? О да, здесь ценных сведений мы соберем гораздо больше. Но какая от этого польза? К находящемуся в рабочем состоянии звездолету нас наверняка не

подпустят. А в военной разведке главное — не сбор сведений, а их подставка. Классический пример.

— Ты был бы прав, — отозвался ван Рийн, — если бы не одно «но». Вполне возможно, что мы на этой планете не одни.

— Ярру! — только и сказал Эдзел. Он подобрал хвост, уселся прямо на пол и приготовился слушать.

— Вспомни-ка, — продолжал ван Рийн, попыхивая сигарой, в руке он сжимал стакан с джином, — тот самый Гэхуд был владельцем Хью Латимера. Об этом нам известно от Теи. Кроме того, мы знаем, что он потерял Латимера. А еще мы знаем, что от его новостей у всех тут шарики позаходили за ролики. Правильно? Это нам известно наверняка. Но ведь тогда становится ясным и все остальное. Судя по хронометражу, Датину от этой звезды отделяет неделя полета. Проведя прямую линию между ней и Солнцем, мы если и промахнемся, то ненамного. А до Беты Креста от Солнца две недели лету. Если немножко посчитать, прикинуть угол между Южным Крестом и компасом — согласен, расчеты довольно приблизительные, но хронометраж подтверждает их, — то получается вот что. Латимер, прилетев на Датину, сообщил своему боссу Гэхуду о бродяге. Гэхуд рванул к Бете Креста посмотреть на планету своими глазами — мы ведь убедились, что шенны ведут себя как быки в посудной лавке, а жизнь эта самая лавка и есть — и прихватил с собой Латимера. Предположим, перелет у них занял две с половиной недели. Значит, когда они прилетели, Дэви Фолкейн и Чи Лан еще находились там! наших друзей всего двое, и в меньший срок они уложиться не могли. Вот. Потом Гэхуд напрямик возвращается на Датину, где узнает о назначенной встрече с нами. Поэтому он мчится вослед своим друзьям, догоняет их и что-то им сообщает. По времени все совпадает, как и по всему остальному.

— Да, — выдохнул Эдзел. Кончик хвоста его шевельнулся. — Гэхуд прилетел сильно взволнованный и без Латимера, которого он потерял.

— Вот именно — и где же еще, как не у Беты Креста! — воскликнул ван Рийн.

— Если бы он погиб где-нибудь еще, никому бы не было до этого дела, исключая, быть может, Гэхуда. Так что, скорее всего, Гэхуд схватился с нашими друзьями. И получил по заслугам. Ведь если бы победил он, то вряд ли стал бы так верещать об этом... да и другие шенны вели бы себя поспокойнее. И вот еще что: никто бы и не чихнул, если б Латимер погиб в бою. Одним рабом меньше, а? Но если его захватили в плен — хо-хо! Тогда картина получается совсем другая. Из него ведь можно выкачать много интересного, и в частности координаты Датины. Не удивительно, что Гэхуд примчался сюда как ошпаренный! Ему надо было предупредить шеннов об изменившейся ситуации, пока они, чего доброго, не договорились с нами. Ну как? — Ван Рийн залпом выпил джин.

— Значит, «Сквозь Хаос» летит сейчас к Земле со всеми

необходимыми сведениями, — кивнул Эдзел. — Вы рассчитываете, что нас освободят десантники «Космофлота»?

— Вот уж нет, — сказал ван Рийн. — Не забудь, мы ведь в руках у тех, кто запросто способен сорвать на нас с тобой горечь своего поражения. А потому, сказать наверное, надвигается ли война, пока невозможно. Мы с тобою хотим не допустить ее. Кстати сказать, я не уверен и в том, что «Сквозь Хаос» направляется домой. Было бы здорово, если бы шенны думали, как ты.

— Но куда еще он может лететь? — спросил Эдзел озадаченно.

— Ты не человек и потому не всегда можешь уследить за ходом человеческой мысли. Как, между прочим, и шенны. Разве ты забыл: Фолкейн мог отправить на Землю капсулу с добытыми данными. Он видел, как улепетывает Гэхуд. Он знал, что Гэхуд переполошит всю Датину. Что в скором времени об исследовании этой планеты можно будет только мечтать. А вот если скоренько отправиться напрямик туда, откуда они считают, что координаты их мира нам неизвестны и потому, очевидно, не очень-то заботятся об обороне, — вот тогда можно проскочить.

— Вы считаете, что они до сих пор здесь?

— Вполне возможно. За один день планету ведь не изучишь. Разумеется, Фолкейн должен был придумать, как им выбраться отсюда. — Ван Рийн поднял голову, выпрямился, развел плечи и выпятил живот. — Быть может, он захватит нас с собой. Быть может, нет. Но — великий Боже! — в любом случае он сможет доставить домой ту информацию, которую мы ему передадим. Я знаю, в моих рассуждениях много всяких «если». Расклад не в нашу пользу. Но нам не остается ничего другого как рискнуть.

— Пожалуй, да, — медленно произнес Эдзел.

Когда они снова сошлись в отсеке управления, праздник в замке уже заканчивался. Костры догорали, и холодные звезды проступили более отчетливо.

— Нам повезло, что они не сняли переговорные устройства, — сказал Эдзел.

Если их передачу засекут, смерти им не избежать. Но землянин с воденитом, считая себя обреченными, уже свыклись с этой мыслью, и потому о сантиментах не было и речи. Правда, когда ван Рийн уселся в кресло, дракон положил ему на плечо свою чешуйчатую лапу; человек легонько похлопал по ней.

— А с чего бы им это делать? — спросил ван Рийн. — Они ведь не подозревают, что Дэвид и Чи могут быть неподалеку. Кроме того, я сказал Белдэниэл, что лучше пойму шеннов, когда послушаю их программы. — Он сплюнул. — Сплошной вой.

— На какой волне вы будете вызывать?

— На третьей стандартной технической. Я проверял: шенны ею

почти не пользуются. А один из приемников «Сквозь Хаос» должен быть настроен на нее.

— «Сквозь Хаос» нас услышит, если его не захватили, не уничтожили и если он достаточно близко. И если нашу передачу не перехватят.

— У нас нет выхода, приятель. Да и потом, радиооператор шеннов, которому случится запеленговать наш код, скорее всего, сочтет его обычным. Я ведь недаром выбрал эту частоту. Открой пиво и набей мою трубку, ладно? А я начну передавать.

Его пальцы проворно побежали по клавишам.

«Говорит Николас ван Рийн, торговец, член Политехнической лиги... О планете Датина и большей части ее населения мы узнали следующее...

А теперь основная часть моего сообщения.

Поняв, что местоположение их планеты, по всей видимости, больше не является тайной, шенны, в отличие от других разумных существ, не стали укреплять оборону, выискивая в то же время способы закончить дело миром. Их Большой Совет принял решение напасть на нас, пока слабо организованная Техноцивилизация не успела сплотиться в единое целое. Из того немногого, что мы смогли узнать, идея нападения — не бред сумасшедшего. Корабли-роботы шеннов многочисленны и значительно превосходят по своей огневой мощи любое судно соответствующего класса. Разведка шеннов получила от «Серендингсити» много достоверных сведений о расах и обществах, входящих в Техноцивилизацию. Помимо всего прочего, им известно, что центром цивилизации является Содружество, которое давно уже не знало войн и не подозревает об угрозе нападения. Вражеский флот может проскользнуть на территорию Содружества незамеченным; когда же его обнаружат, будет уже поздно.

Шенны планируют нанести несколько массированных ударов по основным планетам Содружества и по некоторым другим. Из хаоса, который возникнет в результате всего этого, Датина надеется извлечь все возможное и подчинить себе все миры Техноцивилизации. Преуспеют шенны в своих устремлениях или нет, но целым народам и культурам, несчетным биллионам разумных существ угрожает опасность уничтожения.

Врагу потребуется некоторое время, чтобы собраться с силами и разработать план удара. Учитывая высокомерие предводителей шеннов и полуанархический характер их общества, можно предсказать, что сборы будут довольно долгими. С другой стороны, врожденная агрессивность может заставить их ринуться в атаку сломя голову.

Лига в состоянии принять необходимые контрмеры и отразить удар, не прибегая к правительственной помощи, если только ее заранее предупредить. Это предупреждение следует передать как можно скорее. Я обращаюсь к Дэвиду Фолкейну и Чи Лаң, а также

к тем, кто случайно оказался поблизости: не медлите ни секунды! Немедленно отправляйтесь домой и поставьте в известность обо всем случившемся руководство Лиги».

ГЛАВА 23

Нагревшаяся за день пустыня с наступлением ночи быстро растеряла тепло. Призрачно-серые дюны проступали из темноты в свете далеких звезд; скалы отбрасывали на песок неясные тени. Цинтианка распушила свой мех, чтобы согреться. Вот уже несколько минут, как она, приземлившись, лежит за этим колючим кустом, не слыша ничего, кроме ветра, не видя ничего, кроме пыльной завесы, не ощущая ничего, кроме острого запаха мускуса.

Она выжидала, и не столько из-за зверей, обитавших в развалинах. Нет, оружие — бластер, ручной пулемет, игломет и сканнер — надежно защищало Чи Лан от хищников; что касается ядовитых тварей, здесь она целиком полагалась на свои органы чувств и рефлексы. В основном она так осторожничала потому, что часто в развалинах обитали датинцы. Хотя на вид это были наполовину одичавшие охотники и пастухи, они владели огнестрельным оружием. Хуже того, Тупица определил, что в их становищах имеются электронные трансиверы, доставленные, несомненно, купцами из «баронств».

Исследовать же более крупные и цивилизованные поселения Чи с Фолкейн опасались, ибо пока слабо представляли себе, что такое шенны и их планета.

«Сквозь Хаос» без труда смог совершить посадку. Повелители этого мира никак не предполагали, что их обнаружат, и потому не позаботились вывести на орбиту достаточное количество сторожевых звездолетов. По той же причине они пока не применяли мониторы контроля движения в атмосфере. Но стоит только какому-нибудь шейху столкнуться с чужаками, и ситуация сразу же изменится.

Поэтому корабль Лиги перелетал с места на место лишь ночью, а днем затаивался в пустыне. Поэтому Фолкейн не отваживался на вылазки. Он был слишком большим и неуклюжим. А Чи Лан с помощью гравиимпеллера могла забираться довольно далеко.

Развалины оказались пустыми. Цинтианка ожидала этого. Почва вокруг была так изъедена эрозией, что даже кочевники могли тут существовать, лишь перебиваясь с хлеба на воду. Чи заметила следы их пребывания: груды камней, кострища, мусор. Но все это покрывал слой пыли. Племя — вернее патриархальный клан — ушло дальше по своему бродяжьему пути. Порядок. Фолкейн перегонит сюда звездолет и сможет спокойно тут работать. Здешнее поселение как будто побогаче того, которое он сейчас исследует.

Все больше и больше они убеждались в том, что ключ к пониманию настоящего и будущего Датины лежит в ее недавнем

прошлом, в падении могущественной цивилизации. В гибели целого народа.

Взбравшись из-за укрытия, Чи осторожно приблизилась к руинам. Выступавшие из песка обломки колонн, стен, лестниц, проржавевшие каркасы машин напоминали могильные камни. Высокие стены были наполовину разрушены непогодой и ветрами, местами проломлены; черными дырами зияли в них окна, настежь распахнуты двери. Мало кто из первых датиинцев остался в живых; вряд ли теперь возможно найти на этой планете хотя бы одну уцелевшую крепость. Нет, шенны захватывали их, грабили, разрушали — а защитников убивали.

Что-то шевельнулось в тени. Чи, выгнув спину и подняв хвост, бросила руку к поясу с оружием. Но это оказалась всего лишь какая-то многоножка, которая поспешно ретировалась.

Главные ворота замка открывались в просторный зал, некогда, очевидно, он был изумительно хорош. Высоченные колонны, облицованные мрамором и малахитом, фонтаны, статуи... Но теперь — теперь это была мрачная пещера, по которой гуляло эхо. Пол покрыт песком и мусором, словно становище кочевников; каменные украшения в большинстве своем разбиты, мозаичные панно едва проглядывали из-под толстого слоя сажи. Но когда Чи направила фонарь вверх, в луче света внезапно заиграли краски. Включив импеллер, она поднялась в воздух. Ютившиеся под потолком крылатые твари с тонким писком бросились врассыпную.

Стены были расписаны до самого верха. Чи привела в восторг благородная простота рисунка. Краски были богатыми и в то же время сдержанными, фигуры — героическими и живыми. Она не знала, что здесь изображено, какие события, мифы, какие аллегории; понимала, что этого ей никогда не узнать, и почему-то от этой мысли на мгновение ей стало больно. Чтобы успокоиться, она принялась разглядывать рисунки, пытаясь ухватить сюжетную канву.

До сих пор им ни разу не попадалось такой вот портретной галереи древних датиинцев. Фолкейн раскопал их останки, заметил проломленные черепа и наконечники стрел между ребрами. Но сейчас, освещенные тонким лучом фонаря, они как будто ожили в беспредельной ночи. Увидев их лица, Чи Лан была потрясена.

Они чем-то напоминали шеннов, но только и всего. Фолкейн попытался было по строению костей доказать, что Древние так же близки к шеннам, как монголоиды к негроидам на Земле, но не смог. И эти рисунки на своем бессловесном языке опровергали его.

Разница между двумя народами была не просто типологической. Кроме Древних, на рисунках изображены были всякие растения и животные, некоторые из которых сохранились и по сей день. Потому Чи Лан смогла составить примерное представление о предшественниках шеннов на Датине. Они были меньше ростом — на картинах не было ни единого существа выше ста восьмидесяти сантиметров, стройнее, волосатее, хотя гривы у самцов отсутствовали. Но этим

сходство и заканчивалось. На той части стены, которую рассматривала Чи, изображены были, очевидно, представители всех автохтонных племен в национальных костюмах с символами — так показалось цинтианке — своего племени в руках. Вот коренастый крупноголовый самец с золотистым мехом; в одной руке у него серп, в другой — саженец. Маленькая смуглая самочка в расшитом платье: веки чуть набрякли, играет на арфе. А вон лысый старик в юбке наподобие шотландского килота с искаженной гримасой физиономией, вознес свой посох над головой несущей спелые фрукты самки, словно обороняя ее от врагов. Лицо этой последней было совершенно круглым. У того, кто рисовал их, были искусные руки, верный тренированный глаз и любящее сердце.

Но сегодня на Датине существует только одна раса. Это было до того необходимо, до того неправдоподобно, что мысли Чи Лан и Фолкейна невольно снова и снова возвращались к этой проблеме.

И опять двадцать пять! На картинах, где вроде бы нашлось место всем, не было и намека на шеннов.

Табу? Неприязнь? Гонения? — Чи даже сплюнула.

Все указывало на то, что погибшая цивилизация была единой и рационалистической. Отдельные фрески изображали, по всей видимости, как развивалось древнее датинское общество. На одной из них обнаженный самец, размахивая суком, отгонял от своей самки большого хищного зверя. На следующих уже появились заостренные металлические приспособления: но это были инструменты, а не оружие. Датинцы работали, по одному или целыми группами, но не сражались. И насколько Чи поняла, дело здесь было вовсе не в любви художника к батальным сценам. Нет, на двух рисунках изображены были схватки между двумя датинцами. Скорее всего, они отражали исторические или легендарные события, правду о которых уже никогда не узнать. На первом, по всей видимости, более раннем рисунке, в руках одного из самцов был нож, в руках другого — топор дровосека. На втором противники были вооружены примитивными фитильными мушкетами, предназначенными, очевидно, для борьбы с дикими зверями... а на заднем плане виднелись паровые машины и линии электропередач.

Кроме того, отдельные фрески, похоже, воссоздавали занятия датинцев. Некоторые из них были узнаваемы, вроде сельскохозяйственных или столярных работ. О смысле других можно было только догадываться. (Что это? Церемония? Научные исследования? — Мертвые уже не расскажут.) Но среди этих занятий не было ни охоты, ни пастушества (если не считать животных, которых явно разводили ради шерсти), ни рыболовства; никто не ставил капканов и не забивал скот на бойне.

Все это вместе взятое могло означать лишь одно — вегетарианство. На Датине разумом обладали травоядные существа. Это не то чтобы обычно, но случается довольно часто. Нельзя сказать, чтобы души вегетарианцев были чище душ плотоядных или всеядных

существ. Нет, но вот грехи у них иные. Однако хотя они могут легализовать дуэли и терпимо относиться к преступлениям, совершаемым из-за любви, но вот к войне они не стремятся, и даже самая мысль об охоте вызывает у них отвращение. Как правило, они живут стаями; эти стаи — семьи, кланы, племена, народности (не в названии дело) легко объединяются в более крупные образования по мере развития средств передвижения и коммуникаций.

У шеннов же все было наоборот. Они убивали ради забавы, они поделили планету на поместья, они создавали оружие и строили боевые корабли, они угрожали соседней цивилизации, которая ничем их не оскорбила... «Короче, — подумала Чи Лан, — они ведут себя, как люди. Если мы поймем, что породило их на свет, как они появились на этой некогда мирной планете, то, быть может, станет понятно, что нам с ними делать. Или, по крайней мере, что они намерены сделать с нами».

Подумать она не успела — неожиданно заработал коммуникатор. Это было устройство, которое передавало сигналы через кости черепа, так что их нельзя было подслушать. Тем не менее они с Фолкейном пользовались коммуникатором только в крайних случаях. Сигнал расшифровывался просто: «Возвращайся немедленно». Чи переключила импеллер на горизонтальную тягу и через дверь выскользнула наружу.

Холодно сверкали звезды, вспыхивали и тут же гасли зарницы. Решив, что в этот час ей опасаться некого, цинтианка надвинула на лицо маску и перевела импеллер на полный ход. Ветер засвистел в ушах. Путь предстоял неблизкий — сотня километров над заколоченной пустыней.

«Сквозь Хаос» притаился на дне высохшего, поросшего кустарником каньона, так что его было незаметно с высоты. На краю каньона находилось то самое поселение, где Фолкейн усердно занимался раскопками. Очутившись в тени, Чи изменила частоту световых импульсов своего фонаря: теперь он работал в инфракрасном спектре. Затем нажатием кнопки активировала инфракрасные фильтры очков. Осторожность у Чи Лан, как и у любого другого плотоядного, была в крови.

Она продралась сквозь заросли и зависла над шлюзом звездолета. Детекторы опознали ее, и Тупица открыл клапаны. Чи рванула внутрь.

— Дэвид! — крикнула она. — Во имя души, что случилось?

— Много чего. — Голос его никогда еще не был таким невыразительным. Или это штучки интеркома? — Я в отсеке управления.

Она могла бы пролететь по коридору, но решила, что будет быстрее и лучше поработать мышцами. На четырех лапах, вздев хвост, она промчалась по кораблю и плюхнулась в свое кресло. Глаза ее сияли зеленым пламенем.

— Няор! — воскликнула она.

Фолкейн поглядел на нее. С тех пор как она покинула корабль, он не сомкнул глаз; на нем был все тот же пропыленный комбинезон. Кожа его задубела от работы, под ногтями была грязь. Выжженный солнцем вихор топорщился над виском.

— Я принял сообщение.

— Что? — она напряглась. — От кого?

— Лично от Старого Ника. Он на этой планете... вместе с Эдзелом. — Фолкейн повернулся лицом к главной панели управления, как будто там жил некий корабельный дух. — Прочитай текст сообщения, — приказал он.

Зазвучали суровые, гнетущие слова.

В отсеке воцарилась тишина.

Наконец Чи шевельнулась.

— Что ты предлагаешь? — спросила она тихо.

— Подчиниться приказу, что же еще, — отозвался Фолкейн. Его голос был таким же бесцветным, как у компьютера. — Я боюсь, мы и так уже вернемся домой слишком поздно. Но сначала надо решить, как нам выбраться отсюда. По сведениям Тупицы, на орбиту выходят все новые и новые сторожевики. Очевидно, шенны наконец-то забеспокоились. Вопрос заключается в следующем. Что лучше: попытаться тихонько прокрасться, уповав на то, что нас не заметят, или рвануть вверх на полной мощности, надеясь на внезапность и на то, что удастся затеряться в пространстве?

— Последнее, — сказала Чи. — Наша спасательная операция наверняка вызовет переполох. Но если мы все прикинем, так чтобы проскочить между патрульными звездолетами...

— Чего? — Фолкейн выпрямился. — Кого это ты собираешься спасти?

— Эдзела, — ответила Чи. Усы ее подрагивали. — И ван Рийна, разумеется. Мы ведь не можем бросить Эдзела тут, ты же знаешь.

— Нет, не знаю! Слушай...

— Да, мы с ним, бывало, ругались, — перебила Чи, — но он мой товарищ, да и твой тоже. — Она наклонила голову и поглядела на Фолкейна. — Я всегда считала тебя порядочным человеком, Дэвид.

— Да, но... но я такой и есть! — воскликнул Фолкейн. — Разве ты не слышала? Приказ — отправляться прямиком домой.

— Да причем здесь это, в конце-то концов? Ты что, не хочешь освободить Эдзела?

— Конечно, хочу! Даже ценой собственной жизни. Но...

— Но позволишь ему умереть только потому, что этот пивной бочонок ван Рийн что-то там сказал.

Фолкейн судорожно вздохнул.

— Слушай, Чи, — сказал он. — Объясняю еще раз. Ван Рийн хочет, чтобы мы бросили и его. Он даже не сообщил нам, где они находятся. Он использовал волну, которая огибает планету. То есть он может быть где угодно.

— Тупица, — обратилась Чи к компьютеру, — ты можешь определить, откуда велась передача?

— По структуре отражений от ионосферы, да, с высокой вероятностью, — отозвался компьютер. — Это большое поселение, сравнительно недалеко отсюда, мы его видели при входе в атмосферу.

Чи снова повернулась к Фолкейну.

— Понял?

— Я что-то понял, а вот ты ничего не поняла! — крикнул он. — Что такое судьба Эдзела, и ван Рийна, и наша тоже по сравнению с судьбой целых миров? Так уж получилось, что они не могут известить Лигу, а мы можем.

— Мы так и сделаем, только захватим с собой Эдзела.

— Но нас могут подбить, пленить или... — Фолкейн остановился. Потом заговорил вновь, уже спокойнее: — Я знаю тебя, Чи. Твои предки были хищными зверями, охотившимися в одиночку или малыми группками. Поэтому ты так себя и ведешь. Твоему миру ничего не говорит слово «нация». Идея жертвования собой ради общества для тебя пустой звук. Чувство долга у тебя не слабее моего, даже, может быть, сильнее, но оно обрывается на родичах и друзьях. Все так. Это я понимаю. Но пораскинь мозгами, постарайся понять меня. Как тебе еще объяснить? Одна жизнь не стоит биллиона жизней.

— Конечно, — согласилась Чи. — Но это не дает нам права забывать о друзьях.

— Послушай...

Фолкейн замолк на полуслове. На него в упор глядело дуло сканнера. Будь Чи человеком, он, пожалуй, попытался бы выбить пистолет из ее руки, а так он знал, что не успеет. Поэтому сидел не шевелясь и слушал:

— Я предпочла бы не оглушать тебя. Без твоей помощи у меня может ничего не получиться. Однако я все равно попробую. Давай поговорим начистоту, Дэвид. Согласись, нам по плечу справиться с этими деревенщинами. Иначе нам прямая дорога в приют для слабоумных.

— Чего ты хочешь от меня? — прошептал он.

— Пообещай, что сможешь мне вытащить Эдзела.

— И ты мне поверишь?

— Да, потому что иначе один из нас должен будет умереть. — Пистолет по-прежнему нацелен был в лоб Фолкейну, но цинтианка отвела глаза. — А я вовсе этого не хочу, Дэвид.

Он целую минуту сидел неподвижно. Потом ударил кулаком по подлокотнику кресла и расхохотался:

— Идет, чертовка ты этакая! Шантажистка. Твоя взяла... и клянусь Иудой, я рад этому!

Кое-как засунув пистолет обратно в кобуру, Чи прыгнула к нему на колени. Он погладил ее по спине и почесал под подбородком. Она хвостом провела ему по щеке. И сказала:

— Нам понадобится и их помощь. Нужно, чтобы они очень подробно описали то место, где находятся. Я подозреваю, что поначалу они упрутся. Постарайся втолковать, что им не остается ничего другого, как только помочь нам. Если мы не сможем вернуться домой все вместе, значит, никто из нас не вернется.

ГЛАВА 24

И снова Чи Лан действовала на собственный страх и риск. На космодроме перед крепостью Моэта видны были заиндевевшие корпуса двух эсминцев, флиттера и звездолета, где держали пленников. Чи подобралась поближе. Так, охранников должно быть двое. Одного она разглядела: высокий, косматый, он беспокойно вертел головой, стоя на посту возле легкой пушки. Из ноздрей его вырывался белый пар; тихонько позвякивала металлическая амуниция. Чи принялась вслушаться в шелест предрассветного ветра и изо всех сил напрягла глаза. Ничего. Либо ван Рийн с Эдзелом ошиблись, либо другой охранник покинул свой пост, не дождавшись смены, а может быть, он где-то поблизости, но так хорошо спрятался, что она его не замечает.

«Ну и черт с ним! Времени уже нет. Замок скоро проснется. Эй-ях, давай, Чи».

Преодолев в броске последние несколько метров по песку, она выбралась на бетонное покрытие космодрома. Лучше, конечно, было бы напасть сверху. Но какой-нибудь паршивый детектор вполне способен засечь ее импеллер. По той же причине, кстати, она не пыталась связаться по радио с находившимися внутри корабля товарищами. Ну ничего, это не беда.

Охранник пока ни о чем не догадывался. Очутившись достаточно близко, Чи припала к земле, вытащила сканнер и выстрелила. Она предпочла бы убить шенна; но кто знает, вдруг он успеет вскрикнуть — тогда пиши пропало.

Ультразвуковой разряд сразил охранника наповал. Он рухнул с грохотом на землю. Чи направила на звездолет луч фонаря, выключила, включила, снова выключила. Только бы они заметили!

Как будто все в порядке. В борту корабля открылся шлюзовой люк, потом оттуда выдвинулись сходы. Появился Эдзел: его огромная туша казалась свинцово-серой в свете звезд. На спине воденита, там, где была удалена дорсальная пластина, сидел Николас ван Рийн. Чи рванула навстречу им. Ее переполняла радость. Если в самом деле удастся ускользнуть...

Вдруг из темноты у боевых звездолетов раздался рев. Сверкнул тепловой луч.

— Бегом... вон туда! — крикнула Чи, махнув фонарем в сторону невидимого отсюда «Сквозь Хаос». Взяв в воздух на антиграве, она

включила коммуникатор: — Нас обнаружили, Дэвид. — И ринулась вниз, чтобы отыскать стрелявшего.

— Моя помощь не требуется? — спросил Фолкейн.

— Подожди минутку. Может быть... — Она не успела закончить. Тепловой луч прошел в считанных сантиметрах над головой. Она почувствовала запах озона; глазам на мгновение стало больно.

Шенна подвело его естество: вместо того чтобы выждать несколько секунд и выстрелить снова, он выскочил из своего укрытия. Заметив его, Чи по крутой дуге устремилась вниз. Она нажала на курок сканнера, и шенн упал. Цинтианка снова взмыла вверх, едва не врезавшись в один из кораблей.

В замке загудели колокола тревоги. Тут и там засверкали огни. Из ворот вывалилась толпа шеннов, по большей части вооруженных. Должно быть, они и во сне не расстаются со своим треклятым оружием. Четверо из них на бегу надевали на себя ранцы летательных мини-аппаратов. Чи понеслась вслед Эдзелу. От таких преследователей ему не оторваться. Но если она прикроет его с воздуха...

— Что там у вас? — рявкнул Фолкейн. — Мне не пора?

— Нет пока. Потерпи еще. — Чи вынула из кобуры бластер. Все, хватит с нее этих сканнеров. Детские игрушки.

Четыре шенна, нагонявших воденита и человека, не замечали ее. Она поднялась чуть выше, прицелилась и дважды нажала на спуск. Один летун взорвался вместе со своим ранцем. У другого выстрел, похоже, повредил рулевое управление. Зато третий ринулся на нее. Это был достойный противник. Завязалась рукопашная. Тем временем четвертый шенн уже завис над головами беглецов. Эдзел остановился так резко, что ван Рийн перелетел через его голову и с воплем рухнул в заросли колючего кустарника. Воденит нагнулся, подобрал с земли камень и швырнул его в нападавшего. Кляц! Импеллер отказал, и шенн был вынужден опуститься.

Однако его легкие на ногу приятели были уже совсем близко. Они открыли огонь. Эдзел помчался им навстречу, раскачиваясь из стороны в сторону. Пули то и дело рикошетили о его чешую, но он не обращал на них внимания. Разумеется он был смертен. Достаточно мощный или достаточно прицельный выстрел мог бы убить его. Но он оказался среди шеннов раньше. В ход пошло все: копыта, руки, клыки, хвост.

Тот летун, которого сбил брошенный воденитом камень, не получил серьезных повреждений. Увидев свой валяющийся на земле пистолет, он бросился к нему, дабы завладеть оружием. Но на пути у него оказался ван Рийн.

— Нет уж, погоди, дружок, — выдохнул торговец. — Я возьму эту штуку с собой; вдруг мне удастся ее запатентовать. — Высокий, широкоплечий, мускулистый минотавр кинулся на толстого старика.

Но ван Рийн каким-то образом умудрился отскочить и как заправский каратист нанес удар ногой. Шенн завопил от боли. — Ага, не нравится! — хмыкнул ван Рийн.

Датинец чуть отступил. Противники уставились друг на друга, время от времени бросая взгляды на лежащий на песке между ними бластер. Шенн, нагнув голову, ринулся вперед. Руки он держал так, чтобы не пропустить еще одного удара, но в любой момент готов был пустить их в ход. А хватка у него была такая, что против нее не устоял бы ни один землянин.

Ван Рейн сделал шаг навстречу. И в последний миг снова отскочил, извернулся и прыгнул на спину, воинственному великану.

— Бог помогает правому! — гаркнул ван Рийн, засунул руку под тунику, вытащил оттуда Святого Дисмаса и огрел противника статуэткой по голове. Шенн медленно опустился на землю.

— Хо-хо, — произнес ван Рийн, раздувая щеки. — Был бы я помоложе, я бы тебе показал. — Он сунул святого обратно, подобрал пистолет, разобрался, как тот действует, и огляделся в поисках подходящих целей.

И не обнаружил, в кого стрелять. Чи Лан расправилась со своим противником. Эдзел вернулся. Шенны с криками бежали к замку.

— На это я и рассчитывал, — заметил ван Рийн. — Такая уж у них психология. Те, кто нападает сломя голову, обычно легко поддаются панике. В истории можно найти сколько угодно примеров.

Чи снизилась.

— Пошли скорее, пока они не опомнились, — сказала она.

— Ага, боюсь, не такие уж они тупые, — согласился ван Рийн. — Как только они вспомнят про своих роботов...

Ночь прорезал басовитый гул. Корпус одного из эсминцев задрожал.

— Уже вспомнили, — прокомментировала Чи. И произнесла в коммуникатор:

— Давай, Дэвид!

«Сквозь Хаос» появился на горизонте через несколько секунд.

— Ложись! — крикнул Эдзел. Он укрыл товарищей собственным телом: его чешуйки достаточно надежно могли защитить от жара и радиации.

Засверкали лучи. Поднимись хотя бы один из кораблей в воздух, Фолкейну с Тупицей пришлось бы туго. Звездолет Лиги израсходовал свой запас торпед в битве у Сатаны. Но он появился сейчас так внезапно, что первый эсминец успел произвести всего один выстрел, да и тот в «молоко». Тепловой луч поразил эсминец, и он упал прямо на другой корабль; тот покачнулся, и оба звездолета с оглушительным грохотом рухнули на бетон. Еще три выстрела — и выведен из строя флиттер Мозта.

«Сквозь Хаос» сел.

— *Donder op!** — крикнул ван Рийн. Эдзел схватил его под мышку. — *Wat dromme!*** — запротестовал было он. Воденит хвостом подхватил Чи и ринулся к шлюзовому люку.

В этот момент корабль открыл огонь по замку. Эдзел зажмурился, споткнулся, уши у него заложило от грохота, от дыма стало трудно дышать.

Сидевший в отсеке управления звездолета Фолкейн воскликнул:

— Чего ради убивать тех, кто не нападает на нас?

— Выполняя ваше распоряжение, я уничтожаю установки, которые, судя по радиорезонансу, являются тяжелыми орудиями или ракетными батареями, — отозвался Тупица.

— Ты можешь меня соединить с кем-нибудь внутри? — спросил Фолкейн.

— Я настроюсь на частоту, на которой обычно переговариваются датиинцы... Да. Нас пытаются вызвать.

Экран замерцал. На нем появилось искаженное ужасом и радиопомехами лицо Теи Белдэниэл. Комнату, где она находилась, сотрясали разрывы корабельных снарядов.

Фолкейн взглянул на другие экраны. Передней стены замка как ни бывало. На ее месте клубилась пыль, сквозь которую то и дело прорывалось пламя. У него заболела голова; он сам уже наполовину оглох от этого грохота.

Голос Теи был едва слышен:

— Дэвид, Дэвид, что ты наделал!

Он ухватился за ручки кресла и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Я не хотел. Вы меня вынудили. Ну да ладно, слушайте. Теперь вам должно быть понятно, что такое война. И учтите — это всего лишь капелька войны настоящей. Мы скоро улетаем. Я надеюсь, что буду уже достаточно далеко отсюда, когда вы осознаете, что произошло. Но это даже к лучшему. Догнать нас вы уже не успеете. Но даже если и догоните, вам теперь известно, чего от нас можно ожидать.

— Дэвид... мой повелитель Моэт... он мертв... я видела, луч сжег его на месте... — Она не смогла закончить фразу.

— Вам будет лучше безо всяких повелителей, — отозвался Фолкейн. — Вы ведь человек, в конце-то концов! Но поговорите с другими. Скажите им, что Политехническая лига не имеет претензий и не желает войны. Но если нам придется сражаться, с шеннами будет покончено раз и навсегда. О нет, мы не убьем их; это они способны были уничтожить древних датиинцев всех до единого. Но если они попробуют нам сопротивляться, мы лишим их всех роботов и превратим в пастухов-кочевников. Так что пусть решают, и поскорее.

* Подожди (гол.)

** Оставь (гол.)

Покажите им свой замок, объясните, что произошло, и посоветуйте впредь не вертеться под ногами у свободных людей.

Взгляд ее выражал муку. Жалость сдавила ему грудь. В иных обстоятельствах он сказал бы больше. Но Эдзел, Чи Лан и Николас ван Рийн находились на борту звездолета; крепость противника разрушена; враг понес небольшие — по крайней мере, он на это надеялся — потери, но получил хороший урок. Фолкейн отключил связь.

— Хватит нам тут барражировать, — сказал он. — Команда на взлет. Курс — Земля!

ГЛАВА 25

— В течение двадцати четырех часов в пространстве не обнаружено ни одного работающего гипердвигателя, кроме нашего собственного, — доложил Тупица.

Фолкейн облегченно вздохнул. Он поудобнее устроился в кресле и положил ноги на столик.

— Как будто все в порядке, — улыбнулся он. — Считаю, мы уже дома.

Ибо кто способен обнаружить в бескрайних просторах космоса крошечный звездолет — песчинку среди мириад звезд? Солнце Датины превратилось уже в одну из тысяч светящихся точек, заполнявших собой все обзорные экраны. Бормотали двигатели; вентиляторы гнали в салон свежий воздух, напоенный ароматом цветущих лугов; табак на вкус был просто восхитителен, — короче говоря, можно было спокойно отдыхать.

И черт возьми — они нуждались в отдыхе!

Однако оставался еще один повод для беспокойства.

— Ты уверена, что вы не сильно облучились там, снаружи? — спросил Фолкейн.

— Я же сказала, что проверила каждого из нас вплоть до хромосом! — резко ответила Чи. — Как тебе известно, я ксенобиолог... не так ли? А на борту звездолета есть все необходимое оборудование. Эдзел получил наибольшую дозу, потому что он прикрывал нас, но и то с имеющимися у нас лекарствами я с ним справлюсь в два счета. — Она села на скамейку, на которой до того лежала, свернувшись клубочком, и ткнула мундштуком в распростершегося на палубе воденита. — Разумеется, мне придется подзаняться тобой по дороге, когда я буду рисовать или лепить... Ах ты, слюнтяй этакий, ты что, не мог прикрыться листом свинца?

Эдзел хмыкнул.

— Так ведь весь свинец у тебя, — отозвался он. — Догадайся где.

Чи фыркнула. Ван Рийн хлопнул ладонью по столу, едва не опрокинув свой стакан с пивом:

— Тише! Я и не знал, что ты у нас остряк!

— Это называется остроумием? — пробурчала цинтианка. — Хотя, пожалуй, для него в самый раз.

— Да, ему не мешает подучиться, — согласился ван Рийн, — но ведь в любом деле главное — начать. Он у нас еще поиграет в салонных комедиях! Что насчет «Как важно быть серьезным», а, Эдзел? Ха!

Наперебой посыпались другие названия.

— Я бы предложил отметить это дело, — сказал Фолкейн, — но, к сожалению...

— Правильно, — откликнулся ван Рийн. — Сначала дело, потом забава. Только бы это «потом» не растянулось слишком надолго. Надо объединить нашу разрозненную информацию, пока она еще свежа у нас в памяти, а иначе глядишь — что-нибудь важное да упустим.

— То есть? — Фолкейн моргнул. — Что вы хотите сказать, сэр?

Ван Рийн подался вперед, ухватив в мясистую ладонь сразу все свои подбородки.

— Чтобы знать, как быть с шеннами, нам нужно уяснить себе, что они такое.

— Но не лучше ли оставить это специалистам? — спросил Эдзел — Узнав об угрозе нападения и приняв необходимые меры, Лига найдет способы как следует изучить Датину. Чего мы будем соваться не в свое дело?

— Ага, ага-ага. — Ван Рийн не скрывал раздражения. — Времени-то у нас не так много! Откуда мы знаем, что еще выкинут эти шенны? А вдруг они попытаются напасть, несмотря на урок, который ты им преподавал, Тупица.

— В моем программном обеспечении отсутствует функция обучения — заметил компьютер.

Ван Рийн не обратил на него внимания.

— Конечно, это будет чистейшее самоубийство, и, быть может, они это понимают. В общем, гадать тут можно бесконечно, и надо определиться. Даже ошибочное представление лучше, чем никакое, потому что тогда ксенологические команды смогут хоть на что-то ориентироваться. Поняв, что у этих шеннов за душой, мы сможем вести с ними уже не пустые разговоры, и, если повезет, добьемся мира.

— Конечно, не мне поправлять землянина, использующего земную идиому, — сказал Эдзел, — но, насколько я понял, вы хотите выяснить, каковы их основные стремления?

Ван Рийн побагровел.

— Лады, пусть будет так. Тоже мне, педагог выискался! Итак, чего они хотят? Что их влечет? Нам о них кое-что известно, но этого кое-что, Чи Лан, не выразишь формулами. Мы имеем, так сказать, поэтическое прозрение. Шенны для нас уже не бесчувственные монстры, но существа, с которыми мы можем договориться. Специалисты Лиги займутся своим делом потом. Время попусту терять некогда. Быть может, мы спасем миллионы жизней,

вернувшись на Землю, предварительной программой исследований и даже действий!

Он залпом выпил пиво. Успокоив таким образом нервы, зажег трубку, откинулся на спинку кресла и проворчал:

— У нас есть информация и есть опыт. И потом, нам могут помочь аналогии. Вряд ли в такой огромной Вселенной найдется хоть одна ни на кого не похожая раса. Так что мы можем воспользоваться своими знаниями относительно других народов. Взять, к примеру, тебя, Чи Лан. Нам известно, что ты плотоядное существо, только маленькое; это означает, что при определенных обстоятельствах ты становишься агрессивной. Ты, Эдзел, крупное всеядное, настолько крупное, что твоим предкам и в голову не приходило, скажем, бравировать своей силой или задира́ть окружающих. Поэтому нрав у тебя мирный, но чертовски независимый, правда, в своем роде. Если кто-нибудь начнет указывать, как тебе жить, ты просто повернешься к нему спиной. А вот Чи убила бы его. И, наконец, мы, люди. Мы тоже всеядны, но наши предки-приматы охотились стаями и круглый год занимались плотской любовью. Именно это наследие делает человека разумным существом. Лады? Я согласен, это все слишком общо. Но если нам удастся подогнать все, что мы знаем о шеннах, под одно какое-нибудь довольно общее определение...

Как выяснилось дальше, всем им на ум пришла одна и та же мысль. В ходе разговора они обсуждали ее то с одной, то с другой стороны. И решили наконец, что так оно и есть. Кстати сказать, позднейшие ксенологические исследования подтвердили их выводы.

Даже планетам вроде Земли, обращающимся вокруг постоянных звезд, знакомы периоды массового вымирания животных.

Условия существования внезапно — с геологической точки зрения, естественно, — изменяются, и организмы, обитавшие в этом мире миллионы лет, исчезают. Такая судьба постигла в конце мелового периода динозавров. А к концу плиоцена вымерли почти все крупные млекопитающие, название которых, данные им позднее, заканчивались обычно на «терий». Почему — остается неясным до сих пор. Но от самого факта никуда не деться: жизнь полна опасностей и тревог.

На Датине же положение было куда хуже. Уровень солнечной радиации на ней выше, чем на Земле. А вот во время пиков солнечной активности, повторявшихся через нерегулярные промежутки времени, гораздо выше. Магнитное поле и атмосфера не служили для планеты надежной защитой. Помимо всего мутации, вызванные такими скачками солнечной активности привели к появлению говорящих, думающих, способных изготавливать инструмент травоядных. А раз так, значит, дело обошлось без жестокого естественного отбора, ибо история любой такой планеты — это перечень экологических катастроф.

Затем наступил довольно длительный спокойный период, за время которого обитатели планеты достигли вершины познания, разработали свои технологии, научную методику, создали цивилизацию, мечтавшую о покорении пространства и, вполне возможно, предприняли первые попытки в этом направлении. И вот солнце снова резко повысило свою активность.

Таяли снега, поднимался уровень воды в океанах, скрывались под волнами морей и океанов побережья. Тропики постепенно превратились в саванны или пустыни. Все это можно было бы пережить. Скорее всего, именно ухудшившиеся климатические условия подтолкнули к созданию всепланетного союза и к выходу в космос.

Но, как это всегда бывает, вмешалась непредвиденная случайность. Последняя вспышка активности звезды ознаменовалась не столько увеличением тепла, света и электромагнитной энергии, сколько началом нескольких абсолютно новых процессов, возникших, когда звезда перешла в качественно иное состояние. Планета попала в мощный поток протонов, электронов, мезонов, квантов рентгеновских лучей.

Магнитосфера и верхние слои атмосферы светились под воздействием радиации. Многие биологические организмы вымерли в течение нескольких лет. За ними последовали другие, существовавшие в симбиозе с первыми. Экологическая пирамида распалась.

Цивилизация, какой бы развитой она ни была, не есть автономное образование. Она не в состоянии сама себя обеспечить всем необходимым. Другими словами, цивилизация неотделима от природы. Но поля превратились в пустыни, деревья в садах сбросили листья, леса выгорели, морские водоросли сгнили. Появились новые болезни. Шаг за шагом население планеты уменьшалось, предприятия закрывались из-за нехватки ресурсов и рабочих рук, про науку забыли. Пределы возможного становились все уже и уже.

Короче говоря, датины не смогли приспособиться к изменившимся условиям. Те из них, кто выжил, постепенно превратились в дикарей.

А потом в их среде возникла и стала расти группа мутантов.

Травоядные не могут в мгновение ока стать плотоядными, даже если они употребляют в пищу не сырое, а приготовленное мясо. Зато они могут сбросить инстинкт, заставляющий их собираться в крупные стаи — слишком крупные, чтобы истерзанная земля могла их прокормить. Они запросто могут начать охотиться на животных, без мяса которых уже не в состоянии выжить. Они с испуганием фанатиков будут защищать свою территорию, но бросят ее, как только она покажется им непригодной, и захватят себе новый клочок земли. Они создадут оружие и государственные институты; у них возникнут мифы, религии, легенды...

Они станут травоядными убийцами.

Причем до них будет далеко обычным плотоядным, которые

убивают, лишь когда хотят есть. И не только им, но даже и всеядным, обладающим оружием с тех самых пор, когда у них появились первые проблески разума, и потому привыкшим оступать самые горячие головы своих соплеменников. Конечно, подобное истолкование фактов является весьма и весьма приблизительным. Но, быть может, станет понятнее, о чем идет речь, если мы сравним мирного льва и дикого медведя, который только и ищет, с кем бы ему подраться, или того же медведя и носорога или кафрского буйвола.

Древнее население Датины было обречено. Они храбро сражались, но силы их были разобщены. Победив в бою, они редко преследовали врагов; а потерпев поражение, разбежались врассыпную. Древняя цивилизация пришла в упадок; ее политико-экономическая структура превратилась в некое подобие феодализма. А те, кто ее создал, были деморализованы до последней степени. Может кому-то и удалось убежать в космос, но обратно домой они так и не вернулись.

Шенны поступали просто: они нападали на замок, захватывали его и съедали тех датинцев, которые почему-либо не годились в рабы. Обосновавшись в замке, завоеватели заключали мир с окрестными поселениями, вожди которых истово убеждали себя, что чужаки удовлетворятся уже захваченным. Поначалу так оно и было. Но потом молодые шенны, которым тесно было в отцовских вотчинах, нарушили эту идиллию. Покорение одного народа другим вряд ли было результатом тщательно разработанного плана. Скорее всего, шенны одерживали верх над датинцами потому, что они были лучше приспособлены. Случилось это не сразу, а в течение нескольких веков. В условиях, когда для поддержания жизни одного индивидуума требуется территория в несколько гектаров, агрессивность становится просто необходимой: ведь надо эти гектары захватить, а потом еще и отстоять.

Разница между полами, необычная среди разумных существ, также вне всякого сомнения, возникла в итоге какой-либо мутации. Поскольку шенны-самцы были воинами и часто гибли во всяких схватках, для увеличения численности племени введена была полигамия. Основными занятиями самцов были охота и война. Присматривавшие за детенышами самки не могли принимать участия ни в том, ни в другом, и потому постепенно стали пассивными и туповатыми.

(Вначале шеннов было раз-два и обчелся, и в течение долгого времени численность их племени оставалась практически неизменной. То есть, когда произошел генетический сдвиг, он оказался очень мощным. Побочными его эффектами были появление у самцов гривы и другие, не столь безвредные, но все же сильно повлиявшие на организм изменения.)

В конце концов древняя раса была стерта с лица планеты. Уровень радиации постепенно уменьшился; возникли новые биологические организмы, да и некоторые из старых возродились к жизни. Прошло много времени, прежде чем на Датине восстановилась

плодородность почвы. Но машинная культура возродилась гораздо раньше. По книгам, по преданиям, по ржавым каркасам с помощью немногих рабов шенны принялись воссоздавать то, что сами же разрушили.

Но тут их природная сущность, верой и правдой служившая им на протяжении сотен лет, сыграла с ними злую шутку. О каком сообществе, без которого невозможно применение передовых технологий, могла идти речь, когда каждый самец жил в уединении со своим гаремом и готов был вызвать на смертный бой каждого, кто осмелится ступить на его территорию?

Однако дело обстояло вовсе не так просто. Говорят, что нет двух таких людей, которые во всем походили бы друг на друга. То же самое можно сказать и о шеннах. Те из них, кому не улыбнулась в жизни удача, стремились найти приют при дворе богатого сородича. Так образовался удел: несколько родственных семей жили вместе, подчиняясь наделенному абсолютной властью патриарху. Этот удел, в котором соблюдалась строгая иерархия, был основной единицей нового датинского общества — как племя у людей, матрилинейный клан на Цинтии или вольный табун на Водене.

На любой планете процесс слияния основных единиц в крупное образование идет со скрипом. В результате, чаще всего возникают патологические объединения, удерживаемые лишь силой и все равно в конце концов распадающиеся. Достаточно вспомнить империи и всемирные ассоциации на Земле.

Иногда, правда, бывает и по-другому. Шенны были разумными существами. Поэтому они, как и многие другие народы, понимали необходимость сотрудничества. Пускай они эмоционально были неспособны принять идею единого всепланетного правительства, — взамен его они создали конфедерацию баронств.

И тем более всякие раздоры были забыты, когда шенны открыли для себя дорогу к звездам!

— Ага, — кивнул Николас ван Рийн, — если они и в самом деле такие, мы с ними справимся.

— Загоним их обратно в каменный век и сядем им на шею, — пробормотала Чи Лан.

Эдзел поднял голову.

— Ну что за гадости ты говоришь? Разве можно допустить такое?

— Ну да, конечно, тебя послушать, так пусть они резвятся на свободе, да еще с ядерным оружием, — съязвила Чи.

— Ну-ну, — сказал ван Рийн. — Ну хватит. Вовсе ни к чему огульно охаивать целый народ. Уверен, если найти к ним правильный подход, мы еще не раз потом помянем их добрым словом. — Он улыбнулся и потер руки. — Только вот чтобы их «расшеннить», понадобится куча денег. — Его улыбка стала шире и самодовольнее. — Ну что ж, друзья, на сегодня с делами как будто все. Наши

бедные головы слишком устали. Пожалуй, надо им посочувствовать. Дэвид, мой мальчик, будь так добр, принеси бутылочку «Джинивер» и пару ящиков пива.

Фолкейн собрался с духом.

— Я хотел сказать вам раньше, сэр, да как-то не получалось, — сказал он. — Дело в том, что вы только что выпили последнюю кружку из наших припасов.

Ван Рийна, казалось, вот-вот хватит удар.

— Если вы помните, этот звездолет покидал Луну в большой спешке, — продолжил Фолкейн. — На борту у него лишь стандартные пищевые рационы. Разумеется, пиво тоже было... но откуда я мог знать, что вы присоединитесь к нам и... — Тут наконец ван Рийн обрел дар речи.

— Что-о-о-о? — возопил он так, что по салону пошло гулять эхо. — Да ты... целый месяц в космосе... и нечем промочить горло, кроме как... И даже пива нет?!

В следующие полчаса в салоне творилось нечто невообразимое.

ГЛАВА 26

Полгода спустя по земному календарю.

Чандра Махавани, помощник министра иностранных дел земного Содружества, бросил взгляд на коричнево-золотистый шар, на орбиту которого вышел линкор, и сказал:

— Нет, это просто недопустимо! Какая-то кучка капиталистов поработила весь мир!

Адмирал Флота Политехнической лиги Вайахо холодно взглянул на него.

— Как, по-вашему, что шенны собирались сделать с нами? — Он был родом с Ферры, и саблевидные клыки весьма мешали ему говорить на любом из земных языков. Тем не менее в его словах явственно прозвучала насмешка.

— Вы даже не потрудились известить нас. Если бы не результаты расследования мастера Гарвера, которые вынудили меня прибыть сюда лично...

— Чего ради Лиге связываться с Содружеством или любым другим правительством? — Вайахо ткнул когтем в медленно кружившуюся на обзорных экранах Датину. — Мы здесь слишком далеко от них. Пусть скажут спасибо, что мы собственными силами устранили угрозу, никого в это дело не впутывая.

— Угрозу? — воскликнул Махавани. — Вы пригнали сюда целую армаду... безо всякой видимой причины... заставили этих бедных... э... шеннов, отдать вам все, что они с таким трудом построили: космические корабли, головные заводы... растоптали их суверенитет... ввергли их в экономическое рабство... О чем вы вообще говорите? Знаете, как это называется, сэр? Это называется породить

ненависть, которая в скором времени приведет к серьезным конфликтам! А правительство Содружества твердо придерживается политики умиротворения. Прошу не забывать, что в случае войны мы тоже окажемся в нее втянутыми.

— Никакой войны не будет, — отозвался Вайахо. — Это я вам гарантирую. И потом, я бы не стал на вашем месте говорить о рабстве. Да, разумеется, мы лишили их возможности развязать войну, мы контролируем их промышленность, мы стараемся сделать так, чтобы их экономика полностью зависела от нашей. Но все это ради одной-единственной цели: не дать поднять голову реваншизму. По правде сказать, я не думаю, что все это возможно. Шенны как будто не испытывают особых сожалений, подчиняясь, — подчиняясь тому, кто оказался сильнее их.

Мимо них по коридору, держа в руках мнемоленту, прошла женщина. Вайахо приветствовал ее.

— Вы не могли бы задержаться на минутку? Познакомьтесь: госпожа Белдэниэл. Мастер Махавани с Земли. Госпожа Белдэниэл очень помогает нам в налаживании контактов с шеннами. Кстати, вы знаете, она с раннего детства воспитывалась у них? Сударыня, согласны ли вы, что шенны не видели от Лиги ничего, кроме добра?

Худошавая женщина средних лет насупила брови, размышляя.

— Ничего не могу вам сказать, сэр, — откровенно ответила она. — Но, с другой стороны, выбрав из двух зол меньшее и влившись в Техноцивилизацию, шенны, по-моему, поступили правильно. Иначе им оставалось только погибнуть. — Она фыркнула. — Всем ведь хочется жить, и они не исключение.

— Но как же с экономикой? — не сдавался Махавани.

— Естественно, мы хотим, чтобы наши усилия окупились, — сказал Вайахо. — Но мы не пираты. Мы вложили в их предприятия определенные средства и рассчитываем получить известную прибыль. Кроме того, вы должны помнить, что бизнес — это не игра в один карман. Мы улучшаем этот мир к выгоде его обитателей.

Махавани покраснел.

— Вы хотите сказать, сэр, что ваша треклятая Лига имеет наглость брать на себя функции правительства?

— Не совсем так, — промурлыкал Вайахо. — Никакому правительству не удалось бы добиться столь многого. — Он рывком поднял с сиденья свое длинное тело. — Прошу прощения, но нас с госпожой Белдэниэл ждут неотложные дела.

В саду на Земле Николас ван Рийн оторвался от экрана — только что промелькнули последние кадры видеофильма, привезенного недавней экспедицией на Сатану. Он вкрадчиво улыбнулся глядевшим на него с других, меньших экранов человеческим и нечеловеческим лицам, принадлежавшим могущественнейшим промышленникам галактики.

— Лады, друзья, — сказал он, — как вы видите, у меня есть все основания требовать себе монополии на разработку этих богатств. Но поскольку я всего лишь бедный старичок, которому только и нужно, что нежиться на солнышке и попивать вечерами сингапурский слинг, да поторговывать сахаром, пряностями и прочими вкусными вещами, меня эти сатанинские сокровища не прельщают. Я не собираюсь сам связываться с этой чудесной планетой, где деньги валяются прямо под ногами. Нет-нет, и не просите. Но я был бы рад продать вам особые права... естественно, договорившись сначала о дележе прибыли. Скажем, процентов тридцать-сорок... Заметьте, многого я себе не прошу. Вы как будто хотите возразить?

Выйдя за орбиту Луны, «Сквозь Хаос» начал набирать скорость. Фолкейн долго глядел на кормовой экран.

— Что за девушка! — пробормотал он.

— Кто, Вероника? — спросила Чи.

— Да. Такую поискать. — Фолкейн раскурил трубку. — И чего ради нас снова куда-то несет? Не понимаю.

— Хочешь, объясню, — предложила Чи. — Еще пара дней такой жизни, которую ты там вел, и ты бы лопнул. — Она взмахнула хвостом. — А мне стало скучно. Так славно снова оказаться на воле!

— И очиститься, — добавил Эдзел.

— И правда, — согласился Фолкейн. — Я пошутил. Звучит довольно высокопарно, но ведь мы на самом деле принадлежим космосу.

Включив привод механических рук, смонтированных именно ради этого, Тупица швырнул на стол колоду карт и пригоршню покерных фишек.

— В таком случае, капитан, — сказал он, — следуя предложенной вами программе на ближайшие часы, рекомендую вам заняться делом. Ваша очередь сдавать.

Рука помощи

РАССКАЗ

Раздался мелодичный звук гонга и следом за ним бесцветный голос робота — шефа дипломатического протокола:

— Его Превосходительство Валка Вахино, Чрезвычайный и Полномочный Посол Лиги Планет Кундалоа в Объединенных Солнечных Республиках.

Представители Земли вежливо встали при появлении посла. Несмотря на непривычные земные условия — сильную гравитацию и холодный сухой воздух — он двигался с изумительной грацией, вызывая восхищение красотой своей расы — физически жители Кундалоа почти не отличались от людей. Мелкие различия только усиливали обаяние, создавая привкус романтики и экзотики.

Ральф Дальтон внимательно присмотрелся к послу. Валка Вахино: очень мужественное лицо, тщательно прорисованные черты, высоко поставленные виски и темные глаза. Хрупкий, ростом ниже любого землянина, он двигался плавно, быстро и бесшумно. Длинные, блестящие, с голубоватым отливом волосы спадали на смуглые плечи, оттеняя высокий лоб и создавая приятный для глаз контраст с золотистой кожей. На нем было старинное церемониальное одеяние луйев из Кундалоа — блестящая серебристая туника, пурпурный плащ, усыпанный, словно роем звезд, искрящейся металлической пылью, мягкие золотистые кожаные туфли. В изящной шестипалой ладони он сжимал богато украшенный символ своего высокого звания, служащий одновременно верительными грамотами. Он поклонился — с достоинством, но без подобострастия, — и заговорил на беглом земном, с легким, певучим и протяжным акцентом.

— Мир домам вашим! Великий Дом Кундалоа шлет поздравления свои и желает наилучшей жизни братьям Республик Солнца. Уверение в приязни выражает недостойный того, верный слуга Великого Дома, Валка Вахино.

Дальтон ответил с подобающей случаю торжественной серьезностью:

— Приветствую и поздравляю. Объединенные Солнечные Республики выражают самую глубокую приязнь Лиге Планет Кундалоа. Премьер Объединенных Республик Ральф Дальтон говорит от имени всех людей Солнечной системы.

Затем он представил собравшихся: министров, научных консультантов, представителей штабов. Перечень вызывал уважение — собрались все сливки администрации Системы.

— Приступим к предварительной конференции, — продолжал Дальтон, — касающейся дружеских предложений, сделанных недавно вашему пра... Великому Дому Кундалоа. Сегодня — неофициальная встреча. Но мы передаем ее по телевидению, чтобы население Республик Солнца само вынесло решение.

— Я понимаю. Это очень хорошая идея, — ответил Вахино.

Он дождался, пока все не расселись, и тогда только занял свое место.

Наступило молчание. Взгляды всех устремились на часы. Вахино прибыл точно в назначенный час, а вот Скорроган из Сконтара запаздывал. «Бестактность», — подумал Дальтон. Впрочем, сконтариане славятся своими дурными манерами. В отличие от кундалоанцев, деликатность которых вошла в поговорку, не став при этом признаком слабости.

Начался обычный в подобных случаях разговор ни о чем. Как оказалось, Вахино уже неоднократно бывал в Солнечной системе, особенно в последнее время. Здесь не было ничего удивительного, отношения двух государств становились все более близкими. Множество кундалоанских студентов учились в земных учебных заведениях, а среди землян еще перед войной царила стойкая мода на туристические поездки на Аваики.

— О да, — улыбнулся Вахино. — Любой аламаи, вся молодежь Кундалоа мечтает о поездке на Землю, хотя бы ненадолго. Без преувеличений можно сказать, что мы испытываем прямо-таки безграничное уважение к вам и к вашим достижениям.

— Это восхищение взаимно, — сказал Дальтон. — Ваша культура, ваша литература, искусство, музыка пользуются величайшей популярностью во всей Солнечной системе. Множество людей — и не только специалистов — учат луайский, чтобы читать Дванагоа-Эпаи в оригинале. Кундалоанские певцы пользуются грандиозным успехом. Ваши молодые люди, — добавил он со смехом, — просто не могут совладать с вниманием землянок. А кундалоанские девушки не знают, что делать с многочисленными предложениями руки и сердца. И если число браков пока мало, то лишь из-за неизбежного бесплодия.

— Если говорить серьезно, — настаивал на своем Вахино, — то мы прекрасно понимаем, что ваша цивилизация задает тон во всей Галактике. И дело не только в том, что технологически цивилизация соляриан выше остальных, хотя это, разумеется, один из самых

важных факторов. Вы первыми прилетели к нам на своих космических кораблях, вы подарили нам ядерную энергию, медицинские знания и прочие блага. До этого мы могли прийти и сами... Но если говорить о таких ваших поступках, как... настоящее предложение помощи, о готовности помочь в восстановлении разрушенных миров, отдаленных от вас на многие световые годы, о готовности предоставить нам все сокровища знаний и мастерства, в то время когда нам почти нечем отблагодарить... Одно это делает вас величайшей расой Галактики.

— Как вы прекрасно понимаете, мотивы у нас вполне эгоистичные, — сказал Дальтон с некоторым смущением. — Конечно, гуманность тоже играет роль. Мы просто не можем позволить, чтобы раса, столь похожая на землян, страдала от нищеты, когда Солнечная система и ее колонии купаются в изобилии. Наша собственная кровавая история учит, что такая дружеская помощь полезна и дающему. Когда мы воскресим Кундалоа и Сконтар, восстановим и обновим разрушенную промышленность, познакомим вас с нашими знаниями, — мы сможем начать торговлю. Ибо между торгующими возникают настолько близкие отношения, что невозможным становится развязывание новой страшной войны. И кроме того, мы ищем союзников против чужих и грозных цивилизаций Галактики, с которыми в один прекрасный день нам, возможно, придется помериться силами.

— Молю Всевышнего, чтобы день сей никогда не настал, — серьезно сказал Вахино. — Войн с нас достаточно.

Снова прозвучал гонг. Чистым, нечеловеческим голосом робот оповестил:

— Его Превосходительство Скорроган, сын Валтака, князь Краакааума, Чрезвычайный и Полномочный Посол Сконтарской Империи в Объединенных Солнечных Республиках.

Все снова поднялись, но на сей раз не слишком поспешно. Дальтон заметил на многих лицах выражение неудовольствия, которое при появлении сконтарианина сменилось деланным безразличием.

Сконтариане не пользовались среди жителей Солнечной системы особой популярностью. Скорее, к ним питали откровенную неприязнь, и отчасти в том была их собственная вина.

Общественное мнение считало, что войну с Кундалоа развязал Сконтар. Было это, однако, не совсем верно. Дело в том, что солнца Сканг и Аваики, расположенные друг от друга в половине светового года и образующие двойную систему, имели третьего спутника, названного людьми Алланом в честь руководителя первой экспедиции. Планеты Аллана заселены не были.

Когда земная технология достигла Сконтара и Кундалоа, немедленным результатом стало появление — в пределах обеих планетных систем — конкурирующих государств, обративших вожаделеющие взгляды на девственные зеленые планеты Аллана. Оба

государства образовали там колонии, затем последовали столкновения, а потом — отвратительная пятилетняя война, которая, после полного истощения обеих сторон, завершилась заключенным при посредничестве Земли миром. Условия договора между Сконтаром и Кундалоа были достаточно почетными, и поэтому стороны были вынуждены сохранять мир, особенно после того, как обратились к солярианам с просьбой помочь в восстановлении разрушенного.

Людям нравились кундалоанцы, но одновременно они не любили сконтариан и поэтому всю вину приписывали им. Даже перед войной Сконтар не пользовался симпатиями. В вину ему ставились замкнутость жителей, их настойчивая приверженность устаревшим традициям, твердый акцент речи, раздражающий образ жизни и даже их внешний облик.

Дальтон с трудом добился согласия Объединения на приглашение Сконтара участвовать в конференции по вопросу оказания помощи. Но у него был серьезный козырь: помогая восстанавливать разрушенное, Земля получит доступ к богатствам Сконтара — в том числе минеральным — и, кроме того, снискает симпатии цивилизации, потенциально очень сильной, но держащейся до сих пор в отдалении.

Программа помощи пока еще находилась в стадии проекта, и следовало сначала выработать позицию Объединения в вопросе — кому следует помогать, а уж потом заключать официальные соглашения с правительствами заинтересованных планет. Нынешняя неофициальная встреча была только вступительным шагом. Но шагом решающим.

При появлении сконтарианина Дальтон вежливо поклонился. Посол в ответ стукнул об пол древком огромного копья, прислонил свое допотопное оружие к стене, после чего достал из-за пояса и протянул атомный пистолет. Дальтон осторожно принял его и положил на стол.

— Приветствую и поздравляю, — сказал он, видя, что сконтарианин молчит. — Объединенные Солнечные Респу...

— Благодарю, — прервал его лишенный выражения хриплый бас. — Валтам, Император Сконтара, шлет приветствия премьеру Солярии устами Скоррогана, князя Краакааума.

Он выпрямился в центре зала, казалось, заполняя все пространство мощной фигурой. Живя в мире высокой гравитации и низких температур, сконтариане были расой гигантов более чем двухметрового роста и соответственной ширины, так что выглядели они коренастыми. Их можно было признать человекоподобными, поскольку они тоже относились к виду двуногих млекопитающих, но на этом сходство исчерпывалось. Из-под широкого низкого лба и нависших бровей Скоррогана смотрели быстрые золотистые ястребиные глаза. Нижняя часть лица напоминала деформированную морду зверя, рот был полон страшных клыков, короткие уши сидели высоко на массивном черепе. Короткая коричневая шерсть покрывала все

мускулистое тело до кончика подвижного хвоста. С головы и шеи свисала рыжеватая грива. Несмотря на прямо-таки тропическую для него температуру, сконтарианин был наряжен в церемониальные меха и шкуры и издавал резкий запах пота.

— Князь запоздал, — с сомнительной вежливостью заметил один из министров. — Надеюсь, не произошло ничего достойного сожаления?

— Нет, — ответил Скорроган. — Просто я не рассчитал время. Извиняюсь, — добавил он не слишком извиняющимся тоном, тяжело упал в ближайшее кресло и раскрыл папку. — Приступим к делу, господа?

— М-м-м... Следовало бы. — Дальтон уселся в центре длинного стола. — Собственно, в этой вступительной беседе мы не будем слишком много внимания уделять цифрам и фактам. Мы хотим пока установить основные цели, общие принципы политики.

— Разумеется, вы захотите детальнее ознакомиться с теперешним состоянием промышленности Аваики и Сканга, так же как и алланских колоний, — сказал своим ласковым голосом Вахино. — Земледелие Кундалоа и копи Скондара уже сейчас обладают высокой продуктивностью, которая со временем станет достаточной для самообеспечения.

— Это мы предоставим специалистам, — ответил Дальтон. — Пошлем группы экспертов, технических советников, учителей.

— Кроме того, — вмешался руководитель генштаба, — есть еще вопрос военных связей...

— Сконтар обладает собственной армией, — буркнул Скорроган. — Пока об этом нет нужды говорить.

— Возможно, и нет, — согласился министр финансов. Он достал сигареты и закурил.

— Прошу вас! — рявкнул Скорроган. — Прошу не курить! Вы же знаете, что сконтариане не переносят никотина...

— Простите! — министр финансов затушил сигарету. Рука его слегка дрожала; он посмотрел на посла: что случилось, ведь климатизаторы мгновенно вытягивают дым? И в любом случае на членов правительства не кричат. Особенно, когда приходят просить о помощи...

— В игре участвуют и другие цивилизации, — торопливо заговорил Дальтон, отчаянно пытаясь загладить инцидент. — Не только наши колонии. Я думаю, экспансия обеих ваших рас выйдет за пределы вашей собственной тройной системы, что приведет...

— Для нас экспансия неизбежна, — заметил Скорроган. — Мирный договор ограбил нас на всех четырех планетах... Не будем об этом. Простите. Досадно сидеть за одним столом с врагом. Особенно, как, может быть, кто-нибудь помнит, если это столь недавний враг.

На этот раз молчание длилось долго. Дальтон чуть ли не с физической болью понял, что Скорроган непоправимо испортил свое

положение. Даже если бы он попробовал его исправить (а кто ж это видел, чтобы аристократ Сконтара приносил извинения), было уже слишком поздно. Миллионы людей у телеэкранов были свидетелями его прямо-таки непростительной грубости. Слишком много влиятельных лиц собралось в этом зале, слишком многие ощущали на себе взгляд полных презрения глаз и вдыхали резкий запах нечеловеческого пота. Сконтар не получит помощи.

На закате облака повисли над темной линией гор к востоку от Гайрайна, и морозное дуновение ветра принесло в долину привет от зимы — первые хлопья снега; и они кружились теперь на фоне темно-пурпурного неба, порозовевшие в лучах кровавой луны. К полуночи будет снегопад.

Космический корабль возник из темноты и поплыл к ангару. За маленьким космопортом был виден в полумраке древний город Гайрайн, стынущий на ветру. Рыжий блеск огня падал от старых домов с заостренными крышами, а крутые улочки напоминали ущелья, уходящие к предгорьям, где высился мрачный замок — древнее гнездо баронов. Валтам выбрал его своей резиденцией, и крохотный Гайрайн стал столицей Империи. Впрочем, от задумчивого Скирнора и великолепнейшего Труванга остались лишь радиоактивные руины, и дикие звери были теперь в развалинах древних дворцов.

Скорроган, сын Валтака, вышел из кабины корабля. Он почувствовал озноб и поплотнее завернулся в мех. Сконтар был холодной планетой.

Его ждали вожди. Скорроган принял позу безразличия, но в душе вздрогнул: быть может, его смерть тоже стоит в этой напряженно молчащей группе? Он был уверен в немидости, но не знал.

На встречу прибыл сам Валтам. Его седая грива развевалась на ветру, золотые глаза светились в наступающей тьме зловещим блеском, в них читалась плохо скрываемая ненависть. Рядом стоял наследник трона Тордин; в пурпуре заката острие его копья казалось смоченным кровью. Вокруг ждали вельможи всего Сканга, маркграфы Сконтара и других планет, поблескивали шлемы и кирасы лейб-гвардии. Лица находились в тени, но от фигур исходили враждебность и угроза.

Скорроган подошел к Валтаму, взмахнул в знак приветствия копьем и наклонил голову. Настала тишина, только ветер поддывал и нес снежные облака.

Наконец Валтам заговорил. Он обошелся без вступительных приветствий, и слова его прозвучали словно пощечина.

— Значит, ты вернулся, — сказал он.

— Да, господин мой. — Скорроган силился совладать с голосом. Это получалось у него с трудом. Он не боялся смерти, но тяжесть осуждения болезненно давила.

— Как уже известно, и я должен с сожалением донести, миссия моя не имела никакого успеха.

— Известно, — холодно повторил Валтам. — Мы видели телерепортаж.

— Государь мой, Кундалоа получит от соляриан неограниченную помощь. Но Сконтару отказано во всем. Никаких кредитов, никаких технических советников, туристов, торговли — ничего.

— Нам это ясно, — сказал Тордин. — Ты и был послан, чтобы помощь эту получить.

— Я пробовал, господин мой, — безразлично ответил Скорроган. Он говорил, поскольку надо было что-то сказать, но извиниться? Нет! Соляриане испытывают к нам инстинктивную неприязнь; отчасти потому, что питают слабость к Кундалоа, а отчасти из-за того, что мы так сильно отличаемся от них.

— Отличаемся, — раздраженно признал Валтам, — но раньше это не имело особого значения. А сейчас даже мингониане, которые еще меньше похожи на людей, получили от соляриан неограниченную помощь. Такую же, какую получают вскоре на Кундалоа и на которую мы рассчитывали. Мы стремимся, — продолжал он, — к наилучшим отношениям с сильнейшей культурой Галактики. Мы могли бы добиться этого и даже гораздо большего. Мне известно, какое настроение царило в Объединенных Республиках. Они были готовы прийти к нам с помощью, прояви мы хоть немного доброй воли к сотрудничеству... — Его голос сломался и замер в посвистах ветра.

Через минуту он заговорил снова, голос его дрожал от бешенства.

— Я послал тебя, моего личного представителя, чтобы ты получил столь великодушно жертвуемую помощь. Я верил тебе, я был уверен, что ты отдаешь себе отчет в бедственности нашего положения... Тьфу!.. — Он с отвращением сплюнул. — А ты все время вел себя нагло, бесцеремонно, грубо. В глазах всех соляриан ты оказался воплощением тех черт, которые они в нас ненавидят. Ничего странного, что нам отказали. Счастье, что не объявили войны!

— Еще не поздно, — сказал Тордин. — Мы можем послать другого...

— Нет. — Валтам вздернул голову с гордостью и высокомерием, свойственным расе, для которой в делах честь была важнее жизни. — Скорроган был нашим полномочным послом. Унижаться перед всей Галактикой, оправдываясь невоспитанностью посла, мы не будем. Нам придется обойтись без соляриан.

Снег пошел гуще, облака закрыли почти все небо. В одном только месте блесло несколько звезд. Мороз становился лютым.

— Такова цена чести! — печально сказал Валтам. — Сконтар голодает, и солярианские продукты могли бы вернуть нас к жизни. Мы ходим в лохмотьях — соляриане прислали бы одежду. Наши заводы или уничтожены, или устарели. Наша молодежь вырастает совершенно не знакомой с галактической цивилизацией и техноло-

гией — соляриане прислали бы нам оборудование и инструкторов, помогли бы в освоении. Они бы прислали нам учителей, перед нами распахнулся бы путь к величию... Но теперь поздно. — Он уперся в Скоррогана взглядом, полным удивления, печали, растерянности. — Зачем ты это сделал? Зачем?

— Я сделал все, что мог, — сухо ответил Скорроган. — Если я не годился для этой миссии, надо было отправить кого-нибудь другого.

— Ты подходил, — сказал Валтам. — Ты был лучшим нашим дипломатом. Твой опыт, твое понимание внесконтарианской психологии, твой выдающийся ум делали тебя незаменимым во внешних отношениях. И вдруг, в таком простом, очевидном деле... Но довольно об этом! — Голос его перекрыл рев метели. — Нет более моих милостей на тебя! Сконтар будет уведомлен о твоей измене!

— Милостивый государь, — простонал Скорроган ломающимся голосом. — Я снес твои слова, за которые любой другой заплатил бы поединком и смертью. Но не вели мне слушать дальше. Позволь мне уйти.

— Я не могу лишить тебя твоих родовых привилегий и титулов, — изрек Валтам. — Но роль твоя в имперском совете завершена, и не смей отныне показываться ни во дворце, ни на официальных церемониях. И я сомневаюсь, что теперь у тебя будет много друзей.

— Возможно, — ответил Скорроган. — Я сделал все, что было в моих силах, но теперь, после всех нанесенных оскорблений, я не стану ничего объяснять, хотя бы и мог попытаться. Что же касается будущего Сконтара, то я бы мог посоветовать...

— Довольно, — заявил Валтам. — Ты уже причинил достаточно вреда.

— ...обратить внимание на три вещи. — Скорроган вознес копье в направлении далеких сияющих звезд. — Во-первых, помните об этих солнцах. Во-вторых, о том, что делается здесь, у нас, например о трудах Дирина в семантике. И, наконец, оглянитесь вокруг. Посмотрите на дома, построенные вашими отцами, на одежду, которую вы носите, вслушайтесь в собственный язык. И через пятьдесят лет вы придете ко мне... придете просить прощения!

Скорроган закутался в плащ, поклонился Валтаму и большими шагами направился через поле к городу. Вслед ему смотрели с горечью и недоумением в глазах.

В городе царил голод: следы его читались всюду — в позах измученных и отчаявшихся, скучившихся вокруг костров и не уверенных в том, переживут ли они зиму. На мгновение Скорроган задумался: сколько же из них умрет? Но он не нашел в себе мужества задумать эту мысль до конца.

Он услышал чье-то пение и задержался. Бродячий бард, из города в город идущий в поисках подаяния, медленно шел по улице, и его истлевший плащ лохмотьями развеивался по ветру. Иссохшимися пальцами он касался струн и голосом выводил старинную балладу, в

которой заключена была вся жесткая мелодичность, весь звучный, железный звон древнего языка, языка Наарайму на Сконтаре. Невеселого развлечения ради Скорроган мысленно перевел две строфы на земной:

Крылатые птицы войны
В диком полете
Будят мертвую зиму
Жаждой морского пути.
Милая моя, пришло мое время,
Пой о цветах,
Чудеснейшая, когда прощаемся.
Не болей, любимая моя.

Ничего близкого. Исчез не только металлический ритм резких, твердых звуков, не только стерлась связь рифм и аллитерации, но, что еще хуже, в переводе на земной это оказалось почти бессмыслицей. Не хватало аналогий. Как можно, например, передать полное бесчисленных оттенков значения слово «винкарсраавин» выражением «прощаемся»? Слишком разнятся для этого образы мышления.

Может быть, именно здесь крылся смысл отповеди, данной им высочайшим вождям. Но они не поймут все равно. Не смогут понять. И он остался теперь один перед лицом надвигающейся зимы.

Валка Вахино сидел в своем саду, купаясь в потоке солнечных лучей. Теперь ему редко выпадала возможность для алиакауи — какой бы тут подобрать земной термин? «Сиеста»? Не совсем точно. Кундалоанец отдыхал, но никогда не спал после полудня. Он сидел или лежал во дворе, и солнце проникало в глубь его тела или омывал его теплый дождь. Он позволял мыслям течь свободно. Соляриане называли это сном наяву. Но на самом деле в земных языках не нашлось бы точного слова, чтобы выразить... что? Что соляриане в любом случае не в состоянии были понять...

Временами Вахино казалось, что он уже давным-давно, много веков, не отдыхал. Тяжелые обязанности военной поры, потом изматывающие путешествия на Землю... Теперь же Великий Дом нарек его Верховным Советником в представлении, будто он понимает соляриан лучше, чем кто-либо в Лидзе.

Возможно. Он много времени провел среди них, любил их. Но... Ради всего святого: как они работают! Словно постоянно боятся опоздать! Можно подумать, что они одержимы злыми демонами.

Конечно, промышленность нужно восстанавливать, нужно реформировать устаревшие методы, иначе никак не получишь столь желанные богатства. Но, с другой стороны, какое это блаженство лежать в саду, смотреть на крупные золотистые цветы, вдыхать

воздух, полный несказанного аромата, слушать пение насекомых и размышлять над новым стихом, который складывается в голове!.. Солярианам трудно понять народ, в котором каждый — поэт. Ведь даже самый глупый и необразованный кундалоанец мог, вытянувшись на солнце, слагать поэмы. Что ж, у каждого народа свои способности. Разве можно сравниться с изобретательским гением людей?

В голове Вахино рождались звучные и напевные фразы. Он подбирал их, отшлифовывал, отработывал каждый звук, с растущим удовлетворением komponуя единое целое. Да, так будет хорошо. Это запомнится, это будут петь и через сто лет. Валка Вахино не будет забыт. Кто знает, не назовут ли его мастером стихосложения — Алиа Амаути каунарихо, валапа, вро!

— Простите за беспокойство! — Тупой металлический голос, казалось, заскрежетал прямо в мозг. Нежная ткань поэзии распалась и унеслась в мрачные бездны беспамятства. Несколько мгновений Вахино не ощущал ничего, кроме невосполнимой утраты.

— Еще раз простите, но вас хочет видеть мистер Ломбард. — Звук исходил от робота-посыльного, подарка самого Ломбарда. Вахино уже давно раздражало это устройство из блестящего металла, установленное среди старых камней и скульптур. Но он боялся нанести обиду, да и штукавина оказывалась иногда полезной.

Ломбард, шеф солярианской комиссии помощи, был самым важным человеком во всей системе Аваики. И Вахино оценил его деликатность: вместо того, чтобы послать за ним, он явился сам. Только почему именно сейчас?

— Скажи мистеру Ломбарду, что я сейчас приму его.

Сперва ему надо было что-то накинуть на себя: в противоположность кундалоанцам, люди не переносили наготы. Потом он вошел в зал. Приказал установить там несколько кресел земного образца — люди не любят сидеть на плетеных матах... Еще одна причуда!

Землянин был невысоким, коренастым, с шапкой седых волос над плоским лицом. Собственным трудом он выбился из рабочих в инженеры, а затем в руководители миссии, и усилия эти оставили свои следы. За любую работу он брался с энтузиазмом и тверд был, как сталь, хотя в общении слыл простым. Обладая поразительно разносторонними интересами, по общему мнению, в системе Аваики Ломбард творил просто чудеса.

— Мир дому твоему, — буркнул гость. И видя, что Вахино делает знаки слугам, поспешно добавил: — Только без этих ваших ритуалов! Мне они очень нравятся, но сейчас я просто не могу три часа сидеть за столом и беседовать о поэзии, прежде чем перейти к делу. Я, собственно, давно хотел, чтобы вы объяснили всем, что с этим пора кончать.

— Но это наш древнейший обычай...

— Вот именно: старый, устарелый — замедляет прогресс. У меня в мыслях нет ничего плохого, мистер Вахино, я хотел бы, чтобы и у

нас были такие прекрасные обычаи. Но не во время рабочего дня. Я вас очень об этом прошу.

— Конечно, вы правы. Это попросту не подходит к современной модели промышленной цивилизации. А ведь именно к ней мы идем. — Вахино уселся в кресле и предложил гостю сигареты. Курение было отличительной чертой соляриан, и очень заразительной. Вахино и сам закурил с радостью неофита.

— Да, в том-то и дело. Именно за этим я и пришел, мистер Вахино. У меня нет никаких определенных жалоб. Но накопилось множество мелких проблем, с которыми только вы сами можете справиться. Мы, соляриане, не хотим и не можем вмешиваться в ваши внутренние дела. Но кое-что придется изменить, иначе мы просто не сможем вам помочь.

Вахино понял. Он давно ждал этого разговора и теперь с печалью подумал, что надеяться больше не на что. Он затаился, выпустил клуб дыма и в вежливом вопросе поднял брови вверх. И тут же вспомнил, что мимика лица не является для соляриан средством общения. Он сказал громко:

— Прошу вас, скажите мне, что лежит у вас на сердце. Я понимаю, что в ваших словах нет неуважения, и готов внимать вам.

— Ладно! — Ломбард наклонился в его сторону, нервно сжимая и разжимая большие натруженные руки. — Соль в том, что ваша культура, ваша психика не подходят к современной цивилизации. Это можно изменить, но изменение должно быть радикальным. Чтобы провести его, вы должны издать соответствующие постановления, организовать рекламную компанию, изменить систему образования и так далее. Без этого мы не строимся с места.

— Возьмем, например, сиесту, — продолжал он. — В эту минуту на всей территории, где сейчас полдень, ни одно колесо не крутится, ни одна машина не двигается, никто не работает. Все валяются на солнце, бормочут стихи, напевают песенки или попросту дремлют. Так нельзя, Вахино, если мы хотим создать настоящую цивилизацию! Плантации, шахты, фабрики, города! Мы просто ничего не добьемся при четырехчасовом рабочем дне!

— Это верно. Но, может быть, у нас попросту нет энергии вашей расы? У вас, например, очень высокая активность щитовидной железы...

— Это дело привычки. Надо лишь научиться. Вовсе не требуется работать сверх сил. Для того, собственно, мы и механизмируем вашу культуру, чтобы освободить вас от физических усилий и зависимости от капризов природы. Но машинной цивилизации не ужиться с таким множеством верований, обрядов и традиций, как у вас. На это просто нет времени. Жизнь слишком коротка, чтобы делать ее нелогичной. А вы все еще слишком напоминаете сконтариан, которые никак не могут расстаться со своими допотопными копьями.

— Традиции придают жизни ценность, наделяют ее смыслом...

— Технологическая культура создает собственные традиции. Со

временем вы в этом убедитесь. Она создает собственный смысл, и думаю, что это — смысл грядущего. Если придерживаться устарелых обычаев, то никогда не догонишь истории. Ваша денежная система...

— Она очень практична.

— На свой лад. Но как вы сможете торговать с Землей, опираясь на серебряные монеты, когда солярианские деньги абстрактны? Вы будете вынуждены перейти на нашу систему и также ввести безналичные деньги. То же самое с вашей системой весов и мер, если вы хотите пользоваться нашими машинами и общаться с нашими учеными. Короче говоря, вам придется перенять от нас все. ...Да, хотя бы ваши социальные понятия, — добавил Ломбард через минуту. — Ничего странного, что вы не можете освоить планеты вашей собственной системы, раз каждый из вас мечтает быть похороненным там, где был рожден. Это прекрасное чувство — и только лишь. Вам придется избавиться от него, если вы собираетесь когда-либо достичь звезд. — Даже ваша религия, — продолжал он с некоторым смущением, — простите меня, но ведь в самом деле... в ней встречаются понятия, которые современная наука категорически отвергает.

— Я — агностик, — спокойно ответил Вахино. — Но для многих религия Мауироа еще весьма жива.

— Если бы Великий Дом позволил нам прислать миссионеров, мы смогли бы обратить всех, скажем, в неопантеизм. Мне кажется, это значительно более прогрессивно и намного более научно, чем ваша мифология. Если вашему обществу так уж необходимо во что-то верить, пусть уж это будет религия, соответствующая фактам, которые современная технология вскоре и для вас сделает очевидными.

— Возможно. Я также допускаю, что наш семейный уклад слишком консервативен и старомоден на фоне современной организации общества... Да, тут требуются коренные перемены, а не обычная модернизация.

— Именно, — подхватил Ломбард. — Речь идет о полной перестройке образа мышления. Впрочем, со временем вы этого достигнете. После посещения экспедиции Аллана вы научились строить ядерные фабрики и космические корабли. Сейчас я вам предлагаю лишь ускорить этот процесс.

— А язык?

— Я не хочу быть обвиненным в шовинизме, но думаю, что всем кундалоанцам следовало бы выучить солярианский. Рано или поздно он станет вам необходим. Все ваши ученые и техники должны бегло им владеть. Языки лауи, муара и прочие — очаровательны, но они совершенно не подходят для оперирования научными терминами. Сама их многозначность... честно говоря, ваши философские труды звучат для меня поразительно расплывчато. Они слишком метафоричны. Вашему языку не хватает точности.

— Всегда считалось, — печально заметил Вахино, — что Арак-лес и Вранамаум являются образцом кристальной ясности мысли. И

я должен признать, что для меня, в свою очередь, ваши Кант, или Рассел, или даже Корибский, не всегда доступны. Понятно, у меня в этом нет достаточной практики... Наверное, вы правы. Младшее поколение наверняка признает это за вами. Я изложу проблему перед Великим Домом, — решил он. — И, может быть, уже сейчас удастся что-то сделать. В любом случае вам не придется ждать долго. Вся наша молодежь только и мечтает стать такой, какой вы хотите ее видеть. Это гарантия успеха.

— Да, — согласился Ломбард. Чуть погодя он мягко добавил: — Я бы предпочел, чтобы успех не давался столь высокой ценой. Но достаточно посмотреть на Сконтар, чтобы понять, до какой степени это необходимо.

— О, Сконтар! За последние три года они достигли больших успехов. Пережили такую разруху, но теперь не только полностью восстановили экономику, но и организовали звездную экспедицию. — Вахино расплылся в улыбке. — Я не испытываю любви к нашим давним врагам, но не могу не восхищаться ими.

— Они трудолюбивы, — согласился Ломбард. — И это все, ничего больше. Устаревшая техника для них — камень на шее. Общая продукция Кундалоа уже сейчас в три раза выше. Их звездные колонии — всего лишь отчаянный жест нескольких сотен. Сконтар может выжить, но он всегда будет силой не более чем десятого сорта. Подождите немного, и он станет вашим сателлитом.

— И не потому, — продолжал Ломбард, — что им не хватит природных ресурсов. Дело в том, что, отстранив нашу помощь — а именно так и произошло, — они сами изолировали себя от магистрали развития галактической цивилизации. Ведь они только сейчас приняли за решение научных проблем и пытаются создать аппаратуру, которой мы пользуемся уже сотни лет. Они совершают такие ошибки, что следовало бы смеяться, не будь это столь печально. Их язык, так же как и ваш, не пригоден для научной мысли, и они точно так же скованы традициями. Я видел, например, их космические корабли, которые они строят по собственным проектам, вместо того чтобы копировать наши модели... это просто гротески. Сто вариантов опробовав, они наконец-то наткнулись на след, по которому мы идем издавна. Корабли у них шарообразные, овальные, кубические... я даже слышал, что кто-то там проектирует четырехмерный корабль!

— В принципе, это возможно, — пробормотал Вахино. — Геометрия Римана, на которой основаны межзвездные перемещения, допускает...

— Исключено! Земляне уже давно пытались, но ничего не получилось. И теперь только чудак, а ученые Сконтара в своей самоизоляции делают именно чужаками, способен так мыслить. Нам, людям, посчастливилось, вот и все. Но и мы потеряли немало времени, прежде чем выработали образ мышления, подходящий для технологической цивилизации. И потом мы достигли звезд. Другие

тоже могут это сделать, но сперва им нужно сформировать соответствующую культуру, соответствующее мышление. Без нашего руководства ни Сконтар, ни любая другая цивилизация не добьется этого на протяжении еще долгих веков.

— Кстати, — продолжал Ломбард, шаря по карманам, — я только что получил один из сконтарианских философских журналов. Как вы знаете, кое-какие контакты все же поддерживаются, официально отношения разорваны не были. Но довольно об этом. Интересно, что один из их философов, Дирин, который работает над общей семантикой, не так давно произвел сенсацию... — Ломбард наконец-то нашел журнал. — Вы читаете по-сконтариански, правда?

— Да, — сказал Вахино. — Во время войны я работал в разведке. Покажите-ка... — Он нашел упомянутую статью и начал переводить вслух: — В предыдущих работах автор указал, что принцип обескоренения не является сам по себе универсальным, но должен быть подвергнут определенным психоматематическим операциям с учетом брэгонарического — этого я не понял — поля, которое в соединении с электронными атомоволнами...

— Ну, что за абракадабра?

— Понятия не имею, — рассеянно ответил Вахино. — Сконтарианский образ мыслей чужд мне так же, как и вам.

— Просто какое-то словоблудие, — сказал Ломбард. — С традиционным сконтарским «угадай-догадайся» в придачу! — Он швырнул журнал в небольшую бронзовую печь, и огонь мгновенно охватил тонкие страницы. — Каждый, кто имеет хоть минимум понятия об общей семантике, подтвердит, что это бред! Раса чудаков!

Ломбард улыбнулся презрительно, кивнул утверждающе, но он был искренен не до конца, и это понимали оба — он сам и кундалоанец.

— Я хочу, чтобы ты нашел для меня пару часов завтра утром, — сказал Скорроган.

— Постараюсь, — Тордин XI, Валтам Империи Сконтар, кивнул поседевшей головой. — Хотя я предпочел бы на следующей неделе.

— Утром! Очень тебя прошу!

— Хорошо, — согласился Тордин. — А в чем дело?

— Хочу совершить с тобой небольшую прогулку на Кундалоа.

— Почему именно туда? И почему именно утром?

— Объясню, когда встретимся. — Скорроган наклонил голову, покрытую еще густой, но уже белой как молоко гривой, и выключил свой экран.

Тордин снисходительно улыбнулся. Скорроган был известен своими причудами. «Нам, старикам, следует держаться вместе, — подумал он. — Уже два поколения выросли и наступают нам на пятки».

Более тридцати лет вынужденного отшельничества, безусловно, не могли не изменить некогда столь уверенного в себе Скоррогана. Но он не согнулся. Когда постепенное восстановление Сконтара

начало приносить такие неожиданные результаты, что о его неудачной миссии позабыли, круг друзей постепенно восстановился, и хотя он по-прежнему жил в одиночестве, его перестали приветствовать косыми взглядами. А Тордин убедился, что давняя их приязнь все так же жива, и часто навещал Краакааум или же приглашал Скоррогана во дворец. Он даже предлагал старому аристократу место в Верховном Совете, но тот отказался и еще десять лет — а может, все двадцать? — отстаивал совсем по-детски княжескую честь. И лишь теперь он в первый раз обратился с просьбой... «Да, — думал Тордин, — я полечу с ним утром. Бог с ней, с работой! Монархам тоже время от времени полагается отпуск».

Он поднялся с кресла и, прихрамывая, направился к окну. Ревматизм не давал о себе забыть — несмотря даже на новый гормональный метод лечения. Правда, курс еще не был закончен. При виде засыпанной снегом долины его охватила дрожь. Зима снова была близко.

Геологи утверждают, что Сконтар вступает в новый ледниковый период. Но этому не бывать! Лет через десять инженеры-климатологи отработают свою технику, и ледники вернутся на дальний север.

А в южном полушарии сейчас лето, поля зеленеют, дым от деревенских домиков плывет к теплему голубому небу. Кто там возглавляет научную группу?.. Ах да, Азогайр, сын Хаастингса. Благодаря его работам по генетике и агрономии независимые крестьяне полностью обеспечивают продовольствием новую цивилизацию. Древнее сословие свободных землепашцев, оплот Сконтара на протяжении всей истории, не только не вымерло, но и до сих пор незаменимо. Зато кое-что изменилось до неузнаваемости. Тордин печально улыбнулся при мысли о преобразованиях, которым за последние пятьдесят лет подвергалась Валтамарция.

Сконтар теперь уже только по названию являлся Империей. Был разрешен парадокс сочетания либерального государства с невыборным, но надежно функционирующим правительством. Каждое новое знание ускоряло процесс изменений, и на протяжении жизни всего лишь двух поколений ложились столетия развития. Однако странно: естественные науки развиваются стремительно, а искусство, музыка и литература почти не изменились; общество по-прежнему говорит на старинном наараймском языке...

Тордин прервал размышления и вернулся к столу. Работы хватало. Например, дело о колонии на планете Аэрик! В межзвездной сети нескольких сотен быстро развивающихся поселений неизбежны конфликты. Но все это мелочи по сравнению с тем, что Империя наконец прочно стала на ноги.

Сконтар далеко вперед ушел от того, пятидесятилетней давности, дня печали, от последовавшей за ним эпохи голода, нищеты и болезней. Тордин подумал, что даже он сам не очень ясно представляет, какой долгой была эта дорога. Он взял микролектор и принялся проглядывать страницы. Он не владел новым методом с той

свободой, как молодые, обученные ему от рождения. Тем не менее арризировал он умело, легко интегрировал в подсознании и индолировал любую вероятность. Теперь он просто не мог понять, как это он раньше принимал решения, опираясь на один лишь разум.

Тордин вышел из ворот одной из наружных башен замка Краакааум. Скорроган назначил встречу здесь, а не внутри замка, так как любил открывающийся отсюда пейзаж: «Действительно красиво! — подумал Валтам. — Даже голова кружится от вида бурых облаков внизу и торчащих из них льдистых вершин». Над ними возносились старинные укрепления, а еще выше черные склоны Краакара, от которого и пошло название горного гнезда. Ветер пронзительно стонал и швырялся сухим снегом.

Стража приветственно взмахнула копьями. Иного оружия у них не было, лучеметы на стенах замка представлялись излишеством. Да оружия и не требовалось в сердце державы, мощью уступающей разве что соларианам. Скорроган ждал.

Пятьдесят лет почти не согнули его спину, не лишили глаза яростного блеска. Однако сегодня Тордин заметил в облике старика признаки глубоко скрытого напряженного ожидания. Словно бы он видел конец пути.

Скорроган выполнил приветственные жесты и пригласил друга внутрь.

— Нет, благодарю, — возразил Тордин, — я в самом деле занят. Я предпочел бы лететь немедленно.

Князь ответствовал ритуальной формой сожаления, но видно было, что он сам дрожит от нетерпения и с трудом бы перенес часовую беседу в замке.

— В таком случае идем, — сказал он. — Мой корабль готов.

Небольшой робокорабль со странными обводами, типичными для четырехмерных звездолетов, был припаркован позади замка. Они вошли и заняли места в самом центре, где аппаратура не мешала обзору.

— А теперь, — сказал Тордин, — может, ты мне скажешь, почему именно сегодня тебе вздумалось лететь на Кундалоа.

Скорроган посмотрел на него, во взгляде ожила древняя затаенная обида.

— Сегодня, — неторопливо ответил он, — исполнилось ровно пятьдесят лет с того дня, когда я вернулся с Земли.

— Ах так? — удивился Тордин, и ему сделалось не по себе. Неужели старый чужак решил вспомнить старые счеты?

— Может, ты и забыл, — продолжал Скорроган, — но девагарируй подсознание, и увидишь. Я заявил тогда вождям, что пройдет пятьдесят лет, и они придут ко мне просить прощения.

— И теперь тебе хочется отомстить? — Тордин не был удивлен, но и причин для извинения не видел.

— Да, — ответил Скорроган. — Тогда я не мог этого объяснить. Никто не стал бы меня слушать, да и сам я не был до конца уверен,

что поступил правильно. — Он усмехнулся и сухими ладонями взялся за пульт управления.

— Теперь же эта уверенность у меня есть. Время доказало мою правоту. И я получу все то, чего был лишен, продемонстрировав тебе сегодня, что давняя моя миссия увенчалась полным успехом. Тебе следует знать, что я тогда совершенно намеренно озлоблял соляриан.

Он нажал кнопку запуска главного двигателя, и, преодолев половину светового года, они увидели огромный голубой шар Кундалоа, поблескивающий мягким светом на фоне звезд.

Тордин сидел спокойно, пока эта необычная исповедь постепенно проникала в его сознание. Первым его побуждением было признаться, что он всегда подсознательно ожидал чего-то подобного. В глубине души он никогда не верил, что Скорроган столь невоспитан. И однако?.. Нет, он не был изменником. Но непонятно, чего он добивался?

— После войны ты редко бывал на Кундалоа, так ведь? — спросил Скорроган.

— Да, всего три раза и очень недолго. Планета изобилия, соляриане помогли им встать на ноги.

— Изобилие... да, у них изобилие. — На лице Скоррогана появилась усмешка, однако печальная и больше напоминающая гримасу.

— Ожирели до невозможности! Этот их рационализм прямо раздувает всю систему вместе с тремя звездными колониями.

Гневным движением он потянул штурвал ручного пилотажа, и корабль накренился.

Они опустили на краю гигантского космопорта в Кундалоа-Сити, и ангарные роботы немедленно принялись укутывать машину в защитный силовой кокон.

— Что теперь? — шепотом спросил Тордин. Его охватил внезапный, необъяснимый страх, неясное предчувствие, что то, что он увидит, ему не понравится.

— Прогуляемся по столице, — сказал Скорроган, — и, может быть, сделаем пару поездок по планете. Я хочу появиться здесь неофициально, инкогнито. Это единственный способ увидеть действительную повседневную жизнь, которая куда показательнее, чем любая статистика и экономические данные. Я хочу показать тебе, от чего я спас Сконтар. Тордин! — воскликнул он с болезненной улыбкой. — Я всю жизнь отдал своей планете. Во всяком случае пятьдесят лет жизни.. Пятьдесят лет бесчестия и одиночества.

Они миновали ворота и углубились в закоулки из бетона и стали. Всюду царило безудержное движение, лихорадочный пульс солярианской цивилизации. В толпе значительную часть составляли люди, прибывшие на Аваики по делам или же развлечения ради. Впрочем, кундалоанцев не всегда можно было от них отличить: две расы очень похожи, а кроме того, и те и другие были одеты по-соляриански...

Тордин с недоумением покачал головой, прислушиваясь к разговорам.

— Не понимаю! — прокричал он Скоррогану, пытаясь пробиться сквозь звуковой фон. — Я же знаю кундалоанские языки. Лауи, муара, но...

— Ничего странного, — ответил Скорроган. — Тут почти все говорят по-соляриански. Местные языки быстро вымирают.

Толстый солярианин в ярком спортивном костюме кричал местному торговцу, стоящему у двери в магазинчик:

— Эй, бой! Дать тут на память, хоп-хоп...

— «Сто слов по-кундалоански», — скривился Скорроган. — Правда, это скоро кончится, местная молодежь с детства учится языку по-настоящему. Но туристы неисправимы.

Он содрогнулся и невольно потянулся за пистолетом.

Но времена переменялись. Теперь не разрезали пополам кого-либо только за то, что он вызывал антипатию. Даже на Сконтаре это вышло из моды.

Турист повернулся и наткнулся на них.

— Простите! — выкрикнул он, демонстрируя вежливость. — Я был так невнимателен.

— Ничего, — пожал плечами Скорроган.

Солярианин перешел теперь на твердо выговариваемый наараймский:

— Мне и в самом деле очень жаль. Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

— Нет, к сожалению, — ответил Скорроган и слегка скривился.

— Ну и планета! Отсталая, как... как Плутон. Еду отсюда на Сконтар. Надеюсь, мне там удастся проверить пару делишек... Вы, сконтариане, в этом понимаете.

Скорроган фыркнул с отвращением и отшатнулся, таща Тордина за собой. Они отошли уже далеко, когда Валтам спросил:

— Куда подевались твои хорошие манеры? Ведь он хотел проявить к нам приязнь. Ты разве питаешь к людям ненависть?

— Мне нравятся люди, — ответил Скорроган, — но не нравятся туристы. Возблагодарим судьбу, что этот сорт людей редко показывается на Сконтаре. Их предприниматели, инженеры, ученые — очень милы. Я искренне рад, что благодаря улучшению отношений люди станут чаще у нас появляться. Но — долой туристов!

— Почему?

Скорроган резким движением указал на пылающие неоновые надписи:

ПОСЕЩАЙТЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ КУНДАЛОА!

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ДРЕВНИЕ ОБРЯДЫ ПЕРВОБЫТНЫХ КУЛЬТОВ МАУИРОА!

НЕВООБРАЗИМАЯ ЖИВОПИСНАЯ МАГИЯ ДРЕВНИХ ОБЫЧАЕВ!

НАВЕСТИТЕ СВЯТЫНЮ НАИВЫСШЕГО БОЖЕСТВА!

ЦЕНА ЗА БИЛЕТ СНИЖЕНА! ДЛЯ ЭКСКУРСИЙ ЛЬГОТЫ!

— Религия Мауироа раньше была Религией, — тихо заговорил Скорроган. — Это была изящная и утонченная вера. Хотя она и содержала ненаучные элементы, это-то можно было изменить. Теперь уже поздно. Большинство местных жителей — или неопантеисты, или атеисты, а древние обряды отправляются ради выгоды. Из них разыгрываются представления. — Он скривился. — Кундалоа сохранила старые красочные обряды, фольклор, народные песни... Но она осознала их зрелищность, и это куда хуже, чем если бы она их просто предала забвению.

— Я не совсем понимаю, чем ты так возмущен, — сказал Тордин. — Времена изменились. И на Сконтаре тоже.

— Да, но — иначе. Ты только оглянись! В Солнечной системе ты не был, но снимки должен был видеть. Так что можешь полюбоваться — типичный солярианский город. Немного провинциальный, возможно, но типичный. И во всей системе Аваики ты не найдешь города, который по духу своему не был бы... человеческим. Ты не найдешь, — продолжал он, — некогда процветавших искусства, литературы, музыки. Лишь точное копирование солярианских образцов или же бездарные подделки под традиционные каноны — фальшивая романтика прошлого. Ты не найдешь науки, которая не была бы слепком солярианской; других, не солярианских, машин; все меньше становится домов, отличающихся от стандартного человеческого жилья. Распались семейные связи, на которые опиралась местная культура, а супружеские отношения столь же мимолетны и случайны, как и на самой Земле. Исчезла древняя привычка к оседлости, почти нет племенных хозяйств. Молодежь тянется в город, чтобы заработать миллион абстрактных кредиток. Ведь даже пища теперь солярианского образца, а местные блюда можно получить только в немногих дорогих ресторанах.

— Нет более, — продолжал он, — вылепленной вручную посуды, нет тканей ручного производства. Все носят фабричное. Нет давних поэтов и бардов, впрочем, никто бы их и не слушал. Все торчат перед телевизорами. Нет больше философов араклейской или вранаумаумской школы, есть только в разной степени способные комментаторы Рассела и Корибского...

Скорроган замолчал. Тордин долго не отзывался, а потом задумчиво проговорил:

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Кундалоа сделала себя слепком Земли.

— Да. И это стало неизбежным с того мгновения, когда они приняли помощь соляриан. Они оказались вынужденными принять солярианскую науку, солярианскую экономику и, наконец, — всю солярианскую культуру. Это был единственный образец, понятный землянам, а именно они заправляли всей реконструкцией. Да, их культура давала весьма ощутимые результаты, и кундалоанцы

приняли ее с радостью, но теперь слишком поздно. Им уже не избавиться от этого. Да они и не захотят избавляться.

— Знаешь, — добавил он, — однажды так уже было. Я знаком с историей Солнечной системы и с историей Земли. Когда-то, еще до того, как люди достигли планет своей собственной системы, на Земле существовали различные культуры, очень непохожие. Но, в конце концов, одна из них добилась такого технологического могущества, что никто не смог с ней не то что соперничать, но и просто сосуществовать. Нужно было догонять, а для этого нужна была помощь, а помощь давалась лишь при условии следования образцу... И в результате исчезло все, что слегка даже отличалось от образца.

— И от этого ты хотел уберечь нас? — спросил Тордин. — Я понимаю твою точку зрения. Однако подумай, стоила ли духовная привязанность к древним традициям миллиона погибших и более чем девятилетия нищеты и бедствий.

— Это не только духовная привязанность, — убежденно заявил Скорроган. — Разве ты не видишь этого? Будущее — в науке. А разве солярианская наука является единственным возможным путем? Стоило ли для того, чтобы выжить, становиться чем-то вроде второсортных людей? Или же возможно было отыскать свой путь? Я считал, что возможно. Я считал, что это необходимо.

— Ни одна внесемная раса, — продолжал он, — никогда не станет настоящими людьми. Слишком различны основы психики, обмен веществ, инстинкты, формы мышления — все. Одна раса способна размышлять категориями другой, но в совершенстве — никогда. Ты же знаешь, как труден перевод с чужого языка. А любая мысль передается речью. Язык и речь — отражения основных форм мышления. Наиболее отработанная, верная и точная философия и наука одной расы никогда не будет в той же степени понятна другой. Потому что каждая делает на основе одной, пусть даже безусловной, реальности, хотя бы чуть-чуть, но разные обобщения.

— Я хотел, — тут голос его задрожал, — уберечь нас от превращения в духовный придаток соляриан. Сконтар был отсталой планетой, мы были вынуждены изменить свой образ жизни. Но зачем менять его на совершенно чуждую нам форму? Почему не пойти по своему пути, такому, какой наиболее согласуется с естественным путем нашего развития?

Он пожал плечами.

— Я сделал это, — спокойно закончил он. — Риск был страшным. Но удалось. Дирин развил семантику, мы построили четырехмерный корабль, создали психосимвологию... Обрати внимание: всем этим солярианские ученые пренебрегали. Но зато теперь мы преодолеваем всю Галактику за то же время, за которое их допотопные звездолетки успевают доползти от Солнца до Альфы Центавра. Да, за полстолетия соляриане реконструировали Кундалоа. Сконтар реконструировал себя сам. А ведь это огромная разница! Мы сохранили неуловимое: искусство, ремесла, обычаи, музыку, язык,

литературу, религию. То, что мы переживаем сегодня, достойно определения Золотого Века. Но лишь потому, что мы остались сами собой.

Он погрузился в молчание. Какое-то время Тордин тоже не произносил ни слова.

Они свернули на тихую боковую улочку старой части города. Большинство домов здесь строились в досолярианскую эпоху. Часто встречались люди в традиционных местных одеяниях. Группа земных туристов столпилась у гончарного круга. Их сопровождал гид.

— Так что? — спросил Скорроган.

— Сам не знаю. — Тордин задумчиво покачал головой. — Все это так неожиданно. Может, ты и прав. Может — нет. Мне надо подумать.

— Я думал пятьдесят лет, — сухо ответил Скорроган. — Могу, разумеется, подождать еще.

Они подошли к станку. Старый кундалоанец сидел перед ним посреди горок товара: цветасто раскрашенных кувшинов, чашек, мисок. Туземное производство.

— Присмотрись-ка, — попросил Тордина Скорроган. — Ты когда-нибудь видел старинные изделия? Это — ширпотреб, тысячами изготавливаемый для продажи туристам. Рисунок нарушен, выполнение безобразное. А ведь любая линия, любая черточка этих узоров некогда что-то обозначала.

Их взгляд упал на кувшин, стоящий рядом с гончарным кругом. И даже не склонный к восторгам Валтам вздрогнул от изумления. Кувшин словно пылал, он казался живым существом. В скупой совершенной простоте чистых линий, в удлинённых, плавных изгибах гончар как будто заключил всю свою любовь и тоску. «Этот кувшин, — почему-то подумал Тордин, — будет жить, когда меня уже не станет».

Скорроган свистнул:

— Настоящая старина! Древняя вещь! — сказал он. — Ему побольше сотни лет! Музейный предмет! Как он попал на эту баракхолку?

Столпившиеся земляне стояли несколько в стороне от гигантов-сконтариан, и Скорроган следил за выражением их лиц с невеселой радостью: научились нас уважать. Соляриане уже перестали ненавидеть Сконтар, считаются с ним. Присылают свою молодежь, чтобы изучала науку, языки и культуру. Кундалоа для них уже не в счет.

Тем временем какая-то женщина, перехватив его взгляд, увидела кувшин.

— Сколько? — потребовала она.

— Не продавать, — ответил кундалоанец. Он говорил напряженным шепотом и вытирал о себя разом вспотевшие ладони.

— Продавать, — женщина деланно улыбнулась старику. — Дать много деньги. Дать десять кредиток.

— Не продавать.

— Я дать сто кредиток. Продавать!

— Это моя. Семья иметь много лет. Не продавать.

— Продавать! — Женщина размахивала перед ним пачкой банкнот.

Старик прижал кувшин к впалой груди и смотрел черными повлажневшими глазами, в которых выступили недолгие слезы седого возраста.

— Не продавать. Иди. Не продавать самауи.

— Пойдем, — буркнул Тордин. Он схватил Скоррогана за плечо и сильно потянул за собой. — Пойдем отсюда. Возвращаемся на Сконтар.

— Уже?

— Да. Да. Ты был прав, Скорроган. Ты был прав, и я хочу публично извиниться пред тобой. Ты — наш спаситель. Но — вернемся домой.

Они заспешили в сторону космопорта. Тордину хотелось поскорее забыть глаза старого кундалоанца. Но он не был уверен, что это когда-нибудь ему удастся.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДНЫЙ ТОРГОВЕЦ

(Перевод Ю. Руфина)

УБЕЖИЩЕ. Повесть

5

ТЕРРИТОРИЯ. Повесть

40

РАЗГАДКА. Повесть

86

ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

(Перевод Ю. Руфина)

ТРЕУГОЛЬНОЕ КОЛЕСО. Повесть

118

НЕВИДИМОЕ СОЛНЦЕ. Повесть

158

ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ. Повесть

191

МИР САТАНЫ. Роман

(Перевод Ю. Руфина)

273

РУКА ПОМОЩИ. Рассказ

(Перевод Б. Александрова)

441

Редакторы В. Подбельский, А. Комаров
Художник П. Храмцов
Технический редактор Т. Луговская
Младший редактор М. Грушецкая
Корректор О. Поливанова

Сдано в набор 08.02.93. Подписано к печати 30.06.93. Формат 60 x 88 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. кр.-отт. 30,0. Усл. печ. л. 29,00. Уч.-изд. л. 33,24. Тираж 50 000 экз. Заказ 1780.

ПОО «Фабула», 117218 Москва, ул. Красикова, 27.

Московская типография № 7. Министерство печати и информации Российской Федерации. 103001 Москва, Трехпрудный пер., 9.

Серия «МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 г. Включает в себя
лучшие произведения
наиболее известных и популярных
писателей-фантастов США.

Пол АНДЕРСОН

